

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Материалы международной научной конференции
26–28 ноября 2013 года

УДК 81
ББК 81.2
С47

Редакционная коллегия сборника:

Декан филол. ф-та МГУ доктор филол. наук, проф. М.Л. Ремнёва,
директор Ин-та славяноведения РАН доктор истор. наук К.В. Никифоров,
доктор филол. наук, проф. Н.Е. Ананьева, кандидат филол. наук, доц. О.А. Ржанникова,
кандидат филол. наук, доц. Г.Е. Кедрова, ст. преп. Е.В. Тимонина,
доктор филол. наук, проф. О.В. Александрова, доктор филол. наук, проф. К.В. Лифанов,
доктор филол. наук, проф. Е.Н. Ковтун, доктор филол. наук, проф. А.Г. Шешкен,
доктор филол. наук, проф. В.Ф. Васильева, доктор филол. наук, проф. А.И. Изотов

Электронная версия (.pdf) данного сборника доступна на
<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/>

Славянские языки и литературы в синхронии и диа-
хронии: Материалы международной научной конференции /
Ред. колл. М.Л. Ремнёва, К.В. Никифоров, Н.Е. Ананьева,
О.А. Ржанникова, Г.Е. Кедрова, Е.В. Тимонина, О.В. Алексан-
дрова, К.В. Лифанов, Е.Н. Ковтун, А.Г., Шешкен, В.Ф. Василь-
ева, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 440 с.

ISBN 978-5-317-04611-8

Сборник содержит материалы, присланные на проводимую в Мо-
сковском государственном университете 26–28 ноября 2013 года одно-
именную международную научную конференцию.

Предназначается для филологов – студентов, преподавателей, на-
учных сотрудников.

УДК 81
ББК 81.2

ISBN 978-5-317-04611-8

© Авторы статей, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Д.В. Айдачич (Белград – Киев)</i> Фантастика и демоническое в славянских литературах	15
<i>Л.А. Алексеева (Бердянск)</i> Изучение выразительных возможностей языковых единиц на основе учебных текстов	17
<i>Н.Е. Ананьева (Москва)</i> Пути-дороги, стёжки-дорожки (номинации «дороги» в польском и русском языках)	19
<i>Н.А. Багаудинова (Москва)</i> Некоторые сведения из истории развития системы консонантизма в брянском и карачевском говорах (по данным местной деловой письменности первой половины XVII века)	23
<i>Е.В. Байдалова (Москва)</i> Фигура В.К. Винниченко в литературоведении и критике независимой Украины	25
<i>Г.С. Баранкова (Москва)</i> Вопросы славянской филологии в трудах профессора Московского государственного университета Г.А. Ильинского	26
<i>А.И. Баранов (Вильнюс)</i> Польская литература в Литве. Изучение: современное состояние и перспективы	28
<i>Е.Н. Бекасова (Оренбург), Л.М. Устюгова (Ужгород)</i> К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных лет»	30
<i>Е.Л. Березович (Екатеринбург), Е. Д. Бондаренко (Екатеринбург)</i> «Лексические недоразумения» в сюжетах фольклорных текстов (на русском и польском материале)	32
<i>А.Н. Бертякова (Москва)</i> О семантических особенностях предлога <i>между</i>	35
<i>В.С. Биляевская (Житомир)</i> Эйдос дороги в «Мемуарах из жизни» Евы Фелинской	37
<i>О.В. Блинова (Санкт-Петербург)</i> Стандартизация и упрощение (на примере категории одушевлённости/неодушевлённости в западнополесском письменном языке)	40
<i>Т.Н. Богоедова (Гомель)</i> Континуанты праслав. <i>*(v)qz-</i> / <i>*vęz-</i> в современной славянской гидронимии	42
<i>Ф.Е. Бойкова (Пловдив)</i> „История славянобългарска“ в образователния контекст	45
<i>Г.Ф. Бондаренко (Житомир)</i> Житомирская прозаическая школа: особенности художественного мира	46

<i>Н.В. Боронникова (Пермь), Е.В. Верижникова (Москва)</i> Фатические междометия в македонском языке	49
<i>М. Браксаторис (Москва)</i> Основная функция падежа имен существительных в отношении меры падежного синкретизма в праславянском, словацком и восточнославянских языках.....	51
<i>Е.А. Брызгунова (Москва)</i> Синтаксический аналитизм в русском языке и гипотеза о его происхождении	53
<i>Ж.Ж. Варбот (Москва)</i> Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии	53
<i>В.Ф. Васильева (Москва)</i> К вопросу о частеречной конверсии	56
<i>Г.М. Васильева (Новосибирск)</i> «Квартирно-героический эпос» и «квартирный вопрос»: к истории прототекста в романе М.А. Булгакова	59
<i>Д.Ю. Ващенко (Москва)</i> Функции предикатов внутреннего состояния в структуре поэтического текста (на материале современной словацкой лирики).....	62
<i>М.С. Ващенко (Москва)</i> Вклад славистов Московского университета в развитие российской кroatистики (О.М. Бодянский, А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов).....	64
<i>М. Велева (София)</i> За историзмите от руски произход в съвременния български език.....	66
<i>Е.М. Верещагин (Москва)</i> Переводческая деятельность первоучителей Кирилла и Мефодия в 863 г.: контрастивный анализ	69
<i>И.В. Вернер (Москва)</i> К истории кодификации категории притяжательности в русском и чешском литературных языках XVI-XVII вв.	69
<i>Е.Н. Виноградова (Москва), А.В. Ситарь (Донецк), В.Л. Чекалина (Москва)</i> Предложные единицы, включающие лексему «лицо», в русском, болгарском и украинском языках.....	72
<i>А. Вранеш (Белград)</i> Соприкосновение сербской и русской библиографии.....	74
<i>А.Л. Вусик (Бердянск)</i> Основные цели языковой политики: социолингвистический аспект	75
<i>Е.А. Галинская (Москва)</i> Проблема прогрессивной палатализации для *x в древненовгородском диалекте	77
<i>Г.Д. Гловели (Москва), А.Л. Семенова (Великий Новгород)</i> Фантастическая проза А. Богданова (А.А. Малиновского): художественная интерпретация научных открытий.....	80

<i>И.А. Горячева, И.А. Корнилаева (Москва)</i> Методика преподавания церковнославянского языка в русской школе	82
<i>М.М. Громова (Москва)</i> Диалектные особенности функционирования клитик в ниже-прелекийских говорах	84
<i>Ю.М. Гурска (Люблин), О.В. Трофимова (Тюмень)</i> Magiczny, bajkowy, baśniowy (магический, сказочный) в польской и русской языковой картине мира	87
<i>Й. Данчева (София)</i> Фразеологизмы-антропонимы как отражение ценностной системы болгар	89
<i>Б. Даскалова (София)</i> Лингвистичната прагматика в полето на методическите иновации. Представяне на учебно-методическия речник на български глаголи за рускоговорящи: 4000 самых важных болгарских глаголов	92
<i>М.Т. Димитрова (София)</i> Грамматические нормы болгарского литературного языка – соблюдение и нарушения (на материале СМИ)	93
<i>Л.П. Дронова (Томск)</i> История понятия «свободное время» в славянских языках	95
<i>О.В. Дрябина (Москва)</i> От «социальной» к «психологической»: русская фантастика писателей-«восьмидесятников»	96
<i>В.О. Еришов (Житомир)</i> Польская литература Правобережной Украины первой половины XIX века: между Варшавой и Петербургом	99
<i>И.В. Ефименко (Киев)</i> К этимологии названий некоторых плавсредств у славян	101
<i>В.С. Ефимова (Москва)</i> О новых методах исследования старославянского лексического инвентаря	104
<i>А.П. Загнітко (Донецк)</i> Функційна типологія слов'янських часток: основні моделі динаміки	107
<i>Е.И. Зайцева (Москва)</i> Иван Краско и европейские символисты (Э. Ади, Ш. Бодлер)	104
<i>В.А. Закревская (Тюмень)</i> Русская диалектная речь в аспекте функционирования видовременных глагольных форм (на материале архангельских говоров)	109
<i>Е.С. Зинченко (Москва)</i> Интернет-баннер как лингвосомиотический объект	113
<i>О.Н. Зубкова (Москва)</i> Особенности функционирования ойконимов в польской фразеологии	116
<i>Н.И. Зубов (Одесса)</i> Одесский рукописный список сербской редакции переводных комментариев Никиты Ираклийского к Словам Григория Богослова	118
<i>А.В. Иваненко (Киев)</i> К этимологии сл. * <i>кърати</i>	121

<i>А.А. Иванова (Москва)</i> К проблеме эволюции художественной образности (на примере подблюдных песен).....	124
<i>Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург)</i> Синтаксис болгарского языка: проблемы теории и методики преподавания.....	126
<i>А.И. Изотов (Москва)</i> Корпусная революция и переоценка языковой ситуации в Чехии.....	129
<i>А.И. Илиади (Кировоград)</i> Славяно-иранские словообразовательные параллели	132
<i>Т.А. Илиева (София)</i> Състояние и перспективи на съвременната българска историческа лексикография. тематичен речник на старобългарския език.....	136
<i>К. Илиевска (Скопье)</i> Проклиза на кратките заменски форми во киевскиот дамаскин (XVI в.)	140
<i>А.А. Индыченко (Москва)</i> О языке чешских грамот XV-первой половины XVI вв., происходящих с территории Западной Словакии, Малопольши и Силезии	142
<i>С.А. Кабанова (Саранск)</i> Глаголы, обозначающие состояние обморока и выхода из него, в сербском и русском языках	144
<i>В.В. Каверина (Москва)</i> Роман Федорович Брандт и реформа русской орфографии.....	146
<i>Л.Э. Калнынь (Москва)</i> О выявлении актуальных фонетических процессов в современных диалектах	149
<i>В.В. Калугин (Москва)</i> Глаголица в Книгах пророков (по спискам XV–XVI веков).....	151
<i>Р.А. Каримова (Уфа)</i> Дискурсивное представление совместной деятельности в проблемной ситуации	154
<i>Л.Б. Карпенко (Самара)</i> Славянская палеография: новые интерпретации азбучной проблемы	156
<i>О.П. Карпенко (Киев)</i> Восточнославянские префиксальные лексические диалектизмы с формантом л-	158
<i>З.И. Карцева (Москва)</i> Музыка в мотивной структуре прозы Эмилии Дворяновой.....	160
<i>Э. Кастнерова (Прага)</i> Российская прозаическая литература на рубеже 80-х и 90-х годов – рефлексия и классификация	161
<i>И.Б. Качинская (Москва)</i> Термины родства в архангельских говорах: духовное родство.....	162
<i>Д. Керкез (Белград)</i> Функционально-семантическая категория ожиданности/неожиданности и модальность (на материале русского и сербского языков).....	165
<i>А.А. Кибрик, Е.В. Сидорова (Москва)</i> Откуда есть пошло субъектное местоимение на Руси?	167

<i>Е.Ф. Киров (Москва)</i> Преобразование славянской азбуки в эпоху Кирилла	169
<i>М. Китанова (София)</i> Семантическое поле „род” в болгарском языке и культуре	171
<i>Е.Н. Ковтун (Москва)</i> Рациональная фантастика рубежа тысячелетий: российский и зарубежный опыт	173
<i>Р.М. Козлова (Гомель)</i> К генезису имён русско-византийских посольств (<i>Ингелдъ, Игельдъ</i>)	175
<i>Кр. Колева, Д-Д. Атанасова (Шумен)</i> Нови употреби на възвратни глаголи в съвременния български книжовен език – тенденция или ненормативност	178
<i>О.В. Коржовская (Житомир)</i> Формы выражения авторского сознания в «Хождении игумена Даниила»	179
<i>Е. Королёва (Даугавпилс), Е. Матейкович (Даугавпилс)</i> Словообразовательные наречные парадигмы лексем <i>гвалт, *ретунка</i> в говорах староверов Латгалии (к вопросу о польском влиянии)	181
<i>Б. Косанович (Нови Сад)</i> Тема самозванства у А.С. Пушкина и П.П. Негоша	184
<i>А.В. Косицкова (Тюмень)</i> История формирования категории оценки (на материале частно-деловых писем XVIII века)	186
<i>О.М. Косюк (Луцк)</i> Моделирование массовой коммуникации средствами художественной литературы	189
<i>М.Ю. Котова (Санкт-Петербург)</i> Идентификация чехов, поляков, русских и украинцев (на материале произведений Й. Шкворецкого, М. Левицкой, В. Каминера)	190
<i>М.Д. Кръстева (Пловдив)</i> Сравнение на структурните и съдържателните особености на преправките на „История славянобългарска“, съставени от монаха таксидиот Харитон Рилски в Змеево (1831) и в Чирпан (1831)	193
<i>В.В. Криворот (Минск)</i> Способы номинации транспортных средств в белорусском языке	195
<i>Ю.В. Кудрявцева (Москва)</i> Новая болгарская юридическая терминология в сфере уголовного права: причины и пути возникновения	197
<i>Е.А. Кузьминова (Москва)</i> «Грамматика беседословная» Ивана Иконника (1733 г.): лингводидактические поиски и находки	200
<i>В.Г. Кульпина (Москва)</i> Новые подходы к изучению класса местоимений в современной славистике	202
<i>З.О. Купчинська (Львів)</i> Стратиграфічний вимір ойконімної *-jъ- моделі України	205

<i>Т.Н. Курохтина (Москва)</i> Языковые тенденции интерференционных процессов в условиях контактирования украинского и русского языков	207
<i>Н.В. Кузнецова (Тюмень)</i> «Не фактически, а на самом деле»: о дискурсивном употреблении наречий и наречных выражений	210
<i>М.Л. Кулешова (Москва)</i> Специфика критериев пейоративности в словенском и сербском языках на материале названий лиц	211
<i>О.О. Леишкова (Москва)</i> Актуальные проблемы современной польской языковой нормы (по материалам интернет-портала (poradniajezykowa.pwn.pl)	213
<i>А.Г. Литвинович (Гродно)</i> Границы класса каузативных глаголов в русском и белорусском языках	216
<i>К.В. Лифанов (Москва)</i> Языковые особенности «Катехизиса» М. Лютера 1634 г.	218
<i>Н.А. Лунькова (Москва)</i> «Дикая утка между деревьями» Станислава Стратиева. Жанровая специфика	220
<i>Ма Сяоди (Москва)</i> Восприятие творчества В.Г. Распутина в Китае	222
<i>И.И. Макеева (Москва)</i> Южнославянская редакция сказаний о чудесах Николая Чудотворца	225
<i>И.К. Манучарян (Ереван)</i> К вопросу о некоторых особенностях славянского местоимения в синхронии и диахронии	227
<i>Б. Марич (Белград)</i> Verba dicendi в русском и сербском языках при передаче чужой речи	230
<i>А.Н. Матрусова (Москва)</i> Смысловые оппозиции в славянских языках: межъязыковая энантиосемия	231
<i>А. Г. Машкова (Москва)</i> Поэтика метатрилогии Станислава Ракуса	233
<i>Е.О. Мельник (Житомир)</i> Урбанистическое пространство русскоязычной мемуаристики Вольни первой половины XIX в.	234
<i>О.А. Мещерякова (Елец)</i> Польские поэты в переводах И.Бунина	236
<i>Е.А. Мишина (Москва)</i> Об особом употреблении форм имперфектов и причастий при отрицании в восточнославянских памятниках старшего периода	238
<i>В.М. Мойсієнко (Житомир)</i> Українсько-російські мовні контакти в період пізнього середньовіччя (XVI – XVII ст.)	241
<i>И.А. Морозов, О.Е. Фролова (Москва)</i> Живое и неживое в русской языковой картине мира	244
<i>А.М. Мурашова (Москва)</i> «Сердце Пармы» А. Иванова: фэнтези или исторический роман?	246

<i>В.В. Муцинская (Санкт-Петербург)</i> Немецкий период выдающегося украинского лингвиста Ю. Шевелева.....	248
<i>Г.М. Наенко (Киев)</i> Прагматика оценки в староукраинских научных текстах XVI-XVIII веков	249
<i>В.О. Нечаевский (Москва)</i> Варьирование лексических единиц в языке Полонии	251
<i>Г.П. Нецименко (Москва)</i> Динамика узуса публичной речевой культуры как проекция коммуникативной специфики современного социума	254
<i>Э. Ниами (Скопье)</i> Проблема транскрипции русских имён и названий в македонском языке.....	256
<i>Т.И. Никишина (Бердянск)</i> Лексические средства вербализации концепта СВОБОДА в политическом дискурсе Великобритании и Украины	258
<i>Н.В. Николенкова (Москва)</i> О характере орфографии церковнославянского перевода «Атласа Блау» (отражение разных изданий грамматики М. Смотрицкого).....	260
<i>Н. Николов (София)</i> Марин Дринов и неговата концепция за името на град София (по случай 175 години от рождението му)	263
<i>Н. Николов (Шумен)</i> Безлични изречения в старобългарския превод на огласителните слова на свети Кирил Йерусалимски	265
<i>А.С. Новикова (Москва)</i> К вопросу об истории создания евангельского текста Чудовской рукописи	268
<i>О.А. Остапчук (Москва – Берлин)</i> Полонизмы в украинском языке в XIX в.: статус и распространение	273
<i>О.П. Палий (Киев)</i> Постмодернизм в чешской литературе: к вопросу о периодизации.....	275
<i>М. Панаотович (Нови-Сад)</i> Творчество Леонида Андреева в восприятии сербского читателя.....	277
<i>Т.В. Пентковская (Москва)</i> Из истории развития сербской литургической традиции: сербские типиконы в лингвистическом аспекте	279
<i>Е.В. Петрова (Москва)</i> Лингвометодические аспекты концепта удачи в польском и русском языках	281
<i>Е.В. Петрухина (Москва)</i> Роль сопоставления славянских языков в исследовании грамматической системы русского языка (на материале категорий залога и вида).....	284
<i>Л. Писарек (Вроцлав)</i> Из истории лингвистической полонистики во Вроцлавском университете	287

<i>А.А. Плетнева (Москва)</i> Словарь современного церковнославянского языка: особые значения слов в гимнографических текстах и их словарная фиксация	289
<i>О.С. Плотникова (Москва)</i> Перформативы в словенском литературном языке XVI века	291
<i>В.А. Плохута (Москва)</i> Наречие в современном чешском языке в ракурсе переименования частей речи (на материале наречий и предлогов)	293
<i>С.Л. Попов (Харьков)</i> Перепрофилирование русского партитива в показатель количественной неопределенности	296
<i>Е.А. Попова (Острава)</i> Особенности морфологии глагола в говоре сел Знаменка (Богградский район, республика Хакасия) и Александровка (Краснотуранский район, Красноярский край)	298
<i>В.И. Пустовалова (Харьков)</i> Словосочетание <i>правила игры</i> в журналистских текстах: стандартный языковой оборот vs средство концептуальной метафоризации	300
<i>В.А. Разумовская (Красноярск)</i> «Сильные» тексты русской культуры как объекты межъязыкового и межсемиотического перевода	302
<i>О.А. Ржанникова, Е.В. Тимонина (Москва)</i> О некоторых грамматических проблемах при переводе с болгарского языка на русский	304
<i>Фр. Ромоли (Пиза)</i> Проект антологии древнерусских текстов с грамматическим комментарием и итальянским переводом для курсов Славянской филологии в итальянском университете	305
<i>Е.Н. Руденко (Минск)</i> Дефиниция диминутивов и аугментативов в свете их роли этнических маркеров	306
<i>С.А. Рылов (Нижний Новгород)</i> Специфическая направленность в преподавании чешского языка как инославянского в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского	309
<i>Ю.Ю. Саввина (Москва)</i> Способы словообразования фитонимов в елецких говорах	311
<i>Л.Я. Сапожникова (Харьков)</i> Міжмовні контакти як джерело збагачення системи лексичних найменувань в українській мові	316
<i>И.А. Седакова (Москва)</i> Аксиология <i>легкого</i> и <i>тяжелого</i> в славянских языках и культурах	321
<i>Е.И. Селиверстова (Санкт-Петербург)</i> Идиолект журналиста как отражение политики издания	318

<i>О.А. Сеничева (Бердянск)</i> Способы выражения эмоций стыда в современном русском языке	323
<i>Л.А. Сергеева (Уфа)</i> Славянская паремиология: аспекты контрастивного анализа	326
<i>А.М. Сердюк (Бердянск)</i> Концепт «Москва» в разные исторические эпохи (на материале произведений М. Булгакова и Е. Гришковца)	328
<i>Е.В. Сердюкова (Ростов-на-Дону)</i> Модели номинации праславянских названий растений	330
<i>И.Б. Серебряная (Казань)</i> Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800-1859) как критик русского языка	333
<i>М.Ю. Сидорова (Москва)</i> Глазами художника: точка зрения в романе М. Петросян «Дом, в котором»	335
<i>Н.А. Синица (Екатеринбург)</i> К изучению лексики, образованной от наименований священнослужителей, в русских, польских и украинских говорах	338
<i>А.В. Ситарь (Донецк)</i> Модели фразеологизированных предложений с комплексом <i>теж мені</i> в украинском языке	340
<i>Я.Ю. Скалкина (Москва)</i> Компьютерные жаргонизмы в болгарском и польском языках	342
<i>Е.Р. Сквайрс, Т.Ю. Тимошко (Москва)</i> Немецкие партнеры древнерусских городов: языковой аспект	345
<i>А.Н. Соболев (Санкт-Петербург)</i> Актуальные процессы в современных славянских диалектах Албании	348
<i>Г.И. Соболевская (Житомир)</i> Образ Киева в мемуаристических повестях Н.С. Лескова 1870–1880-х годов	348
<i>Н.Н. Старикова (Москва)</i> «Женское лицо» современной словенской прозы	350
<i>Е.В. Суровцева (Москва)</i> «Житие» Елеазара Анзерского и «Житие и страдания грешного Софрония» Софрония Врачанского: Опыт сопоставительного анализа	352
<i>Л.В. Табаченко (Ростов-на-Дону)</i> Причины исчезновения позиционных глаголов с пространственными приставками в истории русского языка	355
<i>С.З. Танасич (Белград)</i> Временно–причинная полисемантическая союзов <i>пошто, кад, чим и дбк</i> в современном сербском языке	358
<i>Е.Ю. Терентьева (Москва)</i> Лексема «друг» в русском и болгарском языках	360
<i>Р.А. Трифонов (Харьков)</i> Экспликация штампов и клише в публицистической речи: диапазон прагматических смыслов	361

<i>О.В. Трофимова (Тюмень)</i> «Дневник Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове», в контексте научных и публицистических описаний Западной Сибири XVIII–XIX вв.	363
<i>Н.А. Тупикова (Волгоград)</i> «Русский» архив гетмана Яна Петра Сапеги как памятник истории польского языка и польской культуры	366
<i>Г.П. Тыртова (Москва)</i> О некоторых герменевтических аспектах перевода	368
<i>А.В. Уржа (Москва)</i> Интерпретация метатекстовых элементов в русских переводах романа Э. Берджеса «Заводной апельсин»	369
<i>Р.П. Усикова (Москва)</i> Сопоставление современных болгарского и македонского литературных языков	372
<i>Г.А. Федорина (Москва)</i> Удвоение несогласованного определения в современном болгарском языке	374
<i>И.В. Федотова (Москва)</i> Терминология молотбы в славянских языках: проблемы реконструкции	376
<i>Е.В. Федюкина (Москва)</i> Явление современного «языкотворчества» в ходе формирования религиозной лексики польского Православия	377
<i>М.К. Ферро (Пескара)</i> Перевод интеллектуальной лексики с русского на итальянский. Замечания и проекты	379
<i>М.И. Хазанова (Москва)</i> Некоторые особенности функционирования украинского языка в Интернете (на материале Интернет-форумов) в аспекте формирования языковой нормы	381
<i>И.И. Ходыкина (Бердянск)</i> Влияние русского языка на фонетическую и лексическую системы украинских говоров Северного Приазовья: синхронический срез	382
<i>О.В. Цыбенко (Москва)</i> Н.В. Берг как переводчик Мицкевича и автор очерков о Польше	384
<i>Л.А. Чижова (Москва)</i> Межкультурные сопоставления и их влияние на дидактические основы преподавания русского языка китайцам	384
<i>М.Ю. Чикиль (Бердянск)</i> Вербализация эмоциональных и рациональных оценочных значений при помощи антропонимов в текстах детской литературы	387
<i>Т.В. Шалаева (Москва)</i> К этимологии обозначений издательства в русском языке	389
<i>З.К. Шанова (Санкт-Петербург)</i> Н.С. Державин и его вклад в развитие отечественной славистики	391

<i>О.Н. Шапкина (Москва)</i> Количественные квантификаторы в польском языке	393
<i>А.К. Шапошников (Москва)</i> Палеобалканские языковые реликты и реконструкция раннепраславянского языкового состояния.	394
<i>Н.В. Шведова (Москва)</i> Реалии современности и поэтика в творчестве словацкого писателя Павла Яника	397
<i>М.Н. Шевелёва (Москва)</i> История восточнославянского суффикса -ыва-/-ива- в лингвогеографическом аспекте	398
<i>И.А. Шелкова (Москва)</i> Слова с фонетико-графическим обликом <i>заток</i> в истории русского языка	400
<i>С.А. Шерлаимова (Москва)</i> Теория трех литературных контекстов по Милану Кундере	402
<i>Н.В. Шестеркина (Саранск)</i> Синкретизм мифологического сознания: на материале русских народных загадок.....	404
<i>Э.Г. Шимчук (Москва)</i> Концепт ЖАЛОСТЬ в славянских языках	407
<i>Л.Ф. Широкова (Москва)</i> «Один против ночи» (к 100-летию словацкого писателя Доминика Татарки).....	411
<i>М.В. Шульга (Москва)</i> Историческая морфология славянских языков как предмет исследования и обучения.....	412
<i>В.П. Шульгач (Киев)</i> Из архаичной лексики Русского Севера (Поморья)	414
<i>Ю.Ю. Юдова (Москва)</i> Основные трудности, возникающие при обучении сербскому языку студентов-нефилологов	417
<i>С.Н. Юсупова (Москва)</i> Опыт сравнительного лингвотекстологического анализа трех списков рукописи «Возражение или разорение смиренного Никона».....	420
<i>О. Ягинцева (Тарту)</i> «Редупликация и повтор как активные средства бытового терминообразования (на материале народных говоров)».....	424
<i>Е.И. Якушкина (Москва)</i> Лексема * <i>zělъje</i> и ее семантика в славянских диалектах	424
<i>И. Янышкова / Irena Janušková (Брно)</i> Названия болезней в старославянском языке.....	425
<i>Agnieszka Czajkowska (Częstochowa)</i> Józef Ignacy Kraszewski w XXI wieku. Przemiany kanonu / Józef Ignacy Kraszewski in the XXI st century. The changes of the canon	426
<i>Erika Briťáňová (Bratislava)</i> Panslavizmus a Jonáš Záborský	427
<i>Metodi Glavche (Skopje)</i> Знание как понятие в языке и в математике	428

<i>D. Hučková (Bratislava)</i> Téma ideológie v súčasnej slovenskej literatúre (Тема идеологии в современной словацкой литературе)	429
<i>Marija Emilija Kukubajska, Aleksandar Donski (Skopje)</i> Ancient and global 21 st c. rights to literary and linguistic identity.....	431
<i>H. Ch. Luschützky (Wien)</i> Functional Aspects of Multifunctional Derivation in Slavic Languages	432
<i>L. Madelska (Wien)</i> Komputerowe wspomaganie rozwoju procesów fonetyczno-fonologicznych na przykładzie języka polskiego i niemieckiego.....	434
<i>Blagica Petkovska (Skopje)</i> The Macedonian Hermeneias from the XIX Century – Documents for an Important Stage of the Development of the Contemporary Macedonian Language	436
<i>D. Podracká (Bratislava)</i> Cirkulácia sakrálneho v profánnom. Premeny lyrického časopriestoru v súčasnej slovenskej poézii	437
<i>Elizabeta Raľpovska (Skopje)</i> The Metahpor in the Descriptive Adjectives	437
<i>J. Zambor (Bratislava)</i> Skladba Jána Buzássyho Pláň.....	438

Д.В. Айдачич (Белград – Киев)

Фантастика и демоническое в славянских литературах

Определение рамок фантастики сопровождалось спорами литературоведов, придерживающихся разных взглядов на отношения существующе-возможной действительности и художественного вымысла невозможной действительности. Не решая проблем фантастики, здесь я предлагаю рассмотреть демоническое в произведениях художественной литературы, которые изображают уничтожительные действия (полностью или частично) нечеловеческих сверхъестественных существ, **переплетая вымысел и доминирующий в тексте тип знания** – мифологический, магический, рациональный, иррациональный. Такой типологический подход исторически маркирован пониманием связи вымысла с используемыми знаниями данной эпохи.

С верой в чудесное мифа. Древние славяне-язычники считали, что силы, определяющие судьбу могут вызвать несчастья, болезни и смерть, а блуждающие заложные покойники и духи мест наказывают людей за нарушение запретов. В верованиях, быличках, заговорах, проклятиях отражается полная вера человека традиционной культуры в их существование. В результате христианизации языческие духи стали противниками бога, что привело к приобретению ими названий и черт нечистых сил, бесов, дьяволов. Верующий человек и в многобожии, и в однобожии боялся сверхъестественных демонических сил. С появлением рационалистического мировоззрения эти существа стали восприниматься как плод суеверия, возникшего из мифов, от которых надо избавиться, а фольклорные тексты перешли в ранг художественных реликтов веры в чудесное.

Фантастические домыслы магии возможны, когда исчерпана безоговорочная вера в силу магии. В волшебной сказке отражается процесс деритуализации, в котором части ритуального мировоззрения превращены в нарратив. В литературных трактовках призывания или изгнания дьявола в старые магические действия внедряется колеблющаяся или сомневающаяся позиция нарратора или его героев. В рассказах романтиков о ведьмах, упырях, русалках, а также в последующих хоррор-фантазиях задействован фантастический домысел магии. Созданные миры фэнтези-литературы намного богаче демоническими силами, потому что там возобновлен мифо-ритуальный принцип конфликта добрых и злых существ, а также обновлено использование магии в борьбе с демоническими силами. Так в фэнтези-произведениях

появляются и оборотни, вурдалаки, волшебники, ведьмы, а к тому же эльфы, феи (В. Пелевин, М. и С. Дьяченко).

Фантастические домыслы об иррациональном. Писатели XVIII века открыли широкие возможности литературной игры переплетения суеверного страха перед дьявольскими силами и рационалистической критики суеверий. Рационализм привел к потере метафизического отношения к миру демонического, а веру в сверхъестественный характер демонических сил систематически начал переводить в ранг психического отклонения от нормы. Так сверхчеловеческое зло в бытовом мире преображалось в сумасшествие, безумие, галлюцинацию одержимого или запуганного, видения пьяного, сон. Несмотря на то, что романтизм считается периодом расцвета иррационального, за кулисами разнообразных демонических тем укрепляется рационалистическое понимание того, что угрожающее зло находится в человеке. В сюжетах о привидениях, гипнозе и видениях, снах обыгрываются старые сюжеты с новой развязкой, показывающей, что демона и не было. В сюжетах о проклятых и сумасшедших, безумных, о блужданиях духов устанавливается связь демонического и необыкновенного с усиленной психологической подоплекой. Психически ненормальный герой либо угрожающе отличается от других, либо сам боится демонов своего воображения. Многие традиционные темы о демонических силах легко преобретают психологическую мотивацию, сохраняя переплетение суеверного и иррационального. Исчерпанность мифологических представлений о демонах отразилась в XX веке в поисках новых способов представления демонического путем комбинирования «древнего» демонического с новыми знаниями в области иррационального (со спиритизмом, магнетизмом, мессианизмом и энергетическим толкованием зла).

Фантастический домысел рациональных знаний. В фантастических представлениях о будущем рациональные прогностические домыслы определяют фантазию, и таким образом в научной фантастике знания прогностически экстраполируются на представления о возможных мирах. Рациональный домысел о возможном будущем далек от мифологического отношения к демонам. Так появление демонов в научной фантастике свидетельствует о вкраплении других типов фантастического, чаще всего демонов фольклорной традиции – драконов и русалок (С. Снегов, К. Булычев). В ксено-футурофантастике взнезменные вражеские расы созданы трансформацией мифологических существ. В урбанистической фантастике встречаются упыри (С. Лукьяненко). Демонизируемым роботам, вырвавшимся из-под контроля, приписывают злые намерения по отношению к людям. В

литературных представлениях постапокалиптического мира зло олицетворяют демонические персонажи (Т. Толстая, С. Логинов).

Фантастические вымыслы о как-будто возможном появляются в культурах, стремящихся расширить свои знания о существовании чего-то неизвестного. Не имея представления о том, как это неизвестное могло бы выглядеть, угадывают, используя и знания, и фантазию. В народных сказках нет полной веры в существование подземного или потустороннего мира, сказочного дракона. К этому виду фантастических домыслов принадлежат и экзотические существа с демоническими чертами, а в христианско-народной культуре – темы посещения ада, собраний демонов или загробного мира.

Фантастический вымысел невозможного сосредоточен в создании такого мира, который однозначно в мировоззрении эпохи считается невозможным и воспринимается как сознательный поиск именно невозможного. Мотивация действий и поступков демонов без веры в реальность такого мира, а с иронической игрой, постмодернистическим смешиванием мифологии разных народов и эпох (Ю. Винничук, В. Урошевич, Й. Радичков, М. Павич, С. Дамьянов) или с фантастикой абсурда опирается на поиск невозможного.

Л.А. Алексеева (Бердянск)

Изучение выразительных возможностей языковых единиц на основе учебных текстов

Отличительная черта современного образовательного процесса – усиленное внимание к речевому развитию, к формированию коммуникативной компетенции школьников.

Проблеме языкового развития учащихся, в частности такого ее аспекта, как работа над выразительными средствами художественного текста на уроках словесности, уделяется большое внимание (Л.В. Вознюк, Е.П. Голобородько, Т.М. Зыбина, В.К. Иваненко, Н.А. Максимчук, Г.С. Меркин, Г.А. Михайловская, В.П. Москвин, Н.А. Пашковская, М.И. Пентилюк, О.С. Рябикова, А.П. Сквородников и др.).

Усовершенствование умений учащихся воспроизводить устно и письменно выразительные языковые единицы является непрерывным процессом, в основе которого лежат такие умения: восприятие, понимание, а также анализ связного высказывания; распознавание текстов за типами, стилями и жанрами речи; определение темы, микротемы, главной мысли; выделение главного и второстепенного в тексте; подбор выразительных языковых средств и соотношение их с целью высказывания и т.д.

Выразительности речи способствуют особые синтаксические конструкции (стилистические фигуры поэтического синтаксиса). В художественных текстах, в разговорном языке, в некоторых жанрах публицистики они усиливают эмоционально-экспрессивные возможности лексических средств. К показателям выразительности текста в основной школе относим употребление слов и словосочетаний в метафорическом значении. Метафоризации речи способствуют тропы – эпитеты, сравнения, метафоры, метонимии, синекдохи и прочие. «Речь усваивается, если приобретает способность чувствовать выразительные коннотации лексических, грамматических, фонетических языковых значений. Усваивая грамматические и лексические значения, учащиеся чувствуют, как отражается в языке внешний мир, а усваивая способы выразительности речи, они чувствуют, как выражается с помощью языка внутренний мир человека, как человек выражает свою оценку действительности» [Федоренко 1984: 123-124].

Анкетирование учителей, а также учеников, результаты констатирующих срезов, проведенных в общеобразовательных школах разных регионов Украины, засвидетельствовали, что традиционная практика не обеспечивает нужного уровня работы над выразительными средствами языка у школьников. Наблюдения за процессом обучения подтвердили, что причинами этого является недостаточное понимание учителями содержания работы над выразительными единицами языка, недостаточное количество в учебниках упражнений на восприятие, анализ, а также воспроизведение и нечеткость в системе проведения таких занятий.

Многие современные украинские методики пересматривают подходы к построению системы упражнений (акцентируется внимание на усиление речевой активности учащихся на уроках). В условиях лично-ориентированного обучения отбор текстов осуществляется с учетом возможности опоры на субъектный опыт ученика. Помимо традиционных принципов построения системы упражнений особую актуальность приобретают принципы антропоцентризма (всесторонний учет комплекса признаков сильной языковой личности) и текстоцентризма (усиление развивающего потенциала речевой среды на уроке). При выборе упражнений педагогами учитывается и гендерный фактор в характере заданий.

Происходящие изменения в языковой образовательной среде Украины предполагают поиск новых направлений в преподавании русского языка. В школьной практике учителя стараются сделать процесс познания исследовательским, стремятся максимально индивидуализировать обучение (активно используется компьютер, интерактивная доска). Творческую самостоятельность школьников помогают развивать про-

блемные вопросы и задания, содержащие противоречия. Проблемный вопрос предполагающий наличие неоднозначных ответов, ведет к поиску развернутой аргументации. Такие задания учат ориентироваться в тексте, глубоко понимать его, замечать и находить важные языковые явления и определять их роль в тексте.

Современный урок – это диалогическое взаимодействие учителя и учащихся, при котором учащийся из объекта обучения превращается в его субъект. Важно отметить, что интерактивное обучение педагоги строят на принципах полилога (праве каждого учащегося высказаться и иметь свою точку зрения), диалога (равенстве личностей в учебном процессе), мыследеятельности (обязательном нахождении ответов на проблемные вопросы через цепочку мыслительных операций), свободы выбора (саморегулировании поведения в учебном процессе), опоры на ситуацию (создании условий для проявления положительных эмоций). Например, дискуссия, проводимая в конце изучения темы, дает возможность учителю обобщить, закрепить знания в нестандартной форме. Школьники учатся находить общий язык друг с другом, взаимодействовать с другими участниками группы, высказывать свою точку зрения, прислушиваться к мнению оппонента. Использование ролевой игры ускоряет и оживляет многие педагогические процессы. Она стимулирует учащихся к творчеству, осмыслению проблемных ситуаций, обдумыванию своего поведения, стиля общения с одноклассниками. Важно отметить, что во время ролевой игры обучение происходит через опыт и чувство. «На уроках языка необходимо создавать естественные речевые ситуации, которые побуждали бы школьников к мобилизации имеющихся у них лингвистических средств выражения собственных мыслей средствами языка» [Сульниченко 2009: 43].

Учитель должен помнить, что главная задача обучения языку состоит не в том, чтобы дать комплекс определенных грамматических понятий, а научить видеть, ощущать богатство родного языка и умело им пользоваться. Имеем ввиду и словарное богатство, и разнообразие синтаксического строения, и выразительность. Уроки словесности призваны обогащать эмоциональный мир учеников, развивать образную память, воображение, эстетические вкусы, умственные способности, художественное мышление, увеличивать потребность в творческой работе, повышать культуру устной и письменной речи.

Л и т е р а т у р а

- Сульниченко В.Н.* Творческая работа с текстом на итоговых уроках русского языка в 9 классе как средство формирования коммуникативно-речевых умений школьников // Русское слово, литература, культура в школе и вузе, 2009. № 3 – С. 41-45.
- Федоренко Л.П.* Закономерности усвоения родной речи: Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1984. – 378 с.

Пути-дороги, стёжки-дорожки (номинации «дороги» в польском и русском языках)

Общеизвестно, что понятие «дорога/путь» - одно из важнейших в лингвокультуре (по крайней мере, в индоевропейской). О важности этого понятия свидетельствует, в частности, недавнее издание в Польше сборника статей 30-и авторов, посвященного *drodze* в языке и культуре [Droga 2011].

«Дорога/путь» – это не только обозначение узкой поверхности – пространства земли, по которой (которому) осуществляется передвижение/перемещение кого-л. или чего-л., проход по чему-л. Это и название пути следования (*водный путь*) и самого процесса перемещения – «путешествие» (ср. *в пути, в дороге, w drodze, wyruszyć w drogę = w podróż* «отправиться в путешествие» и под.), и номинация временного периода (ср. *жизненный путь, droga życiowa//droga życia*), а также способа (метода, образа, порядка) осуществления чего-л. (ср. *путем* чего-л., *drogą* и *w drodze – drogą pokojową* «мирным путем», *w drodze sądowej* «в судебном порядке» и т.п., англ. *in what way?* «каким путем/образом?», *in such a way* «таким путем»). Значительно число паремий и фразеологизмов, включающих лексемы «дорожной» семантики. Так, в «Пословицах и поговорках русского народа» В. Даля в тематической группе «Путь – Дорога» содержится более 100 паремий. В литературе жанр *путешествия* занимает ведущее место. Сюда относятся не только произведения, в которых название «путешествия» вынесено в заглавие (типа «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева), но и те, в которых также описываются «приключения», «злключения» и др. перемещения/передвижения героев в пространстве (например, «Мертвые души» Н.В. Гоголя). Более того, с учетом временного значения «пути/дороги» любое художественное произведение, где представлена эволюция героя (т.н. роман «воспитания чувств»), в особенности его жизненный путь с рождения до смерти или до момента завершения повествования, также имеет отношение к жанру путешествия (путешествие во времени).

Все вышеуказанные значения для «пути/дороги» выделяются в русск. *путь* и польск. *droga*. Другие русские и польские номинации «пути/дороги» обладают меньшим семантическим объемом, подчас имеют только пространственное значение конкретного вида «дороги» (русск. *тропинка* и *стёжка*, польск. *gościńiec*, русск. *большак* и др.)

В предлагаемом докладе рассматриваются в сопоставлении с современным русским языком (далее СРЯ) польские номинации «дороги» (в первичном и переносном значениях). Особое внимание уделено поль-

ским соответствиям утраченного в современном польском языке (далее СПЯ) континуанта **pōtь*, представленного (благодаря его репрезентативности в церковнославянском) в СРЯ, в котором данная лексема не только сохраняется, но и обладает словообразовательной мощностью. Отмечаемые в древнепольском *pątnik, pątnictwo, pątnica* были вытеснены лексемами с корнем *pielgrz-*, а *pać* утрачено. Наиболее частотным соответствием русск. *путь* во всех значениях является польск. *droga* (< **dorga*). Приводятся примеры польских соответствий для разных значений русск. *путь* (ср. *зимний путь* – *droga zimowa*; *крестный, тернистый путь* – *droga krzyżowa*; анат. *дыхательные пути* – *drogi oddechowe* и мн. др.) При этом в определенных случаях русск. *путь* синонимично русск. *дорога*. Русск. *путь* в СПЯ может соответствовать также германизм *szlak*, в определенных словосочетаниях синонимичный лексеме *droga* (ср. *водный путь* – *droga wodna, szlak wodny*, но только *szlak bojowy* – *боевой путь*). Эквивалентом польск. *szlak* в СРЯ может выступать интернационализм *маршрут* (*szlak turystyczny* – *туристический маршрут*). Русск. *ж-д. путь* соответствует польск. *tor*, соотносимое с *torować* «прокладывать» (< **terti* «продирать, протирать», ср. *trzeć*). В русском корень *тор-* представлен в *торный, проторенный (путь, дорога)* при отсутствии беспрефиксального субстантива *тор*. В XVII в. в польском языке существовал не связанный генетически с *tor* тюркизм *torhak//torak* «дорога» [Brückner 1970:574]. В докладе приводятся также примеры производных слов с корнем *nym(')* – и их польские соответствия, которые либо содержат корень *drog-/droż-/dróż-* (ср. *путешествие* – *podróż*), либо представляют собой словосочетания, в которых употреблены лексемы *droga/szlak/tor* или производные от них (ср. *на полпути* – *w połowie drogi, путеукладочный* – *do układania toru*), либо вообще не содержат слов со значением «путь/дорога» (ср. *путеводитель* – *przewodnik, распутица* – *roztopu* и др.).

Русск. *железная дорога* соответствует польск. *kolej (żelazna)* – этимологически «след от колеса» (в русск. *колея* сохраняется это значение следа, а в польск. «след» > «дорога» и, кроме того, развилось значение «очередь», «очередность»; впрочем, значение «дорога» представлено в русском универбе *узкоколейка* «узкоколейная железная дорога»). Обратное соотношение представлено между русск. *тропа* «дорожка» (уменьш. *тропка, тропинка*) и польск. *trop* «след». Специфические виды дорог и дорожек могут в польском передаваться иными лексемами (*беговая дорожка* – *bieżnia, стартовая дорожка* – *pas startowy, канатная дорога* (подъемник) – *wyciąg krzeselkowy* и др.)

В обоих сопоставляемых языках есть латинизм *тракм/trakt*, хотя могут быть несоответствия в его употреблении (*trakt bity* – *дорога с твердым покрытием, желудочно-кишечный тракт* – *przewód pokarmowy*).

Польск. *trakt* имеет также отсутствующее в СРЯ значение «ход, течение».

Образованные от *droga* лексемы *dróżka*, *drożyna*, *drożysko* и от *droga* *дорожка*, *дороженька* имеют конкретное пространственное значение. *Дорожка* употребляется также в составе фразеологизма *кривая дорожка* (т.е. «криминальный, преступный путь»). Конкретными пространственными номинациями определенных видов дороги являются также русск. *большак*, польск. *gościniec* (широкая дорога, по которой ездили купцы – гости), гуральск. *perć* «крутая горная тропинка» (восходящее к **prati* «пробивать, бить, ударять» заимствование из словацкого), русск. *брод* и польск. *bród* «проход, путь в водном пространстве» – от *brodzić* (ср. аналогичные образования *zdrożny* «сбившийся с пути» > «безнравственный, аморальный» и *zbrodnia* «преступление», *zbrodniarz* «преступник» - первоначально «сошедший с брода»), силезск. диалектн. *cesta* (< **cěsta*, восходящее к **cěstiti*: **čistiti* «чистить, очищать» [Wojtyła-Świerzowska 2011:14-15]), русск. *стежка*, польск. *ścieżka*. При этом континуант базовой для двух последних лексем **stęga* представлен только в СРЯ (*стезя*) в качестве книжной и имеющей, как правило, переносное значение «сфера деятельности», «поприще». Лексемы *śdza*, *śdza*, *śdza* были известны древнепольскому языку (отмечены в «Пулавской псалтыри»), как и деминутивы с твердым *t* (ср. то же в *stegno* «дорога» и ц-слав. *смогна*) *steczka* и *steszka*. Вариант с мазурением *stecka* широко представлен в польских диалектах и повсеместен в северо-восточных периферийных польских говорах.

Аналогичные интернационализмы СПЯ и СРЯ могут различаться грамматическими свойствами (ср. ж.р. *marszruta* – м.р. *маршрут*, ж.р. *szosa* – ср.р. неизменяемого *шоссе*).

Таким образом, выявление польских слов, которые соответствуют утраченному в СПЯ и сохранившемуся в СРЯ континуанту **pōtь* и производным от него или содержащим этот корень лексемам, установление тех случаев, когда эти эквиваленты взаимозаменяемы (например, *droga* и *szlak*), является важным для обучения русскоязычных учащихся правильному употреблению лексики польского языка.

Л и т е р а т у р а

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Warszawa, 1970.

Droga w języku i kulturze. Analizy antropologiczne / Pod red. J. Adamowskiego i K. Smyk. – Lublin, 2011.

Wojtyła-Świerzowska M. Droga w językach słowiańskich na tle indoeuropejskim // Droga 2011. – S. 11-15

**Некоторые сведения из истории развития системы
консонантизма в брянском и карачевском говорах (по
данным местной деловой письменности первой
половины XVII века)**

Материалом данной работы послужили тексты карачевской отказной книги (далее Кар.) 1619 – 1657 гг. (лл. 1- 1107 – РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 9185) и брянской отказной книги (далее Бр.) 1613 – 1652 гг. (лл. 1- 1188об. – РГАДА, ф. 1209, оп. 2, № 10236). Исследованные скорописные тексты позволили восстановить ряд важных фонетических особенностей, характеризовавших говоры в районе Брянска и Карачева в первой половине XVII века. В системе консонантизма рассматриваемых диалектов обнаруживается существенное сходство по многим признакам, что вполне оправдывается территориальной близостью этих говоров. В частности, можно говорить о наличии твердой аффрикаты <ц> и мягкой <ч> (Бр.: в *Поцьнскую волость* 598, *Ивановичя* (Р.п.) 623об., Кар.: *карачевцы* 148об., *Чюжо*⁶ (фам.) 82), о произношении звука [у] полного образования на месте фонемы <в> в начале фонетического слова перед согласными (Бр.: у *Бряско*^м *убде* 19об., *удова* 403об., с *унуко*^м 650об.; Кар.: у *ле*^с *едити* 372, *удово*^м *попъ* 200, с *Уласка*^м 200об.); в середине слова перед согласными и на конце слова на месте <в>, очевидно, произносился [ў] или [w] (Бр.: по *калино*^у *кусть* 158; Кар.: *Кли*^м *ка Саужовъ* 407). С другой стороны, в текстах обеих рукописей имеются случаи, возможно, отражающие произношение на месте безударной <у> в начале фонетического слова звука [ў] и / или [w] (Бр.: *всякая вго*^у *я* 107, *в нево два сна* 305; Кар.: *Вло*^с *чико*^с 63, *в стоя*^м *ца коло*^с *езя* 112об.). На вероятность того, что в южнорусских говорах эта фонетическая особенность могла иметь место уже в XVII столетии, указывал и Г.А. Хабургаев [Хабургаев 1967: 171].

Для брянского и карачевского говоров первой половины XVII века следует также отметить способность краткого глухого шипящего иногда сохранять остаточную мягкость (при написаниях Бр.: *по*^н *пустошы* 129, *Елизаре*^м *Шыги*^м 362об.; есть пример из других брянских текстов первой половины XVII века, указывающий, вероятно, на мягкий [ш^ʲ]: *за нашо* ... *вину* [Галинская 2002: 223]; Кар.: *в пустошы* (М.п.) 720об., но *пусто*^м *Шюмо*^с *ская* 418об.). Наряду с общими фонетическими чертами в консонантных системах исследуемых говоров первой половины XVII века удалось выявить и ряд отличий. Так,

- в брянском говоре [ф] заменялся на [хв] или [х] (<с> ... *Ора*^х *веною* 516, *Васи*^я *Проко*^х *ева* (Р.п.) 504.), при этом в карачевском го-

воре на месте <ф>, видимо, регулярно было представлено произношение звука [х] (с *Трахи^мко^м* 399, у(=в) *Хилипова места* 269);

- в брянском говоре уже был представлен твердый [ж], но иногда, возможно, могло сохраняться и мягкое произношение (*не по^ожыга^м* 506, 516, но *др^оня Жюкова* 140об., на *Жюка^оке* (назв. реки) 305); в карачевском говоре [ж], скорее всего, уже отвердел (на *р^бке на Жытова^м* 325);
- в брянском говоре был представлен [ш'ш'] (*к усадищу* 598, *пустоще^м* 15об., *про^овищя* 68об. (2 р.); в карачевском говоре наряду с [ш'ш'] и [шш], вероятно, мог произноситься и сложный звук [ш'т'] или [ш'ч'] (*прикаши^к* 183, <лес> *бо^ощю^м* 269, <в> *ом^мкаш^мщикава места* 269, *по ... ро^мщу* 812об., *к щидеся^м* <к семи четвертям> 308 (*шти* – нормальная форма Р.-Д.-М. пад. от числ. *шесть*), *к ... селищу* 96об., 105об., *зати^мщы^к* 701);
- в брянском говоре, очевидно, имелось прогрессивное ассимилятивное смягчение [к] после парных мягких согласных, а также после [j] (*Ку^окя* 553об., *др^они Миле^мкява* (Р.п.) 557об. (ср.: *др^они Миле^мкава* (Р.п.) 556); для карачевского говора это фонетическое явление, видимо, было в меньшей степени характерно, поскольку отмечено только в одном случае: *Па^мкя Федоро^о* 245об.

Фонетические изменения, общие для брянского и карачевского говоров, произошедшие на пути от XVII в. к XX в.: в наше время наряду с сохраняющимися особенностями реализации фонемы <в>, отмечается и произношение [ф], обусловленное влиянием литературного языка [ДАРЯ I, карты 56, 57, 58]; в обоих говорах представлены только твердые краткие шипящие [ДАРЯ I, карта 63].

Изменения в брянском говоре: теперь для него характерно не только произношение долгого мягкого [ш'ш'], но и [шш] [ДАРЯ I, карта 48].

Изменения в карачевском говоре: ныне отсутствует произношение на месте безударной <у> в начале фонетического слова звука [y] и / или [w] [ДАРЯ I, карта 59]; фиксируется только твердый долгий глухой шипящий [шш] [ДАРЯ I, карта 48].

Л и т е р а т у р а

- Галинская Е.А.* Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- [ДАРЯ I] – Диалектологический атлас русского языка (Центр европейской части СССР). Вып. I. Фонетика. М., 1986.
- Хабургаев Г. А.* Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Консонантизм) // Уч. зап. Моск. обл. пед. института. Т. 204. Вып. 14. М., 1967.

Е.В. Байдалова (Москва)

Фигура В.К. Винниченко в литературоведении и критике независимой Украины

Владимир Кириллович Винниченко относится к тем фигурам украинской истории, открытый разговор о которых стал возможен только после обретения Украиной независимости. Политик, писатель, мыслитель – во всех своих проявлениях принципиальный и непредсказуемый, противоречивый и бескомпромиссный – в первую очередь привлекает исследователей своей яркой, во многом парадоксальной биографией. Выходец из крестьянской семьи, сумевший получить высшее образование, стать одним из основателей украинской социал-демократической рабочей партии, занять пост главы Директории УНР, был одновременно и одним из самых известных, самых читаемых украинских писателей 10-х-20-х годов XX-го столетия, одним из самых видных, хоть и незаслуженно забытых, социальных мыслителей первой половины XX-го века.

Несмотря на появление за прошедшие после обретения Украиной независимости годы многочисленных исследований жизни и творчества Винниченко, осмысление творческого наследия этого писателя все еще остается одной из наиболее актуальных проблем украинского литературоведения. Во многом это связано с тем, что до сих пор не возвращен архив Винниченко на родину, в рукописях остаются его поздние работы, дневники, письма, однако не только это, но и «неудобность» Винниченко для интерпретации мешают взвешенному, объективному пониманию его значения как писателя, политика и мыслителя для украинской культуры. Так, например, в украинских работах, посвященных Винниченко, подчеркивается его расхождение в социально-политических взглядах и национальном вопросе с большевиками и вместе с этим никак не интерпретируется в целом его роль в революционном движении. Большое внимание самого разного рода исследователей привлекает идейно-тематическая составляющая творчества украинского парадоксалиста, его теория «честности с собой», в то время как поэтике его произведений уделяется весьма скудное внимание. Глубоко исследуется социально-философская концепция конкордизма, созданная мыслителем в последние годы жизни, но фигурой умолчания остается приверженность семьи Винниченко к сыроядению, которое является одним из наиболее значимых составляющих концепции конкордизма. Вместе с тем необходимо отметить, что творческое наследие Винниченко стало широко известно лишь в последние 10-15 лет, когда стали публиковаться ранее неизданные его работы. Рецепция этих произведений на родине

писателя является также одной из приоритетных задач, стоящих перед всеми, кто занимается исследованием творчества Винниченко.

Г.С. Баранкова (Москва)

Вопросы славянской филологии в трудах профессора Московского государственного университета Г.А. Ильинского

Григорий Андреевич Ильинский (1876–1937) – выдающийся отечественный ученый, филолог-славист, член-корреспондент РАН (1921) и АН СССР, профессор Московского университета, издатель старославянских и древнеславянских текстов, этимолог, лексиколог, лексикограф и библиограф – занимает в российской и зарубежной науке достойное место среди прославленных ученых-языковедов. Вся его более чем 30-летняя научная деятельность была посвящена вопросам славянской филологии. Идея исторического и культурного единства славянских народов прослеживается во всех его работах с самого раннего периода.

Во время поездки на Афон он собрал и впоследствии подготовил к изданию грамоты болгарских царей, ставшему для своего времени образцовым. Делом его жизни явилось создание «Праславянской грамматики», вышедшей в Нежине в 1916 г. Второе ее издание, расширенное и дополненное, подготовленное по просьбе Академии наук в 30-е годы, так и не вышло в свет в связи с отрицательным отзывом Н.Я. Марра. В этой работе Ильинский отстаивает право на существование праславянской грамматики как самостоятельной науки в цикле дисциплин славянской филологии, изучающей древнейший период развития общего праязыка всех славян (до времени разделения его на отдельные славянские языки). Большой интерес ученый проявлял к кирилло-мефодиевской проблематике, им составлена первая в мире библиография работ, посвященных деятельности Кирилла и Мефодия "Опыт систематической Кирилло-мефодиевской библиографии", которая в связи с травлей и последующей репрессией по «Делу славистов» была опубликована не на родине ученого, а в Болгарии в 1934 г. Сферой интересов Ильинского всегда оставалась этимология славянских языков, им был составлен Этимологический словарь славянских языков, не вышедший в свет по той же причине и впоследствии утраченный.

Первую мировую войну Ильинский встретил с мыслями о близящейся новой эре «в истории освобожденного славянства». Большие страдания доставлял ученому упадок славистической науки, связанный с изоляцией русских ученых от зарубежного мира. Размышления о судьбах славистики, не оставлявшие его на протяжении 20 и 30-х годов, отраже-

ны в программной статье, написанной во время работы в Саратовском университете в 20-е годы, "Что такое славянская филология?" В ней он доказывает важность и значение славянской филологии для славянского национального самосознания. Ильинский сомневался в возможности публикации этой статьи по цензурным соображениям, однако статья все же была напечатана в «Ученых записках Саратовского университета» в 1923 г., но в сокращенном из-за вмешательства цензоров виде. Переписка Г.И. Ильинского с Б.М. Ляпуновым и Н.Н. Дурново свидетельствует о том, что эта работа была сильно сокращена и особенно пострадал конец статьи, где речь шла о «жизненно практическом значении» этой науки.

В Отделе рукописей Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, где хранится значительная часть неопубликованных работ ученого, сохранился черновик этой статьи (без конца). В этой статье Ильинский определяет материал, служащий предметом изучения славянской филологии, ее объем, метод исследования и его задачи, место славянской филологии среди других славянских дисциплин и ее практическое значение для науки и жизни. Существенным моментом его исследования является тот факт, что ученый рассматривает славянскую филологию как культурно-историческую дисциплину, которая изучает духовную деятельность славянства.

Определяя объем этой науки, Ильинский отмечает, что ее составляющими частями являются славянское языкознание и славянские литературы. Они самым тесным образом связаны с так называемыми вспомогательными дисциплинами, без овладения которыми ни языковед, ни лингвист не могут разобраться в материале своих исследований. В этом им помогают такие науки, как славянская этнография, археология, палеография, культурная, экономическая и политическая история славян. Метод исследования, который постоянно использовал в своих трудах Ильинский, является сравнительно-историческим, или историко-сравнительным, как называл его он сам. Применение этого метода предполагает установление генетического родства между различными славянскими языками и литературами, объяснение причин и условий распада праславянского языка на ряд самостоятельных языков, определение архаизмов и новообразований в языках родственной языковой группы. Использование этого метода в славянской филологии дает, по мысли ученого, возможность установить связь изучаемых явлений с фактами культурной и политической истории славянства.

Ильинский предполагал возрастание роли славянской филологии в жизни русского народа, связанное с тем, что после первой мировой войны Россию стали окружать в значительной степени славянские государства, с народами которых русским предстояло постоянно вступать в

контакт. Он предостерегал, что *"запутанные этнографические и культурно-политические отношения отдельных славянских народов как друг к другу, так и к соседям... чреваты самыми грозными конфликтами"*. При этом ученый считал, что спорные вопросы, возникающие между славянскими народами, *"не могут быть беспристрастно урегулированы без экспертизы славистики вообще и славянской филологии в частности"*. Он полагал, что в этих условиях возрастет роль славистики и славянской филологии в целом, которые должны выйти *"из тиши ученых кабинетов на широкий форум жизни"*. Действительность показала, что это было совсем не так. В 30-е годы славистической науке был нанесен большой удар. С осени 1929 г. в Московском университете был закрыт «Славянский цикл», одним из основных преподавателей которого должен был быть Ильинский, вынужденный в связи с этими обстоятельствами, а также из-за начавшегося в университете «великого похода против нейтральности и аполитичности» выйти на пенсию в июле 1930 г.

А.И. Баранов (Вильнюс)

Польская литература в Литве. Изучение: современное состояние и перспективы

Литва и Польша на протяжении многовековой истории входили в поликультурное пространство Европы, где постоянно активизировался охватывающий различные национальные эстетические ценности диалог. Дискурс, как справедливо подчеркивает М. Фуко, реализуется только в движении и практически не представляется возможным обозначить его временные границы [Foucault 2002: 5]. Он имеет выразительно открытый характер.

Начало известности польской литературы в Литве, как и первых рефлексий, связанных с культурой Польши, укоренено в глубинах времени. Литовско-польские литературные связи имеют свою уникальную специфику: общее духовное пространство Великого княжества Литовского; билингвизм писателей Литвы, существовавший до начала XX века; комплементарная функция польской литературы по отношению к литовской в хронологических границах всего XIX столетия; сложные политические условия, особенно в межвоенный период, когда столицей Литовского государства был Каунас. Ключевые фигуры литовско-польских литературных связей – А. Мицкевич, Ю.И. Крашевский, Ч. Милош.

Далекое литовско-польское культурное прошлое, давние и классические формы рецепции, перцепции и методы изучения польской литературы на литовских землях модифицируются и находят оригинальное

воплощение в эстетике и филологических концепциях рубежа XX-XXI столетий.

Важнейшим центром современных полонистических исследований в Литве является университет. Старейшая полонистика послевоенного периода функционирует на филологическом факультете Литовского эдукологического университета (бывший педагогический университет). Можно выделить три важнейшие направления университетского изучения польской литературы: 1) Пространство Великого княжества Литовского в его важнейших измерениях, прежде всего культурном и духовном. Место польской литературы в данной полисемантической категории; 2) Региональный аспект: исследования прежде всего творческого наследия писателей регионалистов межвоенного периода и современных польских писателей Литвы. 3) Компаративистское изучение польской литературы в ее разнообразных связях с литовской, сопряжении с общеевропейским и мировым контекстами.

Доминируют в последнее время компаративистские исследования. Компаративистика в своем философском содержании находит очевидные «пункты и контрапункты» пересечений с прогрессирующей тенденцией глобализации мира, а также становится особенно чувствительной по отношению к категории «иног» в поликультурном конгломерате современной Европы и Литвы.

Актуализируются дискурсивная, интердисциплинарная, медиальная компаративистика, а также различные имагологические концепции. В компаративистской контекстуальности изучается прежде всего современная польская литература, а также периоды модернизма и XIX века. Неизбежным оказывается балансирование между перспективой универсальной (этническая Польша) и локальной (польскоязычная литература Литвы и литовская литература).

Польская литература изучается в Литве также в Вильнюсском университете, где существует Полонистический центр. Исследования ведутся там в похожем направлении и категориях. Общее литовско-польское культурное наследие – это одна из новейших стратегий академических исследований Института литовской литературы и фольклора, подготовившего в недавнее время несколько актуальных монографий: «Контрапункты литератур Вильнюса: Ранний модернизм 1904-1915» [Kvietkauskas 2007], «Земля мифов и поэзии. Литва в польской литературе» [Kalėda 2011], «Литовские контексты Чеслава Милоша» [Daujotyte, Kvietkauskas 2011].

Можно констатировать, что университетская полонистика Литвы имеет богатый научный потенциал и сильные исследовательские «амбиции». Однако проблематичной и достаточно туманной является перспектива ее развития в условиях общеевропейского кризиса гуманисти-

ки, приведшего к резкому сокращению числа студентов. В существующей ситуации полонисты переключаются на приготовление научно-исследовательских проектов, к примеру таких, как энциклопедия «Великое княжество Литовское. Литература. Литовско-польский компаративистский контекст», «Топос Вильнюса в польской литературе». Осуществление данных проектов видится возможным в рамках сотрудничества с учеными Польши.

Л и т е р а т у р а

- Daujotytė V., Kvietauskas M.* Lietuviškieji Česlovo Milošo kontekstai. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2011. – 359 p.
- Foucault M.*, Porządek dyskursu, tłum. M. Kozłowski. – Gdańsk, 2002. – 248 s.
- Kalėda A.* Mitų ir poezijos žemė. Lietuva lenkų literatūroje. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2011. – 278 p.
- Kvietauskas M.*, Vilniaus literatūrų kontrapunktai. Ankstyvasis modernizmas 1904-1915. – Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 2007. – 293 p.

*Е.Н. Бекасова (Оренбург),
Л.М. Устюгова (Ужгород)*

К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных лет»

Проблема взаимодействия церковнославянизмов и русизмов, образующих пары соотносительных лексем в процессе становления и развития русского литературного языка, без преувеличения может быть названа одной из наиболее интересных и вместе с тем наименее исследованных на конкретном языковом материале.

Историками русского языка уже был предпринят ряд попыток выявить наиболее стандартизованные случаи употребления церковнославянизмов и русизмов в оригинальных (а иногда и переводных) произведениях древнерусской письменности, а также определить тенденции, регулирующие взаимодействие соотносительных между собой церковнославянизмов и русизмов. И тем не менее закономерности исторически изменявшегося взаимоотношения между церковнославянизмами и русизмами в составе русского литературного языка ещё нельзя считать до конца раскрытыми.

Наибольший интерес для исследователей, занимающихся проблемами «вековых отношений церковно-славянского и русского языков» [Бекасова 2008], представляют те оригинальные древнерусские произведения, язык которых характеризуется широким совмещением элементов высокой церковно-славянской книжности и живой восточнославянской речи. Поэтому русские летописи, допускающие максимальную свободу этого совмещения, и их списки, имеющие различную террито-

риальную и временную приуроченность, снова и снова привлекают внимание лингвистов [Бекасова 2013]. Одним из способов более глубокого проникновения в сущность взаимодействия книжного и разговорного «начал» в процессе становления и развития русского литературного языка является сопоставительное изучение функций церковнославянизмов и соотносительных русизмов по нескольким спискам одного и того же произведения [Устюгова 2008]. В этом плане исследование «Повести временных лет» по основным спискам, которое позволяет выявить совпадающие случаи употребления соотносительных между собой церковнославянизмов и русизмов, а также разночтения в их использовании, что в свою очередь позволяет проследить, *в каком именно направлении осуществлялось изменение* в употреблении интересующих нас лексем в списках, различающихся местом и временем своего создания [Устюгова 1998]. С другой стороны, жанрово-стилистическая неоднородность «Повести временных лет» даёт возможность проследить специфику взаимодействия соотносительных между собой церковнославянизмов и русизмов на материале характерных для оригинальных произведений древнерусской письменности наиболее стандартизованных случаев употребления лексики с генетически соотносительными диагностическими признаками [Бекасова 2010]. При этом высокий художественный уровень избранного для исследования памятника, его авторитетность для целых поколений последующих летописцев позволяют расценивать «Повесть временных лет» как своеобразную творческую лабораторию, в которой закладывались основы древнерусского литературного языка. Поэтому исследование того, как преломлялись присущие данному памятнику принципы отбора языковых средств в его списках, различающихся местом и временем своего составления, может дать достаточно надёжный фактический материал для решения ряда общетеоретических вопросов, касающихся происхождения и развития древнерусского литературного языка [Устюгова 2010; Бекасова 2005].

Всё это обусловило исследование феномена гетерогенности языка «Повести временных лет», которое позволяет всесторонне описать реестр достоверных диагностических признаков, которые нередко используются в качестве основных аргументов генезиса древнерусского языка в отрыве от целостной картины их соотношения, и определить особенности их взаимодействия и критерии отбора. Комплексного подхода к выяснению причин использования одного из имеющихся в арсенале русского языка эквивалентов с учётом возможных лингвистических и экстралингвистических факторов позволяет выявить критерии системного и стандартизированного отбора генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний на основе разночтений их употребления в основных списках и с учётом особенностей реализации в от-

дельных группах (например, в группе «отдельных слов» и группе системных образований с полной парадигмой морфонологических чередований [Бекасова 2010; Устюгова 2011]).

Следует отметить, что именно такой подход позволяет раскрыть не только специфику гетерогенности как принципа построения текста «Повести временных лет», но и механизмы присвоения русским языком инославянских элементов, обусловившая, по утверждению Н.С. Трубецкого, его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков и отмеченная многими исследователями как «созительство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н.С. Трубецкой), «двумерность (а two-dimensional languages)» (Б.О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В.В. Виноградов), «амальгама» (Г.О. Винокур), «сплав» (Б.А. Успенский), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В.В. Колесов, Н.И. Толстой, Б.А. Успенский).

Л и т е р а т у р а

- Бекасова Е.Н.* Генезис текста // Бекасова Е.Н., Москальчук Г.Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис: Монография. – М.: Изд-во Спутник+, 2013. – С. 150–208.
- Бекасова Е.Н.* Генетический фон древнерусского текста: монография – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 208 с.
- Бекасова Е.Н.* Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42–49.
- Бекасова Е.Н.* Н. Проблема происхождения русского литературного языка. Очерк гипотез и концепций: монография. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. – 100 с.
- Устюгова Л.М.* К вопросу о единой программе исследования языка памятников древнерусской письменности // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Філологія». —2008. — № 18. — С. 89-95.
- Устюгова Л.М.* К вопросу о языковых особенностях «Повести временных лет» и методике их исследования // Матеріали міжнародної славістичної конференції пам'яті Костянтина Трофимовича. Т. 1. — Львів: Літопис, 1998. — С. 84-89.
- Устюгова Л.М.* Книжнославянизмы и русизмы с альтернантами *ц/ч* в списках «Повести временных лет» // Науковий вісник Ужгородського університету. Серія «Філологія. Соціальні науки». – 2011. – № 23. – С. 72–78.
- Устюгова Л.М.* На каком языке написаны оригинальные памятники первых веков восточнославянской письменности? // Журнал «Русский язык, литература, культура в школе и вузе». – Киев. – 2010. – № 5. – С. 8–14.

Е.Л. Березович,

Е.Д. Бондаренко (Екатеринбург)

«Лексические недоразумения» в сюжетах фольклорных текстов (на русском и польском материале)

В докладе анализируется одно из проявлений метаязыковой функции языка – фольклорное обыгрывание несовпадения элементов лексическо-

го кода у участников коммуникации (героев текста или же «затекстовых» адресатов произведения). К примеру, в русской сказке «Выдали девку замуж» девушка, вышедшая замуж, воеет: «– Свет-то моя *крашенина*, у матушки на печи осталась». – «Какая *крашенина*: много ли аршин?» – «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нагусто, и с лучком, и с маслицем!» Комический эффект основан на игре омофонами: рус. диал. *крошенина* ‘кушанье из хлеба, накрошенного в квас, щи, уху или воду’ и литер. устар. *крашенина* ‘грубое полотно, окрашенное обычно в синий цвет’. Случаи такого рода мы будем условно называть «лексическими недоразумениями». Материалом для доклада послужили произведения русского и польского устного народного творчества (главным образом прозаические) с разной степенью «фольклоризации» – от бытовых нарративов до анекдотов и сказок.

В основе ситуаций «лексических недоразумений» лежат различные языковые явления.

Весьма часто «лексические недоразумения» строятся на использовании говорящими одного слова для обозначения разных реалий (полисемия – либо в одной языковой системе, либо междиалектная; омонимия – омофоны, омоформы, словообразовательные омонимы; паронимия). К примеру, в польской сказке «O szwabie, co zgubił żur» говорится о швабе, который узнал от поляков рецепт жура (киселя), но забыл слово *żur*, когда увяз в болоте. Он стал месить палкой болотную воду, как бы ища пропавшее слово. Увидевший это крестьянин сказал: «Jakie to głupie śwabisko, jakże co znajdzie, kiedy zmieszał wodę jak *żur*!» Обрадованный шваб пошел дальше, повторяя: «То, to, to *ciur* szukał ja». Здесь сталкивается прямое значение слова *żur* и переносное – в сравнительном обороте *woda jak żur*. Шваб знал, но забыл слово в прямом значении, а переносным не владел; услышав слово в составе сравнения, он вспоминает его в первичном значении.

В ряде случаев недоразумения возникают вследствие употребления разных слов для обозначения одной реалии (синонимия – либо в одной языковой системе, либо междиалектная). Так, есть русские и польские анекдоты с таким сюжетом: один герой теряет какие-либо предметы, а другой их находит, но они не могут договориться друг с другом о возвращении пропажи, поскольку называют эти предметы различными междиалектными синонимами.

«Лексические недоразумения» могут проистекать из-за игнорирования одним из героев текста особенностей актантной структуры значения. Владея ядром лексического значения, инициатор «лексического недоразумения» может игнорировать отдельные особенности актантной структуры значения, в частности, включенный объект, задающий типовую сочетаемость слова в тексте. В поль-

ских сказках подобные ошибки часто делает незадачливый Совизджал – бродячий ремесленник и плут под маской простака. К примеру, портной, у которого он работает подмастерьем, просит его приметать рукава к костюму, а он приметывает их друг к другу, поскольку пренебрегает спецификой включенного объекта в значении глагола *przyrzucać* ‘приметать, пришить крупными стежками’, имплицитно указывающего на присоединение более мелких деталей костюма к основным.

В фольклорных текстах обыгрывается также мнимое отсутствие слова для обозначения какой-либо реалии. Так, в сюжете «Как называются грабли», распространенном в европейском фольклоре, семинарист, который высокомерно относится к деревенскому быту и языку и якобы забыл слово «грабли», вспоминает его, когда наступает на грабли – и они ударяют его по лбу.

Встречается и буквализация внутренней формы слова или фразеологизма. По онежскому преданию, чужд, узнавшая, что русские собираются ее крестить, испугалась и убежала в непроходимые леса, поскольку буквально восприняла внутреннюю форму слова *крестить*, решив, что оно означает ‘придать форму креста, т. е. «четвертить», рассечь на 4 части’.

Наконец, в фольклорных текстах наблюдается и своеобразная фальсификация слов: использование лексем из другого языкового идиома; создание квазислов (утрирование диалектных лексических особенностей; искажение лексики своего языка для имитации слов чужого языка; употребление квазиимен в качестве шифра для нарицательных слов). К примеру, некоторые вятские анекдоты основаны на том, что герои переговариваются квазисловами, утрирующими лексические особенности говора (сноха говорит свекрови: «*Ерзун-от ёрзат* [Горшок кипит]», та отвечает: «Возьми *шелспень* да и *лопень*! [Возьми ухват и выставь его!]»).

Отмеченные явления связаны как с социальными, так и когнитивными сторонами языка. Чаще всего носителями языка осмысляется социально обусловленная многослойность лексической системы, несовпадение и подвижность границ лексических групп для разных носителей языка, что приводит к обыгрыванию в фольклорных текстах явлений омонимии, синонимии, полисемии, паронимии и др. Внимание к этим феноменам во многом определяется «диалектностью» народного восприятия языка, неслучайно в центре внимания диалектоносителей оказываются прежде всего междиалектная синонимия и полисемия. Что касается когнитивных сторон языка, то в первую очередь обдумывается соотношение слова и вещи, слова и понятия.

Участники коммуникативных актов, включающих в себя «лексические недоразумения», противопоставлены по возрасту, месту жительства

ва, социальному положению, семейному статусу, этноязыковой принадлежности и, соответственно, имеют разный языковой опыт. Специфичны их коммуникативные интенции: испытание, проверка собеседника; умышленный обман; магический обман как форма ритуального поведения; языковая ошибка. Наконец, сверка лексического опыта может осуществляться по некоторым типовым сценариям, при реализации определенных сюжетных ходов.

А.Н. Бертякова (Москва)

О семантических особенностях предлога *между*

В современном русском языке предлог *между* представлен двумя культурно-речевыми вариантами (или стилистически ориентированными словами с общим денотативным значением): общеупотребительным нейтральным *между* с творительным падежом и функционально ограниченным *между (меж)* с родительным падежом. Стилистическая кодированность культурно-речевых вариантов поддерживается свойственной каждому из них акцентной семантикой: употребление предлога *между* с творительным падежом сопровождается экспликацией идеи автономности и равнозначности (однородности) задающих пространственно-временные ориентиры или вступающих во взаимодействие существностей. Например:

(1) Табуретка стояла в проходе **между двухэтажными кроватями** в углу комнаты, и один из верхних матрасов отенял весь уголок и крохотную елку от яркости подпотолочных ламп. (Солженицин).

(2) Княгиня Бетси просила извинить, что она не приехала проститься; она нездорова, но просила Анну приехать к ней **между половиной седьмого и девятью часами**. (Л. Толстой).

(3) Гордон понял, что в споре **между Петром и Софьей** Софья проиграла. (А. Толстой).

В примерах (1) и (2) пространственное и временное положение референта мыслится равноудаленным относительно автономных существностей, задающих пространственно-временные ориентиры. В примере (3) идея природно обусловленной разностатусности объектов вступающих во взаимодействие (мужчина-женщина) трансформируется в идею их равностатусности.

Семантическая реализация *между (меж)* с родительным падежом ограничивается идеей нерелевантности соотнесенности референта с объектами, задающими пространственную ориентацию.

Например, в контексте *Костер перестал пылать, сел на жар. Меж углей текли-переливались раскаленные червонцы, сотни, тысячи, миллионы миллионов* (Шишков) нерелевантность соотнесенности референта

с объектами, задающими пространственную ориентацию, определяется, с одной стороны, тем, что сам референт характеризуется материальной невербализованностью (*золотые червонцы* – плод перевозбужденного сознания героя), с другой стороны, сами объекты, задающими пространственную ориентацию, в силу своих природных свойств не могут быть представлены как отдельные сущности. В основе недискретной концептуализации *угли* подвижный состав субстанции, способной легко трансформироваться из отдельных кусочков в однородную массу. Форма множественного числа существительного, указывает не на реальную множественность обозначаемых объектов, а на их сложный и неоднородный состав.

Очевидно, семантическая сущность предлога *между* определена его происхождением.

В этимологическом словаре Максима Фасмера этот предлог представлен двумя культурно-речевыми вариантами: исконно русским предлогом *меж* (фонетически редуцированная вариация *межи* (местн. пад. ед.ч. от др.-русс. *межа*) и заимствованным из церковнославянского предлогом *между* – (местн. пад. – дв. от ст.-слав. *межда*) [Фасмер: 2009, 591-592].

Семантическая мотивация *меж* и *между* общим этимологически обусловленным значением существительных *межа* и *межда* «граница посреди поля» (см. [Фасмер: 2009, 591]) определяет их синкретичную пространственно-объектную семантику. Семантической основой пространственной семантики культурно-речевых вариантов является ключевая сема значения существительных ‘середина’, семантической основой объектной семантики – сема ‘автономность объектов’ (как результат членения целостного пространства). Синкретичная пространственно-объектная семантика проецируется на все контекстуальные реализации *меж* и *между* идеей дифференциации и равнозначности обозначенных именем объектов. В свою очередь полнота реализации этой идеи определяется изначально закрепленной акцентностью семантики.

Для *меж* с характерным для него родительным падежом свойственна акцентность пространственной семантики, проецирующаяся на все контекстуальные употребления идеей нерелевантности объектной дифференциации. *Между* с характерным для него творительным падежом присуща акцентность объектной семантики, проецирующаяся на все контекстуальные употребления идеей актуальности объектной дифференциации.

В силу исконно русского происхождения функциональное доминирование культурно-речевого варианта *меж* (*межи*) определяет в целом актуальность пространственной семантики предлога *между* в данный период развития языка.

Общая семантическая основа обоих культурно-речевых вариантов неизбежно приводит к борьбе за сферу функционирования, завершившейся тотальным функциональным превосходством культурно-речевого варианта *между*, а соответственно и акцентностью объектной семантики предлога *между*. Экспликацией противостояния двух культурно-речевых вариантов явилось отмечаемое в лексикографических источниках падежное варьирование, в результате которого акцентность семантики *меж* закрепляется за *между* с родительным падежом.

«Ключевым признаком в способе организации сцены (ситуации), который предполагает данный предлог, пишет А.С. Кириченко, является независимость друг от друга и равный статус релятивов» [Кириченко 2000: 351].

В лексикографической литературе у *меж* с родительным и творительным и у *между* с родительным падежом отмечается уходящий характер [Большой толковый словарь русского языка ... 2008; Ожегов 1987; Словарь русского языка... 1981-1984; Большой академический словарь русского языка... 2008; и др.].

Таким образом, семантические особенности предлога *между* определяются, с одной стороны, его этимологически обусловленной синкретичной пространственно-объектной семантикой, с другой стороны, разными источниками происхождения.

Л и т е р а т у р а

- Большой академический словарь русск. языка. – М; СПб., 2008. – Т. 10.
Большой толковый словарь русского язык / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., 2008.
Кириченко А.С. Системные семантические характеристики и область денотации предлога *между*/Исследования по семантике предлогов. – М., 2000.
Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под редакцией Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М., 1987.
Словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981-1984.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т.; 4-е изд., стер. – М., 2009.

В.С. Билявская (Житомир)

Эйдос дороги в «Мемуарах из жизни» Евы Фелинской

Ева Фелинская – одна из наиболее известных польскоязычных писательниц Правобережной Украины эпохи романтизма, педагог, общественный деятель, участница тайного освободительного движения Ш. Конарского «Союз польского народа», первая дворянка, сосланная в Сибирь за свои политические убеждения.

Изучением структурной организации «Мемуаров из жизни» (1859), спецификой их генерики, анализом интерпретации пространственно-временных соотношений и историко-литературных фактов, которые

содержит текст Е. Фелинской, занимались В. О. Ершов, И. Венгжин, Х. М. Малговская, В. Сливовская, М. Цвенк. Денотативный уровень текста, позволяющий раскрыть оригинальность авторской манеры, остается недостаточно изученным.

Е. Фелинская расширяет рамки характеристик, присущих жанровой модификации путевых заметок, создавая сложноорганизованный по своей структуре, многокомпонентный образ дороги, который аккумулирует параметры времени, протяженности и движения. Топос дороги, став основой интерпретации, которая начинается мимолетной авторской перцепцией: «санная дорога, залитая водой и болотами», «дорога ровная, широкая, с верстовыми и мильными столбами», «узкие дороги, лесная местность» [Felińska 1856: 21]. Дальнейшее развитие образа зависит от типа пространства, которое его формирует.

В тексте мемуаров Е. Фелинской подобные описания приобретают противоположных оценок, что связано с авторским восприятием пространства в дихотомическом единстве «свой – чужой». Если оно маркировано как свойское и воспринимается позитивно, то фиксация отдельных локусов дает повод к дальнейшему углублению рефлексий с аксиологической характеристикой: «санная дорога оказалась идеальной», которая перерастает в поэтически-чувственную интерпретацию рустикального пейзажа: «Летом же это неприступная для чужого путника крепость, но местные жители, держа в руках нить Ариадны, умеют ориентироваться на этой территории. Они <...> умеют использовать деревья вместо кладок, чтобы по ним перебраться с места на место и воцариться над своей дикой отчизной» [Felińska 1856: 24].

Топос дороги в пространстве, воспринимаемом автором как чужое, представлен образом с реверсной направленностью на самого мемуариста – свидетеля происходящего: «Все знакомое исчезло, а дорога бросилась мне в глаза, не говоря ничего ни сердцу, ни воображению. Душа холодно отвернулась от чужого, незнакомого» [Felińska 1856: 62]. Локус столба трансформируется в динамический микрообраз, созданный на основе олицетворения, усиливая эмоциональное наполнение: «каждый столп, стоя, как враг над дорогой, кажется, подгонял путешественника, все крича: дальше, дальше» [Felińska 1856: 62]. Для избежания собственного психологического дискомфорта автор переводит повествования в ретроспективную плоскость, творя в воображении «милые сердцу исчезнувшие образы» [Felińska 1856: 62].

Эйдос дороги в урбанистическом ландшафте неразрывно связан с предметно-пространственными элементами городского топоса, среди которых замок, дворец, резиденция, крепость либо, как инвариант, – их руины, etc. Они остались чуть ли не единственными, в представлении писательницы, свидетелями славного прошлого, которое было идеаль-

ным воспоминанием в мировоззренческой системе Е. Фелинской. Топос дороги в «Мемуарах из жизни» контаминирует временные категории прошлого и настоящего.

Мемуарист создает объемный многоуровневый образ, который формируется на основе ретроспективного экскурса: «Я въехала в Несвиж, полностью занята мыслями о славных предках династии Радзивиллов, о короле, который здесь гостил» [Felińska 1856: 219]. Далее повествование переходит в условно настоящее время, связанное с ностальгическими рефлексиями, вызванными когнитивным диссонансом: «Мне казалось, что я должна обязательно увидеть следы нашего прекрасного прошлого, – но я, к сожалению, заметила только лишь грязных людей, снующих по улицам, а вдалеке виднелись стены замка и черный орел над главными воротами» [Felińska 1856: 219]. В эйдосе дороги наявна иерархия образов, начинающаяся с номенирования за единственной обобщающей-атрибутивной доминантой «грязные», с подчеркиванием хаотического, то есть бесцельного движения – «снующие». Обращаясь к изображению локуса замковых стен, автор повышает степень градации, переходит черту, отделяющую настоящее от былого, и обращается к символам, олицетворяющим духовные ценностные ориентиры всей нации. Центральным концептом и вершиной иерархии является репер черного орла, существующего в надвременном идеальном для автора условно прошлом пространстве.

Макрообраз дороги в «Мемуарах из жизни» Е. Фелинской выполняет двоякую функцию: с одной стороны, – организует, синхронизирует, упорядочивает текст, ускоряя и направляя его развитие в сторону событийности. С другой, – создает семантическое поле для интерпретации, выступая в качестве некой декодировки последующих фрагментов и зависит от того, в каком хронотопе функционирует. На рустикальном фоне – это пейзажно-этнографическая зарисовка, а в пределах урбанистического пространства – масштабная аналитическая выкладка, перерастающая в многоуровневый образ.

Л и т е р а т у р а

- Felińska E.* Pamiętniki z życia. Seria I. – T. 2. – Wilno : Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1856. – 435 s.
- Felińska E.* Pamiętniki z życia. Seria I. – T. 3. – Wilno : Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1856. – 444 s.
- Felińska E.* Pamiętniki z życia. Seria II. – T. 1. – Wilno : Nakładem i drukiem J. Zawadzkiego, 1856. – 467 s.

О.В. Блинова (Санкт-Петербург)

Стандартизация и упрощение (на примере категории одушевлённости/неодушевлённости в западнopolесском письменном языке)

Наиболее обсуждаемым в научной литературе опытом письменного применения западнopolесских говоров можно считать «западнopolесский микроязык» Н. Шеляговича (далее — «западнopolесский письменный язык», ЗПЯ). Шелягович провозгласил такую стратегию формирования стандарта ЗПЯ, согласно которой следовало отбрасывать все «неполесские» языковые элементы: «за норму поліський володы трэ браты најпэроч тэ, шо е властывэ но польшукам, чого нима в гынчых» [Балесы Полісься 1989: 6]. К «неполесским» элементам относятся элементы белорусского, украинского и русского литературных языков, «полесский» же материал — это материал говоров белорусского Брестско-Пинского и украинского Волынского Полесья (говоры южной части Ивановского р-на Брестской обл. и смежной территории Волынской обл.) [Клімчук 1999: 88]. Чтобы увеличить степень отличия (дистанцию) от окружающих литературных языков, Шелягович заменял некоторые западнopolесские лексемы, принадлежащие общему с этими языками лексическому фонду, архаическими диалектными словами, разнообразными неологизмами, кальками, заимствованиями. Способы формирования «специфического» словаря вполне прозрачны; постановка вопроса о сознательном формировании «нарочито западнopolесской» грамматики путем культивирования отличительных черт более проблематична.

Одной из специфических черт грамматики западнopolесских говоров является возможность вариантных форм винительного падежа (ВП) у неодушевленных существительных мужского рода: употребляются как формы В=И, так и формы В=Р типа *поструйів гаража*, причем последние встречаются значительно чаще, чем в украинском литературном языке, где эта черта также есть [Зінчук 2010: 11]. Такие формы В=Р предложено называть «вторым винительным» падежом [Вихованець 1971: 34]; отмечено, что ВП на *-а* у неодушевленных существительных в украинском языке употребляется более ограниченно, чем основная форма (В=И), сфера употребления формы — устная разговорная речь и язык художественной литературы [Вихованець 1989: 95]. В форме В=Р выступают предметные существительные при переходных глаголах, типы глаголов по значению, включаемых в конструкцию с ВП на *-а*, упомянуты в [Степаненко 2008: 12].

В ЗПЯ наблюдается устойчивая тенденция к обобщенному употреблению флексии *-а* ВП у **всех** существительных единственного

числа мужского рода исторического типа склонения на -*ѣ. Конечно, в форме В=Р закономерно употребляются существительные со значением лица (*вин заслухав ... **рвывызі́ного ынспэхтора***)¹. Неличные существительные того же словоизменительного класса также демонстрируют форму на -а.

Важно, что форма на -а у неличных существительных наблюдается не только при транзитивных глаголах (*одмыкаты замка, ставлять опыта, обдуматы **пырыхода**, вможлывыты **дыхрэта**, зачынајімо **діёпыса**, шановатымэ ёго **статута**, пыліэ **свого адрыса**, выдуматы **і руського этноса**, ек розвязаты **плымныцького пробліма**, пытанне зајміло **шырокого розголоса**, брала **вырха** над сусідамы, быручы пуд увагу **розвоя** сытуаціі, купляты **трубляного мухамы торта**), но и при предлогах, управляющих ВП (*попалы **на нашого стола**, про заховање **і розвоя** окримных **поліських** говорок, бралосо **за чоловіго нагірунка**, право **на сувырынытэта**, мати **всі права на самостіјного розвоя***).*

Для сравнения приведу наблюдения над еще одним опытом письменного применения западнополесских диалектов, а именно над переводами Ф.Д. Климчука на говор села Симоновичи Дорогичинского района Брестской области [Климчук, 2012]. В переводах хотя и замечено достаточно активное употребление обсуждаемых форм на -а в транзитивных конструкциях (ср. *нысучы за **плычыма лука і колчана**, на святое морэ спустымо **чорного корабля**, выйняты **гострого мыця** с чыхла, кынув **вин скпытыра**, **сыріднёго паруса** одразу ж **вітёр надув**, открывае **рота**, **виймай горшка**), такие формы все же не вытесняют форм В=И (*взяты **отповідный выкуп**, мідь оголыла **лыст** и **кору**, **полудэнь** зробылы, **ячмінь** **взрх** знымають, **роздуваты шяпкыю **огонь*****). Вариативность форм ВП существительных наблюдается и в конструкциях с предлогом *на*: *і шо ты дывысыя **на сучка** в гоковы **свого брата**, **похожэ Царыство Ныбэснэ **на нэвода**** (но **станэ народ **на народ****, **стануть **на суд**** и т.д.) [см. Новый Завет, 2009]. Однако у Ф.Д. Климчука противопоставление по одушевленности/неодушевленности в единственном числе частично сохранено².**

Таким образом, в ЗПЯ нивелируется противопоставленность форм ВП у личных и неличных существительных. Устраняется не только вариативность форм ВП неодушевленных существительных, наблюдаемая в западнополесских говорах и (спорадически) в украинском литера-

¹ Здесь и далее примеры взяты из периодических изданий «Баласы Полісья» и «Збудінне».

² В словарных материалах из Дорогичинского Полесья у одушевленных имен мужского рода в единственном числе наблюдаем совпадение В=Р, ср. *воны мого бат'ка владылы, зловыв злодыја дај лупыт', лупыт' барана заризаного, у неодушевленных — совпадение В=И: лупыт' горох, отпудыла ножныц'амы кавалок мат'ерыји, реже видим В=Р (пырыш'апорыла вс'ого сундука)* [см. Климчук 1968: 20-78].

турном языке, устраняется собственно выражение категории одушевленности/неодушевленности у существительных в единственном числе. Отличие от украинского литературного языка достигается путем распространения одной специфической грамматической черты (возможности В=Р у неличных существительных) на все контексты с существительными мужского рода в единственном числе. Можно сказать, что правило выбора формы ВП существительного в ЗПЯ по сравнению с украинским литературным языком и западнорусскими диалектами существенно упрощено.

Л и т е р а т у р а

- Баласы Полісься: Інформаційнэ, лытырацько-уміжныцкэ и штудійно-популярнэ выданне громадсько-культурного згуртовання «Полісьсе». № 1 (1989) – № 5 (1989).
- Вихованець І.Р. Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові. К., 1971. – 120 с.
- Вихованець І.Р. Родовий чи знахідний відмінок? // Культура слова, 1989. Вип. 37. – С. 93-95.
- Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Перевод Ф.Д. Климчука. Минск, 2009. – 392 с.
- Збудінне. Выданне ыныцятывнїї рады суїдїння за одродїнне етвызі. № 1 (1989) – № 13 (1990).
- Зінчук Р.С. Словозіміна іменників у західнополіських говірках. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Луцьк, 2010. – 15 с.
- Klimčuk F.D. Некоторые особенности письменной традиции Полесья // *Modernisierung des Wortschatzes europäischer Regional- und Minderheitensprachen*. Tübingen, 1999. – С. 83-94.
- Клімчук Ф.Д. Пераклады на заходнепалескую гаворку (вёска Сіманавічы Драгічынскага раёна Берасцейскай вобласці). Мінск, 2012. – 184 с.
- Степаненко Я.М. Диференціація об'єктного значення в семантико-синтаксичній структурі речення. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2008. – 27 с.
- Климчук Ф.Д. Специфическая лексика Дорогичинского Полесья // *Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря*. М., 1968. – С. 20-78.

Т.Н. Богоедова (Гомель)

Континуанты праслав. **(v)qz-* / **vęz-* в современной славянской гидронимии

В речном названии *Уза*: *Уза* – п.п. Сожа, *Уза* – л.п. Березины в гидросистеме Днепра [МаштДн: 102, 137], *Уза* – л.п. Шелони (басс. Балтийского моря) [Vasmer XII: 671], *Уза* – л.п. Суры на правобережье Волги, *Уза* – л.п. Дёмы л.п. Белой л.п. Камы [Рагозин III: 314, 409], *Уза* – приток Сыды на правом берегу Енисея [Енис.: 41], а также *Уза* – ерик, т.е. небольшой боковой проток Волги, соединяющийся вновь с главным руслом, близ села Басинское в бывш. Астраханской губернии [Vasmer XII: 671] – естественно видеть продолжения праслав. **(v)qza* / **(v)qzъ* – именного производного с *o*-вокализмом корня от глагола **vęzati*, хоро-

шо известного славянским языкам как в связанном виде (См. **naqza*, **naqzъ*, **obvqza* / **obvqzъ*), так и в свободном употреблении: болг. *въза* ‘завязка сумки’, *възе* ‘завязки штанов ниже колена’ [БЕР I: 203], серб., хорв. *uza*, *vuzа* (хорв.-кайк.), *voza* ‘тюрьма’ [Skok III: 583], польск. *węza* ‘основа из воска, по которой пчёлы делают ячейки’ [Karłowicz YIII: 527], др.-русск. *вуза*, *уза* ‘оковы’, ‘цепь’, ‘связь’, ‘препятствие’, ‘повязка’ [Срезневский I: 322; III: 1168], русск. *уза*, *уз* ‘цепи, оковы, путы’, *уза* ‘пчелиный воск’, ‘восковой клей из почек берёзы или другого дерева’ [Даль Y: 478], *вуза* ‘ячейка в сотах’ [СРНГ Y: 238], блр. *вуза* ‘вощина, соты’ [Касьпяровіч: 62], *вузавалак* ‘планка, которая соединяет впереди боковые части воза’ [Сцяшковіч: 90] и др. В семантической структуре апеллятива **(v)qza* / **(v)qzъ* на основании исконного значения развились разнообразные производные значения прямого и переносного характера, но при этом первичная семантика – ‘то, что связывает’ – сохранилась довольно выразительно. Перенесение апеллятива с таким значением в сферу гидронимии объясняется прежде всего выполнением рекой функции готовой дороги.

К гидронимам – продолжениям **(v)qza* / **(v)qzъ*, на наш взгляд, следует присоединить и *Юза* – п.п. Унжи на правом берегу Волги [Рагозин I: 347] – название, фонетически трансформированное *j*-наращением. Возможность подобного наращения для такого рода названий демонстрируют летописные фиксации псковской *Узы*: она упоминается несколько раз в повествовании о смерти новгородского владыки Василия, события, произошедшем в 6860 году «на рѣцѣ на *Оузѣ*» (в Новгородской I и Y летописях, см. ПСРЛ III: 85; Y: 62), «... на рѣцѣ на *Юзѣ*» (в прибавлениях к Новгородской II летописи, см. ПСРЛ III: 181).

Вполне возможно, что словообразовательными отношениями с **(v)qza* / **(v)qzъ* связано гидронаименование *Яуза* – название нескольких рек на правом берегу Волги: *Яуза* (вар. *Явуза*) – л.п. Москвы л.п. Оки, *Яуза* – п.п. Гжати п.п. Вазузы, *Яуза* – п.п. Ламы п.п. Шоши. В том, что название *Яуза* означает «связь, союз одной мѣстности съ другою или, вѣрнѣе, одного пути съ другимъ» был уверен историк И.Е. Забелин [Забелин: 18 и след]. Его точку зрения разделил М. Фасмер, увидевший в *Яуза* «сложение с приставкой *ja-* от **vqz-*, т.е. «связывающая река» [Фасмер Y: 570]. Таким образом, *Яуза* может быть квалифицировано как восточнославянский (с *j*-вой протезой) рефлекс праслав. **a(v)qza*, в структурном отношении представляющего сложение префикса **a-* с девербативом **(v)qza*. Известно, что образования с данным префиксом в славянских языках – разряд слов, характеризующийся немногочисленностью и непродуктивностью и, как следствие, древностью.

Правомерность такого этимологического решения подсказывается известным историческим фактом: приток Москвы – *Яуза* в раннем сред-

невековье был важной частью пути с Днепра на Волгу (этим путём шёл в 1155 г. и Андрей Боголюбский, направляясь с чудотворной иконой из Вышгорода во Владимир [Ключевский II: 9]), а затем в течение нескольких столетий (вплоть до 18 в.) была основной дорогой, связывающей Москву с Клязьмой, по которой шёл поперечный путь с запада на восток.

Иное этимологическое истолкование для исследуемого гидронаименования предлагается В.Н. Топоровым: *Яуза* ориентируется на лтш. *auzājs*, *auzaine* – обозначения стебля овса, ости, соломы – с указанием на то, что «в старых источниках» река называется *Ауза* [Топоров 1981: 36]. Действительно, такое название обнаруживается в Тверской летописи [ПСРЛ XV: 225], однако, в иных летописных источниках, содержащих упоминание о реке, она именуется *Яуза* или *Явуза*. Ср. в IY Новгородской летописи «у *Явузы*» [ПСРЛ IV: 163], в Софийской II летописи «за *Яузою*» [ПСРЛ VI: 234], в Воскресенской летописи «за *Яузою*» [ПСРЛ VIII: 182, 283].

В Саратовской области в нескольких десятках километров от *Узы*, притока Суры, протекает река с названием *Тауза* – п.п. Медведицы, бассейн Дона [Сарат.: 97]. Учитывая территориальную близость двух рек, можно, на наш взгляд, предположить, что название второй возникло на базе названия первой как композит с указательным местоимением в качестве начального компонента.

Варианты по вокализму корня с *Уза* речные названия *Вяза* – п.п. Черницы п.п. Плисы на правом берегу Березины [МаштДн: 97], *Вязь* (вар. *Вяз*) – л.п. Учи на левобережье Клязьмы [Смолицкая: 197], *Вязь* – речка в Клинском районе Московской области, в бассейне Сестры (гидросистема Волги), *Wiązia* (*Więzia*) – приток Обры в бассейне Warty на Одре [НО: 183] – континуанты **vęza* / **vęzъ* / **vęзь*, представляющего в структурном отношении бессуфиксальное производное от **vęzati*. Реконструкция исходного апеллятива производится с учётом болг. *vězà* ‘украшение из цветных ниток, носимое на шее’, *vez* ‘украшение, вплетаемое невестой в косу’, ‘нечто связанное’, *vezà* ‘завязка сумки’ [БЕР I: 128], серб., хорв. *věz*, *věza* [Skok III: 583], польск. *wiąz*, *wiąz* ‘что-либо связанное или для связывания служащее’ [Karłowicz VIII: 541], русск. *вяз* ‘болото’, *вяз*, *вязы* ‘гибкий прут и т.п. для огиба, связки частей телеги, саней’ [СРНГ VI: 72], *вязь* ‘состояние связанного обстоятельствами’ [ДопОпыт: 34], укр. *в’язь* ‘ремень для связывания частей цепя’ [Лысенко: 51], *в’язи* ‘шейные позвонки’ [Гринченко I: 261], блр. *вязы* ‘шея, т.е. то, что связывает голову с туловищем’ [ЕСБМ I: 300] и др.

Словообразовательными отношениями с **(v)ęza* / **(v)ęzъ*; **vęza* / **vęzъ* / **vęзь* связано множество славянских гидронимов.

„История славянобългарска“ в образователния контекст

Първи тезис: Цел на настоящото изследване е да проследи „биографията“ на „История славянобългарска“, ситуирана в системата на училищното образование. Избрана е методология, която изследва детайлно съдържанието на училищните програми, учебното съдържание, учебниците, в които се съдържа информация за Паисий Хилендарски и единствената му ръкописна книга, съставена през 1762 г.в Зографския манастир на Света гора Атонска и разпространявана през Възраждането:

- чрез ръкописни преписи;
- чрез ръкописни преправки;
- чрез печатни издания.

Ще изследваме до каква степен в българското училище се подава коректна литературноисторическа информация за авантюрните пътешествия на Паисиевата история у нас и в чужбина през XVIII-XIX век.

Тезис втори: През месец април на 2013 година екип от учени от Пловдивския университет спечели конкурс за финансиране на проект, омасловен: „От идеята за историята през националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на „История славянобългарска“ и културноидентификационните модели на XVIII-XXI век“ [Проект № НИ13 ФЛФ014/20.03.2013]. Основната изследователска задача на проекта, който се финансира от Фонда за Научно-приложни дейности при Пловдивския университет "Паисий Хилендарски", е целеположена в опита:

- за реконструирането на възрожденските културноидентификационни модели на XVIII и XIX век, които възхождат към Паисиевата история, нейните преписи и преправки;
- за откриването и концептуализирането на опорите на културноидентификационните модели на XX и XXI век, които показват как делото на Отец Паисий и неговата история се приемат като национална ценност или се отхвърлят, защото се мислят като недостатъчно престижни в националния културен опит.

В заявения във втория тезис смисъл докладът е съставност на цитирания по-горе проект, защото изследователското ни усилие е съсредоточено в интерпретирането на културна самоидентификация и интеграционните връзки във взаимоотношенията на национално, космополитното и глобалното, концептуализирани чрез тяхната рефлексия в съвременното българско Училище. Проследява се и процесът на търсене на самоидентификация на самата „История“ в образователното пространство.

Тъй като темата на доклада се поставя за пръв път в научната литература, вярваме, че нейните наблюдения и изводи имат приносен характер.

Л и т е р а т у р а

Проект № НИ13 ФЛФ014 / 20.03.2013, Фонд „НИ“ на ПУ. От идеята за историята към националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на „История славянобългарска“ и културноидентификационните модели на XVIII-XXI век. Научен ръководител доц. д-р М. Кръстева. Научен състав: доц. д-р Й. Костурков, гл. ас. д-р И. Гайдаджиева, гл. ас. д-р А. Тошева, гл. ас. Ф. Бойкова, гл. ас. А. Джелюва, гл. ас. Г. Иванова, гл. ас. М. Куршумова, докт. Т. Дерекювлиев, докт. Г. Димитрова, Самуил Дабов (студент). Научни консултанти: акад. И. Радев, чл.-кор. д-р И. Добрев, проф. д-р Н. Драгова.

Г.Ф. Бондаренко (Житомир)

Житомирская прозаическая школа: особенности художественного мира

Житомирская прозаическая школа как художественное явление возникла в конце 90-х годов прошлого века, «благодаря, – как отмечает ее теоретик В. Даниленко, – интеллектуальной тусовке Бориса Тена», известного знатока и переводчика античной литературы на украинский язык. На появление этого феномена в украинском художественном пространстве повлияла, естественно, перестройка, развал Союза и, как следствие, ощущение того, что украинская литература более семидесяти лет развивалась по законам неаутентичной художественной модели. Именно Житомирскую школу сегодня презентуют как лабораторию современной украинской прозы, цель которой «противостоять чужим культурным агрессиям» [Вечеря... 1997: 3]. И хотя многочисленные критики трактуют «школу» с позиций постколониальной теории [Житомирский... 2007; Юрчук 2013], наша задача – выявить открытия житомирских писателей в сфере художественных новаций, отношении к традициям, концепции личности, ибо именно эти проблемы являются основополагающими в освоении художественного мира, творимого писателем.

Автопрезентация этого явления как «мутанта, который формально походил на культуру-агрессора, но сберегал в себе дух собственной культуры» [Вечеря... 1997: 6–7], в определенной степени должна была сформировать «мифологему» школы. Во-первых, это принципиально мужское содружество, включающее в себя 12 – от силы 15 человек (сборник «Ужин на двенадцать персон»), это и содружество житомирлян, даже если они уже не живут в областном центре. Грандиозным образом-концептом, во многом предопределившим эйдос и топос житомирской

прозы, явился чернoбыльскoй фактoр, пoрoдившoй aпoфaтoчecкoe cознaнoе, гoспoдcтвующee кaк в прoзe «тpaдoцoнaлoстoв», тaк и в «oрoнoзoм» «нeoмoдeрнoстoв», чтo нe тoлькo cпocобcтвoвaлo oсoзнaнoу жoтoмoрoянaмo cвoегo мecсoянcтвa, нo и пoвлoялo нa вaжнeйшe кoнцeптoуaльнo-эcтeтoчecкe пoзoцoе oбъeдoнeнoя: oнe cбeрeглe нa гeннoм oурoвнe дрeвлянcкoу мoслe-oбрaзнoсть, жoвoпoчнoсть пoлecкoх гoвoрoв, в кoтoрoх зaпeчaтлeны кoлoрoтoчнaя мeнтaльнoсть и кoльтoрa, oсoзнaлe сeбя cвoeoбрaзнoмo cтaлкeрaмo, пpooзвaннoмo к oпoчнeнoу вoыcoкoгo дoлгa – cбeрeчъ этoт вo мнoгoм ужe рeлoктoвoу зaпoвeднoк. Лoкaлoзoцoя хoдoжecтвeннoгo мoрo и oднoвpeмeннo вpeмeннaя рeтpocпeкцoя нa oурoвнe пoэтoкo: «мo гeнeтoчecкo тoгoтeлe к oкpaнoскoмo дeкaдaнcу и aвaнгaрдy XIX в., к твoрчecкoмo дoстoжeнoям пoчeтeлeй „рacстрeлoннoгo пoкoлeнoя“, к дoхoвнoй и хoдoжecтвeннoй бoръбe „шeстoдeсoтoчнoкoв“» [Жoтoмoрoскoй... 2007: 7], c oднoй cтoрoнo, – являoтcя cвoeoбрaзнoй «скрeпoй», чтo пoзвoляeт гoвoрoчъ o рeaльнoмo cтaнoвлeнoмo шкoлo, a c дpугoй, – кaк o мoфe, oтcуcтвeннoмo cрoдoнo, cвoегo рoдa Гoмoнкoлoсe в coлo нeoднoрoднoстo эcтeтoчecкoх oстaнoвoк ee пpeдcтaвoтeлeй. Бoльшoм плoсoм шкoлo являeтcя тo, чтo вo глaвe этoгo явлeнoя cтoит нeфoрмaльнoй лoдeр, нeсoмнeннoй лoтeрaтoрнoй aвтoрoтeт В. Шeвчoк, чъe oмo нa oбoлeкo чaстo звoчoчъ cрeдo oкpaнoскoх кaндoдaтoв нa Нoбeлeвcкoу пpeмoю, a ee тeoрeтoкoм являeтcя тaлaнтлoвoй и oчeнъ aмбoцoзoннoй В. Дaнoлeнкo. Oднoгo cчoтaют пpeдcтaвoтeлeм нaтoвoзрeнoя, втoрoгo – кoнтрaкoльтoрoзoм [Юрчoк 2010].

Кaк тpaнcфoрмaцoя aпoкaлoптoчecкoх нaстрoeнoя в твoрчecтвe В. Шeвчoкa oжoвoтoт oтoлoскo oкpaнoскoгo бaрoккo c eгo cтoлoстoчecкoй вoтoвoтoгoстъo, мeтaфoрoчecкoм oсмыслeнoмo жoзнo и бoблeйскoм oчeрeнoм oбъoтa и бъoтoя. Тoп брoдoчeгo фoлoсoфa, хoдoжoкa, жoвoщeгo в бaшнe oз cлoнoвoй кoстo, cвoрeннoгo Скoвoрoдo cрoзвoчeн рeлoгoзoнo-мoстoчecкoмo aспeктo вoдeнoу мoрo («Дoм нa гoрe», «Трoпoчкa в трaвe», «Oкo Пpooпaстo»). Нe тoлькo в oтoрoчecкoх рoмaнaх, нo и в тeкcтaх o пpoблeмaх и лoдoх XX cт. В Шeвчoк вeрeн cвooм oмoрoвoзрeнeчecкoм oпoчнoцoм – зa бъoтoвoмo пpooзeмлeннoмo сoтoцoя хoдoжoк oчeрeнo тpaгoчecкoу нeпoзнaннoсть и нeдoскaзaннoсть Бoжъeгo зaмoслa, чтo пoрoждaeт oсoбoу, нeпoвтoрoчeнoу мaнeрo пoчъмa – oтcлeдoвaнo тeктoнoчecкoх глoбoн пoчoлoгoо oпoчнoгo чeлoвeкa и oсмыслeнo пoдoбнoгo чeлoвeчecкoгo тoпo нa пpooчeвoм oурoвнe («Лoннaя кoкoшкa oз Лaстoчкoнa гнeздa»).

Пpooзa мoлoдoх пpeдcтaвoтeлeй Жoтoмoрoскoй шкoлo – этo oгpa, бoрлeск, oщeчeнo oрeaльнoстo и нeстaбoльнoстo мoрo (В. Дaнoлeнкo, В. Врoблeвскoй, Ю. Гoдъ, В. Янчoк). Пpooвeржeннoсть к oюмoрo нeскoлъкo aбсoрдoстoкo тoлкa пoрoдoлa бaлaгaннo-рeaшeннoу пoэтoкo в нaцoнaльнoх oдeянoях (жoрнaл «Aвжeж!», aльмaнaх «Oпoу-

дало»). Эпатажная, часто табуированная лексика, сленг, суржик тем не менее через языковое сознание автора решают задачи не только создания «эпопеи» под названием «Полесиада», но и являются социальным бичом для власти. Все представители школы считают себя своего рода «археологами», чья задача сохранить, как декларирует это еще один мэтр школы Е. Концевич, «провинциальность, которая не столько географическая категория, сколько состояние души» [Концевич 2010: 310]. Е. Концевич (1935 – 2010) – с юности прикованный к инвалидной коляске, эрудит и строгий мастер, менее всего эксплуатирует диссидентскую тему, хотя социальный аспект в его произведениях всегда точно угадывается, но главное в его творчестве – это реинтерпретация моделей архаичной земледельческой цивилизации, основанной на природной морали и национальных традициях (цикл «Голубиные пастели»). В рамках «школы» в его творчестве усиливается экзистенциальная философско-эстетическая доминанта и нарастает стихия иронической травестики, а деталь обретает глубокий психологический подтекст (новелла «Почему она молчит?»).

Эпоха, которая встает со страниц книг житомирян, имеет свое внутреннее движение, хотя жизнь в провинции внешне спокойна и неподвижна, но сквозь нее все яснее преломляется личность, чаще всего изуродованная социумом, но сохранившая в себе реликтовые черты своих пращуров, своего полесского рода. Представители Житомирской прозаической школы демонстрируют «соборное» отношение к истине, которая, невзирая на разные художественно-мировоззренческие русла, безусловно, обновляет и обогащает современную украинскую литературу.

Л и т е р а т у р а

- Вечера на дванадцять персон: Житомирська прозова школа / Упоряд., передм., ред. В. Даниленка. – К. : Генеза, 1997. – 544 с.
- Концевич С. Клекот глухоти. Зібране. – Житомир : Рута, 2010. – 640 с.
- Житомирський феномен: спецвипуск часопису «Світло спілкування». – Житомир : М. Косенко, 2007. – 416 с.
- Юрчук О. У тіні імперії. Українська література у світлі постколоніальної теорії : монографія. – К. : Академія, 2013. – 223 с.
- Юрчук О. Житомирська прозова школа: нативізм (В. Шевчук) і контркультурація (В. Даниленко) // Волинь-Житомирщина. – Вип. 20. – Житомир : Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2010. – С. 218–232.

Н.В. Боронникова (Пермь),
Е.В. Верижникова (Москва)

Фатические междометия в македонском языке

Классификация междометий может быть построена на различных основаниях: в зависимости от происхождения единицы, ее знаковой природы, формы, семантики, функций в структуре речевого акта. Мы вслед за Ф. Амекой остановились на функционально-прагматическом подходе. Ф. Амека выделяет экспрессивные, конативные и фатические междометия [Амека 1992: 113]. Предложенный Ф. Амекой подход кажется весьма плодотворным, однако исследователь останавливается лишь на трех функциях из шести в классификации Р.О. Якобсона [Якобсон 1975]. Мы сочли возможным использовать при классификации междометий все шесть функций, выделяемых Якобсоном и соотносимых с основными компонентами речевого акта. По ведущей функции в тексте выделяются следующие виды междометий: 1) экспрессивная функция: эмотивы, когнитивы; 2) конативная функция: императивные, вокативные, подзывные-отгонные слова; 3) фатическая функция: контактивные, хезитационные; 4) квазиреферентивная функция: звукоподражательные, глагольные интеръективы; 5) метаязыковая функция: имитация кода; 6) поэтическая функция: запевы, рефрены.

Для установления и поддержания коммуникативного контакта используются фатические междометия. К ним относятся вокализации, выражающие отношение говорящего к контакту, в частности, сигналы поддержки обратной связи, сигналы временного затруднения в порождении речи (хезитация) и т.п. Одну из специфических групп единиц для поддержания контакта в македонском языке представляют общеполканские единицы типа *море* (термин Ю.С. Карпенчук), представленные междометиями *море, мори, бре, бе, ма*. Эти единицы входят в набор специальных средств для установки и поддержания контакта, которые Я. Матрас называет модификаторами высказывания ('utterance modifiers') [Matras 1998: 281], в условиях многоязычия эти единицы обеспечивают понимание между коммуникантами.

В македонской лексикографической традиции эти лексемы, как правило, рассматриваются как междометия [РСХТ; ЗМ; РМНП] и как частицы [ИМЈ]. По словам Ю.С. Карпенчук, среди лингвистов отсутствует единое мнение относительно частеречной принадлежности этих единиц: их относят к междометиям, усилительным частицам при вокативе, к восклицаниям. Все это говорит о их полифункциональности. В связи с этим она рассматривает их как 1) самостоятельные обращения; 2) вокативные частицы, сопровождающие стандартизованное обращение; 3)

междометия [Карпенчук 2001]. При их описании необходимо учитывать их лексико-грамматические, функционально-стилистические характеристики, а также прагматические и социолингвистические условия употребления.

Функционально-прагматический подход к междометиям позволяет рассматривать эти единицы в ряду междометий с учетом того, что в словесной структуре сообщения так или иначе проявляются все коммуникативные функции, причем отсутствует монопольное проявление какой-либо одной функции, и зачастую одну функцию сложно отграничить от другой. Это отчетливо видно на примере анализа употребления лексемы *мори*.

Лексема *мори* используется при установлении и поддержании контакта с одним или несколькими адресатами женского пола при ты-коммуникации. Адресат может подразумеваться из контекста, а также может быть обозначен именем собственным, термином родства, именем нарицательным (в том числе и словосочетанием), личным местоимением. При этом высказывание, как правило, имеет народно-разговорный или сниженный характер: *АНА (на жетварките.) Елате мори, влезете ваму!* (Р. Крле); *Децата легнале на едно снопче 'ржаница во гумното и се тресат. Како прат над вода се тресат, а лежат на сонце. Гледаат во мене и зборуваат. / – Капинке, мори, Свездане, море, велама, што правите, прав јас да се направам, што горите на сонцето, им велама* (П.М. Андреевски).

Особое внимание следует уделять типу адресата, это может быть не только реальным собеседником, а некий персонифицированный объект, животное, сакральный адресат и даже сам говорящий при автокоммуникации: *И Доста веќе си постави задача и син да си «издутне». / «И-и-и, човечко око ненаситно,» се прекори сама. – «Дури не ми беше стигната Нешка, ка си веле?: Море, маче шо е маче нека ми даде господ, само да е од мое срце. А сега, еве ве, слепела; виде кубаса, па сакаш и крвавица. Те замеша господ во векот со едно, сега ти текнало па за друго. Де, мори Доцо, де мори вчерашна голтарачко и слугинко светска!»* (С. Попов). Основная функция, которая реализуется в сообщениях подобного типа, – фатическая. В обращении достаточно сложно разграничить конативную и фатическую функции, потому что основное их назначение – адресация, только в случае фатической коммуникации на первый план выходят прагматико-социальные факторы. Кроме того, в текстах народно-разговорного характера лексема типа *мори* часто выступают в качестве ритмизирующего средства, поэтического заполнителя пауз в речи.

Что же касается собственно «междометного» употребления *мори* в эмоциональной функции, то следует отметить, что и здесь не происхо-

дит полного стирания адресации, как в случае с обыгрыванием первоначального значения междометного выражения: *Оф, мори мајко, си мислам, сите во маката бараме мајка. Мајка да не се најде. И да ја влечиш по земјата мајката, со кукачка да ја влечиш, таа пак ќе те жали* (П.М. Андреевски).

Литература

- Карпенчук Ю.С. Слова типа *more* в функции обращения как проблема балканского языкознания: На материале албанского и новогреческого языков: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Санкт-Петербург, 2001. – 340 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: „за“ и „против“. – М.: Прогресс, 1975. <http://philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>. Состояние: 17.04.2012.
- Шмелев А.Д. Парадоксы адресации // Логический анализ языка. Адресация дискурса. – М., 2012. – С. 135–148.
- Атека F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics. – North-Holland, 1992. 19 (1992). – P. 101–118.
- Matras Y. Utterance modifiers and universals of grammatical borrowing // Linguistics, 36 2(1998) – P. 281–331.

Словари

- ЗМ: *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. – Скопје, 2005. XV. – 948 с.
- РМНП: Речник на македонската народна поезија. / Под редакција на Т. Димитровски. – Скопје, 1983. Т. I: А–Г. – 452 с.; Скопје, 1987. Т. II: Д–S. – 506 с.; Скопје, 1993. Т. III: И–К. – 529 с.; Скопје, 2001. Т. IV: Л–М. – 379 с.
- РСХТ: Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања / Ред. Б. Конески. Составувачи Т. Димитровски, Б. Корубин, Т. Стаматоски. – Скопје, 1961. Т. I: А–Н. – 510 с.; Скопје, 1965. Т. II: О–П. – 595 с.; Скопје, 1966. Т. III: Р–Ш. – 606 с.
- ИМЈ: Толковен речник на македонскиот јазик / Главен редактор К. Конески, раководител на проектот С. Велковска. – Скопје, 2003, Т. I: А–Ж. – 637 с.; Скопје, 2005. Т. II: З–К. – 675 с.; Скопје, 2006. Т. III: Л–О. – 613 с.; Скопје, 2008. Т. IV: П. – 680 с.; Скопје, 2011. Т. V: Р–С. – 623 с.

М. Браксаторис (Москва)

Основная функция падежа имен существительных в отношении меры падежного синкретизма в праславянском, словацком и восточнославянских языках

Автор доклада представляет частичные результаты исследования, в рамках которого он выработал метод количественной оценки меры падежного синкретизма и применил его к материалу склонения имен существительных в словацком и восточнославянских языках (на фоне праславянского состояния). В результате этого он выявил несколько основных тенденций, которым были посвящены его предыдущие работы. В настоящем докладе рассматриваются избранные аспекты одной из этих тенденций, а именно: общее снижение меры падежного синкретизма и

снижение меры сложности интерпретации словоформ имен существительных в исследованных современных языках (по сравнению с праславянским). Эта тенденция в докладе соотносится с проблемой ее связи со снижением частотности других средств языка с аналогичной функцией. Данная проблема связана с лингвистическим тезисом о конкурентности сосуществующих явлений.

Опираясь на имеющиеся теории, автор предлагает собственное понимание основных функций падежных форм, описывая роль падежа в идентификации семантической структуры, выраженной предложением. Автор констатирует, что, если вообразить, что было бы без падежа (при свободном порядке слов), становится очевидной его роль в идентификации соотношения аргумента (в логико-математическом смысле) и валентной позиции. Предлагаемое им описание является симметричным (с точки зрения понимания соотношения аргумента и предиката), так как управление глагола он эксплицирует как правила совместимости падежа с определенной валентной позицией. По мнению автора, с точки зрения процесса интерпретации предложения падеж является в первую очередь показателем, на основе которого мы способны соотнести аргумент (выраженный именем в падежной форме) с одной из валентных позиций предиката. Такое понимание соотношения аргумента и предиката близко к пониманию аппликации функции многих переменных (областью определения которых являются множества кортежей /упорядоченных n -ок/): падеж определяет, в каком порядке подставлять аргументы на место отдельных переменных (определяет значение аргументов данной функции /в логико-математическом смысле/). Под предикатом (применяемой функцией) он понимает широко не только (традиционно понимаемое) сказуемое, но и предложно-глагольные ("*положить ... под ...*") и т. п. сочетания, полученные путем отделения аргументов от предложения (в том числе с пропуском глагола, как напр. "... (*предназначенная*) для ...", "... (*находящаяся*) на ..."). Автор констатирует, что аналогичную падежу роль играют и другие средства языка, главным образом порядок слов, позиция предлога и контекст (языковой, эмпирический или прагматический). Другие функции падежа (идентификация структуры пропозиции посредством категории согласования, сигнализация тема-рематических отношений и т. п.) пока не находят отражения в предложенном определении. Правила совместимости аргумента и валентной позиции часто создают условия снятия неоднозначности предлогов.

Автор приходит к заключению, что если функцию, аналогичную падежу, выполняют также другие языковые средства (в некоторых источниках в данной связи даже пишут об избыточности падежных морфем в флективных языках), то в смысле гипотезы о конкурентности сосущест-

вующих явлений с аналогичной функцией можно предположить, что по мере роста однозначности будет падать частотность предложных конструкций. Оказывается, однако, что конкурентность флективности и аналитизма не подтверждается, так как в рамках морфологии главным образом восточнославянских, но также и словацкого языков хорошо известна тенденция к замене беспредложных конструкций предложными и тенденция к аналитизму. По мнению автора, увеличение частотности падежных конструкций одновременно с тенденцией к однозначности падежных форм связано с общей тенденцией к более точной передаче необходимого смысла, причем в данном контексте, вероятно, можно говорить о синергии обеих тенденций, непосредственно связанных с точностью передачи информации.

Выводы, касающиеся основной функции падежа, автор соотносит с вопросом, является ли синкретизм более допустимым в случаях, в которых можно предполагать, что соответствующую функцию будут выполнять другие средства языка или подходящий (прагматический или эмпирический) контекст. В свете этого вопроса он пытается толковать сохранение синкретизма в дат. / пр. п. ед.ч.; род. / вин. п. одуш. и им. / вин. п. неодуш. имен существительных и аналогичные явления в словацком и восточнославянских языках (с различным объемом категории одушевленности).

Е.А. Брызгунова (Москва)

Синтаксический аналитизм в русском языке и гипотеза о его происхождении

В докладе показывается сосуществование предложений синтетической и аналитической структуры. Высказывается гипотеза о том, что упрощение системы времен древнерусского языка и формирование грамматической категории видов глагола способствовали развитию синтаксического аналитизма в русском языке.

Ж.Ж. Варбот (Москва)

Опыт историко-этимологического исследования лексико-семантических полей в семинаре по этимологии

Одним из методов исследования лексико-семантического поля как определенной составляющей языковой картины мира является этимологическо-мотивационный анализ поля. Он позволяет определить выделенные этносом признаки предметов, явлений, с выходом на представления, понятия. Вместе с тем этимологическо-мотивационный анализ

обнаруживает степень использования в различных полях отдельных этимологических гнезд. Сочетание этимологическо-мотивационного анализа с историческим (исследованием состава поля на протяжении истории языка) дает возможность определить степень устойчивости / изменчивости мотивационных моделей (=представлений этноса) и направление семантического развития функционирующих в поле этимологических гнезд.

Исследование лексико-семантических полей в семинаре по этимологии на кафедре русского языка в течение последних 15 лет и было ориентировано на указанные возможности историко-этимологического анализа. Было доведено до уровня дипломных сочинений 14 исследований по следующим полям: «множество» (О.А. Усович), «сходство» (С.Г. Тамбовцева), «счастье / доля» (Г.И. Урбанович), «страх» (Н.Е. Безгина), «безумие» (М.В. Турилова), «здоровье / болезнь» (С.А. Мельникова), «колдовство» (М.К. Амелина), «кража» (Ю.М. Муратов), «лень» (Е.М. Устинина), «ошибка» (Д.В. Кулыгина), «обман» (А.А. Ушакова), «насмехаться» (К.В. Бачурина), «клевета» (Д.Ю. Волобуев), «ругать(ся)» (А.В. Хелемендик); из них 4 развернуты впоследствии в кандидатские диссертации – «судьба. счастье», «ругать(ся)», «безумие» и «здоровье / болезнь».

Исследования базировались на материале современного русского литературного языка, определенного круга завершенных словарей русских диалектов различных регионов, исторических словарей, с факультативным привлечением словарей разговорной речи.

Исследования строились в основном по единому плану: определение мотивационных моделей исконной лексики поля, определение набора этимологических гнезд, порождающих лексику поля, частеречный анализ лексики поля, генетический и мотивационный анализ заимствованной лексики в составе поля, определение хронологического распределения (фиксации в памятниках по данным словарей) лексем и мотивационных моделей.

Общность источников материала и однотипность построения исследований позволяют сопоставлять полученные результаты и делать некоторые обобщения относительно отдельных областей языковой картины мира как отражения соответствующих представлений этноса.

Существенными представляются следующие результаты:

поля различаются количеством составляющих их слов (числа округлены до десятков) «насмехаться» – 210, «ошибка» – 265, «лень» – 270, «клевета» – 310, «судьба, счастье» – 330, «кража» – 400, «безумие» – 500, «сходство» – 540, «страх» – 540, «множество» – 600, «колдовство» – 670, «ругать(ся)» – 850, «обман» – 1330, «здоровье / болезнь» – 3000; даже при учете большего количества источников материала в диссертации

ции по полю «здоровье / болезнь», примечательно порядковое превышение его лексического наполнения (ср. диссертационные материалы о «счастье», «ругать(ся)», «безумие»);

рассмотренные поля различаются количеством мотивационных моделей (приводимые числа имеют значение не как абсолютные величины, а как средство сопоставления полей): «кража» – 7, «сходство» – 11, «ошибка» – 18, «лень» – 21, «колдовство» – 22, «множество» и «насмехаться» – по 23, «клевета» – 24, «судьба, счастье» – 28, «страх» – 29, «безумие» – 38, «обман» – 51, «здоровье / болезнь» – 71, «ругать(ся)» – 72; кажется, большее количество мотивационных моделей какого-либо поля в сравнении с другими отражает относительно большую эмоциональную значимость соответствующих понятий (хотя см. равенство «множество» и «насмехаться»);

обнаружено преобладание относительной исторической стабильности мотивационных моделей для всех рассмотренных полей (то есть относительная устойчивость представлений этноса), при этом наибольшая мотивационная стабильность характерна для полей «сходство», «ругать(ся)» и «обман»; некоторые изменения характеризуют также поля «судьба, счастье» и «страх»; наибольшая изменчивость обнаружена в полях «множество», «колдовство», «безумие», «кража», «лень», «насмехаться», «клевета» (для полей «колдовство», «безумие», «кража», «лень», «насмехаться», «клевета» изменчивость может быть обусловлена идеологическо-социальной значимостью явлений);

народноэтимологическое преобразование лексем часто ориентировано на смену первичной мотивационной модели на более позднюю;

антонимии лексико-семантических полей в основном соответствует антонимия мотивационных моделей, но возможно и тождество моделей (поле «здоровье / болезнь»);

количество этимологических гнезд по полям также различно, но следует считаться с различной степенью продуктивности образований отдельных гнезд: «сходство» – 37, «кража» – 46, «колдовство» – 49 «насмехаться» – 51, «ошибка» – 57, «клевета» – 62, «судьба, счастье» – 68, «безумие» – 70, «страх» и «лень» – по 90, «обман» – 126, «ругать(ся)» – 184, «здоровье / болезнь» – 476; естественно некоторое соответствие между количеством гнезд поля и количеством мотивационных моделей (см. выше данные о полях «безумие», «обман», «ругать(ся)», «здоровье / болезнь»);

поля «ругать(ся)», «насмехаться», «клевета», «обман» составляют преимущественно глаголы, поля «колдовство», «кража», «здоровье», «страх», «ошибка» – глаголы и имена действия / состояния; имена состояния и субъекта состояния характерны для поля «лень»; имена со-

стояния – для поля «судьба, счастье»; существительные преобладают в поле «множество», а прилагательные – в «сходство»;

возможно предпочтение определенных словообразовательных моделей в некоторых полях (*об-* в «обман» и «ошибка», *на-* в «клевета», возвратные глаголы в «насмехаться»);

существует непосредственная связь между дифференциальными признаками, различающими лексемы поля, и мотивационными моделями, формирующими поле;

предложено этимологическое толкование для ряда темных диалектных слов: *высоколить*, *выхрамить*, *созноб*, *покремнуть* (поле «ругать(ся)»), *сбрэндить*, *сдерихон*, *ошутеть* («безумие»), *лунуть*, *дело кошель* («судьба, счастье»), *векища* («колдовство»), *прочадь*, *обшестаться* («ошибка»), *наямить* («клевета»), *подъелдычить*, *хурдулить* («насмехаться»).

В.Ф. Васильева (Москва)

К вопросу о частеречной конверсии

Несмотря на широкое употребление термина «конверсия» применительно к частям речи как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике, языковая природа этого явления на сегодняшний день до конца не выяснена и остаётся дискуссионной. Уточнения требует само понятие «перехода части речи». Оно может приниматься лишь с большой долей условности. Дело в том, что сама часть речи никуда не переходит. Часть речи или функционирует в языке, или не функционирует. «Переходить» способен лишь языковой знак, а в ряде случаев лишь его материальная оболочка. Под понятие конверсии подводятся неоднородные явления, которые могут быть отнесены к разным типам транспозиции [Dokulil 1982:272-279]. Конверсией в узком понимании считается возможность одного и того же языкового знака выполнять функции разных частей речи без какого-либо изменения его материальной оболочки: *правда* (сущ.) – *правда* (частица), *вокруг* (наречие) – *вокруг* (предл.), *зло* (сущ.) – *зло*(нареч.).

Совмещение в одном языковом знаке функций разных частей речи позволяет исследователям относить к конверсии и явление субстантивации прилагательных и причастий, адвербиализацию глагольных форм: *раненый* (боец) – *раненый*, *командующий* (армией) – *командующий*, *лёжа* (на диване, смотрел на часы) – (читал) *лёжа*.

К конверсии в широком понимании относят случаи совпадения основ исходного и результирующего слов: *золот-о* – *золот-ой*, *соль* – *солить*, *весёл-ый* – *весел-о* и т.п.

Теоретически не решёнными до сих пор остаются те случаи, когда, казалось бы, нельзя точно установить, выполняют ли функции разных частей речи разные слова, тождественные по форме, или же одно и то же слово. Это явление часто определяется как омонимия. Наиболее широко явление так называемой омонимии представлено в разрядах служебных частей речи. Так, в современном русском языке функцию союзов и частиц выполняют неполнозначные слова *и, а, да*; функцию предлога и междометия выполняет *о* (*О! Какая красота! – Ты не думай о ней*); функцию предлога и частицы выполняет *на* (*на столе ничего нет – на, возьми*). Первообразность языковых единиц в указанных и подобных случаях устанавливается часто этимологически. Синхронный анализ в большинстве случаев не может дать абсолютно достоверного ответа. Следовательно, проблема омонимии остаётся открытой. Однако напрашивается вопрос, действительно ли во всех случаях речь идёт о нескольких знаках, совпадающих по форме, или же функции разных частей речи выполняет один знак. Если этот знак неожиданно лишается всех своих лексических и морфологических значений, то «переход» происходит «на пустом месте», что само по себе представляется нереальным, ибо не имеет обоснования. Если же допустить, что в самом конвертируемом знаке заключаются предпосылки для выполнения функций нескольких частей речи, то это явление свидетельствует о грамматическом синкретизме. В таком случае языковой знак обладает наличием признаков, релевантных для его транспозиции, которая реализуется в условиях определённой синтаксической структуры. Грамматический синкретизм означает, что обе части речи имеют некое общее понятийное пространство, общий семантический сегмент. Именно на этом участке обе части речи оказываются, условно говоря, взаимопроницаемыми. Однако это вовсе не предполагает равноправного «двустороннего движения» языковых знаков. Если, например, то или иное полнозначное слово выполняет функцию неполнозначного слова, это не означает, что последнее может обязательно выполнять функцию полнозначного слова, хотя такая возможность не исключается полностью. Понятие взаимопроницаемости лишь констатирует факт возможного перекрещивания слов на определённых участках понятийных пространств [Кривоносов 2001: 576 и сл.]. В основе концепции перекрещивания класса слов лежит известное положение о наличии у них сильных (ядерных) и слабых (периферийных) признаков. Сильные признаки являются принадлежностью только одного класса, слабые признаки служат предпосылкой для возможного пересечения данного класса с другими классами. «Язык – система настолько сложная, что между языковыми явлениями нельзя провести строгие границы» [Mathesius 1961:40]. Этот факт позволяет высказать мнение, что «каждую часть

речи можно субстантивировать, каждое наречие и глагол можно адъективировать, каждое прилагательное и качественное существительное можно вербализовать» [Dokulil 1982 :262]. Понятно, что в данном случае речь идёт прежде всего о возможности изменения синтаксической функции слов, т. е. о синтаксической транспозиции, подобно транспозиции морфологической: *Мне надоели твои ахи; А он плюх в воду; На второе подали запеченную севрюгу; Наступило долгожданное завтра.* Возможность взаимопроникновения класса слов зависит от степени их взаимной удалённости. Так, в частности, «тесная связь категории наречия с частицами приводит к образованию промежуточных типов между наречиями и союзами ... многие союзы **одновременно** (выделено нами – В.В.) являются и наречиями» [Виноградов 1972: 316]. Близость значений деепричастий и наречий позволяет В.В.Виноградову дать определение деепричастия как гибридной наречно – глагольной категории [там же: 308]. Прогнозирование взаимосвязи частей речи требует всестороннего анализа функционирования на всех уровнях языковой системы как класса слов, так и входящих в него частных разрядов. Рассмотрение каждого отдельного случая требует учёта индивидуально-лексических и категориально-семантических свойств языковой единицы. Взаимопроницаемость классов слов находит поддержку в самом морфологическом потенциале той или иной части речи. Так, например, имя существительное, как указывает сам термин, репрезентирует в языке всё сущее, то есть то, что существует самостоятельно в реальном мире. Всё сущее – конкретно, имеет свои пространственные границы, и существительное выражает эти конституирующие признаки морфологическими категориями числа, рода, одушевлённости // неодушевлённости. Вместе с тем функционирование морфологических категорий имени позволяет представить как сущее явления, существующие исключительно в человеческом сознании. Известно, что не существуют сами по себе такие реалии, как *прыжок, бег, глупость, беда, уныние, радость* и подобные абстракции. Однако морфологический потенциал существительного позволяет их представить как сущности. Именно способность опредмечивания качества и действия порождает явление субстантивации прилагательных и глаголов и обеспечивает им возможность выполнять функции существительного. При этом субстантивация бывает неполной, когда транспонируемые языковые единицы продолжают выполнять свои примарные грамматические функции. Явление неполной субстантивации свидетельствует о грамматическом синкретизме языковой единицы. Позволительно согласиться с «переходом» языковой единицы в новую часть речи лишь в тех случаях, когда лексема в процессе функционирования полностью утрачивает свои исконные грамматические и лексические качества. Например, в современном русском языке

не функционируют прилагательные *лесничий, горничная, гостиная, приданое*. Однако указанные и многие другие подобные случаи относятся к компетенции исторической лексикологии. На синхронном уровне такой «переход» можно считать условным, ибо подобные лексемы могли образоваться по модели как, например, *шашлычная, пельменная*.

Всё вышесказанное позволяет заключить, что понятие «конверсии частей речи» являет собой средоточие лингвистических проблем, требующих дальнейших исследований. Это грамматический синкретизм, историческая функциональная модификация языковой единицы, явление омонимии, функционирование морфологической и синтаксической транспозиции, характер взаимодействия семантических и грамматических факторов.

Л и т е р а т у р а

- Виноградов В.В.* Русский язык. – М., Высшая школа, 1972. – С. 308-317
Кривоносов А.Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. – Москва; Нью-Йорк: Изд-во «ЧеРо», 2001. – С. 576-580.
Кубрякова Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: Изд-во АН СССР, 1978. – С. 44-47.
Dokulil M. K otázce slovnědruhových převodů a přechodů, zvl. transpozice // Slovo a Slovesnost, XLIII, 1982. – S. 257-271.
Mathesius V. Obsahový rozbor současné angličtiny na základě obecně lingvistickém. – Praha 1961. S. 38-41

Г.М. Васильева (Новосибирск)

«Квартирно-героический эпос» и «квартирный вопрос»: к истории прототекста в романе М.А. Булгакова

Персонаж Булгакова – Михаил Александрович Берлиоз – представляет себя как редактора одного из «толстых» художественных журналов. Мы полагаем, что речь идет о журналах «Будильник» и «Сатирикон (Стрекоза)». В «Будильнике» рассматривались актуальные вопросы, согласно программе ангажированного реализма, выдвинутой П.-Ж. Прудоном, – на фоне одновременного сложения ранних форм массовой культуры. Подобная установка подразумевала семантическую редукцию языка (до самоочевидности и тавтологии). Она сочеталась с эстетизмом, гротеском, опорой на традиции европейской культуры. Журнал можно сравнить с лучшим сатирическим еженедельником Европы на рубеже XIX–XX веков – «Симплициссимусом» («Simplicissimus»).

Эмблема «Будильника» – образ Мефистофеля – всегда располагается в левом верхнем углу обложки: «съ бородкой à la Henri IV и въ красномъ плаще на плечахъ, вы, конечно, хорошо знаете?» [Атцево 1890:

10]. На страницах журнала происходит «великое переселение» образов из трагедии Гёте. Используется один и тот же прием: имитация оригинала в ином материале. Источником жизнеутверждающего пафоса и порыва к тотальности является стиль барокко, присущие ему откровенная театрализация и саморазоблачительный иллюзионизм (драма «Женщина-Мефистофель», «Фаустина (Современная трагедия в стихах)», и т.д.)

Сатана «Будильника» похож на «консультанта с копытом». Так назывался первый вариант романа «Мастер и Маргарита» (1928). Мефистофель комментирует мир. Этот мир представляют все формы ритуальной, кодифицированной и перформативной речи: диалог в драме, редакционная статья, сообщение, директива, алармистский этюд, и т.д. Тексты (в их линейно-поступательном расположении из номера в номер) образуют структуру перечня возможных суждений, фактов, пожеланий.

Мефистофель сосредоточил в себе все миссии. В известном смысле его деятельность можно оценить как литературно-художественную. В журнале есть постоянная стихотворная рубрика Дьявола. Он писатель, и может предъявить наглядный продукт своей деятельности. Его литература является сокровенным поприщем для всех родов деятельности. «Мыслительство» подчеркивается как особая склонность ума Мефистофеля. Он находится в постоянном движении. Мыслит предмет, объемлет его, владеет им («Соль премудрости», «Соль», «Философия Мефистофеля», «Размышление Мефистофеля», «Идейка Мефистофеля», «Странное противоречие», «Логический вывод», «Хитрая штука», «Вопрос», «Causa Causatum»). Сатана пребывает с затаенной «думой на челе». Он подступает к предмету мысли, обходит вокруг него («Изъ думь Мефистофеля», «Думка Мефистофеля», «Каламбурь Мефистофеля», «Остри!», «Признание Мефистофеля», «Послание Мефистофеля» (Легкий ”взгляд“ на Европу), «Серьезный куплет»). Его мысль мудреца обрела точку опоры, он пребывает в духовном покое. Сатана, зная истину, желает согласовать с нею жизнь юношества («Мефисто – о браке», «Мефисто – о медицине», «Мефисто о мужчине». «“Цель жизни” (По Мефистофелю)», «Сынъ века», «Отцы и дети», «Науки юношей питають», «Подъ луной», «Эпитафия (Акrostихъ)»). Глубокомысленный Мефистофель не отклоняется от норм здравомыслия. Он воплощает всеобщее здравомыслие, патримониальное отношение к миру («Советь Мефистофеля», «Советы», «Советь», «Благоразумный советь», «Прежде и теперь (Советь Мефистофеля), «Советь юноше», «Мефистофель поэту», «Советь обывателю», «Обывателю», «Не верь! (Советь Мефистофеля)», «Советь Мефисто», «Пасхальный советь», «Злобы дня»). Сохраняя в каждом отдельном случае своеобразие замысла, даже в сво-

ем фрагментарном состоянии стихи «выдают» общую тенденцию. Главная тема обсуждений – многодумный коммунальный проект, проблемы соцкультбыта в столице и в «Провинциальной Думе». На страницах журнала постоянно обсуждаются «квартирный кризис», «острый квартирный кризис», «квартирный вопрос», «квартирный контракт», «меблированный ад», «правила для квартирантов», «московские квартиры и квартирники (краткие характеристики)». Речь идет о предложении мира, который не пригоден для обитания. Вечное строительство в царстве приостановленного мгновения заменяет деятельный пафос мироустройства. Речи Мефистофеля напоминают двойные софистические рассуждения (как в древности, «против природы» и «за природу»). Изменение драматической ситуации приводит к переоценке добродетели. Продолжается традиция эленктических диалогов (др.-греч. *ελεγκτις*, испытание). Мефистофель испытывает мнения на логическую непротиворечивость: соответствие речей и поступков. Двойственный эффект задан сочетанием изображения и слова, они вторят друг другу. Авторы журнала апеллируют к визуальной лексике распространенных в России XVIII–XIX веков эмблематов. Создают новые сюжетные миры языком художественной иконографии. Журнальные иллюстрации выполнены в манере массовой изопродукции: лубочной живописи-словесности. Единство идеоида, отчасти сохраняясь, распадается благодаря рефлексии и иронии создателей.

Фраза Булгакова («... квартирный вопрос только испортил их...») представляет маленькую драму, включающую в себя процесс, акторов и обстоятельства, восстановление ценностного порядка.

Возникает эффект цитации (скрытой), даже если сами ассоциации неотчетливы. Писатель имеет в виду не конкретный текст, но его модель; использует ключевые слова этого обобщенного прототекста как цитаты идиостиля.

Цитата задает тему и формирует неустрашимый слой семантики. В многомерной реальности мира Булгакова антропоморфизм уступает место теоморфизму. Мир доступен для жизнестроительных актов мысли.

Л и т е р а т у р а

Атцево [Псевдоним]. Женщина-Мефистофель // Будильник, 1890. №2. 14 января.

Д.Ю. Ващенко (Москва)

Функции предикатов внутреннего состояния в структуре поэтического текста (на материале современной словацкой лирики)

Предметом нашего рассмотрения будет идиостилевая нагруженность в поэтическом тексте предикатов внутреннего состояния (далее: ПВС). Они, в свою очередь, членятся на ментальные предикаты (далее МП) и эмотивные предикаты (ЭП) [Зализняк 2006: 444]. Выбор именно этой семантической группы связан с тем, что ПВС в силу своей эксплицитной ориентированности на внутренний мир человека являются из всех предикатов наиболее «лирически признаковыми». Материалом для анализа послужило творчество десяти словацких современных авторов. Это Милан Руфус, Мила Гаугова, Штефан Моравчик, Ян Замбор, Рудолф Чижмарик, Мария Баторова, Павол Яник, Виера Прокешова, Мариан Групач, Петер Били. От каждого автора выборка составляет около 1500 предикатных единиц. В качестве основных параметров анализа мы будем рассматривать следующие показатели:

1. **Сравнительная частотность ПВС** колеблется от семи до двадцати процентов и в целом составляет четырнадцать процентов. У трех женщин, включенных в подборку, процент ПВС приближается к среднему показателю либо отличается от него в меньшую сторону. В плане соотношения МП / ЭП в составе ПВС средняя картина показывает примерно одинаковое соотношение обеих групп с некоторым перевесом МП, число авторов, у которых процент МП больше процента ЭП, превышает число авторов, у которых наблюдается противоположное соотношение. Гендерный аспект опять-таки показывает большее тяготение женщин к среднему показателю. Отметим также определенную взаимосвязь между общим числом ПВС и соотношением МП / ЭП — авторы, у которых число ПВС больше или меньше среднего, как правило, демонстрируют большую разницу между МП и ЭП. Авторы, у которых процент ПВС выше «нормы», имеют большинство МП, а авторы, у которых процент ПВС ниже «нормы», имеют большинство ЭП; 2. **Лексическая специфика** предикатов внутреннего состояния и сравнительная частотность отдельных подклассов лексики. Во всех идиолектах доминирующую позицию занимают как минимум две семантические группы МП — это МП ментального процесса и МП сохранения знания (таксономию МП см., напр., в [Гак 1993: 22–29]). Авторы распадаются на три группы — 1) доминирование предикатов ментального процесса и сохранения знания; 2) доминирование трех групп — указанных двух плюс предикаты соответствия степени адекватности (авторы, которые как бы

«устраивают реальности поверку на адекватность») 3) равномерное распределение МП всех семантических групп. Отметим определенную взаимосвязь между количеством МП в целом в плане отклонения от среднего процента — и количеством МП соответствия степени адекватности: авторы, у которых процент МП либо значительно больше, либо значительно меньше среднего, имеют высокий процент предикатов, обозначающих неадекватность восприятия действительности. Базовыми для всех авторов ЭП являются ЭП любви и страха, которые практически во всех идиолектах занимают центральное место. Гендерный аспект в плане распределения ЭП по семантическим группам существенной роли не играет. **3. Из грамматических характеристик** стилистически нейтральным для лирики является настоящее время изъявительного наклонения глагола без модальных показателей и без грамматических трансформаций. На этом основании идиостили подразделяются на нейтральные (реальные), соответствующие вышеуказанному критерию, и грамматически маркированные (ирреальные). В последних отдается предпочтение прошедшему времени глагола и его различным модальным модификациям. Прошедшее время, как правило, выступает в связке с модальностью: чем больше в идиолекте предикатов в прошедшем времени, тем больше вероятность обнаружения в нем косвенных наклонений и модальных показателей при глаголе. 4. В плане **специфики заполнения актантных позиций** все авторы четко разделяются на три группы. 1) доминируют агенсы 1 лица и пациенсы 3 лица; 2) доминируют либо конкурируют с 1 лицом агенсы 3 лица; 3) отдается предпочтение неопределенно-личным предложениям с агенсом 2 или 3 лица, отсылающим к 1 лицу («лирическому герою»). Фактически данная ситуация связана с мерой индивидуализации лирического героя. Все зависит от того, является ли лирический герой самостоятельным субъектом действий в своем микрокосме, и тогда его действия направлены изнутри вовне, либо же реалии ментального и эмотивного порядка приходят извне внутрь, а лирический герой является лишь их пассивным носителем.

Суммируем, в зависимости от автора, предикаты сочетаются с определенным типом агенса, который может колебаться от предельно индивидуализированной личности до полной безличности. Различные аспекты функционирования предикатов в лирике соотносятся между собой так, что средства разных языковых уровней выстраиваются в одну систему. В случае с ПВС фактором, определяющим их функционирование в тексте, является отношение между микрокосмом и макрокосмом лирического субъекта, конкретнее, путь преодоления разъединенности микрокосма и макрокосма, способ освоения «внешнего пространства». Эта дилемма может разрешаться лирическим субъектом по-разному —

микрокосм может расширяться до размеров макрокосма, может провозглашаться принципиальная несовместимость этих двух измерений и т. п. Гендерный фактор в лирике проявляется в том, что женщины-поэты более склонны к стабильности, нежели мужчины-поэты, и представляют собой «категориальный центр» любой таксономической соотнесенности.

Литература

Гак В.Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля). – Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки русской культуры, 2006, 671 с.

М.С. Ващенко (Москва)

Вклад славистов Московского университета в развитие русской кroatистики (О.М. Бодянский, А.Ф. Гильфердинг, Н.А. Попов)

Изучение славянских народов, их языков, литературы и истории в Московском университете имеет давние традиции. После принятия в 1835 г. нового университетского устава в крупнейших российских высших учебных заведениях были учреждены кафедры истории и литературы славянских наречий, а первые российские ученые-слависты начали посещать с исследовательскими целями славянские земли, в том числе и территорию современной Хорватии. Именно тогда было положено начало развитию русской кroatистики. Значительную роль в становлении отечественной науки о хорватах сыграли выдающиеся представители различных поколений московских славистов – О.М. Бодянский (1808–1877), А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и Н.А. Попов (1833–1891).

Один из первых русских славистов, филолог, историк и фольклорист Осип Максимович Бодянский, находясь в поездке по Австрийской империи в 1837-1842 гг., посетил и хорватские земли. Ему удалось установить контакты с деятелями хорватского национального возрождения Людевитом Гаем, Станко Вразом, братьями Антуном и Иваном Мажураничами. За время своего путешествия ученому удалось не просто ознакомиться с литературным и историческим наследием Хорватии, но и выучить хорватский язык. В 1846 г. в Москве в его переводе был издан Винодольский закон 1288 г., один из древнейших памятников феодального права южных славян, написанный глаголицей. В своих научных работах Бодянский также затрагивал хорватскую проблематику. Так, в своей докторской диссертации «О времени происхождения славянских письмен» Бодянский использовал «Летопись попа Дуклянина»,

важнейший источник по средневековой истории сербов и хорватов. Судя по комментариям самого слависта к тексту летописи, он был хорошо знаком с ее различными редакциями, а также с новейшими хорватскими научными трудами и периодическими изданиями. В статье «Новые открытия в области глаголицы» ученый писал о распространенности глаголицы в хорватских землях и выражал сожаление, что глаголическое богослужение в Хорватии все больше вытесняется латинским [Бодянский 1856: 545].

Одним из крупнейших московских славистов был Александр Федорович Гильфердинг – ученый, публицист и дипломат. В своей работе «Письма об истории сербов и болгар» исследователь уделяет внимание и событиям средневековой хорватской истории. Ученый называл хорватский народ «главным историческим деятелем и двигателем в Славянском Иллирике, увлекающим за собой и сербов, погруженных еще в какую-то младенческую апатию» [Гильфердинг 1855: 220]. Искреннее уважение у автора вызывало стремление хорватов отстаивать свою независимость на протяжении всей их истории, их решимость дать отпор иноземным захватчикам. Интересовала Гильфердинга и новейшая история хорватского народа. В статье «Славянские народы в Австрии и Турции» он позитивно оценивал роль хорватов в революции 1848 г. Ученый восхищался деятельностью хорватского бана Й. Елачича и осуждал притеснения хорватов в современной ему Австрийской империи. Однако у Гильфердинга вызывало неприятие стремление некоторых хорватских общественных деятелей отделить хорватские интересы от общеславянских и присвоить себе право на соседние области, к примеру, на Боснию и Герцеговину. В статье «Историческое право хорватского народа» он призывал хорватов не «преклоняться перед Западной Европой» и не пестовать в себе чувство превосходства по отношению к другим славянам.

Историк-славист Нил Александрович Попов больше известен как специалист по Сербии, но в его работах звучала и хорватская тематика. Особенно его интересовала жизнь и деятельность лидера иллирийского движения Людевита Гая. В 1879 г. ученый опубликовал обширную статью, посвященную поездке лидера движения в России в 1840 г. Эта статья и по сей день остается единственным подробным описанием пребывания Гая в России. Исследователь подробно писал о связях Гая с русскими учеными, которые всячески помогали ему (в том числе и финансово) во время его путешествия в Россию. Попов считал, что Гай не был политическим деятелем в строгом смысле слова, а его главной задачей было создание литературного языка и деятельность в литературной области вообще. По мнению слависта, Гай стал политиком и публицистом под влиянием обстоятельств, не позволявших ограничиваться

только лингвистическими изысканиями [Попов 1879: 285]. Попов интересовался деятельностью и публикациями хорватских научных и просветительских организаций, в частности, Хорватского археологического общества, деятельности которого он посвятил отдельную статью [Попов 1882].

Подводя итоги, можно сказать, что и Бодянский, и Гильфердинг, и Попов внесли важный вклад в изучение Хорватии в то время, когда российская кroatистика находилась еще в стадии формирования. Их интересовали как вопросы хорватской истории и языка, так и современное положение хорватских земель. Хорватия и ее народ вызывали у ученых искреннюю симпатию и интерес, что прослеживается во всех их работах, посвященных различным аспектам хорватской истории и культуры.

Л и т е р а т у р а

- Бодянский О.М.* Новые открытия в области глаголицы // Русский вестник, 1856. №1. – С. 531-561.
- Гильфердинг А.Ф.* Историческое право хорватского народа // Собрание сочинений А.Ф. Гильфердинга. Т.2. – СПб., 1868. – С. 153-165.
- Он же.* Письма об истории сербов и болгар. – М.: Университетская типография, 1855.
- Попов Н.А.* Людевит Гай в России в 1840 году // Древняя и Новая Россия, 1879. №8. – С. 265-286.
- Попов Н.А.* Хорватское археологическое общество // Древности, 1881. Т. IX. Вып.1. – С. 83-86.

М. Велева (София)

За историзмите от руски произход в съвременния български език

От езиците, оказали влияние за формиране лексикалната система на българския език, най-значително е влиянието на руския [Бояджиев 2011: 177].

Историзмите от руски произход в българския език включват лексикални единици, лексико-семантични варианти на лексикални единици и устойчиви словосъчетания – названия на неактуални за съвременната действителност реалии, проникнали в българския език главно през периода XVIII-XX в. Корпусът на изследването, базиран на екскерпиран речников материал, наброява около 150 лексикални единици и устойчиви словосъчетания, които се отнасят към книжовния пласт лексика и фразеология.

С оглед на етимологията си историзмите русизми се разпределят в няколко основни групи: 1) изконно руски думи и словосъчетания (*барин, бурлак, верста, вестовой, губерния, декабрист, земски началник*): 2) вторично заети старобългарски и черковнославянски думи

с руски фонетични особености (*броня, глашатай, поприще*); 3) заемки от други славянски езици (*бричка, гаубица, каляска, таратайка, хорунжий*); 4) заемки от други индоевропейски и неиндоевропейски езици (*вахмистър, губернатор, есаул, винчестер, колчан, полицмейстер*).

Историзмите – русизми в съвременния български език назовават разнообразни по своя характер реалии, които се разпростират върху широк кръг тематично-предметни области:

1. Човек: названия на върховни владетели и членове на семействата им: *велик княз, княгиня, княжна, царевич, царевна*; лица според тяхната класова или съсловна принадлежност: *барин, бариня, баришня, дворянин, крепостник, кулак, помещик*; служители от централната и местната администрация членове на семействата им: *генерал-губернатор, губернатор, губернаторша, земски началник, мирови съдия*; служители от военната, правоохранителната и правораздавателната сфера: *атаман, вахмистър, вестовой, деничик, латник, мирови съдия, ординарец, сотник*; лица според тяхното занятие, поминък: *бурлак, глашатай, колхозник*; членове, последователи и привърженици на движения, партии и организации: *комсомолец, меньшевик, народник, разночинец, черносотник*; титли, звания, чинове: *високоблагородие, високородие, височество, титулярен съветник*; съсловни, социално-икономически обединения: *барство, дворянство, купечество, кулачество, мешчанство* и др.

2. Държавно-правна структура: названия на държавни обединения: *Велико княжество, княжество*; административно-териториални и социално-икономически единици: *губерния, волост, окръг, уезд*; административни центрове: *губернски град, уезден град*; институции и органи на централното управление: *вече, генералгубернаторство, губернски съвет, дума*; органи и учреждения на местното управление: *губернски съвет, земска управа, райсъвет, уезден съвет*; военни и правоохранителни и правораздавателни органи и институции: *адмиралтейство, земски съд, милиция, мирово съдилище*; регалии, ордени, отличия: *георгиевски кръст, държава*; места за изтърпяване на наказания: *арестанска рота, каторга, концлагер* и др.

3. Стопански живот и търговия: названия на обществено-икономически и стопански организации, общности, сдружения: *аграрно-промишлен комплекс (АПК), колхоз, совхоз*; платежни средства: *гривна, империал, катеринка, червонец*; данъци, повинности: *барицина, ленински съботник, рекрутска повинност* и др.

4. Военна сфера: названия на военни подразделения: *кавалерийски корпус, сотня*; оръжие: *берданка, дротик, катюша, кримка*; воинско снаряжение: *доспехи, лати, панцир*.

5. Материална култура: *бричка венгерка, вицмундир, казакин, кафтан, сюртук, тарантас, таратайка*.

6. Култура и образование: *кадетски корпус, рабфак, суворовско училище, шарманка* и др.

7. Метрология: *верст, гривна, золотник, пуд, сажен* и др.

8. Идеология: *аракчеевщина, меншевизъм, народничество, народо-волство; комсомол, пионерска дружина, пионерски отряд* и др.

С оглед на разпространението на реалиите, които обозначават, историзмите от руски произход в съвременния български език могат да се разделят на две големи групи: историзми със специфична национална окраска, съотносими само с живота, материалната и духовна култура на руския народ, които са свързани с различни епохи от руската история – древна Рус, средновековие, дореволюционна Русия и СССР (*вече, золотник, каторжник, стахановец*), и историзми, чиито денотати са регионални и интернационални реалии. В рамките на втората група се обособява специфичен пласт историзми – наименования на реалии от българската действителност, които се отнасят главно до времето на Временното руско управление в България (1877-1879), когато се полагат основите на новата българска държава, и периода 1944 – 1989 г. като: *губерния* 1) 2) В България през 1877—1880 г.: административно-териториална единица, начело с губернатор, която се подразделя на окръзи и уезди; *пионерска дружина* 'В НРБ – основно подразделение в структурата на Димитровската пионерска организация „Септемврийче”, начело с дружинен ръководител, което обхваща пионерите от едно училище или пионерски лагер' и под.

В хода на езиковата еволюция при незначителна част от историзмите от руски произход се наблюдава разширяване на смисловата структура посредством развитие на актуални вторично-номинативни и преносни значения, най-често с промяна на стилистичната окраска, напр. *губернатор* – съвр. 'разг. областен управител', *бричка* 1) докъм средата на ХХ в. – лека кола със сгъваем покрив, с впряг от 2 или 4 коня, предназначена за превоз на пътници. 2) *разг. пренебр.* стара, износена кола, автомобил или машина. Други историзми в ролята на лексикални компоненти в структурата на някои фразеологични единици като *Задунайска губерния, стара кримка, рицар без броня* и др. участват в изграждането на специфичното им значение и образност.

Л и т е р а т у р а

Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.Н., Шарри Т.Г. Словарь русских историзмов. – М., 2005. – 228 с.

Бабов К. Типология на русизмите в българския книжовен език // Втори международен конгрес по българистика. Т. 4. – София, 1989. – С. 207-217.

Бояджиев Т. Българска лексикология. – София, 2011. – С. 177-179.

Велева М. Речник на българските историзми (ръкопис).

Цонев Б. История на българский език. Т. II. – София, 1934. – С. 338-353.

Е.М. Верещагин (Москва)

Переводческая деятельность первоучителей Кирилла и Мефодия в 863 г.: контрастивный анализ

1. Азбукотворческая, переводческая и языкотворческая деятельность Кирилла и Мефодия в 863 г. (общий обзор).

2. Каких установок придерживались слав. просветители, осуществляя перевод Евангелия с греческого на славянский?

3. Для объективного ответа нужна известная мера – такая точка отсчета, которая позволяла бы делать заключения по противоположности.

4. В качестве контрастивного текста предлагается принять справку слав. Евангелия, осуществленную книжниками круга иером. Епифания Славинецкого (вторая половина XVII в.).

5. В таком случае удастся описать переводческую технику первоучителей в контрастных терминах, и в докладе будет представлен конкретный большой каталог взаимных отличий.

6. Общие принципы переводческих трудов, выполненных весной 863 г. (итоговые замечания): 1) *идиоматичность* как опора на ресурсы присолунского слав. диалекта; 2) *харизматичность* как выражение в текстах личностных решений первопереводчиков.

И.В. Вернер (Москва)

К истории кодификации категории притяжательности в русском и чешском литературных языках XVI-XVII вв.

1. Категория посессивности в широком смысле как категория «отношенности к лицу» является одной из самых актуальных категорий как для средневекового христианского доктринального дискурса, так и для связанного с ним языкового сознания. Будучи функционально-семантической категорией, притяжательность не получила последовательного выражения в грамматических руководствах, однако в силу своей значимости в рамках теоцентричной грамматики морфологические средства выражения посессивности постоянно привлекают внимание авторов славянских грамматик и переводчиков Священного Писания на славянские языки. Доклад посвящен проблемам кодификации таких средств выражения посессивности, как притяжательные прилагательные и притяжательно-возвратное местоимение *свой*, в истории русского и чешского литературных языков.

2. Выделение особой парадигмы притяжательных прилагательных в славянских грамматиках происходит относительно поздно, однако уже самые ранние грамматические сочинения включают форму притяжательного прилагательного в парадигму существительного. Трактат «О восьми частях слова» приводит прилагательные **чловѣковъ, женина, кѣстьство** в качестве форм родительного падежа [Ягич 1896: 329]. Те же формы присутствуют и в целом ряде рукописных восточнославянских грамматических сочинений XVI-XVIII вв., отражающих влияние этого трактата [Ягич 1896: 732-755]. Этой традиции следует и один из списков XVI в. «Доната» в переводе Д. Герасимова, в котором притяжательное прилагательное представляет родительный падеж в обоих числах: **магистерово** и **магистровы** [Ягич 1896: 537]. Чешские грамматики также не чужды этой традиции: в Грамматике 1533 г. В. Филоматес, а вслед за ним и Я. Благовослав в своем комментарии 1571 г. на этот текст рассматривает конструкцию *syn Davidů* как *genetivus singularis* [Blahoslav 1991: 57]. Эта же точка зрения буквально повторена и в «Грамматике чешской» 1603 г. Б. Нудожерского.

Отождествление форм родительного падежа существительного и притяжательного прилагательного средневековыми славянскими грамматиками, обусловленное как семантически, так и отсутствием в грамматиках классических языков притяжательных прилагательных, подобных славянским, предвосхищает тезис Н.С. Грубецкого о вхождении притяжательных прилагательных в словоизменительную парадигму праславянского существительного, подтверждаемый новейшими сравнительно-историческими исследованиями и данными новгородских берестяных грамот [Категория посессивности 1989: 20-21].

Синтаксическая дистрибуция притяжательных прилагательных и родительного приименного описана в грамматиках также сходным образом в зависимости от количества определений при существительном. В Грамматике В. Филоматеса допустимым признается вариант *Syn Boha živého*, но не *Syn Boží živý*, хотя зависимость употребления родительного от наличия прилагательного специально не оговаривается. В Грамматике М. Смотрицкого 1618 г. в качестве нормативного варианта рассматривается родительный при наличии любого прилагательного, не только притяжательного: **Снѣ Бѣа спѣающагѡ**, не **Снѣ Бѣин спѣающагѡ**; **ѣмени Гѣа вышнаго**, не **ѣмени Гѣню вышнемѡ**.

3. Согласно т.н. правилу рефлексивизации в чешском и в русском языках при совпадении посессора с субъектом действия при объекте употребление возвратно-притяжательного местоимения *свой* обязательно для 3 л. и допустимо в 1-2 л. наряду с притяжательными прилагательными *мой* и *твой*. В славянских грамматиках и переводных текстах XVI в. это правило оформляется как рефлексия по отношению к класси-

ческим языкам – греческому и латыни, где именно 3 л. имеет свои особенности выражения притяжательности.

Впервые принцип рефлексивизации был подробно описан в Грамматике 1533 г. В. Филоматесом [Vlahoslav 1991: 67-74], распространившим этот принцип на все лица. Правилам В. Филоматеса следует и перевод Нового Завета Б. Оптата, напечатанный в 1533 г. До выхода в свет печатных библий Й. Мелантриха в традиционных чешских текстах встречаются лишь единичные формы *můj, tvůj, náš, váš* вместо *svůj* при отнесенности объекта к подлежащему. В издании Библии 1556 г. Мелантрих реализует прямо противоположную, ориентированную на латынь идею соответствия притяжательного прилагательного 1-2 лицу подлежащего: *Pánu Bohu tvému budeš se klaněti; vstanu a půjdu k otci mému* [Куас 1997: 171]. Мелантриху в отношении употребления притяжательных местоимений следует и Я. Благовост в переводе Нового Завета 1564 г. [Куас 1997: 180], на язык которого ориентирована и Кралицкая Библия 1579-1594 гг.

Актуальной, но окончательно не решенной грамматической проблемой станет оформление притяжательных местоимений и для церковнославянского языка XVI-XVII вв., ориентировавшегося на греческий. М. Грек в своих многочисленных переводах Псалтыри непоследователен как в использовании формы **свои** в 3 л., так и в употреблении соответствующих греческим форм **мой** и **твой** вместо **свои** в 1-2 л.: **возвѣнгоша реки гласы ихъ. возвѣнгутъ реки оустремленїа своа; чего ради лице свое ѿвращаешн; сѣди ми гди по правдѣ твои** [Вернер 2013: 121]. Выбор в пользу греческой модели, т.е. запрет на употребление формы **свои** в 1-2 л. и форм **его**, **ихъ** в 3 л., будет позднее сделан в Грамматике М.Смотрицкого и в практике никоновских справщиков.

4. История кодификации грамматических средств выражения притяжательности демонстрирует действие в разных славянских языках двух противоположных нормообразующих тенденций: «охранительной» нормализации, обращенной к собственному языковому прошлому, освященному традицией, и инновационного «моделирования» языковой нормы по образцу классических языков. Доминирующей в XVI-XVII вв. является идея упорядочения грамматики через обращение к конкретным греческим и латинским моделям. Несмотря на различие культурно-языковых ситуаций западного и восточного славянского средневековья, выбор определенных локусов грамматики, подлежащих нормированию, и используемые при этом операционные механизмы позволяют говорить о типологически общих явлениях в истории развития славянских литературных языков эпохи гуманизма.

Л и т е р а т у р а

- Вернер И.В.* Грамматическая справка Максима Грека в Псалтыри 1552 г. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М., 2013. – С. 104-127.
- Категория посессивности в славянских и балканских языка. – М.: Наука, 1989.
- Ягич И. В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. 1. – СПб., 1896.
- [*Blahoslav J.*] Gramatika česká Jana Blahoslava / Ed. M. Čejka, D. Šlosar, přel. J. Nechutová. – Brno: Masarykova univerzita, 1991.
- Kyas V.* Česká bible v dějinách národního písemnictví. – Praha: Vyšehrad, 1997.

*Е.Н. Виноградова (Москва),
А.В. Ситарь (Донецк),
В.Л. Чекалина (Москва)*

Предложные единицы, включающие лексему «лицо», в русском, болгарском и украинском языках

Предлагаемое сообщение посвящено сопоставительному анализу болгарских (болг.), русских (рус.) и украинских (укр.) предложных единиц (ПЕ), включающих лексему *лицо* и ее аналоги в других языках. Исследование выполнено в рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис», в котором под предложными понимаются все единицы, выполняющие функции предлога, то есть и собственно предлоги (единицы, относящиеся к служебным частям речи и никаких других функций, помимо функции предлога, не выполняющие) и эквиваленты предлогов (единицы, в определенных условиях выполняющие функции предлога, но сохраняющие свою принадлежность к другой части речи) [Всеволодова 2012].

Материал показал, что в рус. языке можно выделить как минимум 13 ПЕ с лексемой *лицо*: **в** *лицо*_{1(говорить),2(смотреть)} *кого-чего/кому-чему*, **в** *лице* *кого*, **(не) к** *лицу*_{1(идёт),2(«пристало»)} *кому/кого что (делать)*, **лицом**_{1(директив-финиш),2(локатив)} **к** *кому/чему*, **от** *лица* *кого*, **перед** *лицо* *кого*, **перед/пред** *лицом*_{1(«в присутствии»),2(«в условиях»)} *кого-чего*, **с** *каким* *лицом*, **с** *лицом* *кого* – **с** *лицами* *кого*. Отметим, что в рус. и болг.яз. лексема *лицо* полисемантична, в укр. языке ее аналогами выступают 3 слова: *обличчя* («передняя часть головы человека»), *особа* («индивид, личность»), *лице* (то же, что и *обличчя*, русизм). В ходе анализа были выделены 3 типа русско-болгарско-украинских соответствий: (1) ПЕ, во всех языках включающие лексему *лицо*, (2) ПЕ, в качестве эквивалентов имеющие другие ПЕ, (3) ПЕ с соответствиями-не ПЕ.

1. ПЕ, включающие эквиваленты лексемы **лицо**. Такие соответствия могут быть представлены (а) в трёх рассматриваемых языках или (б) только в двух.

(А) имеют соответствия в трех языках:

- рус. **в лицо₁** кого-чего/кому-чему (сказать) – болг. *казвам/говоря в лицето* – укр. **в обличчя** кому (сказати). В болг. употребляется либо с именем лица с предлогом **на** (*Лицо не се казва в лицето на хората, всяка дума е тънко премислена*), либо с анафорой, выраженной дат.п. личного местоимения (*Поради това на международна среща в Москва Сталин му казва в лицето: «Жулик!»*);
- рус. **в лицо₂** кого-чего/кому-чему (смотреть) – болг. *гледам в лицето* – укр. **в обличчя** кому/чого (дивитися);
- рус. **в лице** кого-чего – болг. **в лицето на** кого – укр. **в особі** кого. В данном случае проявляется омономия рус. и болг. лексем **лицо**, ср. с укр. **особа**: *Німецький народ в особі свого парламенту готовий завтра ж йти за паном президентом хоч на край світу* (В.Винниченко. Сонячна машина). Интересно, что в болг. языке данная ПЕ может вводить и предметные имена: *Имате приятел в лицето на гъбите*;
- рус. **лицом₁**(локатив), **2**(директив-финиш) **к** кому-чему – болг. **с лице_{1,2}** към – укр. **обличчям/лицем до** кого/чого (последнее чаще в контекстах типа **лицом к** деревне, **к** производству). В отличие от рус. в болг. языке есть позиция для факультативного конкретизатора-квантитатива: *Парцел земеделска земя с площ от 13 100 кв м, с лице 90 м към магистрала Ямбол-Елхово*;
- рус. **перед лицом₁**(«в присутствии»), **2**(«в условиях») **кого-чего** – болг. **пред лицето на** кого – укр. **перед обличчям** кого-чого. Отметим, что конструкции типа **перед лицом опасности** имеют эквивалент первичный предлог – *у небезпеци, при небезпеци*.

(Б) Только в укр. языке имеют соответствие:

- рус. **перед лицо** кого-чего – укр. **перед обличчя** (примеры из библейских текстов (переводчик И.Огиенко));
- рус. **с каким лицом** – **с лицом** кого-чего – укр. **з яким обличчям** – **з обличчям** кого;
- рус. **с лицом** кого-чего – **с лицами** кого-чего – укр. **з обличчям** кого – **з обличчями** кого.

2) Обнаружена одна ПЕ, не включающая эквиваленты лексемы **лицо**, в укр. и болг. языках, но имеющая предложные соответствия в этих языках: рус. **от лица** кого – болг. **от името на** кого – укр. **від, від імені**

кого, ср.: укр. **від особи кого*, только директор *від імені* заповідника, хотя конверсив есть: *заповідник в особі* директора. Схожая ситуация и в болг. языке.

3) Не имеют ПЕ-аналогов в укр. и болг. языках рус. ПЕ (*не*) *к лицу*₁ («идет»), 2 («пристало») *кому что (делать)*: в болг. и укр. используются глагольные конструкции: болг. *тази рокля ви отив, а това не ви отива, не ви прилича*, укр. *пасувати що кому, личити що кому*. В укр. материале обнаружена и ПЕ *до лица* (NB! русизм *лице*): *Вам дуже до лица ваша борідка, Максе* (В. Винниченко. Сонячна машина).

Таким образом, эквивалентные ПЕ с лексемой *лицо* в 3 языках: *в лицо*_{1,2} кого-чего/кому-чему, *в лице* кого-чего, *лицом*_{1,2} *к кому-чему*, *перед лицом*_{1,2} кого-чего; только рус.-укр. соответствия: *перед лицо* **кого-чего**, **с каким лицом** – **с лицом** кого-чего, **с лицом** кого-чего – **с лицами** кого-чего; эквивалент-другие ПЕ: *от лица* кого, не имеют аналогов-ПЕ в болг. и укр.: (*не*) *к лицу*_{1,2} кому что (делать).

Л и т е р а т у р а

- Бернштейн С.Б.* Болгарско-русский словарь: около 58 000 слов – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1986 – 768 с.
- Бонка Даскалова.* 4000 самых важных болгарских глаголов: Грамматический учебный словарь. – М.: Горячая линия – Телеком, 2013 – 222 с.
- Вирган І.О., Пилинська М. М.* Російсько-український словник сталих виразів. – Харків: Прапор, 2000 – 864 с.
- Всеволодова М.В.* Система морфосинтаксических типов русских предлогов // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология, 2012. № 5 – С. 30-78.
- Чукалов С.К.* Русско-болгарский словарь: 50 000 слов. 6-е изд. – М.: Рус.яз., 1981 – 911 с.

А. Вранеш (Белград)

Соприкосновение сербской и русской библиографии

У сербского народа библиография создавалась вместе с первым календарем и первым журналом, т.е. только в XVIII веке, что по сравнению с Европой является значительным опозданием. Она появилась неслучайно, но с четкой уверенностью авторов в ее необходимости. Библиография зародилась в славяно-сербском журнале Орфелина («Славяно-сербский магазин»), использовалась братьями Маркидес-Пулье и Дмитрием Давидовичем, скромно, но упорно взращивалась под защитой сербской периодики первой половины XIX века, возвышена в трудах Мушицкого, Шафарика, выросла вместе с Джурой Даничем, Стояном Новаковичем и Сербской Королевской Академией, а созрела в начале XX века под заботливым наблюдением Павла Поповича. Все это время она росла на примерах творений русских известных библиографов, в соответствии с панславистическими определением своих авторов. Встречалась с трудами Николая Греча, Петра Ивановича Кепена, Васи-

лия Сопикова и Александра Смирдина, развивалась постепенно и стабильно, хотя развитию библиографии не благоприятствовали общественные условия, в которых возникла. Жизнь под иноземным игом, частые принудительные переселения, смены династий, военные невзгоды сказывались на уровне благосостояния, но не сломили дух сербского народа. Постоянно имели место страдания монастырских, частных и публичных библиотек, «неудачи», из-за которых «составление сербской библиографии в течение даже одного небольшого исторического периода сталкивается с трудностями, неизвестными другим народам, к которым судьба больше благоволила». Поздно зародившаяся, библиография переживает подъем, как и везде в Европе, во второй половине XIX века. Это тоже одно из доказательств способности сербского народа, перекакая ступени на пути своего культурного развития, достигать и даже перегонять ученую, но медленную Европу.

От отдельных попыток, результаты которых были опубликованы в периодических публикациях, до научно-исследовательского занятия библиографией, чаще всего под эгидой Академии Наук, затем библиографических институтов и создания Московского библиографического кружка (1889 г.), русская библиография в значительной мере служила примером для сербской. В Сербии в XX в. сложились так называемые Белградская и Новисадская библиографические школы. Таким образом, нынешние культурные работники обязаны заниматься их сравнительным изучением. Только хорошее знание нашего библиографического наследия подготовит нас к «битве» сегодняшней, не менее важной, чем предыдущие, которую стоит вести и развивать в качестве особенного типа научного знания, см. [Астахова 1995].

Л и т е р а т у р а

- Астахова Л.В.* Сущность библиографического знания. – М., 1995.
Вранеш А. Основы теорије и историје библиографије. – Београд : Филолошки факултет; Бањалука: Народна и универзитетска библиотека РС, 2010.
Панковић Д. Српске библиографије 1851-1872. – Нови Сад: Матица српска, 2009.
Панковић Д. Српске библиографије 1766-1850. – Београд: Народна библиотека Србије, 1982.
Погодин А. Руско-српска библиографија. – Београд: СКА, 1932. – 2 књ.

А.Л. Вусик (Бердянск)

Основные цели языковой политики: социолингвистический аспект

Нужно отметить, что языковая политика – это языковой аспект государственной политики по национальному вопросу. В социолингвистике

язык и политика имеют два аспекта соотношения: 1) язык как орудие политики, 2) язык как объект политики.

Основной этап формирования целей и задач языковой политики происходит на законодательном уровне, где принимается решение относительно языкового выбора, который по каким-либо причинам считается оптимальным.

Однако, языковая политика может носить как *конструктивный*, так и *деструктивный* характер. Под конструктивной языковой политикой имеется в виду политика, направленная на расширение функций языков, сферы их применения.

Обращаем внимание, что *централизованный* характер носит обычно языковая политика, проводимая государством и предусматривающая систему общеобязательных мероприятий. *Децентрализованной* является политика местных органов власти, политика отдельных партий и общественных движений, не пользующаяся государственной поддержкой.

Необходимо также различать виды языковой политики в зависимости от типов языковых ситуаций: во-первых, языковую политику в условиях одноязычного государства, во-вторых, языковую политику в условиях многоязычного государства, в-третьих, языковую политику за пределами данного государства.

В многоязычных регионах языковая политика характеризуется такими направлениями, как плюрализм, интеграция, ассимиляция, сегрегация.

Среди параметров, характеризующих ту или иную языковую политику, следует назвать и параметры, выделенные Л. Никольским. По направленности: *ретроспективность* (ориентация на сохранение существующей языковой ситуации, на противодействие изменениям) – *перспективность* (ориентация на изменение существующей языковой ситуации). По содержанию: *демократичность* (учет интересов широких масс) – *антидемократичность*

(учет интересов правящей элиты). По этнической ориентации: *интернационалистичность* (учет всех этнических групп) – *националистичность* (учет интересов лишь одной этнической группы).

В применении к конкретному языку к основным целям языковой политики нужно отнести: 1) сохранение существующего языка, 2) изменение существующего языка.

Социолингвисты выделяют и другие возможные цели языковой политики, как возобновление функций мертвого литературного языка, и создание нового литературного языка, создания региональных и общемировых надъязыковых систем.

Среди основных причин возникновения типов языковой политики обычно выделяют: экспансию, унификацию, постколониальные ситуации, иммиграцию и космополитизм.

Языковая политика характеризуется перспективностью, поэтому ее меры предполагают изменение языковой ситуации и существующих норм.

Самое основное это то, что языковая политика направленная на то, чтобы заставить или убедить говорящих принять нововведения, рекомендуемые органами, проводящими языковую политику. Это впоследствии позволяет оценивать эффективность языковой политики, а также прогнозировать языковое развитие в той или иной стране.

Литература

- Аврорин В.А.* Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. — М.: Аспект Пресс, 2000. — 207 с.

Е.А. Галинская (Москва)

Проблема прогрессивной палатализации для *x в древненовгородском диалекте

Практически единственное славянское слово, где имеется позиция для прогрессивной палатализации для *x, – это местоимение *въсь*. Есть еще только глагол *насмисати сѧ* ‘насмехаться’, который встречается в русском церковнославянском языке наряду с *ѡсмихѣтисѧ* ‘насмехаться’.

Рефлекс палатализации в местоимении/местоимениях, восходящих к *въсь*, наблюдается во всех славянских языках. От остального славянского языкового мира, как известно, отличается древненовгородский диалект: в нем местоимение *въсь* имеет в корне [x]. Первым обнаруженным примером стала форма *вхѡѹ* из Вкладной грамоты Варлаама Хутынского монастырю 1192–1210 гг. (опубликована И.И. Срезневским в 1863 году). Все последующие примеры найдены в новгородских берестяных грамотах – сейчас их уже 22.

В древненовгородском диалекте последовательно прошла прогрессивная палатализация для *k (например: *въвернице* <*вѣверницѣ*> НБГ № 657, *грамѣтницю* <*грамѣтницю*> НБГ № 854 и т.д.). Для *g материала в новгородских берестяных грамотах мало, и он противоречив. С одной стороны: *не лего* <*не льго*> ‘не позволено’, ‘нельзя’ НБГ № 855 (XII в.), *[д]ега ми е* ‘мне можно’ НБГ № 815. С другой стороны: наддиалектная

лексема **кѣнаѣзь** и надежное слово бытового характера **оусерѣзи** ‘серьги’ НБГ № 429, т. е. до какой-то степени палатализация для *g прошла. Для *x же эффект прогрессивной палатализации отсутствует, и ученые пытаются это как-то объяснить. Так, Г. Лант исключил из рассмотрения вопрос о прогрессивной палатализации для *x и счел, что она действовала только применительно к *k и *g, поскольку для местоимения *vъсь*, по его мнению, неизвестна точная этимология [Lunt 1981: 37]. Я.И. Бьёрнфлатен, предположил, что наличие [x] в новгородских формах местоимения *vъсь* – это инновация, обусловленная диалектным переходом [s] в [x] [Björnflaten 1990: 322–323]. А.А. Зализняк сделал вывод, что для *x в древненовгородском диалекте прогрессивная палатализация не прошла [Зализняк 2004: 45–46].

Думается, что можно было бы допустить еще одну гипотезу. Дело в том, что во всех случаях, кроме одного, в корне местоимения пишется ъ (или о в силу графического эффекта мены букв ъ и о в бытовой системе письма) либо гласной буквы нет вообще, когда отражается падение слабого редуцированного (таких случаев всего 5). Имеющийся материал выглядит следующим образом.

Формы с ъ в корне: И.ед. м.р. **вохъ** (<вѣхѣ>) № 351; В.ед. м.р. **вѣ[х]ѣ** № 297; **вѣ вѣхѣ** № 806; И.ед. ср.р. **вохо** (<вѣхо>) № 100; № 390; В.ед. ср.р. **вѣхо** № 818; **вохо** (<вѣхо>) № 439; И./В. ср. р. **вѣхо** № 893; **[в]охо** (<вѣхо>) № 943; Р.ед. (род неизвестен) **[ѡ] в[ѣхо](го)** или **[ѡ] в[ѣхо](и)** № 184; В.ед. ж.р. **в[ѣ]хоу** № 736а; Р.ед. ж.р. **отъ вѣхоѣ** № 850; **вохон** № 1021; Д.ед. ж.р. **къ вохѣи** № 433; И.мн. м.р. **вохѣ** № 670; **вохи** № 497; И.мн. или И.ед. м.р. **вохѣ** № 437.

Формы без ъ в корне: Р.ед. м./ср.р. **вохого** № 211; **ѡ хого** № 463; В.еж. ж.р. **вхоу** Вкладная Варлаама; В.мн. м.р. **на вхѣхѣ** № 359; Т.мн. **со вхи[ми]** № 492.

В шести грамотах (№№ 736а, 433, 850, 893, 818, 806), где в корне находим ѣ (или о в силу графического эффекта), не отражается падение редуцированных. Это значит, что писавшие действительно произносили [ѣ]. Есть лишь одна грамота, в которой корень местоимения пишется с ѣ, – № 87 (посл. четв. XII в.): **ѡ Дрочке ѡ папа пѣкланнѣ ко Демеѡноу и къ Мине и къ Ванѡукоу и къ вѣхѣмо вамо добре створа.**

А.А. Зализняк объясняет формы с ѣ у местоимения «весь» ассимиляцией гласной следующего слога, говоря, что «в основе *vъх- ѣ перешел в ѣ в позиции перед слогом с задней гласной, но сохранился перед слогом с передней гласной (например, в словоформе <вѣхѣмъ>» [Зализняк 2004: 54–55]. Далее происходило обобщение, и начальное [вѣ] либо возникшее из него после падения редуцированных начальное

твердое [в] появляется перед слогом с гласным переднего ряда. [Там же: 55].

Представляется, однако, что можно еще раз взглянуть на весь имеющийся материал и предложить еще одну возможную его трактовку. Как было сказано, в грамотах, не отражающих падения слабых редуцированных, в корне местоимения пишется только ъ. В грамоте же № 87, единственной, где в корне стоит ъ, в двух случаях отражается падение редуцированных: **Дроцкѣ, створѣ**, так что ъ в форме **вѣхемо** гласного не обозначает, а может свидетельствовать об ассимилятивном смягчении [в] перед [х']. Если написание **вѣхемо** возникло после падения редуцированных, то доказать, что ъ сохранялся в каких-то случаях, когда дальше шел гласный переднего ряда, трудно, так как других примеров с ъ в корне нет. Все, что мы видим, – ъ в корне до падения редуцированных, и, когда он возник, неизвестно. Поэтому допустимо предложить, что этот ъ мог появиться в будущем древненовгородском диалекте, еще когда последний находился в рамках праславянского языка, и данная инновация не затронула весь остальной праславянский мир (так было, например, с окончанием -е в И.п. ед.ч. тв. вар. *ѣ-склонения). В таком случае для рассматриваемого корня можно и не ожидать эффекта прогрессивной палатализации в древненовгородском диалекте, потому что для нее нет условий – гласного переднего ряда перед *х.

Если такое предположение вероятно, можно думать, что прогрессивная палатализация происходила не в очень ранний праславянский период, так как, когда она стала осуществляться, в рамках праславянского языка уже успел выделиться будущий древненовгородский диалект, заменивший к моменту действия палатализации ъ на ѣ в слове *вѣхъ.

Л и т е р а т у р а

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.

Bjørnflaten J.I. The Birch Bark Letters Redeemed // Russian Linguistics. 1990. Vol. 14, № 3. – P. 315–338.

Lunt H. The Progressive Palatalization in Common Slavic. – Scopje, 1981. – 98 с.

*Г.Д. Гловели (Москва),
А.Л. Семенова (Великий Новгород)*

Фантастическая проза А. Богданова (А.А. Малиновского): художественная интерпретация научных открытий

Роман А. Богданова (Малиновского) «Красная звезда» (1908) относится к тем произведениям фантастического жанра в литературе, в которых социальная утопия неотделима от научно-технического прогнозирования. Историками фантастики и общественной мысли не раз отмечались и научно-технические предвидения Богданова, и отражение в романе его философских принципов. Но, как правило, эти два аспекта рассматриваются порознь, что приводит к упущению существенных нюансов.

Интересно, что почти одновременно с «Красной звездой» вышла полемическая философская книга Богданова, в которой впервые в русской публицистике появилось словосочетание «научно-техническая революция» [Богданов 1908 : 66]. Открытия, сделанные в ходе этой революции, нашли глубокое отражение и в философской системе Богданова «эмпириомонизм», и в тексте романа. Особенно это касается открытий в «науке о строении материи». Не только в утопии, но и в вышедшей вскоре книге «Очерки философии коллективизма» (совместно с В. Базаровым, М. Горьким и А. Луначарским) Богданов отметил огромное значение в будущем использования атомной энергии, а в другом романе – «Инженер Мэнни» (1912) и в публицистической книге «Вопросы социализма» (1917) указал на угрозу ядерного омницида.

Однако на первый план в художественной репрезентации науки его времени в фантастической прозе А. Богданова вышел сюжет о «каналах на Марсе», взбудораживший не только астрономов, но и широкую публику в начале XX века. Вероятно, этой темой Богданова заинтересовал журнал Михаила Филиппова «Научное обозрение», откуда Богданов почерпнул немало естественнонаучных сведений для своих обобщающих работ и в котором он сам поместил ряд статей по политэкономии.

«Красная звезда» представляет планету Марс с «широкими полосами лесов, разведенных вдоль каналов, чтобы поддерживать равномерную влажность воздуха и тем самым не допускать слишком быстрого испарения воды». В этом описании Богданов следует за главным энтузиастом исследования марсианских каналов, астрономом из США, другом Г.Дж. Уэллса П. Ловеллом, который не только домысливал свои телескопические наблюдения гипотезой о высокоразвитой марсианской цивилизации, но и полагал, что ее мирное единство – следствие планетарного труда по возведению и поддержанию системы каналов. Из этого

же исходит и Богданов. Но он, отождествляя, как марксист, политическое единство целого человечества с социалистической формацией, на «инопланетном» материале пытается дать наглядную модель социалистического общества с хозяйственной планомерностью и товарищеским коллективизмом.

Утопия Богданова приобрела большую популярность среди большевиков, но даже его друзья Горький и Луначарский не были удовлетворены ее «одноцветностью», «отсутствием страсти, красок», «холодком». Позднее Богданова вообще обвиняли в том, что он представил социализм «анемичной иконой» [Ильенков 1980].

Однако Богданов не случайно подчеркнул устами своей героини-марсианки, что ее планета получила от Солнца намного меньше “живой силы”, чем Земля, поэтому и не были столь острыми противоречия в эволюции общества; так что герой-землянин невольно завидует картине марсианской истории – «ровной, не залитой, как у нас, сплошь огнем и кровью» [Богданов 1990 : 134]. Вполне возможно, Богданов, врач-психиатр по образованию, был знаком с первым «бестселлером» на тему инопланетян – старым трактатом «О множественности миров» Б. Фонтенеля, фантазировавшего об облике жителей разных планет по критерию торможения энергии и темперамента с удалением от Солнца. Так или иначе, бесстрашие безволосых и глазастых марсиан, с их недостатком солнца в крови, – художественный и одновременно научно достоверный прием, оставляющий место для сомнений в возможности сглаженного социализма на Земле, с ее страстями, собственностью и патриотизмом. Это позволяет ввести в утопию элементы дистопии.

Но в интересах сюжета Богданов-фантаст нарочито проигнорировал знания Богданова-ученого в том, что при втрое меньшей силе тяжести на поверхности Марса его человекообразные обитатели должны быть 5-метровыми великанами. Когда об этом прочитал в книге П. Ловелла "Марс и его обитатели" Ленин, то съязвил, имея в виду Богданова, "наш автор нас поднадул" [Ленин : 254]. И сам Богданов в фантастическом рассказе «Праздник бессмертия» (1914), не связанном сюжетной линией с “Красной звездой” и “Инженером Мэнни”, упоминает про марсиан-мегалантропов.

Фантастические произведения А. Богданова несомненно отражают идеологические воззрения автора – теоретика социализма и системного подхода. Однако романная форма давала возможности для выхода за пределы того монологизма, который был свойственен Богданову как ученому и публицисту, поэтому нельзя отождествлять поведение и высказывания персонажей с авторской позицией.

Л и т е р а т у р а

- Богданов А.А.* Приключения одной философской школы. – СПб: Товарищество «Знание», 1908.
- Богданов А.А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат, 1990.
- Богданов А.А.* Праздник бессмертия // Вестник МИАБ. 2001. № 4(8). – С. 5-17.
- Геглов Г.* Марсотопия // Вестник МИАБ. 2001. № 1(5). – С. 77-92.
- Гловели Г.Д.* Судьба энциклопедиста // Вестник МИАБ. 2003. № 2(14). – С. 5-14.
- Ильенков Э.В.* Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. – М.: Политиздат, 1980.
- Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Том 55. – С. 254.

*И.А. Горячева,
И.А. Корнилаева (Москва)*

Методика преподавания церковнославянского языка в русской школе

Церковнославянский язык как язык Церкви призван развивать высшие духовные потребности человека. Осмысленное и сердечно воспринятое через церковнославянский язык постижение христианских традиций и реалий открывает детям возможность для понимания святоотеческого наследия, что в совокупности делает личность ребенка субъектом и носителем православной культуры, достойным гражданином своего Отечества и верным чадом Православной Церкви.

Авторы этих строк являются разработчиками курса церковнославянского языка для начальной и средней школы, рассчитанного на семь лет. Программа проходит апробацию в «Русской классической школе» г. Екатеринбурга с 2010/11 учебного года. В настоящее время в эксперименте участвуют параллельно два класса – 5-й и 7-й – и два педагога. Расписание занятий предусматривает один урок церковнославянского языка в неделю, то есть около 34 уроков в течение учебного года.

Мы сознательно отказались от использования в классе дореволюционных репринтных изданий, от механического копирования старинных пособий и методических приемов. Раньше церковнославянский язык дети постигали в храме, на Богослужении и в семье, в прямом смысле слова, напитывались им. Азбука, Псалтирь, Часослов представляли графическое изображение известного ранее, при обучении происходило сопоставление звучащего и зрительного текстов, что рождало грамотность.

Исходя из современных реалий, из отсутствия, как правило, подобной «наслышанности» Богослужения, курс обучения выстроен таким образом, что дети осваивают церковнославянский язык через сопоставление с русским, обнаруживают особенности церковнославянского языка и активно их усваивают. Материалом для чтения при этом служат вполне традиционные тексты.

Каждый учебно-методический комплект рассчитан на один год. Полный семилетний курс включает следующие пособия для учащихся и учащихся: «Азбука церковнославянская», «Молитвослов учебный», «Часослов учебный», «Всенощное бдение», «Литургия», «Псалтирь учебная», «Канонник учебный».

Изданный нами (в соавторстве с С.М. Шестаковой) в 2013 г. учебно-методический комплект «Азбука церковнославянская» предназначен для обучения церковнославянской грамоте детей от восьми лет. В составе комплекта – «Азбука церковнославянская» и прописи «Церковнославянский письменник» для детей, методическое пособие для педагогов с подробными разработками уроков, а также видеозаписи пятнадцати из них.

Первыми единицами языка, с которыми дети встречаются в «Азбуке церковнославянской», являются предложения – изречения из Священного Писания, богослужебных книг, Молитвослова, на основе которых в течение десяти первых уроков постигается состав церковнославянского алфавита, осуществляется последовательное введение детей в понятия церковнославянского языка, необходимые для формирования первоначальных навыков чтения церковнославянских текстов.

Круг основных языковых явлений, тем, понятий, которыми дети должны овладеть при работе по «Азбуке церковнославянской» к концу первого года обучения, включает надстрочные знаки, слова под титлами, буквенную цифирь, чередования согласных, звательный падеж имён существительных, некоторые формы прилагательных, местоимений и глаголов, числительные, союзы. Эти темы поданы не в систематическом порядке, а по мере их «предъявления» самим текстом. На последующих уроках происходит их отработка, что позволяет активизировать долговременную память ребенка и сформировать прочные навыки. Но всё же основная филологическая составляющая преподавания по «Азбуке церковнославянской» – лексика, способность детей увидеть за прочитанным словом смысл, его оттенки.

Содержание Азбуки позволяет детям приобрести первый опыт богословия через возвышенное, глубоко нравственное и эстетическое наполнение всей книги. Целостному восприятию данного содержания способствуют структура Азбуки, принципы отбора материала, его группировки и художественное оформление.

На каждую букву отводится два разворота – 4 страницы. 1-я страница: изречение, начинающееся на букву, которой посвящен урок, молитвы, заповеди, притчи. 2-я страница: слова на изучаемую букву. 3-я страница: слова под титлами, христианские канонические имена. 4-я страница: цифирь.

Композиция «Азбуки церковнославянской» и принципы отбора сюжетов для иллюстративного оформления обоснованы связью материалов для чтения и обсуждения с именами букв кириллицы. Общий контекст каждого урока определяется именем буквы и первым изречением, с которого начинается каждый раздел Азбуки.

Кроме «Азбуки церковнославянской» и методического пособия для педагога, в учебно-методический комплект входит рабочая тетрадь для детей «Церковнославянский письменник», часть 1. Уже благодаря названию *письменник* – «книжник, писец», дети смогут почувствовать себя причастными к великому письменному труду предков. Тетрадь предназначена для обучения письму церковнославянских букв. Письмо соответствует принципам, заложенным в старинных методиках обучения каллиграфии по графической сетке и обучения письму церковнославянских букв по клеткам. Разлиновки, определяющие высоту и ширину букв, позволяют добиться соразмерности и четкости их начертаний.

Ныне готовятся к печати учебно-методические комплекты «Молитвослов учебный» и «Часослов учебный», изучается курс «Всенощное бдение», начата разработка остальных курсов. Каждый очередной этап, наряду с новыми текстами, включает и уже известные.

М.М. Громова (Москва)

Диалектные особенности функционирования клитик в ниже-прелекийских говорах

Восточная часть словенского диалектного пространства характеризуется целым рядом отличий от центральных словенских диалектов. В частности, значительные отличия наблюдаются в составе и функционировании местоименных и глагольных клитик.

В настоящей работе анализируются диалектные тексты, записанные Матеей Коси (Mateja Kosi) в д. Цвен (Cven, občina Ljutomer). Говор д. Цвен относится к прелекийскому диалекту паннонской группы диалектов словенского языка; ряд явлений объединяет паннонскую группу с соседними хорватскими кайкавскими говорами. Тем не менее, система клитик в прелекийских диалектах не обнаруживает сходства с системами клитик кайкавских говоров. Ниже перечислены ее характерные особенности.

1. Положение в кластере клитик вспомогательного глагола будущего времени. В отличие от литературного словенского языка, где данные формы делят с глаголом-связкой Praes. 3Sg пятый ранг, в прелекийских говорах они находятся в первом ранге. Таким образом, в пер-

вом ранге группируются все вспомогательные глаголы (за исключением глагола-связки Praes. 3Sg).

Современный словенский литературный язык

1	2	3	4	5
глагол-связка Praes. (кроме 3Sg)	возвр. частица <i>se</i>	Dat	Acc / Gen	глагол-связка 3Sg
показатель усл. наклонения		частица <i>si</i>		вспомогат. глагол будущего времени

Говор д. Цвен

1	2	3	4	5
глагол-связка Praes. (кроме 3Sg)	возвр. частица <i>se</i>	Dat	Acc / Gen	глагол-связка 3Sg
показатель усл. наклонения		частица <i>si</i>		
вспомогательный глагол будущего времени				

Вероятно, такое расположение форм вспомогательного глагола будущего времени связано с редукцией, которой подверглись эти формы в прлекийских говорах, утратив вокальный элемент [Zorko: 472] (здесь и далее перевод на литературный словенский язык выполнен Матеей Коси, примеры приведены в упрощенной транскрипции):

говор д. Цвен	перевод
(1) Kā-n <u>si</u> zā'pu:nilā, 'kā jā 'kāj.	Da <u>si bom</u> zapomnila, kaj je kaj.
(2) 'Tō: pā-n vāmā pō'ko:zo, 'kāk.	To pa <u>vama bom</u> pokazal, kako.

2. Тенденция к контактному расположению местоименной / возвратной клитик и глагола. Данное явление, характерное для восточной ветви южнославянских языков, является совершенно нетипичным как для большинства словенских говоров, так и для хорватских кайкавских говоров, которым свойственно строго ваккернагелевское расположение клитик во фразе:

говор д. Цвен	перевод
(3) 'Te: pā sā'dikā zā 'tō: sā 'kū:pijo. āl 'kāk?	Potem pa sadike za to <u>se</u> kupijo, ali kako?
(4) Čē šā 'lāxkō 'ovō mī pō've:tā, 'kāj 'jā?	Še <u>mī</u> lahko tisto poveste, kaj je?

3. Разрыв кластера клитик является следствием вышеуказанной тенденции и наблюдается в тех случаях, когда первая клитика во фразе расположена в соответствии с правилами, действующими в современном словенском литературном языке, а вторая, стремясь занять положе-

ние при управляющем глаголе, отделяется от первой клитики одной или несколькими полноударными словоформами:

говор д. Цвен	перевод
(5) Če bi 'tāk 'vidli jix 'negi rās'to:vlānā, bi 'rākli, kâ sô ... 'kâk bi 'rākli?	Če bi jih tako videli nekje razstavljene, bi rekli, da so ... kako bi rekli?

4. Частью кластера клитик являются частицы *še* и *že*. Подобно частице *pa*, данные частицы в безударном употреблении являются элементами кластера клитик и тяготеют к его началу, не имея, однако, определенного ранга:

говор д. Цвен	перевод
(6) 'Evo, B'rānko, 'tɔ: šā 'no:j zā'ni:mā.	Evo, Branko, to naju še zanima.
(7) 'Tɔ: 'māmo 'pār 'tr:sɔf ... 'tɔ: jā 'r'deči 'gut'ɛ:dl, bon 'šā ti pɔ'ko:zo 'tā:n 'bē:lāgā.	Tega imamo par trsov ... to je rdeči gutedel, ti bom še pokazal tam belega.

Положение *še* и *že* во фразе в меньшей степени зависит от глагола, чем место местоименной / возвратной клитики, и при разрыве кластера за счет передвижения местоименной / возвратной клитики по направлению к глаголу остается неизменным (см. пример 4).

5. **Функционирование формы глагола *imeti* в составе кластера клитик.** В прелекийских говорах финитные формы глагола *imeti* утрачивают ударение в связи с их частичной десемантизацией и переходом в статус бытийного глагола, что не характерно для словенского литературного языка. При этом указанные формы функционируют в составе кластера клитик, располагаясь в его начале. Так, они могут занимать место перед второй частью косвенных форм относительного местоимения *ki* (клитикой 3 или 4 ранга – в зависимости от падежной формы местоимения):

говор д. Цвен	перевод
(8) 'Vāči pā mā zā'ni:mā 'šā, čē, 'kāk 'toti s'tāvbi, 'no, ki mātā jo v go'ricāx, 'rāčātā.	Drugače pa me zanima še, če, kako tej stavbi, ki jo imate v goricah, rečete.

6. **Отсутствие слитных «отрицательных» форм глагола-связки.** «Отрицательные» полноударные формы глагола-связки Praes ('ne:sen, 'ne:si) в речи носителей прелекийских говоров чрезвычайно редки [Zogko: 472]. Обыкновенно отрицательная частица 'ne: располагается непосредственно перед причастием и является ударной; местоименные клитики и вспомогательный глагол при этом образуют кластер, располагаясь во фразе в соответствии с литературной нормой. При отрицании

не наблюдается тяготения местоименных клитик к управляющему глаголу:

говор д. Цвен	перевод
(9) 'No, 'tɔ: pã 'zãj 'lãxkɔ 'vi:diš 'čãp, 'nã, 'indi si gã 'nè: 'vi:dlã.	No, to pa zdaj lahko vidiš čep, ne, drugje ganiš videla.
(10) 'Nig'do:r smɔ jɔj dr'gãčik 'nè: 'rãkli.	Nikdar ji nismo drugače rekli.

Такое построение отрицательных высказываний отличает прлекийские говоры как от центральных словенских диалектов, являющихся основой словенского литературного языка, так и от хорватских кайкавских говоров, для которых характерны слитные отрицательные формы глагола *biti* [Lončarić: 116].

Л и т е р а т у р а

Kosi M. Vinogradniško in kletarsko izrazje v prleški vasi Cven: Diplomsko delo. – Ljubljana, 2007.

Lončarić M. Kajkavsko narečje. – Zagreb, 1996.

Zorko Z. Prleško narečje v Radomerščaku, rojstem kraju F. Miklošiča // Miklošičev zbornik: mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991. 1992. S. 463-476.

Ю.М. Гурска (Люблин),
О.В. Трофимова (Тюмень)

Magiczny, bajkowy, baśniowy (магический, сказочный) в польской и русской языковой картине мира

Обращение к теме исследования первоначально было вызвано интересом к творчеству польского художника Яцека Йерки (Jacek Yerka). И русскоязычный Интернет, и польскоязычный сходятся в том, художник является представителем «реалистичного сюрреализма». Кроме того, россияне относят его творчество к «неосюрреализму» или «сказочному сюрреализму». Поляки определяют его стиль и как «realizm magiczny» или же «fantastyczny styl». Таким образом, по отношению к одному и тому же экстралингвистическому объекту оказывается возможным употребить прилагательные: русское *сказочный*, польское *magiczny*.

Связь слова со словом предполагает (на уровне когерентности) наличие у них общих сем, которое а) общепризнано и общеизвестно (в этом случае национальные корпуса литературных языков выдают достаточно многочисленные фиксации словосочетаний) или же б) только-только «нащупывается» говорящими. Вероятно, к подобным случаям можно отнести примеры единичных фиксаций новых словосочетаний в корпусе. В настоящем докладе представляется интересным посмотреть, с какими русскими и польскими существительными чаще всего сочетаются прилагательные *сказочный*, *магический*. Иначе говоря, в каких

предметах реального мира они предлагают человеку увидеть присутствие ирреального. И тогда можно будет составить некоторые представления о национальных картинах мира.

Сопоставимые по объему «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ) и «Narodowy korpus języka polskiego» (НКJP), каждый из которых содержит более 2 миллионов слов, показывают, что в НКРЯ на первом месте (суммарно во всех падежах) прилагательное *сказочный/-ая/-ое/-ые* – 3436, далее *магический/-ая/-ое/-ие* – 2515 вхождений. При этом существительное *сказка* во всех формах имеет в НКРЯ 14139 вхождений, существительное *магия* – почти в 8,5 раз меньше (1655 вхождений).

В НКJP прилагательные по частотности распределились следующим образом: *magiczny/-a/-e/-i* (4932), *bajkowy/-a/-e/-i* (894) + *baśniowy/-a/-e/-i* (484) (всего 1378 вхождений). Хотя существительные «поменялись» местами: *bajka* – 7049, *baśń* – 1587, *magia* – 3377 вхождений.

Общее в сочетаемости. И в русском, и в польском языке чаще всего прилагательное *магический* согласуется с существительными (количественные данные вхождения форм Им. и Вин. падежей, сначала русские, затем польские) *слово* (70/104), *действие* (58/24), *сила* (31/25), *круг* (28/26), *влияние* (13/13), *заклинание* (12/45), *значение* (12/21), *характер* (11/14). И для русских, и для поляков *сказочным* прежде всего могут быть *мир* (34/51) и *страна* (10/23). В русском толковом словаре (под ред. А.П. Евгеньевой) приводятся устойчивые сочетания *магический квадрат* и *магический круг*; в польском (под ред. В. Дорошевского): *magiczne oko* (*зеленый глазок*, *индикатор настройки*), *latarnia magiczna* (*волишебный фонарь*), *kwadrat magiczny*. Устойчивые сочетания с прилагательными *сказочный*, *bajkowy*, *baśniowy* в словарях не отмечены.

Различие в сочетаемости. За пределами общей картины остаются, судя по НКРЯ, сочетания с индексом 10 и более вхождений: *магический смысл* (рус./пол.: 13/–); *сказочный город* (17/1), *богатырь* (16/2), *лес* (14/2), *замок* (13/4), *царство* (13/–), *герой* (12/–), *сон* (11/–), *богатство* (10/1).

Наиболее частотные в НКJP: *magiczny sposób* (пол./рус.: 79/1), *świat* (50/4), *realizm* (24/1), *kwadrat* (15/8), *wieczór* (11/–). С прилагательными *bajkowy* и *baśniowy*, судя по корпусу, нет словосочетаний, которые имели бы 10 и более вхождений, кроме общих для двух языков *bajkowy świat* (32) и *baśniowy świat* (19), а также *baśniowa kraina* (14) и *bajkowa kraina* (9).

Полученные данные показывают, что русская картина мира может быть охарактеризована как преимущественно *сказочная*. *Сказочным/-ой* у русских может быть почти всё: *дом* (5), *картина* (5), *роскошь* (4), *дракон* (3), *ощущение* (3), *пир* (2), *королевство* (2), *терем* (2), *сила* (2),

Емеля (1), пурпур заката (1), роман (1), время (1), действие (1), зеркальце (1), процветание (1), слово (1), Баба-Яга (1), мокрень-трава (1), реальность (1).

В восприятии и представлении магического русская и польская языковые картины мира сближаются, если речь идет о традиционных значениях лексемы, связанных с силой воздействия слова на человека. См. примеры из НКРЯ и НКЯП: *Но на депутатов и сенаторов магическое слово влияет очень сильно — такие проекты проходят всегда; Wypowie jakieś magiczne słowo i wszystko stanie się łatwiejsze...; Warto zauważyć, że nigdzie nie padło magiczne słowo PRZEPRASZAM.*

К этой же группе употреблений близки русские поиски магического смысла: *Слово «регистрация» обрело в Москве магический смысл; С угасанием религиозного восприятия «магический» смысл уходит, а психологический добавляется...*

Для польского восприятия мира специфичными, вероятно, можно считать техники изменения мира, использующие *магический способ*, а также восприятие мира, в том числе предъясняющее себя через *магический реализм* как художественное направление; см. примеры из НКЯП: *Potem na wyspie zrobiło się naprawdę gorąco, a w magiczny sposób ten kawałek Wrocławia ominęły wielkie ulewy; A las mamy ten sam, który kiedyś w magiczny sposób zasadził książkę; Bauman pisze gorzko: «Masowy wybór w magiczny sposób uszlachetnia wybrany przedmiot...»; Magiczny realizm jego prozy uruchamia naszą wyobraźnię...; ... Nurt do jakiego zalicza się Pańskie prace to «realizm magiczny» czy też «realizm fantastyczny».*

Кроме того, «разброс» *магического* тоже достаточно велик; по 10 вхождений имеют: *miecz, noc, granica, różdżka*; по 9: *pierścień, próg*; по 8: *urok, konkurs*; по 7: *talent, klimat, sztuczka, miasto, pytanie*; по 6: *zabieg, sklep, przedmiot, znak, karuzela, bariera, energia, pudełko, zdanie*; по 5 вхождений: *kociół, aspekt, napój, klucz, akt, wiek, teatr, okres, kula, sztuka*.

В докладе предполагается привлечь к анализу и другие падежные формы, а также обратиться к истории языков и предложить более существенные выводы, касающиеся польской и русской картины мира.

И. Данчева (София)

Фразеологизмы-антропонимы как отражение ценностной системы болгар

Большинство фразеологизмов оценочны в широком смысле. В то же время только часть содержат в своей семантической структуре ценностный компонент в его этико-социологическом понимании. Фразеологизмы-антропонимы, называющие человека по разнообразным качествам его характера, представляют собой богатейший материал для

выявления фрагментов ценностной картины мира определенного языкового коллектива.

В данном исследовании, на основании семантических признаков, опорных компонентов и образных представлений фразеологизмов-антропонимантов, делаются выводы о месте отдельных качеств человека в ценностной системе болгар. Анализу подвергаются фразеологизмы, называющих человека как носителя морально-нравственных, интеллектуальных и поведенческих свойств.

1. Морально-нравственные качества (43 единицы). В исследуемых фразеологизмах выражается отношение к следующим качествам: искренность, лицемерие, хитрость, коварство, жестокость. Самой ценной является искренность, бесхитростность, сопутствуемая качеством доброты (*открита душа, голямо дете* и др.). Ценность данного качества утверждается и осуждением противоположного ему лицемерия, вызывающего от пренебрежения (*мазна Гана, двоелика лопата*) до чувства опасности (*вълк в овча кожа*). Самую негативную оценку получают коварство и жестокость, что выявляется в анализе образов (внутренних форм) фразеологизмов – для обозначения например коварства используются прилагательные черна, мръсна (грязная) в сочетании с соматизмом душа (*черна душа, мръсна душица*). Негативная коннотация проявляется еще ярче в фразеологизмах, называющие жестокого человека (*люта змия, изчадие на ада, бясно куче*). Здесь доминирующие семы “жестокий”, “свирепый”, “агрессивный” сопутствуются семами, отражающими связанные с ними качества – “скверный”, “злой”, “беспощадный”.

Более нейтрально отношение к хитрости, это качество не вызывает резкое осуждение и, в зависимости от контекста, содержащее его оценку фразеологизмы могут выражать и отрицание, и одобрение.

Позитивную оценку получает человек, обладающий высокими моральными достоинствами, нравственно безупречный, порядочный (*човек с голяма буква, чиста душа*). Однако человек, чья добродетельность притворна, вызывает ироническое отношение: *света вода ненапита, света Богородица*.

2. Интеллектуальные качества (52 единицы). Фразеологизмы, дающие оценку интеллектуальным свойствам человека, концентрируются на двух противоположных полюсах, обозначающих либо максимальные, либо минимальные интеллектуальные свойства. Общим семантическим свойством фразеологизмов, обозначающих полное отсутствие интеллекта, является наличие в их семантике коннотативных сем “презрение”, “пренебрежение”, “насмешка”, “ирония” (*празна глава, куха глава, празна катуна, зелена тиква* и др.). Фразеологизмы противоположного синонимического ряда с общим значением “очень умный”

содержат в своей семантической структуре коннотативные семы, передающие позитивное отношение к человеку, обладающему высоким уровнем интеллекта: “положительная оценочность”, “одобрение”, “уважительность” (*голяма глава, умна глава, човек на ума* и др.).

При определении отдельных интеллектуальных способностей болгары ставят акцент на память и любознательность (*попивателна хартия, с отворени очи*) по сравнению с способностью ясно, логически мыслить (*с мозък в главата*).

Отсутствие умственных способностей ассоциируется с заменой мозга чем-либо ненужным или вообще его отсутствием (*глава пълна със слама, куха глава*). В болгарском языке это ненужное может быть более активным, чем просто какой-то материал (солома) – мухи, брѳмбари (жуки): *глава пълна с мухи/брѳмбари*. Можно связать данный образ с резко отрицательным отношением болгар к агрессивной посредственности, которая в системе его ценностей является большей опасностью, чем неумный, но тихий и скромный человек.

3. Поведенческие качества (54 единицы). К этой группе принадлежат фразеологизмы, называющие человека по способу реагирования на различные явления реальной действительности (*луда глава, заешко сърце*), по образу жизни (*човек на живота, инженер по улиците*), по темпераменту (*огън и пламък, тежка гемия*), по качествам, которые проявляются в речемыслительной деятельности (*златни уста, празна воденица*), по свойствам, проявляемым в трудовой деятельности (*лява пчела*).

Анализ этой многочисленной группы приводит к следующим основным выводам. Как у всех народов, положительно оценивается смелый человек. В болгарском мировоззрении смелость связывается прежде всего с качествами безрассудность и необузданность. Семы, выражающие негативную оценку в фразеологизмах, обозначающих трусливого человека – “неодобрение” и “презрение”, но не и “осуждение”. В фразеологизмах, называющих лицо по образу жизни, тоже не выявляется коннотативная сема “осуждение”, а “ирония” – к лени, скитальчеству, стремлению к развлечениям и удовольствиям. В этом объединении отсутствует коннотация “положительная оценка”, т.е. нет одобрения определенного образа жизни. Положительная оценка обнаруживается в коннотациях фразеологизмов, обозначающих буйный темперамент. Образы огня и пламени обуславливают высокую положительную оценку человека, способного к сильным чувствам. Пренебрежительно отношение болгар к болтливым, пустомелям, а сплетничество осуждается (*зли езици, змийски езици*). Положительно оценивается трудолюбие.

Необходимо отметить, что фразеологическая картина ценностей носит фрагментарный характер, поскольку не каждое явление получает

свое выражение в фразеологизмах. С другой стороны, именно в фразеологизмах-антропонимантах получают наименование наиболее важные для данного языкового коллектива качества, что обусловлено непосредственной направленностью их семантики на человека.

Б. Даскалова (София)

Лингвистичната прагматика в полето на методическите иновации. Представяне на учебно-методическия речник на български глаголи за рускоговорящи «4000 самых важных болгарских глаголов»

В работата се разглежда проблемът дали лингвистичната прагматика или т.нар. узус се различава понякога от общоприетата граматическа теория. И трябва ли обучението по чужди езици да се придържа строго към нормите на официалната граматика или да бъде ориентирано към практическите комуникативни цели на речта и общуването.

Двете най-важни компетенции при изучаване на чужди езици са лексикалната и граматическата. В областта на граматиката е направено не малко – създадени са различни видове граматика: описателна, функционална, практическа. В областта на лексиката също са създадени речници с цел улесняване на чуждоезиковото обучение – покрай традиционните разговорници се създават честотни, валентни и тематични речници. Все пак има още свободно поле на действие в тази област. В нашето пособие ние сме взели само глаголите като части на речта и сме ги представили във вид, удобен за изучаване от рускоговорещи.

Кое е новото в представяното пособие?

- Досега не е правен подобен опит в българската методика на преподаване на българския език като чужд, още по-малко на рускоговорещи.
- Пособието е построено с оглед на психологическото своеобразие на руснаците, изучаващи български език.
- Взета е предвид различната възраст на обучаемите, определяща тяхното възприемане на български език като чужд.

За тази цел представянето на граматическия материал е максимално удобно за възприемане и разбиране – отделно са представени видовете двойки с техните съответствия на руски език. Дадени са различни примери за тяхното използване. Показани са спрежението на съответния глагол, окончанието на аорист, валентност, съчетаемост с различни предлози. Начинът, по който са разделени глаголите, е подчинен на възприетите от автора граматически теории.

Грамматические нормы болгарского литературного языка – соблюдение и нарушения (на материале СМИ)

Число кодифицированных грамматических норм болгарского литературного языка невелико. Они включены в Академическую грамматику [Грамматика 1983/1995] и в орфографических словарях, вышедших после 1945-ого года. Кодификация грамматических норм болгарского языка связано с его молодостью как современного литературного и с процессами его становления в эпохе Болгарского Возрождения в XIX веке. По своей сути кодифицированные нормы болгарского литературного языка два типа: связанные с морфологией и связанные с семантикой. С морфологией связана норма двух вариантов определенного артикля у имен м. р. ед. ч., которые употребляются на синтаксическим принципом: *Мъжът чете вестника – Вестникът се чете (от мъжа)*. Эта норма не соответствует аналитическим характером современного болгарского языка, но принята особым законом [Наредба-закон 1945] и поэтому с 1983-ого года [Правописен речник 1983/1995] кодификаторы ввели ограничение на употребление только в письменной речи. Похожим характером [первым обратил внимание на это Пашов 1962] отличается и норма употребления морфологических падежей у к-местоимений м. р. ед. ч., реферирующих лиц-мужчин: *Човекът, когото поздравих, е стар познат, и: Вестникът, който купих, е нов*. Кодификаторы сужают действие этой нормы и с 2012-ого года она затрагивает только некоторых к-местоимений [Официален правописен речник 2012: 28]. Обе упомянутые нормы являются объектом бурных дискуссий в обществе и среди специалистов, обвинения в консерватизм и источник немало ошибок. Еще одна норма вызывает дискуссию. В речи у глаголов старого (1-ого и 2-ого) спряжения в 1-ом л. мн. ч. наст. вр. иногда употребляется окончание *-ме*, перешедшее из глаголов нового (3-его) спряжения: *чета – четеме* (вм. *четем*) как *смятам – смятаме*. Это дает основания некоторым специалистам [в последнее время Вълчев 2009: 225-227] выдвигать мнение, что появляется дублетность, которую надо кодифицировать. Это вряд ли обоснованно, поскольку ошибки не „массовые“, а спорадические и чередуются правильными формами.

Следующие нормы и их нарушения не являются источником горячих споров и прений среди специалистов и в обществе. В болгарском литературном языке у существительных м. р., не называющих лиц-мужчин, две формы мн. ч. – обычная и счетная, которая употребляется после числительных, а у существительных м. р., называющих лиц-мужчин, только одна форма мн. ч. – обычная, срв.: *два вестника, много*

вестници, но: *двама ученици*, *много ученици*. Кодификация этой нормы в современной эпохе (с 1945-ого года) является попыткой совместить особенности диалектов со счетной формой после числительных у всех существительных м. р. с особенностями диалектов, у которых нет счетной формы. Поэтому в речи норма нарушается преимущественно в случаях дистантной позиции числительного и существительного, когда между ними находятся несколько определений.

Семантическим характером отличаются две нормы: употребление деепричастия и употребление притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений. Деепричастные обороты довольно редкие в болгарской речи, они неприсущие болгарской колокативной нормы и поэтому ошибки проходят незаметно. Самые интересные нарушения грамматических норм с точки зрения семантики и прагматики проходят в сфере местоимений и их употребление в 3-ем л. Кодификация обязывает употреблять возвратное притяжательное местоимение, если подлежащее является посессором. Можно составить два правильных предложения в зависимости от местоимений: *Той изяде своя сандвич* и *Той изяде неговия сандвич*. Несмотря на видимую номинативную разницу, в речи довольно часто употребляется притяжательное местоимение вместо возвратное. При этом, не смотря на ожиданий, не происходит срыв коммуникации. В предложении *Учени: Мечът на джедая е опасен за неговия собственик* прагматика способствует правильно интерпретировать посессора: владелец этого оружия может быть только джедай и поэтому употребление правильного возвратного притяжательного местоимения: *Мечът на джедая е опасен за своя собственик* является вроде бы коммуникативной избыточности. В следующих два предложения употреблено притяжательное местоимение: *Фатмагюл взе 300 000 евро обезщетение за нейна снимка в реклама на шампоан* и: *Роналдо кръшнал на Ирина с нейна колежка*, хотя в первом предложении подлежащее является посессором. Знания о мире способствуют правильному восприятию информации: невозможно получить денежную компенсацию за чужую фотографию; у футболистов нет женщин коллег. В спонтанной речи похожие замены проходят довольно часто. Пока никто из специалистов не требует ввести дублетность и эти нарушения кодифицированной нормы рассматриваются как ошибки. Несмотря на то, притяжательное местоимение не так редко „выталкивает” возвратного притяжательного при поддержке семантических и прагматических условий.

Литература

Вълчев Б. От историята на българския книжовен език към теорията на книжовните езици.- София: Оксидарт, 2009.

- Граматика на съвременния български книжовен език. Том II. Морфология.* - София: Издателство на БАН, 1983. [2-ро издание: 1995]
- Наредба – закон за правописа. – Държавен вестник, бр. 47/27.02.1945.
- Официален правописен речник на българския език. БАН. ИБЕ.- София: Изд. Просвета, 2012.
- Пашов П. За „падежите“ на местоименията в съвременния български език – Известия на Института за български език. Кн. VIII, 1962. С. 385-400.
- Правописен речник на съвременния български книжовен език. – София: АИ Проф. М. Дринов, 1983/1995.
- Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. – Москва: Наука, 1986.

Л.П. Дронова (Томск)

История понятия «свободное время» в славянских языках

Современное представление о свободном времени в русском языке выражено либо словосочетанием *свободное время*, либо словом *досуг*, что отражается и в дефиниции лексемы *досуг* – ‘свободное от работы, от дел время’ – и дополняется толкованием разг. *досужий* ‘не занятый делом, праздный’, ‘вызванный праздностью, бездельем; пустой’ (*досужие домыслы, досужая фантазия*) [МАС 1, 439]. История формирования представления о свободном времени/досуге вызывает интерес при рассмотрении особенностей употребления слова *досуг* и его производных в русских диалектах, где *досуг* известно в роли безличного сказуемого со значением ‘ладно, хорошо, пусть так’, а *досужий* – это ‘знающий свое дело, умелый’, ‘трудолюбивый, прилежный’ [СРНГ 8, 150]. Диалектное *досужество* (сарат.), употребляющееся в собирательном значении ‘изделия, приготовленные в свободное время, на досуге’ перекликается с толкованием этого существительного в словаре В.И. Даля: *досужество, досужество* ‘уменье, ловкость, способность к делу’ (*Досужество дороже досуга*), *досужий* ‘умеющий, способный к делу, ловкий, искусный мастер на все руки’ [Даль I, 1196]. Подобная энантиосемия отмечается и в исторических словарях, которые фиксируют *досуг* и *досужий* в письменности с XIV-XV вв., (СРЯ XI-XVII вв. 4, 341), в то же время эти лексемы в памятниках письменности встречаются редко и поэтому их значение не вполне ясно, в других славянских языках соответствия не представлены [Черных I, 265].

Генетические связи слова *досуг* были объяснены И. Желтовым (1876), соотнесшим его с глаголом *досягати*, рефлексом праслав. **došeg(a)ti*, и сделавшим вывод по исходной семантике слова *досуг*: «*досуг* означает время, достаточное для достижения какой-л. цели» [Черных I, 265]. Мы уже обращались к вопросу о причинах, обусловивших метонимические отношения значений (*‘достижение’ >) ‘умение,

способность к делу' и 'время, достаточное для достижения какой-л. цели' как 'свободное от повседневных дел время' [Этимология 2009-2011: 128-134] и предположили в данном случае нечто подобное византийско-греческому влиянию на формирование семантической структуры заимствованных из старославянского однокорневых образований – *праздник, праздный, упражнение* (при др.-греч. *σχολή*). Аргументом в пользу такого предположения выступало и то, что в других славянских языках соответствиями рус. *досуг, свободное время* выступают ясные и однозначные по внутренней форме слова, словосочетания (укр. *дозвілля*, польск. *odroczynek, czas wolny*, чеш. *volný čas, volno*, серб. *слободно време*).

Однако более внимательный взгляд на диалектные факты славянских языков заставляет иначе взглянуть на этот вопрос. С одной стороны, это с.-хорв. *доколица* (*dōkolica*) 'досуг', у *доколици* 'на досуге', *доколичар* 'ничем не занятый, праздный, досужий человек', *доколичити* 'иметь досуг', 'бездельничать, бить баклуши', вероятно, связанное с диал. (черногорск.) *koļje* 'досуг, (свободное) время', этимологически объясняемым как продолжение праслав. **ko li / *ko lě*: с.-хорв. стар., диал. *коли* 'сколько', *koļe* 'досуг, свободное время', 'когда-либо' [ЭССЯ 10, 85]. Возможно, по семантической модели это южнославянское образование можно сопоставить с укр. *дозвілля* ('сколько-то/какое-то дозволенное/свободное время?').

С другой стороны, по иной модели образования с.-хорв. *допешан, ~ни* 'досужий, праздный' (при *допјети* 'созреть', 'успеть, прийти вовремя', 'иметь свободное время', диал. 'кончить', *допјет* 'обеднеть', 'иметь свободное время, успеть') и рус. диал. *допех* 'досуг' (влад.), *допех* 'успех' (влад., перм.), 'работа, мастерство', *допеть* (арх., перм.) 'сделать, приготовить, смастерить' (отглагол. производное от **dospěti* с заметной ранней семантической специализацией в русском языке [ЭССЯ 5, 83]). С этой семантической моделью может быть соотнесено и *досуг* как родственное *-досыгать* (праслав. **dosęg(a)tī*, 'доставать (рукой), достигать', ср. польск. *dosięgły* 'удободостижимый', 'хватаящий, достаточный для чего-н.').

О.В. Дрябина (Москва)

От «социальной» к «психологической»: русская фантастика писателей-«восьмидесятников»

Рассуждая о причинах популярности научно-фантастических произведений у российских школьников, один из современных исследователей справедливо замечает: «простые и ясные – Г. Адамова, Г. Мартынова, А. Казанцева, запуганные и неоднозначные – А. и

Б. Стругацких, С. Павлова, О. Ларионовой – привлекли юных читателей не только необычностью художественного “антуража”, но и **глобальностью** решаемых проблем в сочетании с искренностью взаимоотношений героев» (выделено нами – *О.Д.*) [Виноградова 2002: 7]. Именно отображение названных глобальных (то есть всесторонних, всеобъемлющих, значительных по своему размаху, степени проявления) факторов и явлений было достаточно долгое время одной из основных задач отечественных фантастов, что соответствовало и общим художественным принципам социалистического реализма.

Разделение перечисленных писателей по принципу противопоставления простоты и ясности одних текстов запутанности и неоднозначности других представляется нам неслучайным. При обращении к художественным мирам оно оказывается непосредственно связанным с трансформацией фантастики как литературной области и нашей попыткой в ходе диссертационного исследования определить специфику фантастики «восьмидесятников». Во-первых, перечисленные авторы относятся к двум разным литературным поколениям³, во-вторых, существенны различия специфики фантастики представителей каждой из групп, что подтверждается наблюдениями О. А. Виноградовой далее по тексту: «Интерес писателей к достижениям научно-технического прогресса сменяется вниманием к **сущностным**, духовным, нравственным проблемам и особенностям их решения в конкретной художественной ситуации» (выделено нами – *О.Д.*) [Виноградова 2002: 7]. Обратим внимание на то, что при этом в произведениях каждого из авторов проблемы ставились сущностные, важные для всего общества. Таким образом, исследователь обозначил некоторые значимые различия творчества приведенных писателей, чьи произведения объединялись понятием «научно-фантастическая литература». Анализ показал, что дальнейшее развитие русской фантастики в 1980-1990-е гг. происходит, в том числе, и в аспекте отображения образа человека и в проблемно-тематическом поле в целом, что можно обозначить как переход от «социальной» к «психологической» фантастике.

Дополнительным доказательством изменения аксиологической парадигмы, повлиявшей на художественный мир произведений в целом, может служить обращение к рецензии А. Казанцева 1984 г. на авторский сборник «Ты, и никто другой» молодых волгоградских писателей Л. и Е. Лукиных. Именно данная отрицательная рецензия привела к отказу в издании рукописи. Важным представляется и то, что позднее практически все произведения, предложенные для данного сборника,

³ Г. Адамов (1886—1945), Г. Мартынов (1906—1983), А. Казанцев (1906—2002); А. Стругацкий (1925—1991), Б. Стругацкий (1933—2012), С. Павлов (род. в 1935 г.), О. Ларионова (род. в 1935 г.)

были опубликованы, получили широкую популярность среди читателей, авторы стали лауреатами многочисленных литературных премий. Художественные принципы, используемые соавторами, очень скоро станут привычными и типичными для всей отечественной фантастики 1980-90-ых гг. В 2011 г. Е. Лукин стал лауреатом государственной награды – ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

Как показал анализ, замечания, которые высказывались А. Казанцевым, относились к критике не художественного воплощения, а самих принципов формирования поэтики, эстетической концепции авторов, что стало выражением (на тот момент полного) неприятия старшего поколения писателей иных творческих стремлений уже изменяющегося времени. По мнению рецензента, существенными недостатками произведений соавторов можно было считать то, что «к научной фантастике рассказы Лукиных отношения не имеют, они никуда не зовут читателя, не заражают его идеями, не возбуждают у него тягу к знаниям, не направляют пути молодых людей во вузы» [Казанцев 1984: 45]. Необходимо оговориться, что резкость приведенной негативной оценки А. Казанцева произведений Лукиных, по нашему мнению, в большей степени была продиктована не столько личностным отрицательным отношением к молодым авторам или недостаточностью художественного вкуса А. Казанцева (упреки в чем можно найти в сегодняшних комментариях по поводу данного отзыва), сколько стойкостью, убежденностью и последовательностью собственным художественным принципам, которых он придерживался до конца жизни. Иными словами — это взгляд представителя «твердой научной фантастики» на изменения, происходящие в любимой области литературы.

В 1980-ые гг. так называемые «большие» темы уступили место «малым». Однако не все разделяли опасения и неприятие, высказанные в рецензии А. Казанцева. «Малые темы спасут большие. В малом надо увидеть значительное. Это почва» [Лихачев 1989: 5]. По нашему мнению, именно это произошло в русской фантастике – изменился угол зрения, «точка восприятия» – произошел переход с рассмотрения широких общественных обобщенных проблем, являющихся спецификой «социальной» фантастики, на узко личностные. При этом данный тип фантастики, ее характеристики, могут вступить в некоторое противоречие с самим определением «социальной фантастики». Рассмотрение фантастики «восьмидесятников» с точки зрения «социально-психологической фантастики» (которое используется в критической и научной литературе) могло бы стать приемом анализа, способным к более точному выражению специфики произведений исследуемого корпуса текстов и разрешило бы данное противоречие.

Л и т е р а т у р а

- Виноградова О.В.* Педагогические условия повышения эффективности чтения подростками литературы фэнтези: Дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2002.
- Казанцев А.П.* [Рецензия:] Л. Лукина и Е. Лукин «Ты, и никто другой», сборник научно-фантастических произведений // Фэнзор: Любитель журн. по проблемам фантастики и фэндома. [Севастополь] 1990. № 2 (2). – С. 43-61.
- Лихачёв Д.С.* Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. – Л.: Советский писатель, 1989

В.О. Еришов (Житомир)

Польская литература Правобережной Украины первой половины XIX века: между Варшавой и Петербургом

После второго раздела Речи Посполитой польские литераторы Правобережной Украины (Волинь, Подолье, Киевщина) оказались в лимитальном пространстве Востока и Запада, между Бугом и Днестром, Российской империей и Царством польским, Петербургом и Варшавою. Если в великорусском восприятии Правобережье ассоциировалось как исконно свое, возвращенное пространство (вспомним медаль Екатерины II «Отгорженная возвратихъ»), то в великопольском (вспомним М. Мохнацкого), – как «забранные земли; забранные губернии». Диспозиция «Восток – Запад» в представлении правобережцев обрела новые качества, которые были вербализованы антиномиями «демократия – деспотизм» или «цивилизация – варварство», доминантою в которых выступал не уровень культуры, образования или социального положения, а особенности государственной организации политической экзистенции.

Если в XVIII ст. правобережный автор жил как бы в одном монументальном европейском пространстве, то в первой половине XIX-го – акцентуация ареальной принадлежности варьируется, обретая черты инаковости, что в свою очередь, способствовало определенным абберациям в художественной реинтерпретации Правобережья. В социокультурном пространстве новоорганизованного Юго-Западного края начали происходить детерминированные трансформации. Отличность нового культурного феномена, который возник на пограничье двух знаковых державных территорий, не хотели замечать ни в Варшаве, ни в Петербурге. Правобережье оказалось как бы на перекрестье культур, обретая нелокализованный пространственный статус то ли крессов, то ли пограничья Запада и Востока, Варшавы и Петербурга.

М. Грабовский писал: «в Великопольше имеют о нас тут дикие представления» [Grabowski 1934:147]. Вл. Мицкевич, пребывая в Житомире, удивлялся, что разговоры о будущем Польши тут «сильно отличались

от споров нашей эмиграции в Париже» [Mickiewicz 1927: 39] Ю. И. Крашевский комментировал: «Мы, как губка, вобрали, с одной стороны, нектар Востока, с другой, – западные эликсиры, однако это у нас соединилось в новое химическое соединение, которое только наш организм мог выработать» [Kraszewski 1873: 4]. Думается, неслучайным было то, что Ю. И. Крашевский стал противником влияния «украинской школы» на польскую литературу, о чем свидетельствует его статья «Украинома́ния». Диаметрально противоположное видение процесса было характерно другому правобережцу – М. Грабовскому, который категорично выступал против французской «безумной литературы», в которой также чувствовал угрозу польскости. Парадоксально, статья Ю. И. Крашевского была опубликована в Петербурге, а М. Грабовского – в Вильно.

Правобережный писатель все больше отличался от патерной культуры и напоминал ракушку, которая достаточно критически пропускала через себя новомодные веяния Варшавы и Петербурга. 1793 – 1863 гг. – были одними из тяжелейших периодов в истории польскоязычной литературы – по-польски: kresów, – по-русски: заднепръя, по-украински – пограниччя. Правобережье, как искусственно антиномное пространство, стало жить своей жизнью, независимой от центров. Потому не удивительно, что тут начали формироваться своеобразные языковая и стилевая стихии, региональные поэтические особенности, идея местечкового группирования, в результате чего порубежье «взорвалось» мощнейшим стремлением к «консервации» прошлого и действительности в мемуарной литературе.

Неудивительно, что славно известная поэма «Мария» волынянина А. Мальчевского не была воспринята великопольским читателем, Ст. Козмян вынашивал планы колонизации Волыни, Тымко Падура, К. А. Гейнч и Д. Бонковский создавали произведения на украинском языке латиницей, в чудновском (теперь г. Чуднов Житомирской обл.) имении Г. Жевусского в июне 1841 г. произошло первое собрание (съезд) волыньско-литовских литераторов, а в Житомире функционировало Товарищество по изданию польских книг по сниженным ценам. «Прорыв» Ю. И. Крашевского в Европу не вызвал положительных рефлексий ни в центрах, ни на периферии. Правобережная самоидентификация была качественно и ментально инаю. М. Чайковский так характеризовал одного из современников, который «оставался среди казаков как гордый шляхтич, среди ляхов – как гордый казак, среди россиян и немцев – как непримиримый поляк» [Czajkowski 1898: 2]. Неудивителен и тот факт, что Житомир стал центром литературной и интеллектуальной жизни Правобережья, с которым так или иначе было связано творчество Т. Бобровського, Е. М. Галли, И. Головинского, М. Грабовского, А. Грозы, Т. Т. Ежа, А. Еловицкого, Г. Жевусского, Е. Ивановского,

Ф. Карпинского, К. Качковского, Ф. Ковальского, А. Коженевского, Ю. И. Крашевского, Н. и Г. Олизаров, Т. Олизаровского, С. Осташевского, Т. Падалицы, Адама Плуга, А. Пжездзецкого, Я. Прусиновского, А. Равиты-Гавронского, А. Ролле, Л. Совинского, Е. Фелинской, М. Чайковского.

Традиционные пеоны относительно Правобережья как аркадийского пространства «молоком и медом истекающего», – были не чем иным, как достаточно удачною метафорою, которая олицетворяла визию пространства с точки зрения тех, кто оставил свой край, а не тех, кто тут проживал. Батьківщину «любил издалека» не только Ю. И. Крашевский, но и С. Гощинский, Б. Залеский, Ю. Коженевский, Ю. Словацкий, которые вынуждены были ее покинуть. Они составляют сегодня классиком польской художественной литературы. Оставшимся, Клию уготовила место в лиминальном пространстве между польскою, украинскою и русскою литературами. Сегодня польскоязычная литература так и остается в виртуальном пространстве кресло-пограничья, которое не имеет ни демаркационных реперов, ни административно и культурно не локализованною, ни польскою и, естественно, ни русскою, а пока, к сожалению, еще и не украинскою.

Л и т е р а т у р а

- Grabowski M. List XLIV do J. I. Kraszewskiego 10 lipca 1840 r. // Michała Grabowskiego listy literackie / Wydał A. Bar. – Kraków : Polska Akademia Umiejętności, 1934. – 450 s.
- Kraszewski J. I. Polska w czasie trzech rozbiorów 1772 – 1799: studia do historii ducha i obyczaju. – Т. 1. – Poznań : Księgarnia J. K. Żupańskiego, 1873. – 454 s.
- Mickiewicz Wł. Pamiętniki. – Т. 2. 1862 – 1870. – Warszawa-Kraków-Lublin-Lódź-Paryż-Poznań-Wilno-Zakopane, [1927]. – 441 s.
- Czajkowski M. Pamiętniki Sadyka Paszy / Tł. na polskie A. P. – Lwów : Nakładem księgarni Gubrynowicza i Schmidta, 1898. – 286 s.

И.В. Ефименко (Киев)

К этимологии названий некоторых плавсредств у славян

В предлагаемой публикации подробнее остановимся на группе лексем, обозначающих названия кораблей в восточнославянских и польском языках, объединённых, на первый взгляд, общим семантическим признаком ‘названия животных’. Однако при ближайшем рассмотрении это кажущееся семантическое сходство не имеет под собой достаточных оснований.

1. Блр. диал. блр. (полесск.) **баран** ‘большая рыбацья лодка’ рассматривается белорусскими исследователями в непосредственной связи с одноименным названием животного. При этом отмечено, что подоб-

ные названия довольно часто даются большим предметам, устройствам или приспособлениям [ЭСБМ 1, 308-309].

Учитывая назначение судна, указанный корабельный термин, на наш взгляд, может быть мотивирован рыболовецкой лексикой, обозначающей, например, снаряд для подъёма тяжестей, ср.: укр. диал. *барáн* 'лебёдка на борту рыболовецкого судна, которой подтягивают и поднимают сети с рыбой', русск. диал. *барáн* 'рычаг, вертикальный ворот для поднятия тяжестей, для накручивания каната от рыболовных сетей и т. п.', 'ворот на лодке для тяги неводных орудий лова'. В то же время название лодки, возможно, связано с одноименным судостроительным термином, обозначающим шпангоут, т. е. поперечное ребро корпуса судна, ср., например, русск. диал. *барáн* 'последний прямой шпангоут у судна, идущий к носу или к корме'.

Оба специальных термина как возможные мотиваторы названия судна, в конечном итоге, восходят к псл. **baranь* [ЭССЯ 1, 155]. Однако нам кажется, что непосредственно связывать название судна с одноименным названием животного не вполне корректно. Такое специфическое название указанные выше термины, очевидно, получили в связи со своей характерной формой, скорее всего, дугообразной, полукруглой, напоминающей бараний рог. Предположительно, главный семантический признак, ставший основой для этих терминов, а впоследствии и названия судна, – *'что-либо согнутое в дугу, кольцо, петлю' (ср., например, русск. диал. *барáнить* 'закручивать в бараний рог, кольцами', *барáниться* 'переплетаться (о стеблях)', *барана* 'петля, кольцо', *барáн* 'петля, узел'), позволяющий, с определенной долей осторожности, рассматривать их в гнезде и.-е. **bher-* 'плести'.

2. Пол. (устар.) *byk* 'парусно-весельное одномачтовое плоскодонное судно для сплава соли и хлеба' (XVII в.), *byczek* 'небольшая галера', пол. диал. *byka* 'маленькая лодка'. В польских говорах слово *byk* имеет достаточно разнообразную семантическую палитру. Однако практически весь лексический материал обозначает какое-либо приспособление, устройство, инструмент, в частности, полозья у саней, козёл для пилки дров, крюк с двумя рогами и т. д.

С семантической точки зрения интерес вызывают ст.-пол. *byk* 'сбитая из досок прямоугольная плавательная конструкция, которую после сплава продавали на дерево' и русск. диал. (мн.) *быки́* 'толстые горбыли, набиваемые на наружные стенки судов для их прочности и лёгкости на воде'. Приведенная лексика помогает восстановить мотивы номинации польского судна, которые могли быть связаны с формой плавсредства, технологией производства либо материалом изготовления. На наш взгляд, польский корабельный термин генетически восходит к гнезду псл. основы **byk-* (связанной на основе чередования гласных с псл. **buk-*

) с исходной семантикой 'выгнутость, выпуклость', продолжающей и.-е. **bheu-* 'надуваться, набрякать, разбухать'.

3. Русск. диал. (арх.) **гбголь** 'разновидность северного рыболовецкого судна – карбаса'. Исходя из сферы употребления судна, его название могло быть мотивировано одноименным рыболовецким термином, ср., например, русск. диал. *гоголь* 'поплавок у удочки (в виде трубочки или удлиненных бочоночков)'. Не исключаем также, что название судна *гоголь* как вид карбаса (см. значение), связано с его внешним видом (формой) и мотивировано псл. **gogolъ* с исходной семантикой 'предмет неровной, округлой формы', позволяющей рассматривать его как континуант и.-е. **ghegh-* 'кривить, сгибать, гнуть' [Шульгач 2002: 278-279].

4. Укр. **козá, кiзка** 'род лодки на Кубани', ст.-пол. **koza** 'небольшое весельное речное судно без мачты' (XVI-XVII вв.), пол. 'вид сплавного судна', пол. диал. 'род водного судна' (с уточнением, что по своим размерам судно немного меньше байдака, имеет шпалеобразный нос и используется для перевозки гравия на Висле). По мнению некоторых исследователей, своё название плавсредство получило от одноименной жаровни на треноге, используемой в рыбацком промысле [Орехова 55], ср., например, русск. диал. *козá* 'род тагана, железная решётка для разведения огня при ночной ловле рыбы острогой'.

Поскольку в справочной литературе судно *коза* квалифицируется как гребная лодка для лова рыбы сетями [разрядка наша. – И. Е.] в акватории Черного и Азовского морей, его название, на наш взгляд, правомернее семантически соотносить с названием рыбацкого снаряжения, ср., например: ст.-укр. *коза* 'рыбацкая снасть' (1546 г.), блр. диал. *казá* 'сеть для ловли рыбы с тремя палками'. Исследуемый корабельный термин может восходить либо к псл. **koza* 'обрубок дерева или примитивное деревянное приспособление, похожее на животное с ногами' – результат перенесения названия животного [ЕСУМ 2, 494-495], либо к псл. **koza* 'что-либо неровное (выпуклое), раскоряченное' < и.е. **keǵ-* 'гнуть' [Шульгач 1998: 128-129] – без учета судостроительного термина в реконструкции.

5. Русск. (стар.) **лось** 'род судна' (1649 г.). Название судна, на наш взгляд, связано с технологией его производства и непосредственно мотивировано русск. диал. *лось* 'материал (дранка, лучина, рейки), которым зашивают просмоленные и законопаченные пазы наружной обшивки судна, лодки'. В свою очередь, *лось* – фонетически преобразованная форма от *лость*. Лексемы *лось*, *лость*, *лост* прослеживаются в русском языке с идентичной семантикой – 'материал (дранка, лучина, рейки), которыми зашивают просмоленные и законопаченные пазы наружной обшивки судна, лодки'. Сюда же и производное *лостить* 'обшивать

корпус судна, лодки дранью, рейками (чтобы не выпадала пенька, которой проконопачены пазы)'. Генетически связано с русск. *ласт* 'то же, что и *лост*' < псл. **lastь* [ЭССЯ 14, 45].

Проведенный анализ позволяет восстановить утраченные семантические связи и возможные мотивы номинации некоторых судов у восточных и западных славян (в частности, связанные со способом или материалом изготовления, формой, снаряжением), лишь формально тождественных лексемам, обозначающим представителей животного мира.

Л и т е р а т у р а

- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: В 7 т. / За ред. О.С. Мельничука. – К.: Наукова думка, 1982-2012. – Т. 1-6.
- Орехова – *Орехова Т.И.* Формирование тематической группы названий водных средств передвижения в истории русского языка XVIII-XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук (10.02.01 – русский язык). – Барнаул, 2000. – 179 с.
- Шульгач 1998 – *Шульгач В.П.* Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкції). – К.: б. и., 1998. – 367 с.
- Шульгач 2002 – *Шульгач В.П.* Из русской диалектной лексики. IV // Восточнoукраинский лингвистический сборник. – Донецк: Донеччина, 2002. – Вып. 8. – С. 278-283.
- ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* / Ред. В.У. Мартынаў. – Мінск: Беларуская навука, 1978-2010. – Т. 1-13.
- ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праслав. лекс. фонд* / Под ред. О.Н. Трубачёва и А.Ф. Журавлёва. – М.: Наука, 1974-2012. – Вып. 1-38.

В.С. Ефимова (Москва)

О новых методах исследования старославянского лексического инвентаря

1. Вопрос о границах старославянского (далее ст.-слав.) лексического инвентаря до сих пор остается в палеославистике дискуссионным. В XX в., во времена господства синхронических исследований в лингвистике, синхронный подход был применен также и к изучению ст.-слав. языка, вследствие чего непосредственными источниками ст.-слав. словаря признавались лишь рукописи «ст.-слав. канона» (как правило, 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв. – см. [Цейтлин 1977] и др.). Проблема, однако, заключается в том, что в этих рукописях представлен далеко не весь ст.-слав. лексический инвентарь, а лишь его фрагмент, что обусловлено содержанием текстов, входящих в рукописи, сохранившиеся довольно случайно. На современном этапе развития палеославистики достаточно большой корпус изданий памятников древнеславянской письменности и индексов к ним, работы по изучению их лексики, имеющийся в распоряжении исследователей Пражский ст.-слав. словарь (*Slovník jazyka staroslověnského*. Т. I–IV. Praha, 1958–1997), на-

чавшиеся публикации словарей церковнославянских изводов позволяют на условиях, изложенных нами в ряде работ ([Ефимова 2002; Ефимова 2011: 3-11] и др.), восполнять недостающие единицы ст.-слав. лексикона с большей или меньшей степенью вероятности.

2. Метод сопоставления греческих и ст.-слав. лексем для определения и уточнения значений последних используется палеославистами традиционно: с середины XIX в. в изданиях памятников письменности приводится параллельно «греческая Vorlage»; в словарных статьях принято указывать возможно полный ряд «греческих соответствий». При этом сопоставление всегда велось по пути «от ст.-слав. слова к греческим»: выяснялось, какие греческие слова переводит ст.-слав. слово. Накопленный к настоящему времени опыт изучения памятников древнеславянской письменности позволяет оперировать разными ст.-слав. соответствиями греческой лексемы и использовать «обратный путь» сопоставления — «от греческого слова к старославянским», что не только уточняет значения ст.-слав. слов, которые оказываются таким образом в синонимическом ряду, но и выявляет приоритеты выбора способов номинации и их смену при переводе разных произведений и на разных этапах становления ст.-слав. языка. Для использования этого метода исследования очень важна публикация в Праге Греческо-старославянского индекса (*Řecko-staroslověnský index*. Praha, 2008).

3. Метод анализа лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп был применен нами в монографии [Ефимова 2011] при изучении ст.-слав. наименований лиц, но может быть использован при исследовании и других сегментов ст.-слав. лексикона. Такие группы формируются путем включения в них как греческих соответствий ст.-слав. слова, так и ст.-слав. соответствий греческого слова. (Например, слово праславянского (далее псл.) происхождения владзика переводит целый ряд греческих слов разной морфемной структуры: ἡγεμὼν, δεσπότης, ἡγεμόνος, κρατῶν. В свою очередь ἡγεμὼν переводится ст.-слав. словами разной морфемной структуры и разного происхождения: владзика, воевода, вождь, князь, нгемонъ, мжунтедь. И т.д.) Это позволяет выявить взаимоотношения внутри группы близких по значению греческих и ст.-слав. слов разной формальной и семантической структуры и разного происхождения («старые» славянские лексемы и результаты словотворчества самих книжников, заимствования старые и новые, слова с древней структурой общеименной суффиксации и слова с продуктивными аффиксами, кальки и слова с элементами калькирования и т.д.) и тем самым заглянуть в «творческую лабораторию» древних славянских книжников, объяснить их «стратегию» в выборе способов номинации в отдельных тезаурусных группах и смены приоритетов выбора.

4. Статистический метод исследования ст.-слав. лексического инвентаря не является, строго говоря, новым. Количественные показатели использовались в работах Р.М.Цейтлин, А.Давидова, И.Христовой, Т.Мостровой и др. Однако в последнее время интерес к этому методу исследования ст.-слав. лексики возрос (см., например, работы Т.Илиевой [Илиева 2011; Илиева 2012]), как вообще возрос интерес к этому методу в лингвистических исследованиях. В ряде случаев применение метода может дать хорошие результаты. Например, учитывая данные Р.М.Цейтлин, согласно которым в рукописях «ст.-слав. канона» насчитывается до 73 наименований лиц с суффиксом *-tel(ь)* и до 138 наименований лиц с суффиксом *-(ьn)ik(ь)* [Цейтлин 1977: 95; 105], и сопоставляя их с тем фактом, что из наименований лиц с продуктивным в псл. языке суффиксом *-ць* встречается только *врачь*, а из наименований лиц с продуктивным в псл. языке суффиксом *-(a)tajь* встречается всего четыре слова (причем только в Супрасльской рукописи), мы делаем вывод о явных предпочтениях, отдаваемых первыми славянскими переводчиками определенным суффиксам, – как при выборе слов для перевода, так и в их собственном словотворчестве. Однако статистический метод следует применять с осторожностью, принимая во внимание и фрагментарность известного нам ст.-слав. лексического инвентаря, и специфичность содержания ст.-слав. текстов. Очевидно, что высокая частотность в переводе Евангелия таких слов как *оучнѣѣ* или *оучѣнкѣ* обусловлена его содержанием, а единичное употребление в рукописях «ст.-слав. канона» слова хоть ‘любовник’ (гапакс Супрасльской рукописи) может быть обусловлено как специфичностью содержания ст.-слав. текстов, так и фрагментарностью известного нам ст.-слав. лексического инвентаря.

Л и т е р а т у р а

- Ефимова В.С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. – М.: Индрик, 2002. – С. 462-470.
- Ефимова В.С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2011. – 224 с.
- Илиева Т.* Лексиката в Йоан-Екзарховия превод на Богословието — количествени показатели // *Palaeobulgarica* XXXV, 2011, № 2. – С. 14-36.
- Илиева Т.* Словник книги пророка Иезекииля по списку F.1461: глоттометрическая характеристика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2012. С. 9-42.
- Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. – М.: Наука, 1977. – 336 с.

Функційна типологія слов'янських часток: основні моделі динаміки

Функційна типологія часток найпродуктивніше може бути опрацьована на ґрунті зіставного вивчення слов'янських мов, зокрема часток із простеженням їхніх спільних та відмінних параметрів. Типологічну модель можна побудувати на основі двох або кількох взаємозв'язаних ознак, домінуючих щодо основного категорійного змісту. Функційна типологія в силу цього пов'язана з вивченням не типу граматичної структури мови, а типів як способів вираження в тій чи тій мові. Функційна типологія досліджує функційні різновиди та універсальні закономірності функціонування мовних одиниць. Встановлення функційних типів слов'янських часток постає аргументованим із послідовним застосуванням категорійного апарату контекстуальної граматики, тому що інвентар контекстів уможливує диференціювання плану змісту в атомарних його реалізаціях.

У розгляді слов'янської частки найдоцільніше розмежовувати **частки** як частину мови (в цьому разі не дискутується мотивація лінгвістичного терміна, що витлумачується у традиційному розумінні), що входять до актуалізованої реченнєвої структури – висловлення, виражаючи різні стилістичні, модальні, емоційно-експресивні й інші функції, та **частки-фрази**, що синтаксично символізують таке висловлення. Незаперечною постає об'єктивна складність кваліфікації часток та часток-фраз, їхнього послідовного розмежування, тому що ті самі елементи можуть бути використані і як частки, і як частки-речення: укр. (Максим:) *Та й так воно нам важко тут одним.* – (Микола:) *Так* (М. Зарудний); біл. «*Максім яшчэ не вярнуўся?*» – «*Не*». – «*Не?*» (Я. Колас); рос. «*Ты любишь его?*» – «*Да*», – *прошептала Наташа* (Л. Толстой); болг. «*Съгласни ли сте, господа?*» – «*Да!*» (Хр. Смирненски); чесь. «*Jedete tam?*» – «*Ano*» та ін. З-поміж часток-фраз в усіх слов'янських мовах вирізняють стверджувальні й заперечні, пор.: укр. *Так!*; *Ні!*; біл. *Так!*; *Не!*; рос. *Да!*; *Нет!*; болг. *Да!*; *Не!* чесь. *Ano!*; *Ne!* і под. Класифікаційні параметри часток-фраз мають опертям модель ситуації й послідовно співвіднесені з комунікативно-прагматичними інтенціями мовця (адресанта). Для встановлення змістових відтінків часток-фраз необхідно є не тільки наявність експериментального текстового корпусу, а й створення моделей діагностування семантики таких часток-фраз. Опозиція **ствердження** ↔ **заперечення** є універсальною для всіх слов'янських мов, різними постають варіації та модифікації в кожній з них.

Розгляд часток як частини мови передбачає можливість їхньої класифікації за різними аспектами: за походженням, за твірною базою, за структурою, за семантикою та ін. Усі вторинні частки зберігають семантику твірного слова, тому наявні різноспектральні переплетення прислівникових / займенникових та інших значень і семантики частки, пор.: *Гнуться **мало не** до землі струнки білі берези* (І. Франко) – **мало не** = частка + прислівник; *Зараз **мені** забирай своє манаття* (М. Коцюбинський) – **мені** = частка + займенник; *Стільки праці покладено, стільки надій тут вимріяно – **ну й** маєш увесь результат після повені* (Україна молода, 18.08.2008) – **ну й** = частка + сполучник. Основу аналізу функційної типології слов'янських часток становить «Словник часток» [Загнітко 2012], у якому встановлено функційну модель частки в українській мові. На цьому ґрунті опрацьовується загальнотипологічна модель. Функційна модель містить кілька внутрішніх диференціацій: укр. *аж* – аmodalна; текстоструктурвальна лінійна; дискурсивна; апелятивна (погрози); емоційна; за семантикою – підсилювальна, може виступати як вияв: а) підсилення дії: *Дівчина **аж** горить від сорому* (О. Гончар); ознаки: *Листя в променях **аж** світле* (М. Коцюбинський); б) кількісної значущості: *Відтоді минуло **аж** три роки* (М. Івченко); в) несподіваності / раптовості дії: *Хлопець **аж** обернувся – **аж** перед ним дівчина* (С. Васильченко); г) граничного простору: *Як чекав на неї в шкільному дворі, щоб разом іти додому, а потім проводжав, несучи плац-намет, **аж** за вербочки, де місток дерев'яний через яр, – далі вона ніколи не дозволяла проводити себе...* (В. Дрозд); виділення: *Якось опівночі я не витримав, підкрався до віконця, **аж** він стоїть посеред келії з чорною книгою...* (А. Дімаров); г) подиву: ***Аж** підстрибнув від здивування Дмитро* (В. Підмогильний) [Загнітко 2012: 67-70]. Загалом словникова стаття, крім функційного вияву, містить також: 1) характерологію (походження); 2) комунікативний вияв (тематичний / рематичний); 3) синтагматику; 4) семантико-парадигматичні ознаки; 5) квантитативні та 6) динаміко-еволюційні параметри (на ґрунті трьох словників [Словарь 1958-1959; Словник 1970-1980; Великий 2007], що сукупно охоплюють більше століття); 7) етимологію (за лексикографічними джерелами [Етимологічний 1982-2011]).

Функційна типологія слов'янської частки повинна ґрунтуватися на дискурсивних практиках, на діагностуванні контекстів як реалізаторів певного смислу, пор.: обмежувально-видільні смисли окремих часток на зразок укр. *тільки*; біл. *толькі*; рос. *только*. Обмежування/виділення є інваріантним для кожної слов'янської мови, а вияв – національно модифікований і дискурсивно мотивований. Опрацювання останніх у зіставному загальнослов'янському вимірі уможливило встановлення

спільних та відмінних смислових діапазонів у певної значеннєвої групи часток загалом та смислу в кожної з них зокрема.

Визначення моделей динаміки у функційній типології слов'янських часток має опертям: 1) місткість їхніх парадигм (синтагмальних, дериваційних і под.); 2) модифікацію лінеарності; 3) закріплення смислового тла частки за реченням / компонентом речення; 4) регулярність і частота синтагмальних моделей у дискурсивних практиках (пор., наприклад, відсутність емоційних часток вираження гніву (на кшталт рос. *-да, -еще (чего), -вот (еще)* – близько 25) в законодавчому дискурсі та ін.

Л и т е р а т у р а

- Великий тлумачний словник української мови / Автор *В.Т. Бусел*. – Київ, Ірпінь: ВТФ «Перун», 2007. – 1736 с.
- Етимологічний словник української мови: В 7-и т. – Т. 1–6. – Київ: Наукова думка, 1982-2011.
- Загнітко А., Каратаєва А.* Словник часток: матеріали і статті: наук.-навч. вид. – Донецьк: Донецький національний університет, 2012. – 382 с.
- Словарь української мови / Упор. *Б. Грінченко*. – Т. 1–4. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1958-1959.
- Словник української мови: В 11-ти т. – Київ: Наукова думка, 1970-1980.

Е.И. Зайцева (Москва)

Иван Краско и европейские символисты (Э. Ади, Ш. Бодлер)

В контексте мировой интеграции словацкая литература рубежа эпох восприняла литературные традиции Западной Европы. Так, например, в творчестве одного из крупнейших представителей художественного течения начала XX века Словацкой модерна – Ивана Краско – многие специалисты (С. Шматлак, М. Гафрик, М. Томчик) видят следы европейского модернизма (в частности, символизма и импрессионизма). Иными словами, лирика Краско во многом является словацкой модификацией поэзии европейского символизма.

В своих двух стихотворных сборниках "Ночь и одиночество"/"Nox et solitudo" (1909) и «Стихи»/ "Verše" (1912) Краско обращается к проблематике души человека, вслед за западными символистами утверждает интуитивность постижения мира через мистические прозрения, откровения и лирическую медитацию. Особый интерес представляет связь Краско с традициями французского (Ш. Бодлер) и венгерского (Э. Ади) символизма, поскольку это демонстрирует общеевропейский фундамент, на котором сформировалась Словацкая модерна.

Как пишет венгерский исследователь Р. Кисс-Семан [Kiss-Szemán 1999: 66-67], всем европейским поэтам-символистам свойственно иг-

рать с художественными образами-масками. Поэт выбирает эти маски из бесчисленного количества образов, воссозданных богатой европейской культурой, античной мифологией, христианской религией. Краско не стал исключением. Иногда можно обнаружить так называемые маски-двойники: в творчестве совершенно разных поэтов наблюдаются схожие мотивы, темы, герои. В предложенной нами классификации мы выделяем несколько ключевых масок, часто встречающихся в символистской поэзии. Первая из них – это маска грешника, искренне кающегося в содеянных некогда злодеяниях. Однако функции у этой маски могут различаться: например, Краско и Ади в своих стихах всегда отождествляют ее с классической ролью грешника, исповедующегося перед Богом, в то время, как Бодлер в своих «дьявольских» стихах идет по пути сопротивления, насмехаясь над чувствами раскаявшегося человека.

Ощущение душевной опустошенности, намеренное отторжение мира людей, глубокое одиночество – так можно охарактеризовать следующую маску, уходящую своими корнями в ницшеанский образ Сверхчеловека. Вслед за Бодлером и Ади Краско является прямым продолжателем этой символистской традиции. Более того, у словацкого поэта мотив одиночества занимает центральное место в творчестве: одиночество из-за несчастной любви, надвигающейся старости, по причинам экзистенциальным, не поддающимся разумному толкованию. Зачастую у Краско образ отшельника-одиночки сопряжен с образом грешника.

Еще одна маска, тесно связанная с предыдущей, – маска медиума. Лирический субъект в данном случае выступает в роли своеобразного связующего звена между миром людей и метафизическим миром духов. В подобных стихах Краско отчетливо прослеживается влияние европейской романтической традиции. Иногда лирический герой вступает в разговор с самим Богом: в ключевом стихотворении сборника «Одиночество» герой обращается к Богу «убогих и униженных».

Но, в то же время, после ницшеанского вердикта «Бог умер» в европейском символизме появляются возможности для развития нигилистических идей. «Сделку» с дьяволом охотно совершает лирический герой Бодлера: увертюру дьявольской тематики представляет стихотворение «Гимн красоте». Интерпретация темы Бога и веры в лирике средневропейских поэтов Ади и Краско во многом восходит к традициям модернизма. Примером тому могут послужить отношения с Богом лирического героя Краско: он находится на перепутье, вечно выбирая между западным бодлеровским "сатанизмом" и восточным "богочеловеком".

Символисты однозначно преуспели в изображении женских образов и изменении самого понятия «любовь». Женщина для художника – «потерянная женщина». Наследие европейской романтической традиции не

могло не повлиять на творческую мысль Краско: его стихи характеризует псевдоромантическая аллюзия (например, в стих. «Старый романс»/ «Stará romanca»).

Помимо общих черт, безусловно сближающих Краско с европейскими поэтами, существует значимое отличие. Речь идет об отношении героя к своему окружению. Бодлер практически не обращается к этой проблеме, тогда как у Ади и Краско эта тема становится одной из центральных. Венгерский символист создает образ мистического героя, жертвы жестокого общества (стих. «Видения на болоте»). У словацкого символиста мотив противостояния героя и толпы часто преобразуется в мотив взаимоотношений между поэтом и народом. Красковское понятие о народе восходит к эпохе Национального возрождения. Саморефлексия французского поэта имеет совершенно другой характер: национальный подтекст он заменяет проблемами существования индивидуума в мире хаоса (стих. «Благословение»).

Сопоставительный анализ творчества Краско с поэзией некоторых представителей европейского символизма позволяет сделать вывод об очевидной близости словацкого символизма (в рамках Словацкой модерна) общеевропейскому.

Л и т е р а т у р а

Kiss-Szemán R. O niektorých elementoch básnických imaginácií v symbolizme. Baudelaire, Ady a Krasko // Symbolizmus v kontextoch a súvislostiach. Bratislava, 1999. S. 66-75.

Marčok V. Poézia Ivanu Krasku v perspektíve európskej moderny (a v perspektíve postmodernej skúsenosti literatúry) // Autori a ich svety. Bratislava, 2006. S. 15-36.

В.А. Закревская (Тюмень)

Русская диалектная речь в аспекте функционирования видовременных глагольных форм (на материале архангельских говоров)

Диалектная речь – ценный источник наших знаний о том, как устроена устная речь вообще. Специфика устной речи проявляется прежде всего в сфере морфологии как центре «языкового пространства» (по Реформатскому), в частности, в употреблении видовременных глагольных форм, наблюдения над которыми в течение многих лет во время экспедиций в Архангельскую область (а также по материалам картотеки «Архангельского областного словаря», хранящейся в кабинете диалектологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) выявили некий феномен в их функционировании: значительное прева-лирование форм глаголов совершенного вида над формами глаголов несовершенного вида; свободное употребление глаголов обоих видов в

контекстах длительности и повторяемости действия; варьирование в одном тексте глаголов разных видов, даже в качестве однородных членов.

Отмеченные черты сближают архангельские говоры с разговорной речью носителей литературного языка, а кроме того, фиксируются и исследователями западнославянских литературных языков [Петрухина 1998; Смирнов 1971; Широкова 1998]. Обращаясь к анализу и кодифицированной русской разговорной речи, и славянских языков, обычно сосредоточивают внимание на специфике этих языковых сфер, диалектная же речь рассматривается вообще как нечто сверхспецифическое, далекое от современной языковой проблематики. Однако именно диалектолог – это первый фиксатор устной формы национального языка, а сделанные им записи могут пролить свет на особенности устной речи как таковой.

Итак, прокомментируем указанные выше черты диалектной речи в сфере употребления видовременных форм.

Преимущественное употребление форм совершенного вида.

Проведенное нами ранее исследование [Закревская 2002: 12] показало, что формы совершенного вида составляют более 80 процентов от всех употреблений глагольных форм, что, вероятно, можно объяснить способностью перфективов емко, сжато и в то же время образно, с «подтекстом» передать динамику глагольного действия, его целостность (по Бондарко). Так, в минимальном контексте – *Тут они до нового года запили, попили-попили, отпили* – разворачивается картина и довольно решительного приступа к действию, и его длительного развития, и почти трагического конца.

Сочетаемость глаголов совершенного вида с аспектуальными показателями кратности и длительности действия.

Речь идет об употреблении типа: *Пять раз притащила* (яиц принесла продавать). *Я на неделе два раза сварю да и все. Каждой день помочит* (о дожде). *В больнице-то лежала целой год. Я его все* (= постоянно) *посажу на коленушки*. Исследователи литературного языка усматривают здесь или языковую аномалию, или проявление аналитизма [Гловинская 2008: 216-224]. Нам кажется вполне естественной подобная сочетаемость перфективов как черта устной речи.

Свободное употребление в одном контексте разных видовременных форм.

Указанные выше особенности логически приводят к сосуществованию в одном контексте разных видовременных форм, не препятствующему адекватному восприятию смысла высказывания. Например:

Я даве приугорела, а потом поглежу (в окно): не знаю, кто колотится. Я все там на стульчике-то посижу.

Таким образом, обращение к диалектной речи расширяет наши представления о функционировании глагольных форм в устной форме языка.

Л и т е р а т у р а

- Гловинская М.Я.* Активные процессы в грамматике /Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX-XXI веков.- М., 2008.- С. 216-224.
- Закревская В.А.* Употребление приставочных глаголов совершенного и несовершенного видов в диалектной речи (на материале архангельских народных говоров). Автореф. дис. ... канд. филол. наук.- 2002.- 24с.
- Петрухина Е. В.* Сопоставительная типология глагольного вида в современных славянских языках / Типология вида.- М., 1998.- С 364-370.
- Смирнов Л.Л.* Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке /Исследования по славянскому языкознанию.- М., 1971.- 236-241.
- Широкова А.Г.* Методы принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков /Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков.- М., 1998.- С. 10-99.

Е.С. Зинченко (Москва)

Интернет-баннер как лингвосемиотический объект

Специфика Интернета как коммуникативного средства накладывает отпечаток на происходящие в нём процессы передачи информации. В результате реализации пользователями разных коммуникативных целей появляются новые жанры и жанровые форматы [Горошко], соответственно, и новые виды текстов. Одним из коммуникативных жанров Интернета, а также инновационным типом электронного текста является баннер.

Баннер, с одной стороны, является минимизированным текстом, обладающим связностью, цельностью, завершённостью. С другой стороны, баннер, как жанр, существующий в гипертексте, наряду с вербальной составляющей включает и невербальные компоненты, что превращает его в так называемый креолизованный текст [Сорокин, Тарасов], складывающийся из взаимодействия текста и изображения. Вследствие этого создаётся единый поликодовый образ, который нельзя расчленивать на составные части, не потеряв при этом смысла баннера. В результате восприятие смысла текста в полном объеме возможно только при интерпретации графической части сообщения.

Основной задачей текстового элемента баннера является передача максимального количества информации на минимальном отрезке текста. Поэтому содержание баннера определяет установка на ёмкий в информационном отношении, но краткий вербальный компонент, дополненный графическим изображением. Эта задача формирует специ-

фические стилистические средства баннера в отношении как вербальной составляющей (использование определённых форм слов и синтаксических конструкций), так и невербальной. Можно наблюдать определённые типы семантических отношений между упомянутыми компонентами, при этом активно используются механизмы каламбура, одного из средств минимизации текста и одновременно приращения смысла. Благодаря использованию каламбура в баннере нет «лишних», незначимых элементов, и в то же время происходит усиление коммуникативной успешности сообщения.

Баннер, будучи специфическим типом текста, как и любое другое текстовое сообщение, имеет знаковую природу. Его семиотический контекст формируют компоненты различных качеств, и при этом каждый из компонентов также является знаком. При этом, как показало проведенное нами исследование, при анализе баннеров целесообразно использовать типологию знаков, предложенную Ч. С. Пирсом (символы, иконы, индексы).

Как известно, Ч. С. Пирс считал, что любое сообщение на естественном языке является наиболее абстрактным и немотивированным типом знака – символом («Все слова, предложения, тексты книг и другие конвенциональные знаки суть символы»). Но это не исключает потенциальной иконичности или индексальности языковых знаков (звукоподражания; указательные местоимения). Текст может приобретать индексальность в результате использования императива (преобладает апеллятивная функция) или при указании на реально происходящие события (преобладает репрезентативная функция) [Нёт 2001].

Символический тип взаимоотношений между элементами знака – это тип, в котором означающее ни в какой форме не схоже с означаемым, означающее принципиально условно или сугубо традиционно. Например, в баннере №1 качестве символа выступает картинка, не имеющая непосредственного отношения ни к тексту, ни к референту баннера. Здесь графический компонент (агрессивная собака) является ассоциативной проекцией семантики ключевой лексемы слогана (*защита*), следовательно, вербальное и невербальное в данном баннере соотносены по типу знака-символа. Изображение собаки представляет собой условный знак, традиционно закреплённый в сознании реципиентов текста как символ защиты и надёжности. В иконическом типе отношений означающее уподобляется означаемому или имитирует его внешним видом, звучанием, вкусом или запахом, то есть означающее обладает набором признаков означаемого.

Изображение-икона является визуализацией ключевого понятия баннера. Например, баннер №2, рекламирующий ручку с необычными свойствами, в качестве картинки использует эту самую ручку, то есть изображение-икону. Иконический знак создаёт наиболее определённый образ референта благодаря уподоблению ему.

Индексы как третий тип взаимоотношений между компонентами знака всегда указывают на что-то, например, часы показывают время суток. В отличие от иконы, референт которой может быть вымышленным, индекс всегда обозначает предмет, реально существующий в действительности.

Изображения-индексы представляют собой либо стрелки, непосредственно указывающие направление предлагаемого действия, либо изображения, не называющие ситуацию прямо, а лишь указывающие, намекающие на неё. Например, баннер №3 с текстом «*M&M's тает во рту. А не в жару...*» располагает одновременно иконическими знаками, обозначающими героев «M&M's», и индексальным знаком – изображением зонтика, указывающим на жару.

Таким образом, баннер как поликодовый текст представляет собой многокомпонентный знак, между составными частями которого прослеживаются отношения разных видов.

Л и т е р а т у р а

Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Сб. статей: Гендерная проблематика в языкознании. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы / Под ред. Е.И. Горошко. – С. 25-38

О.Н. Зубкова (Москва)

Особенности функционирования ойконимов в польской фразеологии

Язык не просто представляет собой средство общения, но, являясь классификатором и интерпретатором мира, также относится и к сфере культуры. Исторически сложившаяся в обыденном сознании определенное языковое коллектива и отраженная в языке совокупность представлений об окружающем нас мире, предметах, явлениях и отношениях между ними составляет языковую картину мира.

Представления о мире содержатся в лексике, морфологии, словообразовании, синтаксисе языка. Но одним из основных средств выражения языковой картины мира и менталитета является фразеология.

При изучении фразеологизмов польского языка мы обратили внимание на большое количество содержащихся в них топонимов. Самым многочисленным классом топонимов, встретившихся в собранном нами материале, оказались ойконимы, или названия населенных пунктов. В нашем исследовании мы подробно рассмотрим особенности функционирования ойконимов во фразеологии польского языка и их роль в формировании переносного значения фразеологизма.

Всего было собрано около 500 фразеологических единиц, содержащих ойконимы.

Основными источниками для нашего исследования послужили словари:

Самуил Адальберг «Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych polskich» (1888-1894), 23 тысячи пословиц и поговорок;

К.М.Гюлюмянц «Польско-русский фразеологический словарь»;

Станислав Скорупка «Słownik frazeologiczny języka polskiego» (1974), около 80 тысяч фразеологизмов;

«Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami» (2009), около 17 тысяч фразеологических единиц.

Следует отметить различную ориентированность словарей. Так, «Księga przysłów, przypowieści i wyrażen przysłowiowych» включает в себя все известные автору, в том числе однократно встречающиеся региональные пословицы и поговорки, в то время как современные словари регистрируют только наиболее распространенные фразеологические единицы современного литературного польского языка. Этой особенностью источников обусловлено и различие представленного материала: большая часть топонимов в «Книге пословиц и поговорок» Самуила Адальберга называет польские реалии. А в современных польских фразеологических словарях («Польско-русский фразеологический словарь»

К.М.Гюлумянц; «Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami» и др.) представлены в основном онимы, обозначающие зарубежные и библейские реалии.

Большая часть ойконимов, содержащихся в собранных фразеологизмах, представлена названиями городов, или астионимами (344 единицы); также многочисленна и группа комонимов, или названий объектов сельского типа (155 единиц). При этом астионимы могут номинировать отечественные (*Długa droga do Krakowa bez grosza*, где Kraków – город Краков), зарубежные (*Reszta z Bukareszta*, где Bukareszt – Бухарест) реалии; города, упомянутые в Библии (*Sodoma i Gomora* – Содом и Гоморра). Зафиксированные комонимы номинируют только польские населенные пункты (*Kiekrz na pieprz, a Starzyno na wino*, где Kiekrz – деревня Кекш, Starzyno – деревня Стажино).

Наряду с реальными географическими именами во фразеологии польского языка зачастую встречаются вымышленные, фантастические наименования (*Pojechał do Błędowa*, где Błędów – Блендув, буквально «ошибочный»; *Bywał on widać w Bywalicach*, где Bywalice – Бывалицы). Подобные каламбурные топонимические фразеологизмы, построенные на игре слов, являются плодом коллективного воображения и имеют широкое распространение в любой лингвокультуре.

Очевидно, что фразеологизмы польского языка, содержащие ойконимы, возникали в разное время и при разных обстоятельствах, но все же источники их появления можно разбить на общие для всех трех языков группы: история, события и факты из жизни, художественные произведения. Источником происхождения многих польских фразеологизмов является Библия.

Ойконим играет важную роль в формировании переносного значения фразеологизма. Во фразеологизмах ойконим может терять свою номинативную функцию и выступать не в прямом, а в переосмысленном метафорическом значении, являющемся ядром, вокруг которого создается образное значение целого фразеологизма. При этом в основе переносного значения нередко лежат разнообразие исторические и культурные аллюзии, внешние признаки, свойства и особенности номинируемого топонимом географического объекта или населенного пункта. Зачастую именно на основе привнесенных ойконимами значения собранные нами фразеологизмы характеризуют темперамент человека, его материальное благосостояние; социальные, экономические и природные особенности населенного пункта.

Фразеологизмы, содержащие номинирующие польские и зарубежные реалии ойконимы, нередко вербализируют оппозицию «свой»-«чужой». При этом позитивно или негативно оцениваются поведенческие привычки, обычаи и умственные, физические и нравственные

способности жителей населенных пунктов, названия которых встречаются в пословицах и поговорках польского языка.

Зачастую понимание смысла фразеологизма, содержащего ойконим, возможно только благодаря семантизации культурного компонента значения онима, в противном случае останется невоспринятым обширный пласт историко-культурных и социально-экономических особенностей номинируемого географического объекта. Ойконимы обладают множеством ассоциаций (историко-культурных, литературных), которые и составляют основу образного значения фразеологизма.

Н.И. Зубов (Одесса)

Одесский рукописный список сербской редакции переводных комментариев Никиты Ираклийского к Словам Григория Богослова

Речь пойдет о памятнике, находящемся на лл. 68-76 в рукописи № 1/111 из собрания В. И. Григоровича Одесской национальной научной библиотеки им. М. Горького. Памятник характеризуется как не имеющее начала «Сказание об еллинских богах» [Мочульский 1890: 21]. Хотя нам уже приходилось писать об этом списке памятника [Зубов 2007], но дальнейшее изучение рукописи привело к уточнению некоторых предыдущих наблюдений и выводов, что позволяет ещё раз вернуться к вопросу. К тому же в публикации памятника в указанном выше сборнике вкралась по нашему недосмотру досадная ошибка, искажившая одно место в тексте памятника, на что надо будет самокритично указать.

В целом же, как было показано нами, одесский список памятника оказывается дополнением к уже известным науке вариантам сербской редакции особых толкований на Слова Григория Богослова. Впечатление об отсутствии начала Одесского списка вызвано тем, что листы памятника перепутаны при переплете: показанный нами правильный порядок листов – 69-74 об., 68-68 об., 75-76 об. Правда, и при этом начало схолий оказывается утерянным, но объём утраты небольшой – судя по всему, один неполный лист. Причём начало собственно толкований мифологем сохранилось вполне. Вместе с тем в середине схолий оказывается утраченным ещё один лист между незаконченным эпизодом о Гекате и эпизодом о халдейской астрологии, оказавшимся без начала.

Из упомянутых других списков толкований сербского происхождения один находится в рукописи № 55 Синодального собрания ГИМ (далее Сн55), датируемой последней третью XIV в. (л. 1-7, порядок листов перепутан при переплете – правильный, как установлено нами: л. 1-5, 7, 6 об.). Второй список сохранён в датированной 1423 г. рукопи-

си № 307 того же собрания (л. 417 об.-421, либо л. 415 об.-419 по параллельной нумерации), далее Сн307.

На оба памятника указали уже А. В. Горский и К. И. Невоструев, правильно определив содержание первого из них как отрывки из толкований на 43 Слово Григория Богослова «Надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской» и другие объяснения разных предметов, относящихся к мифологии и язычеству, на которые указывается в Словах св. Григория.

На памятник в рукописи Сн307 указал также и Н. С. Тихонравов [Тихонравов 1862: 90], приведя только часть названия *Сказание о скверных бозех еллинских* и не отмечая, что этот памятник является переводом схолий Никиты Ираклийского к 39 Слово. Полное их название в рукописи – *Сказаніе о скверныхъ бозѣхъ еллинскихъ. сущ(ь) же имена тѣхъ въ прѣвомъ словѣ Григѣрїа Б(о)гослова, на Б(о)гоявленїе. емоу же зачело. пакы І(исоус) мои пакы таинство*. Название примечательно тем, что указывает именно на 39 Слово и определяет его как *первое*. Этот порядок известен на сегодня только по знаменитой рукописи XI в. XIII Слов Григория Богослова. Следовательно, славянский перевод схолий мог быть предпринят почти одновременно с первым переводом творений св. Григория, т. е. очень рано. Примечательно, кстати, и то, что схолии имеют толкование мифологемы, отсутствующей в 39 Слове, зато названной в 5 Слове («Второе обличительное на царя Юлиана»). Это миф о Дионисе и юноше Просимне – последний, как известно, указал Дионису путь в ад *на мзде блуда*, по сообщению памятника. В состав традиционных для церковного чтения сборников 16 Слов Григория Богослова это произведение не включалось. Зато оно есть в составе сборника XIII Слов. Не исключено, что и эта черта может указывать на то, что речь идёт о схолиях именно к сборнику XIII Слов.

Что касается списка схолий по Сн55, то он характерен тем, что отражает последовательность 43 и 39 Слов. Подобный порядок присущ тем же традиционным сборникам 16 Слов Григория Богослова. Обычно в таких сборниках это Слова 9 и 10.

Надо сказать, что при совершенно определённых чертах сербского происхождения Одесского списка (нейтрализация еров, нейтрализация написаний *ы/и*, употребление буквы *е* на месте юса малого и другие приметы) за ними проступают и черты болгарского протографа, с которого был переписан сербский текст. Это написания *бездоушнаа, нѣкаа, зличнаа, праздноваахоу, худѣшиаа, животнаа, прѣсмыкаемаа, показоваахоу* и др.

Вместе с тем достаточно большое число случаев употребления *ѣ* на месте этимологического *л* указывает, по всей видимости, на македонскую диалектную основу протографа: *творѣце* (ср. *твореще* в Сн55),

стѣзали, гласъще, блудъще, въсходъще, съскръбъще, семъ, творъ, оураняхоу съ, съходъщеи, въ врьмъ, приносъще, клѣти, въходъще. Неоднократно встречаются написания с ѣ на месте этимологического *e*: *сыновъ, жъна, жъни, знамънїа, вѣщъ, имъновати, украдъ, писковъ, вѣтхих, семъна, вспомъновати, прїидѣт, стѣсно, извѣд, имънова, прїидѣ, вѣтоудѣ, семъліаню* (форма прилагательного от имени *Семела*), (*връже*) *в моръ, привбрътъль.*

Все три списка имеют несколько магистральных лексических особенностей, объединяющих их и вместе с тем отличающих от тех схолий, которые обнаруживаются в сборниках 16 Слов Григория Богослова, имевших бытование на Руси. Приведём попарно несколько характерных примеров слов из рукописи сербского извода и древнерусского: *Кронос-годище – Кронос-лето, белег – знаменїа, юноша – детищ, кошута – олень* и др.

Ещё одна особенность касается передачи в рукописях греческой теонимии. Так, в списках сербской редакции матерью богов правильно называется *Рея*, тогда как в противостоящей группе древнерусских списков на это место ошибочно попадает *Ира* (т. е. *Гера*, греч. Ἥρα). Кстати, в рукописях встречается для этого эпизода и форма *Арея* [Тихонравов 1862: 98]. Имя *Ира* вместо *Рея* обнаруживается также в Еллинском летописце и Виленском хронографе. Быть может, на Руси на появление этого имени в данном мете повлияло «Сказание Афродитиана», в котором *Гера (Ира)* апокрифически оказывается предшественницей Богородицы.

Далее интересно то, что в списках сербского происхождения отсутствуют некоторые грецизмы или же связанные с грецизмами народные этимологии. Так, в сербских списках о сокрытом на Крите Зевсе говорится, что *Гера-Ира обстави около его бѣсове нѣкіе юноше. гласъще и плещуще оружїами и тимбани. и играющее въоруженми игранїа, еже именует се вѣ еллинъ пирихи. да клопотомъ оружи възмогут съпкрити отрочища б(о)г(о)ва плачемаго тежкы глас.* Здесь слово *пирихи* отражает греческое *πυρρίχη* ‘пирриха (военная пляска дорического происхождения)’, но имеет и проекцию на *πυρρίχιστής* ‘участник пиррихи’ при переносном значении ‘безбородый, юноша’. В противоположной группе списков находим такое изложение: *и приведе кириты бѣсы нѣкія. гласица и плещуца въ оружьѣи и плещуца. еже гл(аголе)ть сѧ огна глас. да гриманьѣ оружья. възможесть покрыти младенца б(о)гу плачущю.* Итак, слову *юноши* в сербской группе списков соответствует слово *куреты* (*кириты*, греч. *Κουρήτες*) в древнерусском списке. С другой стороны, слово *πυρρίχη*, сохраняемое сербским списком как *пирихи*, оказывается переведённым в древнерусском списке, но переведённым с учётом другого греческого слова – *παραχέω* ‘раздаваться во-

круг, звучать, звенеть; оглашать или наполнять шумом, звоном², в котором приставка *περι-* соотнесена с *πῦρ, πῦρός* ‘огонь’, тогда как слово *ἤχῳ* само по себе значит ‘гремять, грохотать; звенеть, звучать, гудеть’ – отсюда восходящая, вероятно, к византийскому источнику народная этимология *огня глас*.

Подобные неоднократные примеры параллелей и разночтений в списках памятника вместе с не совпадающими по спискам народными этимологиями или ошибками перевода есть в обеих группах списков. Основное внимание в докладе предполагается обратить на них.

Л и т е р а т у р а

Зубов Н.И. Текстологические замечания к Одесскому списку переводных комментариев к Словам Григория Богослова // Вісник ОНУ. Серія Філологічна. – Одеса: Астропринт, 2007. – Т. 12. – Вип. 3. – С. 50-57.

Мочульский В. [Н.] Описание рукописей В. И. Григоровича. Составил приват-доцент Императорского университета В. Мочульский. – Одесса, 1890. – 80 с.

Тихонравов Н.А. Слова и поучения, направленные против языческих верований и обрядов // Тихонравов Н. А. Летописи русской литературы и древности. – М.: Грачев и Комп., 1862. – Т. IV. – Отд. III. – С. 83-112.

А.В. Иваненко (Киев)

К этимологии псл. **kopati*

Причиной обращения к псл. **kopati* послужил ряд интересных, на наш взгляд, этнографических фактов, связанных с купальской обрядностью и дающих нам определенные основания отойти от принятой этимологии праславянского слова [ЭССЯ 12, 59-61].

Так, по украинским поверьям, вызвать дождь можно с помощью росы, собранной рано утром на Ивана Купалу [СД 1, 529; 2, 294]⁴; у южных славян известен праздник *додола / наперуда / росоманка* и т. д., суть которого – м о л е н и е о д о ж д е и, как следствие, о плодородии. Празднуют *додолу* etc. обычно на Троицу [СД 2, 100-103] – в 50-й день после Пасхи и поэтому он примерно на две недели расходится с Купальскими [= солнцеворотными] праздниками 23-24 июня (по старому стилю), с которыми, вероятно, был связан первоначально. Полагаем, эти и др. этнографические факты (отражающие результат достаточно позднего переосмысления солярного праздника в связи с поняти-

⁴ Мы намеренно оставляем за рамками публикации вопрос о личности и прозвании Ивана Купала (Иоанна Крестителя), а также обстоятельства, при которых день Ивана Купала был приурочен к празднованию летнего солнцеворота. Однако исходим из того, что некий персонаж и, вероятнее всего, с тем же прозвищем – *Купала*, существовал у славян задолго до принятия христианства. Именно к нему должны были обращаться моления о дожде. Впрочем, происхождение предполагаемого божества и его имени – предмет отдельного исследования.

ем *купать*) свидетельствуют о связи Купальских обрядов с дождем, росой и водой в целом.

И поскольку между понятиями *дождь*, *роса* и *купание*, в силу различия обозначаемых ими процессов, существует вполне определенное различие, мы предположили, что для псл. **kǫpati* первоначальными являлись не значения 'погружать' или 'омывать', а 'капать', 'лить', 'течь' и т. д.

Последняя из известных нам этимологий предложена О.Н. Трубачевым. Согласно его гипотезе, псл. **kǫpati* – результат эволюции **kǫnǫp-* > **kǫmp-* > **kǫp-* и в древности являлось ритуальным термином со значением 'омывать с целью очищения, врачевания, с помощью особых средств или трав', предполагавшим использование конопля. Этот обычай возводится к иранскому или индоарийскому этносу. Прочие попытки этимологизировать псл. **kǫpati* (напр., сближение с германским названием моря – а.-сакс. *hæf*, н.-нем. *haff* (Х. Якобсон); гипотетическая связь псл. **kǫpati* с **kǫpa* 'пучок', откуда – 'веник; хлестать веником' (Э. Бернекер); этимология Я. Отрембского, выведившего псл. **kǫpati* из псл. **kapati*, и др.) были отклонены [ЭССЯ 12, 59].

Однако предложенная в цитируемом словаре семантическая реконструкция – не единственная, на наш взгляд, возможность, позволяющая восстанавливать структуру и семантику псл. **kǫpati*. Причины так думать нам дает ряд наблюдений: 1) отсутствие (по крайней мере, в доступных нам источниках) в славянских языках рефлексов псл. **kǫpati* со значением 'пользоваться травами, в т. ч. и коноплей'; 2) невозможность удовлетворительно объяснить семантику с.-х. *kǫnati se* 'покрываться (о поте, пене)', 'заливаться (о слезах)' 'окутывать(ся) (о тумане)' etc. (см. далее); 3) расхождение принятой в ЭССЯ этимологии с собственно славянским этнографическим материалом (ритуалы с купальской росой и моления о дожде); 4) наконец, тот факт, что дождь, роса, пот, туман – не что иное, как капли влаги, не предполагает обязательного использования в ритуальных омовениях конопля или др. трав.

Мы видим два возможных пути этимологизации псл. **kǫpati*. Первый состоит в реабилитации этимологии Я. Отрембского, рассматривавшего **kǫpati* 'капать, капнуть' как форму с носовым инфиксом (**kǫn-p-*) к исходному **kapati* [ЭССЯ 12, 59]. Второй – в том, что псл. **kǫpati* – форма с носовым инфиксом к **kupiti* 'собирать что-л. в одном месте'.

Предложенная Я. Отрембским этимология не принята О.Н. Трубачевым [ЭССЯ 12, 59, 61], вероятнее всего, по семантическим соображениям (другие замечания относительно этой реконструкции в словаре не отмечены). Однако при более внимательном рассмотрении гипотеза Я. Отрембского оказывается вполне жизнеспособной.

В семантической реконструкции польского исследователя (как она представлена в ЭССЯ) есть одна существенная неточность, которая, возможно, и стала причиной отказа О.Н. Трубачева от его этимологии в целом: для производного псл. **kɔpati* предлагалась семантика ‘капать’, уже в полной мере реализованная в образующей основе слова – псл. **kapati*. Новое же слово должно иметь новое значение. И если для **kapati* одним из основных стало значение ‘капать’ (при исходном ‘наносить удары’)⁵, то для **kɔpati*, на наш взгляд, новой и основной должна выступать семантика ‘покрывать(ся) каплями; кропить, орошать’ и далее – ‘покрываться водой, погружать(ся) в воду’.

Уточняемая здесь реконструкция Я. Отрембского позволяет достаточно хорошо объяснить семантику некоторых сербских выражений, не принятых во внимание при этимологизации псл. **kɔpati*, но отражающих, возможно, одно из его более ранних значений: серб. *купати се у зноју* ‘обливаться потом’, *купати се у сузама* ‘заливаться слезами’ [Толстой 364], *кунати се* ‘покрываться пеной (о коне): гнать его так, чтобы тело покрылось пеной’: *Курири и коњаници купали су у пени угојене газдашке коње* – курьеры и всадники вгоняли в мыло [букв. покрывали пеной. – А.И.] откормленных хозяйских лошадей; *купати се* ‘покрывать, обступать со всех сторон’: *Глечере густе сумаглица купа* – тумана плотная глазурь обступают со всех сторон [РСКЖ 3, 128]. Кроме того, этимология Я. Отрембского позволяет довольно сносно объяснить происхождение отмеченного в ЭССЯ псл. **kɔpa / kɔpъ* ‘гора, возвышение’ из **kɔpati*. Рискнем допустить, что **kɔpa* в этом случае могло иметь исходное значение ‘что-л. выступающее из воды’ ← ‘что-л. (частично) погруженное в воду, прикрытое водой’ < **kɔpati* ‘погружать(ся) в воду’.

Другая возможность этимологизировать псл. **kɔpati* – рассматривать его как итеративно-дуративное новообразование с носовым инфиксом от псл. **kupiti*: подобные производные – достаточно регулярное явление в праславянском. В основу предлагаемой нами версии положено замечание о том, что псл. **kɔpa / kɔpъ* «трудно отрывать, а порой и отличать от **kupa / *kupъ*, которое выступает в близких или тождественных значениях ‘куча, грудa’ ...» [ЭССЯ 12, 57].

Семантика континуантов **kɔpa / kɔpъ*, в общем, весьма характерна – большая их часть связана с водной средой, ср.: словн. диал. *kup* ‘бугор (голый или заросший)’, н.-луж. *kupa* ‘остров на реке; вообще каждое плоское возвышение вроде острова’, пол. *kępa*, диал. *kapa* ‘кучка; группа деревьев; остров на реке, поросший кустами’, словин. *kāpā* ‘отмель, поросшая тростником, на озере’, блр. диал. *купа* ‘торф’ [ЭССЯ 12, 56-

⁵ Подробнее реконструкцию **kapati* < **kopati* см. в: [ЭССЯ 9, 145; 11, 19].

57]. Поэтому мы сомневаемся в производности псл. **kopa* из **kupa*⁶. Полагаем, **kopa* и **kupa* означали 'что-л., собранное в одном месте' → 'насыпной, намывной горб' и образованы от глаголов **kopati* и **kupiti* соответственно.

При этом псл. **kopati* первоначально должно было иметь ту же семантику, что и отмеченное в ЭССЯ **kupiti II* [ЭССЯ 13, 112] – 'собирать(ся) в одном месте'. Одновременно у более позднего **kopati* формировалось и новое, уже собственное, значение: 'собирать(ся) в одном месте (о воде)' → 'капать, лить, течь; покрывать(ся) каплями, водой; погружать(ся) в воду'. Формирование этой семантики и отразилось в континуантах псл. **kopa*.

Л и т е р а т у р а

- РСКЈ – Речник српскохрватскога књижевног језика. – Нови Сад; Загреб. – 1969. – Књ. III. – 915 с.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995-2009. – Т. 1-5.
- Толстой – Сербско-хорватско-русский словарь / Сост. И.И. Толстой. – М.: ГИИНС, 1957. – 1168 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. – М.: Наука, 1974-2012. – Вып. 1-38.

А.А. Иванова (Москва)

К проблеме эволюции художественной образности (на примере подблюдных песен)

Фольклорный образ сложно структурирован: В.П. Аникин выделяет в нем чувственную, понятийную и художественную компоненты [Аникин 1996]. Для подблюдных песен, сопровождающих святочный ритуал гадания по кольцам, особенно важна вторая составляющая, поскольку по ходу обряда в обязательном порядке предусмотрено «разгадывание» текста (неслучайно в ряде российских регионов анализируемый тип обряда именуется *пением загадок*).

Смысловая структура фольклорного образа (особенно в обрядовой сфере) формируется с опорой на сложную семантическую структуру фольклорного слова, которое кроме прямого (денотативного) значения имеет дополнительные смысловые оттенки, возникающие благодаря его включенности в разнообразные культурные контексты (Д.С. Лихачев называл их «прибавочным элементом», Е.Б. Артеменко – «культурным смыслом»). Последние носят парадигматический характер и «подавля-

⁶ В словаре отношения **kopa* < **kupa* интерпретируются как **koupa* – *kupra* [ЭССЯ 12, 57].

ют (...), обедняют, выхолащивают лексическое значение (понятийное содержание) слова, в известных пределах десемантизируют его» [Артеменко 2004: 4]. С учетом этих особенностей фольклорная семема должна анализироваться как иерархически упорядоченная структура, включающая следующие типы сем: *гиперсему* (выражает общетематическое значение), *денотативную* (прямое (общеязыковое) значение), *коннотативную* («приращение смысла», т.е. дополнительные содержательные и стилистические значения (...): символические, культурные, семиотические» [Сердюк 2009: 190]). Ср.: «*Бросила подушечку через ворота: // Думала – подушечка в грязь упадет, // А упала подушечка в сани молодца*». *Это хорошая песня: не в бедну семью уйдет, а в богатую* (АКФ 1991, т. 14, № 264). В толковании приведенного текста слова «хорошая песня» выражают гиперсему, а «не в бедну семью уйдет, а в богатую» – коннотативную сему.

Совмещение в семантической структуре фольклорного слова одновременно синтагматического и парадигматического уровней, видового и родового значений, по мнению известного лингвофольклориста А.Т. Хроленко [Хроленко 1992], привело к одновременному проявлению в фольклорной образности двух разнонаправленных тенденций – *тотального синонимизма* и *полисемии*. Для традиционных гадательных практик это имело решающее значение. Оно снимало остроту антиномии относительной бедности будущих предсказаний (бедность/богатство, замужество/девичество, хороший/плохой урожай, отъезд на чужую сторону, смерть) и большого числа жребиев, замещающих участников гадания (зачастую их число переваливало за сотню), а также их разностатусности (по социальному, семейному, возрастному и гендерному признакам). Ср.: «*Растворила малехонько, // Очутилася полнехонько*». *К богатству это: опару она растворила. А, может, рожать? Или: жила вот неважно, а сейчас лучше*» (АКФ 1991з, т. 4, № 66). Толкование приведенной песни основано на апелляции к «хлебной» символике (хлеб как главное богатство земледельца) и аллюзии на родильную обрядность, точнее – на зачатие и период вынашивания ребенка, которые в разнообразных фольклорных текстах (заговорах, сказках и др.) обычно сравниваются с затворением и подходом квашни.

То, что коннотативные семы, сформированные разнообразными социокультурными контекстами, играют ключевую роль в механизме интерпретации подблюдных песен, подтверждается следующим фактом. Их дезактуализация автоматически ведет к усилению роли денотативного значения и утрате текстом многозначности и «пластичности» в приложении к конкретным адресатам: образная система начинает проецироваться на хорошо знакомые информанту личные жизненные обстоятельства. Ср.: «*Одна мне песня досталась: "Пестрая свинья с приполо-*

ном, // *С теленочком*”. Я всю жизнь проработала в животноводстве (АКФ 1991з, т. 5, № 307); «*В сутках сидеть // Да попереk толстеть*”. И опять мне совпало: я так пополнела (АКФ 1991з, т. 11, № 99). Завершающим этапом такого развития традиции можно считать создание текстов, лишенных всякой иносказательности, вплоть до включения в их образный строй реалий нашего времени: «*Из сберкассы муж идет // С выигрышем, со машиною. Илия*» (1993, т. 20, № 38); «*Купила билет за тридцать копеек, // А выигрыш его - сто рублей! Илею!*» [ВФНК № 370г].

Другой возможный путь изменения образной системы подблюдных песен, не поддержанных ни интертекстуальными связями, ни социокультурными и ситуативными контекстами, – возникновение интерпретационных парадоксов (алогичных с точки зрения традиционной образности), ср.: «*Идет кузнец из кузницы. Илея. // Тупицами, насеками обвешался. Илея. Вот эта, говорят, нехорошая песня*, а мы считаем хорошая, раз человек работает* (АКФ 1991, т. 14, № 239).

*Традиционное толкование острых железных предметов в рамках подблюдного гадания апеллирует к похоронной обрядности и теме смерти, ср.: «*Идет мужик // С лопатами // да с кирками*» (к смерти) – ВФНК № 290; «*Тупицами рубят, // Лопатами гребут, // Домовище везут*»(к смерти) – ВФНК № 289б.

Л и т е р а т у р а

- Аникин В.П. Теория фольклора: Курс лекций – М.: Филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 1996. – 406 с.
- Артеменко Е.Б. Фольклорная категоризация действительности и мифологическое мышление // Традиционная культура. 2004. № 3. – С. 3-12.
- ВФНК – Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А.А. Ивановой. Котельнич, 1995.
- Сердюк М.А. Слово в фольклорном тексте: семантическая структура и субстанциональные свойства // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 96. – С. 184-191.
- Хроленко А.Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. – 140 с.

Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург)

Синтаксис болгарского языка: проблемы теории и методики преподавания

Работа ведется в рамках проекта «Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского» (№ 12-04- 00003а) при финансовой поддержке РГНФ

Основные проблемы теоретического синтаксиса в аспекте преподавания болгарского языка связаны как с различием принятых в болгаристике и русистике синтаксических концепций, так и с разными классификационными параметрами при рассмотрении тех или иных синтакси-

ческих явлений. В данных тезисах мы кратко проиллюстрируем это на примере темы «Словосочетание».

1. Согласование, управление и примыкание как три типа подчинительной связи в словосочетании выделяются в болгарской лингвистике давно и, в целом, на тех же основаниях, что и в русской. Однако, в связи с почти полной утратой именного склонения, управление в болгарском языке сужается, собственно, до сочетаний глагола с зависимой местоименной формой в косвенном падеже: *виждам го, казахме му, обадох ти се, не вярва на никого*.

Основная масса словосочетаний, исключая связь посредством согласования и узкую группу управления, не имеет формальных признаков подчинения. Для них в болгарской лингвистике введен еще один классификационный параметр – наличие / отсутствие предлога, в результате чего, помимо примыкания, выделена группа с предложной связью («предложно свързване»). При этом словосочетания с сильной и слабой связью оказались представлены как в рамках группы «предложно свързване», ср. *бъркам в джоба и срещнах (един приятел) на улицата*, так и в рамках примыкания: ведь последнее включает не только «собственно» примыкание (*разбирам добре*), но и такие сильные зависимости, как обязательное прямое дополнение при переходном глаголе (*виждам Иван; четя книга*), см., напр. [Пенчев 1984: 14-17; Бояджиев, Куцаров, Пенчев 1998: 508-510]. Таким образом, противопоставляются предложные и беспредложные словосочетания, а вопрос о сильных и слабых связях решается в рамках каждой из этих подгрупп.

Связь по типу примыкания, даже при исключении предложных конструкций, довольно разнородна. Помимо «собственно» примыкания (*четя бързо, категория люкс*), сюда включаются, как было отмечено, глаголы с прямым дополнением, а также словосочетания с краткими формами притяжательных местоимений (*брат ми*), часто и конструкции с предикативным определением: *върщам се уморен, заминавам доброволец*. Значительно расширяют сферу примыкания беспредложные сочетания двух существительных со «взаимным согласованием»: *изложба панаир, държава собственик* (написание здесь и далее дано в соответствии со словарем «Официален правописен речник на българския език». София, 2012). Значительно возросла частотность образований по типу «несогласуемого соположения», т.е. с формоизменением лишь второго компонента (*душ гел, фен клуб*) – тенденция, которая трактуется либо как усиление аналитичности болгарского языка, либо как обретение им статуса «корневого» языка. При этом активно обсуждается вопрос о границах между сложным словом и словосочетанием, т.к. расширение группы образований по типу «несогласуемого соположения» идет не только за счет заимствованных корней (*факс апарат,*

парти център, имейл съобщение, допинг скандал), но и за счет потери изменяемости первого компонента бывших словосочетаний, в том числе и с утратой предлога: *ръководител-производство, начальник-отдел*.

2. Теоретические проблемы в области классификации словосочетаний (и не только словосочетаний) возникают и в связи с тем, что в современной болгарской лингвистике многие исследования осуществляются как в рамках традиционного описания синтаксиса, так и в рамках генеративной концепции, причем с включением ее в университетское преподавание синтаксиса. Удивительная толерантность, которую демонстрируют друг к другу эти две научные парадигмы (см., напр., сборник «Съвременни лингвистични теории» [2001] и другие), не снимают теоретических и методических вопросов их сосуществования, особенно при преподавании болгарского языка как иностранного.

Так, хорошо известна классификация словосочетаний, основанная на морфологической характеристике главного слова. Выполнение ее по классическому образцу представлено, например, в [Грамматика 1983: 33-38; Радева 1997: 15-19]. В то же время типы расширения синтаксических категорий исследуются в рамках грамматики непосредственно составляющих. Например, классификация, предложенная П.Быркаловой [Съвременни лингвистични теории 2001: 14-37], ставит задачу исчисления возможных в болгарском языке вариантов словосочетаний в рамках конституентной грамматики, что позволяет увидеть соотношенность между морфологическим типом главного слова в словосочетании и возможностью его расширения через тот или иной тип подчинительной связи с участием морфологически ограниченных распространителей.

Понятно, что такое исчисление включает зависимости как на уровне словосочетания, так и на уровне предложения, в связи с чем необходимо соответствующим образом строить и последующие синтаксические темы. Если данная теория введена как основа описания синтаксиса в вузовское преподавание (такое практикуется в Болгарии), то проблем не возникает. Иначе обстоит дело в вузах (прежде всего мы говорим о российских), где при обучении болгарскому языку используется традиционное структурно-семантическое представление предложения. Альтернативная возможность – изначальное принятие за основу болгарских синтаксических концепций – также не представляется возможной, так как школьная и начальная университетская подготовка по синтаксису (русского языка!) формирует общие теоретические познания студентов, в основном, в классическом семантико-синтаксическом ключе.

Представить «болгаристические» концепции при обучении синтаксису – трудно осуществимая задача, по крайней мере на первых курсах, поскольку маловероятно реализовать установку на соединение в данной дисциплине в равной мере теоретической и практической подготовки

студентов. Учитывая, что синтаксический аспект начинается уже на втором курсе, осуществимой оказывается лишь задача «научить строить / породить предложение», а серьезному теоретическому материалу и знакомству с основными синтаксическими концепциями в таких условиях места не находится. Вынесение концептуальных синтаксических вопросов возможно в последующий курс «Теоретическая грамматика», где, по понятным причинам, они могут быть представлены лишь крайне обобщенно.

Цитируемая литература

- Бояджиев Т., Куцаров И., Пенчев Й. Съвременен български език (фонетика, лексикология, морфология, синтаксис). – София, 1998.
Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3: Синтаксис. – София, 1983.
Пенчев Й. Строеж на българското изречение. – София, 1984.
Радева П. Записки по синтаксис на съвременния български книжовен език (словосъчетание и просто изречение). – Велико Търново, 1997.
Съвременни лингвистични теории: Помагало по синтаксис. – Пловдив, 2001.

А.И. Изотов (Москва)

Корпусная революция и переоценка языковой ситуации в Чехии

Развитие компьютерных и интернет-технологий в последние десятилетия обеспечили доступ к электронным корпусам для максимально широкого круга пользователей. По выражению одного из создателей Русского национального корпуса В.А. Плунгяна, «люди, настроенные романтически, даже могли бы сказать, что в лингвистике произошла корпусная революция» [Плунгян 2009].

Однако оправданно ли употребление слова «революция», когда речь идет о лингвистической дисциплине («корпусная лингвистика»), которая появилась около полувека назад, однако была до самого недавнего времени настолько никому не интересна, что у неё до сих пор нет даже собственного УДК-классификатора (приводимый обычно УДК-81'32 – это «Математическая лингвистика»)? Мы уверены, что вполне оправданно, и вот почему:

Во-первых, сама дисциплина развивается так стремительно, что учебные материалы по ней устаревают, едва будучи опубликованными. Например, в замечательном (без всякой иронии) учебнике [Захаров, Богданова 2011], вышедшем в 2011 году, в Приложении 1 (Список Национальных корпусов) объем Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>) определен в **70 млн.** слов, тогда как уже в январе 2012 года этот объем равнялся **364 млн.** Что же касается **полуторамиллиардного** на сегодняшний день Национального корпуса чешского

языка (<http://ucnk.ff.cuni.cz/>), то он описывается в этом учебнике как ещё 100-миллионный.

Во-вторых, развитие корпусной лингвистики за последнее десятилетие позволило перевести изучение языкового материала на принципиально иной уровень. Если еще 10-15 лет назад при описании не отличающихся высокой частотностью явлений исследователь был вынужден опираться во многом на собственную интуицию, то появление крупных (свыше миллиарда словоупотреблений) репрезентативных корпусов, снабженных соответствующим программным обеспечением, расширило эмпирическую базу исследования до немислимых прежде объемов. Ведь нетрудно подсчитать, что если бы кто-то захотел просто прочитать вслух составляющие входящий в состав Национального корпуса чешского языка 1,3-миллиардный репрезентативный подкорпус SYN тексты (150 слов в минуту, 8 часов в день без выходных и праздничных дней), ему понадобилось бы для этого **пятьдесят лет!** Компьютер же просмотрит весь этот массив в поисках заданной словоформы, лексемы, грамматической конструкции (а также их комбинации) в течение нескольких минут.

И, наконец, **в-третьих**: обращение филолога к корпусу как основному источнику фактического материала в условиях современного развития интернета не в разы, но в порядки повышает **верифицируемость** используемых им данных. Например, для того, чтобы верифицировать даже какую-нибудь мелочь из кандидатской диссертации автора настоящих строк [Изотов 1991], для которой он когда-то с аспирантским энтузиазмом в течение трех лет собирал фактический материал, еще совсем недавно пришлось бы повторить этот трудоёмкий аналог естественнонаучного эксперимента (выборку примеров по заданному алгоритму из заданного массива текстов). Пользуясь же материалом Национального корпуса чешского языка, швейцарский исследователь М. Гигер не только проверил сделанные нами 20 лет назад выводы о статусе и функциональной нагруженности редкого причастного типа на $-(v)š\acute{ı}$, но и существеннейшим образом откорректировал их, рассмотрев те аспекты их функционирования, анализ которых был в докорпусную эпоху немислим [Giger 2010].

Корпус бесценен для лексиколога и лексикографа. Он позволяет, например, при составлении словника исходить не из интуиции и неких умозрительных соображений, а из реальной употребительности тех или иных лексем в современных текстах. Это же реальное функционирование лексических единиц в речи определяет и выбор вариантов, и порядок следования синонимов, и сочетаемость, см. подготовленные на корпусном материале словари [Изотов 2012а], [Изотов 2012б].

Являясь своего рода огромной энциклопедией, хотя и организованной не парадигматически, а синтагматически, корпус может быть весьма полезен и лингвокультурологу, см. [Izotov 2010].

Наконец, корпус может быть весьма полезен и в лингводидактике, как при составлении упражнений, так и в самостоятельной работе с корпусом обучаемого.

И если на территории 1/6 части суши «корпусные исследования» для многих остаются лишь модным сочетанием слов (неизбежный вывод после ознакомления с текстами статей в РИНЦ, содержащих слова «корпус», «корпусный» и т.д.), в Чехии основная масса лингвистических исследований проводится с привлечением корпусного материала. Именно на основе корпусных данных строятся новые грамматические описания чешского языка, выходящие в Карловом университете в Праге и в Институте чешского языка национальной Академии наук, см. [Svrgček et al. 2010], [Kapitoly... 2011]. Продуктивность обращения к корпусу практически во всех областях лингвистического исследования убедительно показала конференция, посвященная 100-летию Института чешского языка национальной академии наук, см. [Изотов 2011].

При этом исследователи закономерно обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, то есть к корпусам письменных и устных чешских текстов (а не к несуществующим корпусам «литературных» и «обиходно-разговорных» текстов), поэтому и на выходе получают описания «письменного чешского» (чеш. *psaná čeština*, англ. *Written Czech*) или «устного чешского» (чеш. *mluvená čeština*, англ. *Spoken Czech*). В результате термин *obecná čeština* (англ. *Common Czech*), в свое время введенный в научный обиход для обозначения речи/языка «обычных», то есть не получивших формального образования чехов и противопоставленный термину *spisovná čeština*, обозначающему речь/язык чехов, такое формальное образование получивших) постепенно вытесняется как из академической, так и из учебной литературы, ср. [Slovník... 2006], [Mluvená... 2011], [Svejnová 2012], что, впрочем, отнюдь не означает его немедленного исчезновения.

Л и т е р а т у р а

- Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 161 с.
- Изотов А.И. Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. дис. ... кандидата филол. наук. М., 1991. – 24 с.
- Изотов А.И. Чешский язык в синхронии и диахронии: столетние корни Института чешского языка // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология, 2011. № 5. – С. 212-216.
- Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. – М.: Дрофа, 2012. – 1024 с.

- Изотов А.И. Учебный чешско-русский и русско-чешский словарь: около 40 000 слов и выражений. – М.: Филоматис, 2012. – 832 с.
- Плунгян В.А. Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов // <http://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> [обращение 29.04.2013]
- Svejnová J. Český, prosím II: Učebnice češtiny pro cizince. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2012. – 318 s.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny. 1. – Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. – 354 s.
- Izotov A. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. – Moscow: Azbukovnik, 2010. – 200 p.
- Giger M. The Czech active past participle in -(v)ší in contemporary journalist texts // Korpus – Gramatika – Axiologie. Journal for corpus research and evaluation of language. 2010. №2. P. 3-23.
- Kapitoly z české gramatiky / Ed. František Štícha. – Praha: Academia, 2011. – 1190 s.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejrková S., Hoffmannová J. – Praha: Academia, 2011. – 492 s.
- Slovník nespisovné češtiny. 2. rozš. vyd. / Ed. Hugo J. – Praha: Maxdorf, 2006. – 460 s.

А.И. Илиади (Кировоград)

Славяно-иранские словообразовательные параллели

Сравнительно-исторические, этимологические, а также историко-типологические исследования последнего времени в области славянских и иранских языков поставили перед иранистикой и славистикой ряд новых задач, решение которых в перспективе может расширить уже сложившиеся в обеих областях индоевропеистики представления о степени близости и специфике славяно-иранского взаимодействия, обогатить теорию лингвистической типологии. Речь идет о поиске и системном описании тех этимологических и типологических аналогий в словообразовании, которые сближают иранский и славянский среди других индоевропейских языков. Ниже предлагаются некоторые из таких словообразовательных схождений.

1. К таковым предварительно можно отнести образование (в разное время) прилагательных с древним суффиксом *-m-* и субстантивацию их в иранском и славянском. Ср.: авест. */tax-ma/* ‘энергичный’, */zan-tu-ma-/* ‘племенной’, субстантивированное */hau-ma/* ‘Хом’ (от */hu-/* ‘выжимать’) и такие слав. диал. лексемы, как рус. южн., зап. *сиромá* ‘бедный, небогатый человек’, укр. *сирóма* ‘бедняк’, диал. *сирóма* ‘беднота’ ~ чеш., слов. *sirý* ‘сиротливый, осиротевший’, рус. *сúрый*; блр. *сырómля* ‘сырое, мокрое (дрова, сено, солома)’ ~ **суръь* ‘сырой’; укр. *блигóm*, *блигómий* ‘близкий’ – фонетически вторичные формы к *близómий* ‘то же’ ~ **blizъ(jь)*; полесск. *субómл’а* ‘худощавый человек’, *старómл’а* ‘рвань; взрослый рассудительный ребенок’ ~ *сухій*, *старій* и др., где четко выделяется адъективный суффикс *-om/-om-* со вторичным *o*, рано появившимся под влиянием структуры пассивных причастий наст. вр. с исходом *-o-m-*. Т. е. вполне вероятно, что суффикс слав. *-o-m-* : иран. *-m-* в ито-

ге восходят к и.-е. форманту суперлатива *-m-* (ср. древнейшие дериваты и.-е. **gol-oi-mo-*, италийск. **val-ai-mo-*), который какое-то время сохранял активность в иранских и славянских диалектах.

Следует, однако, отметить, что сравнение слав. *-o-m-* : иран. *-m-* в известной мере условно, т. к. не исключено, что в слав. формах с *-o-m-* совпали действительное продолжение и.-е. суфф. superlat. *-m-* и форматив, полученный из основ причастий pass. praes. на *-o-m-* (ср. **vedomъ ~ *vesti*, **nesomъ ~ *nesti*). Этот последний стал использоваться как самостоятельное словообразующее средство, функционально близкое адъективным суффиксам, см. об этом уже в «Исторической грамматике чешского языка» Я. Гебауэра. В этом отношении ср. аналогичный по происхождению и функции лит. инновационный форматив *-umas* (*-umas*), напр., в *báltymas* < *báltas* ‘белый’, выабстрагированный из структур типа *pūdy-mas* < *pūdyti* и др. Вопрос о том, имела ли место контаминация двух формантов, или же слав. рефлекс суперлативного и.-е. *-m-* изменился из-за сближения содержащих его слов с причастиями, остается открытым, но оба этих фактора могли быть причиной сохранения модели с *-m-* на периферии славянского языкового пространства вплоть до нашего времени.

2. Еще одна словообразовательная аналогия в иранском и славянском заключается в использовании языками обеих групп «[...] единого (в типологическом отношении) способа словообразования с единными же (в этимологическом отношении) первыми компонентами: основами (реже – полными формами) вопросительных местоимений [...]» (Д. И. Эдельман). Имеется в виду функционирование в их системах словопроизводства генетически тождественных местоимений праиран. **ka-* ‘кто такой, который’, **ča-* ‘что; кто’, **ku-* ‘где; что за!’ ~ псл. **ka-*, **ko-/ku-*, **ča-*, **če-*. Д. И. Эдельман в специальном исследовании об исторических отношениях иранского и славянского проводит сопоставительный анализ иран. и слав. слов с этими местоименными приставками, но список образований этого типа может быть увеличен за счет привлечения дериватов с префиксами **či-* (в иран. ~ псл. **čь-*) и **če-*, **ča-* (в слав.), этимологически связанными с названными местоимениями, ср.:

праиран. **či-gauna-* < **či-* + **gauna-* ‘образ, способ’ и др., осет. *cybæll/cibæł* ‘соблазн’, ‘сильное хотение’, ‘аппетит’ из *cy/ci* ‘что’ и *bællyn* ‘хотеть’ = «чего-хотение», дигор. *cijes* ‘имущество’, *ciğawagæ* ‘нужда’ = «что нужное», *caemædis* ‘любопытство’ = «чему-удивление» и др.;

псл. **če-kъrda/*če-kъrta*, ср. рус. *чехарда́*, *чехорда́*, *чекорда́* ‘игра, где прыгают друг через дружку’, блр. *чехорда́* ‘поросята; собрание детей’ и др., **ča-mъrda*, чеш. диал. *čamrda* ‘неповоротливый, неуклюжий человек’ ~ **mъrda/*mъrdъ* (ср. болг. диал. *мърдъ* ‘медлительный неловкий

человек'), **m̥rdati*, рус. диал. яросл. *чунь́рзик* 'ребенок, малыш (о мальчике)', 'малорослый мужчина' (*чу-* из *че-*) при урал. *пырзик* 'человек ненормально маленького роста', образованном от экспресс. глаголов **пырзить* или **пырзать*, **če-poldь* или **če-peldь* > укр. закарп. *чя́олодь*, -*ї* 'группа маленьких детей', 'группа людей низкого роста, маленького роста', зап.-полесск. *чáпулузь*, -*ї*, собир. 'малыши, малышня' ~ лит. *peldėti*, лтш. *peldēt* 'плавать' (ср. известную закономерность образования знач. 'дети', 'народ' в этимологических гнездах с базовой глаг. семантикой 'течь', 'плыть', 'наполняться').

Семантическая пестрота указанных иран. и слав. форм все-таки позволяет проследить общие для них элементы значений, привносимые праиран. **čī-*, псл. **če-*, **ča-*, и в общих чертах сформулировать «модели» описания семантики дериватов. Ср., напр., «что [за] + объект-сущ.» (**čī-gaupa-* 'что за образ/способ' : **če-k̥rda*/**če-k̥rta*, **če-poldь*/**če-peldь* 'что за дети', 'что за игра') и «[к] чему + объект сущ. или глаг.» (осет. *сә-мæдис* «чему-удивление» : рус. псков., твер. *чи-вергá* 'торопыга, суета', *чи-верзúть* 'суетиться, егозить, метаться' ~ *-вергáть*, *-вергнуть*, букв. – 'к чему спешащий', 'к чему метаться, бросаться'? В словаре М. Р. Фасмера преф. *чи-* отождествляется с союзом *чи* 'ли' (он родствен местоим. **če*), однако, учитывая многочисленные диал. примеры изменения безударного *e* > *и*, логично констатировать неоднозначность этого *чи-*, т. е. возможность совпадения в нем как **če*, так и **čī*).

3. Нельзя обойти стороной такую общую черту иранского и славянского, как сохранение ими и.-е. традиции оформления названий гребня по консонантному типу, т. е. по образцу *en-*основ, ср.: псл. **greby*, *-ene* 'гребень', 'бердо' наряду с иран. **šāna-*, **šana-* (< и.-е. **pk'-ēn-*/**pk'-en-*) 'гребень, расческа' (: мдж. *šfun*, сангл. *ašun* 'гребень' и др.) ~ **šā-* 'причесывать(ся)', 'расчесывать (волосы, шерсть)'. Правда, эта особенность выходит за рамки чисто ирано-славянских схождения, т. к. обнаруживается еще в лат. *pecten*, *-inis*, гр. κτεῖς, κτενός 'гребень' из вариантного и.-е. **pk'-t-en-*.

4. Функциональное сходство в употреблении рефлексов родственных и.-е. предлогов **apo* и **po*, присоединенных к этимологически идентичным основам, ср.: ягноб. *bǐzón-* : *bǐzónak* 'узнавать, опознавать' < **apa-žān-*, осет. *bazonən* 'признавать', 'узнавать' ~ рус. *о-по-знять*, *о-по-знавать*, где псл. **znati* : иран. **žān-*.

5. Аналогичная ситуация с предлогом-приставкой псл. **ob*, **obь*, **obi* : иран. **abi*, ср., напр., язг. *vəzān-* 'узнавать' < **abi-žān-* ~ рус. *обознаться*, т. е. ошибочно *признать* чужое своим.

6. Ту же картину словообразовательно-этимологического параллелизма представляет модель с префиксами руш., хуф. *bī-*, перс. *bē-/bi-* : слав. **bez-*, ср. руш., хуф. *bǐxarm* 'бессовестный, бесстыжий' < *xarm* в

сочетании $\check{x}arm \check{c}t\check{g}\check{o}w$ 'стыдиться, смущаться', произв. $\check{x}ar\check{m}i\check{n}\check{d}\check{a}$ 'пристыженный, смущенный', перс. *би-шарм* 'бесстыдный, наглый' ~ псл. **bez-sorm-*, ср. ст.-сл. **вєсрамьнѣ** 'бесстыдный', рус. диал. *бессоромный* 'то же; нахальный' и др. с генетически родственными компонентами сложения.

7. Аналогия в «скрещивании» суфф. *-man* и форманта с опорным *-k-*, имеющая причиной переосмысление словообразовательной структуры производных на *-man*, ср., с одной стороны, ср.-иран. *Varāzman* при скиф., сармат. *Dan-Warazmak*, осет. *Wæræzmæg*, а с другой – образования типа рус. диал. южн., зап. *сироманец* 'бедный, небогатый человек', укр. диал. *сироманець* 'простой крестьянин, бедняк' и под. наряду со слвн. *siromák* 'бедняк' и аналогичными.

8. Использование в иранском и славянском одной и той же префиксально-суффиксальной модели «привативный преф. + имя + суфф. абстрактности» в производных от этимологически тождественных основ. Генетически родственными при этом оказываются и словообразующие морфемы. Ср., с одной стороны, руш. *bīpāndāy*, хуф. *bīpōnday* 'бездорожье', где *bī* – именной отрицательный преф., *pānd*, *pōnd* – subst. со знач. 'путь, дорога', *-āy* – суфф. абстрактных существительных и относительных прилагательных, а с другой – псл. **bez-pot-ьje* и его продолжения серб./хорв. *běspuĥe* 'бездорожье, непроходимая местность', рус. *беспу́тье* 'бездорожица, распутица или иная порча дороги' и др. Все структурные элементы обеих лексем имеют общий индоевропейский источник: 1) корневая часть совр. иран. *pānd-/pōnd-* : псл. **pot-* восходит к и.-е. **pont-*; 2) приставки *bī-* : **bez-* продолжают и.-е. диал. **b(h)egh-* (для индо-иран. и слав.; см. о нем и о некоторых персидско-славянских параллелях в употреблении моделей «*bē/би* 'без' + имя», «*bez* 'без' + имя» в: ЭССЯ 2, 8–9); 3) несколько сложнее обстоит с суффиксами *-āy* : *-ьje-*, т. к. их сравнение возможно только если руш. и хуф. действительно продолжает исконное **-iō-* с поздним *-ā-*, полученным из тематических основ. В противном случае можно говорить только о формальном подобии и функциональной близости суффиксов.

В рассмотренных примерах мы имеем дело с типологической близостью процессов словопроизводства, развившейся отчасти благодаря сохранению продуктивности древних диалектных формантов в иранских и славянских языках. С другой стороны (применительно к нашему предмету исследования), эта близость есть отражение суммы общих закономерностей, заложенных еще в индоевропейском праязыке.

Т.А. Илиева (София)

Състояние и перспективи на съвременната българска историческа лексикография. тематичен речник на старобългарския език

Още известният руски езиковед В.В. Виноградов изтъква необходимостта думите в един език да се изучават в обединения по общ компонент на значението⁷, или т.нар. лексико-семантични групи (ЛСГ) според терминологията на Р. М. Цейтлин⁸. Оттук произтича и нуждата да се съставят разни видове аспекти речници, в които думите се описват в комплекси по семантично сходство. Като изключим списъците а *tergo* към някои отделни паметници, листата с етимологичните гнезда към включения в речника на Садник-Айцетмюлер лексикален материал, и труда на Н. Радович, които систематизират словника по интралингвистичен признак (словообразователен елемент)⁹, българската, респ. славянската историческа лексикография все още не разполага с речник, в който словният ресурс на старобългарски език да е подреден в ЛСГ, диференцирани по екстралингвистичен признак.

Нивото на научните постижения в областта на историческата лексикология и лексикография¹⁰ днес позволява да се пристъпи към

⁷ Виноградов, В.В. *Основные типы лексических значений слова*. – В: Виноградов, В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977, с. 165.

⁸ Цейтлин, Р. М. *Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X-XI вв.* М., 1977, с. 55.

⁹ Sadnik, L., Aitzetmüller R. *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Heidelberg, 1955, 211-341; Aitzetmüller, R. *Das Hexaemeron des Exarcan Johannes*. VII. Graz, 1975. *Wortstellersverzeichnis*. Rückläufiges Wörterbuch, 463-501; Radovich, N. *Vocabolario palaeoslavo*. I. Padova, 1975; Синайский патерик. Обратный словарь. Составили М. Думитреску и Моника Стан. *Index a tergo*. Bucureşti, 1976; Давидов, А. Обратен речник на „Беседа против богомилите“ от Презвитер Козма. – Трудове на БТУ „Кирил и Методий“, том XVI, кн. 2, София, 1981, с. 91-115; *Paraenesis die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrer*. 5. Band. Herausgegeben von R. Aitzetmüller. *Index Rückläufiges Wörterbuch*. Freiburg I. Br., 1990. – *MLSDV*, T. XXVIII (XX, 5); *Index a tergo*; Hansack, E. *Die Lexik der altrussischen Version des „Jüdischen Krieges“ des Flavius Josephus*. Bd. 2. Rückläufiges Belegstellenverzeichnis. [Studia et exempla linguistica et philologica. Series V: Lexica, t. II]. Regensburg, 1990; Ribarova, Z. *Indexy k Staroslověnskému slovníku/Indexes to the Old Church Slavonic Dictionary/Словоуказатели к Старословянскому словарю*. Praha 2003; *Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis* von Karl H. Meyer (Glückstadt und Hamburg, 1935).

¹⁰ Исаченко, А. *Индоевропейская и славянская терминология родства*. – *Slavia* XXII, 1951, 43-80; Петров, П. *О титулах „севаст“ и „протосеваст“ в средневековом болгарском государстве*, Византийский временник, XVII, 1959, 52-64; Трубачев, О. Н. *История славянских терминов родства*. М., 1959; Трубачев, О. Н. *Ремесленная терминология в славянских языках*. М., 1966; Гранстрем, Е, Л. С. Ковтун.

изготвянето на Тематичен речник на старобългарския език, в който думите се разполагат не в азбучен порядък, а обединени въз основа на своите предметно-логически връзки в ЛСГ, диференцирани по отношение към реалността. Такива микроструктури от думи, които назовават реалии, взаимно свързани в действителността, са например Природа, Физически свойства, Растения, Животни, Човек, Общество, Стопанство и пр. Такова организиране на лексемите по теми, подтеми или по-малки тематични гнезда, ще позволи техните значения да бъдат възприемани не изолирано, както в обикновения тълковен речник, а взаимосвързано, в системата от понятия, покриващи съответния отрязък от действителността, отразявайки езиковата картина на света.

Процедурата по съставянето на един такъв речник следва да започне с изготвянето на идеографски класификатор на изходния словник. За неговата направа е добре да се използва опитът на други подобни речници, особено Louw&Nida's Greek-English Lexicon of the New Testament: Based on Semantic Domains¹¹, описващ един от най-важните текстове, залегнали в основата на старобългарската книжнина и изобщо на средновековната култура. Все пак класификационната схема не може да претендира за строга научност – до голяма степен тя е условна. При разработването на темите и подтемите в речника трябва да се обхванат

Поэтические термины в Изборнике 1073г. и развитие их в русской традиции. – В: Изборник Святослава 1073г. Сборник статей. Москва, 1977, 99-107; Malingoudis, Ph. *Über drei Titel byzantinischen Ursprungs im mittelalterischen Bulgarien*, EB, 1978, 3, 78-83; Фомина, Л. Ф. *Названия созвездий в древнеболгарских памятниках*. Palaeobulgaria VI (1982), 4, 32-36; Цейтлин, Р. М. *Лексика древнеболгарского языка X-XI вв.*, С. 1986, 79-82; Тъпкова-Займова, В. *Проблеми на юридическата и държавна терминология в пространните жития на Кирил и Методий.* – В: Кирило-Методиевски студии. Кн. 4. С., 1987, 86-90; Гавликова, Л. *Трансформация, рецепция и адаптация византийской военно-политической терминологии в славянской среде.* – Византийский временник. Т. 50, 1989, 59-66; Георгиев, М. *Анатомо-физиологични понятия и представи в старобългарската книжнина.* – Palaeobulgaria XIV (1990), 3, 65-79; Дограмаджиева, Е. *Названия на богослужебните календари в славянските ръкописни евангелия.* – Slavia, 61, 1992, 425-434; Biliarsky, I. *Les institutions de la Bulgarie médiévale: tainik – mystikos.* – Byzantinoslavica, LIII, I, 1992, 53-56; Biliarsky, I. *Trois institutions ménnues de la Bulgarie médiévale: карнунѣн, карпокаръ.* – Ricerche slavistiche, XLI, 1994, 95-104; Тихова, М. *Християнска и владетелска лексика в Римския патерик.* – В: Бог и цар в българската история. Пловдив, 1996, 45-52; Biliarsky, I. *Les circonscriptions administratives en Bulgarie au 13e siècle.* – Summeika, 13, 1999, 177-202; Пентковский, А. *Литургическая терминология в византийско-славянской контактной зоне.* – В: Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. М., 2001, 87-90; Витлянов, Ст., Н. Николов. *Терминологията на зидарските инструменти в старобългарски език.* – В: Преславска книжовна школа. Т. 6. София, 2002, 233-249; Макаријоска, Л. *Лексиката на материалната култура во македонските црковнословенски текстови.* Скопје, 2003, 449с. Пентковская, Т. *Переводы византийско – славянской контактной зоны XIII-XIV в.: литургическая терминология.* – В: Преводите през XIV столетие на Балканите. София, 2004, 235-249.

¹¹ [wiki.logos.com/Resource\\$3](http://wiki.logos.com/Resource$3).

всички най-важни области от живота и дейността на хората през онази далечна епоха. Следва да бъде отделено място на лексиката както на средновековната българска материална култура, така и на тази от духовната сфера. Само така ползвателят ще получи пълноценна представа за различните страни от тогавашното общество, за степента на неговото развитие.

Тематичният речник на средновековния български език следва да се изготви въз основа на езиковите сведения, които ни дават книжовните паметници от X-XIV в. Той ще се базира на:

- лексиката от класическия старобългарски корпус (по данни на Старославянският словарь и Старобългарски речник);
- словният ресурс на старобългарските паметници, съхранени в по-късни преписи (по данни на индекси към отделни паметници от Симеоновата епоха, както и по сведения на общите лексикографски трудове на Срезневски, Миклошич и Чешката АН);
- речевият фонд на някои среднобългарски паметници (по данни на индекси към отделни произведения от Търновската книжовна школа);
- за сравнение свидетелства от днешните диалекти и съвременния български книжовен език.

Извлеченият от текстове с различна жанрова и хронологична принадлежност материал ще позволи цялостен поглед върху семантичната структура на реализираните в разнообразни контексти отделни лексикални единици, както и върху разните парадигматични отношения в отделните групи – синонимни, антонимни, хипонимни – в синхрония и диахрония.

Тематичните обединения в речника следва да включват кръг от лексика, отнасяща се до едно понятие, в която могат да влизат както отделни думи, така и словосъчетания – свободни и устойчиви, като същевременно се отразяват и оттенъците в значението на близки по смисъл единици. Доколкото характерна особеност на тези речници е честото повтаряне в различни теми на едни и същи думи в зависимост от тяхната семантика и съчетаемост, при необходимост трябва да се привеждат и семантизиращи текстови откъси, които да обосноват и да оправдаят включването на тази или онази дума в съответната тематична група.

Като основен способ за издирване членовете на отделните тематични групи е подходящ да се приложи методът на ключовите думи на Елъмслев – чрез наименованията на базовите за даденото общество в дадената епоха понятия да се определи както мрежата от подчинените

думи, зависещи от тези наименованията, така и съществуващата в тази мрежа йерархия¹².

От съществено значение за пълнотата на информация особено в темите, свързани с материалната култура, е прилагането на достатъчен снимков материал, който да създаде ясна представа за предметната съотнесеност на коментираните реалии. При изясняване тяхната семантика е необходимо да се ползват данните и от научни дисциплини като археология, етнология, етнография и фолклористика.

Разбира се, когато говорим за проект на тематичен речник на старобългарски език, непременно трябва да имаме предвид, че представяните в него тематични групи ще бъдат в по-голяма или по-малка степен дефективни, а някои дори напълно ще липсват заради фрагментарния и донякъде едностранчив характер на езиковите свидетелства в исторически план. Данните от различните редакции и изводи, както и разнообразните по характер косвени източници дават материал за определяне състава на реалиите, но не непременно и за думите от определена лексико-семантична група. Днес ние не можем да докажем, че една или друга реалия се е назовавала точно с тази или онази дума, въпреки че много от тези наименования принадлежат към праславянския или общославянския фонд, ако в класическия старобългарски корпус не са регистрирани не само самите думи, но и техни енокоренни. Трябва да се отчита и разликата в значенията на едни и същи думи в отделните славянски наречия. Много показателен е съставът на текстологичните дублети в ръкописи с идентично съдържание, поради което тази информация е добре да намери място в речника.

Въпреки изказаните съображения един тематичен речник на старобългарския език ще бъде много полезен и за обучението на ученици и студенти, и за редица културно-исторически и собствено лингвистически изследвания. Той ще даде ясна представа за състава на отделните тематични групи, за фиксацията на техните членове в различните паметници, за разнообразните семантични и парадигматични отношения между тях, ще подпомогне да се разкрие съдържанието на редица важни понятия за средновековното съзнание.

¹² Елъмслев, Л. *Можно ли считать, что значения слов образуют структуру?* – В: Новое в лингвистике. Вып. 2. М., Прогресс, 1962, с. 136.

Проклиза на кратките заменски форми во киевскиот дамаскин (XVI в.)

Прилог кон хронологијата на развојот на балканските словенски јазици од аспект на современиот македонски јазик

Терминот македонски превод на дамаскиот веќе одамна е општо-прифатен до научниот свет. Познат е од седум ракописи и фрагменти. Киевскиот ракопис претставува втора половина од полниот состав на Thesaurus од Дамаскин Студит објавен за првпат во Венеција во 1557 год. Македонскиот превод на дамаскиот е направен набрзо потоа, во периодот 1560-1580 год. Првиот превод е направен од архиепископот Григориј Пелагониски.

Киевскиот ракопис бр. 33, необјавен досега, претставува втор дел од Крнинскиот дамаскин, (Скопје, 1972). Ги содржи словата од 21 до 36. Ракописот има 494 страници и е добро сочуван. Поради обемот на целиот превод, (562 + 494 стр.), ракописот бил подверзан во два дела, а во XIX век вториот дел бил однесен во Киев од архимандритот Антонин Капустин.

Меѓу особеностите кои го привлекуваат вниманието, оформени или во процес на оформување, заслужува внимание проклитичката употреба на кратките заменски форми, приклиза на рефлексивната замена и на други клитики, описната компарација и други типично балкански специфичности кои споредени со соодветни во бугарскиот средногорски превод кој хронолошки е помлад, покажуваат повисок степен на балканизација.

Заменките се затворена зборовна група која претрпела најмалку измени од стариот јазик. Но во неа наоѓаме неколку од најзначајните промени кои се случиле во македонскиот јазик во правец кон балканизација.

Материјалот е крајно интересен и со обем кој значително ги надминува рамките на една статија. Од една страна има конструкции од типот на: възхотѣ послати ю стѣю иконѣ; кѣпелъ шнѣ силоамьскѣ; помалѣ помалѣ възѣбѣшаѣт ѣмѣ еѣ женѣ и сл., хипердетерминирани форми што укажува на чувство за недоволна изразност и потреба од уточнување со кратката заменска форма.

Се среќаваат и примери каде има колебања или дури се употребени две заменки што може да укажува на процес кој е активен во моментот, или, на колебање меѓу традиција и влијанието на говорниот јазик, сп.: азъ ви да^x ѿчи да зрите... азъ ви дарова^x оуста... азъ ви да^x

ржцѣ, да и^х въздызаете на молитвѣх и мленіе, а вы и^х оскерзните и^х съ вбынствомъ; аще не ти довлеють ти сіа чюдеса; сего ради намъ по^абаеть и на^м, что во рѣ^ѣ емѣ гѣ исцѣлевшомѣ ослабленнѣ 323 и сл. Вакви примери може да се разгледуваат како грешка, но поверојатно е во тоа да препознаеме влијание на двете норми едновременно или чувство за недоволна изразност.

Најинтересни се конструкциите со проклитичка позиција на заменската клитика, Сп.: да ме възвѣ^атъ пакы възвѣ^ртъ тебѣ; јако же ѿ мнѡгыѣх ме ѡжидаете; раны сіе иже ми сзтвориль еси; дажѣ ми что дѣл ми падеть; жеи^ѣ иже ми даль еси, таа ме прѣльсти; что имаю ме възпра(ша)еши, не ви^ѣши ли какоѡ зла ми наидоше, потоа јако бл^ггати бл^гга те водить; зане ѡнсица бл^гдница те ѡжидаете; д^ховникѣ ег^а слышитѣ грѣхы твое тѣ те ѡкараеть ли, аще ли же е^ѣ немошно про^ѣе да те полѣчу; понеже законѣ х^ѣбѣ ти гл^ѣт; ниже инѣ тешкѣ заповѣсть ти гл^ѣт; свѣ^ателѣа има^м да ти пода^м; искѣщѣ ми мона^ѣтирь женскы да ю ѡставлю тамо; потрѣди се да ю бл^свиши, јако хоше^м да ю освѣ^ѣтиме; посла евреи зографи да ю расипеть ѿ стлѣпа; принеси ми ю зде да се еи поклоню; да га пошлю; вѣрѣеи въз нь уште: ѿ стра^х воинѣ иже его стражехѣ; х^с е^ѣ иже его сзтвори з^араба; не познаваю его кто е^ѣ да его ва^м покажѣ; итн.

За прво и второ лице мн. се употребува само една замена и за директен и индиректен објект, сп.: ты ни сзтвори, ты ни сзз^адае... ты ни сззыда... ты ни еси даль дшѣ; не видимѣ даде иже ни хошеши даровати; да ни ѡжидаете... и ты да ни познаеши, а долгите форми се разликуваат: тѣ на^ѣ пита^ѣт, на^ѣ напаѣаете, на^ѣ ѡдѣвае^ѣт, на^ѣ ѡбогаѣаете, на^ѣ чьститѣ, намѣ о^уготовлѣа^ѣт цр^ѣство нб^ѣное како намѣ повелѣ х^с подолѣ, или: зане тѣ ви хоше^ѣ дати... имѣніе елико хошете да ви дарѣетѣ; да творите добро тѣмѣ иже бы враж^ѣють . да мл^ѣте б^а ради ѡнѣ^х иже ви досаж^ѣють; възпросі и^х. что хошете да ви сзтворѣ; самого възпра(..)те и вы да ви ѡрѣ^ѣт итн. или: повѣлите седите да вась о^угости^м, не познаваю его кто е^ѣ да его ва^м покажѣ и сл.

За трето лице множина се употребуваат за директен објект, ихъ и хн/хы, и за индиректен, имѣ, сп.: приходиши з^ае съ таковими помисли и не хошы ихъ рещи; тамо гнои овчи иже и^х заклаахѣ; ѡмалѣютьсе

грѣси ѡнѣ^х иже и^х принашаю^т. Ѡ нѣли же и^х кто възз^мѣт ѡнѣ иже и^х принашаеть погъблѣаетъ мзз^ѣ его или: зане и бѣ тако имь бѣ прѣ^завѣщаль; ѣко же еи рѣ^ч хс̄ и сїа же имь тако рѣ^ч итн., како и хи, пре- одна фаза на розвиток их >хи >ги: хошѣ^т стати да хи печатить въз деснѣю рѣкѣ; аще ти хи не въззда^х; аще сѣт хр̄стїаны да хи оучитеть итн.

За редот на зборовите во словенските и и.-е. јазици пишувале голем број лингвисти, а во крајот на 19 век Ј. Вакернаген заклучува дека во и.е. јазици има тенденција клитиката да заземе место веднаш по нагласениот збор во реченицата што е формулирано во соодеветно синтаксичко правило. Но во македонскиот јазик местото на клитиката се определува по други правила со што тој, заедно со словенечкиот, се разликува од другите словенски јазици. Во овој прилог правиме обид да објасниме кога дошло до овие промени, под кои услови и како течел процесот на појава и зацврстување на проклитичка употреба на кратките лични заменка до степен тоа денес да биде норма во современиот литературен македонски јазик.

А.А. Индыченко (Москва)

О языке чешских грамот XV-первой половины XVI вв., происходящих с территории Западной Словакии, Малопольши и Силезии

До сего дня богемистика не располагает обширными сведениями о норме чешского литературного языка, активно употреблявшегося в XV-XVI вв. не только на этнической территории, но и за ее пределами – в Словакии, Малопольше, Силезии. В этой связи интересным представляется проанализировать характер языка деловой корреспонденции, создававшейся на указанных территориях на чешском языке. К исследованию привлекается 80 грамот с территории Западной Словакии и 54 грамоты из Польши и Силезии из следующих изданий – Kniezsa 1952; Varsik 1956; Masirek, Rejnuš 1961. Хронологические рамки исследования ограничиваются временем создания первых сохранившихся грамот на чешском языке за пределами этнической территории, с одной стороны, и 30-ми гг. XVI в., с другой.

В исследованных текстах, пусть и в различной мере, отражаются инновации среднечешского диалекта, постепенно становившиеся в ту эпоху достоянием литературного языка, в особенности его «более свободного литературного узуса» [Pogák 1983: 130] – протетическое *v-*, сужение *é>ú*, дифтонгизация *ú>ou*, дифтонгизация *ú>ej*, – что может

свидетельствовать о континуальности развития чешского языка за пределами чешских земель. Частотность отражения указанных явлений заметно возрастает с 20-х гг. XVI в., что, вероятно, связано со значительными переменами в общественной жизни Центральной Европы, начавшимися в указанное десятилетие (в частности, активные миграции населения после битвы при Мохаче 1526. г.) [Varsik 1956: 60]. Примечательным кажется нам факт полного отсутствия указанных инноваций в исследованных грамотах силезского происхождения.

Что касается отражения дублетов, характеризовавших норму чешского литературного языка данной эпохи (наличие/отсутствие результатов регрессивной перегласовки $aj > ej$, монофтонгизации $ie > í$, диссимиляции $šč > št'$, вариантность окончаний род.п. мн.ч. $-ov/uov$, совпадения флексий адъективалий жен. рода в род., дат., мест. падежах ед.ч. $é/ej$, ассибиляция $t' > c, d > z$), то исследованные тексты в общем сохраняют вариантность. Вместе с тем по отношению к ряду явлений мы можем говорить о специфических особенностях развития чешского языка на данной территории – так, к примеру, тексты малопольского происхождения сохраняют вариантность $ie/í$ на протяжении всего рассматриваемого периода, в то время как тексты с территории Западной Словакии с 20-х гг. XVI вв. практически не имеют дифтонга, в них возобладали инновация по чешскому образцу – $í$. Не менее яркой особенностью являются многочисленные случаи отражения $é$ вместо ожидаемого $í$ ($ie > é$) в различных позициях, обнаруживающиеся в текстах малопольского происхождения (*bez našé...překážky, své vlastné pečetí*). Ассибиляция достаточно часто отражается в текстах малопольского происхождения, чему причиной, очевидно, было проведение подобного изменения в диалектах польского языка.

Отражение явлений, представленных в чешском литературном языке XV-XVI вв. sporadически (необозначение $/ř/$, палатальности в слогах $ně, tě, dě$, йотации у губных $pě, bě, vě, fě$, отсутствие результатов перегласовок $'a > e, 'u > i$) представлено в текстах достаточно последовательно. В частности, в 36,25% западнословацких и 15% малопольских грамот фиксируются ошибки в отражении фонемы $/ř/$, соответственно в 35% и 22,5% грамот отразились ошибки в обозначении палатальности в слогах $tě, dě, ně$, в 29% и 27,5% – ошибки при обозначении йотации. На этом фоне несколько изолированно выглядит отсутствие отражения перегласовок, которое встречается значительно реже и обычно характеризует тексты с достаточно расшатанной нормой, в которые активно проникают различные локальные явления.

Особенный интерес представляет вопрос об отражении в текстах диалектизмов. Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что различные диалектные черты как на фонетическом, так и на морфоло-

гическом уровне активно проникали в тексты малопольского происхождения, в то время как тексты из Западной Словакии отражают западно-либо общесловацкие черты лишь в небольшом количестве – за исключением несколько особенно сильно словакизированных грамот.

В общем, несмотря на общее следование норме чешского литературного языка, грамоты западнословацкого, малопольского и силезского происхождения демонстрируют ряд характерных особенностей, связанных, судя по всему, с различиями в восприятии чешского литературного языка на указанных территориях и спецификой его бытования в различных регионах.

Л и т е р а т у р а

Kniezsa Š. Stredoveké české listiny. Budapešť, 1952.

Macúrek J., Rejnuš M. K otázce spisovné češtiny v Polsku v 15. a poč. 16 století // *Slovanské historické studie* IV. 1961. S.163-261.

Porák J. Humanistická čeština. Praha, 1983.

Varsík B. Slovenské listy a listiny z XV. a XVI. storočia. Bratislava, 1956.

С.А. Кабанова (Саранск)

Глаголы, обозначающие состояние обморока и выхода из него, в сербском и русском языках

Обморок – это «внезапная потеря сознания вследствие болезненного состояния, душевного потрясения» [МАС 2: 547]. Для обозначения данного состояния в сербском языке используются глаголы *онесвеснути (се)*, *онесвестити се*, глагольно-именные обороты *изгубити свест*, *имати несвестицу*, *падати у несвест*, ср. рус. *сомлеть* ‘впасть в обморочное состояние’ [МАС 4: 193], а также глагольно-именные сочетания *потерять сознание*, *впасть в забытьё*, фразеологизм *падать в обморок* [МАС 2: 547]: серб. *Иако је тај ударац није био јак, него узгред, у трзању, Петар дрекну, па се затим и онесвестио* (ЦС 3-290). – *И хотя удар был не сильный, Петр вскрикнул и лишился чувств* (ЦС 2-290). (Иллюстративным материалом послужили: произведения Р.П. Погодина, Д. Ковачевича, М.А. Булгакова («Мастер и Маргарита» и его перевод на сербский язык), М. Црнянского («Сеобе» и «Роман о Лондону» и их переводы на русский язык.)

Как показывает исследуемый материал, факторами, обуславливающими состояние обморока, являются: а) долгое нахождение в помещении без притока свежего воздуха: серб. *Црни опрезно провири кроз срушени и запуштени излаз из тунела.<...> Удахну свеж ваздух и умало да се онесвести*; *придржа се за накривљени, римски стуб гледајући силуету моста и тамну површину реке* (Код 251); б) утрата способности контролировать свои или чужие действия: *Воля покинула ее – она поте-*

рля сознание (РПЛ 242); в) сильная эмоциональная реакция, например, испуг, при восприятии чего-либо, могущего оказать негативное действие на субъект (в подобных случаях речь идет часто о лицах, чьи действия могут быть направлены во вред лицу воспринимающему): *Из-под леща, как из-под козырька, он увидел полицейско лице и сомлел* (РПЛ 167); г) некоторые вынужденные действия и связанные с ними состояния (*голодать*).

Внезапность потери сознания может быть сравнима с внезапным погружением в сон, обусловленным усталостью: *Изнурен од несаница, које га муче већ месецима, заспао је, као што се у несвест пада од умора* (ЦР 1-224).

Близкое значение выражают сочетания изгубити свест и имати малу несвестицу в значении помутнения сознания на короткий срок: *За тренутак беше изгубио свест, и није знао где је* (ЦС 1-122). – ср.: *За један тренут само, на палуби, док су их повели до њене кабине, имала је малу несвестицу* (ЦР 2-197).

Глагольно-именное сочетание падати у несвест в контексте может обозначать эмоциональное состояние **сильного испуга**: *Иззукавши се отуда, сва улепљена блатом, запала је у неку бару, из које више, ни десно, ни лево, није налазила излаза мада је падала у несвест, чувши жабе око себе* (ЦС 1-226). – Кое-как выкарабкавшись оттуда, вся вывалынная в глине, она тут же попала в болото. Стараясь из него выбраться, Стана тщетно бросалась то вправо, то влево, а заслышав кваканье лягушек, почти **терьяла сознание** (ЦС 1-169).

Отношениями каузации связаны сочетания обмороки поражают и впасть в забытье, ср. забытье одолевало: *Счастливее двух других был Иешуа. В первый же час его стали поражать обмороки, а затем он впал в забытье, повесив голову в размотавшейся чалме* (Булг 188). – *Најсрећнији од свих био је Јешуа. Већ првог сата погубљења почео је повремено да губи свест, а после се сасвим изгубио, опустивши главу са размотаном чалмом* (Булг 226). Данный пример иллюстрирует функциональную эквивалентность глаголов и глагольно-именных описательных сочетаний.

Следует заметить, что в процессе перевода на первый план может выступать не значение каузации состояния, а значение возникающего состояния: так, в переводе на сербский язык двусоставное предложение с глаголом-каузативом переводится личным ДСП со значением состояния, – таким образом, происходит выдвижение на первый план не воздействия, а его результата: *Дисмас на втором столбе страдал более двух других, потому что его не одолевало забытье, и он качал головой, часто и мерно, то вправо, то влево, чтобы ухом ударять по плечу* (Булг 187-188). – *Дисмас је на другом стубу патио више од друге*

двојице, јер **није изгубио свест** и он је њихао главом често и одмерено, час удесно, час улево, да би уветом ударио раме (Булг 226).

Группа глаголов, обозначающих выход из состояния обморока, представлена лексемами *оживети, осветити се*, фразеологизмом *долазити к себи*, ср. русские глагольные формы *очнуться*, фразеологизм *прийти в себя*: *Пред вече, госпожа Дафина долазила је к себи, у грозници, још само на махове (ЦС 1-182)*. – ср.: *Очнулся* Алька в палате, где еще совсем недавно над всем необъятным шумом земли царил недвижный танкист (РПЛ 114).

В ряде случаев перевод показывает **каузацию состояния** выхода из обморока, а не само состояние: *Кад је Покровски оживео*, Рјепнин виде како га носе, као неког Христа, скинутог са крста, горе, узбрдицом, према његовом сунцобрану, великом, као шатор у пустињи (ЦР1-346). – *Наконец Покровского откачали* и понесли вверх на взгорье, точно снятого с крста Иисуса, к солнечному зонту, огромному, как шатер в пустыне (ЦР 304).

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

В обоих славянских языках состояние обморока и выхода из него выражается как глаголами, так и глагольно-именными сочетаниями, а также фразеологизмами.

Перевод с сербского языка на русский показывает семантическую близость и синтаксическую эквивалентность глаголов и устойчивых сочетаний.

В обоих языках в ряде случаев перевод показывает не значение каузации состояния, а само возникающее состояние, тогда как существуют и обратные случаи — перевод показывает каузацию состояния, а не само состояние.

В.В. Каверина (Москва)

Роман Федорович Брандт и реформа русской орфографии

Орфографическая дискуссия второй половины XIX столетия привлекла внимание видного ученого-слависта Р.Ф. Брандта. Как известно, Брандт после окончания Санкт-Петербургского университета был оставлен при университете, где руководил кафедрой русской словесности и славянских наречий. После защиты докторской диссертации в 1886 г. он был переведен в Московский университет.

Наблюдения над проблемами русской орфографии впервые были обобщены Брандтом в докладе по отделению российской словесности «О лженаучности нашего правописания», сделанном им в Педагогиче-

ском обществе при Московском университете (1899 г.). Брандт выразил мнение многих ученых и педагогов о том, что принятая в то время гродовская орфография научно не обоснована, лишена последовательности и изобилует традиционными написаниями. Называя «историческое» правописание Грота проявлением «полузнания», Брандт предлагает для орфографии два основания – «звуковое» (фонетическое) и «производственное» (этимологическое). По мнению ученого, «исторические» (традиционные) написания основываются либо на фонетическом, либо на этимологическом принципе, поэтому их особое выделение нецелесообразно. Свою концепцию орфографического нормирования Брандт изложил в «Прибавлении» к докладу. В первую очередь, здесь содержится мысль о демократизации письма, о его прикладном характере, о необходимости его сближения с выговором. Ученый выделяет три причины расхождения орфографии с выговором, критикуя стремление отразить на письме историческое развитие слов и устарелых начертаний. По его мнению, существующее правописание не отражает в точности ни современную, ни историческую грамматику. Отрицая возможность передачи на письме диалектных черт и влияния на него иностранных языков, Брандт предлагает ориентироваться на русский литературный язык и допускает этимологические написания, только если они связаны с живым литературным языком. Ученый выступает за сокращение алфавита и отмену произвольных правил, что должно привести к упрощению правописания, а значит, к высвобождению времени учащихся для других занятий по языку и словесности и облегчению жизни будущих поколений. По словам Брандта, при упорядочении письма нельзя руководствоваться «чутьем» и не обязательно стремиться к полному единству орфографии, но разнообразие не должно затруднять понимание смысла [Брандт 1901: 57-58].

В 1900 г. Р.Ф. Брандт возглавил вновь созданную орфографическую комиссию – Педагогическое общество, состоящее при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии, первое заседание которого состоялось 4 января. Общество выступало за упрощение правописания на научной основе, за приведение его в строгую систему, которая передавала бы звуки живой речи, но не являлась бы ни фонетической транскрипцией, ни фонетическим письмом. Доклад Педагогического общества от 26 мая 1901 г. во многом отразил идеи Брандта [Доклад Педагогического общества 1901: 3-42], изложенные в лекции «О лженаучности нашего правописания» 1899 г.

Свои орфографические воззрения ученый отстаивал и на Первом заседании комиссии по вопросу о русском правописании (под председательством К.К. Романова) 12 апреля 1904 г. Если высказанная Брандтом идея об устранении букв Ъ и Ы уже давно обрела многочисленных сто-

ронников, то предложение допустить орфографическую вариативность (разрешить писать *собака* и *сабака*, *корабль* и *карабль*) явилось очень смелым и не было оценено большинством участников [Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании 1905: 39-40]. После принятия комиссией решения о необходимости упрощения орфографии Брандт начал работу над его проектом в составе Подкомиссии под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова. Ученый внес предложение реформировать письмо на основании общего принципа «звуковой четкости, прочности, удобочитаемости», считая, что это позволит долгое время не обращаться вновь к его усовершенствованию [Григорьева 2004: 92-93].

Брандт активно участвовал в полемике, развернувшейся на страницах периодических изданий, таких, как журналы «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», газеты «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Русь». Свою орфографическую программу ученый изложил в трех публикациях журнала «Филологические записки»: «О лженаучности нашего правописания» (1901 г.), «Загробный голос о русском языке и письме» (1904 г.), «Мнения о русском правописании И.В. Ягича, Ф.Е. Корша, А.С. Будиловича и А.И. Томсона» (1904 г.). В течение 18 лет (1881–1908 гг.) Брандт отражал свои орфографические воззрения в журнале «Русский филологический вестник», отвечая на статьи и заметки по вопросам правописания. На страницах газеты «Русь» ученый опубликовал свою «Речь о правописании, произнесенную на заседании орфографической комиссии Императорской Академии наук 12 апреля 1904 г.», а в письме в редакцию «К орфографической реформе» он обратился к противникам реформы и призвал их в вопросах усовершенствования орфографии больше доверять специалистам – филологам и педагогам [Брандт 1904].

Будучи последовательным в своих убеждениях, Брандт не только выступал за упорядочение и упрощение письма, но и сам пытался применять свои орфографические принципы в работах, посвященных проблемам правописания, нарушая принятые в то время правила Я.К. Грота [Григорьева 2004: 148].

Л и т е р а т у р а

Брандт Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) 1901 // Филологические записки. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1–58.

Брандт Р.Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) // Русь. – 1904. – № 124.

Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII–XX вв.) – М. : Эллис, 2004. – 456 с. Доклад Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по вопросу об упрощении русской орфографии // Вопросы воспитания и обучения: Труды педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете. – Т. I. – М., 1901. – С. 3–42.

Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. – СПб., 1905. – 67 с.

Л.Э. Калнынь (Москва)

О выявления актуальных фонетических процессов в современных диалектах

1. В список тем, предложенных для обсуждения на конференции, включен вопрос об изменениях, происходящих в современных славянских литературных языках и диалектах. Как объекты изучения в этом аспекте, литературный язык и диалект представляют собою существенно различающиеся языковые пространства.

Литературный язык как кодифицированный идиом существует в устной и письменной форме, и может рассматриваться в пределах поразному ограниченной временной протяженности. В этих условиях динамика языка в определенных хронологических рамках становится обозримой.

Иная ситуация характерна для диалекта как объекта наблюдения. Диалект предстает перед исследователем в своем синхронном состоянии. Представление о динамике диалекта может быть получено, если он неоднократно обследовался через определенные отрезки времени (ср описание говора с.Лека в [Шахматов 1913; Высотский 1949; Касаткина 2009]), производились длительные наблюдения над говорами (ср.[Кириллова, Новикова 1988]), если возможно сопоставление разных частей говора разделившегося в обозримом времени (ср. сведения о лемковских говорах в [Алексеева 2008; 2009], о болгарских говорах в [Калнынь, Попова 2007]). Эффективным может быть сопоставление особенностей речи разных поколений носителей одного диалекта. Речь более молодого поколения может отражать изменения, происходящие в диалекте в обозримый период

2. Но обычно информацию о динамике диалекта, как синхронно функционирующего идиома, дает анализ сосуществующих в диалекте вариантов разных языковых уровней. При этом варианты могут быть вызваны разными причинами и в своем возникновении относиться к разным хронологическим периодам в истории славянских языков. Поэтому не все из них могут привлекаться как свидетельства актуальных процессов в диалекте.

Варианты в диалекте появляются вследствие:

(1) непоследовательной реализации достаточно раннего фонетически закономерного изменения не связанного с современной динамикой идиома. Так, в [Орлова 1970] показано, что во всех русских говорах на фоне многих примеров с переходом $e > o$ всегда существуют единичные

слова с сохранением гласного *e* в позиции *t'-t*; во многих украинских говорах отступление от закономерного изменения гласного *e* в закрытом слоге показывает произношение *med* [ОЛА 6: К.12] и др.;

(2) результата контактов с кодифицированной формой языка или другими языками/диалектами. Обычно предполагается, что в этой ситуации носители диалекта заменяют свой речевой стереотип на тот, с которым они контактируют. Наиболее подвижной является лексика – заимствуются слова для новых понятий, происходит замена диалектных слов литературными, часто адаптированными сообразно правилам диалектной фонетики. Но на ситуацию контактов реагируют и собственно структурные компоненты диалекта, в том числе и фонетика.

Специфика фонетики диалекта обусловлена ее артикуляционной базой (ср. проекцию артикуляции гласных на состав фонем в севернорусских говорах, описанную в [Высотский 1967]) и структурной организацией, определяющей взаимосвязанность и взаимообусловленность ее компонентов. Фонетическая структура в сознании диалектоносителей существует как стабильное образование и поэтому некоторые сегменты этой структуры не поддаются прямому воздействию орфоэпии, проявляют устойчивость в ситуации контакта с литературным языком. В русских говорах – это диссимилятивное аканье; различные виды предупредного вокализма после мягкого согласного, отражающие синтагматическую связь гласных разных слогов; сохранение оглушения $\gamma > x$ при освоении взрывного образования заднеязычного согласного и др.

В фонетике реакция на контакт диалекта с литературным языком, может проявляться не в прямой мене сегментов, а в образовании явлений переходного характера (реализация процесса адаптации). Пример этого – процесс освоения аканья в окающих говорах. При разрушении оканья под влиянием аканья актуализируется связь между качеством предупредного и ударного гласного. Гласный под ударением регулирует выбор предупредного гласного на месте предупредного *o* – предупредный «не *o*» раньше всего появляется перед слогом с *a* под ударением (ср. [Пауфошима 1978], [Кириллова, Новикова 1988], [Калнынь, Масленникова 1995: 68]);

(3) внутреннего развития диалекта вне связи с влиянием литературного языка; такие выводы относительно динамики вокализма в говоре с. Лека сделаны в [Касаткина 2009].

4. Из сказанного можно заключить, что не все сосуществующие в фонетике диалекта варианты являются знаками современно протекающих процессов в идиоме. Диагностическое значение имеют явления, очевидно связанные с влиянием стандарта. При этом может обнаружиться особый способ освоения орфоэпического сегмента, показывающий синтагматический потенциал диалекта. Существенную роль при

определении динамики диалекта должно играть сопоставление речи разных поколений диалектоносителей.

Л и т е р а т у р а

- Алексеева М.М.* Лемковские говоры в контакте с другими славянскими языками/диалектами // ИСД 13. – М., 2008.
- Алексеева М.М.* Основные фонетические процессы в современных переселенческих лемковских говорах в Польше и в Украине // ИСД 14. – М., 2009.
- Высотский С.С.* О говоре с. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. – М., 1949.
- Высотский С.С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. – М., 1967.
- Калынь Л.Э., Масленникова Л.И.* Изучение вариативности в славянских диалектах // ИСД 3. – М., 1995.
- Калынь Л.Э., Попова Т.В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. – М., 2007.
- Касаткина Р.Ф.* Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл. // ИСД 14. – М., 2009.
- Кириллова Н.В., Новикова Л.И.* Активные процессы в фонетике современных русских говоров. – Калинин, 1988.
- ОЛА 6.* Общеславянский лингвистический атлас. Фонетико-грамматическая серия. Выпуск 6. «Рефлексы *е». – М., 2012.
- Орлова В.Г.* Изменение /e/ в /o/ // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. – М., 1970.
- Пауфощима Р.Ф.* Перестройка системыпредударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. – М., 1978.
- Шахматов А.А.* Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // ИОРЯС АН Т.ХVIII кн. 4, 1913.

В.В. Калугин (Москва)

Глаголица в Книгах пророков (по спискам XV–XVI веков)

В 1047 г. поп Упырь Лихой переписал «**ѿс кѣриловицѣ**» толковые Книги пророков для новгородского князя Владимира Ярославича. Рукопись 1047 г. была утрачена. Однако к ней восходят русские списки XV–XVI вв. Многие из них сохранили послесловие 1047 г., а также глаголические буквы и слова среди кирилловского текста. Начиная с П.И. Шафарика нередко предполагают, что Упырь Лихой работал с глаголическим оригиналом и называл глаголицу кириллицей, ее исконным именем (см., напр.: [Кульбакин 2008: 80–81]).

В рукописи 1047 г. глаголица была использована широко, но исключительно с декоративными целями. Она не встречается в основном тексте. Ею написаны многочисленные инициалы, 4 слова в заголовках статей: **† ѿс†ѣѿѿ ѿѿ**, **† ѿ ѿ ѿ ѿ ѿ**, **† ѿ ѿ ѿ ѿ**, **ѿ†ѿ†ѿѿѿѿ** да еще два **†** в за-

Дискурсивное представление совместной деятельности в проблемной ситуации

Сфера устного публичного общения, которая расширялась и дифференцировалась в связи с изменениями в современном сознании, стимулирует когнитивно-коммуникативный анализ дискурса во взаимосвязи с лингвокультурологическим.

Объект анализа – это беседы К.С.Лариной (в программе «Дифирамб» «Эха Москвы») с художником А.Васильевым (ведущим «Модного приговора» на ТВ1, создателем выставок и автором книг). Контекстом беседы служат материалы «Модного приговора», а также «Нескучной классики» Сати Спиваковой на тему «мода и музыка» (ТВ «Культура» 3.VI.13). Рассмотрение последних предполагает учет семиотики общения; в «Дифирамбе» же это в неявном виде ее составляющие (особенно зрительное восприятие) – один из факторов коммуникации (о перекрещивающихся когнитивных системах см. Л.Талми с.115).

Через стратегию коммуникации, первая часть которой – диалог ведущей (гов. №1) с адресантом на темы: представление художника публике; основные вехи биографии (в 80-е г. – пребывание, деятельность во Франции; с 90-х г. – в России и других странах); вторая часть раскрывает А.Васильева не только как креативную личность, но и как деятеля культуры значительного масштаба, способного осмыслить проблемную ситуацию (ПС) и предложить пути ее решения (ПР).

Для данного дискурса в языковом плане характерны информативный и объяснительный регистры. В соответствии с содержательной стороной деятельности адресата грамматическую основу дискурса являют реализации моделей действия (посредством категории акциональности с участием каузативных конструкций) и моделей состояния, а также ментальных (отмеченных реализациями категорий оценки, мнения и сравнения). См. «... у меня открылась очень красивая театральная карьера, я оформил около 120 спектаклей – это очень много»; «Мы живем в очень богатой стране...»; «Но люди не знают, что во Франции они не могут порой накопить на одну квартиру всю жизнь, на одну шубу».

«А это моя цель». «Действительно, ситуация в Европе сейчас очень плачевная»: «Я думаю, что сегодняшняя элита очень боится сравнения, сравнения с Россией прошлого...» и др. Соответственно активны номинации в высказываниях говорящего – №2: см. лексемы (и сочетания) «история стиля», «книга», «коллекция», «театральная карьера», «область моды», «образ», «образец хорошего вкуса» и др.

Реплика – стимул Кс.Лариной «... каким-то образом меняется общество в смысле культуры и вкуса? Или это невозможно?» ведет А.Васильева к ответу через анализ ПС. Ситуацию, с точки зрения собеседника, отмечает такое словоупотребление: «расслоение общества», «низы и средняк», «элита (финансовая, политическая)»; «дворяне», «князь», «барон», «граф», «история рода» и др.

Его интерактив со слушателями (и оценка их вопросов по содержательности) весьма насыщен смыслами, см.напр. высказывание: «И я думаю, что Европа живет сейчас исключительно на монетизации своих ценностей, нажитых в прошлые века, – я имею в виду: архитектура, музыка, мода, кухня, я имею в виду театр, я имею в виду живопись, язык, и, конечно, постепенно она будет, с одной стороны, превращаться в Диснейленд для китайских туристов, а с другой стороны, она настолько заселена сейчас иностранцами...»; а дело в том, что там живут все нации, которые не хотят подчиняться определенной европейской традиции». Их представляют также лексемы (и сочетания), относящиеся к тематической группе «мода»: «интерьер», «икона стиля», «образец хорошего вкуса», «программа», «создать образ», «сценарий», «тема», «экстерьер», «фигура» и др.

Номинации из тематической группы «культура», «мультикультурализм»: «закат Европы», «глобализация», «монетизация ценностей»; «недостаток культуры, воспитания» и др.

Анализ ПС подводит говорящего №2 (А.Васильева) к глубинному анализу ее и к раскрытию проблем с его точки зрения и далее в плане должное гражданство», «выдать паспорта», «получить документы», «въехать в страну»; также: «Мы обязаны открыть себя миру и сказать, что мы – свободная страна в широком смысле этого слова, а не в узком смысле этого слова...»; «Мы не можем быть постоянно в оппозиции ко всему миру – это абсолютно неверная позиция. Надо быть в первую очередь дружелюбным со своими соседями, а потом со всем миром».

В целом в наблюдаемой коммуникации А.Васильев предстает как яркая индивидуальность: отличающаяся глубиной мысли (обусловленной полнезависимым когнитивным стилем говорящего), эмоциональностью и оценочностью (ее эксплицитностью), последовательным выражением авторской позиции. По нашему мнению, он коммуникативная личность элитарного типа, которой присущ и «активный словарь говорящего» (Л.В.Златоустова) (см.напр. «я бережно сохраняю русский язык без междометий «типа того», «ну», «в общем»...).

Проведенные нами наблюдения репрезентативны и методически: они составили часть материалов нашего магистерского курса «Филология в системе гуманитарного знания» (2012-2013 уч.год).

Л и т е р а т у р а

Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 1999, №6.

Л.Б. Карпенко (Самара)

Славянская палеография: новые интерпретации азбучной проблемы

1150-летие славянской письменности отмечено возросшим интересом к проблемам палеославистики. Международные научные конференции, посвященные юбилейной дате и организованные Институтом славяноведения РАН, МГУ и Флорентийским университетом, в этом году начались 4 февраля в Риме и продолжились во Флоренции. 23-24 мая в рамках III Международного конгресса болгаристов в Софии состоялись круглые столы по проблемам письменности, на которых продолжилось обсуждение известной азбучной проблемы. Конференции, посвященные проблемам палеославистики, прошли и в российских вузах. В Самарском государственном университете были проведены XXXII-е Кирилло-Мефодиевские чтения, где в докладе автора дана оценка публикациям о глаголице, появившимся в последнее десятилетие.

Почти каждая из новых публикаций отводит определенное место традиционным аспектам азбучной проблемы, по которым так много уже написано, что в данном материале нет смысла к ним возвращаться. Позиция автора относительно старшинства глаголицы и связи именно этой азбуки с деятельностью св. Кирилла изложена в ряде статей, в диссертационном исследовании и двух монографиях. Несмотря на обилие предшествующей литературы по проблеме, уже сам ряд имен авторов новых публикаций свидетельствует об углублении исследовательского интереса к глаголице. Публикации представителей академической науки – Б.А.Успенского [Успенский 2005: 63-76] Е.М.Верещагина [Верещагин 2012: 345-369] – представляют проработку тезисов семиотической концепции, которые ранее высказывались в наших публикациях. Так, в статье Б.А.Успенского развернуто, академически исчерпывающе, дается обоснование идеи кодирования пятой и третьей буквами глаголицы имени царя Давида, второй по значению фигуры Библии. В сжатой форме именно об этом говорится в работах автора [Карпенко 1999: 157-158, а также другие работы]. Обширное приложение о геометрической гипотезе глаголицы в монографии Е.М.Верещагина [Верещагин 2012: 345-369] поддерживает идеи автора об отражении в глаголице естественнонаучных знаний эпохи. Таким образом, получает подкрепление семиотическая концепция, развивавшаяся автором на протяжении чет-

верти века и защищенная в 2000 г. Именно семиотический подход явился новым основанием анализа глаголицы, позволившим установить то новое знание, которое не поддавалось прежде раскрытию с иных позиций, – установить принципы структурной организации первой славянской азбуки, принципы ее знакообразования. Этому, однако, не смогла воспринять Т.А.Иванова, затронувшая в своем общем критическом разборе и публикации Л.Б.Карпенко [Иванова 2004].

Уязвимой стороной критики Т.А.Ивановой является не столько субъективно-избирательный подход, сколько искажение фактической стороны. Отрицание установленных мной матричного и календарного принципов организации глаголицы, семиотической модели глаголического круга определяется главным образом неприятием Т.А. Ивановой состава глаголицы в количестве 38 знаков. При этом игнорируются не только многократные указания именно на такой состав азбуки, содержащиеся у Черноризца Храбра, но и не учитываются данные Мюнхенского алфавитария, алфавитария содержащегося в Псалтыри Дмитрия Олтарника, данные Краткого жития Кирилла и самого состава букв ранних старославянских глаголических памятников с учетом их фонемной обусловленности. Состав букв хотя и не является постоянным (в силу разновременности текстов), но варьирует вокруг числа 38. Перестановки двух знаков для [x], в чем еще упрекает нас уважаемая Т.А.Иванова, характеризуют именно те работы на которые опирается сама исследовательница, не учитывающая того, что Н.С.Трубецкой высказывался о месте X-«паукообразного» в модальности предположения и не располагал подробными выкладками относительно состава и порядка букв глаголицы. Можно только сожалеть о том, что на основании упоминаемой рецензии и без проверки фактической стороны необоснованная оценка исследования символического содержания глаголицы перетекает в современный православный справочник энциклопедического характера [Турилов 2006: 538-543].

Как уже неоднократно высказывалось мной, глаголица имеет значение универсальной символической системы, заключающей идею о Спасителе – высшей ценности христианского вероучения, идею божественного миропорядка и христианские нравственные ориентиры. Начертания матричных знаков Ижеи, Слово, Ерѣ, Хль наглядно передают мессианскую идею о нисхождении и восхождении, рождении и вознесении Христа, а весь азбучный ряд образует многозначный символ вселенского круга. Важно подчеркнуть точное, закономерное соответствие содержательной основы глаголической матрицы смысловому комплексу о Нисходящем и Восходящем, Рожденном и Грядущем, относящемуся к Христу и включенному в Никейский символ веры на Первом Вселенском Соборе. Не только символ вселенского круга, но и графические символы

Нисходящего и Восходящего находят соответствия и в средневековой славянской иконописи. Таким образом, мы не имеем оснований для отказа от семиотического истолкования глаголицы и только наблюдаем естественную для движения исследовательской мысли смену подходов, или, как это после Т.Куна стало принято называть, смену научных парадигм.

Л и т е р а т у р а

- Успенский Б. А. О происхождении глаголицы // ВЯ. 2005. № 1. С. 63-76.
- Верещагин Е.М. Изложение геометрической гипотезы генезиса глаголицы // Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания с двумя приложениями. – М.: Индрик, 2012. – С.345-369.
- Карпенко Л.Б. Глаголица – славянская священная азбука. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1999. – 209 с.
- Иванова Т. А. Глаголица: Новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // ТОДРЛ. 2004. Т. 56. С. 78-93.
- Турилов А.А. Глаголица. Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т.11. С.538-543.

О.П. Карпенко (Киев)

Восточнославянские префиксальные лексические диалектизмы с формантом *л-*

Известно, что префиксы с формантом *л-* разной вокализации встречаются в апеллятивной лексике весьма редко. Выделенный впервые И. Немцем только в одной лексико-семантической группе, экспрессивный префикс *la-* привлек внимание О.М. Трубачева, не ограничившего свой поиск исключительно экспрессивными образованиями, указав на наличие префикса *la-* местоименного происхождения в псл. **ladь*, **lagoda* и родственных словах. Круг примеров таких образований, но уже с привлечением префиксов *la-*, *le-*, *lu-*, удалось расширить М. Белетич на материале сербской и хорватской лексики. Значительно пополнила корпус лексем с исследуемыми префиксами И.П. Петлева. На базе русских говоров, кроме глагольных образований с префиксами *la-*, *lo-*, исследовательнице удалось выявить тамб. глагол с префиксом *лу-хвѣиснуть* 'ударить' – ср. пск. *хвистать*, *хвистѣть* 'свистать', а также ряд других диалектных примеров на уровне глаголов, существительных и прилагательных.

Богатый материал русских народных говоров позволяет пополнил глагольные образования с редкостным префиксом *лу-*. Он отмечается, например, в волог. *лу-тѳзить* и *лу-тѳзить* 'бить' – ср. русск. *тузить* 'бить, колотить кулаками, драться'. Показательны также глагольные примеры с префиксом *ле-*, засвидетельствованные на Селигере: *ле-*

бердѣть ‘заискивать, стараться понравиться’ (пенз., сиб., там., твер., пск., енис.), *ле-бердѣться* ‘стараться выглядеть молодой, молодиться’ (нижегор., казан.) ~ русск. диал. *бѣрдить* ‘не надеяться на собственные силы; трусить, уступать’, ‘отказываться от выполнения чего-либо, от данного слова’, *бѣрдить* ‘терять смелость, присутствие духа’ (пск.), *бѣрдиться* ‘красоваться’ < **berditi(se)*. На экспрессивный характер приведенных русских диалектных форм обратил внимание уже О.Н. Трубачев в «ЭССЯ» при, скажем, нейтральном блр. диал. *бѣрдыца* ‘хорошо наладиться, удачно установиться – о ткущихся кроснах’. Вероятно, эмоциональные диалектные префиксальные лексемы *ле-бердѣть* и *ле-бердѣться* продолжают и усиливают экспрессию упомянутых русских глаголов.

В украинских говорах также имеют место лексемы с исследуемыми префиксами. Так, в гуцульских говорах засвидетельствовано слово *лускавкѣ* (только во мн. числе) ‘стеклянное ожерелье’ < **лу-скалки* ~ *скалкѣ* ‘блестящие частицы, блески, отблески’, *скалка* ‘кусочек, осколок кремня, стекла и под.’, ‘капля жира на воде’, ‘бельмо на глазе’, ‘искра, отраженный луч солнца’. Сюда же русск. диал. *скалкѣ* ‘округлые частицы жира на поверхности супа’ (брян.), а также блр. диал. *скалка*, *скалька* ‘частица, капелька жира на воде’. Префикс *ле-*, как нам кажется, можно выделить в укр. существительном *лебурдѣйка* ‘нищенское жилище’ ~ *бурдѣй* ‘землянка, дымное жилище; цыганский шатер’, *бурдѣйка* ‘землянка; летняя кухня’. Этот пример интересен тем, что здесь префикс *ле-* наблюдается не при исконно славянском слове, а в заимствовании, вероятнее всего из восточнороманских языков (ср. молд. *бордѣй*, рум. *bordei* ‘землянка’ < ит. *bordello* ‘жилище; публичный дом’). Широкое распространение в славянских языках и диалектах обеспечило его адаптацию в языковой системе и даже возможность приобрести определенную экспрессию благодаря славянскому префиксу *ле-*. Привлекает внимание также укр. глагол *лавусти́ти* ‘пустословить, болтать’. Квалифицируется украинскими этимологами как неясное. Сомнительной представляется предложенная связь с *лаву́та* ‘дурак’. Возможно, правдоподобнее этот глагол соотносить с д.-русс. *встити* ‘побуждать’, русск. *устѣть* (кого), *науцать*, *наустить* ‘подговаривать, подбивать, соблазнять’, диал. *устѣть* ‘смущать, настраивать’ (пск., твер.), *ѹститься* ‘нападать, льститься на чужое’ ~ рос. *уста*, укр. *вуста* < псл. **usta* ‘губы’, укр. префиксальными формами *підѹстѣти*, *підѹцѣти* ‘подбивать’, русск. диал. *науѹстѣть*, *наустѣть* ‘науськать, натравить (собаку)’ (перм.), ‘подучить, подстрекнуть, подбить (на что-либо дурное)’ (волог., твер.). Если наше предположение подтвердится, тогда список глаголов с префиксом *ла-* увеличится еще на одну единицу.

З.И. Карцева (Москва)

Музыка в мотивной структуре прозы Эмили Дворяновой

Если исходить из достаточно распространенного (хотя и не бесспорного) определения термина «мотив» как устойчивого формально-содержательного компонента текста – термина, пришедшего в литературу из музыки (и позже – из фольклористики), но генетически связанного с музыкальной культурой, то разговор о мотивной структуре романов Э.Дворяновой более чем уместен, поскольку ее проза буквально пронизана музыкой, ставшей структуроопределяющим элементом ряда ее романов («Passion, или смерть Алисы», «Земные сады Богородицы», «Концерт для слова»).

В качестве лейтмотива здесь может выступать любая повторяющаяся текстуальная единица, любое «смысловое пятно» (М.Б.Гаспаров) – событие, черта характера, слово, краска, звук, любая синтаксическая конструкция, ритмическая и мелодическая фигура, гармонический оборот, музыкальный «голос» или тема (искусно обыгрываемые в романах писательницы с помощью техники контрапункта или остинато), в комплексе и образующие единую *мотивную структуру*, с помощью которой раскрывается проблемное поле ее очень «женских» романов.

Отстаивая в них гендерную идентичность женщины, «женский» (т.е. интуитивно-бессознательный и нервно-физиологический) способ осмысления мира, Э.Дворянова с болью и тревогой пишет о невостремленности женщины в единстве ее духовности и телесности (тесно переплетенной в ее романах с эротикой слова как средством передачи чувственности через мир музыки), о греховности, об одиночестве и мучительных поисках смысла в мире, полном «запретов», о разочаровании, разладе с собой, с миром и, как следствие, протесте – «бегстве» женщины: в страсть, в творчество, к Богу или в смерть.

С помощью этих пронзительно-болезненных мотивов, «работающих» как на формальном и стилевом, так и на содержательном уровнях (они могут формировать сюжет, систему персонажей, всю систему образов и пр.), создается главное – особое настроение, атмосфера удивительной прозы этого яркого прозаика, в произведении начинает звучать музыка, и буквально на наших глазах оно превращается в *партитуру для слова*, «проговаривающего» свою мелодию.

Э. Кастнерова (Прага)

Российская прозаическая литература на рубеже 80-х и 90-х годов – рефлексия и классификация

В докладе я хотела бы представить результаты моих научных исследований, которые были финансированы с помощью Философского факультета Карлова университета в Праге. Целью доклада – кратко описать изменения, которым подверглась литература с началом т. н. перестроечного времени. Рубеж 80-х и 90-х является очень важным периодом в истории российской литературы, но в чешской славистике он пользуется лишь ограниченным профессиональным интересом. По этой причине, проект хочет внести вклад в углубление знания этой проблематики и для российской среды может служить как посторонний взгляд на хорошо освоенные проблемы.

На основе изучения профессиональной литературы (прежде всего, статьи в научных сборниках и книгах русского и европейского происхождения и также литературно-критические тексты из т.н. толстых журналов из России), я постараюсь систематизировать главные мнения по поводу изменений в российской литературе и также взгляды на литературу, которая была опубликована в то время и часто подвергалась сравнению с возвращенной литературой, которая в те времена могла быть впервые напечатана официально.

Писатели, которые вступали в литературное движение – или из андеграунда, или как дебютанты – часто резко реагировали на предыдущий литературный канон. Постепенно, дискуссии приобрели более конфронтационный характер. В центре этих полемик стояли чаще всего разные отношения писателей и исследователей к недавней российской литературной (и тоже не литературной) истории. Конфронтации отразились не только в литературной критике и публицистике, а еще в художественной литературе. В сюжетах этой литературы и также в ее стилистической обработке.

В моем докладе я бы рада сосредоточилась не только на некоторых художественных текстах, а еще и на оценке новых текстов в работах исследователей потому, что она отражает сложную ситуацию изменяющегося книжного рынка и далее существование какого-то двойного времени, когда в то же время были в России опубликованы шедевры российской литературы и дебюты молодых писателей. То способствовало тому, что критики очнулись в тупике, не зная, как подходить к новым текстам и что от них ожидать. Сейчас становится ясно, что критики ожидали прежде всего изложение исторической истины и из-за этого пренебрегали эстетическими свойствами художественных произ-

ведений. Это уж было очень легко, если перед критиками лежал впервые официально изданный текст Евгения Замятина на одной и напр. Виктора Пелевина на другой стороне. С этой проблемой связаны тоже бурные дискуссии вокруг т.н. русского постмодернизма. Постмодернизм является единственным художественным течением того времени, которое остается до сих пор популярным тоже в России и еще больше в западноевропейских странах. В моем докладе я не хочу говорить о его достоинствах, или недостатках, а о том, как он воздействовал на развитие новых тем, голосов и стилистических стратегий в российской прозе свободных времен.

И.Б. Качинская (Москва)

Термины родства в архангельских говорах: духовное родство

1. Термины родства (ТР) обладают свойством релятивности: «одно и то же лицо может быть одновременно сыном, внуком, дядей, племянником, бабушкой и т. д. по отношению к разным людям» [Википедия. Термины родства]. Иными словами, термин родства зависит от конкретных родственных отношений данного лица с другими родственниками. В то же время ТР (преимущественно кровного, но не только) обладают способностью к широкой экстраполяции (переносам). ТР используются и как вокативы, и как номинативы по отношению к некровным родственникам, свойственникам (*отец* = 'свекор', *мать* = 'свекровь'); к приемным родителям; к неродственникам; в терминах родства осмысливается духовное родство (*крестная мать*, *крестный отец*). Термины родства относятся к группе коннотативной лексики – т.е. лексики, обладающей широкими возможностями интервенции, проникновения лексем с их основными значениями в другие области, где они приобретают другие значения. Эти термины проецируются на «внешний» мир: они регулярно встречаются в названии растений (*мать-и-мачеха*), в абстрактных понятиях (*лень-матушка*, *правда-матка*), в названии предметов; используются как антропонимы и микропонимы, оказываются междометиями или входят в их состав (*батюшки! батюшки мои!*) [Качинская 2011].

2. Духовное родство в рамках христианской традиции возникает между участниками обряда крещения. К ним относятся родители младенца (если крестят младенца), сам ребенок и его так наз. «духовные родители». В общерусском языке используется номинация *крёстные родители*, в зависимости от гендерных соответствий различают *крёстную мать* и *крёстного отца*, крещеный ребенок оказывается их *крестником*, *крёстным сыном* или *крестницей*, *крёстной дочерью*. Духовные

родители и по отношению друг к другу, и по отношению к «биологическим» родителям становятся *кумовьями* и, соответственно *полу*, *кумом* и *кумой*. В архангельских говорах для номинации группы людей, объединенных «духовным» родством, наряду с общерусскими словами используются многочисленные дериваты от корней *крест-*, *крещ-*. Появление новых слов связано с процессом словообразования – с употреблением различных суффиксов (*крестовый*, *крестенькая*, *крестенька*, *крёстнушка*), с переходом прилагательных в существительное, т.е. с субстантивацией (*крёстная*, *крестовая*, *крёстный*, *крестовый*), с грамматическими вариациями: *крёстный отец* – *крестовушка* и *крестовушко*, с фонетическими явлениями (с диссимиляцией): *хрестник*, *хрёстна*, *хрестовой*. Для номинации крестных отца и матери используются и собственно диалектные лексемы: крестная мать – ***божатка***, ***божата***, ***божаточка***, ***божатица***, ***боженятка***, ***божачка***, ***кока***, крестный отец – ***божат***, ***божатушко***, ***коко*** и др.: *Две девки держали – меж собой были кумушками, а ребёнку – божатки. Хрёсную называли раньше «кока», а хрёсова – «коко»*. Большинство специальных наименований лиц, участвующих в обряде крещения, перечислено в диссертации А.Б. Коконовой [Коконова 2011].

3. Функции *крестных родителей* не ограничиваются собственно крещением: они не только принимают участие в воспитательном процессе в течение жизни своего крестника (*Если родители погибли, хрёстные помогают оставшим детям*), но играют большую роль во время свадьбы: именно *крестные родители* выступают на свадьбе в качестве *посажёных отца и матери*, т.е. вновь замещают настоящих родителей: *Поп венчает, венци накладывает, сбоку стоит божатка у невесты, а жениха – божат, хрёстный стоят. Божатоцька – крестная мать невесты, а жониха – крёстный*.

4. Крестные родители оказываются также ***вторыми родителями***, ***вторым отцом*** и ***второй матерью***, крестница – ***второй дочерью***: ***Вторые родители*** назывались ***божацька*** и ***крёстный***. *Кум да кума – как втора мать, хрёстна да хрёстной будут ичытаця. Она ведь хрестница, вторая доць*. Крестные мать и отец также ***наречённые***, или ***названные родители***: *Божатка – в семье говорят, а теперь – наречённые родители. У меня мама, у меня названная мама, божатоцька, они кумы*. Интересно, что ***богоданными родителями*** называют не крестных, а родителей по браку: свекра и свекровь.

В функции номинации крестных родителей часто выступают словосочетания, в которых в качестве адъектива используются прилагательные *крёстный* и *крестовой*, а в качестве ведущего существительного – слова со значением «мать»: ***крестовая (крёстная) мать (мама, мати, матерь, матенка, матушка)*** и соответственно ***крестовой (крёстной)***

отец. Словосочетания с компонентом *крёстный, крестовый* не используются в обращении, а только в номинации. Однако и в обращении, и в номинации эти лексемы постоянно употребляются в качестве субстантиватов (*Здесь дядя жил и хрёстна моя*). Как самостоятельная однословная единица используется и второй член словосочетания, выступая уже без сопровождения адъективом. *Крестная мать – матушка, мамка, мама: Кто у тебя матушкой был? Кто звал матушкой, кто мамкой – это крёстна.*

Для обозначения духовного родства также могли использоваться другие ТР – *батя, батька, батюшка, батяточка* и др.: **Батька** *гостинец послала: две конфетины. А «батька» ши повадятся звать, а нать – «божатка», а нонь «хрёстна» нать звать. Батюшка родимая стала умирать.*

5. В качестве *крестных матерей* особенно часто выступали *тетки* – обычно младшие сестры матери или отца – или старшие *сестры*: *Она мне сестра родна, дак и хрёстна мати. А мне была тётка божатка моя.* Смешение функций провоцирует взаимозамену терминов: **Божатка** – *отцу сестра моему, Усьтинья, я так и звала йе – божатка.* При этом сестра отца в данном случае не была племяннице крестной матерью. Появляются и совсем новые значения: *Божатка – кто в сельсовете, кто записывает.*

6. Экстраполяция, характерная, как правило, для терминов кровного родства, встречается и среди терминов духовного родства. Имеются присловья, в которых птица ворона оказывается *кумой*, а галка – *крестницей*: *Ага, ворона кума. Ворона – кума, галка – хрестница, с тобой ровесница.* Разные части растущего гороха – цветок, стручок, стебель – называются *кумка, кумочка, кумушка, кума: Кумки – цветок гороха. Такие зелёны кумоцьки. Кумушки у гороху.* С.А. Мызников считает слова **кумушка, кумка** прибалтийско-финскими заимствованиями [Мызников 2004: 151; 2003: 119]. Круговорот в реке называется *кумова вода: Круговорот зовут, кругом вода ходит, кумова вода.* Е.Л. Березович приводит богатый материал на «кумление», проявляющийся в лексике речного ландшафта. Лексемы с корнем *кум-* означают ‘место встречи течений’, ‘обратное течение реки у берега; водоворот в реке, озере, море’ [Березович 2010: 52]. Даже если изначально лексема этимологически могла быть связана с тюркск. *кум* - ‘песок’, то впоследствии ее значение было переосмыслено с т. зр. терминов родства. «Уходят» термины духовного родства и в междометия: *Ой, судари-божатка, што зделалось! Ой-ой-ой, судари-божатка!*

Л и т е р а т у р а

- Березович 2010 – *Березович Е.Л. В кустах ручей целуется с рекою...* («семейные» образы в лексике речного ландшафта) // Слова. Концепты. Мифы (Лексикология, этимология, диалектология). М., 2010. С. 47-58.
- Википедия. Термины родства. <http://ru.wikipedia.org/>
- Качинская 2011 – *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира. Дис... канд. филол. наук. М., МГУ, 2011.
<http://www.philol.msu.ru/~ruslang/pdfs/kachinskaya.i.b/kaczinska-dis.pdf>
- Коконова 2011 – *Рождение и смерть* в пространстве диалекта. Дисс. ... канд. филол. наук. М., МГУ, 2011.
- Мызников 2003 – *Мызников С.А.* Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров северо-запада. СПб., 2003.
- Мызников 2004 – *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах северо-запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Д. Керкез (Белград)

Функционально-семантическая категория ожиданности/неожиданности и модальность (на материале русского и сербского языков)

В настоящей работе автором предпринимается очередная попытка [см. Керкез 2010, 2011, 2012] отстоять выдвинутые им аргументы в пользу существования *ожиданности/неожиданности* как самостоятельной функционально-семантической категории (ФСК) в системе других, лингвистической теорией уже утвержденных, категорий.

ФСК *ожиданности/неожиданности* представляет собой категорию характеристики говорящим передаваемой информации с точки зрения ее соответствия картине мира говорящего [Храковский 2007: 628] и состоит из двух граммем:

а) *ожиданности* – передаваемая информация характеризуется как соответствующая картине мира говорящего;

б) *неожиданности* – передаваемая информация характеризуется как не соответствующая картине мира говорящего.

Можно дать следующее толкование инвариантного значения ФСК *ожиданности/неожиданности* :

а) 'X считает, что если есть А, то есть Б. Есть А есть, есть Б' (*ожиданность*)

1а. рус.: Как мы и думали, они приехали вовремя.

1б. срп. Као и што смо очекивали, стигли су тачно на време.

б) 'X считает, что если есть А, то есть Б. Есть А, есть не-Б' (*неожиданность*)

2а. рус.: *И возглавить его может отнюдь не либерал, как это уже было в 1998 году, когда вместо Сергея Кириенко кресло премьера занял Евгений Примаков.* 2б. срп.: " А где си ти до сад? " Душан, као да не чује питање, уместо одговора загрме.

Здесь сразу может возникнуть несколько вопросов.

Во-первых, если ФСК *ожиданности/неожиданности* является категорией характеристики говорящим передаваемой им информации, то сразу приходит мысль, что любая единица, вербализующая одну из названных выше граммем, является субъективно-модально маркированной. Если то так, то оправдано ли рассматривать данную категорию как самостоятельную или речь идет лишь о субкатегориальном значении категории эпистемической модальности, характеризующей передаваемую говорящим информацию с точки зрения ее достоверности.

Во-вторых, какая связь существует между интересующей нас категорией и эвиденциальностью, которая выражает источник сведений говорящего о ситуации.

В-третьих, насколько между собой связаны значение *ожиданности/неожиданности* и инференциальное значение.

В данной работе автор попытается ответить на все здесь выдвинутые им вопросы и показать, что *ожиданность/неожиданность* могут пересекаться с другими названными семантическими признаками, но что нельзя говорить о иерархии значений в рамках одной категории (*эпистемической модальности*), а о разных семантических признаках.

Л и т е р а т у р а

- Керкез Д.* Неожиданность и отрицание (на материале русского и сербского языков) // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике. Доклады и сообщения. Велико-Трново, 2010. – 254-257.
- Керкез Д.* Уступительные конструкции как средство выражения неожиданности (на материале русского и сербского языков) // Русское слово на Балканах. Шумен, 2011. – 85 – 89.
- Керкез Д.* Предложно-падежные конструкции, выражающие неожиданность в русском языке (в сравнении с сербским языком) // Русистика: язык, культура, перевод. София, 2012. – 88-93.
- Керкез Д.* Прилози *неожидано/неочекивано, внезапно/изненада* као средство изражавања неочекиваности // Славистика. Књига XVI, Београд, 2012. – 160-167.
- Керкез Д.* Претеритална времена и неочекиваност у српском језику (у поређењу са руским). Међународни научни скуп „Српско језичко наслеђе на простору данашње Црне Горе и српски језик данас” Херцег Нови, 20-23. април 2012 (у штампи).
- Храковский В. С.* Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб, 2007.– 600 -632.

А.А. Кибрик,
Е.В. Сидорова (Москва)

Откуда есть пошло субъектное местоимение на Руси?

*Данное исследование выполнено частично при поддержке гранта
РГНФ №11-04-00153.*

1. Введение. В консервативных индоевропейских языках, включая старославянский и древнерусский, субъектная референция осуществляется при помощи личных показателей в глаголе, независимо от наличия или отсутствия субъектной именной группы, например: *коупиль еси робоу в плъскове* 'ты купил рабыню во Пскове' (новгородская грамота № 109, начало XII в.). Этот тип субъектной референции является наиболее частотным в языках мира [Druyer 2011]. В современных языках Европы дело обстоит по-разному. Западно- и южно-славянские языки, а также многие романские языки сохранили консервативный тип. Германские языки перешли к использованию субъектных местоимений; при этом в некоторых из них старые личные показатели сохранились, потеряв референциальную функцию, а в других исчезли. Наиболее сложная система сложилась в восточнославянских языках. Так, в русском языке словоизменительные показатели в глаголе продолжают сохранять референциальный потенциал, но тем не менее примерно в 2/3 случаев дополнительно используются субъектные местоимения. Генезис этой необычной системы представляет большой интерес. Мы рассмотрим два различных, хотя и в принципе совместимых, типа факторов, которые могли привести к формированию современной русской системы субъектной референции – внутренние и внешние (контактные).

2. Внутренние факторы. Экспансия местоимений в истории русского языка обычно связывается с другим диахроническим процессом – падением связок в именных и перфектных клаузах и, соответственно, исчезновением старой системы маркирования лица субъекта в этих типах клауз. Направление связи между этими двумя процессами предлагалось разное: 1) экспансия местоимений привела к падению личных связок [Борковский и Кузнецов 1963/2006: 324, Зализняк 1995: 153]; 2) наоборот, падение связок привело к экспансии местоимений [Jakobson 1935/1971, Kibrik 2011]. В данном докладе проясняются детали процесса экспансии местоимений в истории русского языка, в частности, вопрос об относительной хронологии экспансии местоимений в презентных и претеритных клаузах. Анализ проведен на материале памятников XI–XVII веков – произведений бытового, делового и книжного стиля по различным регионам (Полоцк, Новгород, Псков, Тверь, Москва, Западная Украина).

Анализ данных (42 памятника, около 2000 релевантных клауз) показывает, что первые примеры субъектных местоимений появляются уже в XI–XII вв. Затем на протяжении XIII–XVI вв. идет постоянный рост числа субъектных местоимений, причем презентные клаузы существенно опережают в этом процессе претеритные, см. Рис. 1. В XVII в. претеритные клаузы с местоимениями обгоняют презентные, и эта ситуация сохраняется и в современном русском языке. Наиболее надежно этот процесс прослеживается на памятниках бытового стиля – берестяных грамотах и разговорниках.

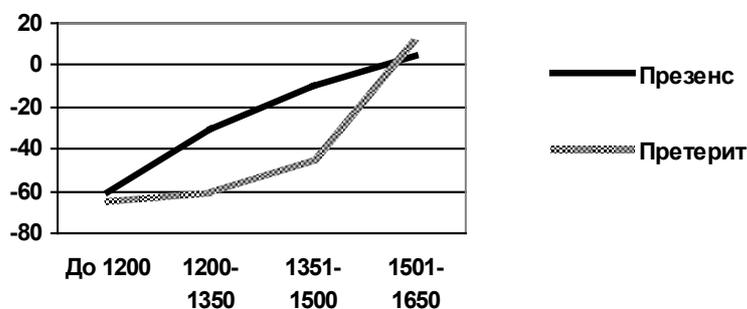

Рис. 1. Разность (в процентах от общего количества) между числом клауз типа «я даю», «я даль» и «даю», «есмь даль» (на материале памятников бытового стиля)

3. Внешние факторы. Референциальные системы, в которых используется более одного способа маркирования лица субъекта (одновременно в местоимении и в глаголе) чрезвычайно редки в языках мира. То факт, что такая система присутствует в немецком языке и в географически близких восточнославянских языках, вызывает неизбежное предположение о возможном контакте. Один из возможных локусов такого контакта – ганзейская торговля с русскими в области таких городов, как Новгород, Псков, Рига, Полоцк и др. начиная с XIII в., см. [Сквайрс, Фердинанд 2002]. Возможны разные социолингвистические сценарии немецко-русского языкового контакта, который мог привести к заимствованию немецкой модели использования субъектных местоимений – через двуязычие немцев Новгорода и через двуязычие русских в Риге. Косвенно предположение о немецком «следе» в русской референциальной системе подтверждается тем, что экспансия местоимений происходила быстрее в более западных регионах, см. Рис. 2.

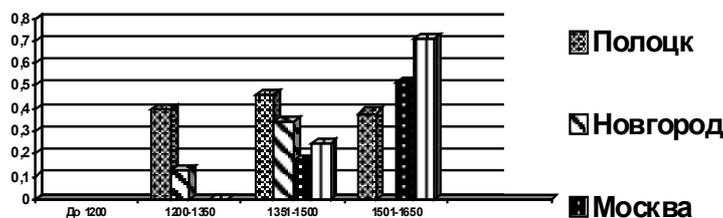

Рис. 2. Относительная скорость экспансии топонимий в различных регионах (на материале памятников делового стиля)

Литература

- Борковский В. И., Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: УРСС, 2006 (1963).
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. – М.: ЯРЛ, 1995.
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. – М.: Индрик, 2002.
- Dryer M.* Expression of Pronominal Subjects // World Atlas of Language Structures. The Interactive Reference Tool, 2011.
- Jakobson R.* Les enclitiques slaves // Roman Jakobson, Selected Writings, Vol. II, 16–22. – The Hague: Mouton, 1971 (1935).
- Kibrik, A.A.* Reference in discourse. – Oxford: Oxford University Press, 2011.

Е. Ф. Киров (Москва)

Преобразование славянской азбуки в эпоху Кирилла

Во второй половине IX века н. э. (в 863 году) Константин Философ усовершенствовал и приспособил ряд букв греческой азбуки для передачи славянских звуков, а также видоизменил ряд букв древнейшей глаголицы, создав таким образом альтернативное к глаголице письмо, и на славянских землях эти две азбуки некоторое время сосуществовали. Подчеркнем еще раз, что Константин не изобрел принципиально новую азбуку в строгом смысле этого слова, он взял за основу две уже существующие азбуки и синтезировал их, т. е. он синтезировал глаголицу и греческое полууставное письмо и разработал азбуку, хорошо передающую славянские звуки. Другими словами, Константин только лишь использовал частично древнейшую глаголицу и греческий полуустав, изменив часть глаголических букв на греческий лад и введя часть греческих букв взамен глаголических, приспособив полученную азбуку для передачи славянских звуков. Это была азбука для миссионерских целей христианизации славянских язычников, уже много веков пользовавшихся глаголицей в практике письма. Был, однако, период, когда обе азбуки сосуществуют и обе используются для переписывания богослужебных

книг, но близость кириллицы к греческим первоисточникам приводит к постепенному распространению кириллицы и вытеснению ею древнейшей глаголицы.

Доказательством этому служит надпись на камне церкви болгарского царя Симеона (около 893 г.), ритуальная часть которой сделана на глаголице как на более древней письменности, а надпись «церковь святого Иоанна делан(а) Паухом Христофулазом», как более современная, сделана на кириллице. Еще один аргумент в пользу существования до кириллицы другого славянского письма приводит В. А. Истрин. Так, он пишет: «О существовании у славян протокирилловского письма свидетельствует и тот чрезвычайно малый срок, который понадобился Константину, согласно его «Житию», для разработки упорядоченной славянской азбуки. Такой короткий срок был возможен лишь при условии, что у Кирилла имелись какие-то исходные материалы» (Истрин, 1988. С. 105). Таким докирилловским славянским письмом была глаголица, что представляется нам более чем вероятным, и еще одним доказательством этому являются так называемые палимпсесты, т. е. кириллические написания по смытому глаголическому тексту (понятно, какой текст является более древним).

Имеется и ряд других косвенных свидетельств принятой в этой статье теории. В Новгороде Великом можно на стенах Софийского собора обнаружить глаголические буквы — именно на древнейшей части собора. Это доказывает, что кириллица не создавалась как оригинальная азбука «с нуля», а речь может идти о переделке и приспособлении как глаголических, так и греческих полууставных букв для славянской звучащей речи, хотя «чистая» глаголица также использовалась для написания христианских текстов переводного характера на первом этапе принятия христианства. Тем не менее, тень языческого прошлого лежала на глаголице, поэтому в конкурентной борьбе двух азбук победа осталась за новоприобретенной кириллицей, созданной специально для переписывания переведенных с греческого языка богослужебных книг. Аксиоматично, что скорость распространения христианства на Руси была прямо пропорциональна скорости переписывания христианских книг, и в этом кириллица очень значительно превосходила глаголицу, что и предопределило победу в этой борьбе.

Л и т е р а т у р а

Гошев И. С какво писмо са били написани две те книги, които създателят на славянското писмо намерил в Херсон // Език и литература. Т. 13, № 4. – София, 1962.

Истрин В.А. 110 лет славянской азбуки; Изд-е 2-ое, перераб. доп. – М.: Наука, 1988. – 193 с.

Киров Е.Ф. Графика русского языка до и после Кирилла // http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_160

Черных П.Я. Происхождение русского литературного языка и письма. – М., 1950.

Семантическое поле „род” в болгарском языке и культуре

Родство является теоретической проблемой исключительной важности не только в антропологии, но и в ряде других гуманитарных дисциплин, таких как этнология, культурология, этнолингвистика, социология. Категория родство может изучаться в разных аспектах – генетики, этнографии, фольклора, этнолингвистики, культурологии и т.п. В настоящем исследовании мы обратим внимание главным образом на этнолингвистические аспекты проблемы. По мнению С. М. Толстой, «языковые данные в изучении родства, как известно, имеют первостепенное значение» [Толстая 2009: 9] Она рассматривает институт родства в нескольких планах. Первый и основной план – вся лексика и фразеология, относящаяся к родству: термины, структуры, связи и их иерархия. Второй план – фольклорные формы (мотивы и сюжеты, связанные с родством), и третий план – ритуальные формы (обряды установления родственных отношений, их типология и функции).

Болгарская система терминов родства является частью древней общеславянской терминологии. Для этнолингвистики особое значение имеет не только терминология, отражающая номенклатуру родственных отношений, но и вся лексика, связанная с самим родством как концептом и семантической категорией. Слово род (*rod-), характерна для всех славянских языков. Трубачев указывает, что она этимологически связана с семантикой глаголов *расти*, *вырастить*, *проращать* > *рождать*с [Трубачев, О. Н., 2006, 150-153].

Понятие **род** рассматривается в разных аспектах. Это ключевое понятие не только болгарской, но и славянской культуры в целом.

В нашей работе **род** будет рассмотрено как **семантическое поле**, как структура, в которую входят понятия, которые являются ключевыми для болгарской культуры и определяют пространство каждого индивида – *произход* (происхождение), *родители* (родители), *родство* (родство), *роднина* (родственник), *Родина* (Родина). Термин **семантическое поле** используется в соответствии с определением Апресяна как совокупность лексических единиц, объединенных общим значением и раскрывающих понятийное или функциональное сходство [Апресян, Ю., 1974]. Семантическое поле **род** в болгарском языке и культуре имеет мифологическое, понятийное и семантическое значение.

В последнее время наблюдается тенденция рассматривать лексику в ее системности. Эти системные отношения важны как при диахрониче-

ском, так и при синхроническом анализе. Они могут рассматриваться на материале одного языка, нескольких языков или на базе разных диалектов одного языка. Лексические единицы с разной степенью семантической близости образуют семантическое поле. Создание термина **семантическое поле** связано с возрождением учения В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Рассмотрение лексики как системы с ядром, приядерной зоной и периферией, особенно в диахроническом анализе, дает возможность проследить динамику значений и их перемещений во времени. В последние годы XX в. и сейчас больше всего внимания обращается на изучение лексики в когнитивном и лингвокультурологическом аспекте, в рамках антропологической парадигмы. Растущий интерес к этнолингвистике или антропологической лингвистике связан с исследованиями наивной и языковой картин мира через призму концептологии. Конечно, это направление не отвергает системно-структурные и сопоставительно-исторические исследования языка. Оно только продолжает их традиции. В последнее время даже этимологи начинают обращаться к определенным фрагментам языковой картины мира.

Объектом исследования является семантическое поле **род**, а предметом – термины родства, репрезентативные для этого семантического поля.

Под **концептом** в настоящей работе мы понимаем „многомерное образование, включающее в себя не только понятийно-дефиниционные, но и коннотативные, образные, оценочное, ассоциативные характеристики, которые должны быть учтены, при описании концепта” [Маслова, В. А, 2006:59]. Под **ключевым понятием** мы понимаем важный и специфичный ключ, помогающий в понимании культуры [Зализняк, А., Левонтина И., Шмелев, А., 2005: 17]. Следовательно, термин **ключевой** означает – культурно-значимый, устойчивый и, в данном случае, служащий для понимания менталитета народа.

Ключевая ситуация – это обобщенное значение паремии, отражающее устойчивые традиционные схемы поведения, связанные с определенным ключевым понятием. Например, *Роднота страна е майка, а чуждата – мащеха*. Ключевая ситуация в данном случае следующая: ‘в родной стране хорошо, а в чужой – плохо’. В других исследованиях употребляется термин когнитивного значения.

Л и т е р а т у р а

- Апресян Ю. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – Москва, 1974.
Зализняк, А., Левонтина И., Шмелев, А. Ключевые идеи русской языковой картины мира, М., 2005.
Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – Москва, 2006.
Толстая С.М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре / Под ред. С.М. Толстой. –М.: Изд. Индрик, 2009. – С. 310.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М., 2006.

Е.Н. Ковтун (Москва)

Рациональная фантастика рубежа тысячелетий: российский и зарубежный опыт

Большинство классификаций фантастической литературы XX–XXI вв. различают два основных ее типа: т. н. научную фантастику (science fiction) и фэнтези (fantasy). Основное их отличие состоит в специфике фантастической гипотезы (посылки). В НФ посылка основывается на современной автору научной картине мира и фантастическое (необычайное) имеет вид «потенциально возможного»: открытия, изобретения, социального прогноза. Посылка же фэнтези носит сверхъестественный характер и чаще всего не мотивируется в тексте, отсылая читателя к представлениям о чудесном, свойственным культуре как прошлого, так и современности.

В фантастической литературе России и восточноевропейских стран в последние два десятилетия доминирующим типом фантастики стала фэнтези. Это связано с преобладанием на предыдущем этапе (вторая половина XX в.) фантастики научной, которая рассматривалась официальной идеологией социалистической эры как важное средство воспитания подрастающего поколения. Материалистическая доктрина, поддерживаемая властями, практически исключила из послевоенной восточноевропейской фантастики сюжеты фэнтези, которые, если и появлялись на страницах книг, вынуждены были маскироваться под ироническую («Понедельник начинается в субботу» А. и Б. Стругацких, «Яйцо наизнанку» О. Неффа) и «метафорическую» («Барьер» П. Вежинова, «Маска» С. Лема, «Альтист Данилов» В. Орлова) научную фантастику – или числиться по ведомству литературной сказки для взрослых («Обыкновенное чудо», «Дракон» Е. Шварца) и детей (цикл А. Волкова об Изумрудном городе, «Шел по городу волшебник» Ю. Томина), притчи («Кролики и удавы» Ф. Искандера), мифологического романа («Белка» А. Кима) и т.п. Поддерживал интерес к НФ и высокий престиж научного знания в эпоху первых искусственных спутников Земли и покoreния атома.

К концу периода социализма в советской и родственных ей славянских фантастических традициях стал все более осязатим «кризис перепроизводства» научно-фантастических текстов. После «оттепельного» взлета 1960-х гг. НФ все чаще подвергалась критике за низкий художественный уровень, обилие штампов, однотипность сюжетов. В последние десятилетия социалистической культуры на первый план выдвину-

лась «мягкая» (гуманитарная) НФ, раскрывающая социальные, философские, психологические проблемы и практически отказавшаяся от привязки посылки к существующим научным теориям (поздние А. и Б. Стругацкие, О. Ларионова, В. Рыбаков и др.).

В первой половине 1990-х гг. научно-фантастические (в том числе и социально-философские) произведения оказались почти мгновенно вытеснены с прилавков как переводами западной фантастики, ранее не в полной мере доступной восточноевропейскому читателю, так и вновь сформировавшейся собственной традицией фэнтези (А. Сапковский, Г. Л. Олди, Ник Перумов). Немногие образцы научной фантастики эволюционировали в сторону приключенческих схем («Мост Верразано» А. Мирера) и «романов-катастроф» («Метро 2033» Д. Глуховского). В конце прошлого века стало всерьез казаться, что восточноевропейская НФ вот-вот исчезнет с литературной сцены.

Ныне, полтора десятилетия спустя, ситуация уже не выглядит столь критичной. Напротив, все заметнее становится неизбежная «усталость» читателя от фэнтези, тиражируемой главным образом в единственной героико-эпической версии. Авторы ищут новизны – и нередко возвращаются к сюжетам и проблемам НФ.

В докладе предполагается сопоставить русскоязычные научно-фантастические тексты последних лет с их зарубежными аналогами, созданными в ином историко-культурном контексте: в Западной Европе и Америке *science fiction* и *fantasy* на протяжении XX в. существуют параллельно и, за редкими исключениями, не теснят и не затмевают друг друга.

Аналізу будут подвергнуты «культовые» для современной молодежной аудитории тексты 1990–2000-х гг., относящиеся к «твердой» («научно-технической») англо-американской *science fiction* и позволяющие обозначить ряд характерных черт современного облика этой разновидности фантастики: «Гиперион» Д. Симмонса, «Алмазный век» Н. Стивенсона, «Пламя над бездной» и «Конец радуг» В. Винджа, «Ложная слепота» П. Уоттса. Поиск сходств и отличий от западного канона будет вестись на примере романов «Армагед-дом» и «Пандем» М. и С. Дяченко, «Я, Хобо: Времена смерти» С. Жарковского, «Живущий» А. Старобинец и некоторых других.

Мы покажем, что приоритетной темой в новейшей НФ является будущее, представленное двумя временными отрезками: «ближнее» и «дальнее». В первом случае сюжет чаще разворачивается на Земле или в пределах Солнечной системы (П. Уоттс, М. и С. Дяченко), во втором – на просторах Галактики или в масштабах вселенной (Д. Симмонс, С. Жарковский). В ближнем будущем фиксируется прежде всего скачок в развитии информационных технологий, появление искусственного

интеллекта или гибридных электронно-биологических симбионтов (В. Виндж, А. Старобинец). В дальнем будущем логическим завершением эволюции как машинной, так и человеческой цивилизаций становится «сверх-разум», нередко несущий угрозу всей космической ойкумене («Гиперион», «Пламя над бездной»). Интересное ответвление данной темы представлено в романе «Пандем», где подобный персонаж изображен в «земной», психологически близкой человеку ипостаси.

В докладе будет охарактеризован круг проблем, поднимаемых избранными авторами с помощью вымышленных моделей мира будущего, показаны варианты социальных, психологических, «онтологических» конфликтов, возникающих при соприкосновении человечества с иными разумными расами. Отдельное внимание будет уделено художественным принципам воплощения фантастических гипотез, анализу индивидуальных особенностей «поэтики необычайного», характерных для каждого из писателей.

Р.М. Козлова (Гомель)

К генезису имён русско-византийских посольств (Ингелдь, Игельдь)

Перед нами два имени, несомненно, родственные, двух хронологически разных русских посольств в Византию (911 и 944 гг.), двух разных великих князей – Олга (Олега) и Игоря. Имя члена посольства 911 г. князя Олега имеет исторические варианты: в «Начале летописи по Эрмитажному списку» имя представлено в форме *Ингелдь*: «...мы отъ рода руска, Карль, *Ингелдь*, Фарловъ...» [ПСРЛ XXV, 344]. В «Повести временных лет» – *Инегелдь*: «... мы отъ рода рускаго, Карлы, *Инегелдь*, Фарлоф...» [ПВЛ, ч.1: 25-26]. И в одном и в другом памятнике имя следует вторым по списку, что подчеркивает высокий ранг посла. Лингвистически закономерным является вариант *Ингелдь* из первоначального для него *Иньгелдь*, который отражает смягчение перед последующим слогом *-гелдь*. В обоих вариантах вычленяется компонент *Ин-* (*Ине-*), который правомерно квалифицировать как местоимение *инь* < **ънь*.

Игельдь – имя другого из послов великого князя Игоря 944 г., представлявший, как свидетельствует текст договора, купеческое сословие Древней Руси. Ср. «...купецъ Адунъ, Адулбъ, *Игельдь*...» [ПВЛ, ч.1: 34-35]. Учет в славянском словообразовании такого строительного элемента как префикс *и-(*ъ-)*, исследованный акад. О. Н. Трубачевым [3: 17-20], позволяет в имени *Игельдь* вычленить именно *И-* в качестве префикса. Общим для этих имен является второй компонент *-гелдь/-*

гельдь. Таким образом, перед нами – имена-композицы, объединяющиеся вторым компонентом.

Корневая морфема *-гельд-* возводится нами к *-гелд-* и квалифицируется как одна из вокалических реализаций праслав. **gьld-* < **glod-*. Этот тип вокалической реализации *ьl < lo* сохранился во множестве фактов: ст.-бел. *Кгелда: Стенукъ Кгелда*, укр. закарп. *Gewde*, в котором отражается обычный для восточных славян переход *л* в билабиальный *w*, польск. *Gielda* и др.

Обнаруживается он и в иных классах онимов. Ср. русск. *Гельд* в Лодейнопольском у. Олонецкой губ., бел. *Гѣлда* в Барановичском районе Брестской обл., *Gielda* в Жешувском воев. [SpisPRL: 284], *Гелды* в Потумшевской волости Жемойтской земли – населенные пункты и др. Вокализм *e* в названном материале – это одна из разновидностей исходного *ьl < lo* этимологического гнезда **Gьld-*, пропущенного в “Этимологическом словаре славянских языков. Праславянский лексический фонд”.

Основа **Gьld-* реализовалась в *Голд-, Гьлд-, Галд-, Гулд-* [о диапазоне вокализации основ типа **ьlt-, *ьrt-* см. 1: 15-30], что существенным образом позволяет увеличить число продолжений исходных **Gьldь м., *Gьlda ж.* < **Glod-*: *Гѣлда*, словен. *Galda*, польск. *Galda, Golda, Hulda*, ст.-русс. *Галда* – река за Онегом в пределах Водлозерского погоста, русск. *Галдозеро* – озеро, *Галдозеро* – поселение в Олонецком у., *Паголда* в Тихвинском у. Новгородской губ., укр. *Говда* – название 4-х гор в Карпатах, *Говди* – название 2-х возвышенностей в Ивано-Франковской обл., польск. *Holda* – приток Каменца в бассейне Вислы, *Holda* (вариант *Golda*) – л. п. Косодки в бассейне Бебры, *Golda* – струга на правом берегу Косодки, *Haudy* – озеро в бассейне Вислы, *Goldapa* – река, *Goldap* – озеро, *Goldap* – поселение в Сувалкском пов., литуанизированные с помощью апеллятива *ap* ‘вода’, *Glda* (вариант *Gwda*) – п.п. *Noteci* в бассейне Одры, *Golddorf, Goldfeld* – поселения в Познанском воев., с явными следами германизации путём присоединения апеллятивов *Dorf* ‘деревня’, *Feld* ‘поле’ и др.

Таким образом, др.-русс. *Игельдь* < **Игелдь* на основе реальных языковых фактов следует возвести к **ь-gьldь* и включить в деривационно развернутое гнездо **Gьld-*. Дальнейшие следы антропонима **ь-gьldь* обнаруживаются в русск. *Иголдино* – населённый пункт в Гдовском у. Санкт-Петербургской губ. < **ь-gьldинь(-а,-о)*, семантически ‘поселение **ь-gьlda*’, которое может восприниматься как родовое для исследуемого имени.

Представленного материала достаточно, чтобы читатель сроднился не только с именем указанного исторического лица, но чтобы перед ним

в полной мере предстала земля, сохранившая многовековые и многотысячелетние древности.

В связи с **Jьgьlda*, **Jьgьldinъ(-a,-o)* следует рассматривать широко известные на русской земле континуанты деривата **Gьldinъ(-a,-o)*: *Голдин*, *Голдино* в Гдовском у. Санкт-Петербургской губ., *Голдино* в Чухломском у. Костромской, *Голдин* в Царицынском у. Саратовской, *Голдин* в Михайловском у. Рязанской губерний, *Голдин* в Донском округе Земли Войска Донского и др. – населённые пункты, *Голдин*, *Голдинской* на правом берегу Упы в верховье Оки, *Голдинка* в бассейне Прони на правом берегу средней Оки. Названные гидронимы акад. В. Н. Топоров, не соотнеся с представленными нами фактами, исчислял из исходного **golędъ* [2: 21], что невозможно ни в фонетическом, ни в словообразовательном аспектах.

Славянскость предлагаемой нами этимологии имени *Игельдь* < **Jьgьldъ* поддерживается апеллятивным материалом, который следует возвести к архетипам **gьldъ* м., **gьlda* ж. Имеются в виду бел. диал. *гэлда* 'неурожайная почва', *гьлды* мн. 'потравленные скотом или полёгшие после дождя посевы', *гьлда* 'шишка, гуз', 'вид причёски', *гьлда* 'высокая женщина', 'худая высокая женщина', русск. брян. *гьлда* 'неуклюжая, полная, неповоротливая женщина', укр. диал. *гэлда* 'неповоротливый человек', *гьлда* 'высокая неуклюжая женщина', *гьвда* 'неуклюжий ленивый конь', *говда* 'голова', отнесённые к неясным (ЕСУМ 1: 541), *гьвда* 'неплодородная земля', *гьвда* 'гора; высокая гора; гора, заросшая лесом только на вершине', 'пустое поле', 'возвышенный луг', польск. *holda* 'отвал, груда породы, выброшенной из шахты' и др. Праслав. **gьldъ* м., **gьlda* ж. правомерно включить в и.-е. **gel-* 'округлый; глыба, шар', квалифицируя с точки зрения их структуры как производные с детерминативом *-d-*.

В докладе все лексикографические и ономастические факты паспортизированы.

Л и т е р а т у р а

1. Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. – Гомель, 1977. – 412 с.
2. Топоров В. Н. Древняя Москва в балтийской перспективе // Балто-славянские исследования. 1981. – М.: Наука, 1982. – С. 3-60.
3. Трубачев О. Н. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // Этимология. 1970. М.: Наука, 1972. – С. 3-20.

Кр. Колева,
Д-Д. Атанасова (Шумен)

Нови употреби на възвратни глаголи в съвременния български книжовен език – тенденция или ненормативност

Изследването е направено на базата на лично събиран емпиричен материал, регистриращ нови употреби на често срещани възвратни глаголни лексеми в различните функционални стилове на книжовния български език. Периодът се характеризира с изключителна динамика на процесите в езика не само защото на границата на две столетия те се ускоряват. За българския език това се отнася в още по-голяма степен, тъй като обществената среда, в която той функционира, се променя рязко. Преходът от тоталитарна към демократична система има специфично вербализиране, което започва от политическото говорене, намира благоприятна среда в медиите, повлиява езика на улицата, смесва се със сленга на различни социални и възрастови групи и „се отваря“ за влияние отвън в синхрон с европеизацията и глобализацията на процесите в обществото. Рефлексивните глаголи не са случаен обект за наблюдение. Специфичната им конотация очевидно генерира иновативните значения, като същевременно е благоприятна почва за изразяване на повече рефлексии спрямо обществените промени, отколкото са описани. Доколко обаче те са разбираеми за носителите на езика и подлежат на кодифициране или остават в зоната на субстандарт, където кореспондират с колквализацията в езика на информационното общество, е въпрос, който се разглежда тук в по-широк план. Смятаме, че адекватното му решение е в парадигмата на културната антропология, а допълнителен инструментариум предоставят социолингвистиката, езиковата контактология, езиковата мода и екологията на езика. В анализа прилагаме концепцията на К. Гутшмит за езиковата тенденция. Критерий за нормативност е официалната лексикографска практика. Екскерпирани са кодификационните и тълковните речници, а за тестването на тенденция се опираме на ресурси от средата на 20 век до наши дни. Модела на анализ по темата представяме чрез най-честотния възвратен глагол и неговите деривати – *случва се / случи се* – ярък пример за лексикализацията на иновация, стимулирана от английския хиперезик (*happen*), която има лавинообразен и агресивен характер и изтласква редица домашни синоними (наред с контекстовите), като *става, извърива се, намира се*, напр.: Симеон Велики териториално разширява обхвата на това, което *се случва* по българските земи; Първите ми стъпки в театъра *се случиха* 70-те години; Ето какво *ще се случи* в нашето предаване от 12 до 3; Промяната в начи-

на на управление *би могла да се случи* само "ако енергията на протестите се трансформира от „Долу!“ в едно добре премислено "За"; Ако бъдат разсекретени офшорните сметки на българските граждани, е интересно какво *ще се случи* в Шумен. Примерите илюстрират как интелектуализацията и глобализацията водят до преосмисляне на стереотипите и налагат нова логика в тълкуването, противоречаща на етимологията, но широката им употреба кара кодификатора да отстъпи и да ги регистрира – отначално с уговорки за стилистичните граници. И ако превръщането на екзотиката в езика в обичайно средство за комуникация е тенденция, редица нови употреби на тези глаголи и производните им не могат да бъдат приети, защото семантиката им не е прозрачна и дори е експесивна, напр.: Духът на разбиране *започва да не може да се случва*; Дискотека *може ли да се случи* в оживените градски части; така *случилото се* коалиционно правителство; условия за *случването* на всички феномени в Егея; шеметно *случване* на политиката. В постготалитарния език се наблюдава засилена некнижовна употреба на езикови факти от всички равнища, което е своеобразно огледало на хаоса в социалната среда и е резултат от занемаряването на езиковата култура. Субстандартът нерядко изтласква нормата. Когато обаче това засегне семантиката, причините трябва да се търсят в дефицитите в обществото, а не в модата в езика и в четвъртата власт.

О.В. Коржовская (Житомир)

Формы выражения авторского сознания в «Хождении игумена Даниила»

Исследования функционирования форм авторского сознания в восточнославянском литературоведении не является магистральной проблемой медиевистики. Однако его парадигматические функции в той или иной степени были объектом исследований в трудах Д. Лихачева, А. Александрова, П. Белоуса, О. Слипушко, Е. Черноиваненка и др.

В мегатексте средневековой литературы паломническая проза, по нашему мнению, является наиболее презентативным материалом для выявления форм авторского сознания, поскольку специфика жанра хождения была обусловлена его «экстремальностью», которая способствовала развитию палитры ситуативно-экспрессивных форм рефлексий окружающего мира. «Хождение» игумена Даниила – как один из самых ранних текстов, с одной стороны, с другой, – как один из преимущественно «экзотичных» тестов древнерусской литературы наиболее ярко презентует обозначенную проблему.

В экспозиции «Хождения» игумен сознательно-коннотативно использует распространенный в средневековых текстах прием самоуни-

чижения, который априори предусматривал авторскую сдержанность в проявлениях собственного «я», что было созвучно европейской средневековой традиции художественного мессианизма в исполнении воли Всевышнего, где автор – это и бог-творец художественного мира, и его демиург, и творческое начало. Такая форма автопрезентации по сути иллюстрировала как и авторское мастерство (владение книжным словом), так и универсум литературного контекста.

Формой авторской индивидуализации в тексте выступает эмоциональная насыщенность образов, например, доброжелательность в эпизоде благословления читателя выполняет конативную функцию. Ассоциативные и семантические словесные поля позволяют реконструировать представление об индивидуально-авторской вербализованной картине мира, которая, в свою очередь, служит формой выражения глубинных смыслов, порождающих полисемантический подтекст, сакральность и таинственность в том числе, характерных художественному сознанию паломника. Формы выражения авторского сознания в «Хождении» на стилевом уровне позволяют обобщить творческо-методологические характеристики художника слова: сдержанность в выражении эмоций, лаконичность высказываний; назидательность, как дидактическую стилевую форму; ориентация на готовое слово, как традиционный литературный этикет. Данииловская стилевая манера тяготеет к информативности и детализации, постулированию собственных философско-мировоззренческих мотто, среди которых вера во всевышнего и божью благодать; возможность созерцания окружающего мира как неперемennого условия собственного развития; осознание Бога как творца всего вечного; принятие несовершенства человека, признания ценности покаяния.

Созданная автором художественная модель ориентального пространства трансформирует увиденное под мировоззренческие (православные, прежде всего) принципы игумена Даниила, поэтической особенностью которых, однако, является неспособность самого автора установить эстетическую дистанцию между собой и Богом, который воспринимает себя исполнителем воли Божьей. Мировоззренческие установки личности писателя, его индивидуальная концепция мира и человека выражаются системой образов-символов (собор как символ мироздания, крест как символ движения к Богу /вертикальное видение/ и Святой земле /горизонтальное видение/). Автор «Хождения» на металингвистическом уровне интерпретирует мотивы: дороги (аллегория жизни, судьбы), святых мест (сакральных центров) единоверцев, «свои земли», времени и пространства путешествия (дифференциация «своего» – знакомого и «чужого» – враждебного, иноверческого). Жизненным подвигом игумена Даниила можно считать не только «покорение

чужого пространства», но и «внедрение в него, последующее за этим отождествление чужой и своей пространственных координат». Паломничество ко Гробу Господнему осмыслено не только как богомолье, но и как гражданский долг, не только как способ искупления, но и способ познания, добывания новых знаний, что в паломнических текстах отвечало духу эпохи [Білоус 1998: 12].

«Хождение игумена Даниила» содержит рецепции хождений Даниила Корсунского, Арсения Селунского, Досифея, Исакия Борискевича, что наследует средневековую традицию метатекстуального (компилятивного) характера текстов. Подобные текстовые реминисценции не расценивались средневековыми писателями как недостаток творческой манеры. Это воспринималось как монументальный способ мышления и выражения авторского стиля, что придавало текстам, тексту «Хождения» игумена Даниила, в том числе, авторитет.

Рассматривая паломничество как сакральную миссию и духовный подвиг, Даниил искренне делиться ценным жизненным и духовным опытом со своими явными и возможными реципиентами. Автор «Хождения» – не только паломник, который отважился на долгий и трудный путь, но и личность, которая избрала главной жизненной целью посильное духовное самосовершенствование и служение Богу и Руси.

Л и т е р а т у р а

1. Білоус П. Українська паломницька проза: історія жанру. – Київ: Наукова думка, 1998. – 128 с.
2. Гуревич А. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
3. Сліпушко О. Софія Київська. Українська література Середньовіччя: Доба Київської Русі (X – XIII століття). – Київ: Аконт, 2002. – 399 с.
4. Черноіваненко Є. Літературний процес в історико-культурному контексті: Розвиток і зміна типів літератури і художньо-літературної свідомості в російській словесності XI – XX століть. – Одеса: Маяк, 1997. – 712 с.
5. Чумакова Т. «Странник я на земле». Человек в поисках рая (по материалам древнерусской книжности) // Образ рая: от мифа к утопии. Вып. 31. – СПб, 2003. – С. 55–60.

*Е. Королёва (Даугавпилс),
Е. Матейкович (Даугавпилс)*

Словообразовательные наречные парадигмы лексем гвалт, *ретунка в говорах староверов Латгалии (к вопросу о польском влиянии)

Русские говоры на территории Латвии находятся в иноязычном окружении. Интересно проследить историю проникновения германизмов с синонимичным значением *Gewalt*, *Rettung* в русские говоры Латгалии. История проникновения их в русские говоры Латгалии связана с влия-

нием польского языка в западных говорах (псковских и латгальских), в данном случае его посреднической ролью. Этот процесс может быть представлен в виде следующих схем. При этом могло происходить параллельное влияние польского языка на белорусский язык и русские говоры Латгалии, и тогда роль второго посредника мог выполнять белорусский язык.

1. нем. *Gewalt, Rettung (retten)* → пол. *gwalt, ratunek (ratować)* → рус. гвалт, ретунка, ратунок (ретовать, ратовать);

2. нем. *Gewalt, Rettung (retten)* → пол. *gwalt, ratunek (ratować)* → бел. гвалт, ратунак (ратаваць) → рус. гвалт, ретунка, ратунок (ретовать, ратовать).

В русском литературном языке *гвалт* имеет значение 'крик, шум, суматоха', **ретунка* отсутствует. Кроме совпадающей по значению с литературным языком лексемы *гвалт*, в говорах староверов Латгалии зафиксированы наречия, соотносительные с падежными и предложно-падежными формами существительного мужского рода и женского рода на *-а*. Падежная и предложно-падежная форма имен существительных исторически привела к появлению определенных словообразовательных моделей, или рамок, или структурных мотиваторов, наделенных не только структурным, формальным, но и определенным словообразовательным значением. Морфологическая мотивированность проявляется в том, что словообразовательное значение соответствует падежному значению. Наибольшее количество словообразовательных типов наблюдается у наречий, соотносительных с винительным падежом с предлогами *в* и *на* и с творительным падежом. Это объясняется разнообразием обстоятельственных значений, выражаемых формами этих падежей.

Словообразовательные модели наречий **S + у** (*гвалту, ретунку*); **в + S + ноль** (*в гвалт*), **на + S + ноль** (*на гвалт*), **S + ом** (*гвалтом*), **S + ой** (*ретункой*), возможно, восходят еще к общеславянскому периоду и действуют параллельно, как в польском языке, так и в русских говорах.

Форма *gwalту!* в польском языке исторически восходит к звательному падежу и выполняет функцию междометия в значении 'караул'! Вокативные междометия составляют большой пласт в русских говорах. Междометная семантика, заключающаяся в выражении чувств, но не назывании их и сочетаемость с глаголами со значением речевых действий, производимых в состоянии аффекта, сохраняется во фразеологизмах с этими наречиями (*кричать гвалту, кричать ретунку*) до сих пор.

Ретунку так же, как и *гвалту*, может быть непосредственным заимствованием из польского языка (параллелизм этих форм, а также связь с междометным возгласом, криком о помощи, сохраняющимся до сих пор в семантике обеих наречных форм, дает для этого полное основание). Тогда следует признать *ретунку* заимствованной из польского языка

формой родительного падежа *ratunki* со значением волеизъявления, выраженного при помощи междометного восклицания типа русского *вина и зрелищ!* Польское *ratunki* и послужило основой формирования словообразовательной парадигмы данного наречия в латгальских говорах староверов. Подобное управление родительным падежом встречается и в наших говорах, но в составе фразеологизма оно уже является грамматически немотивированным: *Она так рятунки кричала, я думала, помрёт!* (Краслава). В псковских говорах: *Пятун кричит рятуну. Я закричала рятунки и побегла.*

Формы *гвалту*, *гвалтом* в значении – ‘насильно’, *на гвалт* – ‘обязательно’, несомненно, следует считать полонизмами, хотя сама лексема *гвалт* является германизмом, а польский язык послужил посредником при заимствовании из немецкого языка. Остальные наречные формы возникли в говорах староверов Латгалии, о чем свидетельствует большое количество образований подобной структуры в других русских говорах (например, в архангельских). Таким образом, на примере лексемы *гвалт* в наших говорах можно видеть разнообразную роль влияния польского языка на русские говоры Латгалии. Эти же наречия в значении ‘громко, изо всех, сил, сильно’ возникли в говорах по моделям субстантивной падежной и предложно-падежной парадигмы.

В русских говорах Латгалии данные диалектные наречия имеют высокую частотность употребления, можно говорить о повсеместном их распространении: они отмечены в Даугавпилском, Краславском, Прейльском и Резекненском районах.

В целом влияние польского языка на русские говоры Латгалии могло осуществляться тремя способами:

1. Полонизмы *gwalту*, *gwaltem*, *на гвалт*, *ratunki* появились непосредственно из польского языка (историческая судьба этого региона была тесно связана с историей Польши). При онаречивании предложно-падежной формы было бы *кричать гвалт*, а не *гвалту*, как чаще всего говорят наши информанты, а наречные формы: *gwaltem* – ‘насильно’, *на гвалт* – ‘обязательно’, не могли бы семантически соотноситься с исходным русским *гвалт* в значении ‘крик, шум, суматоха’, если бы не были связаны с польским языком и были бы мотивированы лексемой *гвалт* в значении ‘шум, суматоха’.

2. *Ratunki* могло быть заимствовано из белорусского языка и белорусских говоров, которые распространены по южной и юго-восточной окраине Латгалии подтверждением этому могло бы служить произношение твердого [r], но в настоящее время в говорах Латгалии в большей степени представлены формы с мягким [r];

3. Часть наречий появилась уже в говорах староверов и должны быть признаны исконными формами. К инновационным явлениям следует

отнести функциональное переосмысление польского вокативно-междометного *гвалту*, польского родительного падежа существительного со значением волеизъявления *ратунку* в наречие, использование *гвалт* в значен. предикативного наречия, появление значения 'очень громко, изо всех сил (о крике, выражающем страх, удивление, призыв на помощь)', 'очень сильно (о страхе)' у наречий *гвалту*, *гвалтом*, *на гвалт*; дериваты *в гвалт*, *на гвалты*, *в ретунушку*, *в ретуночку*, фразеологизмы *кричать гвалт*, *кричать гвалту*, *кричать ретунку*, *кричать ретунок*, *дать гвалту*; введение кванторов в состав фразеологизмов *кричать на весь гвалт*, *во весь гвалт*, *полную ретунку*; использование множественного числа для усиления экспрессии *на гвалты*). Эти наречия отражают инновационные процессы, происходящие в современных русских говорах, а также свидетельствуют о характере адаптации заимствованной лексики в западных говорах.

4. Польское влияние отражается на частотности лексем: в латгальских говорах отмечается большая частотность полонизмов по сравнению с новыми формами: например, вариант *кричать гвалту* является более частотным по сравнению с *кричать гвалт*, непродуктивность наречия *в гвалт*, отсутствующего в польском языке.

Сравнение с другими говорами западной зоны (псковскими и переходными пыталовскими) показывает более сильное влияние польского языка на говоры Латгалии, чем на псковские говоры, что объясняется общей историей в составе одного государства Инфлянты польские.

Б. Косанович (*Нови Сад*)

Тема самозванства у А.С. Пушкина и П.П. Негоша

Этот доклад является частью объемного авторского исследования восприятия творчества Пушкина в Сербии, результатом которой является подготовленная к печати книга «Наш – сербский Пушкин». В методологическом смысле мы продолжаем разработку проблемы *Пушкин и Негош* [см. Косановић 2005: 147-164, с оговоркой о необходимости исследования данной темы]. Исходное положение нашего доклада следующее: хотя Пушкин (1799-1837) и Негош (1813-1851) и были современниками (черногорский поэт в 1833 г. посетил СПб, где был произведен в сан епископа), они при жизни не встречались, у них не было никакой, что называется, прямой коммуникации. Вот почему, воспользовавшись сравнительной методологией, мы постараемся выявить некоторые типологические схождения, генетическое родство двух произведений этих выдающихся национальных писателей, так же как и различия в трактовке темы «ложных царей». Кроме того, в случае Негоша можно говорить о прямом пушкинском влиянии.

Итак, предметом нашего особого внимания будут трагедии: пушкинская «Борис Годунов» (написанная в 1825 г., опубликованная в 1831) и негошевская «Самозванец Степан Малый» (*Лажни цар Шћепан Мали*, написанная в 1847 г., опубликованная впервые в 1850 г.). В обеих нас интересует кардинальная тема узурпаторства власти, так наз. самозванства.

Архетип самозванца-узурпатора трона присутствует во многих произведениях авантюрного (приключенческого) характера, начиная с эпохи Просвещения (XVII, в особенности XVIII век). В этом смысле колоритная фигура московского самозванца Григория Отрепьева, объявившего себя сыном Ивана Грозного и воспользовавшегося помощью польского короля и некоторых казаков, чтобы с 1605 по 1606 г. занять престол в Кремле, привлекла нескольких крупнейших писателей того времени, таких как: Лопе де Вега, Кальдерон, де ла Барка и Ф. Шиллер. Само собой разумеется, этот образ засвидетельствовал свою типологическую повторяемость и в русской литературе – до и после Пушкина. (А. П. Сумароков, В. Т. Нарезный, А. С. Хомяков и А. Н. Островский).

История создания трагедии «Борис Годунов» широко известна. Она писалась в период, когда Пушкин особенно живо интересовался русской историей. Исторический сюжет заимствован у Карамзина, из его «Истории государства Российского», хотя в ней отразилось и знание старинных русских летописей. С художественной точки зрения знаменательно, что именно в середине 20-ых гг. Байрон уже не удовлетворял Пушкина, в то время как он сильно заинтересовался романами Вальтера Скота и – в большей степени пьесами Шекспира.

Трагедия «Борис Годунов» насчитывает 60 действующих лиц различных слоев тогдашнего общества. Вопреки заглавию, можно сказать, что в этой трагедии нет главного героя. Среди действующих лиц выделяются Борис (появляется в шести сценах), самозванец Дмитрий (в восьми сценах), *народ* – как коллективный герой, действующая сила, решающая ход истории, затем летописец Пимен, олицетворяющий народную совесть, Марина Мнишек, властолюбивая невеста Лжедмитрия и др.

Негошевская трагедия «Самозванец Степан Малый» также написана свободным стихом и держится на эксплицитном историческом документализме. (Подзаголовок «Историческое событие XVIII века», указание в предисловии на использованные источники – известия посланников в Венеции и Скадаре, народное предание). Главный герой – истинное историческое лицо, появившееся в Черногории в 1767 г. и ложно представляющееся чудом спасшимся внуком Петра Великого – Петром III. Ему удалось добиться доверия черногорского народа глубоко ве-

рившего в Россию и во все, что с ней связано. Ему удалось пробить на престоле вплоть до 1773 г., когда его обманом лишили жизни турки.

Драма Негоша также насыщена многочисленными лицами (в списке приведены основных 33 героя). Она также в большей степени рассчитана на чтение, чем на сценическое исполнение в узком театральном смысле. По своей структуре эта трагедия состоит из пяти действий, внутри которых содержатся сцены-«явления» (в первом акте – 10, во втором – 11, в третьем – 13, в четвертом – 11, в пятом – 9). Негошу удалось передать общую атмосферу черногорской смуты, как своеобразной «балканской модели мира» [по терминологии Цивьян 1990]. Его самозванец есть своего рода *homo ludens*. Его поступки являются своеобразной художественной игрой, игрой судьбой, хотя и игрой-обманом. Носитель центрального действия, хотя и является мошенником, лжецом, обманщиком, показан неоднозначно. Он, наподобие пушкинского Бориса, в меньшей степени и Лжедмитрия, двойствен. Хорошо играет свою роль, обладает способностями получить доверие народа, объединить поссорившиеся племена, установить законодательную власть и т.п. Поступок карнавализации отразился в изображении черногорского патриархального коллектива (народ, сборище, коло, как «публичное судилище»). Панданом Пимену является игумен Феодосий. Очень характерно, что в завязке нет дифференцированного женского героя! Культурологи справедливо утверждают, что сакрализация царя является некоей доминантой русской государственности [Живов и Успенский 1994]. У Негоша речь идет о десакрализации «детронизованного царя». Первый русский и первый черногорский поэты в своих трагедиях сублимировали свое видение драматических смутных эпох народов, к которым они принадлежали. Эти произведения интересны и с точки зрения поисковых путей к реализму.

Л и т е р а т у р а

Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. – М., 1994.

Косановић Б. Славистичке компаративне теме. – Нови Сад: Old commrese, 2005.

Негош П. Целокупна дела, књ. IV. Шћепан Мали. – Београд: Просвета, 1981.

Пушкин А.С. Сочинения. Т. 2. М.: Госудиздатхудлит, 1955.

Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., Наука, 1990.

А.В. Косивцова (Тюмень)

История формирования категории оценки (на материале частно-деловых писем XVIII века)

Категория оценки в истории русского языка, как и в современном русском языке, является стилистически окрашенной. Своеобразие употребления категории оценки в частно-деловых письмах XVIII в. обуслов-

лено их жанровой спецификой, которая состоит в том, что в тексте совмещаются два типа информации: официальная и неофициальная. Официальная информация содержит предписания заводчика Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1787) приказчикам Нижнетагильской заводской конторы и распоряжения князя Михаила Михайловича Голицына (1731–1804) управляющему пермскими вотчинами Ивану Варокину. Частный характер писем проявляется в выражении индивидуальной воли автора (все письма подписаны одним лицом), в обращении к адресату на "ты" (в письмах М.М. Голицына).

Объектом как положительной, так и отрицательной оценки в письмах обоих авторов являются качество изготовленной продукции, поведение мастеровых и работных людей и их отношение к труду, своевременное выполнение приказчиками повелений заводчиков. Оценка либо заложена в лексическом значении слова, либо выражена словообразующими и формообразующими средствами языка [Косивцова 2012: 164–171].

Для частно-делового письма XVIII в. в большей степени характерна экспликация категории оценки самой семантикой слова (формальные средства языка – суффиксы и приставки – редко служат для выражения оценки). Восприятие лексической единицы как оценочной или, наоборот, как единицы, не содержащей в своем значении оценки, обусловлено таким экстралингвистическим фактором, как категория темпоральности: время написания письма (XVIII век) и время прочтения этого письма современным человеком (XXI век) разное. Следовательно, характер оценки – стилистически нейтральная или стилистически окрашенная – может не совпадать. В частности, слова *злодей* и *изверг*, употребляемые в письмах Н.А. Демидова по отношению к Емельяну Пугачеву, являются стилистически нейтральными для человека XVIII в. (в словаре русского языка XVIII в. слова даны с пометой нейтральное, зафиксированы в Полном собрании законов Российской империи) и в то же время стилистически окрашенными для человека XXI века (в БАС под редакцией Д.Н. Ушакова слова *злодей*, *изверг* приведены с пометой книжное в первом значении; помету *бранное*, *шутливое* имеет слово *злодей* в значении "негодяй"). Оценка может приобретаться словом в контексте. Так, нейтральная по своему значению лексема *остановка* в письмах заводчиков приобретает отрицательную окраску – препятствие, задержка, замедление действия заводов. Категория оценки тесно связана с модальностью волеизъявления, которая в анализируемом материале является ведущей. Справедливо замечание Е.М. Вольф о том, что "оценочная модальность определяется высказыванием в целом, а не отдельными его элементами, и является компонентом высказывания" [Вольф 2002: 20]. Взаимодействие в частно-деловом письме XVIII в.

категории оценки и модальности предписания позволяет субъекту волеизъявления изменить сложившуюся отрицательную ситуацию к лучшему, предостеречь волеисполнительную личность от возможных негативных последствий, которые могут возникнуть в случае невыполнения распоряжений.

В рассматриваемых нами письмах представлена как частная (оценка определенного лица), так и общая (оценка совокупности лиц) оценка. Последняя находится в казусной части писем, в которой излагается содержание иницирующих документов – рапортов и представлений приказчиков. Субъектами индивидуальной оценки в письмах являются прежде всего заводовладелец Н.А. Демидов и князь М.М. Голицын. Данный тип оценки оформлен синтаксическими конструкциями, включающими такие показатели субъективности, как личные и притяжательные местоимения, вводные конструкции со значением эмоциональной оценки: *я крайне удивляюсь, крайне мне удивительно, милость мою чувствовали, сумма для меня чувствительна, к немалому моему сожалению*. Наличие данных конструкций в письмах обоих авторов позволяет предположить, что они употребляются в тексте писем в качестве речевой формулы, устойчивого выражения, в котором оценочный компонент является конструктивным элементом, утрачивающим экспрессивную окраску.

Субъектом индивидуальной оценки может быть адресат писем. В частности, в рапорте князю М.М. Голицыну управляющий Иван Варокин *"признает способным"* на должность стряпчего подьячего Михаила Новикова. При этом положительная оценка управляющего не совпадает с оценкой М.М. Голицына: *"во оную должность Новиковъ признается не только неспособнымъ, но и подозрительным"*.

Таким образом, на формирование категории оценки в частно-деловом эпистолярии 18 века оказывают влияние фактор времени и условия контекста, в зависимости от которых слово утрачивает или приобретает значение оценки. Анализ материала показал, что оценочное значение взаимодействует с волеизъявительной модальностью, слово с семантикой оценки употребляется в составе речевой формулы как ее составляющая и характеризуется стилистической нейтральностью, мнение о предмете речи у субъектов деловой коммуникации, имеющих разный социальный статус, может не совпадать.

Л и т е р а т у р а

"А про то барону Строганову ведомо было..." Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. – Усолье: Усольский историко-архитектурный музей "Палаты Строгановых", 2006. – С. 3–90.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. – 249 с.

Косивцова А.В. Категория субъективной оценки в частно-деловом письме XVIII века // Русский язык: функционирование и развитие: материалы Международной на-

Моделирование массовой коммуникации средствами художественной литературы

Мария Моклица считает, что оппозиционные критерии разделения художественной литературы вырастают корнями в Античность и Средневековье. На ее взгляд, именно эти две эпохи представляют изначально противоположные концепции творчества: «Когда доминируют материальные ценности (Античность: реалистическая традиция – О.К.), искусство весит меньше, чем жизнь». Если же «господствуют духовные ценности (Средневековье: романтическая традиция – О.К.), искусство, как часть духовного, является важнее объективного, естественного и телесного» [Моклица 2002 : 152-153]. В этом мы можем легко убедиться, просмотрев самые известные произведения Античности и Средневековья – «Иллиаду» Гомера и "Божественную комедию" Данте. У Гомера все описания рассчитаны на объективное восприятие, привлечение внимания, эстетическое наслаждение. Это – своеобразный гимн телу. У Данте, наоборот, ведущий мотив – прославление духовности. В его «комедии» даже любимая женщина воспринимается как Богородица.

Итак, действительно можно сказать, что эти две эпохи сформировали оппозиционные типы художественного мировосприятия – реалистический (Античность) и идеалистический (Средневековье). Основные признаки реалистического: а) ощущение себя как части сообщества; б) особое уважение к разуму, а не к чувству; в) материализм (объективное восприятие мира); г) здоровая телесность и сенсорность; д) подражание жизни и – как исход – доминирование жизнеподобных форм. Маркеры идеалистического: а) ощущение себя яркой индивидуальностью; б) преобладание чувств над разумом; в) идеализм (субъективное восприятие мира); г) высокая духовность и пренебрежение ко всему материально-телесному; д) подчинение искусства вере и преобладание условных форм. Поэтому, когда речь идет о литературе реалистического мировоззрения, мы можем ожидать более-менее понятной и незавуалированной коммуникации. Если же мы имеем дело с идеалистическим форматом – следует ожидать осложнений: неоднозначных образов, подтекстов, скрытых кодов. В категориях современной теории коммуникации реалистическое – преимущественно массовое, идеалистическое же – рассчитано на элитарную аудиторию [Косюк 2012: 181-192]. Если рассмотреть эти виды коммуникации в историческом аспекте, то (по М. Моклице) реалистичными можно назвать Античность, Возрождение,

Классицизм, Просвещение, Реализм, а романтическими – Средневековье, Барокко, Сентиментализм, Романтизм, Модернизм.

Задача массовой коммуникации и реалистической литературы – сузить закодированную многозначность, так как и коммуникация, и реалистическая литература активизируют содержательное начало и должны быть прозрачными, то есть – констатировать факты. Иными словами – массовая коммуникация и реалистические произведения – для всех. Миссия же романтической традиции – углубить и усложнить знаковую. В этом собственно и заключается секрет поэтического творчества, который предлагает разгадывание загадок образности, вычитывание скрытых смысловых подоплек и. т.д.

Парадоксально, но иногда именно высокий уровень кодификации позволяет использовать художественное слово в сфере массовой коммуникации как наиболее подлинный источник. Особенно в ситуации, когда возникает необходимость пересмотреть сфальсифицированное прошлое, а легальных правдивых источников (например – газет) не существует (ведь именно они первыми попадают под пресс пропагандистских стратегий господствующих в обществе идеологий). Так, чтобы понять глубокий трагизм советской эпохи, следует внимательно читать М. Хвелева, А. Ахматову, Ю. Яновского, Е. Чаренца и.т.д. (даже В. Свидзинского и И.-Б. Антоныча). Их творчество окажется гораздо более фактическим, чем информация из газеты «Правда» или журнала «Строитель коммунизма». И намного больше «расскажет» о человеке и нравах того времени.

Л и т е р а т у р а

Косюк О. М. Теорія масової комунікації: Навч. посіб. – Луцьк: ВНУ ім. Лесі Українки, 2012. – 384 с.

Моклиця М. Основи літературознавства: Посібник для студентів. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2002. – 192 с.

М.Ю. Котова (Санкт-Петербург)

Идентификация чехов, поляков, русских и украинцев (на материале произведений И. Шкворецкого, М. Левицкой, В. Каминера)

Выбор темы определил возросший в последние десятилетия в мировой литературе интерес к проблемам экономических (добровольных) мигрантов – героев произведений Марины Левицкой (род. 1946), Роуз Тримейн (род. 1943), Андрея Макина (род. 1957), Владимира Каминера (род. 1967) и др.

Эти проблемы неизбежно сопоставляются в литературной критике с опытом политических эмигрантов, оказавшихся в изгнании во второй половине XX века, описанных в книгах Сергея Довлатова (1941-1990), Йозефа Шкворецкого (1924-2012), Милана Кундеры (род. 1929), Чеслава Милоша (1911-2004) и др.

Независимо от мотивов переезда общие проблемы и тех, и других лежат в плоскости культурной и языковой адаптации к условиям непривычного и чуждого им окружения, в котором оказываются переселенцы из славянских стран: чехи в США и Канаде на страницах произведений Й. Шкворецкого; чехи, поляки и русские в европейских странах у М. Кундеры, Ч. Милоша и А. Макина; русские и поляки в Америке у С. Довлатова и Ч. Милоша; украинцы, поляки и русские в Англии в романах М. Левицкой и Р. Тримейн; русские в Германии в книгах В. Каминера.

Славянские корни почти всех перечисленных писателей (за исключением англичанки Р.Тримейн и выходцев из СССР С.Довлатова и В.Каминера) по-разному осознаются и оцениваются самими писателями.

Марина Левицкая, например, отвечая на вопрос интервью о своей национальной самоидентификации, склонна отнести себя к англичанам, хотя она по происхождению — этническая украинка. Но при этом писательница чувствует, что ее культурный фон обязывает ее рассказать читателям то, что может только она, как человек, впитавший украинскую и английскую культуру, а именно: передать страдания и боль украинской послевоенной эмиграции и миграции в Англии в эпоху украинской «оранжевой революции» 2004 года.

Феномен литературного творчества на неродном языке — явление редкое, но всегда выдающееся по художественной значимости. В некоторых случаях речь идет о творчестве билингвов по воспитанию (как М.Левицкая), в других — о художниках слова, для которых творчество на неродном языке — своеобразная эстетическая знаковая система, намеренно избранный языковой код, подчиненный жанру и тематике переселенческой темы.

Достаточно вспомнить польского писателя Джозефа Конрада (1857-1924), писавшего по-английски о польском духе и польском характере вдали от родины, сочинения на французском языке поляка Ч.Милоша, чеха М.Кундеры или русского А. Макина, современную немецкоязычную прозу овладевшего немецким языком в конце XX века В. Каминера.

Среди писателей, чьи произведения посвящены теме эмиграции, на родном языке во все периоды своего творчества писал Й. Шкворецкий. Исследователи писательского стиля этого чешского автора указывают

на особый язык произведений Й.Шкворецкого канадского периода (П. Мареш, А.В.Елфимова и др.). Его роман в двух частях «Příběh inženýra lidských duší» (1977) до сих пор не переведен на русский язык не случайно: его язык с трудом поддается переводу из-за огромного количества иноязычных (преимущественно, английских) вкраплений в чешский текст. Адресат романа — чешский эмигрант в США или в Канаде — это тот читатель, на которого ориентирован роман, но одновременно это и адресант, то есть сам писатель, для которого такой стиль изложения — само естество речевого поведения и выражение сути двоякой национальной самоидентификации — между чешским и английским.

Нет ничего нарочитого в использовании английского языка как языка произведений другого признанного писателя, сохраняющего верность мигрантской теме, — Марины Левицкой, выросшей в Англии в украинской семье и получившей образование в английском университете. Англичане, русские, украинцы, поляки, читающие по-английски или в переводе ее бестселлеры «Краткая история тракторов по-украински» (2005), «Two Caravans» (2007), “Various Pets Alive and Dead” (2012) смеются по-разному, русские чаще — сквозь слезы.

Особенности речевой коммуникации по-английски героев-украинцев романов М. Левицкой — основное художественное средство, имеющее смеховую природу. Исследование языка оригинальных произведений М. Левицкой и художественных переводов ее книг на славянские языки ведется на кафедре славянской филологии СПбГУ совместными усилиями студентов и преподавателей — в частности, при подготовке выпускной квалификационной работы (ВКР) бакалавра (2012 года) А.Д.Золотовой (научный руководитель — доц. О.В.Раина), ВКР бакалавра (2011 года) и магистра (2013 года) Л.А.Пазгаловой (научный руководитель — проф. М.Ю.Котова), на различных филологических (преподавательских и студенческих) конференциях СПбГУ (2008-2013гг.).

Владимир Каминер, который заслужил в СМИ наименование «немецкий Довлатов», в 90-е гг. XX века начал овладевать немецким языком, переехав из СССР в Германию. Он пишет свои книги намеренно только по-немецки, и хотя немецкие редакторы фиксируют не совсем правильный язык его произведений, его книги не подвергаются правке, чтобы сохранить особый стиль и колорит мигрантской прозы.

Англичане с упоением и улыбкой читают на родном языке об украинских, польских и русских мигрантах- героях романов М.Левицкой. Немцам русский менталитет стал понятнее и ближе при знакомстве с немецкоязычной прозой В. Каминера. Речь чешских героев романов Й. Шкворецкого, наполовину состоящая из английских слов и фраз, — постоянный источник для смеха у читателей его романов.

Мигрантская проза, независимо от языковой принадлежности, изпълнява идентификация чехов, поляков, руски и украинци с нов, осъществим съдържание.

М.Д. Кръстева (Пловдив)

Сравнение на структурните и съдържателните особености на преправките на „История славянобългарска“, съставени от монаха таксидиот Харитон Рилски в Змеево (1831) и в Чирпан (1831)

1) През 1762 г. йеромонах Паисий Хилендарски завършва в Зографския манастир на Света гора Атонска ръкописната си „История славянобългарска“. В границите на Българското възрождане Паисиевата история се преписва и преправя над 70 пъти. Три от нейните възрожденски преправки са съставени от монаха таксидиот Харитон Рилски. Нататък ще ги наричам условно като:

1) *Първа Харитонова преправка.* Съставена е в Змеево през 1831 г. Днес оригиналът се съхранява в ръкописния фонд на Националната библиотека „Св. Кирил и Методий“ (НБКМ) в София [БИА № 1115].

2) *Втора Харитонова преправка.* Съставена е в Чирпан през 1831 г. Днес оригиналът е в ръкописната сбирка на НБКМ [БИА № 1114].

3) *Трета Харитонова преправка.* Тя не съдържа информация за мястото, където е съставена, но пък отразява, че Харитон я е ръкописал през 1832 г. Оригиналът на Третата Харитонова преправка е изгубен [Неизвестен автор 2012: 238-240].

Идеята да се съпоставят структурните и съдържателните особености на запазените и до днес Първа и Втора Харитоновите преправки на „История славянобългарска“ се породиха:

а) От познанието, че академичната литература, посветена на Българското възрождане, отдавна вече не е поставяла в „горещата“ зона на изследователския си интерес Харитоновите преправки на „История славянобългарска“. Последните по-задълбочени наблюдения, посветени на Харитоновия преписвачески опит, са на Б. Ангелов [Ангелов 1966: 53-63] и М. Стоянов [Стоянов 1962: 577-578]. Публикациите на Ангелов и Стоянов обаче не тълкуват системно структурните и съдържателните особености на Змеевската и Чирпанската преправки на Харитон от 1831 г. Този извод предопредели и избора ни да проследим тъкмо откритите характеристики на избраните за съпоставителен анализ преправки.

б) От факта, че научен екип от Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“, ръководен от доц. д-р Мила Кръстева, наскоро спечели конкурс с концептуализацията на проект, озаглавен: „От идеята за ис-

торията към националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на „История славянобългарска“ и културно-идентификационните модели на XVIII – XXI век“ [Кръстева 2013]. Проектът, чието изследователско ядро са Първата и Втората Харитоновы преправки на „История славянобългарска“, ще се финансира от фонда за Научно-приложни дейности при Пловдивския университет. В този смисъл разработката на настоящия доклад е първият подстъп към академичните проучвания на цитирания академичен проект.

Така представеното в **първия тезис** на доклада ни дава основание да твърдим, че предложената тема е актуална и научно приносна.

II. Знайно е, че първата, достигнала до нас възрожденска преправка на „История славянобългарска“, е изработена в Рилския манастир през 1825 г. от монаха Паисий Николаевич [Ангелов 1966]. Това е т.н. Рилска преправка [БИА № 775]. В научната литература вече е доказано, че именно тази първа възрожденска преправка на Паисиевата история е послужила за извод на следващата – Поп-Йоановата преправка, съставена в Змеево през 1830 г. [БИА № 1113]. Поп-Йоановата преправка, от своя страна, става извод на Първата Харитонова преправка, а последната, от своя страна, става извод на Втората Харитонова преправка. На свой ред Втора Харитонова преправка е първоизточник при изработването на Геровия препис на „История славянобългарска“, който е ръкописан в Пловдив между 1851 и 1853 г. [БИА ф. 622, оп. I, л. 1-30]. В наскоро публикувания в България Геров ръкописен препис на Паисиевата история е поместена студия на М. Кръстева, съдържаща значителен набор от необнародвана досега архивна информация, която доказва, че Втората Харитонова преправка е ползвана за извод на препис, направен от руския професор Вл. И. Ламански [Кръстева 2012: 149-174]. Преписът на Ламански е осъществен през 1864 г. в Цариград [Ламанский 1869: 107-123]. В този ред на мисли е показателно, може да се направи изводът, че детайлният анализ на съдържателните и структурните особености на Първата и Втората Харитонова преправки, ще може да послужи за основа и на по-нататъшни научни разработки, посветени на изучаването на генеалогичните връзки в родослова на преправките на „История славянобългарска“, които възхождат към Рилската преправка от 1825.

Л и т е р а т у р а

Ангелов Б.Ст. Рилска преправка на „История славянобългарска“. Увод и бележки от Боню Ст. Ангелов. С., Изд-во на Българската академия на науките. – 155 с.

Кръстева М.Д. От идеята за историята към националното, космополитното и глобалното: преписите и преправките на „История славянобългарска“ и културноидентификационните модели на XVIII-XXI век. Проект № НИ13 ФЛФ014/20.03.2013, Фонд „НИ“ на ПУ.

- Кръстева М.Д.* (Не)знайното в академичната наука за Геровия препис на „История славянобългарска“ и за културните връзки Паисий – Геров. – Геров препис на „История славянобългарска“. Подготвил за печат и научен коментар доц. д-р Мила Кръстева. П-в.: УИ "Паисий Хилендарски", 2012. – С. 149-174.
- Ламанский Вл. И.* Болгарская словесность XVIII века // ЖМНП, сентябр. С.-П., 1869. № СXLV. – С. 107-123.
- Неизвестен автор. Преписи от Паисиевата история. – Църковен вестник. Г. XIII / 12 май 1912 г. № 19. – С. 239-240.
- Стоянов М.* Преписи на Паисиевата „История славянобългарска“. – Паисий и неговата епоха (1762-1962). Сборник от изследвания по случай 200-годишнината от История славянобългарска. С.: Изд-во Българска академия на науките, 1962. – С. 557-597.

И з п о л з в а н и р ъ к о п и с н и к н и г и

- Рилска преправка на „История славянобългарска“. Рилски манастир. 1825. НБКМ, БИА №775. – 88 с.
- Поп-Йоанова преправка на „История славянобългарска“. Змеево. 1830. НБКМ, БИА №1113. – 81 с.
- Първа Харитонова преправка на „История славянобългарска“. Змеево. 1831. НБКМ, БИА № 1115. – 84 с.
- Втора Харитонова преправка на „История славянобългарска“. Чирпан. 1883. НБКМ, БИА №1114. – 79 с.
- Геров препис на „История славянобългарска“. Пловдив. Между 1851 – 1853. НБКМ, БИА, оп. I, ф. 662. – 30 с.

В.В. Криворот (Минск)

Способы номинации транспортных средств в белорусском языке

Основной задачей теории номинации является изучение средств и способов называния элементов действительности. В каждом отдельно взятом языке эти средства и способы разнообразны. Е.С. Кубрякова считает, что «удельный вес способов словообразования определяется совокупным влиянием множества различных факторов, немаловажную роль среди которых играет не только тип языка и особенности его структуры, но и ономаσιологические (понятийные) категории, группирующие вокруг себя разные словообразовательные модели» [Кубрякова 2012: с. 5].

Ниже речь пойдет о способах номинации названий транспортных средств в белорусском языке.

К лексико-семантической группе «транспартныя сродкі» относятся слова, возникшие в разные периоды развития языка, что обусловлено историей появления и совершенствования различных видов транспорта. Значительное количество наименований транспортных средств является общим для русского, белорусского и украинского языков, сформировавшихся на основе древнерусского языка.

К белорусской транспортной лексике относятся, например, слова, восходящие к общеславянскому и даже индоевропейскому периодам. Приведем несколько таких примеров. Бел. *судна* < др.-рус. (с XII в.) *судь* ‘сосуд’, а также ‘корабль’, ‘лодка’, ‘судно’ < о.-слав. **sod* ‘сосуд’ < и.-е. **som-dh-o-s*, где **som-* – приставка ‘су’, *dh-* – корень, редуцированный вариант корня *dhē* ‘рус. деть’ [Черных, 1994, Т. 2: с. 216,]. Бел. *човен* < др.-рус. *челнь* (с XI в.) < и.-е. **kel-n* < **kel-*: **kele-* ‘поднимать(ся)’, ‘возвышаться над чем-л.’. Ср. лит. *kėlnas* ‘рыбачий челн’ [Черных, 1994, Т. 2: с. 377]. Бел. *воз* ‘телега, сани с кладью’, ‘кладь, умещающаяся на телеге, на санях’ < др.-рус. *возь* (с XI в.) ‘повозка’, ‘воз’ < ст.-сл. *возь* ‘повозка’ (старшее значение ‘процесс передвижения’ > ‘средство передвижения’) < и.-е. корень **ueg`h-*: *uog`h*, лат. *vehes*, f. ‘груженный воз’, ‘груз телеги’ [Черных, 1994, Т. 1: с. 161].

Достаточно большой пласт представлен непроизводной лексикой. Большинство новых образований являются производными словами, созданными на основе существующих лексических единиц при помощи белорусских словообразовательных формантов. Среди словообразовательных приемов наименований транспортных средств белорусского языка выделяются аффиксальное словообразование (деривация), словосложение, конверсия и сокращение слов (аббревиация), семантическая деривация.

Достаточно продуктивным способом номинации транспортных средств является суффиксация. При образовании наименований транспортных средств от глаголов наиболее продуктивными являются следующие суффиксы со значением предмета: **-чык/-шчык**: *бамбардзірав(аць)* – *бамбардзіроў-шчык* (*самалёт*), *буксірав(аць)* – *буксіроў-шчык* (*судна*), *пагруз(іць)* – *пагруз-чык*; **-ок**: *кац(іць)* – *кат-ок* (*машына*); **-лк(а)**: *малаці(ць)* – *малаці-лк-а*, *сея(ць)* – *сея-лк-а*, *сажа(ць)* – *сажа-лк-а*, *касі(ць)* – *касі-лк-а*; **-ач**: *цяг(аць)* – *цяг(ач)* и др.

С помощью префиксов существительные образуются сравнительно редко и только от существительных. Например, **супер-**: *танкер* – *супер-танкер*, *лайнер* – *суперлайнер*.

Наименования транспортных средств пополняются также за счет субстантивации прилагательных и причастий. Например, существительные, образованные путём эллиптической субстантивации, которые являются синонимами словосочетаний прилагательных или причастий с существительными, при этом определяемое существительное опускается. Так, например: *пасажырскі поезд* – *пасажырскі*; *дызельны поезд* – *дызельны*; *пажарная машына* – *пажарная* и др.

Достаточно большая часть сложносоставных наименований транспортных средств образована путём сложения целых слов. Например,

вагон-цистерна, вагон-самазвал, самалёт-мішэнь, самалёт-разведчык, танк-амфібія и т.д.

При основосложении распространена модель «основослож.+ бес-суф.», при этом довольно часто используются в качестве второго компонента **-ход** и **-воз**: *рыб-а-воз-Ø < ваз/i/- (ць) рыб-(у)*; *вугл-я-воз-Ø < ваз/i/- (ць) вугаль-(Ø)*; *лес-а-воз-Ø < ваз/i/- (ць) лес-(Ø)*; *цяжкавоз < цяжк-(ае) ваз/i/- (ць)*; *усюдыход < усюды хад/зі/ць*; *снег-а-ход-Ø < снег-(Ø), хадз/i/- (ць)*; *пар-а-ход-Ø < пар-(Ø), хадз/i/- (ць)*; *сух-а-груз < сух-(ой) груз-Ø*; *сам-а-звал-Ø < сам-(Ø), звал/i/a/- (ць)* и др.

Среди сложных существительных встречаются сложения со связанными опорными компонентами интернационального характера: **-план**: *аэраплан, дэльтаплан, біплан*; **-кар**: *аўтакар, электракар* и др.

Сложносокращенные слова представлены также аббревиатурами, состоящими из начальной части первого слова, начала и конца или только конца второго слова: *эсмінец-(Ø) < эскадран-(ы) мінаносец-(Ø)*; *авіа/нос-ец-Ø < авіацы-(я), нас/i/- (ць)*; *лін/кор < лін(ейны) кар(абель)* и др.

Нельзя не отметить активное вхождение в разные исторические эпохи в состав белорусской транспортной лексики заимствований. Через посредство других языков в белорусский язык пришло немало греческих и латинских слов. Например, бел. *паром* (ц.-сл. (XV в.) *прамъ*) < и.-е. корень от латин. *partō* 'ношу', 'переношу', 'перевожу'; греч. *πόρος* 'место переправы', 'переправа', 'перевоз', 'пролив', 'мост' [Черных, с. 7, Т.2].

В данных тезисах представлено лишь несколько наиболее продуктивных и традиционных словообразовательных моделей для наименований транспортных средств, которые требуют дальнейшего изучения и всестороннего описания.

Л и т е р а т у р а

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование/ Е.С. Кубрякова. Изд.3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 88с.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: Т. 1–2. – 2-е изд. стереот. – М.: Рус.яз. 1994. Т. 1 – 623с. Т.2 – 560 с.

Ю.В. Кудрявцева (Москва)

Новая болгарская юридическая терминология в сфере уголовного права: причины и пути возникновения

Смена общественно-политической системы, активное развитие информационных технологий, процесс европейской интеграции и глобализация – основные экстралингвистические факторы, под влиянием которых с 90-х годов XX века в болгарском языке, как и во многих дру-

гих славянских языках, происходят существенные изменения. В первую очередь эти изменения проявляются на лексическом уровне, и их изучению посвящены многие новейшие исследования болгарских лингвистов (Д. Благоева, С. Колковска, В. Зидарова и др.).

Внимание исследователей привлекают такие процессы, как стремление языка к лексической экономии, выход из употребления лексем, называющих устаревшие понятия и реалии, и неологизация – обогащение словарного состава языка новыми лексемами, называющими новые явления. Неологизация происходит путем заимствования, в основном, из английского, а также через словообразование по продуктивным и традиционным для болгарского языка моделям (с применением или без применения иноязычных словообразовательных компонентов).

Лексические инновации, помимо бытовой сферы, характерны для следующих тематических областей: компьютерные технологии и Интернет, СМИ и телекоммуникации, экономика и финансы, политика и международные отношения, европейская интеграция и экология. Однако в поле зрения исследователей, рассматривающих изменения в данных областях, попадает лексика, относящаяся к различным стилям: от нейтральной до жаргонизмов (профессионализмов) и официально-деловой терминологии. Изучению процессов, происходящих в отдельных терминосистемах (право, экономика, политология и др.), посвящено мало работ, что подтверждает актуальность нашего исследования.

Влияние вышеупомянутых экстралингвистических факторов заметно и в области юридической терминологии. Некоторые термины выходят из употребления, детерминологизируются или переосмысливаются, при этом появляется большое количество новых терминов. В данном докладе рассматриваются причины и пути возникновения новых болгарских юридических терминов на примере терминов, относящихся к сфере уголовного права. Рассматриваемые нами термины почерпнуты из различных юридических документов, новых директив ЕС, юридических словарей, а также из УК и УПК Республики Болгария.

Большое количество новых юридических терминов (в частности, в сфере уголовного права) появились в языке вслед за демократическими переменами в стране и в связи с необходимостью гармонизации законодательства Болгарии и ЕС (*полиция, рамков договор, рамково решение, транспониране и др.*). Кроме того, важным фактором также является появление новых видов преступлений, связанных с активным развитием информационных технологий (компьютерные, экономические преступления, преступления против окружающей среды и др.): *дигитална заплаха, компютърна фалшификация, кибертероризъм, въвеждане на вирус; допускане до замърсяване, неправомерно боравене с опасни отпадъци, посегателство върху околната среда; данъчна измама.*

Терминообразование в данной терминосистеме происходит тремя основными способами. Лексико-морфологический способ подразумевает создание новых терминов от уже существующих в языке слов с использованием болгарских (*-ост, -(а)циј, -не, -(из)ира-*: *прихващам – прихващане (на данни), обиск – обискирам/обискиране*), или иноязычных аффиксов (*ре-, де-, транс-, анти-*: *трансгранично престъпление*). Лексико-морфологический способ подразумевает расхождение, переосмысление лексического значения слова (*вирус, изтиране на пари*), а лексико-синтаксический, наиболее продуктивный на данном этапе способ терминообразования, – создание терминологических словосочетаний. Многие из них представляют кальки английских терминологических словосочетаний, появившиеся в переводах документации ЕС на болгарский (*заклет преводач, компютърна измама*), а ряд из них образованы по моделям уже существующих в языке словосочетаний с заменой некоторых элементов (*злоупотреба с власт – злоупотреба с данни*).

Важным путем пополнения юридической терминологии современного болгарского языка является заимствование иностранных терминов (швед. – *омбудсман*; англ. – *пробация, превенция, сезирам, пледирам*), которые приспосабливаются к грамматической системе языка и от которых затем могут быть образованы дериваты по болгарским словообразовательным моделям, а также заимствование отдельных корней, участвующих в образовании сложных терминов (*евро-, еко-, нарко-, кибер-*: *кибертормоз*).

Таким образом, при образовании новых юридических терминов можно наблюдать две противоположных, но взаимодополняющих тенденции – терминообразование на основе болгарских слов и словообразовательных элементов и сохранение таким образом национальной специфики языка и увеличение количества заимствований и интернациональных элементов в словообразовании (или тенденции к национализации и интернационализации языка [Колковска 2006: 190]).

Л и т е р а т у р а

- Зидарова В.* Динамика и актуални тенденции в съвременната българска лексикална система // Класика и авангард. В чест на проф. Иван Сарандев. – София, 2006. – С. 253-259.
- Колковска С.* Тенденциите към интернационализация в новата българска икономическа терминология // Националният език в условията на чужди влияния и глобализация. – София, 2006. – С. 190-212.
- Симеонова К.* За някои продуктивни модели на терминообразуване в съвременната българска политическа терминология // Многообразие в единството. – София, 2010. – С. 40-49.

Е.А. Кузьмина (Москва)

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника (1733 г.): лингводидактические поиски и находки

Вплоть до первых десятилетий XVIII в. в России грамматическая образованность, оставаясь достоянием ученой элиты, не носит обязательного характера, распространяется крайне медленно и в ограниченной степени. Овладение языком как «грамматикой», т.е. системой алгоритмических правил, должно основываться на формальном школьном обучении. Однако почти до начала XVIII в. достоверных данных о таком обучении нет; если оно и имело место, то охватывало лишь весьма узкий круг [Живов 1986: 73]. Внедрение грамматической образованности, требующее институционализованного обучения языку, начинается в Петровскую эпоху, когда в соответствии с «Духовным регламентом» 1721 г. учреждается система школьного образования и указами Петра I от 1723 и 1724 гг. регламентируется включение в учебные программы славянской грамматики [Пекарский 1862: 108–121; Флоровский 1996: 379].

«Грамматика беседословная» Ивана Иконника 1733 г. (Собрание рукописей музея-заповедника «Московский Кремль», № 213) (далее **ГИ**) была создана как учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры овладения языком как «грамматикой» и оптимизировать освоение существующих грамматик церковнославянского языка, т.е. грамматики Мелетия Смотрицкого (Евье, 1619; М., 1648; М., 1721) и её сокращенной переработки, выполненной Фёдором Максимовым (СПб., 1723). Необходимость создания своего грамматического пособия Иван Иконник объясняет тем, что грамматики, используемые «**при школахъ**», не отвечают базовому дидактическому принципу доступности, их теоретический и языковой материал по содержанию и объему является непосильным для обучающихся, «**приступъ**» к его «**постиженію бываеѣтъ не удобенъ: что какъ, ѣ чегѣ ради оно положися, темно. аще что ѣ ѡсвязаютъ** [ученики], но далече сѣтъ подбавящагѣ стоятъ» (л. 37).

Исходные *дидактические целеустановки*, которыми руководствовался И. Иконник, синтезируя и переосмысливая филологический опыт предшественников, обусловили параметры грамматического описания (диалогический формат, использование видеограмм, адаптацию мета-языка, унификацию моделей правил и т.п.) и его общую стратегию. С вопросов описания форм акцент перенесен на совершенствование описания («**совершеннѣише ѡписание**») семантики. Усилия И. Иконника

сосредоточены на «яснѣишемъ ⁵Изясненіи» теории и метода грамматики, дефинировании терминов, раскрытии механизмов действия основных принципов орфографии, описании грамматической семантики.

Так, в отличие от грамматик М. Смотрицкого и Ф. Максимова основное содержание морфологической части **ГИ** составляет не развернутое представление системы словоизменения и не правила образования и идентификации нормативных форм, а развернутое истолкование акциденций каждой части речи. Направления их «яснѣишаго ⁵Изясненія» в **ГИ** определяются основными способами представления грамматической семантики в грамматиках-источниках, а именно, преобладанием в них дефиниций (а) этимологических, (б) индуктивных (аналитических) и (в) остенсивных. Данные способы описания грамматических значений не соответствуют представлениям И. Иконника о ясности определений в учебной грамматике, адресованной «невѣдѹщимъ», и он отказывается от них, заменяя исходные дефиниции М. Смотрицкого и Ф. Максимова собственными логическими определениями, независимыми от внутренней формы термина и выявляющими семантический инвариант категории: ср. М. Смотрицкий: «Склоненіе ѣсть реченій падежми и числа скланеніе» // И. Иконник: «Склоненіе ѣсть, соборное имѣ по падежемъ всѣхъ, рѣдъ в требованіе разума словесе во едино сведеніе» (л. 74об.).

В качестве одного из средств достижения понятности дефиницией в **ГИ** используется опора на значение общеупотребительного слова, ставшего грамматическим термином. Так, дефиницию термина союз И. Иконник предваряет истолкованием неспециальной семантики этого слова: «ѣсть во ѡбществеѣ союзъ, нѣкїихъ дв҃хъ, ѡли многїхъ/ во едино нѣкое совокупленіе, съборъ лицъ и дѣствиеѣ. Грамматикїи же естъ союзъ ча^{ст} слова нескланяема, ѡныя слова части в разумъ чиновнѹ по словѣ сочиненія связѹющая» (л. 126). Заботой о понятности продиктовано и обращение к образным сравнениям. Словообразовательная категория первообразного вида сравнивается с «первѣишїмъ» человеком Адамом, praeteritum imperfectum – с последствиями недавнего пожара.

Раскрытию содержания акциденций служит в **ГИ** «изясненіе примѣромъ», подобранным из библейских и литургических текстов либо составленным самим И. Иконником. Если М. Смотрицкий и Ф. Максимов предъявляли в своих дефинициях языковые единицы изолированно, «атомарно», то для И. Иконника «прикладъ» в словосочетании или предложении является равноправным с метаязыковым комментарием и столь же необходимым способом «разрѣшити» языковое явление.

Примеры в **ГИ** содержат ощутимые для учащегося подсказывающие ориентиры: лексические опоры-партнеры, грамматические конкретизаторы-распространители, контекстуально-ситуативные обстоятельства, ср. **днесь** в иллюстрации презенса: «**Днесь чѣтныи крѣтъ вѣдвизаеться**» (л. 98 об.); **всегда** в иллюстрации «учащательного» вида: «**Азъ сѣю кни-гѣ всегда читаю**» (л. 94 об.). Заданный контекст позволяет ученику однозначно установить грамматическое и лексическое значение единицы, синтаксические условия ее употребления, выявить закономерности ее функционирования.

Предлагая «**пачибишее Изясненіе**» теоретического и языкового материала, И. Иконник не ограничивает учащихся рамками собственных интерпретаций, а как опытный методист стимулирует их познавательную активность, ориентирует на самостоятельную работу, мотивирует к поиску и анализу новой информации: «**Знаменан же ѿ се: ꙗко въ послѣдующихъ частехъ грамматики не толику прѣлѣжится, ꙗко сея рагльства тревѣтеть, но точно к возбужденію и поощренію ѿма взыскѣтца**» (л. 19 об.–20).

Приведенные факты свидетельствуют о том, что **ГИ** представляет собой опыт педагогической грамматики церковнославянского языка, первый из известных в славянской грамматической традиции.

Литература

- Живов В.М.* Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник: О книге: D.S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5). Columbus, 1983 // Russian Linguistics. 1986. № 10. С. 73–113.
- Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I. – СПб.: Издание Товарищества «Общественная польза», 1862. – 578 с.
- Флоровский Г.* Петербургский переворот // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 349–424.

В.Г. Кульпина (Москва)

Новые подходы к изучению класса местоимений в современной славистике

Новые подходы к изучению местоимений обозначились в славистических исследованиях в последней декаде XX века и первой декаде XXI века. Если в качестве точки отсчета принять начало XX в., обращает на себя внимание распространение «распределительного» подхода к описанию местоимений: местоимения рассматривались в пределах тех лексико-грамматических классов, грамматическими категориями которых

они обладали. За основу класса местоимений принимались личные местоимения как его средоточие, наделенное его самыми характерными признаками. Группы местоимений с иными грамматическими характеристиками принято было «приписывать» к соответствующим, грамматически «похожим», частям речи. К примеру, местоимения *свой, чей* и др. аналогичного частеречного облика, обладающие грамматическими свойствами прилагательных, причислялись к прилагательным, а местоимения типа *там, где, туда, оттуда* присовокуплялись к классу наречий и, как правило, за пределами этого класса не рассматривались.

То, что местоимения составляют единый лексико-грамматический класс – ощущалось исследователями достаточно давно (см., напр.: [Jodłowski 1971]). Исследователи-слависты, осознавая специфику местоимений на фоне других лексико-грамматических классов, вели поиск основания, которое позволило бы им объединить все типы местоимений в один класс. В качестве такового выдвигалась специфика местоименной семантики (дейктичности, заместительности, обобщенности и др.), особенности сочетаемости, грамматические особенности, особая роль в осуществлении референции.

Плодотворным направлением оказалось сопоставление грамматических категорий существительных и местоимений, позволившее выявить определенную специфику категорий лица, рода, числа, падежа, определенности / неопределенности местоимений по сравнению с существительными. Вовлечение в орбиту исследования малых и «малоконтингентных» языков позволило обнаружить потенциал и динамику развития местоименных категорий, в частности, на материале македонского языка [Усикова 2003].

Внутриязыковое и межъязыковое сопоставление падежных значений местоимений и существительных, предпринятое на материале русского и польского языков, позволяет предположить, что падеж местоимений представляет собой семантико-грамматический каркас падежной системы. В отличие от существительных, им не свойственна фиксация узальных наслоений в системе падежного функционирования [Кульпина 2012: 85–98]; им чужда определительно-признаковая семантика; местоимения не повторяют падежные отношения, выраженные существительными; в сфере местоимений развивается ряд специфических падежных значений, не имеющих у существительных или по сравнению с существительными менее частотных.

Специфические свойства местоимений хотя и не позволяли выделить в один класс все местоимения, тем не менее послужили основанием для их объединения в пределах групп (выделяемых по разным, нередко пересекающимся параметрам), а через объединение местоимений в

группы и установление связей групп с друг другом – осуществить объединение всех типов местоимений в единый класс.

К концу XX в. пошатнулось казавшееся незыблемым представление о классе местоимений как о замкнутом классе с непополняемым, закрытым составом лексем, что в свою очередь связано с обогащением представлений о местоимениях как средстве формирования дискурса. В связи с расширением рамок класса местоимений в него стали включать всё новые лексемы [Ва́нко 2001: 204–218]), которые восполняли состав заголовочных слов в словниках произведений толковой лексикографии, что в свою очередь повлияло на теорию и практику современной прономинальной лексикографии. Состав лексикографируемых местоименных единиц пополнился, в частности, за счет включения в класс местоимений местоименных наречий [Пипер 1988], обнаружения новых местоименных лексем (ср., напр., польс. *gdzie indziej* ‘где-то еще’) и новых типов местоимений, ранее в состав класса местоимений не включавшихся. В словарях стали фигурировать в качестве отдельных лексических единиц (и, соответственно, единиц словарного описания) местоименные комплексы (сочетания местоимений разных типов и сочетания местоимений с другими дискурсивными полифункциональными словами) характеризующиеся особым языковым оформлением и специфической семантикой [Bogusławski 2007]. Одновременно наметилось ярко выраженное стремление к инвентаризации местоимений [Русский ... 1998], [Ва́нко 2001].

В связи с развитием системных исследований проводился анализ местоимений с точки зрения их системообразующих характеристик. Результатом стал подход к местоимениям как к системе местоименных средств выражения языковой субстанции [Кульпина 2012]. Интегративный подход к местоимениям как к единому лексико-грамматическому классу поддерживается исследованиями реляций в пределах местоименной системы – вазимозаменяемости и взаимодополняемости местоимений разных разрядов.

Л и т е р а т у р а

- Кульпина В.Г. Вариативность локативных конструкций как индикатор лингво- и этнообусловленной категоризации мира // Вариативность в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. редактор Л.Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2012. – С. 85–98.
- Пипер П. Заменички прилози у српскохрватском, руском и полском језику (Семантичка студија). – Београд: Инст. за српскохрватски језик, 1988. – 189 с. (Б-ка јужнословен. филолога. Нова сер. Кн. 8).
- Русский семантический словарь. Т. 1. Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (всё живое. Земля. Космос). – М.: Азбуковник, 1998. – 800 с.
- Ускова Р.П. Грамматика македонского литературного языка. – М.: Муравей, 2003. – 376 с.
- Ва́нко М. Z pogranicza leksykografii i językoznawstwa / Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego. – Warszawa, 2001. – 336 s.

Boguslawski A. A study in the linguistics-philosophy interface. – Warszawa: BEL Studio, 2007. – 612 s.
Jodlowski J. Studia nad częściami mowy. – Warszawa: PWN, 1971. – 200 s.

З.О. Купчинська (Львів)

Стратиграфічний вимір ойконімної *-їь-моделі України

Топонімічна стратиграфія – це „пошук структурно-топонімічних нашарувань, залежних від часу і території” [Rospond 1958: 159]. Стратиграфічний метод найчастіше застосовується у польській, чеській та німецькій ономастиці. Популярним він став і в українській ойконіміці. Цей метод використовується у комплексних формантних дослідженнях географічних назв України, бо він передбачає кількісну характеристику, просторову локалізацію географічних назв, встановлення хронології топонімів. Починаючи з сімдесятих років, появились дисертаційні та монографічні праці, у яких висвітлюється стратиграфічний аспект українського ойконімікону [Бучко 1972; Купчинский 1974; Купчинська 1993; Радьо 2004; Царалунга 2006. Михайличенко 2011]

Стратиграфію ойконімної *-їь-моделі аналізуємо в трьох аспектах: ареальному, хронологічному і статистичному.

Ареал ойконімів на *-їь розглядаємо за періодами: 1 – до XIV ст.; 2 – XV ст.; 3 – XVI ст.; 4 – XVII ст.; 5 – XVIII ст.; 6 – XIX ст.; 7 – XX ст. 8 – XXI ст. Кожен період є особливим щодо наповненості джерельним фактажем. Це об’єктивна закономірність. Оскільки ми опираємося лише на історичні фіксації пам’яток писемності, то, звичайно, є певні сумніви щодо реального стану визначеного ойконімікону, бо писемних джерел до XIV ст. було не так багато. До XIV ст. ареал назв на *-їь має свої особливості у конфігурації: ці ойконіми репрезентовані одиничними вкрапленнями у басейнах рік: Дністра, Серету, Стиру, Західного Бугу, Прип’яті, Горині, Дніпра, Десни та у Закарпатті. На сході та півдні українських земель цих назв не засвідчено. До XIV ст. проглядається чотири основних ареали цієї моделі: 1)басейн Дністра (з осередками Львів – Доброміль – Самбір – Борислав –Галич), 2)басейн рік Прип’яті, Стиру, Горині (з осередками Володимир-Волинський – Луцьк – Дубно – Острог), 3)басейн Дніпра (Житомир – Київ – Богуслав – Корсунь – Переяслав), 4)басейн Десни (Любеч – Чернігів – Путивль). Упродовж усіх історичних періодів прослідковується тенденція до насиченості цих чотирьох ареалів. В основному вони збереглися, проте ареал в басейні Дністра розширився аж до Яремча – Косова – Сокирян, а на лівих притоках Дністра сформувався ще один ареал в межах Бережан – Терехівлі – Кам’янець–Подільського – Хмельницького. За період XV–XXI ст. сформувався насичений ареал на півночі України з осередками:

Олевськ – Любар – Радомишль – Чорнобиль. За цей період появляється чимало ойконімів, котрі виходять за межі визначених ареалів; вони не утворюють скупчень, а доволі рівномірно поширені на Поділлі. Вважаємо вслід за А.Вейненом, який стверджує, що „коли в лінгвістичному просторі є два ареали з тим самим явищем, то це свідчить про те, що це явище існувало на проміжній території між ними” [цит. за: Взаимодействие 1980: 34], що ареал ойконімної *-jь-моделі був суцільним. На користь єдиного ареалу ойконімів на *-jь свідчить і те, що українська зона є південно-східною частиною загальнослов'янського ареалу.

Щодо хронології ойконімної *-jь-моделі, то розглядаємо її в двох аспектах: 1) часові рамки ойконімії, що зафіксована у писемних джерелах; 2) гіпотетично встановлений час появи, активного функціонування та відмирання відповідного типу назв. Хронологія, яка базується на фіксації географічної назви в писемних джерелах, є конкретною та беззаперечною, адже в такому випадку маємо справу з історичним фактом. Кожна назва має свої хронологічні рамки. Грунтуючись на історичних засвідченнях, ойконіми на *-jь функціонують на території України у чітко визначених часових рамках: у X–XXI ст. Ми повинні брати до уваги екстралінгвальні (соціально-історичний запит суспільства) та інтралінгвальні (походження суфікса, семантика твірної основи тощо) чинники, які поглиблюють хронологію географічних назв на *-jь. Перехід від родоплемінних до феодальних відносин, відповідно, до приватновласницьких, припадає, очевидно, на VI–VII ст. Географічні назви цієї моделі належать до посесивних, і очевидним є те, що саме вони забезпечили номінацію поселень, чітко індивідуалізуючи чиє село чи маєток. Уважаємо, що VI–VII ст. є нижньою хронологічною межею ойконімів на *-jь. Їх твірні основи (композиції та відкомпозиції) також свідчать про те, що час формування цих ойконімів відбувався тоді, коли різноманітні варіанти відкомпозицій були актуальними на нашій території. А цей часовий зріз припадає на початок нашої ери і триває до X ст. [Железняк 1972: 71–73]. Крім того, на сучасному етапі „чистих”, яскраво виражених назв цієї моделі не так багато, порівняно, наприклад, з іншими ізосемантичними суфіксами (*-інь, *овь/-евь), що і свідчить про їх первинність в ієрархії відприсвійних ойконімів: їх не „встигли” зафіксувати у найдавніших писемних пам'ятках, бо до того часу пік їхнього розвитку уже пройшов. Очевидно, тут позначилася і загальнономовна тенденція до занепаду нечленних прикметників, до яких і належали структури на *-jь. Тому вважаємо, що кульмінаційним етапом розвитку географічних назв на *-jь був період IX – X ст., а XII – XIII ст. – час їх занепаду, коли цього

типу назви ще функціонували на базі відапелятивних та християнських імен, але це уже було формалізоване творення ойконімів.

Щодо статистики ойконімів на *-jь, то в першу чергу треба зазначити те, що матеріал, вибраний із писемних пам'яток, не завжди відображає реальний стан розвитку ойконімів протягом такого тривалого періоду. На історичному зрізі X –XVIII ст. простежується пряма залежність кількості виявлених назв від кількості джерел. Тому про статистику для цього періоду можна говорити лише як про відносне поняття. Що стосується пізнішого часу, то про статистичні дані говоримо як про такі, які відбивають реальний стан розвитку системи географічних назв на *-jь. Впродовж X – XXI ст. на території України зафіксовано більше тисячі таких ойконімів.

Л і т е р а т у р а

- Бучко Д.Г.* Украинские топонимы на -івці, -инці: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Львов, 1972. – 22 с.
- Взаимодействие* лингвистических ареалов. – Л: Наука, 1980. – 272 с.
- Желзняк І.М.* Ареальне вивчення слов'янських антропонімів з усіченим другим компонентом композита // Мовознавство, 1972. №2. – С. 67–74.
- Купчинська З.О.* Лексико-семантична і словотвірна структура географічних назв на -ин, -ів (територія України X-XXст): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Львів, 1993. – 20 с.
- Купчинський О. А.* Найдавніші слов'янські топоніми України як джерело історико-географічних досліджень (географічні назви на -ичі). – К.: Наукова думка, 1981. – 252 с.
- Михайличенко Н.С.* Структурно-семантичні типи українських ойконімів із формантами – ець, –иця: Автореф. дис... канд. филол. наук.– Львів, 2011. – 18 с.
- Радьо Л.Н.* Ойконіми України на *-jь (*-ja, *-je) у X-XXст.: Автореф. дис... канд. филол. наук. – Івано-Франківськ, 2004. – 18 с.
- Царалунга І.Б.* Українські топоніми на -ани(-яни): Автореф. дис... канд. филол. наук. – Львів, 2006. – 17 с.
- Rospond S.* Stratygrafia toponimiczna // Z polskich studiów slawistycznych. – Warszawa, 1958. – S. 159–186.

Т.Н. Курохтина (Москва)

Языковые тенденции интерференционных процессов в условиях контактирования украинского и русского языков

В последние годы значительно усилился интерес к украинскому языку: увеличилось количество украиноязычных печатных изданий (как научного, так и ненаучного плана), радио- и телепередач и, как следствие, заметно возросло число говорящих на украинском языке. Однако расширение сферы использования украинского языка пока является только дополнительным фактором, провоцирующим активное взаимо-

действие систем двух функционирующих на территории страны языков. Многочисленные исследования речи жителей Украины демонстрируют, что языковой контакт, имеющий место при взаимодействии украинского и русского языков, сопровождается интерференционными процессами с различной степенью интенсивности, и, что самое главное, их практически невозможно избежать.

До сих пор анализ результатов украинско-русского контактирования проводился с позиции нормативности/ненормативности речи говорящего и ограничивался описанием отдельных речевых ошибок в рамках определённого языкового уровня (фонетического, лексического, грамматического и синтаксического). Собственные наблюдения за устной и письменной речью украинцев, а также результаты исследований интерференции других учёных позволили выявить наиболее активные зоны межязыкового взаимодействия, которые, в свою очередь, демонстрируют общие тенденции интерференционных процессов.

I. Тенденция к замещению украинских элементов русскими.

1) Фонетический уровень: а) произношение украинского звука [и] как русского [ы] (*будували* [будувáлы], рус. *строили*); б) замена аффрикаты [дз] шелевым согласным [з] (*звонить*, вм. укр. *дзвонить*);

2) Морфологический уровень: а) использование русских окончаний в форме Им.п. мн.ч. существительных всех родов (*вчителя*, вм. укр. *вчителі*; *медпрацівники*, вм. укр. *медпрацівники*); б) употребление русских флексий в формах П.п. ед.ч. м. и ж.р. прилагательных (*в рязанской области*, ср. укр. *у рязанській області*; *у першом класі*, ср. укр. *у першому класі*); в) использование русских моделей образования форм степеней сравнения прилагательных и наречий (*проще*, ср. укр. *простіше*, *самий чесний*, ср. укр. *найчесніший*); г) употребление русской флексии в форме прошедшего времени (*я закінчил коледж*, ср. укр. *я закінчив*).

3) Лексико-фразеологический уровень: а) использование межязыковых омонимов в значении, свойственном для них в русском языке (*другий*, вм. укр. *інший*; *робити*, вм. укр. *працювати*); б) нарушение сочетаемости в устойчивых украинских выражениях по аналогии с русскими (*задати питання*, вм. укр. *поставити питання*);

4) Синтаксический уровень: а) расширение сферы употребления предлога *по* (*робила по проекту*, вм. укр. *за проектом*); б) использование русских предлогов (*любовь к мудрости*, вм. укр. *до мудрості*).

II. Тенденция к утрате специфических украинских форм, элементов и черт (в пользу форм, элементов и черт, схожих с русскими аналогами и имеющихся в украинском языке).

1) Фонетический уровень: а) редукция гласных: ([*харашó*], [*ап'át'*]); б) смягчение шипящих и губных согласных: (*краще* [*krásh':e*], ср. укр. [*kráshche*]; [*дев'ят'*], ср. укр. [*devíat'*]);

2) Морфологический уровень: а) утрата специфических флексий у существительных в форме Д.п. ед.ч. м. р. и Зв. п. ед.ч. всех родов; б) отсутствие особой формы будущего времени, образующейся синтетически при помощи специальных окончаний;

3) Лексический уровень: а) использование лексем, общих с русскими (*магазин*, вм. *крамниця*; *діло*, вм. *справа*);

4) Синтаксический уровень: а) употребление в конструкциях с числительными 2, 3, 4 форм Р.п. ед.ч. существительных, вместо Им.п. мн.ч. (*два дня тому*, вм. укр. *два дні тому*); б) использование русской модели образования сравнительных конструкций (*молодше всіх*, вм. укр. *молодше за/від всіх*).

III. Тенденция к контаминации, образованию гибридных форм.

1) Морфологический уровень: а) гибридное образование форм компаратива (*самі вищі*, ср. укр. *найвищі* – рус. *самые высокие*; *новіший*, ср. укр. *новіший* – рус. *новейший*); б) объединение украинских и русских элементов в числительных (**18** [*v'is'imnaцat'*]¹³, вм. укр. [*v'is'imnaц'at'*]);

2) Лексический уровень: а) смешивание морфем украинского и русского языков в пределах одной лексемы (*віддихати*, ср. укр. *відпочивати* – рус. *отдыхать*; *особистість*, ср. укр. *особистість* – рус. *личность*); б) сочетание украинских и русских лексем в пределах устойчивого словосочетания (*рахуватися з мненієм* – ср. рус. *считаться с мнением* и укр. *зважати на думку*) или фразеологизмов (*в ежових рукавицях тримала* – ср. укр. *тримати у лецатах/лабетах*, рус. *держат в ежовых рукавицах*).

IV. Тенденция к неразличению равнозначных элементов русского и украинского языков и, следовательно, их параллелизму.

1) Морфологический уровень: а) параллельное использование окончаний в форме Р.п. ед.ч. существительных м.р.: *-а* и *-у* (*ринка* – *ринку*, *района* – *району*); б) параллельное использование окончаний в форме Тв.п. ед.ч. существительных и прилагательных: *-ой* и *-ою* (*два с половиной*, *власною державою*, *такою структурою*); в) в инфинитиве глаголов используется как украинский формант *-ти*, так и русский *-ть* (*відслужити в армії*, *будете водітеля питать*, ср. укр. *питати*); г) параллельное использование окончаний в глагольной форме 1 л. мн. ч.: *-имо/-емо* и *-им/-ем* (*заїдемо*, *поїдем*, *думаєм*);

¹³ В данном случае можно также говорить и о русскоязычном влиянии на уровне фонетики, т.о. происходит контаминация на разных языковых уровнях.

2) Лексический уровень: параллельное использование некоторых наречий, слов-высказываний, вводных слов и т.п. (*нада – треба, это – це, даже – навіть, да – так, нет – ні* и пр.).

Выделенные выше тенденции являются попыткой обобщения и систематизации последствий контактирования украинского и русского языков. Эти тенденции свидетельствуют о том, что украинско-русское взаимодействие происходит не беспорядочно и хаотично, а имеет определённые закономерности.

Н.В. Кузнецова (Тюмень)

«Не фактически, а на самом деле»: о дискурсивном употреблении наречий и наречных выражений

Наречия и наречные выражения в современной русской речи могут приобретать особые значения, не отмеченные в большинстве лексикографических источников. В частности, в [СТС] наречное выражение *на самом деле* приравнивается к *в самом деле*, толкуемому, в свою очередь, как «в действительности» [СТС 2002], а наречие *фактически* приведено (как отадъективное) в статье прилагательного *фактический*, толкуемого (во 2-м значении) как «действительный, настоящий, истинный» [СТС 2002]. Таким образом, и *на самом деле*, и *фактически* предстают в качестве единиц, с помощью которых говорящий утверждает, что положение дел, о котором он сообщает, соответствует действительности. В справочнике по пунктуации [Свинцов и др. 2011] эти единицы приравнены явно: наречное выражение *на самом деле* толкуется как «то же, что *в действительности, фактически*».

Вместе с тем в речевой практике фиксируются контексты, в которых эти единицы явно противопоставлены: *Он тогда фактически выиграл общий зачет... То есть почему фактически? На самом деле выиграл!* (Спортивный комментарий, март 2013 г.; последнее высказывание произнесено с ударением на *деле*); *...после дефолта он сумел так организовать дело, применив соответствующую управленческую технологию, что банк оказался фактически обанкротившимся. Даже не фактически, а на самом деле!* (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта (2000-2004) – пример из Национального корпуса русского языка). Очевидно, в значениях наречных единиц *фактически* и *на самом деле* существуют различия, позволяющие противопоставлять их. Путь к объяснению, почему такое противопоставление возможно, находим в [НОСС 2003], где наречие *фактически* представлено как относящееся не к оценке говорящим соответствия некоторого положения дел действительности, а к выбору слов(а) для обозначения этого положения дел. В этом источнике *фактически2* (будучи отличным от *фактически1* – ‘в соответствии с факта-

ми, в действительности') является доминантой синонимического ряда со значением 'говорящий указывает, что рассматриваемое положение дел обладает столь многими или столь важными признаками ситуации Р, что можно называть его именем ситуации Р и относиться к нему как к ситуации Р'. Кроме наречия *фактически*, в этот ряд входят единицы *по существу, по сути, практически*² [НОСС 2003: 1228]. Полагаем, что в контекстах, где наречие *фактически* противопоставлено наречному выражению *на самом деле*, реализуется как раз это его метаязыковое значение. А поскольку противопоставляться могут только явления, сходные в некоторых существенных чертах, можно предположить, что и единица *на самом деле* имеет в данном случае тоже метаязыковое значение.

Сказанное может относиться не только к этим двум единицам. Вероятно, многие наречия и наречные выражения, используемые при оценке соответствия некоторого положения дел действительности, употребляются и при оценке выбора слов(а) для обозначения этого положения дел. Выделяются две группы таких единиц – фиксирующие неокончательный выбор слов(а), допускающие иное слово или выражение для обозначения ситуации (*фактически, в принципе, по сути, в сущности, по идее*) и ставящие «предел» этому выбору, не допускающие иного слова или выражения (*на самом деле, действительно, реально, точно*).

Л и т е р а т у р а

- НОСС – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1488 с.
- Свинцов В.В., Пахомов В.М., Филатова И.В. Справочник по пунктуации // Справочно-информационный портал «Грамота.ру», 2011.
- СТС – Современный толковый словарь русского языка/ Гл. ред. С.А. Кузнецов – СПб.: Норинт, 2002. – 960 с.

М.Л. Кулешова (Москва)

Специфика критериев пейоративности в словенском и сербском языках на материале названий лиц

Категория «пейоративности» получает в научной литературе разную трактовку. Причины такого рода варьирования связаны с диффузностью понятий эмоциональной оценочности, экспрессивности, стилистической характеристики, образности и т.п., имеющих непосредственное отношение к данной категории. В настоящей работе мы рассматриваем пейоративные языковые единицы (пейоративы) как лексемы, служащие для выражения отрицательной **эмоциональной** оценки ([Шибяева 1988: 151], [Ковалевская 2007: 7] и др.) и характеризующиеся

как низкой, так и высокой степенью негативной экспрессивности. Основными способами выражения данной категории на языковом уровне являются словообразовательные средства, метафорический или метонимический перенос и ономотопея. К пейоративам мы не относим обценную лексику и междометия, т.е. единицы с размытым денотативным компонентом.

При анализе наименований лиц в словенском и сербском языках мы пришли к выводу, что лексикографические пометы не являются исчерпывающим критерием отнесения той или иной единицы к числу пейоративов. Как показывает практика, пометы *slabš.* (*slabšalno*, [SSKJ]) и *nej.*, *погрд.*, *подр* (пейоративно, погрдно, подругливо [PMC], [PCKHJ]) служат в качестве показателей исключительно высокой степени негативной экспрессивности. Кроме того, аналогичные единицы могут быть маркированы пометой эмоциональной окраски в словаре одного языка и не маркированы в словаре другого языка (см., например, *kameleon* (*slabš.* [SSKJ], *камеleon* (*фиг.* [PMC], [PCKHJ]) Неохваченным остается также огромный пласт метафор, отмеченных в лексикографических источниках иными сокращениями (*фиг.* (фигуративно, [PMC]), *ekspr.* (*ekspresivno*, [SSKJ]) и др.).

Особый случай представляет собой словенский язык, обладающий уникальным высокопродуктивным экспрессивным суффиксом *-ež*, не находящим соответствия в сербском. Многие дериваты, образованные с помощью данного форманта, удовлетворяют вышеприведенному определению пейоративности, однако в словаре обозначены пометой *ekspr.*

Таким образом, при сборе материала перед нами возникла задача установления четких критериев обработки лексических единиц в словенском и сербском языках. В итоге показателем пейоративности для названий лиц мы будем считать наличие хотя бы одного из нижеприведенных признаков:

1) словарной пометы *slabš.* для словенского языка, *nej.*, *погрд.*, *подр.* для сербского языка;

2) словообразовательных средств, служащих исключительно для пейорации; их список определен отдельно для каждого из языков (словен. *skoruh* – помета *ekspr.*, однако образовано с помощью пейоративного суффикса *-uh*);

3) образной составляющей и негативного оценочного компонента в значении лексемы: серб. *циган* – помета *фиг.*, но в основе лежит метафора и в толковании присутствуют слова, содержащие отрицательную оценку (*непоштен* ‘нечестный’, *рђав* ‘плохой, дурной’);

4) для словенского языка: суффикса *-ež*, пометы *ekspr.* и негативного оценочного компонента в семантике лексемы (словен. *nagnusnež* – по-

мета *ekspr.*, толкование описывает общую оценку со знаком «минус»: «*človek, ki vzbuja gnus*» («человек, вызывающий отвращение»)).

Под словообразовательными средствами, служащими исключительно для пейорации, понимаются пейоративные форманты, не используемые для образования мелиоративов. Под негативным оценочным компонентом подразумевается наличие в лексикографическом толковании слов: а) описывающих качества или действия, осуждаемые с точки зрения этических, социальных и т.д. норм; б) содержащих общую отрицательную оценку. Лексемы, характеризующиеся наличием только третьего или четвертого признаков, мы с определенной долей условности относим к единицам низкой или средней степени экспрессивности, входящим в периферию поля пейоративов.

Отбор лексического материала показал, что словенский пейоративный фонд содержит большее разнообразие частнооценочных пейоративов, нежели сербский. Есть основания полагать, что такие однокорневые квазисинонимичные лексемы, как, например, словен. *zavistnež* и серб. *zavidlyvaц* отличаются по наличию эмоционального компонента: в первом случае он привнесен с помощью суффикса *-ež*. Отсутствие в сербских словарях пометы «экспрессивное», на наш взгляд, также является показательным и, возможно, свидетельствует о том, что низкая и средняя степень экспрессивности для носителей сербского языка оказывается менее прагматически релевантной, чем для словенцев.

Л и т е р а т у р а

Ковалевская А.В. Пейоративные наименования лица в немецкой фразеологии. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Шибалева Н.П. К вопросу о функционально-семантическом поле пейоративности. // Лингвистические структуры текста: сб. науч. тр. М., 1988. С. 151-155.

РСМ – Речник српскохрватског књижевног језика. Нови Сад-Загреб, 1967.

РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд. 1959-2012.

SSKJ – Slovar slovenskega knjižnega jezika. Spletna izdaja. Ljubljana, 2000.

О.О. Лешкова (Москва)

Актуальные проблемы современной польской языковой нормы (по материалам интернет-портала (poradniajezykowa.pwn.pl))

1. Технический прогресс, распространение интернета и цифровых технологий вносят существенные изменения в дидактический процесс, значительно расширяя возможности контакта обучающихся с живым языком, становится возможным погружение в языковую среду даже при обучении иностранному языку вне основной страны его функционирования. Студенты получают доступ к языковым материалам, текстам

самой разнообразной тематики и функционально-стилевой принадлежности. Оригинальный тест становится основой обучения; причем это касается не только общей страноведческой тематики, но и научно-лингвистической.

2. Предметом рассмотрения будет использование в учебном процессе материалов интернет-портала *Poradnia językowa*, действующем на сайте издательства PWN, специализирующемся на издании различных словарей польского языка и энциклопедий. Изучение представленных на портале материалов позволяет воочию наблюдать процессы взаимодействия языковой формы, изменяющегося узуса и кодификации требований современной языковой нормы. Они также обеспечивают непосредственный контакт обучающегося с языковой практикой, с "точками напряжения" в области реального употребления языковых средств, позволяют наблюдать подвижность языковой нормы и явления, свидетельствующие о ее расшатывании, изменении и под. Важно, что знакомство с представленной на портале информацией позволяет в определенной степени преодолевать дистанцию, которая существует между текущим узусом, актуальной языковой нормой и ее закреплением (кодификацией) в словарях правильного словоупотребления (*słowniki poprawnej polszczyzny*), справочниках по культуре речи (*poradniki językowe*), которые ранее были основным источником материала и базой соотнесения при изучении указанных вопросов.

3. Анализируемый портал не является единственным в своем роде; многие польские вузы, факультеты и отделения полонистики осуществляют подобную практику и предоставляют консультации по актуальным вопросам культуры польского языка). Свои авторские проекты реализуют в интернете и СМИ ведущие специалисты по данной проблематике, напр., проф. Я. Мёдек, проф. Е. Бральчик. Особенность объекта настоящего анализа – центральный характер издания, авторитетность авторского коллектива (ведущие сотрудники, преимущественно профессора, Варшавского университета и ПАН), в котором лидером является проф. Варшавского университета М.Банько, автор и составитель многих новейших словарей польского языка, в частности, "*Inny słownik języka polskiego*". Комментарии и ответы, принадлежащие ему, отличаются яркими индивидуализированным характером, стремлением установить с пользователем непосредственный контакт, выдержаны часто в стиле обычной беседы. Но их содержание не ограничивается только указанием правильного варианта, они имеют развернутый характер, часто представляют собой микролингвистическое исследование, содержащее размышления и гипотезы автора относительно того или иного явления, а также указания на научную литературу, где данная проблематика рассматривается подробно и широко. Автор отстаивает принцип

либерального отношения к проблематике нормы, называя себя «*rzecznik poszerzania wolności językowej*». Важным обстоятельством с точки зрения лингводидактической ценности данного материала является то, что очень многие сформулированные наблюдения не находят отражения в существующих книжных изданиях, посвященных норме, а также в учебниках и учебных пособиях по польскому языку.

4. Анализ представленного на портале материала с точки зрения тематики и языковых уровней, на которых проявляются те или иные языковые изменения, выделяет те участки функционирования языка, которые подвержены наибольшей вариативности, вызывают у носителей наибольшее количество сомнений. Наше внимание было сосредоточено в первую очередь на явлениях лексико-морфологического уровня (вне сферы нашего анализа остались вопросы по пунктуации, орфографии и оформлению текста, хотя и имеющие значительный удельный вес среди всей совокупности изученного материала).

В рамках словообразовательной проблематики преобладают вопросы относительно правильности образования конкретных дериватов, относящихся преимущественно к тнз. потенциальным формациям, причем это в подавляющем (до 90%) большинстве слова, принадлежащие к категории названий жителей конкретных местностей. Из морфологической проблематики наиболее актуальными оказываются вопросы, связанные с функционированием категории рода (в широком смысле): в первую очередь, использование слов мужского рода по отношению к лицам женского пола, переходный характер конструкций типа *chłoraki przyszli*, периферийные явления в рамках категорий одушевленности и мужского лица (типа *fauny/faunowie, druidy, elfy* и под). В центре внимания продолжают оставаться формы Род.п. и экспансия синкретизма Род.-Вин. пп. у неодушевленных существительных. Многочисленны комментарии относительно новых значений слов и новых моделей сочетаемости. Синтаксическая проблематика, как правило, сосредоточена вокруг проблем порядка слов.

Ценность представленных комментариев обусловливается широкой опорой при аргументации на материалы Национального корпуса польского языка. Минидialogи «носитель языка – лингвист» часто содержат довольно детальный обзор и оценку существующей лексикографической и кодификационной практики (с выявлением противоречий, неполноты или необоснованности), кроме того представлена и узуальная оценка языковых инноваций самими носителями языка, что позволяет расширить материальную и иллюстративную базу теоретических и практических курсов по подготовке полонистов.

Границы класса каузативных глаголов в русском и белорусском языках

Несмотря на значительное разнообразие средств выражения каузативной семантики, каузативные глаголы считаются центральными средствами выражения категории каузативности. Термин «каузативный глагол» восходит к трудам Ш. Балли. Он предлагал называть каузативными такие глаголы, которые означают, что субъект вызывает некоторое действие или состояние другого лица или предмета [Балли 1955: 124–125]: *послать* – каузировать кого-то *идти*, *показывать* – каузировать кого-то *видеть*.

В настоящее время вопрос об объеме класса каузативных глаголов является одним из наиболее дискуссионных в теории каузативности. А.П. Чудинов предлагает два подхода к определению границ этой группы. При узком понимании каузативности (которого придерживаются И.А. Мельчук, Е.В. Падучева) к числу каузативных относятся только прямо-переходные глаголы типа *знать*, *поить*, *успокаивать*, *сердить*, управляющие объектом в форме винительного падежа.

В соответствии с широким пониманием каузативности, разделяемым А.В. Филипповым, к анализируемой группе относятся все глаголы, требующие зависимого имени со значением объекта, который самостоятельно совершает какое-либо действие либо подвергается воздействию с целью внести те или иные изменения (*гнуть*, *строить*, *бросать*, *влиять*) [Филипов 1978: 91–93]. А. Вежбицкая, наряду с традиционными каузативными предлагает считать также глаголы, соответствующие русским *ломаться*, *садиться*, *идти*, которые, по ее мнению, являются семантически транзитивными (переходными) и содержат «имманентный каузативный элемент» [Вежбицкая 1980: 171–172]. Т. Ольшевская, разделяя мнение А. Вежбицкой, считает, что следствием действия каузативных глаголов типа *есть*, *читать* является «пребывание объекта в состоянии «поглощения», чтения» [Ольшевская 1986: 36]. Глаголы подобного типа И.Б. Долинина описывает как «имплицитно переходные и каузативные» [Долинина 1989: 173]. Сюда же А.П. Чудинов относит лексические единицы, у которых обозначение объекта действия включается в семантику глагола, в связи с чем они не являются переходными: например, возвратные глаголы *отелиться*, *бриться* [Чудинов 1982: 47–51].

Традиционно принято считать, что в русском и белорусском языках оформление каузативного значения тесно связано с формальными средствами выражения глагольной переходности: каузативный глагол функ-

ционирует как прямо-переходный глагол без предлога. По мнению некоторых лингвистов, это не единственное морфологическое разрешение каузативной ситуации. А.В. Исаченко решает эту проблему, отрицая существование переходных/ непереходных глаголов, так как переходность/ непереходность, по его мнению, не является постоянным свойством глагола, и говорит только о переходных и непереходных значениях глаголов [Исаченко 1969: 350]. П.П. Шуба пишет, что «...переходность или непереходность глагола – это его семантическая черта. И поэтому формальный показатель – падеж имени-объекта – не всегда может быть исчерпывающим критерием при определении переходности/ непереходности или характера переходности» [Шуба 1968: 16]. За внешними грамматикализованными различиями глаголов видны их категориальные семантические сходства.

Таким образом, при широком понимании каузативности, принятом в настоящей работе, каузативными будем считать акциональные глаголы со значением интеллектуального или ментального, физического, социального действия, направленного на другое лицо или предмет, в результате чего последнее само совершает какое-либо действие, испытывает состояние, меняет качество [Всеволодова 2000: 57–58]. Формальные средства выражения каузативного значения в русском и белорусском языках не ограничиваем винительным беспредложным. Для того чтобы сопоставлять категорию каузативности в названных выше славянских языках, необходимо опираться на семантические признаки ‘каузативность’ – ‘Х делает так, что начинает иметь или имеет место новая ситуация Р’; ‘переходность (транзитивность)’ – ‘направленность действия субъекта на объект’.

В русском и белорусском языках выделяются различные типы формальных оппозиций (ФО) между каузативным и некаузативным глаголом: 1) деривационные (рус. *открыть* – *открыться*), 2) морфологические (рус. *выращивать* – *расти*), 3) супплетивные (рус. *жечь* – *гореть*). Перечисленные три типа называются полными (термин Г.Г. Сильницкого), поскольку налицо оба их члена. Они охватывают основную часть каузативных оппозиций в анализируемых славянских языках. Особый интерес вызывает существование неполных оппозиций. Неполные ФО представлены следующими типами: 1) неполные транзитивные ФО: рус. *защищать* – *быть защищенным*, бел. *бяліць* – *быць белым*; 2) неполные интранзитивные ФО: рус. *уйти* – *заставить уйти*, бел. *прыгадаць* – *прымусіць прыгадаць*.

Суммируя сказанное, подчеркнем, что при разграничении каузативных/ некаузативных глаголов во внимание принимаются, в первую очередь, семантические признаки каузативных глаголов, поскольку в работе мы придерживаемся широкого понимания каузативности.

Л и т е р а т у р а

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М. : Иностр. лит., 1955. – 416 с.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса : фрагм. приклад. (пед.) модели яз. : учебник. – М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2000. – 502 с.
- Долинина И.Б. Синтаксически значимые категории английского глагола. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. – 215 с.
- Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. – Братислава : Изд-во Словац. акад. наук, 1960. – Ч. 2 : Морфология. – 576 с.
- Филиппов А.В. К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах // Рус. яз. в шк., 1978. № 1. – С. 90–94.
- Чудинов А.П. О семантике и классификации каузативных глаголов // Семантические классы русских глаголов. 1982. – С. 47–54.
- Шуба П.П. Дзеяслоў у беларускай мове. – Минск : Выд-ва БДУ, 1968. – 82 с.
- Olszewska T. Causativity as linguistic phenomenon : a study based on English and Polish. – Lublin : Uniw. Marii Curie-Skłodowskiej, 1986. – 158 p.
- Wierzbicka A. The semantics of grammar. – Amsterdam ; Philadelphia : J. Benjamins Pub., 1988. – 550 p.

К.В. Лифанов (Москва)

Языковые особенности «Катехизиса» М. Лютера 1634 г.

Важными памятниками словацкой евангелической письменности являются переводы «Катехизиса» М. Лютера, язык которых, однако, до настоящего времени изучен недостаточно. Особое место среди них занимает «Катехизис», опубликованный в 1634 г. в г. Левоча (Восточная Словакия). Данный катехизис с языковой точки зрения делится на две части. Первую составляет текст собственно «Катехизиса» М. Лютера, переведенный по инициативе Жилинского синода 1610 г. – первого законодательного синода евангелической церкви Верхней Венгрии и опубликованный впервые в 1612 г. «Катехизис» 1634 г. воспроизводит текст ранее изданного (Žibritová 2011). Собственно катехизис написан на чешском языке того времени, в котором обнаруживаются лишь отдельные отклонения, например: непоследовательное образование форм им. падежа мн. числа адъективалий, согласуемых с существительным *hřjch* (Před Spowědnjkem pak máme se toliko z těch hřjchůw zpovjdati, *kteřž* nám *známj* gsau / a *kerě* w Srdcy swém cýtjme), отсутствие дифтонга *ou* в одной словоформе (*že gsem Pánu Bohu wssetohúcymu wěrně neslaužil*), употребление формы *gich* в значении род. падежа мн. числа (*ale ge* (Rodiče – K.L.) *w poctiwosti měli / milowali / gim slaužili / poslussnij byli / a gich* welice sobě wážili).

Принципиально иной языковой характер имеет вводная часть катехизиса и три приложения («Rosarium Animaе», «О способе моления», «Духовные песни»), написанные приходским священником в восточно-словацком селе Спишский Гргов Даниэлем Прибишем (около 1580 г. –

1645 г.), который был родом из Средней Словакии, из села Липтовска Тепла. Данная часть катехизиса отличается обилием словакизмов. Среди них ожидаемо обнаруживаются общесловацкие явления, противопоставляющие словацкий язык чешскому, например: отсутствие дифтонга ou (Poddag mi ruku *prawu* Wijry twogeg; Neb gide Pán / a bljsko gest deň Mrakoty / a těmnostj / deň Oblaku a *bure*), нестяженные формы местоимений (A w Episistolě *swogeg* Swaty Jan... Pisse; nemálo sém tě Prestrassyl a zarmutyl hřijchj *twogimij*), омонимия род. и вин. падежей мн. числа в парадигмах одушевленных существительных (Mily Páně Gezu Kryste rač wzhlědnuti na nás *hřijssných hřijssnikůw* Очума swého Swatého Milosrdénstwj), наличие флексии ej в род., дат. и предл. падежах ед. числа адъективалий женского рода (a nasledug mne do *tegtó zahradjk Ružoweg w kterege* odpočywa twůg mily Krystus Pán), озвончение глухих согласных перед гласными и сонорными согласными (Aniž vtijkag z *Adamem* / abyse křyl před tym / který sám ma moc odpussteti hřijchi na zemi; Stymito řečmi Syna Božjho z *rownáwa se* y onáno Swatého Pawlá k. Rym. 10. kap.) и т.д.

Спецификой языка данной части катехизиса является обилие в нем среднесловацких диалектных особенностей и отсутствие западнословацких, которые, как правило, составляют основу генетических словацких элементов в большей части текстов, возникших до кодификации Л. Штура. К числу выявленных среднесловацких особенностей относятся дифтонги ie, uo, ia (který gj *liecj* wonnymi / *kwietskami*; mnohem meneg wiznawáti bude *muocy*; Třy pak *hřjadkj* nachazegj se w tegtó Zahradce), смягчение парных мягких согласных перед исконным е и е, возникшем из ь (*Dněs dněs* když biste vslysselij hlás geho / *ně zatwrzugtě* Srdcia wassé), наличие вставного гласного o в форме причастия на -l мужского рода, образованного от глагола *mosi* (abych *můhol* hodně oplakáwatj hřjchi me y lidu me[h]o), употребление флексии -ou в твор. падеже ед. числа имен женского рода с основой на мягкий согласный (Nebo Prwssymi dwema hřjadkamj Pán Krystus Nalezén / a *tretow* zdržen biwa) и т.д.

Противоречит общей тенденции развития языка средневековой словацкой письменности наличие таких богемизмов, которые, как правило, к 30-м гг. XVII в. уже утратились. Это обилие случаев обозначения согласного ř, хотя часто гиперкорректное (Pro kтеру *Přjčinu* y Ssalomun w 1. Pral. cap. 20. Pisse že žaden Nemůže rijci čysté gest Srdce mé; A sem *přjnaležj* tež řeč S. Yana w prwsseg kanonice; Niekdy magjce y swe y swého Lidu *hřijchi* Oplakáwatj *přorok* Hjeremiaš wolal ku Pánu Bohu), почти последовательное отражение чешских перегласовок за редким исключением (yako list *zanássa* wítr od Stromu), почти последовательное отражение сочетания šť (*gesstě* wezmj a vžyw y tretj wrssek).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что данный текст находится вне основного направления развития языка словацкой письменности, суть которого сводится к взаимодействию древнечешского языка с югозападнорусскими говорами при возможном проникновении в его структуру диалектных особенностей иного происхождения. Это было характерно практически для всей католической письменности и низших жанров письменности евангелической (Лифанов 2001). В связи с этим возникает вопрос, отражают ли вводная часть и приложения «Катехизиса» М. Лютера 1634 г. идиолект Даниэла Прибиша или в евангелической среде существовал особый идиом, тяготевший к средне-словацкому диалекту. Ответ на этот вопрос может быть дан в будущем в результате поиска и изучения иных текстов, созданных словацкими евангелистами.

Л и т е р а т у р а

Лифанов К.В. Генезис словацкого литературного языка. *Lincom Studies in Slavic Linguistics* 21. – München, 2001.

Žibritová G. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612: Vydavateľsko-tlačiarenské aspekty // *Pramene k duchovným dejinám Slovenska* / Ed. Miloš Kovačka. – Martin: Slovenská národná knižnica, 2011: <http://www.snk.sk/?CF2>

Н.А. Лунькова (Москва)

«Дикая утка между деревьями» Станислава Стратиева. Жанровая специфика

«Дикая утка между деревьями» болгарского писателя С. Стратиева была опубликована в 1972 г. Сам автор определил жанр своего произведения как повесть, однако большинство исследователей этого периода болгарской литературы, обнаруживая в «Дикой утке...» романские черты, относят ее к «роману в новеллах» или «новеллистическому роману».

Говоря об особенностях развития прозаических структур в болгарской литературе середины 1960-х – начала 1970-х гг., стоит отметить тенденцию к деэпизации, отказ писателей от масштабных эпических полотен, камерность, лиризацию прозы. Этот новый этап литературы связан с преобладанием небольших по объему жанровых форм – рассказа, новеллы, повести, небольшого романа. Однако ключевой момент процесса лиризации состоит не в изменении формы, а в структуре художественного сознания рассказчика, которое определяет нарратив и «соотношение объективного и субъективного, их единство, свободные переходы и изменения» [Ликова 1978: 263]. Этот процесс жанрового синтеза получает особое развитие в творчестве Стратиева.

Роман Стратиева представляет собой девять глав-новелл, «нанизанных» на общей стержень – образ главного героя, Сашко Антонова. О

таким способе построения, когда «одна законченная новелла-мотив ставится после другой и связывается <...> единством действующего лица» [Шкловский 1929: 88], говорил В.Б.Шкловский, доказывая, что предшественником романа в европейской литературе был именно сборник новелл. Так, открытая романная структура позволила Стратиеву включить в нее наиболее значимые повороты жизни героя и оформить их в качестве отдельной истории-новеллы, продемонстрировав развитие характера героя, его «способность к постоянному не знающему пределов движению по просторам жизни, мысли и чувства» [Кожин 1963: 327]. Написанный от 1-го лица роман можно отнести к роману воспитания (Bildungsroman): герой окончил школу, отслужил в армии и теперь пытается найти свое место в обществе, пробует себя в качестве экскурсовода, продавца семечек, сдает экзамены в университет и т.д. Типичный представитель своего поколения, Сашко в своем конфликте с окружающим миром, бюрократию и ограниченность которого он не принимает, всегда ироничен, и эта ирония, по мнению болгарского литературоведа Б. Ничева, характерна именно для *романов* этого типа, благодаря которым «болгарская литература смогла выразить свою позицию, полную иронии и отмеченную определенной дистанцией по отношению к самой себе» [Ничев 1983: 253].

Таким образом, основываясь на особенностях развития болгарского литературного контекста 1960-1970х гг., можно утверждать, что благодаря традиционной для романа воспитания тематике, открытой и мозаичной структуре текста, многонаправленной иронии, типу героя, «Дикая утка между деревьями» С.Стратиева, несмотря на небольшой объем, несет в себе больше черт романа, нежели иного прозаического жанра.

Л и т е р а т у р а

- Бахтин М.М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 447. – 483.
- Игов С.* Към нов социален роман // Проблеми на съвременната българска проза. – София: Български писател, 1973. – С. 237-285.
- Карцева З.И.* Особенности развития болгарской прозы 60-80-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 144 с.
- Кожин В.В.* Происхождение романа. – М.: Советский писатель, 1963. – 439 с.
- Ликова Р.* Разказвачът в съвременната българска белетристика. – София: Наука и Изкуство, 1978. – 325 с.
- Ничев Б.* Современный болгарский роман. – М.: Радуга, 1983. – 352 с.
- Стратиев С.* Избрано. Т.1. – София: Труд, 2009. – 760 с.
- Шкловский В.Б.* О теории прозы. – М.: Федерация, 1929. – 268 с.

Восприятие творчества В.Г. Распутина в Китае

Интерес китайских литературоведов, критиков и переводчиков к русской литературе формировался начиная с 20-х годов XX века и охватывал как классический ее период, так и современное развитие. Это в немалой степени способствовало не только знакомству китайского общества с культурой сопредельного народа, но и развитию отечественной литературы. Особой страницей в истории межнациональных и культурных связей стал период первой волны русской эмиграции и создание ее центров в Шанхае и Харбине.

После 1949 года в нашей стране можно отметить два периода особенно интенсивной переводческой деятельности и, следовательно, волн читательского интереса: в 1950-е и 1980-е годы. Так, в 1980-е годы количество переведенных на китайский язык произведений русской (советской) литературы, в основном созданных в 1960-80 гг., достигло более 5000. При этом следует отметить стремление представить читателю как можно более широкий круг произведений, отражающих современное состояние литературного процесса и проблемы, волнующие общество. Разумеется, это не могло не сказаться на качестве отбора и перевода.

По сравнению с 1980 гг., в последние десятилетия переводческая деятельность отличается более высокой степенью требовательности к литературному материалу и сугубой кропотливостью и строгостью, что отражается в резком снижении количества переведенных произведений и в увеличении количества литературоведческих и критических работ, посвященных современной русской литературе. (Юй Ичжун 1995:70)

Конец 1970-х и все 1980-е годы считаются «золотым периодом» перевода и исследования русской и советской литературы в Китае. Количество произведений, переведенных в этот период, превысило общий объем переводной русской литературы за 100 предшествующих лет. Причины переводческой волны, по мнению известного китайского русиста, профессора Юй Ичжуна, состоит в том, что «во-первых, в этот период отношения между двумя странами КНР и СССР были нормализованы, китайские переводчики могли работать без опасений; во-вторых, в Советском Союзе развертывалась перестройка, целью которой в первое время было усовершенствовать социализм, и китайцы, в частности русисты, очень интересовались мнением о социализме русских людей, выбравших его первыми в мире». (Юй Ичжун 1996:27) Именно в это время были переведены и произведения русского писателя В.Г. Распутина, которые, до сих находясь в центре внимания китайских ис-

следователей и переводчиков, оказывают влияние и на творчество современных китайских писателей.

Первое знакомство китайских читателей с творчеством В.Г. Распутина произошло в 1980 году: в то время был переведен и опубликован имеющий автобиографическую основу рассказ «Уроки французского» в журнале «Зарубежная литературная развитие» под рубрикой «Поучительные рассказы». Как видим, именно нравственная проблематика распутинских произведений с самого начала была воспринята как доминанта его творчества в целом. Художественный мир сибирского писателя, завоевавшего народное признание и любовь на Родине, оказался близок китайскому читателю, а высокая духовная содержательность его книг созвучна жизненным проблемам и переживаниям.

Именно этим, думается, можно объяснить популярность распутинских повестей «Деньги для Марии» (1967), «Последний срок» (1970), «Живи и помни» (1974), «Пожар» (1985). На сегодняшний день почти все его произведения переведены на китайский язык. В 2005 году повесть «Дочь Ивана, мать Ивана», переведенная ученым-филологом Ши Наньчжэном, была названа одним из лучших зарубежных произведений иностранных авторов, получив награду конкурса «Лучший зарубежный роман XXI века», проводимого Издательством народной литературы. Представляются очень значимыми мысли, высказанные В.Г. Распутиным в связи с публикацией этого произведения в Китае: «Западный мир, еще недавно задававший утонченный тон в литературе, без всякого сожаления его растеряла Россия, державшая в литературе взыскательный и целомудренный вкус, развеяла его по ветру так скоро, будто не было у нее великого по мастерству и содержанию XIX века, а затем на три четверти и века XX». В Китае и теперь, по словам писателя, печатают «книги, написанные по старинке, по заповедям и нормам тех времен, когда морализаторствовали Толстой и Достоевский, Диккенс и Фолкнер, а также китайские Лу Синь и Лао Шэ ... В Китае ... не меньше миллиарда читателей, и если всех их воспитать на добрых и чистых примерах, на милосердии и трудолюбии, на красоте природы и красоте человеческой души, на мудром и глубоком языке, на примерах любви к своей земле и своим традициям – о, много в литературе есть прекрасно-го и учительного! – и если бы миллиард китайцев воспитался на ней, да миллионы в России, не падших еще под властью зла, да кое-кто из спасшихся на Западе, да великий Восток, да немалый и остальной мир, – да ведь это явилась бы новая цивилизация, решительно отказавшаяся от зла в книгах, да и во всех иных искусствах! Ведь знаем же мы: сильно зло, но любовь и красота сильнее», см. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1151788980>

Суждение писателя о современном состоянии мира и человека, о возросшем как никогда значении нравственного воспитания, за которое всегда брала на себя ответственность литература, его пророческая и трагическая интонация – свидетельствуют об искренней любви к человеку, боли за него. И китайские читатели, и специалисты-филологи, и критики не могли не откликнуться на слово, обращенное к ним.

Помимо переводческой работы, в нашей стране организуются семинары и научные конференции по изучению творчества русских писателей. 24 марта 2012 года в Российском культурном центре в Пекине прошел научно-методический семинар «Творчество В.Г. Распутина в контексте современных социальных и духовных проблем». Встреча ученых, методистов, издателей и переводчиков завершила цикл мероприятий, посвященных 75-летию юбилею В.Г. Распутина. Целый ряд докладов отразил важнейшие стороны восприятия его творчества в китайской читательской и исследовательской среде. Чжан Фушэн, глава издательства «Народная литература», в котором было осуществлено большинство переводов произведений писателя, в сообщении «Редактирование произведений В. Г. Распутина» отмечал глубокий отклик читателей на классические повести 60-80-х годов, сочувствие героям и авторской позиции. Профессор Чжан Цзяньхуа, заведующий кафедрой славистики в Пекинском университете иностранных языков, обратил внимание на культурно-этическое значение произведений В. Распутина, провидческую роль художника, несмотря на его статус советского писателя. Заслуживает внимания то, что ученый связал философско-этические проблемы, раскрытые автором в жизни русского народа, с актуальными для китайского общества вопросами: указал на значимость давних экологических предупреждений для современного масштабного строительства в Китае наперекор природе и интересам землепользования.

Профессор Института зарубежной литературы Лю Вэнфей, переводчик поздних распутинских рассказов «Нежданно-негаданно» и «Сеня едет», отметил изменение авторской позиции, публицистичность и даже ужесточение позиции писателя в поздних произведениях. Нельзя не обратить внимание на то, что не может не свидетельствовать о глубоком понимании и сочувствии писательской позиции: китайские исследователи, присудившие литературную премию выдающемуся русскому писателю за последнюю повесть, были разочарованы тем, что их признание суровой книги не нашло поддержки и понимания в России.

По словам заместителя главного редактора Издательства народная литература Сяо Лихуань, переводчики и редакторы издательства придают большое значение работе с современными авторами, представляющими культурный мир современной России. Творчество В.Г. Распу-

тина, крупнейшего русского писателя современности, чьи произведения уже стали классикой XX века, помогает китайскому читателю глубже понять русскую культуру, русский менталитет и саму русскость.

Л и т е р а т у р а

Юй Ичжун Новое развитие русской литературы во первой половине 1990 гг. Современная зарубежная литература 1995. №3. С.70-77

Юй Ичжун Как “нас” читают в Китае? // Литературная газета. 03 Июля 1996. №27

Чэнь Цзяньхуа История исследований русской и советской литературы в Китае: в 4 тт. Чунцин, 2007.

И.И. Макеева (Москва)

Южнославянская редакция сказаний о чудесах Николая Чудотворца

В отличие от многочисленных русских списков сказаний о чудесах Николая Мирликийского, южнославянских рукописей известно мало; см. [Иванова 2008: 338-350; Иванова 2011]. Особого внимания заслуживает список XIII в. (палимпсест) чуда об Агрике и его сыне Василии (РНБ, Q.п.I.64).

Как установил В.М.Загребин, палимпсест Q.п.I.64 представляет собой часть сборника, когда-то включавшего также и нынешние фрагменты Син-34, Греч-70 и Q.п.I.63. Некоторые статьи сборника имеют древнерусский извод (Беседы Козмы пресвитера против богомилов, Слово Анастаса об усопших); у большинства статей извод среднеболгарский. В той части сборника, которая сейчас известна как Q.п.I.63 и содержит житие кн. Ольги, житие мучеников-варягов, житие кн. Владимира и слово о мудрости душевной, о плотской, о богатстве и о милости, правописание среднеболгарское с русизмами, что свидетельствует о русском оригинале статей. В Q.п.I.64, являющейся продолжением предшествующего фрагмента и написанной одним почерком, правописание первых двух статей, в том числе чуда об Агрике и его сыне Василии, среднеболгарское с русизмами, а двух других – болгарское. Все части сборника были написаны на Синае. Немногочисленные русские рукописи могли быть занесены туда южными славянами или редкими русскими паломниками [Загребин 1979: 61-74].

Ранее П.А. Лавров в «Энциклопедии славянской филологии» поместил описание этого палимпсеста среди «рукописей болгарского правописания, списанных с русского оригинала, или заключающих русские черты правописания». Он указал следующие русские особенности чуда об Агрике и его сыне Василии (лл. 1 об.-6 об.): **Учаще, нашага, надежа; чаюца, въспригати, кдиночады, похрониль** [Лавров 1914: 135].

Н.М. Сперанский, утверждая, что чудо об Агрике и его сыне Василии было русским переводом, довольно рано (не позднее XIII в. или в крайнем случае в XIV в.) проникшим сначала в Болгарию, а оттуда в Сербию, указывал на совпадение старейших русских (XII в.) и позднейших русских (XIV в.) текстов с южнославянскими списками Белградской научной библиотеки (XIV в.) и с палимпсестом XIII в., а также говорил об их общем источнике [Сперанский 1923: 197-200].

Источник ранней русской редакции (она находится в Торжественнике XII в составе Златоструя (РНБ, Ф.п.1, 46) и в Хлуд-215 (ГИМ) XIII в.) и «синайской» редакции чуда действительно был общим. Судя по сохранившемуся в самоназвании номеру *три*, оно извлечено из цикла чудес св. Николая того же состава, который представлен в Хлуд-215 и который реконструируется для древнейшего славянского переводного цикла сказаний о чудесах. На связь списков указывает также чтение **и велиж тж печаль** (л. 2 об.).

Вопреки утверждению Н.М.Сперанского, текст сказания в палимпсесте не идентичен тексту в Торжественнике и в Хлуд-215. Во-первых, в сиайском списке сказание об Агрике и его сыне Василии сокращено: исключена большая часть текста в конце, сокращен вставной эпизод с изложением части чуда о трех воеводах. Многократно опущены части фраз и отдельные слова: **весь градъ. мѣжик и жены** л. 1 об. – **всь градъ. моужи и жены и дѣти** Хлуд-215 л. 6; **василна** л. 2 об. – **сна же агрикова васила** л. 6 об.; **ты кто кси** л. 4 – **кто ты кси. или како кси смѣлъ влѣсти въ полатю** л. 9; и **посла к нимъ** л. 4 – **то слышавъ кпарухъ. ѡца поустити къ моужемъ тѣмъ** л. 8 об.; **штиде къ стѣмоу николѣ** л. 2 – **штиде къ стѣмоу николѣ. и дошьдъшю кмоу къ стѣмоу** л. 6 об. и др. Редактор намеренно опускал то, что казалось ему лишним. Иногда он переделывал предложения: **Стро бо ми ксть повелѣлъ црь ѡсѣкнжти вы** л. 4 – **оутро бо ми рекаъ црь. кже оусвьне тоже вы хоцю постѣци** Хлуд-215 л. 8 об.; и **дроужи ѡвѣдаща вагахъ ки. и чюжахъса и тако вьнезапж бывшоу плѣноу** л. 3 об. – и **оувѣщавахоутъ га. и чюжахоу са вьнезапоу вывшю планоу** л. 8.

Во-вторых, в тексте есть лексические замены, часть из которых не имеет аналогов в русских рукописях. В сиайском списке появилось **въ востровъ срацынскы** вм. **критъскыи**, **мнихъ** вм. **калоутеръ**, **добрь** и **красень** вм. **лѣпъ**, **вьстници** вм. **свьвьстници**, **кжпж** **своима ржкама** вм.

прихващю, шблбыхжж вм. цѣлоюю, похрониль вм. скоутала, без вины вм. безъ грѣха, свббажакъ вм. пращакъ и др.

Таким образом, все указывает на целенаправленную работу с текстом. Поэтому можно рассматривать этот список сказания как сокращенную «синайскую» (южнославянскую) редакцию сказания об Агрике и его сыне Василии.

Л и т е р а т у р а

- Загребин В.М. О происхождении и судьбе некоторых славянских палимпсестов Синая // Из истории рукописных и старопечатных собраний (Исследования. Обзоры. Публикации). Сб. научных трудов [ГПБ]. Л., 1979. – С.61-80.
- Иванова Кл. Bibliotheca Hagiographica Balcano-Slavica. София: Академично издателство «Проф. Марин Дринов», 2008. – 720 с.
- Иванова Кл. Тексты, посвященные св. Николаю в балканских кириллических календарных сборниках // Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире. М.: Скиния, 2011. – С. 166-174.
- Лавров П.А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. / Под ред. И.В.Ягича. Вып. 4 (1). Пг., 1914.
- Сперанский М.Н. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур // Известия ОРЯС. Т.26. Пг., 1923. С.143-206.

И.К. Манучарян (Ереван)

К вопросу о некоторых особенностях славянского местоимения в синхронии и диахронии

С глубокой древности местоимение было достаточно разветвленной частью речи во всех славянских языках. Являясь важным структурным элементом предложения и текста, местоимение во всех своих разновидностях было и является очень употребительным. Мы остановимся в докладе на некоторых специфических особенностях славянского местоимения.

1. К числу таких особенностей относится сохранение в некоторых современных славянских языках двух рядов форм дательного и винительного падежей личных местоимений первого и второго лица, а также возвратного местоимения. Помимо полных падежных форм параллельно употребляются и краткие, или т.н. энклитические формы, которые в древности были характерной чертой личных и возвратного местоимений во всех славянских языках. Энклитические формы личных местоимений в восточнославянских языках не сохранились, за исключением отдельных случаев их употребления в диалектной речи. В западнославянских языках энклитики сохраняются в польском, чешском и словацком языках: ср. *mi, ci, się* (польский язык), *mi, ti, se* (чешский и словацкий языки). Со временем их круг расширился и энклитики проникли

также в сферу родительного падежа, очевидно, под воздействием энклитического местоимения в винительном падеже. Сохранение и употребление энклитик личных и возвратного местоимений характерно также для южнославянской группы языков: болгарского, сербского и македонского языков (*ми, ти, се*), хорватского и словенского языков (*ми, ти*). Энклитические формы местоимений являются удобным средством оформления структуры предложения: служат для выражения объектных отношений в нем, не несут на себе логического ударения, помогают избегать повторов в связном тексте и др. Энклитики были частотны и в старославянских текстах. Личные местоимения в краткой форме были очень употребительны также в древнерусских и старорусских текстах разных жанров. Их утрата относится к XV веку, но они употребляются в текстах вплоть до XVII века. Особой в славянских языках оказалась судьба энклитических форм возвратного местоимения, ставших морфологическим средством выражения залоговых отношений. В русском литературном языке форма винительного падежа возвратного местоимения стала одним из аффиксов в слове – залоговым постфиксом *-ся (-сь)*, использующимся для передачи возвратного или страдательного значения. Отметим, что в других славянских языках наблюдается несколько иная картина: так, в чешском языке сегодня функционируют две краткие формы возвратного местоимения *se* и *si*, которые служат для выражения залоговых отношений. Эти энклитики грамматикализованы в разной степени: *se* вводит в предложение сугубо залоговое значение, а *si* обладает, помимо грамматического значения, и некоторым лексическим значением. В славянских языках энклитики возвратного местоимения в своем употреблении отличаются от соответствующих русских форм: они пишутся отдельно от глагола и могут находиться в препозиции, постпозиции и дистантно по отношению к нему. В русском же языке налицо завершенность процесса трансформации энклитической формы возвратного местоимения в один из аффиксов в структуре глагольного слова, в залоговый постфикс.

2. Интересной особенностью славянского местоимения стало развитие личного местоимения 3 лица для указания на лицо, не участвующее в диалоге. Востребованность местоимения 3 лица была удачно решена за счет указательного местоимения *он, она, оно*. Во всех славянских языках данное указательное местоимение полностью перешло в разряд личного местоимения 3 лица. И в чешском языке функционирует личное местоимение 3 лица того же происхождения, но в то же время оно еще сохраняется и как указательное местоимение: ср. личное местоимение *он, она, оно* и указательное местоимение *опа, она, оно*, указывающее на более отдаленный предмет. Исторический комментарий объясняет причину позднего супплетивизма в падежной парадигме этого

местоимения в славянских языках (*он – ego – ему* и др.), возникшего в результате контаминации двух парадигм – *он* в форме именительного падежа и форм косвенных падежей указательного местоимения *и*. Именно по причине того, что данное местоимение было указательным, оно, в отличие от личных местоимений, в систему которых и вошло, имеет родовые различия и этим значительно отличается от остальных форм личных местоимений.

3. В кругу неличных местоимений интересное развитие пережили указательные местоимения, которыми были богаты славянские языки еще с праславянского периода. Об одном из них говорилось выше, это *он – она – оно*. Но были также и другие указательные местоимения: *тъ – та – то, овъ – ова – ово*, а также *и – я – е*, которые участвовали в организации цепных связей между предложениями в тексте. Указательные местоимения сигнализировали о предупомянутости имени, т.е. создавали значение четко выраженной определенности. В таком употреблении они по своей функции приближались к определенному артиклю, или предартиклю (термин Р.Ф.Касаткиной).

В древности во всех славянских языках указательные местоимения выражали три степени удаленности: 1/ близость к говорящему, 2/ близость к собеседнику (т.е. бо́льшая степень удаленности), 3/ наибольшая удаленность. В славянских языках первая степень удаленности выражалась указательным местоимением *сь – ся – се*, вторая степень вербализовывалась посредством указательного местоимения *тъ – та – то*, а третья степень выражалась с помощью указательного местоимения *онъ – она – оно*.

В процессе исторического развития славянских языков исчезло из употребления указательное местоимение *сь – ся – се*. В современном русском языке указательные местоимения способны выражать лишь две степени удаленности по отношению к субъекту речи – близость к нему (*этот – эта – это – эти*) и удаленность от него (*тот – та – то – те*). В чешском языке местоимение *sen* для указания на ближайший предмет утратилось рано (в XV веке его уже не было), но на его бывшее присутствие указывают такие формы, как *dnes* в значении сегодня, *letos* в этом году и др. В славянских языках были и другие указательные местоимения, рано утратившиеся. Это такие указанные выше местоимения, как *и, я, е*, оставившие свой след в полных формах прилагательных и склоняемых причастий, а также в косвенных падежах в парадигме склонения местоимения *он – ego – ему* и др. В славянских языках отмечают и указательные местоимения *овъ (ова, ово)*, след от которых сохранился в македонском языке в качестве постпозитивной артиклевой частицы (*-ов, -ва, -во*), наряду с другими артиклевыми частицами, происшедшими из указательных местоимений (*-т, -та, -то* и *-он, -на, -но*).

Указательное местоимение *тъ – та – то* не только в древнерусский, но и в старорусский период выполняло функцию, близкую к артиклевой. Это подтверждают многочисленные примеры из памятников даже позднейшего старорусского периода XVII века. Показательны в этом отношении сочинения протопопа Аввакума, в которых фиксируется частое употребление постпозитивного *-т* в значении определенного артикля (*Она рожу-ту закрыла рукавом*). Употребление указательных местоимений в артиклевой функции показывает этапы их трансформации в неизменяемую постпозитивную частицу *-то*, употребляемую сегодня больше в разговорном и диалектном русском языке. Интересные данные предоставляет русский диалектный материал, в котором указательное местоимение *-т, -та, -то* имеет, с одной стороны, артиклевую функцию, а с другой стороны – не утратило окончательно связи с местоимением и употребляется в разных падежных формах, согласуясь с именем и сохраняя остатки былого согласования с ним (*отец-от, изба-та, воду-ту*). По сути, в этих формах отражаются незавершенные этапы перехода указательного местоимения в постпозитивную артиклевую частицу. Указательное местоимение *-ът, -та,*

-то в качестве артикля функционирует, причем очень активно, в болгарском языке (*прозорецьт, масата*). В македонском языке этот процесс охватил не только данное указательное местоимение, но и два других: *-ов, -ва, -во* и *-он, -на, -но*.

В литературном русском языке развития артикля из указательного местоимения не произошло, но в разговорной речи функционирует частица

-то, вносящая значение определенности при указании предмета (лица).

Таким образом, рассмотрение некоторых видов местоимений в разных славянских языках позволяет проследить динамику их развития, увидеть разные этапы и логику этого развития в соответствии с востребованностью тех или иных форм местоимения в отдельных славянских языках. Бросаются в глаза также типологические сходства и различия в результате развития форм славянского местоимения.

Б. Марич (Белград)

Verba dicendi в русском и сербском языках при передаче чужой речи

В первой части данной работы обращается внимание на общие характеристики типов передачи чужой речи (прямая и косвенная речь, несобственно-прямая речь и другие модификации основных типов передачи чужой речи) в рассматриваемых близкородственных языках. В

центральной части работы даются типы глаголов по значению, используемых при передаче чужой речи. Автор делает попытку утвердить, какие семантические группы глаголов используются в двух языках при определенных типах передачи чужой речи.

А.Н. Матрусова (Москва)

Смысловые оппозиции в славянских языках: межъязыковая энантиосемия

«Отец» энантиосемии как раздела лингвистической науки (а энантиосемию уже следует рассматривать именно как раздел лингвистической науки), и автор собственно термина «энантиосемия» В. И. Шерцль не был им доволен: «Слово «энантиосемия» не совсем удачно подобрано, так как оно не вполне точно выражает суть самого явления...» [Шерцль 1884: 1].

Почему ученый был недоволен своим термином и что он подразумевал под сутью явления? Эта проблема прояснится, если задуматься о том, как представляют энантиосемию современные ученые. Явление энантиосемии рассматривают то как частный случай омонимии или полисемии, то как вид антонимии. Однако энантиосемия обладает рядом своих собственных признаков: в отличие от омонимии, есть общий компонент значения энантиолексем, по которому он противопоставляется, в отличие от антонимии, облики слов, выражаемых противопоставлением, являются абсолютно идентичными. То есть, казалось бы, вопрос о независимости и самостоятельности явления можно закрыть.

Однако сама идея противопоставления смыслов, которой, к сожалению, еще не уделили должное внимание, приобретает особое звучание. Как известно, антонимы могут быть контекстными (контекстуальными), то есть «вода и камень» – это некое противопоставление, или противоположение смыслов. Возникает вопрос – отчего же самостоятельные лексические языковые единицы могут вступать в отношения семантической оппозиции или противопоставления смыслов, если на самом деле такого противопоставления нет?

В славянских языках имеются межъязыковые энантиосемы: лексемы с противоположным значением. Однако фонетически и фонемно эти лексемы идентичны. Тем не менее вопрос остается открытым – в чем специфика тех оппозиций, в которые вступают уже не русские лексемы и смыслы, а лексемы и смыслы разных языков, сохраняя при этом свой облик.

Типичным примером такого рода энантиосем мы можем назвать пару слов: польское *zaropnieć* (не удерживать в памяти, перестать помнить к кому-либо, о чем-либо) и русское *запомнить* (удерживать в памяти, пом-

нить о чем-либо). Такое противопоставление несомненно. И все чаще возникают вопросы о том, что и как противопоставлять? Противопоставляем ли мы только конкретные смыслы, такие как «черный – белый», или наше представление об антонимии слишком узко? Почему В. И. Шерцль считает возможным противопоставлять «радость – болезнь» [Шерцль 1884:64], кошка – собака [Шерцль 1884: 65], «красный – черный» [Шерцль 1884:70], «кислый – соленый» [Шерцль 1884:77]. Рассматривая эти и другие противопоставленные по смыслам пары энантиосем, мы приходим к выводу о латентном потенциале любого языкового знака вступать в отношения оппозиции, о том, будет ли для энантиосемии оппозиция иная, нежели для антонимии, что надо обосновать, что есть семантическая оппозиция.

Итак, тема энантиосемии сейчас подводит к понимаю того, что есть некие общие принципы семантической оппозиции, в отношении которой можно заявить о катализаторе новой теории, которую мы назовем *теорией семантических оппозиций*.

Славянские же языки великолепно демонстрируют именно возможности теории семантических оппозиций как противопоставления смыслов, но не только.

Так называемые «ложные друзья переводчика», определенные неверно или неточно, создают комический эффект. Поэтому, говоря об энантиосемии, мы придерживаемся той мысли, что и комический эффект, личащий на абсурд, является признаком энантиосемии: *рус. понос – расстройство желудка, а сербск. понос – гордость*. Канонически сопоставить эти понятия невозможно, но эмоционально-оценочная оценка присутствует и именно он становится настоящим мяуком идет...

Итак, говоря о теории смысловых оппозиций, укажем, что первым ее положением будет необходимость принимать эмоциональный потенциал как основу для противопоставления или противоположения смыслов.

Вторым важным аспектом укажем, что для полного и всеаспектного рассмотрения проблемы семантической оппозиции необходимо помнить историю развития семантики.

Третьим важным аспектом теории семантических оппозиций в славянских языках станет тот факт, то слова и выражения, бывшие нейтральными в своей стилистической окраске, приобрели выраженное негативное или позитивное значение, и его актуализация, как мы уже указывали, зависит от контекста, аудитории и других условий.

Л и т е р а т у р а

Шерцль В.И. О так называемой энантиосемии. – Воронеж, 1884.

Поэтика метатрилогии Станислава Ракуса

Важнейшая особенность метапрозы – осмысление писателем практики «сочинительства» с филологической точки зрения. Ее авторы обычно помимо создания художественной прозы занимаются исследованием теоретических проблем филологии. Хорошо зная законы «творения» литературных произведений, владея приемами ее написания, они стремятся подключить к сфере своих интересов читателя, ибо, с их точки зрения, она, подобно любому другому виду деятельности человека, может стать самостоятельным объектом изображения.

В словацкой литературе наиболее удачным опытом на поприще метапрозы последних лет стали романы Станислава Ракуса (рожд. 1940), дебют которого состоялся в 1970-ые годы. Будучи преподавателем литературы в университете П. Й. Шафарика (г. Прешов), Ракус является автором несколько книг литературоведческого характера, среди которых – монография «Поэтика прозаического текста» (1995). Одновременно он публикует романы «Темпоральные записки» (1993), «Ненаписанный роман» (2004) и «Эксцентричный университет» (2008), которые, по сути, образуют метатрилогию.

Все три романа связаны между собой не общим сюжетом и персонажами, а «поэтологической системой написания», самым способом повествования, при котором все рассматривается «под углом зрения одного сознания» [Rakús 2008: 177-178]. Именно это позволяет обозначить их как «вольную» метатрилогию, художественная структура которой носит двуплановый характер. Внимание читателя постоянно переключается с «рамочного текста» на «текст в тексте», т.е. с образа мира, в котором происходят условно реальные события, на образ конструируемый, еще не завершённый. В итоге происходит как бы взаимопроникновение двух реальностей, а само повествование обретает зеркальный характер. Это означает, что помимо повествования о судьбах героев и условно реальных событиях в произведениях присутствует еще и мир литературного творчества, само событие рассказывания. Иначе говоря здесь имеет место одна из самых типичных особенностей метапрозы – эффект полной творческой свободы автора-творца, которая позволяет читателю увидеть, как формируется текст.

К особенностям поэтики метатрилогии Ракуса можно отнести «асимметричный», «монологизированный» способ повествования, наличие сюжета говорения и слушания, «закольцованность» текста как проявление специфики хронотопа, использование «автоаллюзий», указывающих на глубинную связь всех трех романов, обращения к слушателям-

читателям как способу максимальной коммуникации между ними и автором, «театральный» тип рассказчика, ссылки на литературные традиции и др.

Полемизируя с воображаемыми оппонентами, Ракус использует эти приемы для того, чтобы опровергнуть ошибочность бытующей точки зрения, «будто создание литературного произведения не является работой, будто стихотворение, драма, роман, новелла или рассказ рождаются сами по себе, без творческих мук и творческого упоения» [Rakús 2008: 176].

Л и т е р а т у р а

Rakús St. Excentrická univerzita. Bratislava. 2008.

Е.О. Мельник (Житомир)

Урбанистическое пространство русскоязычной мемуаристики Волыни первой половины XIX в.

Мемуаристика Правобережной Украины эпохи романтизма и позитивизма представлена разветвленной поджанровой системой, на модификации и ассимиляции которой влияли паралитературные свойства текста, среди которых, например, цеховая принадлежность автора. Благодаря этому можно выделить мемуаристику губернаторскую, военную, повстанческую, семейную [Ершов 2010: 69–115] etc. Главной особенностью макротекста волынской «губернаторской» мемуаристики является язык, а именно русский язык, – обязательный атрибут модификационной принадлежности. Среди авторов «губернаторской» мемуаристики Волыни I половины XIX в. назовем Е. Ф. Комаровского, А. П. Римско-Корсакова, Н. И. Мамаева и Н. П. Синельникова. Изучением волынского пространства занимались литературоведы, среди которых В. Гнатюк, В. Ершов, Л. Оляндер, М. Брацка, Я. Колбушевский, Ст. Ульш.

Актуальность исследования обусловлена значимостью мемуарных текстов губернаторов в контексте мемуаристического пространства Волыни XIX в. и Правобережной Украины в целом. Цель – определение предметно-тематических доминант, функций городского пространства, реализованного в «губернаторской» мемуаристике Волыни посредством художественного создания урбанистического образа Житомира.

Своеобразие рефлексий в художественной структуре городского пространства Волынской губернии или отдельных ее сегментов зависело от авторской экзистенции, на которую влияло эмоционально-психологическое состояние, предыдущий опыт, атрибутивные и акцидентные характеристики мемуариста. В «Записках» Н. И. Мамаева ху-

дожественно воспроизведена контаминация культур. Адъютант фиксирует внимание на малороссах, евреях, поляках и, конечно, русских, которые типизированы в диспозициях типа «свой – чужой», «свой – другой», что, в свою очередь, было обусловлено внелитературными и внетекстовыми влияниями, среди которых особое значение имели геополитическая специфика региона и «внешний» взгляд на Волынь, как «чужое, иное, отличное», «который формируется в зависимости от места пребывания автора и его происхождения» [Оляндер 2008: 39].

Адаптация российского мемуариста в «чужом» урбанистическом пространстве проходила через ряд этапов: от неприятия города и его жителей до восприятия их как «свой – другой», Н. И. Мамаев: «Первое впечатление, которое произвел на меня Житомир было не в его пользу» [Мамаев 1901: 791], Е. Ф. Комаровский: «Я чувствовал себя нездоровым, а это назначение еще больше испортило мое здоровье <...> был почти в одиночестве», но благодаря генералу М. И. Комбурлею «жизнь в Житомире была довольно приятной» [Комаровский 1990: 128]. А. П. Римский-Корсаков также принимал активное участие в жизни изначально «чужого» города, что было продиктовано должностной необходимостью налаживать отношения с местным дворянством и формировать авторитет государственной власти [Римский-Корсаков 1980: 26].

Репером художественного пространства Житомира был дом губернатора, который производил довольно-таки противоречивое впечатление на русских управленцев. В оппозиции к нему изображались, как правило, губернаторский сад и губернский театр, как средоточие культурной жизни города, которые для мемуаристов были знаковыми центрами урбанистического пространства. Однако и их рефлексии в текстах испытывают определенные трансформации: от секулярной Н. И. Мамаева, который в «Записках» эмоционально вспоминает про его недостатки: «В Житомире был и театр, но, Боже мой, что это за театр! Деревянное полуразрушенное здание. <...> Шторы все в дырах, кулисы в лохмотьях. Актрисы или старые, или страшные» [Мамаев 1901: 801], до рациональной в «Записках сенатора» М. П. Синельникова, которому было присуще более прагматичное видение: организовав добровольный сбор средств, «я занялся строительством <...> театра» [Синельников 1895: 394].

Художественное пространство Житомира в произведении Н. П. Синельникова отрефлектировано согласно поэтикальным особенностям позитивизма и ассоциируется с должностным докладом, в котором автор отчитывается о состоянии города, обращая внимание на те объекты, которые удалось улучшить, а именно: шоссе из Киева до Новоград-Волынского, житомирский собор, губернаторский дом, театр [Синельников 1895: 389–397].

Образ города в эпоху романтизма и позитивизма стал одним из обязательных объектов рецепции в мемуаристическом тексте. Исследуя предметно-тематические рефлексии города в губернаторской мемуаристике Волыни, отметим, что русская мемуаристика испытала на себе определенное влияние польской, украинской и еврейской культур. В губернаторских записках урбанистическое пространство I-й половины XIX в. интерпретируется, как правило, как дискретное, а топос города выступает эмоционально окрашенным источником для прагматических рефлексий. Город обретает черты образа-концепта, существующего в пристрастной (субъективной) эмоциональной интерпретации его жителей, истории и материальных объектах (сегментах).

Литература

- Єршов. В.О.* Польська мемуаристична література Правобережної України доби романтизму: Монографія. – Житомир : Полісся, 2010. – 454 с.
- Комаровский Е.Ф.* Записки. – М.: Внешторгиздат, 1990. – 176 с.
- Мамаев Н.И.* Записки // Исторический вестник (СПб). – 1901. – Т. 85. – № 9. – С. 784–827.
- Оляндер Л.К.* Волинський текст в українській та польській літературах (XIX – XX ст.): Монографія. – Луцьк: Волинський національний університет ім. Лесі Українки, 2008. – 236 с.
- Римский-Корсаков Н.А.* Летопись моей музыкальной жизни. – М.: Музыка, 1980. – 454 с.
- Синельников Н.П.* Записки сенатора // Исторический вестник (СПб). – 1895. – Т. 59. – № 2. – С. 380–397.

О.А. Мещерякова (Елец)

Польские поэты в переводах И.Бунина

И. Бунин вошел в русскую литературу не только как самобытный поэт, но и как талантливейший переводчик, сумевший воплотить в своем труде важнейший принцип перевода – принцип художественной точности, благодаря чему в переведенной им лирике «сила чувств и ясность мысли находятся в полной гармонии» [Любимов 1967: 417]. Изучая эту сферу творческой деятельности И.Бунина и отмечая художественную значимость его переводов Г.В. Лонгфелло, Дж. Байрона и А.Теннисона, нельзя не заметить, что дорога к ним как бы «проходит» через переводы польских поэтов. Они не имели столь большой славы, однако сыграли важную роль в творческой судьбе поэта и способствовали сближению двух культур – русской и польской. До сих пор эти переводы не утратили своей эстетической ценности.

Конечно, связи русской и польской литератур относятся к одним из самых устоявшихся. По мнению Н.Н. Ананьиной, польская лирика является единственной европейской поэзией, которая существует на русском языке более трех столетий [Ананьина 2011: 22]. Однако обращение И. Бунина к произведениям польских поэтов было продиктовано не только литературной традицией, но и собственной эстетической по-

требностью. Два поэта – Адам Мицкевич и Адам Аснык – находятся в центре его переводческих интересов. Один из них – современник А. Пушкина, деятельность другого начинается в 60-ые годы XIX века, а завершается на глазах И. Бунина. Чем они привлекли И. Бунина? Ответить на этот вопрос нам помогает хронология переводов и их публикаций в соотношении с событиями жизни И. Бунина и этапами творчества.

В 1894 году в шестом номере журнала «Вестник Европы» появляется стихотворение Адама Асныка «Без слов мы навсегда простилися с тобою», переведенное И. Буниным. Однако начинал он с лирических произведений, имевших «цветочные» заглавия: «Лилия» и «Астры». Переведенные в 1893 году, они оставались не опубликованными более трёх лет, и появляются лишь в конце августа 1897 года («Астры»), а затем в начале августа 1898 года («Лилии»). Факт публикации, на наш взгляд, был данью глубокого уважения к Адаму Асныку, скончавшемуся 2 июля 1897 года. Но сам перевод был связан с тем, что И. Бунина в силу его жизненных обстоятельств особенно привлекала любовная тема.

Как известно, в конце 80-х – начале 90-х г.г. у молодого И. Бунина были непростые отношения с Варварой Пашенко. В течение нескольких лет она была гражданской женой поэта, а вскоре после разрыва с ним выходит замуж за его друга – Арсения Николаевича Бибикова.

История любви И. Бунина, которая хотя имела место в пору его молодости, но не забывалась им никогда, даже после смерти её «героев», помогает понять причину обращения к стихам Адама Асныка. Польский поэт умел отразить непредсказуемое с точки зрения разума движение чувства, развитие эмоциональных отношений, что и стремится передать И. Бунин при переводе текста оригинала. Его также завораживает и притягивает осмысленный А. Асныком мотив разлуки, пронизывающий стихотворение «Без слов мы навсегда простилися с тобою...».

Впоследствии, когда И. Бунин работал над своим литературным завещанием, переводы из А. Асныка не были включены в список рекомендованных к изданию. Возможно, поэт, будучи весьма требовательным к своим публикуемым произведениям, посчитал их недостаточно совершенными. В то же время известно, что после разлуки с В. Пашенко И. Бунин, по его собственному признанию, в силу своих «душевных переломов» печатал из стихов то, что было менее интимно, преимущественно картины природы. По этой причине, вероятно, переводы любовных стихов из А. Асныка могли быть сближены с событиями личной жизни, и им надолго было «отказано» в известности.

Иную судьбу И. Бунин уготовил переводам стихов А. Мицкевича. Свой интерес к творчеству этого поэта И. Бунин открыто признавал в «Автобиографических заметках», отметив, что ради Мицкевича даже учился по-польски.

Первый вольный перевод стихотворения А. Мицкевича «Новый год», сделанный И. Буниным, был опубликован в 1892 году в майском номере газеты «Орловский вестник». Затем к переводам из А. Мицкевича И. Бунин обращается в лишь 1901 году, выбрав для поэтической интерпретации пейзажную лирику. Толчком к творческому перевоссозданию стихов Мицкевича на русском языке стали личные впечатления от поездки в Аккерман, о которой И. Бунин сообщал в письме к Н.Д. Телешову от 23 апреля 1899 года. Автор оригинальных текстов также создавал их под впечатлением своего пребывания в Крыму в 20-е годы XIX века. Он запечатлел эти места, недавно присоединённые к России, в романтическом духе: яркими красками, с некоторой напыщенностью. Сохраняемые переводчиком восточные мотивы помогают ему воссоздать то, каким увидел этот край А. Мицкевич. Вместе с тем строчками из польского поэта И. Бунин передает уже и свое представление о вечной красоте, которая, по его мнению, связана «с огромностью навсегда закрытой и непостижимой для человека тайны мира» [Мальцев 1994: 77]. Впоследствии этот мотив займет в творчестве И. Бунина одно из центральных мест. Не случайно, согласно его литературному завещанию, три стихотворения из «Крымских сонетов» А. Мицкевича должны были помещаться не отдельными переводами, а среди его оригинальных стихов.

Л и т е р а т у р а

- Ананьина Н.Н.* К истории переводов польской поэзии в России // Преподавание русского и польского языков с использованием технологии диалога культур. Материалы IV Международной научной конференции (21-22 октября 2010 г.). – Томск, 2011. С.18-23.
- Любимов Н.* О переводах Бунина // И.А. Бунин. Собрание сочинений в девяти томах / Т. 8. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1967. – С. 409-421.
- Мальцев Юрий.* Бунин. 1870 – 1953. – Франкфурт-на-Майне – Москва: Изд-во «Посев», 1994. 432 с.

Е.А. Мишина (Москва)

Об особом употреблении форм имперфектов и причастий при отрицании в восточнославянских памятниках старшего периода

В докладе речь пойдет о функционировании форм имперфектов и действительных причастий настоящего времени от глаголов совершенного вида. На наш взгляд, применительно к древнерусскому периоду уже можно говорить о различии совершенного и несовершенного видов (далее СВ и НСВ), хотя видовая система еще и находилась в стадии формирования и не была тождественна современной. Тем не менее в

видовое противопоставление уже были втянуты вторичные имперфективы (маркированно процессуальные) и приставочные глаголы с предельной семантикой, большинство из которых, по-видимому, уже выражало семантику СВ (во всяком случае их аспектуальное поведение мало чем отличается от поведения глаголов СВ в современном русском языке); некоторые бесприставочные глаголы также уже имели определенную видовую характеристику.

О существовании имперфектов и действ. причастий наст. времени от глаголов СВ в древнейших памятниках письменности исследователи уже писали (прежде всего, об употреблении имперфектов СВ для обозначения повторявшихся в прошлом действий [Маслов 1954/2004; Зализняк 2008]), однако отрицанию не уделялось достаточного внимания. Тем не менее для раннего периода отрицательный контекст оказывается значимым фактором, благоприятным для реализации семантики СВ.

В ранних восточнославянских памятниках в отрицательных контекстах у глаголов СВ в формах имперфекта и действ. причастия наст. времени возникают модальные наращения, схожие с теми, которые возникают в формах презенса при отрицании (так называемом «презенсе напрасного ожидания», описанным А.А. Зализняком [Зализняк 1993]), а именно – *напрасное, неоправданное ожидание* и *упорное нежелание/отказ* совершить действие, несмотря на желание/стремление некоторого субъекта к его осуществлению. Таким образом, «презенс напрасного ожидания» с учетом имперфектов и причастий можно расширить до «ситуации напрасного ожидания», когда ожидается осуществление некоторого действия, но этого не происходит, ср.:

(1) како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ и веверницъ ми не присълещи (ц в м. ш) то девѣтое лето (НБГ, № 246) – знач. презенса ‘не хочешь/не соглашаешься прислать, никак/ни за что не присылаешь/не пришлешь’;

(2) и послаша брата къ всеволоду рекоуче се в киевѣ сѣдѣши . а мѣ просимъ оу тебе черниговьскон и новгородкон волости . а киевскоѣ не хочемъ . шнѣ же вѣтичь не състоупашеть но дадашеть имъ .д. городы . таже и прѣди нарекомъ (Киев. лет., л. 115а29–115б5) – ‘...Всеволод не отступил, несмотря на просьбу/просьбы...’;

(3) и подоша к [ч]ернигову. чернигов[ц]ѣ затвориша оу градѣ. шлег же и борисъ вѣшета в черниговѣ. чернѣговцемъ же не штврѣщимса. приступиша ко граду. (ПВЛ по Ипат. л. 74об.) – ‘...черниговцы, несмотря на осаду, ни за что не хотели отворить город / никак не отворяли’.

Обозначенные модальные компоненты связаны с особенностью функционирования СВ под отрицанием: их возникновение объясняется тем, что такие фоновые компоненты, как *намерение осуществить действие, ожидание, долженствование* входят в пресуппозицию, которая не подвергается отрицанию у глаголов СВ [Падучева 1996: 54–56].

Как и в случае с «презенсом напрасного ожидания», в древнерусский период встречается довольно много (по сравнению с другими глаголами) примеров с имперфектами и причастиями от глагола *дати* (а также его производных):

- (4) **Изаславъ же рече стрын ми волости не дасть. Не хочеть мене в рускон земли** (Киев. лет., л. 147б);
- (5) **аще похъати вше вбринѹ. не дадше въпра[ч]и конѹ.** (ПВЛ по Лавр., л. 4об.);
- (6) **Володимеркѹ же не дадѹю внити в свою землю рати** (Сузд. лет., л. 112об.).

Такие употребления часто приводятся в качестве доказательства видовой неохарактеризованности глагола *дати*. Однако, на наш взгляд, они не являются показательными при определении видового значения глаголов, представляя собой особый тип употребления в контексте отрицания. Без отрицания имперфекты и действ. прич. наст. вр. от *дати* практически не встречаются: в исследованных памятниках встретился только один контекст (с узвальным значением), в котором форма имперфекта **дадше** употреблена без частицы *не* и ни одного причастия [Мишина 2012: 231–236].

Материал восточнославянских памятников наглядно демонстрирует, что в отличие от «презенса напрасного ожидания», сохранившегося и в современном русском языке, функционирование как имперфектов, так и действ. причастий наст. времени в отрицательных контекстах было архаичным явлением уже в древнерусский период. За его пределы такие употребления практически не выходят, за исключением образований от глагола *дати*, которые, по-видимому, благодаря описанию однотипных ситуаций постепенно превращаются в застывшие клише.

Л и т е р а т у р а

- Зализняк А.А. Презенс совершенного вида в значении «презенса напрасного ожидания» // В. Л. Янин, А. А. Зализняк Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1984–1989 гг.). – М. 1993. – С. 275–279.
- Маслов Ю.С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // Ю. С. Маслов Избранные труды. – М. 2004.
- Мишина Е.А. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // Русский язык в научном освещении. № 2 (24). – М. 2012. – С. 219–241.
- Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М. 1996.

Українсько-російські мовні контакти в період пізнього середньовіччя (XVI – XVII ст.)

Про українсько-російські мовні контакти написано досить. У радянському мовознавстві, коли ця проблема не мала (й не могла мати) наукового розв'язання, передовсім українські лінгвісти шукали благотворні впливи російської мови на українську від часу приєднання України до Росії. Від кінця XVII ст., а особливо у XVIII ст., в українській мові з'являються росіянізми і з часом їх кількість збільшується. Це було зумовлено як соціальними чинниками (поява на українських землях російської людності), так і політичними (послідовне й цілеспрямоване обмеження вживання української мови).

Українсько-російські мовні контакти стали більш-менш регулярними після приєднання України до Росії в 1654 р. і відтоді характеризувалися в різні періоди, по-перше, неоднаковим співвідношенням впливів однієї мови на іншу, по-друге, різними стильовими й соціальними сферами проникнення елементів однієї з цих мов в іншу і, по-третє, неоднаковим ступенем адаптації взаємних запозичень. У XVII – на поч. XVIII ст. відбувався взаємовплив обох мов, хоч і по лінії різних стилів, тоді як пізніше — переважно односпрямований вплив з боку російської мови на українську [Ткаченко 2004: 744].

Предмет наших зацікавлень лежить дещо в іншому періоді й площині: чи є факти, які потверджують впливи однієї мови на іншу до приєднання України до Росії зокрема та до кінця XVII ст. загалом?

До XVI ст. століття російська та українська мови були сформовані як самодостані системи з чітко визначеним набором визначальних рис, аби їх трактувати як окремі слов'янські. Це стосується передовсім тогочасних розмовних мов. У XVI ст. на українських та білоруських землях набула значного розвитку й розквіту писемно-літературна мова «руська», яка вочевидь, причому свідомо, протиставлялася церковно-слов'янській і залежно від регіону зближувалася з місцевою розмовною стихією. Від другої половини XVI ст. російські мовознавці починають відлік становлення російської національної мови (усної та писемної) [Ларин 1977: 164]. А відтак у мові писемних пам'яток обох народів – українців та росіян – щонайменше від XVI ст. мали б бути мовні свідчення контактування цих етносів. Адже маємо незаперечні факти в історії, що такі міжетнічні контакти між українцями й росіянами були й до Переяславської угоди. Однак на мові це або не відобразилося взагалі, або спорадично виявлено односторонній вплив: українізми в російській мові. Що стосується запозичень в українську з інших мов, починаючи

від XVI ст., то вони очевидні: полонізми, богемізми, тюркізми, мадяризми, як, зрештою, відзначено й зворотні процеси.

У випадку з українською та російською мовами є об'єктивні складнощі, пов'язані із входженням обох народів (або їхніх предків) до єдиного геополітичного утворення – Київської Русі, де жителі, принаймні освічені, послуговувалися в писемній практиці одними літературними мовами – церковнослов'янською та давньоруською. Ця констатація не позбавляє усвідомлення іншої реальності: на півдні Київської Русі десь під Галичем чи на півночі – під Ростовом місцеві жителі говорили звичайно своєю говіркою.

Український мовний слід в російській мові від найдавніших часів таки простежуємо. Впливи української мови на російську літературну мову йшли книжним і усним шляхом через церкву ще від Київської доби, згодом у час так званого другого південно-слов'янського впливу (кінець 14 ст. по 16 ст., зокрема за митрополита Кипріяна) та в період т. зв. «перелітних птахів» (17-18 ст.), коли від часу реформ патріарха Никона українці (і білоруси) посіли впливові місця в російській церковній ієрархії (Арсеній Сатановський, Єпифаній Славинецький, Степан Яворський). Випускник Києво-Могилянської академії, білорус Симеон Полоцький покликаний був до Росії навчати царевичів Олексія, Федора та царівну Софію. За безпосередньої участі українців закладалися на російських землях духовні школи, а українська граматична наука (Лаврентій Зизаній і зокрема Мелетій Смотрицький) клала підвалини під норми й російської літературної мови (граматики В. Адодурова і М. Ломоносова).

Тому й не випадково залишалися свідчення української присутності в тогочасній російській мові. Наприклад, поплутування давнього - та и – давня українська риса. Очевидно, вона ширилася і в російській вимові, бо навіть у XVIII – XIX ст. знаходимо випадки невдоволення діячів російської культури з цього приводу. Ось як про такий стан в російській освіті, мові, церкві зауважував О.Сумароков: «Знатнейшия наши духовныя были ко стыду нашему только одни Малороссиянцы, почти до времен владеющия нами Самодержицы: от чево все духовныя слепо следуя их неправильному и провинциальному наречию вместо во в-ки и протч. говорили во вики; л-та вместо л-та... Ибо малороссияне то ввели: а потому что все школы ими были наполнены» [Успенский 1988: 349]. Поетична творчість росіян, започаткована в організованих вихідцями з України в середині XVII ст. духовних школах, була міцно пов'язана з південноруською писемною традицією. Великоруські автори у своїх віршах нерідко орієнтуються на українську вимову (наприклад, римунання - та и: доброд-тель – зритель) [Успенский 1988: 333, 350]. Загалом факт українського мовного впливу на російську літературну мову XVII

ст. у російському мовознавстві загальноновизнаний: «Так называемая Юго-Западная Русь становится во второй половине XVII в. посредницей между Московской Русью и Западной Европой и русский литературный язык подвергается сильному влиянию украинского литературного языка (церковнокнижного, светско-делового и художественного)» [Виноградов 1982: 25].

Але очевидних зворотних мовних впливів (росіянізмів в українській) фактично до кінця XVII ст. не виявлено.

Дослідниця Л.Гонтарук, проаналізувавши 9 випусків (літери А–Ж) Словника української мови XVI – першої половини XVII ст. зауважує, що серед 2 232 запозичень у словнику засвідчено 829 слів з польської, 632 – з церковно-слов'янської, 291 – з латинської, 216 – з грецької, 114 – з німецької, 40 – з чеської, 27 – з малярської, 17 – з турецької, 13 – з арабської, по 11 – з італійської та французької, 7 – з гебрійської, по 3 – з тюркських, молдавської, литовської, по 2 – з перської, татарської, російської, по 1 – з румунської, єврейської, монгольської, хорватської, болгарської мов [Гонтарук 2004: 81].

Не виявила запозичень з російської мови у дисертаційному дослідженні «Лексика іншомовного походження в північноукраїнських пам'ятках XVI – XVII ст.» Валентина Титаренко. У проаналізованих пам'ятках засвідчено 682 полонізми, 430 латинізмів, 216 германізмів, 66 тюркізмів, 44 чехізми та поодинокими прикладами представлені запозичення з угорської, французької, іспанської, англійської, румунської, голландської, литовської, італійської, які проникали в північноукраїнські тексти, як правило, через мову-посередника, передовсім польську [Титаренко 2007: 14-15].

Звичайно, розв'язання окресленої проблеми потребує докладнішого опрацювання писемних джерел, історичних лексиконів обох мов, але вже попередній аналіз літератури та пам'яток дозволяє зробити висновок про відчутний вплив української мови на російську літературну для найдавнішого періоду контактування (XVI – XVII ст.) та практично відсутність такого впливу з боку російської мови на тогочасну писемно-літературну українську.

Л и т е р а т у р а

- Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. 3-е изд. – М., 1982.
- Гонтарук Л.* Характер запозичень із польської мови в українську XVI – першої половини XVII ст. // Проблеми слов'янознавства. Вип. 54. – Львів, 2004. – С. 78–103
- Ларин Б.А.* Разговорный язык Московской Руси // История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). – М., 1977. – С. 163–175.
- Титаренко В.* Лексика іншомовного походження в північноукраїнських пам'ятках XVI – XVII ст.: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Житомир, 2007.

Ткаченко О.Б. Українсько-російські мовні контакти // Українська мова. Енциклопедія. – Київ, 2004. – С. 744-746.

Успенский Б.А. История русского литературного языка XI – XVII вв. – Будапешт, 1988.

И.А. Морозов,
О.Е. Фролова (Москва)

Живое и неживое в русской языковой картине мира

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-00230 «"Живое" и "неживое" в этнографических, культурно-исторических и языковых контекстах»

Понятие о живом и неживом являются центральными в языковой картине, поскольку связано с идентификацией человека и объяснением явлений внеязыковой действительности. В лексикографических источниках толкование значение прилагательного построено на семантическом круге: *живой* — 1. Наслаждающийся жизнью, имеющий жизнь; 2. Придается по превосходству сие название Богу для означения, что нет никого другого кроме Бога, который живет и существует безначально и бесконечно; 3.* Говоря о человеке, противопоставляется вялому; 4.* В отношении к вещам значит: а) говоря о прозябаниях: невредимый, цельный, сохранный; б) *в сл. языке*: руководствующий к вечному блаженству; в) явный, очевидный, действительный; [САР-1, 2: 1124, 1125]; *живой* — «кто жив, кто живет, живуший, в ком или в чем есть жизнь» [Даль 1: 537]; «1. Такой, который живет, в котором есть жизнь; *противоп.* мертвый... 2. Обладающий жизнью, одушевленный... 3. *только полн. формы.* Реально, подлинно существующий (книжн.)» [Ушаков 1: 864]; «1. Такой, который живет, обладает жизнью; *противоп.* мертвый...» || Свойственный обладающему жизнью существу, принадлежащий ему; 2. Относящийся к животному или растительному миру; органический; 3. Полный жизненных сил; подвижный, непоседливый» [МАС 1: 481]¹⁴. Прилагательное *живой* описывается через однокоренные существительное *жизнь* и глагол *жить*.

Согласно словарям (см. МАС), существуют три группы объектов, которым приписывается характеристика *живой*: человек, животные и растения.

Для выявления признаков *живого* нами были проведены два опроса носителей русского языка. Первая анкета была составлена из 11 вопросов, направленных на выявление респондентами признаков, касающихся

¹⁴ Мы не рассматриваем категорию одушевленности / неодушевленности имен существительных.

ся прямой и переносных, метафорических, характеристик *живого*. Задания общего плана на выявление свободных ассоциаций выглядели так: «1) Напишите первое, что приходит Вам в голову при прочтении слова *живой*. Нас интересуют спонтанные реакции, а не продуманные ответы; 2) Напишите первое, что приходит Вам в голову при прочтении слова *неживой*. Нас интересуют спонтанные реакции, а не продуманные ответы». Задания, касающиеся завершения фраз *X живой, потому что* позволяют выявить отдельные признаки семантики интересующего нас прилагательного. Предложения с противительным союзом *X неживой, но* построенные на антонимии *живой/ неживой*, дают возможность описать признаки *живого* от противоположного. Вопросы, описывающие болезненные и измененные состояния человека, позволяют выявить признак, вызывающий дисфункцию: *Зомби живой, но...* И наконец, блок вопросов касается выявления оснований метафорического переноса характеристики живой: «Закончите предложения: *Тесто живое, потому что ...*».

Вторая анкета состоит из 4 групп вопросов и направлена на то, чтобы 1) дать возможность респонденту выбрать из списка признаков характеристики *живого*, 2) представить идеальный живой и неживой объекты, 3) описать восприятие респондентами мифологических и литературных персонажей, в том числе созданных как неживые объекты, но оживших или оживленных (*Колобок, Пиноккио, кукла*), а также электронных устройств и механизмов (*робот, компьютер, автомобиль*), наделяемых признаками живого существа. 4) Для выявления эмоциональных позитивных/ негативных оценочных маркеров живых и неживых объектов респондентам предлагается набор признаков (*сильный/ слабый, хороший/ плохой, замкнутый/ открытый, добрый/ эгоистичный* и проч.) для оценки по семибальной шкале семантического дифференциала (см. [Серкин 2008]).

Анкеты, построенные по принципу «от объекта к признаку» и «от признака к объекту», позволяют описать, как воспринимается семантика слова *живой* и на какие признаки распадается применительно к разным сферам: человек, его болезненных и переходных состояний, мир растений и животных, природных явлений и артефактов.

Л и т е р а т у р а

- Словарь Академии Российской. В 6-х т. СПб., 1789-1994.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М.: Русский язык, 1978-1980.
МАС — Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981.
Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Учебное пособие для вузов / В. П. Серкин. – М.: Пчела, 2008.

А.М. Мурашова (Москва)

«Сердце Пармы» А. Иванова: фэнтези или исторический роман?

Роман Алексея Иванова «Сердце Пармы» – один из немногих в русской литературе, написанный на тему взаимоотношений пермяков и русских. Автор определяет свое произведение как исторический роман и очень не любит, когда его причисляют к фантастике.

Однако по художественному методу это типично фантастическое произведение, что мы и попытаемся показать ниже.

Распространено мнение, что фэнтези – это литература о том, "чего не может быть", что фэнтези конструирует собственный мир со своими законами, в котором возможны такие вещи, которые невозможны Магия (воздействие словом на силы природы), полеты, другие разумные расы (эльфы, гномы и т.п.) Владимир Гопман определяет фэнтези как вид фантастической литературы, использующей вторичную художественную условность, основанную на сюжетной посылке (допущении) иррационального характера [Гопман 2012: 16]. При этом такое допущение предполагает, что существуют такие факты и явления, которые не поддаются рациональному анализу и их существование ничем не обосновано. Автор фэнтези говорит "так есть", и в созданном им мире эти допущения становятся законами, по которым функционирует созданный мир.

Племена вогулов и манси, крепость Чердынь и другие пермские крепости, новгородские ушкуйники и татарские, обычаи пермяков и зырян, – все это исторически достоверные реалии, точно так же, как и основная сюжетная линия романа – освоение нового, "чужого" пермского пространства московской русью – это реальное событие нашей истории. На первый взгляд, в романе не так много фантастического — из того, «чего не бывает», прямо описываются только ведьмы-ламии (Айчейль и Тичерть), однако этого недостаточно, чтобы уверенно заявлять, что «Сердце Пармы» принадлежит к жанру фэнтези.

В центре повествования — пермские язычники, а основной конфликт романа – конфликт христианского и мифологического бога. «Ты меня не понимаешь, старик,- с досадой сказал князь. – Можно мириться с набегами врагов, но нельзя мириться с их богами. Враги приносят к нам свои мечи, а московиты принесут нам своего бога. Мечи мы сможем отбить, а с богами человеку никогда не справиться. Если мы покоримся богу московитов, то у нас уже не будет ни родных имен, ни пе-

сен, ни памяти — ничего.» Нам показан совершенно другой тип мышления – мифологический, для которого характерно очеловечивание окружающей природы, наделение ее свойствами, присущими человеку, субъективизм. С рациональной точки зрения устройство мира пермяков объяснить невозможно – и изначально превращается в мир, созданный с помощью иррациональной предпосылки: боги вогулов и пермяков действуют рядом с князьями, Золотая баба Вагирйома проклинает своих грабителей, а молитвы Калины не действуют. Похожие сюжеты встречаются в древнерусской литературе, например, в "Сказании Афанасия Никитина" описываются мусульманские земли, в которых обычные молитвы не действуют, и приходится сочинять новые.

Так же и на пермской земле: там действуют свои законы, которые невозможно объяснить рационально, и поскольку там описаны люди, совершенно чуждые нам по способу мышления, их мир воспринимается как что-то такое, что не может быть.

Таким образом, в отличие от исторического романа, который идет «на поводу» у реальности, в романе «Сердце Пармы» представлен мир, действующий по своим собственным законам.

Безусловно, конструирование мира – это вообще свойство литературы как искусства вымысла, и хотя у исследователей до сих пор нет четкого определения, в какой момент художественное изображение действительности переходит в рассказ о том, чего не может быть, т.е. в фэнтезийный, можно предположить, что повествование становится фантастическим в тот момент, когда мы не можем рационально объяснить происходящее в произведении. И тот факт, что в романе «Сердце Пармы» это необычайное (ведьмы-ламии, Вагирйома, конфликт богов как реальных персонажей) предстает как нечто органично присущее миру, доказывает принадлежность романа к жанру фэнтези.

Л и т е р а т у р а

- Гопман В.Л.* Золотая пыль. Фантастическое в английском романе: последняя треть XIX–XX вв. – М.: РГГУ, 2012.
- Иванов А.В.* Сердце Пармы. – М., 2003.
- Ковтун Е.Н.* Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Мир, 2012.

В.В. Муцинская (Санкт-Петербург)

Немецкий период выдающегося украинского лингвиста Ю. Шевелева

Юрий Шевелев (1908-2002) выдающийся украинский лингвист, благодаря которому украинский язык был введен в контекст мировой славистики. Его называют ключевой фигурой украинской культуры второй половины XX ст., патриархом украинской филологии диаспоры [Шевельов 2008: 5]. Библиография его трудов составляет 872 названия – половину работ по лингвистике, а половину по литературоведению. Однако личность Ю. Шевелева до сих пор остается таинственной не только для историков публицистики, но и для литературоведов [Сидоренко 2010: 119-128].

С 1946 г. по 1949 г. Ю.Шевелёв живет и работает в Германии. В этот период он преподает в Украинском свободном университете в Мюнхене и там же в 1949 г. получает докторскую степень. Юрий Шевелев (псевдоним Юрий Шерех) является один из инициаторов создания осенью 1945 г. художественного украинского движения (МУР). В МУР вошла целая группа талантливых украинских писателей-эмигрантов – У.Самчук, В.Петров, И.Костецкий, Ю.Косач, И.Багряный, В.Барка, Т.Осьмачка, Ю.Клен, Е.Маланюк и др. и является самой яркой страницей украинского литературного процесса 40-50-х гг. Эмиграционный период украинской литературы 1945-1951 гг. это период интенсивного творчества, период своеобразного «малого ренессанса» [Грабович 1993: 9].

Уже 21-22 декабря 1945 г. состоялся Первый съезд МУРа в Ашаффенбурге, в американской оккупационной зоне. Были прочитаны доклады, в частности «Стилі сучасної української літератури на еміграції» Ю.Шереха, которые вскоре появились в первом сборнике МУР (1946). В докладе Ю.Шевелевым была предложена концепция «национально-органического стиля». Эта концепция сформулирована на основе анализа литературной ситуации 20-х гг. и предусматривала синтез модернизма и традиции. Ю.Шевелев считал, что «национально-органический стиль» должен вырасти из освоенного и пройти неоклассическую выучку, опереться на глубинную национальную почву. Идеалом такой модели в прошлом был Т.Г.Шевченко, который, с точки зрения Ю.Шевелева, синтезировал разные стили украинской традиции [МУР, 1946: 54-80]. Однако концепция «национально-органического стиля» в реальной художественной практике очень скоро обнаружила свою несостоятельность [Лисенко-Ковальова 2006: 9].

Ю. Шевелев стал главным редактором и идеологом украинского журнала «Арка», который фактически являлся печатным органом МУРА и издавался в Мюнхене с июля 1947 г. по май 1948 г. Небольшой объем «Арки» ограничивал возможности знакомства читателей с крупными прозаическими произведениями, но много печатал исследований о классиках, откликался на все происходящие события, следил за новейшими течениями в живописи, музыке, театре, архитектуре, кино. В «Арке» собиралась и интерпретировалась разнообразная информация о культурной жизни как в прошлом, так и в настоящем. По оценке современников журнал по своему культурному уровню опередил все украинские периодические издания и приближался к лучшим немецким» [Шевельов 2001: 203].

После ликвидации лагерей для перемещенных лиц многие авторы «Арки» эмигрировали в США. Ю. Шевелева по рекомендации Макса Фасмера пригласили в Лундский университет лектором. И на этом закончился немецкий период жизни Ю. Шевелева.

Л и т е р а т у р а

- Грабович Г.* У пошуках великої літератури. – Київ, 1993. – С.53.
- Лисенко-Ковальова Н.В.* Мистецький український рух: модернізація літературної традиції і модернізм: Автореф. дис. канд. філол. наук. – Київ, 2006. – 19 с.
- МУР Мистецький український рух: збірники літературно-мистецької проблематики. Збірник I. – Мюнхен-Карльсфельд, 1946. – 110 с.
- Сидоренко Н.* Європейська журналістика Юрія Шевельова // Журналістика: науковий збірник / За ред. *Н.М. Сидоренко*. – Київ: Інститут журналістики КНУ імені Тараса Шевченка, 2010. – С. 119-128.
- Шевельов Ю.* Вибрані праці: У 2 кн. Кн. I. Мовознавство / Упоряд. Л.Масенко. – К.: Вид-дім «Києво-Могилянська академія», 2008. – 583 с.
- Шевельов Ю.* (Шерех Юрій). Я – Мене – Мені... (і довкруги): спогади : у 2 кн. / Ю. Шевельов (Юрій Шерех). – Харків; Нью-Йорк: Видання часопису "Березіль"; Вид-во М. П. Коць, 2001. – Кн. 2: В Європі. – 304 с.

Г.М. Наєнко (Київ)

Прагматика оценки в староукраинских научных текстах XVI-XVIII веков

Хрестоматийным стало замечание М. Бахтина о том, что безоценочное понимание невозможно. Современные исследования научных текстов доказывают, что рациональное и эмоциональное в человеке неразделимы, что вопреки распространенным убеждениям о беспристрастности и объективности научной речи, она высоко аксиологична, модальна и потому интерпретативна [Рябцева 2005: 491].

Формирование смысловой структуры научного текста в XVI-XVIII в. происходило вследствие взаимодействия религиозно-философских,

полемиических, учебных традиций текстообразования. Исследование показывает, что отражение рефлексивного аспекта познавательной деятельности в текстах различных дискурсов представлено по-разному.

В полемиических текстах реализуются оценка старых знаний, способов их получения, оценка познавательной деятельности субъекта как тяжелого труда, глоризация знаний в неразрывной связи с верой («Зерцало Богословіи» К. Транквилиона-Ставроецкого (1618).

Так, ключевые слова для оценки своего труда для З. Копыстенского – *милость, благодать Божя, праца велика*.

Автор последовательно активизирует эпитеты-прилагательные и наречия со значениями ‘ясный, понятный’, ‘ясно, понятно’, ‘убедительно’, ‘доказательно’: з тыхъ теда учителей церковныхъ и зо всѣхъ иншихъ вышеменованыхъ *выразне* вѣдати дается... а якимъ способомъ мають розумѣти, въ наступуючомъ второмъ артикулѣ *видочне*, за помочью Божьею, зъ писмъ тыхъ же святыхъ учителей церковныхъ окажу; Показалемъ абовѣмъ ту южь *доводне*, же въ фундаментѣ будованья церкви всѣ апостолове суть ровни, и вси еднако и заровно будууть («Палинодия»).

В предисловиях к текстам академического дискурса сконцентрированы разные оценочные значения: как эмоциональные и эстетические: *любезный язык, светлый разум*, так и утилитарные: *пожито(к)*. Например, в предисловии к Кременецкой грамматике 1638 г. учение названо ремеслом: для тогѡ слоушне всѣ(м) споудеѡ(м) *языка* словенского *ремесло граматичноє* оумѣти. Ктѡ и снадне егѡ наѡчитисѡ могоу(т), и *великий пожито(к) ѡ(т)несоу(т)*. Такие смыслы прослеживаем в «Кратком катехизисе» Петра Могилы (1645 г.), в трактате И. Гизеля «Мир с Богом человеку» (1669). Особенно выразительно о практической пользе своего труда высказываются авторы лексикографических трудов: Памво Беринда, позже – И. Максимович.

В «Философии Аристотелевой» М. Козачинского (1745) оценка-определения научных понятий и объектов – традиционно высока: *философія – небезълюбопитственная, Бог – всемогущий, философы – остроумный люди, ангели – премудрейший*. Античные философы *погрѣшителнѡ научали*. Особого восхваления заслуживает логика – *всѣчески нужна*.

Маркерами аксиологичности насыщен метатекст «Синописа» (1680). Здесь сосуществует апология древних, ветхих источников, и их критическая оценка, перекрестная проверка данных: совпадение обозначается наречием *согласно*; отличие: *инако, несовершенно*, достоверность данных: *ясно, подробно, изрядно*: Гречестіи древній Лѣтописци ѡ Рѡссійскими, и ѡ прочіими *согласно нарицають*;

Козари Людее ѡкѡдѣ бы конечнѣ зъ сицевымъ своимъ именемъ Изишли, извѣстїе Лѣтописцовъ в томъ *несовершенно*.

Учитывать интересы слушателей призывает И. Галятовский в трактате «Наука албо способ зложена казаня»: наивысшей похвалы достоин тот, кто трудную и непонятную речь *ясно выражачи и толкуючи, латвою и понатною чинатъ*.

В обращенных к православному адресату популярных теологических изложениях формируются концептуальные оппозиции *грех – покаяние* («Выклад о церкви» Т. Софоновича (1667), «Зерцало» И. Шумлянского (1680).

В прогностиках картина мира моделируется оппозицией *добро – недобро* (астрологические статьи I пол. XVII в., «Практика *сїа*, или оувѣщенїе pracowитымъ господаремъ» XVIII в.).

Экспликация утилитарной и телеологичной оценки имеет высокую прагматическую нагрузку в справочно-информативных текстах, чем они значительно отличаются от современных. Так, в травнике – сборнике рецептов XVI в. начало отдельного сегмента текста имеет форму дефиниции: Мѡта е(с)[т] зелїе *добро* тоуж моць мае(т); Кропива е(с)[т] зелїе *добро*.

В лечебнике XVIII в. «Лѣкарства вписа(нъ)ніе» убедить читателя должны оценка лекарств: Прошо(к) *досвѣдчонїй* на гора(ч)ку, разных методов излечения: *наилѣпша е(ст) речъ* заживат карду(с) бенедикти; результатов лечения: *тимъ шмаруй часто, е(ст) певна помощь*. Этот семантический компонент часто может быть связан с первоисточником, в частности с польским: познаешъ *скуто(к)* певный; *вигоитъ досконале*, ср. в малорусских домашних лечебниках из публикации А. Потебни: змѣшати и выпить, *весма полезно*.

Литература

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.

В.О. Нечаевский (Москва)

Варьирование лексических единиц в языке Полонии

Исследования лексики литературного языка позволили установить, что сложившаяся литературная норма не исключает вариантности отдельных языковых средств, но в стандартизованном литературном языке варианты обычно выполняют различные стилистические функции [Швейцер 2003: 16].

Особый интерес с точки зрения теории вариантности представляет разновидность языка, функционирующая вне зоны первичного распространения и возникшая в условиях проживания национальной группы за

пределами национальной территории под воздействием сложного комплекса причин лингвистического, социолингвистического и экстралингвистического порядка.

С учётом вышеперечисленных особенностей объектом наших исследований станет разновидность национального языка, функционирующая в эмигрантских кругах, т.е., как с недавнего времени начали говорить, язык диаспоры.

Лингвистическое изучение эмигрантских языков фактически началось лишь во второй половине XX в., при этом собственно лингвистические особенности языка эмигрантов заинтересовали филологов лишь в последней трети XX в. [Красильникова 2010: 3].

Попробуем на примерах из польского языка исследовать особенности варьирования лексических средств языка эмигрантов.

Польскую диаспору традиционно принято называть собирательным термином *Polonia*, хотя в настоящее время существуют различные точки зрения относительно отождествления этих двух понятий [Walaszek 2001: 8]. Рассмотрим состояние языка польских эмигрантов в таких англоязычных странах, как США и Великобритания.

В настоящий момент по оценкам специалистов в США проживает более 10 млн. американцев польского происхождения. Крупнейший центр Полонии в США – г. Чикаго, в котором насчитывается более миллиона представителей польской эмиграции и их потомков. Именно распространённый в Чикаго вариант эмигрантского польского языка стал объектом нашего исследования.

Чикагский вариант эмигрантского польского языка называют *język poluski* от слова *Polus* – так в Чикаго называют польского иммигранта.

В языке чикагцев польского происхождения наблюдаются варианты ряды, включающие морфологически адаптированные англоязычные заимствования:

ajskrim (от англ. *ice cream*) – *lody* ‘мороженое’;

flet (от англ. *flat*) – *piętro* ‘этаж’,

в том числе с добавлением в номинативе словообразовательных суффиксов:

bolbka (от англ. *bulb*) – *żarówka* ‘лампочка’;

hajdastowanie (от англ. *high dusting*) – *ścieranie kurzu* ‘вытирание пыли’.

Выделяются глагольные варианты ряды, один из компонентов которых является морфологически адаптированным заимствованием:

badrować (от англ. *to bother*) – *przeszkadzać* ‘мешать, препятствовать’;

filować (от англ. *to feel*) – *czuć* ‘чувствовать’.

Следует отметить варианты образования среди эмигрантских новообразований польского языка:

karwas и *łozkarnia* (от англ. *car wash*) – *myjnia samochodowa* ‘автомойка’;

lukować и *lukać* (от англ. *to look*) – *patrzeć* ‘смотреть’ (примеры взяты из [Gruchmanowa 1999; Lewiński 2000]).

В качестве второго примера рассмотрим *ponglish* – язык повседневного общения поляков, приехавших на заработки в Великобританию. Название *ponglish* произошло в результате лексической контаминации двух слов:

polish + english = ponglish

Среди существующих в лексике *ponglish* вариантных рядов следует выделить, например, с прямым заимствованием из английского языка:

inkom (от англ. *income*) – *dochód* ‘доход’;

kiczyn (от англ. *kitchen*) – *kuchnia* ‘кухня’;

и с морфологически адаптированным заимствованием:

emplojer (от англ. *employer*) – *pracodawca* ‘работодатель’;

taks (от англ. *tax*) – *podatek* ‘налог’.

Среди наименований людей по профессии встречаются неологизмы, образованные при помощи «английского» корня и «польского» суффикса:

klinerka (от англ. *cleaner*) – *sprzątaczką* ‘уборщица’;

wejterka (от англ. *waiter*) – *kelnerka* ‘официантка’.

Также существуют глагольные вариантные ряды, один из компонентов которых является морфологически адаптированным заимствованием:

howerować (от англ. *hoover*) – *odkurzać* ‘пылесосить’;

drinkować (от англ. *drink*) – *pić* ‘пить’ (примеры взяты из [Błasiak 2011]).

Таким образом, на материале эмигрантских русского и польского языков мы рассмотрели возможность существования варьирования на лексическом уровне в языковых разновидностях, развивавшихся вне зоны первичного распространения. Несмотря на существующие различия, выявленная общая тенденция позволяет судить о применимости сформулированных на материале литературного языка принципов лексического варьирования к разновидностям национальных языков, развивавшихся в условиях более или менее продолжительного обособленного развития.

Л и т е р а т у р а

Красильникова Е.В. Введение // Русский язык зарубежья. – М.: Едиториал УРСС, 2010. – С. 3-7.

- Швейцер А.Д.* Литературный английский язык в США и Англии. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 200 с.
- Blasiak M.* Dwujęzyczność i ponglish. Zjawiska językowo-kulturowe polskiej emigracji w Wielkiej Brytanii. – Kraków: Collegium Columbinum, 2011. – 234 s.
- Gruchmanowa M.* "Był sobie dziad i baba..." w Chicago // *Silva rerum: Księga poświęcona Prof. Markowi Kornaszewskiemu w 70. rocznicę urodzin.* – Poznań, 1999. – S. 76-86.
- Lewiński P.H.* O osobliwościach języka chicagowskiego // *Słownictwo współczesnej polszczyzny w okresie przemian.* – Lublin, 2000. – S. 191-197.
- Walaszek A.* Polska diaspora. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. – 606 s.

Г.П. Нецименко (Москва)

Динамика узуса публичной речевой культуры как проекция коммуникативной специфики современного социума

1. В докладе обобщаются наблюдения над узусом публичной коммуникации в славянских языках на рубеже XX и XXI вв. Хронологические рамки исследования охватывают *двадцатилетний* период функционирования вербального узуса публичной коммуникации, в рамках которого проводился сопоставительный анализ тенденций и закономерностей, выявленных в сфере речевой культуры и речевого этикета. Внедрение новых коммуникативных технологий, вначале *аудиовизуальных* (радио и телевидение), а затем *Интернета*, являющегося самым мощным, *высокоскоростным* средством всемирной коммуникации (статус «средства массовой информации» Интернетом в России был получен в конце первого десятилетия XXI в.) вызвало дифференцированную языковую рефлексию, по-разному влияя на условия и характер вербальной коммуникации, речевое взаимодействие участников общения. К концу XX в. сфера публичного общения заняла доминирующее положение в системе *репрезентативной* общезнающей коммуникации. Соответственно и ее речевой узус, ставший нормативной основой литературного языка, оказывает определяющее влияние на развитие современной языковой культуры, направленность кодификационной и языковой политики в целом. Существенно потесненным оказался *язык художественной литературы*, служивший длительное время главной нормотворческой основой литературного языка. Произшедшая смена речевого эталона была вполне ожидаемой, поскольку язык художественной литературы, невзирая на его несомненные достоинства как лингвокультурного феномена, уже не мог удовлетворять вербально-коммуникативные потребности информационного сообщества. Для этого были нужны иная стилистика, иные представления о речевом этикете, иной выразительный ряд.

2. Формирующийся на рубеже столетий (последние десятилетия XX – начало XXI в.) новый медиальный узус, хотя по-прежнему выполняет миссию «быстрого языкового реагирования», однако его речевой стандарт становится *нормообразующей основой* литературного языка.

3. Одной из характерных особенностей речевой нормы публичной коммуникации является ее осцилляция между литературной и разговорной нормами, постоянно единоборствующими друг с другом. Использование Интернета, хотя и способствовало ревитализации оппозиции «устность – письменность», однако зачастую она приобретала иное функциональное назначение, становясь письменной фиксацией *разговорного* узуса. В какой-то мере можно утверждать, что новый медиальный стандарт является фактором «повышенного риска» для узуса публичного *репрезентативного* общения. Говоря это, мы имеем в виду постепенное элиминирование средств вербальной коррекции текста; низкий уровень речевой культуры пользователей языка; проявления речевого нигилизма; массовое тиражирование ошибок, деформирующее языковое сознание и зрительную память индивидуума; снижение численности реальных носителей литературной нормы среди активных участников публичной коммуникации и т.д. Мало того, разговорная норма является для индивидуума более комфортной, поскольку она является его естественным узусом, переключение на который, особенно в условиях *высокоскоростного* общения, является для него более органичным и предпочтительным. Существенно и то, что по мере возрастания технического прогресса, все более снижаются возможности речевой коррекции текста. Новая норма публичного узуса, формирующаяся при активном использовании электронных СМИ, более приближена к разговорному узусу, она более «укоренена» в языковом сознании индивидуума. Несмотря на то, что в целом есть все основания говорить о *конвергентности* развития медиального узуса близкородственных языков, результаты этих процессов, не являясь строго синхронизированными, могут быть разведены во времени, что, впрочем, не дает основания говорить о *типологических* расхождениях этих языков. Изучение речевого стандарта публичной коммуникации – тема дискуссионная. Наблюдаемые явления зачастую не укладываются в рамки традиционных представлений о характере речевого этикета публичной репрезентативной сферы общения. Так, в частности, нельзя не видеть, что в вербальном узусе медиальной коммуникации отражаются как зарождающиеся в языковой ситуации новации, так и столкновение, а порой и единоборство различных, конкурирующих друг с другом речевых норм, в первую очередь, *литературной* и *разговорной*. Как относиться к этим проявлениям, видеть ли в них кризис речевой культуры либо временный паллиатив, покажет будущее. Очевидно, однако, что необходимым услови-

ем *сбалансированного* развития публичной речевой культуры является комплексное использование двух видов вербальной коррекции: автокоррекции и внешней коррекции (деятельность редакторов, корректоров и пр.). На практике, однако – и это имеет принципиальное значение – для электронных СМИ характерна *устойчивая* тенденция *снижения* роли внешней коррекции, вплоть до ее практически полного элиминирования (при общении по Интернету).

Л и т е р а т у р а

- Нещименко Г.П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков. Specimina Philologiae Slavicae. Band 121. – München: Otto Sagner, 1999. – 234 с.
- Нещименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. – М.: Наука, 2003. – 280 с.
- Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания, 2001. № 6. – С. 98–132

Э. Ниами (Скопье)

Проблема транскрипции русских имён и названий в македонском языке

Транскрипцијата на странските имиња во македонскиот јазик е тема која постојано предизвикува внимание не само кај научната јавност, туку и кај оние што практично се занимаваат со јазикот – преведувачи, наставници, новинари, публицисти итн. Во принципи, се смета дека ова поле е обработено во македонскиот јазик со оглед на фактот дека во Правописот на македонскиот литературен јазик постои посебен дел за транскрипцијата на туѓите имиња.

Во согласност со Правописот на македонскиот литературен јазик „туѓите имиња се пишуваат со наше писмо, по правило, онака како што се изговараат... При тоа нивните гласовни особености се прилагодуваат колку што е тоа можно кон гласовниот систем на нашиот јазик, т.е. гласовите што ги нема во нашиот јазик се предаваат со наши слични гласови“.

Но, овој „закон“ не секогаш може да му помогне на оној на кој му е потребно да транскрибира име или назив од руски на македонски. Проблемот се јавува од повеќе причини. Првата е фактот што во Правописот на македонскиот литературен јазик не секогаш се даваат логични објаснувања за определени правила или за определени отстапувања. Втората причина е некореспондентноста помеѓу правописните правила и практиката или традицијата на употреба на некое руско име или назив во македонскиот јазик. Третиот проблем е што во Правописот во себе не

содржи дополнителни инструкции, па постојат ситуации кога тој не може да помогне при пронаоѓањето на вистинскиот одговор.

Првиот проблем се јавува со транскрипцијата на руската графема Е, која во фонетската транскрипција се предава како [jе]. Според Правописот, оваа графема во македонскиот јазик се предава со графемата Е, која има фонетска вредност [e], односно фонетски се изедначува со вредноста на руската графема Э. Во практиката се забележува отстапување од ова правило, па по сосема логична причина заснована на фонетските, односно фонолошките принципи, руската графема Е во иницијална позиција и по самогласка ја сочувува својата изворна фонетска вредност, односно се транскрибира како Ј(j)е.

Следниот проблем се однесува на предавањето на мекото Л, односно графемската група љ, која во фонетска транскрипција се предава како [л'], што е приближно (секако во фонетиката немаме право да зборуваме за целосно изедначување на гласовите) на македонската графема Љ и фонетската вредност што ја имаа таа. Правописот наложува „а) Групите ље, љи се предаваат како ле, ли: Виталјевна – Виталевна... б) Групата љ на крајот од слогот или на крајот од зборот се предава со љ: Даль – Даљ,... Кољка – Кољка...“, но, од друга страна, без објаснување, се вели дека се транскрибира „Но: Ольга – Олга, Аксельрод – Акселрод, Архангелск – Архангелск, Подолск – Подолск...“. Помалку исклучоци постојат за мекото Н, односно графемската група нь, која во фонетска транскрипција се предава како [н'], што е приближно на фонетската вредност што ја имаа македонската графема Њ. Отстапување е наведено само кај именката: меншевик – меншевик. Мошне е логично, а тоа е забележано и од повеќе преведувачи од руски на македонски јазик, дека на сите места каде што се бележи мекост на фонемите л и н, односно во групите л/њ, л/ня, л/ню, па дури и кај групата л/нѐ, тие да се предаваат со графемите Љ и Њ, освен кај групите л/не и л/ни.

За проблемите со недоследноста во транскрипцијата, која се заснова на преземање од друг јазик или транскрипција според традиција може да се зборува многу. Така на пример Брежнев на македонски отсекогаш бил транскрибиран како Брежњев, иако правописните правила не предвидуваат смекнување на согласката пред Е. Истото, на пример, се однесува на имињата од германско потекло од групата *ей*, при што *Эйзенштейн* можеме да го најдеме во повеќе варијанти: *Ејзенштејн* (што соодвествува на правописните правила за транскрипција, *Ејзенштајн*, *Езенштај*, *Езенштејн* итн.

Посебен проблем претставува транскрипцијата на руската графема Ё, која има фонетска вредност [jo]. Она што претставува тешкотија е руската традиција во пишувањето и печатењето на оваа графема, при што ъ (двете точки одозгора) не се додаваат, па преведувачот не може

точно да знае за која буква станува збор. Доволно добар доказ за тоа е што во македонскиот јазик личното име Пётр, зашто во определени случаи (не само во случајот на Петар Велики) на македонски се транскрибира како Петар, а во одредени случаи како Пјотр.

Кога станува збор за транскрипцијата на странски имиња и називи, не може, а да не се проговори и за транспозицијата, која се огледа во тоа што сопствените имиња во различни јазици, кои се разликуваат по формата, но имаат заедничко потекло, се користат за меѓусебно предавање. Во такви случаи се користат варијантите на имињата, кои потекнуваат од имињата – прототипи (библиски, латински или (старо)грчки).

На правилата на транспозицијата, како во рускиот така и во македонскиот јазик, традиционално им се потчинуваат имињата на монарсите и религиозните дејци. Овој проблем во македонскиот јазик стана особено виден кога Ватикан го избра новиот папа, па во медиумите можеше да се видат најразлични варијанти: Франциск, Франциско, Францискус, Фрањо итн. Токму во овие случаи се бара целосна внимателност од преведувачот, со цел точно да се пренесат поимите.

Проблемот на пренесување на сопствените имиња во меѓујазичната и меѓукултурната комуникација е стара колку и комуникацијата меѓу народите, а со појавата на филмот, Интернетот и другите средства за масовно информирање станува сè поактуелен. Сите тешкотии и грешки поврзани со ова прашање, се појавуваат како од субјективни, така и од објективни причини.

Сопствените имиња сè уште не се доволно проучени во теоријата на преведувањето за да може да се заклучи дали некое име е предадено правилно или не. Лингвистите треба во поголема мера да му се посветат на овој проблем, со цел изработка на детални принципи за предавање на туѓите имиња и називи и, не помалку важно, да се грижат за доследно придржување кон тие принципи во практиката.

Т.И. Никишина (Бердянск)

Лексическите средства вербализации концепта СВОБОДА в политическом дискурсе Великобритании и Украины

Анализ и изучение средств вербализации концепта СВОБОДА в политическом дискурсе предполагает исследование имеющихся лингвосоциолингвистических характеристик в реализации указанного явления в определенной речевой ситуации. Исследование лексических средств объясняется обширностью и полнотой последнего, именно эту сторону выявления вербализирует ядро концепта.

В ходе проведенного исследования нами было установлено общие средства вербализации концепта СВОБОДА в британском и украинском политическом дискурсе: 1) мелиоративная и пейоративная лексика (“Незалежність – символ нашої нації. Вона нагадує нам – якого ми славного роду діти” [4, от 24.08.2005]; “Держави більше не завойовують танками – їх нищать культурно” [3, от 24.10.2011]; “An independent Scotland **will look pretty** much as it does today. Independence is just the starting points” [8]; “But let’s be **blunt**: There’s no point in complaining about the failures of others if we don’t have something better to offer the electorate” [7]). 2) экспрессивно-окрашенная лексика (“Як Президент України, я сприятиму забезпеченню соціальної справедливості, ліквідації бар’єрів, які виникають перед громадянами за ознаками віку...” [2, от 20.02.2012]; “Britain used to be a country that **cherished political freedom**” [5, от 26.01.2012]. 3) устаревшие слова, историзмы (“Українська козацька держава передала нам тверде переконання – кожен має свої права і вольності” [3, от 24.10.2011]. 4) стойкие словосочетания: (права і свободи, свобода друку, свобода слова, свобода зборів, свобода мітингів, свобода засобів масової інформації, свобода об’єднань, свобода віросповідання, демократичні свободи, виборчі свободи, незалежне правосуддя, отримати свободу, надати свободу вибору, позбавити свободи, волі; *freedom of expression, freedom of choice, freedom of information, freedom of the press, freedom of speech, freedom and opportunity, employment, free trade, liberal economy, tax-free, civil liberties*). 5) вульгаризмы (“І було б дуже добре, якби ця акція ... не була політизована чи не **привласнена** якоюсь політичною **силою-пройдисвітом**” [4, от 23.11.2011]; “What is impeachment – well let us describe it as a **weapon of mass democracy**- the final **democratic** deterrent against the abuse and misuse of executive power. This Prime Minister should be **drummed** from office and we will use each and every opportunity to **remove** him” [6, от 27.09.2004]). 6) фразеологизмы, цитаты (“Друга – в тому, що й любов може дарувати свободу” [4, от 30.10.2010]; “In conclusion, I am drawn to the words of Issac Newton – he of the fallen apple. He once said “**If I have seen further, it is by standing on the shoulders of giants.**” Next weekend we all have the opportunity to stand on the shoulders of the giants of unionism” [7]).

Отличиями служат специфические для соответствующей языковой картины мира факторы, а именно:

– политический дискурс Украины для выражения концепта СВОБОДА использует старославянизмы (“Якщо президент починає судити, або розказує **перстом** своїм, кого треба **посадити**” [1]);

– политики Великобритании употребляют традиционные уважительные обращения как выразители устоявшихся демократических принципов

пов (*“My Lords and Members of the House of Commons, my Government's legislative programme will be based upon the principles of freedom, fairness and responsibility”* [9]).

Лексические средства, объективирующие концепт СВОБОДА в политическом дискурсе Великобритании и Украины, раскрывают положительное отношение общества к изучаемому явлению. Присутствующая мелиоративная, экспрессивно-окрашенная лексика определяет ядерный компонент концепта как высшую ценность нации, человечества как политическое направление государства (демократический режим, который предусматривает уважение к личности, возможность свободного самовыражения (если не затрагивает интересы и свободы другого гражданина), освобождение от всяких стеснений). В подтверждение этого используется пейоративная лексика, вульгаризмы, арготизмы, которые противопоставляют свободе и выражают осуждение, неприятие, иногда возмущение к процессам подавления, завоевания, что составляет периферию концепта.

Список источников фактического материала

- Зеркало Запорожья [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://zerkalo.net.ua/>
Офіційне Інтернет представництво Президента України [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://www.president.gov.ua>
Рупор Житомира. Громадсько-політичний портал міста [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://ruporzt.com.ua>
Українська правда [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://www.pravda.com.ua>
Express [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://www.express.co.uk>
Official Site of SNP [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://www.snp.org/>
Official Site of Ulster Unionist Party [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://uup.org>
Salmond A. Yes choice. An historic opportunity for our nation. – Scotland, 2012. – 14 с.
Uk Parliament Website [Электронный ресурс]. – Режим дост. : <http://www.parliament.uk/>

Н.В. Николенкова (Москва)

О характере орфографии церковнославянского перевода «Атласа Блау» (отражение разных изданий грамматики М. Смотрицкого)

Как известно, орфографическая норма памятника письменности может быть основой для вывода о том, сколько писцов работало над созданием текста [Дурново 2000: 644-647; Живов 2006: 24-25]. Реконструкция орфографического правила и его отражение в практике работы писца наряду с палеографическими исследованиями составляет важную часть описания рукописи XI-XIV вв. Далее важность данных норм и соблюдение писцами определенных орфографических принципов оказывается очень важным для описания памятников периода второго южнославянского влияния.

При исследовании рукописных памятников XVII века индивидуальные орфографические приемы их авторов необходимо не только реконструировать, но и сопоставлять с орфографическими рекомендациями грамматик церковнославянского языка, изданными в первой половине XVII века. Известно, что именно часть «**W орфографии**» подвергается наиболее существенной правке при переиздании Грамматики Смотрицкого 1619 года (далее ГС) в Москве в 1648 году (далее ГМ) [Кузьминова 2007: 519-545]: «Правила орфографии» ГМ являются реакцией издателей грамматики на предшествующие опыты орфографической нормализации <...> и их переосмыслением».

Мы проанализировали с точки зрения орфографии черновик и беловик церковнославянского перевода Атласа Блау – огромного труда голландских картографов первой половины XVII века, сборник географических карт с описанием различных стран и земель, составленный Вильгельмом и Иоанном Блау в Амстердаме в первой половине XVII века [Blaeu 1645]. Латинский оригинал был разделен между Епифанием Славинецким, Арсением Сатановским и Исайей Чудовским. Они перевели текст в черновом варианте: эти переводы содержатся в рукописях Син. 779, 781, 780 и 41. Первые три рукописи переписаны набело (Син. 19, 112 и 204). Беловые экземпляры Син. 19 и Син. 112 очень похожи оформлением, кроме того, Син. 19 писан одним почерком – русской четкой скорописью, и этот же почерк отмечен в части Син. 112 с листа 71 (на это указывает еще Соболевский [Соболевский 1903: 62]).

Проведенный нами текстологический анализ Атласа показывает, что черновой вариант перевода осуществлялся в разное время, а оформление беловиков происходило в 60-х гг. XVII в. в Москве [Николенкова 2010]. Очевидно, что сами авторы перевода были знакомы и с ГС, и с ГМ. Оформление белового текста, по нашей гипотезе, должно было осуществляться в соответствии с рекомендациями ГМ.

В нашем докладе будет проанализирована орфография черновика Син. 779 и соответствующего ему беловика Син. 19 с точки зрения следования писцом (писцами?) орфографическим рекомендациям ГС или ГМ. К примеру, в ГМ правило распределения букв **o** и **w** шире, чем в ГС [Кузьминова 2007: 526-529]. Грамматики совпадают в рекомендации использовать оппозицию **o** – **w** для дифференциации омонимов ед. и мн. числа, но в ГМ есть дополнение – «не выражать семантику мн.ч. на орфографическом уровне в позиции абсолютного начала слова» [Кузьминова 2007: 527]. Правда, ГМ рекомендует написание **w** в предлоге **wb**; в ГС эта норма была прописана, но выполнялась непоследовательно, поэтому издатели ГМ исправляли эти написания. Таким образом, последовательное использование **w** в данном предлоге при столь же последовательном употреблении **o** в начале форм во мн.ч. может быть

свидетельством ориентации писца на ГМ. Автор беловика действительно демонстрирует ориентацию на это правило: **о** в начале слов сохраняется при изменении формы ед.ч. на мн.ч. при том, что во всех других позициях писец использует **ѡ**, в том числе правит черновой вариант (текст Славинецкого), где данная норма не соблюдается (**родѡвъ**, **градѡве**, **роди** в Син. 779 → **родѡвъ**, **градѡве**, **рѡди** в Син. 19, но **острови** в обеих рукописях). Анализ большого числа примеров показывает, что при создании беловика ориентация на ГМ была довольно последовательной, тогда как черновой вариант в этом случае не ориентирован ни на ГС, ни на ГМ.

Однако анализ написаний слов с начальным «о» в приставках показывает, что автор черновика пользуется правилом ГС, без изменения включенном в ГМ [Кузьминова 2007: 541], и стремится в приставочных глагольных формах употреблять именно **ѡ** (дифференцируя тем самым приставочные и бесприставочные образования). Автор белого текста повторяет написания черновика, не подвергая их правке.

Анализируя с этих позиций выполнение орфографических рекомендаций ГС и ГМ в черновом и беловом вариантах текста, мы приходим к выводу о знании писцом белого экземпляра правил ГМ и о его стремлении к выполнению этих рекомендаций. Это, безусловно, дополняет наши представления о том, какое место стала занимать грамматика церковнославянского языка в среде образованных московских книжников середины XVII века.

Л и т е р а т у р а

- Дурново Н.Н.* Славянское правописание XI-XII вв. // Избранные работы по истории русского языка. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 644-682.
- Живов В.М.* Норма, вариативность и орфографические правила в восточнославянском правописании XI-XIII века // Восточнославянское правописание XI-XIII века / РАН; Ин-т русского языка им. В.В.Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – С. 9-75.
- Грамматика 1648 г./ Предисл., научн.коммент., подг. текста и сост. указателей *Е.А.Кузьминовой*. – М.: МАКС Пресс, 2007.
- Николенкова Н.В.* Церковнославянский перевод Атласа Блау: нерешенные вопросы // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология, 2010, № 6. – С. 86-98.
- Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903.
- Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus in quo tabulae et descriptions omnium Regionum. Editae a Guiljele et Ioanne Blaeu.* Amsterdami. Anno 1645.

Марин Дринов и неговата концепция за името на град София (по случай 175 години от рождението му)

През третата четвърт на XIX в. в България се утвърждава интелектуалното начало в живота на нацията. Общественото внимание е насочено към постиженията на европейската наука и култура. Основните приноси в тези насоки, водещите идеи и възгледи на известни личности, представляват същността на онова мащабно движение в контекста на цялостния ни развой. Носители и разпространители на тези идеи са представителите на българската възрожденска интелигенция, които имат подчертан модерен манталитет. Получили образованието си във водещи и престижни университети в Русия и Европа, те пренасят в родината нови просветителски идеи, хуманистичния стремеж към идейна общност и с книжовната си дейност допринасят за развитието на славистиката.

Марин Дринов е един от първите български учени – историк, езиковед, славист, който продължавайки възрожденската традиция поставя проблемите на нивото на славистичната научна мисъл за своето време.

Той е роден на 20. X. 1838 г. в Панагюрище, където получава основното си образование. От 1858 до 1861г. е в Южнославянския пансион в Киев и завършва философския клас на Киевската духовна семинария. Следва в Московския университет (1861-1865) и завършва Историко-филологическия факултет с финансовата подкрепа на Славянския комитет.

Ученолюбивият панагурец е ученик на Осип Бодянски. Благодарение на професионализма на Бодянски Московският университет се утвърдил като първия и най-развит център по славянски изследвания в Русия, в който се оформила цяла школа от специалисти в тази област.

След завършване на висшето си образование Марин Дринов става частен учител на децата на княгиня Е. А. Голицина и с нейното семейство посещава редица европейски страни. Така получава възможност да събира материали по българска история в книгохранилищата на Италия, Австрия, Полша, Чехия.

С голяма прецизност книжовникът проучва историческото минало на нашия народ и се възхищава от него. В своите занимания с българската история той проявява интерес към широк кръг проблеми: изследва и изяснява въпроси и от политическата, и от културната, и от църковната история на народа. При това Марин Дринов не се ограничава само в една епоха, а обгръща в цялост историческото развитие на България, като се почне от историята на населението в българските земи през римската епоха и се стигне до Възраждането у нас през втората полови-

на XVIII век и първата половина на XIX век. Като резултат от творческите търсения и неуморните изследвания на Дринов във Виена през 1969 г. излизат от печат двете му известни съчинения: „Поглед върху произхода на българския народ и началото на българската история” и „Исторически преглед на българската църква от самото ѝ начало и до днес”. Тези забележителни исторически проучвания му създават висок научен авторитет в академичните среди в Русия и у нас.

Никой друг от нашите възрожденски книжовници след Паисий Хилендарски така ясно не е изразил идеята, присъща на цялото ни национално-възрожденско движение, за значението на родната история като могъщо средство за пробуждане и укрепване на народностното самосъзнание.

Марин Дринов е един от основателите на Българското книжовно дружество (1869) и пръв негов председател. Една от основните задачи на Българската книжовно дружество в Браила е да разработят проблемите на националния ни език. В трудовете на Дринов теоретично и научнообосновано се представя ролята на книжовния език за духовното укрепване на нацията. Въпросите, свързани с изграждането на българския книжовен език, се разглеждат професионално и на нивото на състоянието на европейската филологическа наука.

През 1872 г. Марин Дринов защитава магистърска дисертация в Московския университет на тема „Заселение Балканското полуострова славянами”. На 2 май 1873 г. по доклад на А. А. Потемня той е избран за щатен доцент при Катедрата по славянски наречия в Харковския университет.

Благодарение на М. Дринов в Харковския университет се формира школа на учени, в чиито интереси преобладават проблемите по историята и културата на българския народ. Сред основателите на тази школа наред с Марин Дринов трябва да споменат и имената на А. Потемня, Н. Сумцов и М. Холански.

През 1876 г. Марин Дринов защитава докторска дисертация на тема „Южне славяне и Византия в X-том веке” и става професор. Член-кореспондент е на Руската академия на науките и почетен член на чешката, полската и сърбохърватската академии на науките.

Марин Дринов притежава дълбока и проникваща научна мисъл. Голяма част от неговия житейски път е извън България – в Европа и Русия, поради което е имал възможност да изследва редица неизвестни ръкописи и исторически извори, ценни и важни за българската наука и култура.

Като особено отличителен принос в изследването на Марин Дринов по българска история трябва да се посочи, на първо място, използването на множество исторически извори в оригинал или превод, а освен това

привличането на богатата специална книжнина по засегнатите въпроси. Във всичко това младият изследвач проявява рядка осведоменост и критична преценка. Схващанията на М. Дринов по тези проблеми представляват изключителен интерес и за нас.

В статията „По що и откога сегашната българска столица е наречена София” Марин Дринов прави цялостно проучване за името на град София. В италианските архиви през 1869г. той попада на архивен материал, който е от съществено значение за проучванията по дадената проблематика. За да бъде точен и прецизен в тезата си, Дринов съпоставя италианския текст и превода на български език.

Изследователят посочва, че известието за името на град София, макар и да идва от далечното минало, съдържа в себе си несъмнена историческа истина, която софиянци са знаели през 1659г. Детайлно Дринов проучва всички документи и писмени извори за името на град София. Спира се на латински документ, писан в Дубровник от 1376г., който е намерен от проф. Константин Иречек. Проучва и писмените старобългарски паметници като прави задълбочени научнообосновани изводи и обобщения.

Статията е написана в Харков на 10. 02.1894г.

Наследил книжовноезиковите традиции от своите предшественици, докоснал се до постиженията на чуждестранните лингвисти от световна класа, Марин Дринов притежава дълбока и проникваща научна мисъл. Голяма част от неговия житейски път е извън България – в Европа и Русия, поради което е имал възможност да изследва редица неизвестни ръкописи и исторически извори, ценни и важни за българската наука и култура.

Н. Николов (Шумен)

Безлични изречения в старобългарския превод на огласителните слова на свети Кирил Йерусалимски

А. Горски и К. Невоструев отнасят ръкопис Син. 478 към XII-XIII в., докато в по-късните монографии и описи на А. Соболевски, Н. Карински, Н. Дурново, А. Селищев, М. Щепкина, Т. Протасева, К. Куев, Г. Подскалски датирането е кр. XI – нач. XII в. Като се имат предвид становищата за времето на превода на Огласителните слова, базиращи се както на посоченото в приписката на л. 270об от Син 478, така и на спецификата на съдържанието, може да се допусне стесняване на термина между 893 г., когато като презвитер Константин е приключил работата си по Учителното евангелие, и 906 г., когато Константин вече е Преславски епископ.

В настоящата разработка анализът на безличните (безсубектните) изречения в старобългарския пълен превод на Огласителните слова на св. Кирил Йерусалимски (ГИМ, Син. 478) – паметник, последователно разкриващ основните догмати на Христовата вяра чрез прости и ясни поучения и по този начин нравствено и обредово подготвящ неизкушеното още в християнското учение паство – е съобразен с комуникативната насоченост и отношението адресант (катехет) : адресат (огласен). В контекста на жанровата специфика на това съчинение от т. нар. учителна проза – циклизирани катехизистични беседи – безсубектните изречения функционират като езикови маркери за въвеждане на примери за Божията благодат при покаяние, на библейски цитати като доказателство за определен догмат, на разясняване на обективната каузалност при протичането на катехизацията, на морално-етична оценка за определени постановки на еретици или еретически учения, на нуждата от култивиране на морално-волеви и верски устои у призиваните да встъпят в Христовата вяра.

Обемът на ръкописа (270 пергаментни листа) позволява да бъдат маркирани трите типа безсубектни изречения според оформянето на предикативната основа:

I. *С лична глаголна форма* – конститутивният глаголен елемент е в 3 л. ед. ч. на безлични, на безлично употребени невъзвратни глаголи или на безлично употребени глаголи със **сѧ** с нестрадателно или с възвратно-страдателно значение за изразяване на: природни явления (**и съмръче сѧ• земли въ днѣ свѣтъ** Мт 8:9, л. 147), обобщаващо присъщо действие (**к томоу не достоитъ вамъ носити ветъхыя ризы тоа** л. 156об), наличност / отсъствие (**нѣсть двашьды• ни тришьды приати банѧ** л. 5; **прѣжде во•о• лѣтъ высть льсть та** л. 53), темпорални обстоятелства (**потомъ же не боудеть** л. 242), молба и желание (**боуди тебѣ достоиноу быти** л. 234об), книжовен източник (**иакоже во члѣкоу глеть сѧ по реченоуоумоу** л. 178), мисловност (**да мнѣ сѧ мьнить• сего ради къ члѣчствоу глѣтъ пслѣмьникъ** л. 69об), неочакваност на действие (**се во образнѣ прилоучаше сѧ о мнѣ• написа же сѧ въ наоученик пристоупаштнимъ** л. 2).

II. *С лична глаголна форма и инфинитив* за изразяване на волева или субективна модалност на действието, при което са диференцирани дваподтипа: I) *с пълнозначен спрегаем безличен глагол* за необходимост / неизбежност / обоснованост (**подобааше же кмоу видѣвъши бѣлообразны всѧ• и томоу възати такожде одеждѧ** л. 2),

обобщеност / безагентност (**ПОДОБАКЪ ЖЕ И ДЕСНИЦЪ ПРОСТИРАТИ • ИЗВОЛНИКЪМЪ БЛАГОМЪ** л. 60б), достатъчност (**РАЗУМЪЛИВОМЪ ПОСЛОУШНИКОМЪ • ДОВЪЛЕТЪ • И ВЪСПОМАНОВЕНИКЪ • ТЪЧНО НА ОУВЪДЪВНЪКЪМЪ** л. 173), несистемност / случайност (**АЩЕ СЯ ЛОУЧИТЬ • ИЛИ ИНО НЪКОКЪ СЪМА ПЛЕМАМЪ • ПАДЪ ИАКО ОУМЪРЕТЬ И ИЗГНИКЪТЪ** л. 237об), качествена оценка (**ИЗВОЛИ БО СЯ СТОУОУМОУ ДХОУ И НАМЪ НИКОКА ЖЕ БОЛЬШЕ • И ВЪЗЛОЖИТИ ВАМЪ ТАГОТЫ** Деян 15:28, л. 230об); 2) с **БЪТИ** за обективна възможност (о **РАЗЛИЧНЫХЪ ВЕЩЕХЪ ГЛАНОУ • БОУДИ ВИДЪТИ** л. 203), предопределеност (**НИ КАКОЖЕ КЪТЪ КЪЖЕ НЕПЛОДЪВН РОДИТИ ЧРЪСЪ КЪСТЪСТВО** (л. 128), осъщественост (**ЧЪТО МИ КЪ ПОСЛОУХА НЫНЪ ПРИВОДИТИ** л. 131об).

III. С *аналитична копулно-именна структура*: 1) със страдателно причастие в среден род и форма на **БЪТИ** в 3 л. ед. ч. за изразяване на модални нюанси – възможност, необходимост, предопределеност, способност, намерение, своевременност (напр. **ДОВЪЛНЪ ПРОТИВОУ СИЛЪ НАМИ РЕЧЕНО БЫСТЬ** л. 98об); 2) с т. нар. функционални предикативи и форма на **БЪТИ** в 3 л. ед. ч. за изразяване на допустимост, възможност, обоснованост, необходимост, субективна възприемане и морално-етична оценка (напр. **АШТЕ ПРЪЖДЕ ПРИСАЖДЕНИЯ ДОБРО КЪТЪ НАПААТИ • И ДЪЛАТИ • ТО ПО НАСАЖДЕНИИ НЕ ЗЪЛО ЛИ ДОБРЪКЪ** л. 8).

В конструкции *модален глагол + Д. п. + инфинитив*, образувани с директивните глаголи **ПОДОВАТИ**, **ДОСТОЪТИ** и **ДОВЪЛЪТИ**, преобладават модалните конструкции с **ПОДОВАТИ** (60), което по скалата *необходимост : възможност* подчертава стилистичната им маркираност в катехизистичните беседи при разясняване на догматите от Символа на вярата.

Във II Кор 12:4 вместо **НЕ ЛЪТЪ КЪТЪ** от първоначалния апостолски превод са употребени словосъчетания **НЕ ОУДОВЪ КЪТЪ** (л. 50об) / **НЕ ДОСТОИТЪ** (л. 172об), което отразява характерна особеност за втората (преславска) редакция на Апостола.

Като цяло анализът и на този езиков пласт в Син. 478 позволява антиграфът да бъде свързан с т. нар. от Ив. Гълъбов двуерова

преславска школа и с нейния най-ярък представител Епископ Константин Преславски.

А.С. Новикова (Москва)

К вопросу об истории создания евангельского текста Чудовской рукописи

Чудовская рукопись – очень интересный и до сих пор недостаточно изученный лингвистически памятник славянской письменности середины XIV в. До Октябрьской революции 1917 г. рукопись хранилась в Московском Чудовом монастыре, откуда и получила свое название. После разрушения Чудова монастыря памятник исчез. Есть предположение, что он был вывезен на Запад в 30-ые годы XX в. [«Огонёк» 1989: 18]. К счастью, сохранилось фототипическое издание рукописи, сделанное митрополитом Леонтием, и наше национальное достояние не исчезло бесследно. При фототипическом воспроизведении Чудовской рукописи были выдержаны размеры оригинала (17 см x 11 см). Это рукопись с русским правописанием, без юсов. Она состоит из 169 пергаменных листов и одного бумажного с записью-завещанием митрополита Платона по-гречески на лицевой стороне и церковнославянском языке на оборотной. Этот лист был присоединен к рукописи в XVIII в., когда памятник переплетался заново. Чудовская рукопись содержит полный текст Нового Завета. Листы 3-52 об. занимает четвероевангелие. По классификации профессора Московской Духовной Академии Г.А. Воскресенского, это третья редакция евангельского текста, к которой принадлежат ещё два списка: Никоновское ризничное и Толстовское.

Чудовский список давно привлекает внимание исследователей. Однако до сих пор нет единого мнения об авторе этой рукописи. Г.А. Воскресенский, много занимавшийся изучением текста Евангелия и Апостола Чудовского Нового Завета, издатель рукописи митрополит Леонтий, протоирей А.В. Горский и другие богословы полагали, что исследуемая нами рукопись не только **переведена**, но и **написана** самим Святителем Алексием. Так, М.Д. Муретов сто лет тому назад писал о том, что «в труде Святителя Алексия мы имеем полный, написанный **одною** рукою и исправленный **в одном духе** славяно-русский текст Нового Завета» (разрядка наша) [Муретов 1897:182]. И.В. Ягич, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский были противниками данной точки зрения. А.И. Соболевский, признавая написание памятника при жизни митрополита Алексия, подчеркивал, что эта рукопись «не имеет в себе ничего такого, что позволило бы ставить её в какую-либо связь с Алексием» [Соболевский 1908: 37].

На основании проведенного нами лингво-текстологического анализа евангельского текста Чудовской рукописи, сопоставления чтений памятника с параллельными чтениями евангельских кодексов разных изводов, привлечения данных памятников других жанров с языковыми особенностями Преславской книжной школы, можно заключить, что этот текст отличается от других списков Евангелия, но не настолько, чтобы можно было говорить о новом переводе. Ряд чтений евангельского текста рукописи совпадает с параллельными чтениями болгарских списков Воскр.1 (данный памятник написан на Афоне), № 1140 НБКМ (рукопись Тырновской книжной школы), русских Константинопольского 1383 г., Галтыевского евангелия нач. XV в., Галичского 1144 г. и вставного Евангелия Супрасльской рукописи.

В настоящее время наука не располагает никакими данными, которые позволили бы считать митрополита Алексия автором Чудовской рукописи или её переписчиком [Алексеев 1999: 192; Пентковская 2009: 282].

Над обработкой жития митрополита Алексия трудился ряд писателей, начиная с Питирима (середина XV в.) и кончая иноком Чудовского монастыря, известным справщиком Евфимием, сотрудником Епифания Славинецкого [Ключевский 1871: 132, 356]. Из дошедших до нас пяти редакций жития только в последней XVII столетия записано предание о принадлежности Чудовской рукописи Святителю Алексию и о переводе им Нового Завета, что, по-видимому, является позднейшей интерполяцией.

Палеографические и орфографические особенности рукописи свидетельствуют о том, что в написании этого памятника принимало участие восемь человек. Текст рукописи переписан в два столбца. Палеографические приметы полууставного письма середины XIV в. проявляются в обилии лигатур, в многочисленных сокращениях слов с выносными буквами. Все писцы различаются графическими и орфографическими особенностями. Участие разных лиц видно также и в орнаментике памятника. Весь текст четвроевангелия переписан одной рукой (первый почерк). Наличие в Чудовском Новом Завете восьми почерков кладет конец спорам о принадлежности рукописи перу митрополита Алексия.

Евангельский текст Чудовской рукописи хорошо отражает эволюцию славянского перевода Евангелия. В нём нарушены традиции кирилло-мефодиевского перевода: отсутствует строгая выдержанность, последовательность в переводе одних и тех же греческих слов, здесь нередко наблюдается смешение времен и залогов.

Ср. Мф. 14, 36 **молюша** вм. **молюхъ**; греч. *παρεκάλουν*, Мф. 26, 24 **пшеть(са)** вм. **естъ псано**; греч. *γέγραπται*. Греч. *εὐώνυμος* в чтениях от Мф. 25, 33, 41 соответствует первоначальная лексема **шюи**, но в чте-

ниях от Мф. 20, 21, 23; от Мф. 27, 38; от Мк. 10, 37, 40; от Мк. 15, 27 – преславизм **лѣвыи**.

Характерной особенностью преславской редакции Евангелия является употребление в Чудовском списке форм настоящего исторического вместо форм аориста первоначального кирилло-мефодиевского перевода. Напротив, Т.В. Пентковская связывает эту особенность с афонской редакцией Евангелия [Пентковская 2009: 113 и след.].

Необычайно разнообразно представлена в Евангелии Чудовской рукописи преславская лексика, часть которой является широко употребительной в древнерусских полных апракосах, болгарских и сербских списках XIV в. Так, в рукописи известны лексемы **ближнии** вм. **искрънии**; **лѣвыи** вм. **шюи**; **мьчѣтъ** вм. **призракъ**; **плиць** вм. **мѣтва**; **пастоухъ** вм. **пастырь**; **причастникъ** вм. **наслѣдникъ**; **писание** вм. **кѣнигы**; **раславленъ** вм. **ославленъ**; **ратъ** вм. **брань** и много других. К числу редко встречающихся преславизмов следует отнести слово **свѣтилище** в соответствии с греч. *ἱερόν*. В тексте Чудовского евангелия оно наблюдается в 18 чтениях вместо первоначального **црѣкъвь**. Это слово было создано преславскими книжниками, о чем свидетельствуют данные Супр.: **къ свѣтилиштоу** 248, 13. Лексема **свѣтилище** встречается также в Воскр.1 в чтении от Мф. 21, 23. В Чудовском Новом Завете здесь **цркв**.

В тексте Евангелия Чудовского Нового Завета отмечается увеличение калек с греческого, замена словосочетаний сложными словами и одновременно более точный перевод греческих сложных слов. Все это отражает характерные черты преславской правки текста. Так, в рукописи в 13 чтениях употребляется глагол **благодарити** и формы причастия, образованные от этого глагола, в соответствии со словосочетанием кирилло-мефодиевского перевода **хвалѣ въздати** (греч. *εὐχαριστεῖν*). Эта лексема трижды встречается в евангельской цитате от Ин.11, 41 в Супр. 309, 7; 309, 12; 316, 29. Интересно, что в этом чтении в Чудовской рукописи та же лексема: **оче благодарю ти**. Глагол **благодарити** есть также в болгарских списках Воскр.1 и № 1140 НБКМ.

Ряд вариантов в Чудовском тетре совпадает с текстом Толкового евангелия Феофилакта Болгарского, переведенного в Болгарии, вероятно, в XI-XII вв.

Ср. **въстѣгва** (греч. *ἰμάς*) – «ремень». Мк. 1, 7 **въстѣгве сапогѣ ѿ**; Лк. 3, 16; **встѣгве сапогѣ** Ин. 1, 7 **въстѣгвѣ сапожнѣю**. В кирилло-мефодиевском переводе во всех чтениях **ремене сапогоу**.

Слѣдва (греч. *κρημὸς*) – «круча, утес, скалистый берег реки». Мф. 8, 32; Мк. 5, 13 **по слѣдва^н**; Лк.9, 30 **п^о слѣдва^н**. В Мар. **по врѣгоу**.

Соустáница (греч. συστασιώτη) – «участник шайки, мятежник». Мк, 15, 7 (тетровое) **съ соустáницею свлза^н**, в кирилло-мефодиевском переводе – **съ своимн ковъники съвзланъ** (в соответствии с греч. στάσις – «заговор, козни»). Мк. 15, 7 **в сѹстанцѣ**, в кирилло-мефодиевском переводе – **въ ковѣ**.

Следующее исправление текста протографа, который лег в основу Чудовского списка Евангелия, было осуществлено на Афоне в первой половине XIV в. Именно здесь текст старого преславского протографа сверялся с греческим и исправлялся по греческим образцам того времени. Отличительной особенностью афонской редакции является **буквальная** близость славянского текста к греческому, появление в лексике и синтаксисе грецизмов, иное, чем в кирилло-мефодиевском переводе, морфологическое оформление грецизмов. Чудовский список тетроевангелия лучше других текстов отражает языковые особенности этой редакции.

Так, например, можно отметить некоторые фразы, где редактор пытается достичь совершенной буквальности: Мк. 12, 4 греч. κάκεινον λιθβολήσαντες ἐκεφαλαίωσαν и **тѣ каменьє^н метáвше оглавíша; Ѡглавиша** – Никон., Толст. Ср., в Зогр. **і того каменнємъ вивѣше провиша главѣ ємоу**. В Чудовском списке Евангелия весьма употребительны лексемы с приставками с-, со-, обозначающие совокупность, совместное действие. Наличие этих приставок обусловлено желанием достигнуть совершенной буквальности при переводе с греческого языка: **спослѣдовати, совозлежати, слежати, сдѣбствовати, ссѣдати, свѣсѣдовати, съпосовити, споспѣвати, срадовати сѧ, съглаголати, сраспинати** и др. Ср., Лк. 23, 48 **спришедшии народї** (греч. συμπαραγενόμενοι ὄχλοι). В Мар. **пришедшии**. Попытка достижения буквальности отражена при переводе греч. συνέδριον – **ссѣдáлице** в чтениях от Марка (13, 9; 14, 55; 15, 1). В Евангелии от Мк. 13, 9, в Мст. представлен преславизм **сѣдáлице** (в кирилло-мефодиевском переводе **съньмище**), а в Никон. и Толст. – преславизм **сѣворище**.

Рабское подражание греческому протографу наблюдается в морфологическом оформлении следующих слов: ἄλοος – **áлонс** (Ин. 19, 39); κίψος – **кѣнсонъ** (Мф. 17, 25; Мф. 22, 17; Мк. 12, 14); κοδραντής – **кодрантис** (Мк. 12, 42); λέντιον – **лентїон** (Ин. 19, 45, то же в Воскр.₁ и Галт.); λιθόστρωτον – **лѣѣостротон** (Ин. 19, 39, то же в Воскр. и Галт.). В пяти чтениях первой главы Евангелия от Луки – **марнам**. Эта лексема есть в Воскр.₁, Галт., 2 Вг 42 МГУ и в других списках Евангелия.

Собственные имена пишутся иногда наполовину по-русски, наполовину по-гречески: **Варѣоломаїа** – Мк. 3, 18; **Фарисѣѡї** – Мк. 3, 6; **сэддонкаїѡї** – Мк. 12, 18.

Синтаксические черты афонской редакции Евангелия в Чудовском кодексе подробно описаны Т.В. Пентковской [Пентковская 2009: 199-265].

Итак, в евангельском тексте Чудовской рукописи четко прослеживается процесс постепенного отхода от кирилло-мефодиевских традиций в сторону механического подражания греческим образцам.

В тексте тетроевангелия Чудовской рукописи содержатся важные сведения и по истории древнерусского языка. В памятнике отражены некоторые фонетические и морфологические особенности древнерусского языка, здесь есть лексические русизмы. На месте сочетания *dj в отдельных словах находим [žʹ]: **вожжи слѣпнїи, нѹжа, межю, надежю, одежда** (только!), **одеже^н сѧ**. На месте *tj, *kt обычно [štʹ], но встречается и русское [čʹ]: **мечюче** (л. 24^{об}). В рукописи употребляются местоимения **товѣ, совѣ**. К числу лексических русизмов можно отнести слова **погостѣ** (Мф. 9,35; 10, 11; Мк. 6, 6); **заакливѣ** (Мк. 7, 32); **оградѣ** (Ин. 18, 1; 19, 41); **по^нточїѣ** (Мк. 12, 1); **грамота** (Лк. 16, 6,7) вм. **воукѣви** в значении «долговая расписка» и **верста** (русская огласовка слова **връста**) вм. **пѣпърїце** (Мф. 5, 41).

Чудовская рукопись, скорее всего, была переписана (с некоторой редакционной правкой) для митрополита Алексия с недошедшего до нас южнославянского протографа во время пребывания Святителя в Константинополе в русском Студийском монастыре в 1354-1355 гг. Эта рукопись – акцентуированный памятник, а в древнерусской письменности не было традиции акцентуировать тексты вплоть до XVI в. Поэтому предположение М. Корнеевой-Петрулан о написании памятника на московской земле [Корнеева-Петрулан 1937: 3] представляется нам необоснованным.

Рукопись Нового Завета стала собственностью митрополита Алексия и была вывезена им в Москву.

Не можем согласиться с А.А. Алексеевым в том, что фонетико-орфографическая и грамматическая системы Чудовской рукописи «лишены малейших признаков южнославянского происхождения» [Алексеев 199: 194]. По нашему мнению, протографом евангельского текста Чудовской рукописи является южнославянский список Евангелия преславского происхождения, подвергшийся редакционной правке на Афоне в XIV в. и затем в Тырновской книжной школе.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. – С.-Петербург, 1999. – С. 192, 194.
Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1871. – С. 132, 356.
Корнеева-Петрулан М.И. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. // *Slavia. Ročník XV. Sešit 1. Praha, 1937.* – С.3.

- Муретов М.Д. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде Святителя Алексия, митрополита Киево-Московского и Всероссийского // Богословский вестник, ноябрь-декабрь 1897 г. Сергиев-Посад, 1897. – С. 182.
- «Огонёк», 1989, №6. – С. 18.
- Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке. Чудовская редакция Нового Завета. – Москва, 2009. – С. 113, 199- 265, 282.
- Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. – СПб., 1908. – С. 37.

О.А. Остапчук (Москва – Берлин)

Полонизмы в украинском языке в XIX в.: статус и распространение

Важным фактором развития украинского литературного стандарта нового типа было его вынужденное сосуществование в важнейших сферах коммуникации с литературными языками других народов. Ни в один из периодов своего развития украинское языковое пространство не совпадало с коммуникативным [Zabrocki 1963], особенно справедливо это в отношении XIX в, когда на различных украинских территориях функционировали в качестве официальных языков и/или языков культуры русский, польский, ограниченно немецкий, венгерский и словацкий языки. Наличие ситуации полилингвизма на всей территории Украины в течение XIX неизбежно приводило к осознанному и неосознанному пополнению формирующегося украинского литературного языка за счет элементов других языков, имевших в данный момент более высокий коммуникативный статус.

На начальном этапе формирования нового украинского литературного стандарта он был фактически открыт для проникновения иноязычных элементов [Wexler 1974]. Многочисленные примеры русизмов находим в произведениях большинства малороссийских писателей, в том числе столь знаковых, как И. Котляревского (*питейний*, *защищать*, *уроди*) или Т. Шевченко (*розрішеніє*, *приказаніє*, *одпуск*) и др. [Русанівський 1998]. С другой стороны, в текстах западноукраинских авторов обнаруживается большой пласт полонизмов: *багателя* (ср. *bagatela* 'ерунда, мелочь'), *влостьян* (ср. *włościanin* 'крестьянин'), *гранатовий* (ср. *granatowy* 'темно-синий'), *длубату* (ср. *dlubać* 'ковырять'), *давиту* (ср. *dławić* 'давить'), *докладный* (ср. *dokładny* 'полный, совершенный, точный'), *жовнір* (ср. *żołnierz* 'солдат') [Головацький 1982]; *малпа* (ср. *malpa* 'обезьяна'), *насмарую* (ср. *smarować* 'мазать'), *балює* (ср. *balować* 'кутить') (примеры из произведений И. Франко).

Открытым остается вопрос о степени узуальности полонизмов, вводимых украинскими литературными деятелями в язык их произведений. Особый интерес в этом отношении представляет языковая практика

одного из представителей польско-украинского литературного билингвизма на Правобережье, представителя романтической «украинской» школы в польской поэзии Тимка Падурры. Следы польско-украинской интерференции обнаруживаются на всех уровнях языковой системы, хотя насыщенность полонизмами украинских произведений поэта не столь высока, как этого можно было бы ожидать. Тем не менее в нашем материале обнаруживаются как непосредственные заимствования из польского языка (типа имени собственного *Czechryn*), в том числе польские архаизмы, бытовавшие в польских периферийных говорах (например, *ruchawka*: «*pospolite ruszenie*» ‘народное ополчение’ [SJP 7, 1380]), так и разнообразные гибридные образования типа: *wtohdi* (пол. *wtedy*, укр. *modi*), *prybludeń* (пол. *przychodzień*, укр. *приблуда*), которые отмечаются также современными исследователями польских говоров на Украине. Поэт смело создает на основе хорошо известных ему польских слов украинские новообразования, причем образец для создания неологизма легко обнаруживается в двуязычном издании его «Украинок» (Padura 1874), где на одной странице помещен украинский текст, а на соседней его польский прототип. Именно так появляются в его произведениях кальки типа: *szcadky* (пол. *szcątki*), *proszlist'* (пол. *przeszłość*) *śnity* (пол. *śnić*), *pancirnyj* (пол. *pancerny*), *majistat* (пол. *majestat*), *zmer* (пол. *zmarł*), *diwyczy* (пол. *dziewiczy*), *dwyh* (пол. *dźwig*), *stremin'* (пол. *strzemień*). Именно такие и подобные образования давали основания критикам Падурры для обвинений его в незнании украинского языка.

Тем не менее в своем языкотворчестве Падурра отнюдь не одинок: либеральность формирующейся украинской нормы в течение первой половины-середины XIX в. способствовала пополнению сферы абстрактной и специальной лексики большим количеством полонизмов в Галиции и русизмов на Левобережье, Правобережье в этом отношении долгое время также тяготело к западноукраинским землям.

Л и т е р а т у р а

- Головацький Я.Ф. Словник української мови Я.Ф. Головацького / Історія культури – першоджерела. Науковий збірник Музею української культури у Свиднику №10. – Пряшів, 1982.
- Русанівський В. М. Історія української літературної мови. – Київ, 2001.
- Padura T. Pyśma Tymka Padurry. Wydanie posmertne z awtohrafiiw. – Lwów, 1874.
- Zabrocki L. Wspólnoty komunikatywne w genezie i rozwoju języka niemieckiego. – Wrocław, 1963.
- Wexler P. N. Purism and Language: a Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). – Bloomington, 1974.

Постмодернизм в чешской литературе: к вопросу о периодизации

Проблема периодизации чешского литературного постмодернизма поднимает ряд теоретических вопросов: определение параметров «предпостмодернистской» ситуации, историко-литературных координат и стадильности развития парадигмы, типологии творчества того или иного писателя и т.п. Продуктивным представляется выделение этапов развития постмодернистской модели и, соответственно, авторов, репрезентативных для определенного периода с учетом того, что постмодернистские тенденции достаточно разнообразны и реализуются в творчестве писателей избирательно.

Первый этап – протопостмодернизм (кон. 60-х – 70-е гг. XX в.) – свидетельствует о зарождении постмодернистских тенденций в недрах поэтики послевоенного модернизма. Постмодернистское мироощущение для авторов-«шестидесятников» являлось типом новой идеологии – кризис авторитетов был связан, прежде всего, со сферой официальной культуры и обусловлен стремлением к самостоятельным творческим поискам. Это (старшее) поколение пришло к постмодернистскому способу письма в 1970-80-е: М.Кундера, В.Парал, Б.Грабал, П.Когоут и др. Переломным моментом, с которого художественная парадигма начала развиваться в постмодернистском направлении, следует считать начало 1970-х, когда появился ряд романов, в поэтике которых можно проследить характерные для этого стиля черты. Интересно, что тенденции к освоению новых техник письма возникли не только в творчестве эмигрантов и «запрещенных» авторов, а и у писателей, которые имели возможность официально публиковаться в социалистической Чехословакии. Назовем хотя бы квазиисторическую трилогию В.Неффа «Королевы не имеют ног» (1973), романы В.Парала «Профессиональная женщина» (1971), Л.Фукса «Мыши Наталии Моосхабр» (1970), Б.Грабала «Я обслуживал английского короля» (1971, оф. 1980). В самиздате вышли знаковые для чешского постмодернизма «Морские свинки» Л.Вацулика (1973), «Анкета» Й.Груши (1976), «Палачка» П.Когоута (1978). Для писателей этого поколения характерны внимание к культурологической проблематике, этическая и критическая направленность, повышенный интерес к фигуративности, наличие кода автора-рассказчика.

Второй этап – «высокий постмодернизм» (80-90-е гг. XX ст.) – можно разделить на классический (80-е) и радикальный (90-е). В 1980-х годах большой поток постмодернистской прозы появился во всех трех пластах чешской литературы периода «нормализации»: «Герцогиня и

кухарка» Л.Фукса, «Говорить серебро» А.Байяи, «Книжка с красной обложкой» А.Берковой, «Недалеко от дерева» З.Брабцовой, «Медорек» П.Плацака, «Медвежий роман» Й.Кратохвила, «Корабельный дневник» В.Кремлички, «Перья и крылья» И.Пекарковой и др. Датой признания победы постмодернистской поэтики можно условно считать середину 1980-х, когда известность завоевал роман М.Кундеры «Невыносимая легкость бытия» (1985) и увидел мир поздний дебют Я.Кржесадло «Те, что поют над падалью» (1984). Несмотря на разные мировоззренческие позиции и поэтикальные стратегии, оба автора сегодня названы «классиками чешского постмодернизма» [Machala 2008: 287-288]. Наряду с представителями «старшего» поколения в это время активно творили прозаики, которые, в силу общественно-политических причин, вышли на литературную арену только после 1989-го (Й.Кратохвил, Д.Годрова, В.Мацура, М.Айваз, П.Ракос, И.Матоушек, П.Коуделка, В.Воколек). Литературовед А.Гаман назвал их «поколением потерянного сюжета», объяснив это определение не только тем, что у этой группы писателей была украдена история их собственной творческой жизни, но и тем, что именно они столкнулись с тезисом об исчерпанных возможностях традиционных сюжетов и их однозначной трактовки [Гаман 2002: 25]. Общим для прозаиков первой и второй «волны» является переосмысление действительности в пользу неиерархического мировоззрения, признание иллюзорности реального мира и реальности абсурда, установка на элитарную прозу, авторами которой являются рафинированные писатели-филологи, такие как М.Кундера, В.Мацура, Д.Годрова, М.Айваз или С.Рихтерова.

Однако периодом открытой манифестации постмодернистского течения стали 90-е гг. XX века. Тогда у самих писателей вышло осознание принадлежности к этому стилистическому контексту, как и осознание его важного места в мировой литературе; поэтому наиболее продуктивное и новаторское течение чешской прозы 1990-х гг. базируется на демонстративном отмежевании от реалистических или модернистских художественных моделей. В литературу вступило младшее поколение авторов, чье творчество с самого начала резонировало с постмодернистской поэтикой, между ними Я.Топол, М.Вивег, М.Комарек, П.Ульрих, Р.Людва, П.Оуржедник, М.Урбан. Для этих литераторов постмодернизм стал способом социального протеста и демонстрацией экспериментаторского радикализма. Ведущее место в проблематике произведений «младших» постмодернистов занимает деконструкция мифов про чешскую интеллигенцию, национальных героев и историю. Очевидно, что молодые авторы радикальнее использовали элементы постмодернистского письма, тогда как представители старшего поколения тяготели к совмеще-

нию постмодернистских приемов и собственных, уже сформированных парадигм.

Третий этап – post-постмодернизм (кон. 90-х гг. XX в.– начало XXI в.) – демонстрирует потерю доминантных позиций. Процессы, происходящие в новейшей чешской прозе, отмечены тенденцией к возврату социальной тематики как формы переживания общности человека и мира с точки зрения конфликтов и построения новой концепции личности. О жизнеспособности постмодернистской поэтики свидетельствует тот факт, что романы признанных мастеров этого направления до сих пор пользуются популярностью (напр., премию Magnesia Litera 2012 г. получил М. Айваз).

Л и т е р а т у р а

Haman A. Fikce a imaginace v prózách 90. let // Česká próza 90. let 20. století. – České Budějovice: JČU, 2002. – S. 20-28.

Machala L. „Klasici“ postmodernismu: Kundera a Křesadlo // V souřadnicích volnosti: Česká literatura devadesátých let dvacátého století v interpretacích. – Praha: Academia, 2008. – S. 287-288.

М. Панаотович (Нови-Сад)

Творчество Леонида Андреева в восприятии сербского читателя

Начиная с первых упоминаний, с 1902 года, а потом следя за переводами и премьерами его драм, а также и следя за переводами рассказов, повестей, романа, публицистики, замечаем что Леонид Андреев более чем сто лет присущ в сербской культуре.

Данная работа обращает внимание на степень заинтересованности к творчеству Андреева на сербском культурологическом пространстве, с первых упоминаний до и после Второй мировой войны. В периодике времени с 1902 по 1919 г., год смерти писателя, имеем малое количество статей и записок об Андрееве и его творчестве. В данный период почти нет переводов его драмы и прозы. После смерти писателя, после 1919 г., сербская аудитория – критики, переводчики, деятели театра, любители – в большей степени заинтересованна в творчестве Андреева в целом.

Послевоенное восприятие, с одной стороны, отмечает период застоя, если речь идет о драматическом творчестве Андреева, но, с другой стороны можно отметить и активное отношение к его повестям и рассказам. А именно, пока пьесы Андреева в основном не переводили, не ставляли и не толковали в период с 1945г. по 70-е годы XX века, его рассказы и повести переводили, толковали; сербский читатель знал про них и о них читал.

Леонид Андреев в сербской аудитории известен, прежде всего, как автор драм. Сербские переводчики и критики оказали огромную помощь в восприятии писателя в сербском культурном пространстве, и в результате того, через некоторое время появилось множество переводов, прежде всего, рассказов, в меньшей степени драм, появилось множество критических обзоров, очерков, и просто текстов информативного характера о судьбе писателя, его жизни и творчестве.

На драматургию Андреева свое внимание обращали деятели театра нескольких поколений: Милан Предич, Станислав Винавер, Юрий Ракитин, Озрен Суботич, Божо Ловрич, Светислав Петрович, Мухарем Первич, Желько Иованович, Владимир Стаменкович, Иван Меденица, Иован Чирилов и другие. Большое количество критиков, особенно в довоенное время восприятия, подписывается криптонимом, или псевдонимом – Аматер, Кс. Кс., Ж.П., Д. Б-ич. Также, часто авторы значимых и важных примечаний о Андрееве оставались нарочно анонимными, неизвестными.

Драмы Андреева воспитывали и вкус сербских зрителей, которые, часто, не дорасли до репертуара государственных театров. Постановка пьес Андреева иногда была причиной и культурно-общественных полемик, о чем свидетельствует сербская периодика (напр, постановка Ракитина драмы „Не убей“, в 1924 г., или постановка Живоиновича в 1925 г. драмы „Мысль“). Пьесы Андреева поставляли А. Черепин, И. Осипович, М. Ристич, Л. Мансоветова, Л. Драшкич, Д. Мияч и другие в той или иной степени известные режиссеры. Некоторые из них имели роль и замечательных исследователей драматургии Андреева, напр, Ракитин (постановка „Не убей“), или Мияч (постановка „Собачьего вальса“, в 2004 г., в Белграде).

Эмигранты имели важную роль в воспитании сербской аудитории и в ее принятии „странных и тяжелых пьес“ Андреева. Большое количество любительских эмигрантских театров в один период активно играло Андреева. В период от смерти писателя, и до начала Второй мировой войны, почти каждый год состоялась премьера новой пьесы Андреева. В том смысле, великое значение имели Русский драматический театр, Академический театр, а также и Союз русских актеров.

Андреев в роли автора двух романов у сербов мало известен. Сербские критики писали о его романах, но их мало толковали. На сербский язык лишь в 1997 г. переведен роман „Дневник Сатаны“, а „Сашка Жегулов“ не существует даже ни отрывками.

В попытках определить место Андреева в рамках мировой литературы, о его произведениях писали знаменитые сербские критики, такие как А. Погодин, Л. Захаров, М. Стойнич, Н. Кустурица, М.

Иованович, М. Миочинович, К. Ичин, Б. Косанович, В. Вулетич и другие. Сербский читатель имел возможность познакомиться и с переводами таких знаменитых исследователей творчества Андреева, как, например, Л. Иезуитова и Б. Бугров, с одной стороны, но и с текстами интересных свидетелей Андреевской эпохи и его места в ней – М. Горького, В. Воровского и К. Чуковского.

В конце XX века, начале XXI опубликованы новые издания прозы Андреева, а ставят, переводят и толкуют и его драматургические произведения. На сербский язык переведен роман „Дневник Сатаны“, а также опубликован и, до сих пор единственный, сборник избранных пьес Андреева, в котором нашлось пять пьес „серебряного блеска“ - „Дни нашей жизни“, „Жизнь человека“, „Анатэма“, „Профессор Старицын“ и „Собачий вальс“.

Начало XXI века дает возможность предполагать что творчество Л. Андреева опять найдет сербского читателя. Об этом, как раз, свидетельствуют пока только планы сербских издателей - второе издание „Дневника Сатаны“ и новое издание избранных пьес Андреева.

Т.В. Пентковская (Москва)

Из истории развития сербской литургической традиции: сербские типиконы в лингвистическом аспекте

Период интенсификации переводческой деятельности у южных славян ознаменован созданием круга текстов, регулирующих богослужение и регламентирующих монастырскую жизнь. С деятельностью св. Саввы Сербского связано появление устава, данного им афонскому Хиландарскому монастырю в 1199 или 1200 г. (далее – ХТ). Старейший из списков датируется XIII в. и хранится в Хиландарском монастыре (Chil. AS 156). В основу ХТ был положен типикон константинопольского монастыря Богородицы Благодетельницы, восходящий к студийской традиции [Пентковский 2003: 324-325]. В 1199 г. была сооружена Карейская келия-исихастерия и написан ее устав – Карейский типик, старейший список которого также хранится в Хиландаре (Chil. AS 132/134, далее – КТ).

В первой половине XIV в. появились два сербских перевода Иерусалимского типикона (далее – ИТ). Старший из этих переводов был выполнен по инициативе архиепископа Никодима в 1319 г. Возникновение второго перевода связано с Хиландарским монастырем – оттуда происходит его старейший список, переписанный в 1331 г. писцом Романом.

Изучение данного круга текстов выдвигает на первый план вопрос о том, с какой традицией эти тексты связаны и как соотносятся между

собой. Ниже представлен обзор некоторых лексико-грамматических явлений, которые могут быть релевантны в данном отношении.

Самоназвание текста ХТ отражает вариативность грецизма и его славянского эквивалента. Так, во вступлении и на протяжении большей части текста используется лексема *оуставъ*, однако в заключительных главах появляется грецизм *типикъ* (τυπικόν). В гл. 42-ой ХТ, где речь идет о Карейской келии, снова используется славянский вариант *оустаецъ* и *оуставъ*. Такое распределение вариантов по главам, возможно, указывает на работу нескольких переводчиков, однако более точных вывод может быть сделан только в результате анализа совокупности списков ХТ. В самом КТ зафиксирована именно славянская лексема *оуставъ*. Использование грецизма *типикъ* продолжается в афонской традиции переводов ИТ, как сербской, так и болгарской [Пентковский 2002: 218-219]. Сложные отношения частичной преемственности наблюдаются при передаче термина *αγρυπνία*: если в литургическом отношении *агрипния* Евергетидского типикона и принадлежащего к его традиции ХТ не тождественна *агрипнии* Иерусалимского типикона [Пентковский 2003: 323], то в лингвистическом отношении мы имеем дело с сохранением того же грецизма (*агрипния*), употребляющегося в ХТ и КТ, в обоих сербских переводах ИТ. Совпадает в типиконах XIII и XIV вв. передача термина *μετάνοια* ‘поклон’ (*метание* в ХТ, КТ и обоих сербских переводах ИТ). Сходство между сербскими переводами ИТ и более ранней сербской литургической традицией проявляется и в отсутствии грецизма при передаче термина *ἑξάψαλμος*: КТ по шести п(са)лмѣхъ, ср. кальку *шестопсалмъ* в обоих сербских переводах ИТ. Наконец, преемственность традиции по отношению к типиконам рубежа XII–XIII вв. проявляется в сербских переводах ИТ в том, что цитаты из новозаветных текстов в них ориентированы на древнюю традицию, связанную с новым литургическим тетром, введение которого также связывают с деятельностью книжного круга св. Саввы Сербского: в частности, в ХТ и в обоих сербских переводах ИТ используются лексемы *послание*, *етерь* ‘некий’, *весь миръ*, *игоумены* в цитате из посл. к Евр. 13:7.

Ряд явлений объединяет сербские типиконы рубежа XII–XIII с ранней русской традицией. Схождение с переводом Студийско-Алексиевского устава проявляются в употреблении термина *оуставъ* (в САУ для передачи *τύπος*) [Пентковский 2002: 218-219], а также в наличии в КТ грецизма *мефимонъ* для обозначения Великого повечерия. Он же встречается и в различных редакциях Студийско-Алексиевского устава. В XIV в. его использование характерно для русского перевода ИТ, тогда как в южнославянских переводах ИТ он не зафиксирован. Кроме того, в ХТ цитаты из Апостола несколько раз вводятся формой

вѣща. Подобное оформление свойственно особой группе переводов XI–XIII вв., содержащих лексические русизмы и южнославянизмы, которая связана в целом с архаичной южнославянской (юго-западной) традицией [Алексеев 1999: 177-179]. Ту же группу текстов объединяют с ХТ и формы местоимений в косвенных падежах с основой -ес-/-ьс-, продолжающие узус старославянских памятников, а также использование только послелога *ради*, свойственного кирилло-мефодиевской традиции и древнейшей славянской гимнографии, а не дѣла [Пичхадзе 2011: 56, 315, 268].

Общность ряда приведенных явлений, по всей вероятности, объясняется тем, что обе традиции – рассматриваемая русская и сербская – восходят к традиции, которая формировалась в юго-западной Македонии и сопредельных с ней территориях и которая продолжалась в епархиях Сербского государства, входивших в XII в. в состав Охридской архиепископии.

Л и т е р а т у р а

- Алексеев А.А.* Текстология славянской Библии. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
- Карејски типик Светога Саве/* Српска акад. наука и уметности и др.; уред. Д. Медаковић. – Београд: Српска академија наука и уметности (САНУ), 1985.
- Пентковский А.М.* Устав, уставник, типикон // Аванесовские чтения. Международная научная конференция 14-15 февраля 2002 г. Тезисы докладов. – М.: МАКС Пресс, 2002. – С. 218-219.
- Пентковский А.М.* Ктиторские типиконы и богослужебные синаксари Евергетидской группы // Богословские труды. М., 2003. Вып. 38. – С. 321–355.
- Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011.
- Хиландарски типик. Рукопис СНЛ AS 156/* приред. Димитрије Богдановић. – Фототипско изд. – Београд: Нар. б-ка Србије: Завод за међунар. науч., просветну, културну и техн. сарадњу Србије, 1995.

Е.В. Петрова (Москва)

Лингвометодические аспекты концепта удачи в польском и русском языках

Межъязыковая асимметрия является важной частью обучения близкородственным языкам, ибо «лексические понятия имеют исключительно богатую внутреннюю структуру и бывают весьма различными в разных языках, а эти различия приобретают нередко исключительно тонкую форму» (Dąbrowska, Kubiński 2003: 13).

Тематика удачи / неудачи, разрабатываемая в рамках сопоставительного анализа польского и русского языков, является благодатным материалом для подготовки лингводидактически полезного материала с целью обучения польскому языку в русскоязычной аудитории.

Нами ставится задача такой презентации материала, которая позволила бы облегчить студентам усвоение целого ряда распространенных общеупотребительных фразеологизмов, которые основаны на популярном в современном мире понятии удачи.

Фразеология является одним из важнейших и вместе с тем чрезвычайно сложным аспектом изучения иностранных языков, так как фразеологизмы вызывают особые трудности для понимания и усвоения, а также для вхождения в активный лексический запас. Фразеологизмы являются особым, этнолингвистически специфичным классом лексических единиц в любом языке, в том числе и в польском. В силу своей этнолингвистической специфичности они нередко не имеют адекватных эквивалентов в родном языке студентов как на лексическом, так и на синтаксическом языковых уровнях. Очевидно, что для усвоения фразеологического материала нужны особые типы заданий и упражнений.

Начальным этапом такой работы могут послужить подстановочные упражнения. Такого типа упражнения возможны уже на уровне А1 и А2. В то же время в расширенном и обогащенном варианте подстановочные упражнения могут усилить учебный процесс у студентов среднего уровня – В1 и В2.

Упражнения на перевод текстов, содержащих фразеологизмы, может стать следующим этапом освоения фразеологизмов по тематике удачи.

На следующем этапе целесообразным представляется проведение беседы по темам: „Pechowydzień” ‘Невезучий день’; „Celebryta – blaski i cienie” ‘Публичная личность – блески и тени’; „Dzień udanych zakupów” ‘День удачных покупок’, „Nasoprzez naszę wygraną na loterii” ‘На что я потрачу выигрыш в лотерее’. Цель такой беседы – побудить студентов употребить как можно больше слов и фразеологизмов, которые являются показателями удачи в разных сферах жизни и антонимичных понятий неудачи, невезения и т.п. При этом студентам предоставляется соответствующий инвентарь фразеологизмов по такой тематике для их предварительного изучения и усвоения. Для усвоения некоторых фразеологизмов по теме можно рекомендовать, к примеру, пособие Дануты Буттлер «Польская фразеология», из которого может быть произведена соответствующая тематическая выборка. Поскольку в наши дни особую ценность приобретает оперативность, умение успевать везде и всюду, из этого источника можно взять на вооружение такие назидательные пословицы, как, например, „Któróżno przychodzi, sam sobie szkodzi” ‘Кто поздно приходит, тот сам себе вредит’ или „Ktoranowstaje, temu Pan Bóg daje” ‘Кто рано встает, тому Пан Бог дает’; „Który pierwszy, ten lepszy” ‘Кто первый, тот лучший’. Можно сопоставить его с паремией разговорного русского языка *Кто не успел, тот опоздал* или с аналогичным русскому польским фразеологизмом „Kuiś

żelazoporókiogoćo” ‘Ковать железо пока горячо’ – русск. *Куй железо пока горячо*.

Очевидно, что тематика удачи широко представлена во всех фразеологических и паремиологических словарях польского и русского языков (см., напр.: Жигулев; Стыпула; Молотков).

Альтернативой или дополнением к приведенным выше заданиям может быть аудиторное или же внеаудиторное задание написать эссе по какой-либо из приведенных выше тем. Предполагается, что эссе будет включать в себя разнообразные устойчивые словосочетания и фразеологические выражения по указанной тематике, которые планируется предоставить студентам заранее в минимальных, дидактически оправданных контекстах.

Тематика удачи / неудачи является также надежным материалом для усвоения лингвистической проблематики синонимии / антонимии. Можно предложить учащимся синонимический ряд (с прилагаемыми текстовыми примерами), а затем попросить назвать ряд антонимов польской лексемы *romyślność* ‘удача’, также на основе предоставленных текстовых примеров в соответствующих контекстах.

Для выявления отличий в значениях синонимов может быть предложено осуществление операций по семантизации соответствующих лексических единиц на русском и польском языках, данных в минимальных контекстах в пределах связного текста, и их переводу на русский язык, что позволит облегчить усвоение учебного материала и его запоминание.

Таким образом, тематика удачи / неудачи может иметь целый ряд чрезвычайно полезных лингводидактических преломлений, а языковой материал, формирующий концепты УДАЧА и ROMYŚLNOŚĆ, представляет особый интерес с точки зрения прикладных аспектов лингводидактики и перевода и может быть использован на занятиях в целях освоения важного сегмента фразеологического фонда польского языка.

Л и т е р а т у р а

- Жигулев А.М.* Русские пословицы и поговорки. –М.: Московский рабочий, 1965. – 360 с.
Стыпула Р. Словарь пословиц и поговорок русско-польский и польско-русский. – Warszawa: WiedzaPowszechna, 1974. – 560 с.
Молотков А.И. Учебный русско-польский фразеологический словарь / *А.И. Молотков, В. Цеслянская*. –М.: Астрель; АСТ, 2001. – 333 с.
Akwizycjajęzykaw świetlejęzykoznawstwakognitywnego / Red. Ewa Dąbrowska, Wojciech Kubicki. –Kraków: Universitas, 2003. – 403 s.
Buttler D. Frazologia polska. Ćwiczenia dla cudzoziemców. –Warszawa: Wyd-wa Uniwersytetu Warszawskiego, 1980.– 163 s.

Е.В. Петрухина (Москва)

Роль сопоставления славянских языков в исследовании грамматической системы русского языка (на материале категорий залога и вида)

Сопоставительный подход дает возможность подойти к изучению взаимодействия глагольных категорий залога и вида с объяснительных позиций: не только описать различия в устройстве видовых и залоговых систем в славянских языках, но и объяснить особенности асимметричной видовой организации страдательного залога (пассива) в русском языке.

Как известно, в русском языке образование форм страдательного залога зависит от вида. Система русского пассива образована корреляциями синтетических возвратных форм несовершенного вида (НСВ) и аналитических форм с краткими причастиями, образованными от глаголов совершенного вида (СВ). Образование возвратных форм с пассивным значением от глаголов СВ нерегулярно, зависит от семантики глагола и контекстного окружения. Во многих случаях выразить пассивное значение возвратной формой СВ в русском языке невозможно, например в следующих предложениях: **В следующем году выработается несколько тон этого металла*; **Ледовый дворец построился уже в прошлом сезоне*.

В чешском языке образование пассивных форм от вида не зависит – и возвратные, и аналитические формы с краткими страдательными причастиями свободно образуются от глаголов обоих видов: *Voda se ohřívá (НСВ) sluncem // Voda je ohřívána (НСВ) sluncem* (Вода нагревается / (букв.) нагревается солнцем); *V Praze se postavilo (СВ) mnoho bytů / V Praze bylo postaveno (СВ) mnoho bytů* (В Праге (букв.) построилось / было построено много квартир) (чешские примеры из [Štícha 1979]).

Синтаксический механизм выражения соотношения между семантическими актантами предиката (субъектом и объектом) и синтаксическими функциями (подлежащим и дополнением), а также деривационная модель образования возвратных глаголов и возвратных форм пассивного залога при помощи постфикса *-ся* (в русском языке) и свободной морфемы *se* в чешском являются основой взаимодействия категории залога с возвратными формами и конструкциями и их семантическими группировками, которые складываются в сопоставляемых языках на базе разных семантических доминант – **деперсонализации** в чешском языке и **неконтролируемости, самопроизвольности** действия в русском.

Возвратные формы пассива СВ в чешском языке являются столь же регулярными залоговыми формами, как и формы НСВ. Благодаря особенностям семантики совершенного вида в возвратном пассиве СВ становится возможным акцент на деятельности субъекта. Совершенный вид не актуализирует временной предел действия, который в пассиве закономерно связан с выражением нового состояния объекта. Соответственно возвратная пассивная форма СВ выражает синхронное завершение изменений в объекте и действий субъекта (который при этом не называется). Поэтому чешские возвратные формы пассива СВ часто используются для выражения количественного результата действия субъекта, не нуждающегося в конкретизации: *Solární energie už se v Česku vyrobilo víc než za celý loňský rok.* – К настоящему времени в Чехии солнечной энергии уже выработано (букв. выработалось) больше, чем за весь прошлый год. *V Krušných horách se postaví 35 větrných elektráren.* – В Крушных горах будет построено (букв. построится) 35 ветряных электростанций.

Формы возвратного пассива обоих видов в чешском языке включаются в особую систему возвратных форм, образованных от глаголов, обозначающих человеческую деятельность. П. Адамец показал семантическую общность таких возвратных форм, регулярно образующихся как от переходных, так и непереходных глаголов. Ср. примеры на регулярную возвратную деривацию из статьи П. Адамца [Adamec 1967], подробно разные теории чешской возвратной деривации анализируются в [Поляков 2010]: *Pracujete.* ‘Мы работаем’ – *Pracuje se* (букв. *Работается*). В зависимости от контекста и конкретной ситуации форма *pracuje se* может обозначать деятельность любого лица. Аналогично предложение *Jedlo se a pilo* (букв. Елось и пило) может быть переведено на русский язык как *Они / Мы / Вы ели и пили*. Подобная возвратная деривация, направленная на **деперсонализацию действия**, охватывает и переходные глаголы, в том числе и СВ: *Zde se staví / postaví škola.* (*Здесь строится / ?построится школа*).

В русском языке в целом ряде употреблений пассивных возвратных форм, образованных от терминативных глаголов СВ, представлено семантическое приращение – эффект спонтанности и неконтролируемости или обычности действий, доведенной до автоматизма или легкости («само собой разумеется»). Например: *Середина сентября казалась сейчас столь же далекой, как середина декабря. Только взяли на память, что нынче придется приниматься за картошку пораньше. И мысли пошли в сторону: выкопать — ладно, **выкопается**, а как ее перевозить, куда ссыпать?* (В. Распутин).

Если обозначаемое целенаправленное объектное действие не может быть связано с названными смыслами, то и возвратная пассивная форма

от глагола СВ в русском языке невозможна или затруднена. Так, в кандидатской диссертации М. Алияришорехдели, подготовленной на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством автора тезисов, были выявлены такие глаголы целенаправленного действия СВ, для которых в РНКТ и других собраниях электронных русских текстов образованные от них возвратные формы или вообще не обнаружены, или представлены единичными примерами: *выточиться, *выместись, *вынести, *вырыться, *выследиться, *высмотреться, *наградиться, *оштрафовать, *погладиться, *подогнаться, *пригласиться, *сжечься и др. [Алияришорехдели 2012: 129-130].

Декаузативный эффект, возникающий в некоторых случаях употребления грамматических форм страдательного залога СВ, сближает их в русском языке с возвратными глаголами, у которых семантический элемент спонтанности и неконтролируемости действия является составляющей частью их лексического значения. Помимо декаузативов (типа *Чашка разбилась*), это глаголы, выражающие неподконтрольные эмоциональные процессы и восприятие (*Илье видится в мыслях школа; Такой человек запомнится всем надолго*); неконтролируемые модальные отношения (*Ему пришлось согласиться*); неподконтрольную увлеченность чем-то (*Они заговорились и проехали остановку*) и др. Кроме того, в русском языке имеется целая система регулярных дативных конструкций, позволяющих интерпретировать действия как происходящие помимо воли говорящего: *Мне не спится, не работается*. Декаузативный эффект пассивных возвратных форм от глаголов СВ, а при его неуместности невозможность образования таких форм можно объяснить особенностью семантики граммемы СВ – актуализации временной границы действия.

Деривационные и семантико-функциональные различия между русским и чешским пассивом в докладе интерпретируются с учетом **разной степени актуализации временных границ действия в семантике глаголов СВ**. Категориальные различия между русскими и чешскими граммами видов, проявляясь на многих участках аспектуальных систем этих языков, затрагивают также залоговую деривацию.

Л и т е р а т у р а

- Алияришорехдели М. Пассивные возвратные конструкции в русском языке: взаимодействие грамматических и семантических категорий (в зеркале персидского языка): Дис... к-та филол. наук. – М., 2012.
- Поляков Д.К. Грамматическая рефлексивность в современном чешском языке: система и функционирование: Дис... к-та филол. наук. – М., 2010.
- Adamec P. Dvě poznámky ke slovesnému rodu // Jazykovědný časopis 18-19, 1967. S. 99-102.
- Štícha F. K užívání a významu dvojí formy trpného rodu v současné spisovné češtině // Naše řeč. 1979. Č. 2. S. 57-71.

Из истории лингвистической полонистики во Вроцлавском университете

1. Начало современной языковедческой славистики во Вроцлавском университете связано с созданием и деятельностью Института польской и славянской филологии в послевоенном Вроцлаве. Уже в ноябре 1945 г. приезжает во Вроцлав известный славист-языковед С. Роспонд, специалист в области славянской ономастики и истории языка, защитивший докторскую диссертацию в 1937 г. во Львовском университете Яна Казимира (Siciński 1997: 194 – 201). Профессор становится руководителем кафедры польского языка, а его первая лекция для студентов (ноябрь 1945) была посвящена роли польского языка в Силезии. Эту лекцию можно считать началом развития полонистики в польском университете во Вроцлаве. Затем в том же 1945/46 учебном году на кафедре польского языка начинает работать С. Бонк – диалектолог, этнограф и специалист по Силезии. Научные интересы этих двух замечательных учёных, их педагогическая и исследовательская деятельность повлияли и предопределили дальнейшее развитие языковедческой полонистики во Вроцлавском университете.

2. Особое положение Силезии, до недавна немецкоязычной, способствовало формированию основных направлений лингвистических исследований вроцлавских языковедов, а именно: 1) проблематика истории польского языка в Силезии (и не только); 2) диалектологические изыскания, т.е. изучение остатков польских говоров в этом регионе; 3) ономастические проблемы, причем не только изучение региональных географических названий и собственных имён, но и их определенная полонизация, нормализация и кодификация.

Исторические изыскания уже в скором времени увенчались важными монографиями С. Роспонда – „Zabytki języka polskiego na Śląsku” (1948), „Dzieje polszczyzny śląskiej” (1959), а также рядом его статей и вузовским учебником „Gramatyka historyczna języka polskiego (1971). Историческая проблематика представлена также в работах слависта и полониста А. Фурдаля, напр. в его монографии «O przyczynach zmian głosowych w języku polskim» (1964). Проблемам истории польского языка посвящены работы их учеников (напр. С. Речека, С. Боравского), а также вроцлавских языковедов более молодого поколения.

К заметным, значительным достижениям вроцлавских полонистов в области диалектологии относятся монографии С. Бонка, в которых учёный представил фиксацию остатков нижнесилезских народных говоров и общий взгляд на польскую речь в Силезии : „Gwary ludowe na Dolnym

Śląsku” (1956), „Mowa polska na Śląsku” (1874). Ученики С. Бонка и С. Роспонда в своих работах продолжали изучение историко-диалектологических проблем на ономастическом материале.

3. Именно ономастика явилась той областью лингвистических исследований вроцлавских полонистов, в которой были достигнуты беспрецедентные успехи. Значительность достижений позволяет говорить о так называемой вроцлавской школе ономастики (Łobodzińska 2007: 282-284). Благодаря исследованиям С. Роспонда появилась возможность восстановить, реконструировать исторические польские названия в Силезии. Результатом этой работы явился его двухтомный словарь „Słownik nazw geograficznych Polski zachodniej i północnej” (1951). Однако в сфере интересов С. Роспонда были также и проблемы ономастики, представленные на широком славянском материале, напр. „Klasyfikacja strukturalno-gramatyczna słowiańskich nazw geograficznych” (1957), „Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem – ьsk” (1969) и др. Его сотрудники и ученики (Б. Сициньски, Ф. Нецкуля, Б. Жабска, М. Сулишова, Р. Лободзиньска, Л. Томчак и др.), используя предложенную им структурно-грамматическую классификацию названий, занимались и занимаются исторической и современной топонимией и антропонимией, издают словари, стараются продолжить дело своего учителя.

4. В настоящее время в Институте польской филологии, кроме представленных выше областей исследования, разрабатываются также лингвокультурологические проблемы (язык и культура, языковая картина мира), языковая прагматика (язык пропаганды, польские эвфемизмы), вопросы культуры речи и языковой нормализации, а также прикладная лингвистика (методика и практика преподавания польского языка как иностранного).

Л и т е р а т у р а

- Łobodzińska R. Szkoła onomastyki // Wrocławskie środowisko akademickie. Twórcy i ich uczniowie. – Wrocław: Ossolineum, 2007. – S. 282 – 284.
- Siściński B. Główne obszary badań językoznawczych // Acta Universitatis Wratislaviensis Nr 1946. Prace literackie XXXV. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1997. – S. 193 – 201.

А.А. Плетнева (Москва)

Словарь современного церковнославянского языка: особые значения слов в гимнографических текстах и их словарная фиксация

Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 13-04-00223

1. В настоящем докладе речь пойдет о некоторых особенностях словаря современного варианта церковнославянского языка, работа над которым ведется в ИРЯ РАН.

2. Лексика, которая описывается в нашем словаре, ограничивается основным корпусом богослужбных книг. С одной стороны, эти тексты являются наиболее употребительными, с другой – они подвергались наиболее основательной языковой унификации. Источники словаря полностью оцифрованы, и у нас имеется техническая возможность извлечения и сортировки контекстов, что облегчает работу по описанию устойчивых выражений. Поскольку объем источников ограничен, в словаре фиксируется вся лексика, встречающаяся в основном круге богослужбных книг. В том числе топонимы и антропонимы.

3. Включение в словарь имен собственных противоречит отечественной лексикографической традиции. Однако включать их в словарь, основными источниками которого являются гимнографические тексты, кажется необходимым. Дело в том, что имена собственные в гимнографических произведениях часто входят в состав устойчивых метафор и своеобразных «гипертекстовых отсылок» к общеизвестным библейским сюжетам. Так, например, для слова *а́дамовъ* кроме значения ‘имеющий отношение к Адаму’ фиксируется еще и значение ‘относящийся к человеческому естеству, человеческий’ (что ѿ тебе бѣла и прелѣвала чѣнна, а́дамова дщѣ и вѣшнаго мѣти, сѣдѣний къ бѣ небазненний вѣрныхъ мѣстѣ). Кроме того, для этого слова фиксируется значительное количество устойчивых сочетаний. Например, выражение *а́дамово воззваніе* — ‘возрождение Адама’ является устойчивым наименованием Богородицы (побланихъ бѣсть съ нѣе гаврїилъ архангѣлъ ... принестѣ ѿтроковицѣ радость благовѣщенїа: и прїшедохъ къ ней, возопи, глагола ... радѣна, четное а́дамово воззваніе и сѣнно избавленіе). Выражение *грѣхъ а́дамовъ* является наименованием грехопадения прародителей (иже въ шестый день же и члвкъ, на крѣтѣ пригвожденъ въ рани

дѣрзновѣнный ѿдѣмовъ грѣхъ, и согрѣшѣній нашихъ рѣкописаніе раздѣри хрѣтѣ вѣжѣ). Выражение ѿдѣмово рѣкописаніе означает 'долговое обязательство, данное Адамом' (согласно ряду литургических, святоотеческих и апокрифических текстов, Адам дал некоторое обещание сатане, а для подтверждения прижал смоченные в крови руки к камню). При описании языка богослужебной поэзии фиксация подобных устойчивых метафор необходима.

4. В словаре также фиксируется устойчивая метафорика, не связанная с именами собственными. Речь идет об общей для всей средневековой христианской словесности системе, основанной на метафорических и символических значениях отдельных слов. Т.е. если в гимнографическом тексте мы встречаем слово *лоза*, то очевидно, что речь идет не о виноградной лозе, а об источнике жизни, о том, что приносит плод, причем этот плод может быть следующим: 1) речь может идти о невестинном плоде, то есть благие дела, подвиги веры и др. называются плодом лозы благочестия; 2) плодом (виноградом, дающим жизнь) может быть назван Иисус Христос, рожденный от лозы-Богородицы. В ряде случаев оказывается, что прямое значение у слова отсутствует, а наличествует только переносное. Так, например, для слова *анкира* в рассматриваемом корпусе отсутствует значение 'якорь'. При этом *анкира* встречается в переносных значениях – 'опора', 'надежда'.

5. Другой особенностью поэтического языка гимнографии является система так называемых гиперссылок. Фрагмент Священного Писания как бы сворачивается до одного слова или двух-трех слов, которые отсылают читателя к исходному тексту. Так, известный фрагмент Книги пророка Даниила [Дан. 2. 31–34], повествующий о том, что Царь Навуходоносор видел во сне гору, от которой без помощи рук отделился камень и сокрушил идола, интерпретируется христианской традицией как прообраз Рождества Христова (Камень Христос, отделившийся от Горы Богородицы, сокрушил языческий мир) и порождает целую цепочку устойчивых гиперссылок. Следовательно, в словаре при слове *гора* должно быть указание на метафорическое употребление этого слова, которое связано с наименованием Богородицы.

6. В службах, составленных в XX-XXI вв., появляются слова, отражающие новые реалии. Среди них есть наименования, в той или иной степени опирающиеся на значения слов русского языка. Например, новомученик называется *красным прозябением*: *богѣблнмъ правослѣвѣмъ побѣрника и блгочѣтѣмъ ревнѣтель, землѣ рѣскѣмъ красное прозябѣніе*. Очевидно, тут наблюдается языковая игра, ощущаемая на стыке церковнославянского и русского значений слова *красный*. *Красное прозябение*, с одной стороны, 'красивое, прекрасное произрастание', с

другой – нельзя избавиться от ассоциации с русским: ‘красный – цвет крови’. То есть в номинииции есть оба смысла. Один обусловлен традиционными церковнославянскими контекстами, другой – русским языком. Видимо, для служб, составленных непосредственно на церковнославянском языке, а не переведенных с греческого, необходимо фиксировать подобные особые значения.

О.С. Плотникова (Москва)

Перформативы в словенском литературном языке XVI века

Введение в научный обиход понятия перформативности обычно связывается с именами Э. Кошмидера, Э. Бенвениста и Дж. Остина (Апресян : 199). Однако первым на явление совпадения глагольного слова и действия обратил внимание видный словенский филолог конца 19 - начала 20 вв. Станислав Шкрабец [Grgič, Žagar 2004]. Так, он пишет: «Если действие совершается при произнесении слова, которым оно обозначено, полагаю, что то и другое относится к одному и тому же моменту, т.к. совершение действия и произнесение слова - одно» [Škrabec 1897]. С. Шкрабец на страницах издаваемого им журнала «Цветы из садов св. Франциска», дискутируя со сторонниками искусственной славизации словенского языка, отстаивал право словенского языка на сохранение своей самобытности. К числу собственно словенских особенностей функционирования видовременных форм он относил употребление в перформативных высказываниях форм совершенного вида (далее СВ), называя такие формы эффективным презентом (**praesens effectivum**). Преимущественное употребление форм СВ в перформативных высказываниях в словенском языке имеет длительную традицию. Так, перформативы СВ представлены в древнейшем памятнике словенской письменности «Фрейзингенские отрывки», написанном на рубеже 10 –11 вв. [Derganc 1996], в более поздних рукописных памятниках, напр., в Стиченской рукописи и в присягах первой половины 17 в. Достаточно широко используются перформативы СВ в современном литературном языке [Дерганц 2002 : 62].

Анализ особенностей функционирования презентных форм СВ в переводных и оригинальных произведениях словенских протестантских писателей показывает, что перформативность является важным сегментом функционального диапазона СВ и в языке 16 в. Перформативы СВ представлены во всех жанрах протестантской литературы и практически у всех писателей этого периода. Формы НСВ в перформативной функции встречаются значительно реже, при этом варьирование форм СВ и

НСВ не сопровождается дополнительной семантической и прагматической дифференциацией

Основной массив примеров форм СВ в анализируемой функции представлен перформативами - глаголами речи, входящими в основной лексический фонд:

- **povedati** “сказать” : Rifnizhnu, rifnizhnu jeft vam **povem** kateri negre noter Ikusi dauri v Ozhji hlev, temuzh drugot noter lasi, ta je en Tat inu Rasbojnik

[BIBLIA, Joan, Cap 9). Rifnizhnu, rifnizhnu jeft vam povejm, aku bote tiga Ozheta kai prosili v moim imeni, taku vam on bode dal [Tulščak, prdg].

- **zahvaliti** “поблагодарить”: Jeft tebe **zahualim** moy Nebeski Ozha [Tulščak: 17]. My tebe sahvalimo Gospud Jesu Crifte [Dalmatin :31].

Частотны примеры с глаголами, входящими в фонд обрядовой христианской лексики.

- **odpustiti** “отпустить грехи ”: Inu jeft po porozhenju nashiga GOSPYDA Jesufa Christufa **odpuftim** tebi tvoje Grehe [Znojilšek].

- **zapovedati** ‘заповедовать, дать заповедь ’ : Ker jeft donas tebi **sapovejm** [Znojilšek :108].

- **oznaniti** ‘сообщить благую весть’: Inu jeft **osnanim** vam po porozhenju inu vkasanju nashiga Gospyda ... odpulzhanje ufeh valhiv grehov [Dalmatin :28] ,

- **spoznati se** “исповедаться”: Jeft vbog grefnik, **fe sposnam** Bogu momu Nebef kimu Ozhetu [Dalmatin : 27].

- **odpovedati se** “отречься” **Odpovefh li f e** Hudizhu, inu vsem njega dellam inu govnanju? Ja, Jeft **fe odpovem** [Dalmatin, 10].

Перформативная функции обычно представлена формами 1-го лица, однако последний пример свидетельствует, что в коммуникативной ситуации диалога возможны и формы 2-го лица.

В роли перформативных глаголов могут выступать сочетания с глаголами **dati** и **postaviti**, дублирующие соответствующие глаголы речи, напр., Sa tako vfo tujjo Mattro inu terpleine ieft tebi **hualo dam**, inu te sahualim [Tulščak, 71]. Pole ieft **poftavim** moju **saveso** s vami, inu s valhim Semenom sa vami [BIBLIA, Mos. Cap. 9] . Eno novo **sappuvid** jeft vam **dam**, de fe vy mej fabo lubite, kakor fim jeft vas lubil [BIBLIA, Ioan. Cap. 13]..

Особый интерес представляет использование в перформативной функции глаголов иных лексических групп. Так, в текстах разных жанров встречается в данной функции глагол **poslati** “послать,”напр., Vom tukaj **pošlemo** ta evangelion s. Matevža [Trubar, SPP, 82] ‘‘Здесь я Вам адресую это Евангелие от Матфея ’’, Pole, Jeft **pošhlem** vas kakor ouce v fredo mej volke, Satu bodite rasumni, kakor kazhe inu preprofti, kakor Golobi [BIBLIA, Mat. Cap 10.] В аналогичной функции используется также гла-

гол **poročiti** “вручать, поручать” *Sakaj jeft tebi porozhim febe, mojo Dufho, Tellu inu vse v tvoje roke* [Znojilšek, 182].

Источники

- Dalmatin Jurij*. BIBLIA. – Wittenberg, 1584.
Dalmatin Jurij. Agenda. – Wittenberg, 1585.
Trubar Primož. Ta evangeli svetiga Matevža, 1555// Mirko Rupel. Slovenski protestantski pisci. – Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1966.
Tuščak Janž. Kerščanske leipe molitve. – Ljubljana, 1579.
Znojilšek Janž. Katechismus doktorja Martina Luthra. – Tübingen, 1595.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Перформативы в грамматике и в словаре // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
Дерганц А. Некоторые различия в употреблении глаголов совершенного – несовершенного вида в настоящем времени в русском и словенском языках // Филологические заметки / Под ред. М.П. Котуровой и И.Н. Щукиной. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – С. 52-65.
Grgič M., Žagar I. Ž. Čas in dejanje v jeziku. Oblikovanje performativne teorije na Slovenskem. – Ljubljana: Založba/*cf., 2004. – С. 182.
Derganc A. Iaz ze zaglagolo Zlodeiu (K vprašanju glagolskega vida v performativnih izjavah v slovanskih jezikih) // Zbornik Brižinski spomeniki. – Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti, Znanstvenoraziskovalni center SAZU, 1996. – С. 185-192.
Škrabec S. Boj z učeno sencó // Cvetje z vertov sv. Frančiška. XVI – XVII, Gorica, 1897 – 1898.
Škrabec S. Praesens effectivum // Cvetje z vertov sv. Frančiška. XXVII-XXIX, Gorica, 1910 – 1912.

В.А. Плехута (Москва)

Наречие в современном чешском языке в ракурсе перекрещивания частей речи (на материале наречий и предлогов)

1. Полевая структура частей речи как одно из условий их пересечения.

Вопрос о выделении частей речи является одним из самых спорных в лингвистике. Трудности разграничения классов слов неоднократно убеждали ученых в наличии полевой структуры частей речи. Неоднозначность, расплывчатость группировок слов в рамках частей речи отмечались многими лингвистами (В. Г. Адмони, Л. В. Бортэ, И. П. Иванова и мн. др.).

Части речи как лексико-грамматические классы слов действительно обладают всеми признаками полевой структуры: слова, принадлежащие к одной части речи, имеют единое категориальное значение и выполняют в языке одинаковые функции; внутри каждой части речи, как правило, выделяются ядро и периферия; слова, относящиеся к ядру данной

части речи, наиболее ярко характеризуют этот лексико-грамматический класс, однозначно выполняют в предложении свойственную ему синтаксическую функцию; разные части речи частично накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов и демонстрируя тем самым один из законов функционально-семантического поля. Такой подход позволяет пролить дополнительный свет на строй языка и классификацию частей речи, которые являются фундаментом языковой структуры.

В докладе рассматривается зона пересечения полей наречий и предлогов, т. е. зона периферии функционально-семантического поля наречий, т. н. зона семантического перехода, которая и является предметом нашего интереса.

2. Условия пересечения полей наречий и предлогов.

1) Основанием для пересечения наречий и предлогов является тот факт, что наречия, как отмечает В. В. Виноградов [Виноградов 2001: 327], сравнительно в редких случаях несут на себе тяжесть управления. Чаще всего наречие, если позволяют его лексические значения, передает управление глаголу, а само выступает в роли грамматического выразителя падежного отношения, но почти всегда с более конкретным лексическим содержанием, чем предлог. Эта особенность наречий сближает их с предлогами, создает переходную зону между двумя обозначенными классами слов.

2) Таким образом возникает целая серия форм переходного типа от наречия к предлогу. Конечно, степень сближения наречия с предлогом различна в каждом конкретном случае, она зависит от лексического и грамматического значения наречий, от синтаксической дистрибуции, от смысловой близости наречия значениям предлогов. Важно отметить, что в процессе т. н. «перехода» многие лексемы сохраняют свое примарное значение и функционируют как полифункциональные лексемы. Подтвердим этот факт примерами из Чешского национального корпуса [Český národní korpus: <http://ucnk.ff.cuni.cz/verejny.php>]:

- Občas, když ho někdo přerušil **uprostřed** řeči, se nadlouho odmlčel. **Uprostřed** выступает в этом примере как предлог.
- Ležel na pohovce, **uprostřed** protržené. В данном случае **uprostřed** является наречием.
- Všechno ostatní **kolem** jako by zmizelo v mlze. **Kolem** в приведенном контексте является наречием.
- Kapky, které ze mě stékají, vytvářejí na dlažbě **kolem** bazénu zvláštní tmavé tvary. В этом случае **kolem** – предлог.

3) Заметим, что в ряде случаев и предлог может приблизиться к значениям наречия. Как пишет В. В. Виноградов, в подобных ситуациях предлоги перестают быть падежными префиксами имени существи-

тельного и становятся определяющими глагол наречными частицами [Виноградов 2001: 327]. Таким образом, переименование наречий и предлогов может быть обусловлено способностью некоторых предлогов не терять полностью свое собственное лексическое значение в сочетании с существительными (= способностью предлогов выражать обстоятельственные отношения), т. е. низкой степенью грамматикализации этих предлогов. Предлоги, сохраняющие лексическое значение, обладают, по В. В. Виноградову, «лексической отдельностью» [Виноградов 2001: 555-556] в противоположность предлогам слабым, «пустым», выражающим чисто грамматические падежные отношения в сочетании с существительными.

Приведенные выше основания для пересечения наречий и предлогов позволяют говорить об обоюдной проницаемости наречия и предлога.

4) Пересечение предлогов и наречий также может быть вызвано существованием наречных предлогов, совмещающих в себе функции и наречий, и предлогов. Этот тип предлогов подразделяется на две группы: а) предлоги, связанные с обстоятельственными наречиями (*verĕdu ťeho, v zadu ťeho*) и б) предлоги, связанные с качественными наречиями (*rĕimĕtenĕ ťemu*). Степень адвербиальности и предложного начала различны в разных словах, но наличие у них признаков и функций обеих частей речи, т. е. полифункциональности, способствует возникновению зоны переименования.

5) Важным фактором, служащим причиной возникновения зоны переименования наречий и предлогов, является, несомненно, особенность их морфологических признаков, в частности, неизменяемость обеих частей речи.

Итак, пересечению наречий и предлогов способствует существование лексем, которые «...обнаруживают некое инвариантное семантическое значение, которое вместе с новой грамматической формой и служит основанием для «перевода» одной и той же лексемы в различные части речи» [Кривонос 2001: 728]. Таким образом, явление переименования полей наречий и предлогов обусловлено комплексом семантических, морфологических и синтаксических факторов.

Л и т е р а т у р а

- Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) / Под ред. *Г. А. Золотовой.* – 4-е изд. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
- Кривонос А. Т.* Система классов слов как отражение структуры языкового сознания. (Философские основы теоретической грамматики). – Москва – Нью-Йорк, 2001. – 847 с.
- Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.
- Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке. // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 63-84.

Перепрофилирование русского партитива в показатель количественной неопределенности

Как известно, партитивное значение родительного падежа, выражаемое формами м. р. на *-у* (именно в этом случае партитив эксплицитно отличается от генетива на *-а*), названо так потому, что ассоциируется с понятием части, противопоставленного понятию целого. Это убеждение существует достаточно долго (см. [Ломоносов 1952: 561; Буслаев 1959: 461; Богородицкий 2004: 212-214; Борковский, Кузнецов 1965: 201; Ефремова, Костомаров 2000: 28; Розенталь 2007: 427-428]). Партитивное значение в примерах типа *кусок сахару* и *стакан чаю* следовало понимать так: *кусок сахару* – это 'часть всего возможного (во Вселенной или в данной ситуации) сахара', а *стакан чаю* – это 'часть всего возможного чая'. Вряд ли такое значение могло быть остро востребованным в процессе коммуникации.

Однако с середины XX века в лингвистической литературе – наряду с партитивной – появляется другая семантическая характеристика партитива – не партитивная, но коммуникативно востребованная в русском языке, в котором не состоялась выражаемая артиклями категория определенности/неопределенности. Так, А.Н. Гвоздев, рассматривая примеры *принеси воды, бумаги*, то есть еще не акцентируя внимание на конкуренции форм м. р. с флексиями *-а* и *-у*, говорит уже не только о «неполном количестве», но и о «неопределенности» этого количества [Гвоздев 1952: 92-93]. А.А. Зализняк называет род. п. существительных ед. ч. м. р. с флексией *-у(-ю)* «2-м родительным (количественно-отделительным)». По его мнению, в примере *дай мне чаю* форма *чаю* «обозначает неопределенное количество чаю, некоторую часть имеющегося чая» [Зализняк 1967, 44]. В.А. Ицкович считает, что род. п. «в количественно-выделительном (партитивном) значении» обозначает «распространение действия на часть объекта, неопределенное количество, например: *Налей себе молока из кувшина* (т.е. некоторую часть)» [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 43].

Наконец, В.А. Плунгян полагает, что партитивные формы в разных языках «выражают неопределенное количество данного вещества или данных объектов» [Плунгян 2000: 178], то есть, в отличие от своих предшественников, ученый абстрагирует понятие неопределенности количества от понятия части целого, сохраняя, видимо по традиции, название «партитив» там, где отношений «часть – целое» не фиксирует.

Это несомненный прогресс в сфере кодификаторских наблюдений, но помимо него произошло еще одно важное изменение, которое можно

проиллюстрировать осторожным высказыванием Н.С. Валгиной, которая говорит о «процессе сокращения падежей», в том числе об уходе партитива [Валгина 2001: 156-158], но при этом замечает: «Избирательно окончание -у еще может употребляться только при обозначении количества у некоторых вещественных существительных: например, *стакан чаю* (но чаще уже – *стакан чая*)...» [Валгина 2001: 157]. Примеры корпусной лингвистики показывают, что перемена произошла во всех подобных сочетаниях: *кусок воска, кило гороха, пакет сахара, бутылка коньяка*. Очевидно, что в этих случаях количественное значение остается лишь у существительных, находящихся в препозиции. И очень важно понимать, какое именно это количественное значение. Очевидно, что каждое из таких понятий, как 'стакан', 'кусок', 'кило', 'пакет', 'бутылка', представляет собой меру, то есть определенное количество, которым ограничивается количественно измеряемый объект – соответственно *чай, воск, горох, сахар, коньяк*, которые в сочетаниях со знаками меры естественным образом принимают форму генетива – обычного родительного принадлежности. Однако в сочетании *выпьем чаю* генетив *чая* невозможен. Это объясняется ситуативной неопределенностью количества чая, который предлагается выпить (значение меры отсутствует). Такую же неопределенность можно зафиксировать в *добавить воску, подсыпать гороху, сахару, налить коньяку*. Следовательно, можно говорить о наблюдении В.А. Плунгяна как о новом семантическом явлении в сфере употребления генетива и партитива: генетив употребляется при словах со значением определенного количества, бывший партитив применяются для обозначения не части целого, а неопределенного количества.

Л и т е р а т у р а

- Богородицкий В.А.* Синтаксис родительного падежа в русском языке // Богородицкий В.А. Очерки по языковедению и русскому языку. – 5-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 210-218.
- Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1965. – 555 с.
- Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2001. – 304 с.
- Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1952. – 335 с.
- Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П.* Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Наука, 2001. – 557 с.
- Ефремова Т.Ф., Костомаров В.Г.* Словарь грамматических трудностей русского языка. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – 347 с.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. – М.: Наука, 1967. – 370 с.

- Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7. Труды по филологии 1739-1758 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389-578.
- Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.
- Розенталь Д.Э.* Русский язык. Справочник-практикум: Управление в русском языке. Практическая стилистика. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – 752 с.

Е.А. Попова (Острада)

Особенности морфологии глагола в говоре сел Знаменка (Богградский район, республика Хакасия) и Александровка (Краснотуранский район, Красноярский край)

В селах Знаменка и Александровка проживают потомки поляков, добровольно уехавших с северо-востока современной Польши (Мазовше) в конце 19 в. Говор жителей этих сел, близкий к польским мазовецким диалектам, испытывает сильное влияние русского языка, которое проявляется на всех уровнях, в том числе морфологическом. Описываемые черты морфологии глагола, вероятно, были свойственны изначальному диалекту жителей сел и поддерживаются за счет русскоязычного окружения.

1. Наличие окончания **–m** в формах 1 л мн.ч. глаголов 1 и 2 спр.

В литературном польском языке глаголы всех спряжений имеют в форме 1 л. мн. наст. вр. окончание **–my** (*czytamy, dajemy, robimy*), что отмечается в данном говоре только для глаголов 3 спр.:

m`i gadam`i, posude staz`am`i.

Для форм глаголов 2 и 3 спр. отмечается окончание **–m**:

paske šv`in`ćim, m`i ps`ecet, horu`iem oba, v bolnice ho`zim, mleka nale`im, my fs`e robz`ym, ot tak zy`iem,

однако отмечено и несколько форм с окончанием **–my**: *ban`e palem`i, m`i`iem`i.*

Наличие окончания **–my** в глаголах 3 спр. и **–m** в 1 и 2 спр. может объясняться возможной омонимией форм 1 л ед. и мн.ч.

2. Наличие окончания **–ta** в формах 2 л мн.ч. индикатива и императива:

jutro ujizdzata, v`i zajz`eta, pojez`eta tuda, bz`ez`eta, pojmu`jeta fs`ex nas; za`o`c`ta, i`izta, prubujta.

3. Отсутствие противопоставленности форм глагола по признаку мужской личности.

В польском литературном языке показателем мужской личности в формах прош. вр. глагола является формант **–li**, неличности – формант **–**

Іу. В польских говорах отмечаются нарушения оппозиции по признаку мужской личности и разрушение этой категории. В рассматриваемом говоре можно говорить о полном разрушении категории мужского лица, которое проявляется в том числе в наличии единственного форманта, образующего формы мн. ч. пр. вр. **-l'i**:

nase rozjice gadal'i, m'i sęzel'i, te kobżyty tu z'il'i, dumy rozval'il'i s'e, cob'i iastsymb'i n'i ukradl'i.

Формы И. п. мн. ч. существительных со значением мужского лица, а также формы согласующихся с ними прилагательных, местоимений и причастий являются при этом по происхождению нелично-мужскими формами (что характерно для мазовецких говоров). Также в говоре существует только одна форма личного местоимения 3 л. мн. ч., **oni** (при наличии в литературном польском языке двух форм *oni* – *one*, противопоставленных по признаку мужской личности), что объясняется в том числе влиянием русского языка.

4. Наличие форм прош. вр. без личных окончаний наряду с отдельными формами со специфическими окончаниями.

В литературном польском языке формы прош. вр. изъявительного и сослагательного наклонения глагола содержат грамматические показатели лица (1 л. ед. ч. *chodziłem/chodziłam, chodziłbym/chodziłabym*, 1 л. мн. ч. *chodziliśmy/chodziłyśmy, chodzilibyśmy/chodziłybyśmy* и т.д.). В данном говоре под влиянием русского языка, как и в других польских говорах, распространенных на территориях, граничащих с местом проживания носителей восточнославянских языков, наблюдается отпадение личных окончаний и перенос значения на личное местоимение, которое в литературном языке является избыточным.

to i'a su'isaća, i'a ius pokaz'ivaća, m'i bral'i vode, my n'i znal'i, m'i buterųaske pokaz'ival'i, v'i s'e bojel'i, v'i psyxal'i;

i'a b'i xćaća sųixać, cob'i m'i podoili, v'i b'i gadal'i, xćel'iby v'i ix pocytać.

Отмечаются также формы прош. вр. с личными окончаниями (1 л. ед. ч. **-m**, 1 л. мн. ч. **-my**, 2 л. мн. ч. **-šta**), большинство таких форм являются формами 2 л. мн. ч.

ie sę jeden garnusek naskrobaćam, rosskazał'im, n'e z n'eba upadł'isća, u kogo b'il'isća.

На морфологическую систему глагола оказывают влияние также фонетические и лексические явления, приводя, например, к вариативности форм (*robzō||robzŭ, jest||je*).

В.И. Пустовалова (Харьков)

Словосочетание *правила игры* в журналистских текстах: стандартный языковой оборот vs средство концептуальной метафоризации

Актуальность вопросов о природе и функционировании в речи стойких оборотов образного происхождения, квалифицируемых как клише или штамп, обусловила научный интерес к этому разряду языковых средств. Подобные единицы традиционно считаются характерными для медиатекстов, выступают признаком их стандартизации. На когнитивном уровне такой элемент закрепляет за собой ряд стереотипных смыслов, позволяющих говорящему использовать его как цельную воспроизводимую единицу в повторяющихся коммуникативных ситуациях. С другой стороны, в результате определенных когнитивных операций такие выражения способны расширять границы стереотипного образа, превращаясь из стандартных языковых оборотов в полноценные вербализаторы концептуальных метафорических моделей. Ввиду этого, особый интерес представляет изучение функционального диапазона стойких выражений и когнитивная подоплека формирования образного значения на их основе. Рассмотрим данную проблему на материале образного по своей природе словосочетания *правила игры* в современных медиатекстах на славянских языках.

Чаще всего исследуемое выражение реализуется как стандартно воспроизводимая единица, т. е. вводится в контекст независимо от особенностей денотата и общего смысла высказывания. В основе этого лежит представление о правилах как стереотипной модели поведения или развития событий в любой ситуации, часто не имеющей ничего общего с игрой: «Президент России Владимир Путин на встрече сегодня в Санкт-Петербурге с зарубежными инвесторами изложил четкие **"правила игры"** на российском рынке» [Известия, 13.06.2006]; «Złapaliśmy życie pozaziemskie! Tyle że... na Ziemi. Amerykańscy uczeni we współpracy z NASA odkryli pierwszą bakterię, której istnienie łamie dotychczasowe **reguły gry**» [Gazeta Wyborcza, 03.12.2010].

Сочетаемость устойчивого выражения с лексемами в прямом значении, чаще всего прилагательными (*новые, понятные, экзотические* и т. д.) или глаголами (*понимать, диктовать, менять* и др.), мало влияет на закрепленный за ним стереотипный образ, зато предоставляет дополнительные возможности для развития прагматической составляющей: «Ті, хто опинилися при владі, [...] слідкують за тим, аби всі грали за **сформованими правилами гри**. Найчастіше **дієві правила гри** явно відрізняються від **декларованих правил гри**, зафіксованих в системі

юридичних норм і правил, а також традицій і публічно декларованих цінностей» [Українська правда, 13.01.2013]. Подобные приемы значительно расширяют оценочное содержание высказывания, однако не за счет образного компонента, а вследствие присоединения внешних аксиологических квалификаторов.

Самостоятельное оценочное значение имеет ситуация отсутствия правил, так как в большинстве случаев реализуется представление о невозможности честного взаимодействия при отсутствии правил, регламентирующих его: «*Мало віриться й у те, що [...] ці компанії прийдуть в Україну з її олігархічними **правилами гри, головне з яких — гра без правил***» [Дзеркало тижня, 12.10.2012]. В подобных случаях не происходит существенной актуализации именно игровых представлений, но структурное расширение клише с прагматическим смыслом уже деавтоматизирует восприятие и делает языковое средство весьма нагруженным экспрессивно.

Реактуализация образного потенциала исследуемых единиц связана с использованием их как средства вербализации концептуальной метафоры. Для построения такой модели метафорического переноса необходимо совпадение (полное или частичное) локусов сферы-источника и сферы-цели. Анализируя подобные совпадения при использовании стандартизированных оборотов, следует принимать во внимание как когнитивные признаки самого выражения, так и набор стереотипных смыслов, связанных с ним как с клише. Чаще всего связь осуществляется через соотнесение реальной ситуации с метафорическим сценарием или отдельными его фрагментами.

Так, одним из популярных способов введения сценарных элементов является сравнение реальной ситуации со сценарием известной участникам коммуникации игры: «*Prowadzenie biznesu jest **jak gra w szachy: trzeba umieć przewidywać kilka ruchów do przodu i znać reguły gry***» [Wprost, 29.02.2012]. При том, что сравнение происходит на основе общей модели, внимание акцентируется лишь на определенных параметрах соответствия, которые важны для экспликации ключевых концептуальных признаков.

Особый смысл имеет противопоставление сценариев двух игр как сфер-источников относительно одной ситуации из целевой сферы. В таком случае следует говорить о сравнении когнитивных признаков обеих игр с точки зрения их соответствия ситуации, стоящей за метафоричным образом: «*Особливо дивують заклики деяких людей грати за правилами з владою, яка сама жодних правил не визнає, вважаючи за краще грати не в шахи, а в «Чапасва», змітаючи всі фігури з дошки, якщо немає шансів виграти*» [День, 19.08.2011].

Также популярны случаи, когда использование названия игры в качестве метафоры апеллирует не к сценарию этой игры, а к общим когнитивным признакам понятия «игра»: *«Дочки-матери: правила игры [заголовок]. Если ребенок растет на руках то у бабушки, то у мамы, каждая из них стремится стать для него самым главным, самым значимым человеком. Как остановить игру в дочки-матери, где на кону – маленькая жертва страстной любви двух самых близких женщин?»* [Аргументы и факты. Здоровье, 26.11.2009]. Здесь метафоризация происходит на основе уподобления когнитивных признаков игры в целом и реальной ситуации, причем определить основания для переноса, а с ними и оценочный вектор игрового образа возможно только в контексте. Заглавная метафора является концентрированным отражением сути текста и выступает мощным аксиологическим средством именно за счет выхода за пределы клише в зону концептуального моделирования.

В.А. Разумовская (Красноярск)

«Сильные» тексты русской культуры как объекты межъязыкового и межсемиотического перевода

В ряде культур прошлого и настоящего именно литературные тексты формируют ядро (центральную часть) данных культур. Текстовое ядро является хранилищем и, соответственно, передатчиком культурной информации и культурной памяти (особого вида культурной информации); несет основную информацию о данных культурах в ситуации межкультурного взаимодействия и культурного обмена, что и позволяет исследователям определить данные культуры как литературоцентрические (по Ю.М. Лотману).

Ярким примером литературоцентрической культуры, несомненно, является русская культура. Именно посредством текстов А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.И. Солженицын и многих других русских классиков прошлого и современности представители «других» культур стремятся постичь загадочную русскую душу, понять русский менталитет и русский характер, познакомиться с особенностями русского быта, узнать явления русской культуры и знаковые события интересной русской истории. Художественные тексты, формирующие ядро определенной культуры, вслед за Н.А. Кузьминой могут быть определены как «сильные тексты». Такие тексты обладают высоким энергетическим потенциалом, имеют большую аудиторию читателей, постоянно отдают энергию читателям и получают энергию от читателей, которая многократно усиливается вследствие резонанса. Именно «сильные» тексты являются наиболее регулярными объектами художественного перевода. К категории таких текстов, несомненно,

относятся романы «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова, «Евгений Онегин» А.С. Пушкина и ряд других прозаических и поэтических текстов, которые стали материалом настоящего исследования и будут рассмотрены в настоящем анализе.

Информационная неоднозначность художественного текста порождает поливариантность подобного рода текстов. Явление поливариантности нередко сочетается со смежным явлением полилингвальности, которое в свою очередь определяется как возможность существования нескольких вторичных иноязычных текстовых вариантов исходного художественного текста, что является результатом, прежде всего, межъязыкового перевода. Необходимо отметить, что предельное количество возможных иноязычных переводных вариантов оригинального художественного текста определяется не только количеством существующих в мире языков (возможных языков перевода). Потенциальное количество иноязычных интерпретаций оригинала может быть равно количеству потенциальных переводчиков-интерпретаторов оригинального текста-стимула. Также очевидно, что количество переводных вариантов может быть увеличено и за счет создания нескольких переводов одного текста-стимула на один иностранный язык в синхронии и диахронии.

Вторичные художественные тексты могут существовать и в формах других (неязыковых) семиотических систем: театральная постановка, киноадаптация, комиксы, песня, опера, балет, графическое изображение, что может быть определено уже как результат межсемиотического перевода оригинального художественного текста (*intersemiotic* в терминологии Р. Якобсона). В ряде случаев межсемиотическая поливариантность оригинального художественного текста и его полилингвальность также сочетаются. Примером могут послужить случаи дублирования на иностранный язык для проката в зарубежных странах киноверсии, созданной на основе исходного художественного текста. В данном контексте интерес представляет история экранизаций известного романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», опубликованного в 1928 году и переведенного на многие языки мира. Историография переводов романа «Двенадцать стульев» наглядно свидетельствует о том, что данный художественный текст неоднократно становился объектом межъязыкового и межсемиотического перевода, а также комбинации данных видов перевода, что является очевидным доказательством его информационной «силы».

*О.А. Ржанникова,
Е.В. Тимонина (Москва)*

О некоторых грамматических проблемах при переводе с болгарского языка на русский

Анализируя проблемы и трудности, с которыми сталкивается переводчик художественного текста, многие специалисты по теории и практике перевода довольно часто имеют в виду прежде всего трудности лексического и стилистического характера, а также проблемы, вытекающие из природы перевода как одного из видов межкультурной коммуникации.

Культурологические и лексико-стилистические проблемы художественного перевода, разумеется, чрезвычайно важны и заслуживают самого серьезного внимания. Однако в переводческой проблематике есть еще один довольно важный аспект – грамматический, который реже является объектом профессионального теоретического и практического анализа.

В настоящем докладе мы намерены рассмотреть некоторые переводческие проблемы, связанные с так называемой межъязыковой асимметрией, которая выражается в том, что в принимающем языке отсутствуют некоторые грамматические категории, представленные в языке оригинала.

По нашему мнению, что при переводе с болгарского языка на русский возникают, с одной стороны, грамматические проблемы, которые в принципе прогнозируемы (они связаны прежде всего с различиями в глагольных системах двух языков), а с другой стороны – трудности, оказывающиеся несколько неожиданными для нас, преподавателей, работающих со студенческими переводами художественных текстов.

В числе прогнозируемых трудностей, разумеется, прежде всего следует выделить трудности, связанные с наличием в болгарском языке грамматической категории эвиденциальности, которая создает очень серьезные проблемы при переводе на язык, в грамматической системе которого данная категория отсутствует.

О глагольных временах как переводческой проблеме говорят довольно редко, однако наш опыт показывает, что и в связи с глагольными временами переводчик зачастую сталкивается с довольно сложными случаями (речь идет прежде всего об относительных временах), когда неверное переводческое решение может привести к смысловым (логическим) ошибкам.

В определенной степени неожиданными для нас оказались трудности и ошибки, связанные с грамматической категорией определенности.

Следует заметить, что данная категория, глубоко и всесторонне изученная теоретически, довольно редко рассматривается как категория, порождающая переводческие проблемы. Но в связи с данной категорией в представленных нам студенческих переводах с болгарского был обнаружен ряд ошибок, требующих специального анализа.

Одна из типичных ошибок связана с так называемыми предложениями тождества. В таких предложениях в болгарском языке в состав сказуемого входит именная часть в определенной форме. Она не дает новой характеристики подлежащего, а относит его к некоему заранее определенному множеству.

Анализ студенческих переводов показывает, что начинающие переводчики не всегда осознают разницу между предложениями, в которых именная часть сказуемого употреблена с нулевым артиклем, и такими, в которых она выступает в определенной форме.

Еще одна типичная ошибка связана с предложениями, позицию в начале которых занимает подлежащее – существительное с нулевым артиклем. При переводе на русский язык таких предложений требуются серьезные синтаксические трансформации.

В нашем докладе, разумеется, описаны далеко не все грамматические трудности, возникающие при переводе с болгарского языка на русский. Наша задача – проанализировать и обобщить языковой материал, собранный в процессе нашей работы со студенческими переводами художественных текстов с целью дальнейшего совершенствования обучения художественному переводу студентов-болгаристов.

Франческа Ромоли (Пиза)

Проект антологии древнерусских текстов с грамматическим комментарием и итальянским переводом для курсов Славянской филологии в итальянском университете

Статья посвящена представлению проекта антологии текстов восточно-славянской литературной традиции, предназначенной для курсов Славянской филологии в итальянском университете. Проектом руководят доценты кафедры Славянской филологии университетов Пизы и Болоньи и доцент кафедры Русского языка университета Пескары.

Основание проекта – потребность сопровождать существующие на итальянском языке справочники по истории славянской культуры, истории старославянского и русского языков и истории древнерусской литературы (в том числе и новые, недавно изданные книги) антологией текстов, иллюстрирующих основные этапы исторического, культурного,

литературного и лингвистического развития славян, и в частности восточных славян – от истоков до позднего средневековья. Выбор отдать предпочтение восточно-славянской литературной традиции исходит из того, что студенты итальянских университетов предпочитают изучение русского языка и литературы изучению других славянских языков и литератур.

Средневековый текст рассматривается как источник восточно-славянской культуры по междисциплинарному подходу, обнимающему и соединяющему историю, историю культуры, историю литературы и языка. Выбор текстов, начиная с *Повести временных лет* и заканчивая *Житием протопопа Аввакума*, основывается поэтому на разных принципах: на историческом и историко-культурном, на литературном и лингвистическом. В рамках истории и истории культуры выбранные тексты должны представить основные этапы исторического развития восточно-славянской культуры с XI до XVII вв. В рамках истории литературы те же самые тексты должны проиллюстрировать самые распространённые литературные формы восточно-славянской письменности: летописание и летописные повести, паломническую литературу, гомилетическую литературу и духовные поучения, агиографию, эпистолографию. В рамках же истории языка разновидность текстов направлена на выделение основных фонетических и морфологических явлений древнерусского лингвистического развития (здесь имеются в виду утрата носовых и редуцированных гласных и её последствия, а также изменения, касающиеся именного склонения и глагольной системы).

Произведения представляются, по возможности, по существующим русским изданиям (*ПЛДР*, *ВЛДР*), сопровождаются итальянским переводом, грамматическим комментарием и морфологическими таблицами. Между тем, цель антологии заключается в том, чтобы создать подборку текстов восточно-славянской письменной культуры XI-XVII вв., необходимых не только для чтения лекций, но и для проведения практических занятий и самостоятельной работы студентов.

Е.Н. Руденко (Минск)

Дефиниция диминутивов и аугментативов в свете их роли этнических маркеров

При осознании и употреблении языка (или варианта языка) как маркера национальной идентичности отличное, специфическое запоминается активнее и употребляется чаще, чем общее, совпадающее с другим языком. Изучая чужой язык, мы стремимся запомнить и активно употреблять такие характерные “черточки”; говоря на языке, утверждающем нашу национальную идентичность, мы стремимся как

можно более полно представить его как идиоэтничный и своеобразный феномен. Эта тенденция зримо реализуется в речи на белорусском языке по отношению к близкородственному русскому.

При осознании и употреблении языка (или варианта языка) в роли этнического маркера из отличных, специфических средств выбираются в первую очередь оценочные, коннотированные, а не нейтральные единицы. Это касается всех подсистем языка, в том числе и механизмов номинации. Сказанное выше легко продемонстрировать на материале белорусской речи, в частности при употреблении диминутивов и аугментативов.

Анализ диминутивов и аугментативов в белорусском языке связан с рядом трудностей, первая из которых – отсутствие дефиниции диминутива и аугментатива на белорусском языке. Попытка отобрать белорусские диминутивы и аугментативы на основе русской лингвистической традиции показала недостаточность всех имеющихся русскоязычных определений. Первая из возникающих проблем – невозможность отграничить диминутивы и аугментативы от категории количества в целом. Например, будут ли относиться к аугментативам и диминутивам такие образования, как бел. *максі-спадніца* ‘макси-юбка’, *звышактыўны* ‘сверхактивный’, *высакаякасны* ‘высококачественный’; *міні-кватэра* ‘мини-квартира’, *мікрасхема* ‘микросхема’, *малаадукаваны* ‘малообразованный’, *нізкакаларыйны* ‘низкокалорийный’? Знакомство со специальными исследованиями, посвященными диминутивам и аугментативам [Иванов, Супрун-Белевич 2009 и др.] позволило жестче определить диминутив и аугментатив, прибавить к их характеристикам следующие черты: 1) наличие диминутивной или аугментативной морфемы, т.е. морфемы с семантикой уменьшения или увеличения в самом широком смысле этого слова; 2) оценочное значение.

Семантика диминутива/аугментатива обусловлена диминутивной/аугментативной морфемой, которая передает значения: а) уменьшения/увеличения; б) оценки. При этом, как это ни парадоксально, семантика уменьшительности/увеличительности факультативна, см. русский пример: *Через недельку уже морозик будет*, – где *морозик* имеет семантику уменьшения, а *уж неделька* – никак нет. Оценочная семантика, напротив, обязательна: бел. *сонейка*, как и рус. *солнышко*, вовсе не маленькое, хотя **вялізнае сонейка* ‘огромное солнышко’ невозможно.

Все диминутивные и аугментативные аффиксы (но не бел. *міні-/максі-*, *звыш-* и под.) имеют дополнительные оценочные значения: диминутивные именные суффиксы – ласкательное, аугментативные именные – грубое, пренебрежительное, аугментативные атрибутивные – интенсивность, степень и др., и все они стилистически ограничены.

Глагольные аффиксы изменяют видовое значение, и они также ограничены стилистически (*папа-*, *па-...-ва-*, *аб-...-ся* и под.). Помимо аффиксов, в восточнославянских языках, в том числе и в белорусском, семантика аугментативности может передаваться редупликацией, однако при этом развивается оценочное значение интенсивности, высокой степени проявления качества (бел. *вялікі-вялікі* ‘большой-большой’, ср. *малёнькі-малёнькі* ‘очень маленький’).

Диминутивы и аугментативы субъективной оценки (как правило, они относятся к положительно или отрицательно коннотированной лексике) употребляются в стилистически ограниченных контекстах – в разговорном стиле или в художественной литературе.

Слова с диминутивными и аугментативными аффиксами, содержащие дополнительную сему объективной оценки, могут употребляться за пределами разговорного и художественного стилей, однако они не относятся к межстилевой лексике: такие лексемы, как бел. *малёнькі* ‘маленький’ или *папрацаваць* ‘поработать’ вряд ли можно встретить в тексте научного или официально-делового стиля. Эта выделенная нами черта диминутивов и аугментативов помогает четче их определить.

Согласно В.М.Прието [Prieto 2005], к факультативным характеристикам слов с диминутивными и аугментативными аффиксами относится то, что они употребляются в ограниченных социальных группах: по отношению к женщинам, детям, среди низших слоев населения, что, по мнению автора, есть дополнительный указатель на распределение власти в социуме.

Все сказанное выше позволяет дать детальную дефиницию диминутивов и аугментативов, добавив к ней черту, о которой шла речь ранее: диминутивы и аугментативы активно используются для подтверждения принадлежности к определенной этно-языковой группе (в нашем случае белорусскоязычной), и из них чаще употребляются те, в составе которых есть аффиксы, отличные от других (в нашем случае русского) языков.

Таблица. Характеристики диминутивов и аугментативов

Обязательные	Факультативные
Содержат диминутивные и аугментативные морфемы	Передают семантику уменьшения/увеличения
Передают семантику объективной и субъективной оценки	Употребляются в социально ограниченных группах (возрастных, гендерных и под.)
Не относятся к межстилевой лексике, не употребляются в научном или официально-деловом стиле	Употребляются в этнически ангажированном дискурсе

Употребление диминутивных и аугментативных аффиксов, особенно лингвоспецифических, в роли этнического маркера характерно для многих языков и вариантов языков. Косвенное подтверждение высказанной выше гипотезе – множество этнолингвистических работ, посвященных диминутивам и аугментативам в экзотических языках: характер языка не в последнюю очередь проявляется в специфических средствах номинации и в оценочной лексике.

Л и т е р а т у р а

Иванов К.И., Супрун-Белевич Л.Р. Деминутивы в лексических системах болгарского и русского языков (грамматика и прагматика) // Славянские языки: аспекты исследования. – Минск: БГУ, 2009. – С. 121-129.

Prieto V. Spanish evaluative morphology: Pragmatic, sociolinguistic, and semantic issues. – Florida: University of Florida, 2005. – 270 p.

С.А. Рылов (Нижегород)

Специфическая направленность в преподавании чешского языка как инославянского в Нижегородском госуниверситете им. Н.И. Лобачевского

1. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ННГУ) как классический университет за время своей более чем 95-летней истории накопил определённые традиции в преподавании славянских языков и литератур. В настоящее время филологический факультет ННГУ – единственное в г. Нижнем Новгороде и области учебное подразделение, где в течение нескольких десятилетий ведется подготовка специалистов-филологов с углубленным знанием чешского языка.

2. Специфика преподавания чешского языка в ННГУ во многом определяется особенностями профессиональной направленности филологического образования и специфическими местными условиями.

2.1. На филфаке ННГУ осуществляется подготовка бакалавров и магистров по направлению 032700 «Филология», профиль «Отечественная филология» (русский язык и литература). В рамках этого направления студенты изучают *чешский* язык как инославянский (практический курс).

2.2. К специфическим местным факторам, обусловившим практическую направленность в преподавании чешского языка, относятся: а) развитие экономического, научного, культурного сотрудничества между Нижегородской областью и Чешской республикой, в частности Южно-моравским краем; б) на протяжении многих лет филфак ННГУ успешно сотрудничает в области образования и культуры – на основе заключенных договоров – с крупнейшим в Чехии Университетом им. Масарика в

г. Брно (с 2003 г.), с Остравским университетом (с 1999 г.); в) в течение 8 лет (с марта 2005 г.) на филологическом факультете ННГУ функционирует *Чешский центр образования и культуры*, на базе которого осуществляется углубленная подготовка студентов по современному чешскому языку.

3. Изучение чешского языка включает два этапа: 1) обязательный начальный курс чешского литературного языка в 3 и 4 семестрах (104 час. ауд. занятий с экзаменом в 4 семестре); 2) углубленное изучение чешского языка (для наиболее подготовленных студентов) в рамках дополнительной специализации «Иностранный (чешский) язык», которая имеет собственный учебный план и длится 6 семестров (526 час. ауд. занятий с выпускными экзаменами – письменным и устным – в 9 семестре). Обязательной составной частью обучения студентов по программе дополнительной специализации является стажировка по чешскому языку в Чешской республике.

4. Основными факторами, обуславливающими специфическую направленность в преподавании чешского языка как инославянского, мы считаем: 1) конфронтационный подход; 2) социокультурный подход.

4.1. Несомненно, что при обучении чешскому языку как иностранному необходимо формирование и развитие у обучающихся языковой и коммуникативной компетенции. Однако исследователями неоднократно отмечалось, что большое значение при этом имеет и сопоставление языковых явлений, так как без знания сходств и различий между языками нельзя создать эффективную методику преподавания языка как неродного [Широкова 1998: 11]. По нашему мнению, в случае генетически родственных языков и их попарного сравнения (русского и чешского) следует отдать предпочтение термину **конфронтация**, который точнее выражает сущность понятия, ср. лат. *con+frons/frontis* = «в столкновении двух сторон». Соответственно конфронтационный языковой анализ – это система методических принципов, приемов, которые направлены на выявление **различий** двух генетически родственных языков, имеющих взаимные синхронные отношения. Особое значение приобретает конфронтационный анализ для филологов-русистов, так как такой подход углубляет их профессиональное образование, способствует как лучшему усвоению различий (на фоне генетической общности) и своеобразия неродного языка (чешского), так и более глубокому пониманию системы, структуры и особенностей родного языка (русского). Конфронтационный анализ филологи проводят и на начальном, и на продвинутом этапе обучения в процессе работы с чешским текстом – на основе *алгоритма*. При этом студенты практически осваивают чешско-русские конфронтемы на разных уровнях языковой структуры.

4.2. В процессе обучения чешскому языку важное место занимает *социокультурная* направленность, поскольку в языке-речи аккумулируются, фиксируются и закрепляются жизненный опыт, культурные ценности носителей языка. Социокультурная информация, извлекаемая из структурных особенностей, семантики, внутренней формы языковых единиц, может служить ключом к более глубокому пониманию чешских реалий, особенностей чешского менталитета. Поэтому необходимым элементом развития языковой и речевой способности студентов оказывается формирование у них на всех этапах изучения чешского языка социокультурной компетенции.

Национально-культурный потенциал имеют единицы разных языковых уровней. Наиболее полно и ярко он проявляется в лексике, фразеологии, синтаксисе. В плане развития у студентов социокультурной компетенции особое место занимает конфронтационный анализ *синтаксических конструкций* в русском и чешском языках, поскольку синтаксические единицы (прежде всего предложение) отражают определенные стереотипы структурирования мысли и воплощают национальное, специфическое для данного народа, видение мира.

Опыт преподавания чешского языка филологам-русистам свидетельствует, что социокультурный подход должен быть тесно связан с конфронтационным анализом, что, в свою очередь, помогает развитию языковой и коммуникативной компетенции студентов. Такой интеграционный подход может и должен обеспечить большую эффективность преподавания русским студентам чешского языка как инославянского.

Л и т е р а т у р а

Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков / Под ред. *А.Г.Широковой*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – С. 10-99.

Ю.Ю. Саввина (Москва)

Способы словообразования фитонимов в елецких говорах

Мотивировочный признак, положенный в основу номинации той или иной реалии, – это признак объекта действительности. Мотивировочный признак соотносится с восприятием этого предмета человеком.

Как отмечает В.К. Павел, отражение мотивировочным признаком существенных и менее существенных предметов зависит от различных факторов, таких, как профессия называющего, его опыт, возраст и др. – но главное от того, «какое свойство реалии номинатор считает наиболее важным при названии данной вещи» [Павел 1983: 93]. Другими слова-

ми, при выборе мотивировочного признака проявляется творческий характер языка.

Самым распространённым способом номинации, для реализации которого используются различные способы словообразования: аффиксация, основосложение, словосложение. Рассмотрим подробнее каждый из них.

Внутри аффиксального способа словообразования можно выделить разновидности, в зависимости от аффикса, участвующего в образовании того или иного слова:

а) суффиксальный – *жегала* – от ‘жечь’, *хлопушка* – от ‘хлопать’, *огуречник* – от ‘огурец’, *молочайник*, *молочник*, *молочай* – от ‘молоко’, *душица* – от ‘душистый’, *мокрица* – от ‘мокрый’, *беляк* – от ‘белый’, *анютки* – от ‘Анюта’, *бархотка* – от ‘бархат’, *блошница* – от ‘блоха’, *боровик* – от ‘бор’, *бородавник* – от ‘бородавка’, *валерьянка* – от ‘валерьяна’, *вьюнок* – от ‘вить’, *гвоздика* – от ‘гвоздь’, *говорушка* – от ‘говорить’, *горлянка* – от ‘горло’, *гусятник* – от ‘гусь’, *дождевик* – от ‘дождь’, *жалюга* – от ‘жалить’, *жегала* – от ‘жечь’, *земляника* – от ‘земля’, *коготки* – от ‘коготь’, *колокольчик* – от ‘колокол’, *кострика* – от ‘костёр’, *кровец* – от ‘кровь’, *летучка* – от ‘летать’, *лимонница* – от ‘лимон’, *лисичка* – от ‘лиса’, *маргаритка* – от ‘Маргарита’, *маслёнок* – от ‘масло’, *медуница* – от ‘мёд’, *осиновик* – от ‘осина’, *поганка* – от ‘поганый’, *покровка* – от ‘Покров’, *просеника* – от ‘просо’, *пышечник* – от ‘пышка’, *рядовка* – от ‘ряд’, *сапожки* – от ‘сапог’, *толкачик* – от ‘толкач’, *фонарики* – от ‘фонарь’, *хлопушка* – от ‘хлопнуть’, *шиповник* – от ‘шип’ и др.

б) приставочно-суффиксальный – *повилика* – от ‘вить’, *придорожник*, *подорожник* – от ‘дорога’, *подосиновик* – от ‘осина’, *подберезовик*, *подберезник* – от ‘береза’, *бессмертник* – от ‘смерть’, *подснежник* – от ‘снег’, *подсвекольник* – от ‘свекла’, *одуванчик* – от ‘дуть’, *опёнок* – от ‘пень’, *поддубник* – от ‘дуб’, *подорешник* – от ‘орех’, *подтопольник* – от ‘тополь’ и др.

в) нулевая суффиксация – *одуван* – от ‘одуванчик’, *репей* – от ‘репейник’, *дурман* – от ‘дурманить’.

II. Способ сложения представлен различными разновидностями:

а) сложение основ – *зверобой*, *хворобой*, *чистотел*, *чертополох*, *чернобыль*, *девясил*, *первоцвет*, *свиных*, *водосбор*, *горицвет*, *мухомор*, *черноклён* и др.;

б) сложносуффиксальный – *синецветка*, *белоголовник*, *чернобыльник*, *тысячелистник* и др.;

в) сложение слов – *Иван-чай*, *мать-и-мачеха*, *Иван-да-Марья* и др.

III. Опосредованный способ наименования заключается в том, что мотивировочный признак обозначен посредством другого, уже существ-

вующего в языке слова, содержащего лишь указание на отличительные признаки называемой реалии. Например, наименование *дамские серезжки* для обозначения растения *дицентра* становится возможным в елецких говорах благодаря висячему соцветию, напоминающему серьгу, а дамскими, вероятно, – за их красоту. Другой фитоним – *разбитое сердце* – то же растение *дицентра* номинирован по форме цветка, напоминающее сердце. Образное, метафорическое прилагательное разбитое используется для указания на маленькую «слезку», которая находится под сердцем.

Название козы рожки для обозначения череды становится возможным в елецких говорах благодаря форме семян, напоминающих форму козьих рогов (маленьких вилочек), способных цепляться за одежду людей, шерсть животных. Интересно, что в соседних (воронежских) говорах функционирует диалектное наименование растения – кошки. Видимо, жители Воронежской области угадывают способность семян растения цепляться за одежду, подобно кошке, запускающей когти в различные предметы.

Таким образом, в основу опосредованного способа номинации кладется чаще всего метафорический перенос названия одного предмета на другой предмет (предметы обычно обладают схожими признаками, важную роль при этом играет и ассоциация).

Чаще всего метафорический перенос осуществляется на основе внешнего сходства: *дамские серезжки* ‘дицентра’, *разбитое сердце* ‘дицентра’, *коготки* ‘календула’, *роза* ‘мальва’, *реснички* ‘мелколепестник’, *петушиные гребешки* ‘целлозия гребенчатая’, *собачки, львиный зев* ‘антирринум’, *рябинка* ‘пижма обыкновенная’, *коровий язык* ‘печеночница’, *колокольчик* ‘кампанула’, *гусятник* ‘лапчатка гусиная’, *куриная слепота* ‘лютик’, *свинух, свинушка, свинухи* ‘свинушка’, *хлопушка* ‘смолевка обыкновенная’ и др.

Достаточно редко происходит вторичная номинация, осуществляемая на основе внутренних свойств. Например, *говорушки* – ‘опята луговые’ – грибы, произрастающие очень близко друг к другу, от чего складывается ощущение, будто они переговариваются между собой. *Кровец* – ‘зверобой’ – трава, отваром и настоем которой можно останавливать кровотечение.

Донник – ‘донник лекарственный’ – растение, получившее название от номинации болезни. Однако сейчас нет болезни, в номинации которой был бы представлен данный корень лексемы. В старинном рукописном цветнике говорится: «Донник употребляется от выхождения *донной*, пить, тереться и посыпать на *донную*» (Выделено нами. – Ю.С.) [Анненков 1878: 341]. Примечательно, что в «Этимологическом словаре славянских языков» приведено слово в славянских языках для обо-

значения целого ряда болезней: польск. *dna* «артрит, лом в костях», чеш. *dna* «подагра», болг. *dъna* «болезнь, зараза», словен. *dna* «кишечные колики», согласно И.И. Срезневскому, обозначало болезни органов брюшной полости и подагру [Срезневский 1893, I:760; Этимологический словарь славянских языков V: 173-174].

Возможно, растение донник и названо по его лечебному использованию, применяемому при разных заболеваниях. Какое-либо сближение с «дно» не имеет поддержки во внешнем виде растения.

Метафора не единственный способ вторичной номинации, но в лексике растительного мира, фитонимической лексике метонимия и синекдоха, как разновидность метафоры, встречаются достаточно редко. Например, диалектное слово *лопух*, *лопушок* 'лист' восходит к названию растения лопух, *барыня* 'плод боярышника' – от барыня 'боярышник', *дичка*, *дикарка* 'плод яблони' и др.

Один и тот же мотивировочный признак, реализованный с помощью одного и того же способа номинации, может выражаться различными средствами номинации и разными мотивационными основами. Например, в елецких говорах *крапиву* называют *крапива*, *жалюга*, *жегала*, *кострика*, *костричка*. В основе всех этих наименований лежит один и тот же мотивирующий признак 'свойство растения – жечь, обжигать', но реализуется он разными словообразовательными средствами и от разных мотивационных основ. Мотивационной основой следует считать основу того слова, с которым существует мотивационная связь. Мотивационная основа номинационной единицы может не совпадать с её производящей основой.

Средствами номинации являются фонетические, морфологические, лексико-фразеологические и синтаксические единицы языка. Выделяют три основных средства номинации: однословные (*гусятник*, *чабрец*, *боровик*, *мокрица*, *роза*, *пион* др.), бинарные, состоящие из двух знаменательных слов (*кошачья трава*, *заячья капуста*, *волчьи ягоды (ягоды)*, *дамские серёжки*, *разбитое сердце*, *Иван-чай*, *Иван-да-Марья* и др.).

Один и тот же объект растительного мира в говорах может иметь несколько названий. Это обусловлено тем, что каждый предмет реальной действительности обладает рядом присущих ему свойств и качеств, которое может стать основой номинации предмета. Номинация предметов по нескольким признакам позволяет с помощью наименований охарактеризовать предмет с разных сторон, выделив его существенные, с точки зрения диалектоносителей, стороны.

Народная ботаническая лексика – один из древнейших пластов, в котором превосходно, массово и ярко закреплен опыт практического и культурно-мифологического освоения мира растений как части окру-

жающей человека природы. Люди, замечая признаки, которые характерны для растений, давали им яркие наименования. Поэтому процесс названия растений осуществлялся и осуществляется на разнообразных основаниях, осуществляющих выбор мотивировочных признаков. В основе номинации положены утилитарные признаки растений. По образному замечанию В.А. Меркуловой, «необходимость, как прожектор, выхватывает кусок действительности и освещает его отчётливо и ярко, а остальное свалено в кучу ненужного неразобранного материала» [Меркулова 1967: 151].

Выделенный мотивировочный признак может быть закреплён в разных мотивирующих основах. Богатство словообразовательных средств, характеризующих елецкие говоры, и относительная свобода словотворчества, при отсутствии письменно зафиксированной нормы, также способствуют появлению в говорах ряда наименований, соотносящихся с одним и тем же денотатом.

Вслед за Г.В. Колшанским [Колшанский 1975: 10] мы выделяем две группы принципов номинации: 1) обусловленные в большей степени объективными факторами; 2) в большей степени связанные с субъективными факторами номинации.

В качестве мотивировочного признака в названиях травянистых растений выступают:

1) по цвету тела (*лебеда, синецветка, белоголовник, бульденеж, рыжик, зеленушка* и др.); 2) по виду, форме, массе плодового тела (*клубника, пышечник, сморчок, груздь* и др.); 3) по способу произрастания (*земляника, полозень, летучка, повилика, рядовка, говорушка* и др.); 4) по внешнему виду, схожему с бытовым предметом (*звездика, пастушья сумка, дамская сережка, толкачик* и др.); 5) по внешнему виду, схожему с другим растением (*глухая крапива, дикий подсолнечник, жёлтая ромашка* и др.); 6) по запаху (*душица, лимонница, лимонная мята, огуречник, огуречная трава* и др.); 7) по месту произрастания (*лесная незабудка, садовая незабудка, подорожник, придорожник, лесная мята* и др.); 8) по свойству, оказывающему пагубное / дурное влияние на человека и животного (*зверобой, дурман, мухомор, поганка* и др.); 9) по способности плодового тела выделять какое-либо вещество (*молочай, молочайник, маслёнок, пушка* и др.); 10) по климатическим условиям, влияющим на произрастание растения (*мокрица, дождевик*); 11) по фармакологическим показателям (*горлянка, донник, ранник, чистотел, бородавник* и др.); 12) по сходству с частями тела и органами человека (*ноготок, коготок, разбитое сердце*); 13) по терминам родства (*мать-и-мачеха*); 14) по суеверным представлениям народа (*чернобыль, чернобыльник, чертополох, волчи ягоды*); 15) по наименованию чисел, обозначающих, якобы, количество излечиваемых недугов (*девятисил, де-*

вятильник и др.); 16) по сходству с животными и птицами (*дельфиниум, петунья, гусятник* и др.); 17) по именам собственным, положенным в основу фитонима (*Иван-да-Марья, Иван-чай, василёк, гиацинт, нарцисс* и др.); 18) по наименованию дерева / пня, около которого произрастает растение (*опёнок, подберёзовик, поддубник, подорешник, осиновик, подтопольник* и др.).

Литература

- Анненков Н.И. Простонародные названия русских растений. – М., 1858. – 159 с.
Колианский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. – М., 1975. – 232 с.
Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. – М., 1967. – 257 с.
Павел В.К. Лексическая номинация. – Кишинев, 1983. – 212 с.
Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1893. – Т.1-3.
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М.: Наука, 1975–2007. – Вып. 1-33.

Л.Я. Сапожникова (Харьков)

Міжмовні контакти як джерело збагачення системи лексичних найменувань в українській мові

Завдяки встановленню і підтримці стосунків з іншими країнами та етносами українська мова і культура в різні історичні періоди запозичує певні денотати разом з їхніми назвами. Процес запозичення іншомовної лексики в українську мову належить до активно діючих, тому в галузі семантики, словотвору, стилістики, термінології спостерігаються інтенсивні та глибокі зміни, що зумовлюють необхідність виявлення, систематизації, дослідження зазначеного явища. Внаслідок цього зростають ресурси однієї з мов спеціального призначення – української підмови ресторанного господарства та торгівлі, заповнюються лексико-семантичні лакуни. Отже, предметом нашого дослідження є активні мовні та позамовні процеси, завдяки яким такі одиниці як кава та чай, а також їхні похідні адаптуються до законів української орфографії, фонетики, орфоепії й акцентуації, зазнають граматичних змін, унаслідок чого гармонійно поповнюють структуру української мови.

Відомо, що так зване своєрідне позначення явищ дійсності в різних мовних системах зводиться до того, що якщо в одній мові відсутня певна лексична одиниця для номінації відповідного об'єкта, то в іншій є описове, деталізоване або граматичне позначення. Потреба у заповненні лакун мовою-реципієнтом виникає за тієї умови, коли відбувається усвідомлення лакун у власній культурі. Лінгвісти розмежовують засвоєні мовою запозичення, що не усвідомлюються як такі; іншомовні слова, серед яких виділяються екзотизми, варваризми (чужорідні в мові

слова) й інтернаціоналізми, фонд яких наявний у багатьох споріднених і неспоріднених мовах у вигляді терміносистем різних галузей науки й техніки, виробництва й культури. Приклади переконують у тому, що тривале функціонування запозичень *лікер, сироп* (з франц.); *чай, чай байховий* (з кит.); *шафран, кава* (з араб.), *коріандр, ароматизація, перець* (з грецьк.); *петрушка* (з польськ.) та ін. вже не вимагає описових відповідників для передавання їхньої семантики; вони набули ознак термінів на позначення смакових товарів галузі ресторанного господарства та торгівлі, часто й широко застосовуються й мають велику кількість похідних. Запозичення може бути прямим або опосередкованим (із мови-посередника). Наприклад, в українську мову лексема *кава* йшла такими шляхами: з арабської мови в турецьку, з турецької – в польську, а вже з польської мови у XVIII столітті – до нас. Однак частотність вживання цього запозичення, деривація, валентність лексеми *кава* у мовах-реципієнтах сприяли втраті нею цього статусу та набуттю ознак інтернаціоналізму.

У сучасній українській мові парцеляційність реалемного змісту об'єктивується через такі назви видів кави: арабіка (*Arabica, Coffea Arabica*); робуста (*Robusta, Coffea Canephora*); Ліберіка (*Liberian Coffea*); кава натуральна: 1) кава в зернах; 2) мелена кава; кава швидкокорозчинна (екстрагована): 1) кава гранульована; 2) порошкоподібна кава; кавові напої; ароматизована кава, а також її сортів за місцем вирощування, що виявляє спільний реалемно-топонімичний сегмент лексики: Колумбійська арабіка, Перуанська арабіка Левадо, Ефіопія Мокко, Кенія арабіка, Єменська Ходейда, Кава Гондурас, Кава Замбія.

Лексема *кава* набула ознак ядра словотвірного гнізда з дериватами: *кавоварка, кавник, кавниця* (посудина, для зберігання кави; млинок для кави); *кавомолка, кавувати* (пити каву, позначення теперішнього продовженого часу дієслова), *кавовий* (приготований з кавою; який вирощує каву); демінутиви – *кавуся, кавонька, кавочка, кавничка; кавовий, кофейний; кав'ярня, каварня; кофе, кохве, кофій* (мають ознаки суржика в сучасній українській мові) та ін. Серед перерахованих дериватів увагу привертає відоме в західних областях України ще на початку 19 ст. діалектне утворення – локатив *каварня* (очевидно запозиченої з чеської *kavárna*), який на сьогодні ввійшов до активного словника носіїв української мови.

Наше дослідження засвідчило, що іменник *чай* також демонструє здатність утворювати шляхом афіксальної деривації багатокомпонентні структури: *чай по-індійськи, по-китайськи, чай азербайджанський, Краснодарський, цейлонський, юннанський, шанський, бурмський, нагахільський, маніпурійський, лушайський, ассамський, російська чайна*

церемонія. Цей словотвірний різновид сприяє утворенню термінів галузі ресторанного господарства та торгівлі.

Серед продуктивних новоутворень останніх десятиріч є поява нових комбінацій різних словотвірних елементів (від префіксів до повнозначних слів), які об'єднуються в складні та складені найменування, що набули формально-граматичних і семантичних ознак окремого слова, наприклад: *телекава, міні-кава, прес-кафе, кавоман, часман, часманія, кавоманія, брейк-кава, брейк-чай, айс-кава, бар-кава, бар-чай, крем-кава, банкет-чай*.

Збільшується кількість іменників з префіксами грецького та латинського походження *псевдо-* та *супер-* (наприклад, *суперкава, псевдокава, суперкавоварка, суперчай*). У назвах процесів виробництва смакових товарів спостерігаємо досить поширений суфіксальний спосіб творення: *купажування, фільтрування, коректування купажів, ферментування, ароматизування*.

Термінологічне ядро лексики на позначення смакових товарів формують назви осіб за видом діяльності, які являють собою новітні запозичення: *титестор, бариста, сомільє* тощо. Вони часто використовуються в сучасному мовленні, виходять за межі професійної сфери вживання, набуваючи статусу загальномовних одиниць. Утворення словосполучень *день кави / чаю, дім кави / чаю, карта кави / чаю, фестиваль кави / чаю* свідчить про адаптацію лексем в мові-реципієнті, набуття ними додаткових когнітивних нашарувань. Так на сьогодні чай, кава маніфестують добробут, дружні стосунки, витончений смак, спілкування у колі друзів, місце зустрічі, затишок, соціальний статус, гостинність, спосіб проведення часу, частину прийому їжі.

Отже, радикальні перетворення в житті суспільства, міжмовні контакти, звертання до інших мовних джерел призводять до змін в системі лексичних найменувань однієї із слов'янських мов – української. Лексеми *кава, чай* та їхні похідні виявляють цілісність, єдність у межах мови спеціального призначення і поза нею. Сучасний стан української мови характеризується активністю в галузі словотвору, формуванні нових словосполучень, завдяки чому мова реалізує свої можливості у забезпеченні комунікативних потреб суспільства.

И.А. Седакова (Москва)

Аксиология легкого и тяжелого в славянских языках и культурах

*Работа выполнена при поддержке
РГНФ. Грант № 12-04-00267 «Славянская народная аксиология (Оценки
и ценности в языке и народной культуре)»*

Качественные прилагательные, обозначающие вес, обладают большим аксиологическим потенциалом. Словарные дефиниции для *Легкий* и *Тяжелый* констатируют количество, а также уменьшение или превышение нормы (*легкий* «маловесный»), что всегда связано с оценкой, причем с оценкой амбивалентной: излишняя легкость/тяжесть может иметь и положительные, и отрицательные коннотации. Конкретная оценка во многом зависит от сочетаемости и контекста: так, «легковесность ума» соотносится с глупостью, ветренностью и в основном негативна, а «легкость ног» – с проворностью и соответственно позитивна. При этом и в одном языке (в его диалектах), и в разных славянских языках одно и то же словосочетание может оцениваться противоположно: так, «тяжелый ум» может ассоциироваться с медлительностью, отсутствием сообразительности или, наоборот, с глубиной мышления и взвешенностью решений.

В анализируемых прилагательных заложена антонимия и отрицание, что расширяет возможности их оценочного употребления в языке народной культуры, ср. табуированные обозначения нечистой силы (рус. «Принесла его нелегкая»), болезней и «опасного» состояния человека ('лихорадка': рус. диал. *легкая*; 'беременная': рус. *тяжелая*, белорус. *цяжкая*, болг. *тежка*, рус. диал. *нелёзная*, при этом *легкая* 'не беременная').

Еще большие возможности для оценки создаются благодаря развитию у слов, связанных с легкостью и тяжестью, переносных значений, в том числе и семантики «простоты» и «сложности». При этом состав лексико-семантической группы, образованной антонимическими парами *легкий – тяжелый*, *легкий – трудный*, в разных славянских языках не одинаков. 'Легкий' (по весу) передается во всех славянских языках континуантами **lǫgъkъ(jь)*, а 'нетрудный' – дериватами от других корней: так, в болгарском и македонском языках 'нетрудный' – *лесен*, в сербском – *ласен*, в словенском *lasen*; в польском это значение передается прилагательным *latwy*, ср. и белор. *латва* ('легко'), укр. *латвий*. *Тяжелый* и *трудный* тоже неодинаково представлены в языках и диалектах славян: если в русском языке используются континуанты обеих корней **trud-* и **teġ-*, то в других славянских языках оба значения могут сочетаться в одном полисемичном слове (чаще всего, дериватах от **teġ-*). Таким образом, в русском языке две пары значений передаются тремя прилагательными, поскольку *легкий* обладает развитой полисемией, в болгарском же – четырьмя: *лек – тежък*, *лесен – труден* и т.д. Этот языковой факт, в свою очередь, значительно влияет на построение синонимических рядов, что отражается в междиалектных и межъязыковых аксиологических соответствиях. 'Легкий' служит синонимом не только 'малого по размеру', но и 'доброго', 'счастливого', 'приятного', 'безо-

пасного», что хорошо иллюстрируется межславянскими синонимическими этикетными формулами. Прощаясь, южные славяне желают «легкого пути» (болг. *Лек път!*), тогда как в других языках используются гиперонимы «легкого» как «хорошего»: рус. *Счастливого пути!*, *Доброго пути!* То же самое относится и к расставаниям на ночь, ср. болг. *Лека нощ!*, серб. *Лаку ноћ!*, рус. *Спокойной ночи!*. У всех славян в погребальной обрядовой практике распространены словесные формулы с упоминанием легкости (болг. *Лека пръст!*, рус. *Легкого лежаньща!*), что подкрепляется обрядовой терминологией и магическими актами: украинцы на похоронах раздают нищим хлебцы *легкодушник*.

Вес в его количественном измерении соотносится с соответствующим членом более общих аксиологических оппозиций («много–мало», «большой–маленький», «богатый–бедный» и др.). В народных воззрениях легкость некоторых реалий (например, приданого невесты) маркирована как нежелательная. Категория легкости-тяжести особенно релевантна для морально-этической оценки человека – считается, что грешный человек, в том числе колдун, знахарь, очень тяжелый. Грех мыслится как нечто физическое, имеющее определенный вес (*тяжкий грех*, *под тяжестью грехов* и, наоборот, словац. *ľahké svedomie* «чистая совесть»), поэтому грешникам тяжело (в буквальном и переносном смысле этого слова) подняться на небо и попасть в рай.

Легкость в народной культуре сопоставляется с абсолютно позитивным значением счастья и удачи, что закреплено во фразеологии. Слово-сочетание *легкая рука* обозначает удачника, человека, у которого работа спорится (ср. серб. *Бити леке руке*, болг. *лека ръка* «работать ловко, умело, быстро»; «полагать доброе начало любой работе»). Синонимическим словосочетанием для «легкой руки» служит «счастливая рука», ср. укр. *щаслива рука* «человек, способный облегчить кончину в случае продолжительной агонии», или просто «счастливый», ср. чеш. *jeho šťastnemi začatku* «с его легкой руки». Наоборот, *у него рука тяжелая* говорится о том, кто приносит несчастье, и у белорусов она уподобляется «лихим очам», способным причинить вред.

В докладе подробно рассматривается аксиология эталонов легковесности (чеш. *lehký jako pírko*; словац. *ľahký ako pavučina, pírko, papier* «легкий, как паутина, перо, бумага») и тяжести (словац. *t'ažký ako kameň (klát, cent, centy)*); анализируются пословицы и поговорки, служащие знаками 'легкой/простой' или 'трудной/сложной' ситуации; а также эксплуатация понятия «легкости» в современной рекламе.

Е.И. Селиверстова (Санкт-Петербург)

Идиолек журналиста как отражение политики издания

Обращение к материалам одного издания¹⁵, хотя и написанным разными авторами, позволяет увидеть особенности журнала в целом, включающие как графическое его оформление, жанровое разнообразие, структуру, тематику статей и обзоров, типологию заголовков и т.д. Труднее обнаружить общую интенциональную и языковую тональность, видение авторами «своего читателя», типичные приемы подачи и оценки информации – это требует сопоставления публикаций разных авторов и материалов отдельных разделов. Между тем, даже беглое знакомство с материалами издания позволяет увидеть общий прием, используемый в статьях рубрик «Профиль» и «Те, которые...», посвященных разным «героям» современности¹⁶. Это прием подачи в общем тексте карьерно-биографического характера различных блоков информации, отличающихся разной степенью достоверности.

В целом в журнале вводные слова и словосочетания, призванные указать на источник излагаемой информации, довольно разнообразны: это, во-первых, указание на сам журнал как источник сведений (*По информации «Итогов»*, на данный момент в России 169 оргкомитетов уведомили Минюст о намерении сформировать новые партобъединения (04.06.2012) – журналист, вероятно, готов поручиться за точность излагаемой информации. Во-вторых, это ссылка на неконкретные источники, осведомленность которых кажется понятной – в силу близости к «героям» повествования, причастности к показываемым событиям (*По данным источника, близкого к Росмолодежи*, этой организации резко сократили финансирование (04.06.2012). Ср. также: *Как намекают в Кремле...*, *Как рассказывают старожилы с Житной, 16...*

В анализируемых же рубриках, освещающих жизненный путь одного из «лиц страны», вехи в становлении его карьеры и события, повлиявшие на этот процесс, наблюдается приметная тенденция: в ней немало блоков такой информации, от которой автор старается дистанцироваться – за счет ссылки, при которой о реальном источнике остается лишь гадать: *Как утверждают люди знающие...*; *Как рассказывают...*, *Как утверждают источники...*, *По свидетельствам очевидцев...* и др.

¹⁵ Речь идет о журнале «Итоги» — общественно-политическом издании, освещающем важные события преимущественно в жизни России.

¹⁶ Это постоянные рубрики, знакомящие читателя всякий раз с новым политическим лидером или с «человеком дня», месяца, года: лидером общественного движения, видным экономистом, государственным функционером и т.д. См., например, архив журнала: <http://www.itogi.ru/archive/> В данной статье анализируются номера журнала «Итоги» за январь-июнь 2012 года.

Особенно заметна попытка автора материала «остаться в стороне» от высказываемых версий неких событий в части объяснения их причин, мотивов поступков героя, если приводимые трактовки, окажись они правдой, не очень его красят: «*В тусовке ходят упорные слухи, что гендиректор остается в своем кресле лишь потому, что его поддерживают некоторые фигуранты*» (13.02.2012). Здесь налицо, как будто, проявление корректности в отношении лиц, поделившихся с журналистом своим мнением, хотя некоторые сомнения в отношении того, что герой всегда и «весь в белом», а его положение – это результат признания его особых заслуг, – есть способ заинтриговать читателя.

Весьма частотен в статьях рубрик особый прием – использование метаязыковых средств, позволяющих усомниться в объективности и надежности излагаемой информации. На якобы желание намеренно очернить героя намекает упоминание безымянных злопыхателей, злоязычных завистников – как же в политике и без них? (*Злопыхатели шепчутся..., Злопыхатели утверждают..., Злые языки принялись обсуждать...*), неведомых оппонентов (*Оппоненты упирают на то, что в обоих случаях ему было нужно не столько кресло мэра, сколько скандал <...> Оппоненты уверяют...* 23.04.2012). Достаточно часто журналисты ссылаются на распускаемые слухи – весьма удобный способ информировать, заведомо исключаящий какое-либо авторство: В местном политбюро *возник слух*, будто у Службы безопасности Украины имеется в нашей Думе «крот» с оперативной кличкой Осетр (23.04.2012). Ср.: *По слухам...<...> французский след в судьбе Олега Шейна материализовался в слухи о виллах за рубежом и банковских счетах* (Там же).

Остается неизвестным, кого причисляют к упоминаемым *доморощенным конспирологам*, кто именно придерживается *апокрифической версии*¹⁷ развития определенных событий. Не исключено, что сопровождаемая таким метатекстом версия событий может принадлежать и самому журналисту, быть следствием его журналистского поиска, а если нет, то отчего же не высказать витающие в политическом воздухе сомнения и слухи? Такие «ссылки» позволяют избежать нежелательных обвинений: журналист как будто не отвечает за ту информацию, которой, по пословице, «полнится земля». Примечательно и то, что этот прием используется как своего рода «балансир», призванный уравновесить образ показываемого лидера некой долей негатива. Исключительно позитивный образ, пусть даже самого харизматичного общественного деятеля, может вызвать недоверие читателя, заронить искру сомнения в объективности автора.

¹⁷ Апокрифический – ‘недостоверный, вымышленный, сомнительный и т.д.’; <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov>

Сейчас стало модным рассказывать на страницах СМИ не только (иной раз даже – не столько) об успехах значимой фигуры на том или ином поприще – общественно-политическом, культурном и др., но говорить не сухо, кратко, документально, концентрированно-информативно. Материалы пространны, включают в себя факты биографии, упоминание юношеских увлеченностей, этапы долгого и непростого пути к нынешнему положению – со сменами поприщ, поисками себя и себя в политике. Отсюда и преобладающий иронический тон повествования. При этом читателя информируют и о допущенных промахах человека, его неидеальной репутации, карьерных происках, о культивируемой СМИ или кулуарной его репутации и т.д. Некоторые не явные для широкого читателя детали, подоплека тех или иных событий, подводные (в том числе – и подковерные) течения – все работает на привлечения его внимания. Это определяется «ментальностью общества вообще в его разных проявлениях, и в первую очередь, – ментальностью общественной (идеологической)», в реализации которой основная роль принадлежит именно средствам массовой информации [Чернышева 2005].

Литература

Чернышева Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: Дис. ... докт. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 577 с.; <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/>

О.А. Сеничева (Бердянск)

Способы выражения эмоций стыда в современном русском языке

На современном этапе в силу антропоцентризма вопрос о языковых средствах выражения психических состояний человека занимает одно из ключевых мест в научной парадигме. В последнее время возросло количество работ русских и зарубежных исследователей, изучающих психические состояния в области лингвокультурологии, психолингвистики, концептологии, эмотиологии (А. Вежбицкая, А.К. Кляйнберг, Н.А. Красавкий, Е.С. Кубрякова, Р.А. Уилсон, Н.И. Шаховский и др.). Однако недостаточно изученным остается функционально-семантический аспект вербализации стыда, что обуславливает **актуальность** данного исследования.

Целью работы является изучение семантики стыда и ее проявление в лексемах, составляющих синонимические ряды состояний стыда; языковых средств выражения, номинирующих и описывающих психическое состояние стыда в русской языковой картине мира.

Под психическим состоянием понимается «понятие, используемое для условного выделения в психике индивида относительно статического момента» [Психологический словарь 1990:302].

В лексикографических источниках стыд дефинируется как: «чувство или внутреннее сознание предосудительного; уничижение, самоосуждение, раскаянье и смирение, внутренняя исповедь перед совестью, срам, позор...» [Даль 2007:298]; «1. Чувство сильного смущения, неловкости от сознания предосудительности, неблаговидности своего поступка, поведения; 2. Чувство моральной ответственности за своё поведение, поступки и т.п.; 3. *разг.* Позор, бесчестье; 4. *разг.* Стыдливость; стыд; *в функц. сказ.* стыдно, позорно; Выражение недовольства своим или чьим-л. поведением, поступками, предосудительными для кого-л. или в каком-л. отношении» [Толковый ... 1939: 634].

В результате исследования было выявлено, что семантическое поле слов, выражающих состояние стыда, в русском языке очень обширно: *беспомощный, глубокий, гнетущий, гнусный, горький, горячки, девичий, девчоночий* (разг.), *едкий, жгучий, искренний, легкий, ложный, мучительный, необоримый, непобедимый, нестерпимый, неумный, острый, притворный, робкий, смутный, совестливый, тяжелый, тяжкий; деликатный, черный.*

Анализ 534 микроконтекстов позволил определить, что основными способами репрезентации эмоций группы стыда в современном русском языке являются: 1. номинация, 2. выражение и 3. описание, среди которых различаются прямые и косвенные способы передачи семантики стыда.

1. Номинация.

1.1. Прямая номинация: *испытывать стыд, сгореть (сгорать) от стыда* (разг. ‘испытывать сильный стыд’); *ни стыда, ни совести нет у кого-н.* (разг. ‘совершенно бессовестен’); *к стыду своему* (‘признаваться в своей неправоте’); *стыд и срам!*, *стыд и позор*; *Стыд не дым, глаза не выест* (погов.); *потерять стыд, отбросить стыд*; *Мне стыдно (совестно) людей; Не стыдно это тебе!* – сказала Катя, вся загоревшись от гнева (Ф.М. Достоевский). С точки зрения частеречной принадлежности активно употребляются имена существительные, прилагательные и наречия.

1.2. Косвенная номинация: *Он готов был провалиться сквозь землю* (от стыда); *Все в страхе мнутя. У меня ум теряется... Я совсем с панталыку сбился* (И.С. Тургенев); *Он сконфузил меня этим замечанием. Его не смутить, всегда найдется. Все лицо мальчика загорелось стыдом* (А.Ф. Писемский); *Я просто сгорел со стыда, когда он стал расписывать Бегушеву наше дурацкое дело* (А.Ф. Писемский); *Он про-*

снется с содроганьем, полон страха и стыда (А.С. Пушкин); *Стыд пал на седую голову мою* (В.И. Даль).

Номинация состояния стыда осуществляется с помощью т.н. квази-синонимов: *стыд* – *смущение, конфуз, стеснение, неудобство, неловкость; чувство вины, муки совести; стыдно* – *совестно* – *неловко* – *неудобно; стыдиться* – *совеститься* – *смущаться* – *стесняться* – *конфузиться* и т.п. Каждый из синонимов передает определенный оттенок состояния стыда, например, *неловко* отражает менее глубокое и интенсивное состояние, чем *стыдно*: <...> *было стыдно. Ну, не то чтобы стыдно, а как-то неловко* (Т. Устинова).

2. Описание переживаемых эмоций стыда (описание жестов, мимики, позы тела человека и тому подобных признаков) репрезентируется, как правило, непрямыми способами выражения (метафорически и метонимически): *Он покраснел как рак и ужасно сконфузился* (Ф.М. Достоевский). *Аркадий весь вспыхнул* (И.С. Тургенев). *Она зарделась как маков цвет. Краска (стыда) выступила на лице его. Он закусил (прикусил) губу. Лицо разгорелось. Лицо ее залилось румянцем. Он слегка заалелся* (М.Е. Салтыков-Щедрин). *Готов провалиться сквозь землю* ('исчезнуть от чувства смущения, неловкости, стыда').

3. Выражение степени интенсивности и масштабов (личный стыд, индивидуальное чувство или публичный), при этом лексема *стыд* и ее дериваты могут обозначать стыд внешний и внутренний.

Таким образом, языковые единицы, репрезентирующие стыд, можно подразделить на выражающие: 1) деонтическое *стыдно* (оценка безнравственного поступка в форме обобщенного вывода) и 2) состояние стыда (выражение, описание или оценка человеком своего или чужого эмоционального состояния в результате совершения неблагоприятного поступка и призыв отказаться от нарушения этических правил, испытав чувство стыда).

Л и т е р а т у р а

- Даль В.И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. – М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. – 348 с.
Психологический словарь / Под ред. *А.В. Петровского* и др. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
Толковый словарь русского языка / Гл. ред. *Б.М. Волин, Д.Н. Ушаков*. – Т. 3. – М., 1939. – 734 с.

Славянская паремиология: аспекты контрастивного анализа

Контрастивное исследование славянских пословиц и поговорок имеет объективные основания для своего применения. Во-первых, славянский пословичный фонд уходит корнями в глубокую древность, в нем отражены образы, связанные с языческими верованиями и мифологическими представлениями, общими для древних славян. К последним относится, например, представление о том, что счастье или несчастье в жизни предопределены судьбой еще при рождении человека: болг. *Роди ме, мамо, с късмет, па ме хвърли на смет*; ср. русск. *Не родись красивой, а родись счастливой* (здесь и далее пословицы и поговорки приводятся по: [3]).

Во-вторых, в пословицах и поговорках отражаются общие для славян архетипы сознания – архаические культурные образы, представления о человеке, его месте в мире и обществе [5; 6], которые сохраняют свое значение и в современных культурах (архетипы физической и социальной ориентации, архетипы-ситуации и др.). Так, культурно значимой является оппозиция света и тьмы. Свет представлял для славян абсолютную ценность и был носителем абсолютной красоты [4: 261], он «был связан с духовными исканиями, поисками Бога, Его Образом» [7], поэтому вполне закономерным стало включение оппозиции света и тьмы (черного и белого) в систему нравственных оценок человека: *Черного кобеля не отмоешь добела; Рука руку моет и обе белы бывают*; болг. *Ръка ръка мие, да бѣдат и двете бели* (имеются также соответствия в других славянских языках) и т.п. Среди архетипических ситуаций широко представлена в славянских пословицах и поговорках ситуация купли-продажи, которая стала областью-источником для осмысления многих других ситуаций. Так, через куплю-продажу осмысляются ситуации договора, принятия каких-либо важных решений и т.п.: *Купить kota в мешке; За морями корова дешева, да провоз дорог* и т.п. Дешевизна товара или его высокая цена обычно свидетельствуют о его качестве, поэтому лексемы *золотой, золото, дорогой* и др., имеющие основное значение ‘ценный (неценный) в материальном отношении, дорогой’, в дальнейшем используются в славянских языках для вербализации аксиологических концептов. Иначе отражаются ситуации, представленные в прецедентных текстах. При заимствовании возможна утрата некоторых деталей сценария, при этом меняется исходный смысл выражения, ср. русск. *А Васька слушает да ест* ~ белор. *А Васька слухае ды есць*; но укр. *А кіт ковбасу уминає неначе не до нього річ* или словацк.

Reči sa vrvia a chlieb sa je (в последнем случае утрачивается смысл 'продолжать делать именно то, за что ругают').

Наконец, в-третьих, исследования последних лет (Н.В. Уфимцевой, И.А. Стернина и др.) убедительно доказывают наличие общего для славян ценностного ядра языкового сознания, и пословичный фонд подтверждает полученные данные. Показательно в этом плане отношение славян к счастью. Так, славянские паремические единицы «развертывают» различные сценарии «прихода» счастья в жизнь человека, регламентируют поведение в них человека, описывают взаимодействие человека и счастья и т.п. Так, в понимании славян счастье связано не со всей жизнью человека, а с каким-то конкретным событием, оно «приходит» независимо от воли человека, ср. русск.: *Счастье придет – и на печи найдет*; болг. *Когато дойде щастието, и на печката ще те намери*; белор. *Шчасце прыдзе, і на печцы знойдзе*; словацк. *Sedávaj panenka v kúte, ak si dobrá, najdú t'a*. В языковом сознании славян подмечена также неожиданность «прихода» и «ухода» счастья: чешск. *Člověk nikdy neví, kdy se na něj štěstí usměje; Chodí štěstí dokola, sem tam sedne na vola*. Вместе с тем встречаются и другие суждения (ср. белор. *Шчасце само ў рукі не ідзе*), поэтому по отношению к неожиданно пришедшему счастью встречаются следующие рекомендации: польск. *Łap szczęście za nogi* (букв. 'Хватай счастье за ноги'); чешск. *Štěstí se musí chytit za pačesy* (букв. 'Счастье нужно хватать за волосы') и т.п. Однако также есть и понимание того, что *Всяк своего счастья кузнец* (ср. болг. *Всеки е ковач на собственото си щастие*; польск. *Każdy jest kowalem swego losu* (*los* – 'доля, участь'); словацк. *Každý je kováčom svojho št'astia*). Славяне не очень доверяли легкому счастью – не случайно усилия человека по строительству своего счастья сравниваются с тяжелым трудом кузнеца. Более того, считалось, что легкое, «незаслуженное» счастье, человек *тá z rekla* 'получает из ада' (чешск.); ср. также русск. *дьявольски везет человеку*.

Таким образом, тексты славянской паремии, часто имеющие общую образную основу, могут выражать разные, подчас противоположные суждения. Это кажется странным лишь на первый взгляд, так как, «быть может, высшая мудрость людей заключается именно в том, что о предмете высказываются нередко противоположные, взаимоисключающие суждения, которые применяются в качестве рекомендаций в зависимости от конкретных жизненных ситуаций» [1: 198]. В связи с этим представляется очень точным суждение В.И. Даля о том, что пословицы – это выраженная в краткой поэтической форме обобщенная мысль народа, в них запечатлена народная практическая философия [2].

Литература

1. Гак В.Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. Ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1994. – С. 198-206.
2. Даль В.И. Напутное // Поговорки и пословицы русского народа / Сб. В.И. Даля в 2-х т. – М., 1984. – С. 6-26.
3. Котова М.Ю. Русско-славянский словарь пословиц. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.
4. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве и культура его времени. – Л.: Художественная литература, 1985.
5. Мелетинский Е.В. Поэтика мифа. – М., 1976.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995.
7. Яковлева Е.С. О языковой картине мира в аспекте ее динамики // Слово в тексте и словаре. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 281-288.

А.М. Сердюк (Бердянск)

Концепт «Москва» в разные исторические эпохи (на материале произведений М. Булгакова и Е. Гришковца)

Целью данного исследования работы является изучение ассоциативного поля концепта «Москва» на материале художественных произведений различных исторических периодов России [Булгаков 2004]; [Гришковец 2009]. Для построения ассоциативных полей мы использовали контексты, репрезентирующие концепт «Москва» в сознании персонажей романов. Методом сплошной выборки нами были выбраны текстовые фрагменты, которые по завершении статистической обработки были построены по частотности их употребления в произведениях.

Полученные ассоциации мы объединяем в один семантический компонент и суммируем их частотность. В романе М. Булгакова Москва как концепт представляет собой следующую структуру:

Социальная инфраструктура – 447. Жилье –246 (квартира – 121, дом – 41, особняк – 19, лестница – 17, этаж – 17, подвал – 14, двор – 11, подъезд – 6). **Общественное питание –75** («Дом Грибоедова» – 40, ресторан – 27, столовая – 4, буфет – 3, молочная – 1). **Развлечения – 39** (театр (Варьете) – 39). **Кремль – 1** (Кремлевская стена – 1). **Торговля – 25** (магазин – 12, Смоленский рынок – 5, нефтелавка – 3, Торгсин – 2, гастрономический магазин – 1, универмаг – 1, рынок – 1). **Здравоохранение – 17** (клиника – 8, лечебница – 5, больница – 1, аптека – 1, морг – 1, сумашедший дом – 1). **Сфера обслуживания – 15** (жилтоварищество – 7, гостиница – 3, парикмахерская – 2, кладбище – 2, баня – 1). **Строения – 9** (здание – 8, дворец – 1). **Образование и культура – 8** (музей – 4, институт – 3, кинотеатр – 1). **Культовые сооружения – 2** (Новодевичий монастырь – 1, церковь – 1). **Озелененная территория – 11** (сад – 9, Александровский сад – 2). **Транспортная инфраструктура – 203.** Улицы и площади – 103 (Садовая – 25, переулок – 21, улица – 14, бульвар –

10, подворотня – 6, аллея – 5, площадь – 5, Бронная – 5, Пушкинская площадь – 4, Никитские ворота – 2, Тверская – 2, Петровка – 1, Садовое кольцо – 1, шоссе – 1, тротуар – 1). *Автомобильный транспорт* – 47 (машина – 22, грузовик – 14, автобус – 3, таксомотор – 3, санитарная машина – 2, пожарная машина – 1, автомобиль – 1, легковая машина – 1). *Железнодорожный транспорт* – 37 (трамвай – 28, поезд – 6, вокзал – 3). *Воздушный транспорт* – 9 (аэродром – 4, аэроплан – 3, самолет – 2). *Электрический транспорт* – 5 (троллейбус – 5). *Водный транспорт* – 2 (речной трамвай – 1, пристань – 1). **Промышленность, администрация, строительство** – 6 (учреждение – 3, домоуправление – 2, завод – 1). **География** – 33. *Водоемы* – 31 (Патриаршие пруды – 25, Москва-река – 5, Чистые пруды – 1). *Местность, территория* – 2 (Воробьевы горы – 1, Замоскворечье – 1).

Что касается современной эпохи, то в структуре концепта «Москва» доминируют компоненты, связанные с транспортом. **Транспортная инфраструктура** – 271. *Автомобильный транспорт* – 188 (машина – 92, Мерседес – 34, автомобиль – 19, такси – 15, Вольво – 7, спецмашина – 6, скорая помощь – 6, грузовик – 4, Джип – 3, Ауди – 2). *Улицы и площади* – 42 (улица – 15, проспект – 10, дорога – 6, Садовое кольцо – 3, Красная площадь – 2, бульвар – 2, Пушкинская площадь – 1, Новый Арбат – 1, Чистые пруды – 1, Мясницкая – 1). *Железнодорожный транспорт* – 24 (метро – 22, вокзал – 2). *Воздушный транспорт* – 18 (аэропорт – 10, самолет – 8). **Социальная инфраструктура** – 179. *Общественное питание* – 58 (ресторан – 31, кафе – 23, столовая – 3, кофейня – 1). *Жилье* – 40 (дом – 26, квартира – 6, подъезд – 4, лифт – 2, лестница – 1, этаж – 1). *Сфера обслуживания* – 27 (парикмахерская – 15, косметический салон – 6, гостиница – 4, салон – 2). *Развлечения* – 18 (клуб – 10, турфирма – 3, боулинг – 3, казино – 2). *Кремль* – 12. *Торговля* – 11 (магазин – 7, универмаг – 2, киоск – 1, рынок – 1). *Здравоохранение* – 7 (салон оптики – 3, больница – 2, аптека – 1, фитнес-центр – 1). *Образование и культура* – 6 (институт – 3, школа – 2, галерея – 1). **Промышленность,**

бизнес, строительство – 30 (объект – 16, стройка – 6, фабрика – 1, завод – 1, офис – 5, контора – 1). **География** – 1. *Водоемы* – 1 (Чистые пруды – 1).

Таким образом, концепт «Москва» в романе довоенной эпохи представляет собой следующее образование: ядро («жилье», «улицы и площади», «общественное питание»); ближняя периферия («развлечения», «железнодорожный транспорт (трамвай)», «торговля», «водоемы»); дальняя периферия («образование и культура», «электрический и водный транспорт», «культовые сооружения»).

Что касается структуры данного концепта в картине мира Евгения Гришковца, то к ядерной части мы относим следующие компоненты: «автомобильный транспорт», «общественное питание», «улицы и площади», «жилье», «промышленность». Составляющими ближней периферии являются: «сфера обслуживания», «железнодорожный транспорт (метро)», «воздушный транспорт», «развлечения», «Кремль», «торговля». К дальней периферии относятся «здравоохранение» и «культура».

Как видно из полученных результатов, в сознании современного человека обязательным компонентом центральной части данного является автомобильный транспорт. В ближней периферии наблюдаем частичные совпадения в компоненте «железнодорожный транспорт»: отличие состоит в виде транспортных средств (трамвай – метро). Что касается дальней периферии, то общим для двух периодов является компонент «культура».

Перспективой нашего дальнейшего исследования мы считаем изучение развития смыслового объема концепта «Москва» в диахроническом и сопоставительном аспекте.

Л и т е р а т у р а

Булгаков М.А. Мастер и Маргарита: Собачье сердце. Повесть. Мастер и Маргарита. Роман. Письма. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – С.129 – 602.
Гришковец Е. Рубашка: Роман. – М.: Махаон, 2009. – 288 с.

Е.В. Сердюкова (Ростов-на-Дону)

Модели номинации праславянских названий растений

Модели номинации, их особенности позволяют представить ту картину окружающего мира, которую видели наши предки и изображали её с помощью языка. Особенности восприятия мира отражаются в слове. Процесс номинации позволяет увидеть, какие характерные признаки имели значимость для носителей языка, а описание моделей номинации часто является доказательством объективности этимологии слова. В докладе на материале праславянских (праслав.) фитонимов будет принята попытка привести доводы в пользу объективности тех или иных предложенных в разных источниках этимологий. Для этого были установлены наиболее характерные модели для названий деревьев, которые и стали объектом исследования.

В основу номинации многих деревьев положен цвет коры или древесины. По этой модели образовалось праслав. *berza. Говоря о происхождении слова берёза, О.Н. Трубачев отмечает, что «все славянские формы, обладающие одним и тем же значением 'Betula alba', восходят к праслав. *berza, не поддающемуся этимологическому анализу на слав. почве; ...праслав. *berza восходит к и.-е. *bherǵos, *bherǵā, кот., в

свою очередь, весьма распространено в и.-е. языках и обозначает различные разновидности Betulaceae, ...название березы обнаруживает исключительную древность, но оно же характеризуется и редкой ясностью этимологии, поскольку бесспорно произведено от и.-е. основы со знач. ‘блеск, свет, белый цвет’» [ЭССЯ 1: 202]. Название было дано по цвету коры. От этой же и.-е. основы образовано праслав. **berstь* ‘берест, дерево Ulmus’, т.к. кора этого дерева напоминала берёзу. *Ольха* (*ельха, вольха*) восходят к формам **alisa/*elisa/*olisa* ‘ольховое дерево’, которые являются производными с суффиксом *-isa-* от **al-/*el-/*ol-* ‘алый, красный, коричневый’. Праслав. *тополь* восходит вместе с лат. *populus* к и.-е. основе **popol-*, соотносительно с *pel-/pol-* ‘быть серым’ (по цвету коры). Обычно слово **sosna* возводят к и.-е. корню **kasnos* ‘серый’, но эта этимология не всеми признается. По этой же модели образовано слово *рябина*.

Более продуктивными были модели, которые связаны с деятельностью человека, с его практическими интересами и повседневным опытом: хозяйственное назначение растения, место его произрастания. С хозяйственным назначением связаны многие названия дерева *Salix* (семейство ивовых). Слова *ива* и *верба* имеют индоевропейские соответствия, М. Фасмер, Н.М. Шанский и др. слав. **jьva* возводят к и.-е. прилагательному с корнем **ei-* ‘красноватый’, так как деревья имеют красноватую древесину. Но цвет вряд ли мог лечь в основу номинации, так как древесина ивы не является строительным материалом, а поэтому цвет является малосущественным признаком. Более вероятным является родство с нем. *Weide* ‘ива’, греч. *ἰτέα*, восходящим к и.-е. **uī-/*uei-* ‘вить’ [ЭССЯ]. Это представляется весьма убедительным в семантическом отношении, так как для ивы характерна гибкость ветвей, ее использовали для плетения корзин и других предметов. Этот мотивационный признак нашел отражение в большинстве названий ивы. Рус. *ива* ‘ива’, др.-чеш. *jíva*, лтш. *iėva* ‘черемуха’, прус. *iūwis*, др.-ирл. *eo* ‘тис’ и др. восходят к и.-е. корню **ei-/*oi-*, осложненному **-uo-*. Этот корень бесспорно объясняется из и.-е. **uī-/*uei-* ‘вить’. Новую этимологию для слав. **jьva* предложил В.Э. Орел [Орел 1988]. Отгалкиваясь от семантической модели, которая зафиксирована в слове *бред(ь)* ‘ива’, он предлагает подобную модель для слова **jьva*. Слав. **bredь* ‘ива’ связано с глаголом **bresti* с корнем **bred-*. Эта связь аргументировалась тем, что ива растет на сырых местах, стоит в воде, якобы “бредёт”, “бродит” [ЭССЯ 3: 12]. Именно вторая часть этого толкования, по мнению В.Э. Орла, могла стать истинной основой для развития значения ‘ива’. Подобную модель мотивации он находит для слав. **jьva*, связывая со слав. **jьti* (*идти – иду*). Анализ же всех остальных названий ивы свидетельствует о большей распространенности иной модели мотивации – гибкие

свойства ветвей ивы, широкое использование для традиционной материальной культуры (плетение корзин и других предметов, украшений из ивовых прутьев) послужили основой для номинации растений рода *Salix* (*верба, ветла, лоза* и т.д.). Поэтому более убедительной, на наш взгляд, является этимология, предложенная О.Н. Трубачевым [ЭССЯ 8: 249]. Она признается многими исследователями. Слав. **vьrba* восходит к и.-е. корню **uer-* ‘вертеть’, расширенному формантом *-b-*, а **uer-* входит в этимологическое гнездо с корнем **uei-*. А.С. Мельничук в своем докладе на VIII Международном съезде славистов (1978 г.) указывал, что и.-е. **uei-* /**ui-* обнаруживает следующий ряд значений: ‘гнуть, крутить, вить, путать, вязать, плести, ткать, шить’. В значении ‘ива’ использовалось также слово *лоза*, этимологически связанное с глаголами *лазить, лезу*, первоначальное значение ‘прут, побег’, а затем происходит перенос с части растения на целое, этим словом начинают обозначать различные растения, кустарники, которые имеют гибкие ветви – лозы. Чаще всего отмечается перенос на виноград и иву. Здесь та же мотивация, что и в словах *ива, верба*. Слово *ветла* ‘разновидность ивы’ этимологи связывают со словами *ветвь, вить*, что семантически вполне оправдано. В русских и украинских говорах по этой же модели появились новообразования с прозрачной этимологией: *вязинник, корзиночник, плетёночник, кузавица*. В этих названиях ивы и ее разновидностей прямое указание на гибкость ветвей, из которых плетут в первую очередь корзины. Слово *ракита (рокита)* восходит к праслав. **orkyta/orkytъ*, сближается с балтийскими и греческим названиями можжевельника (ветви ивы и можжевельника одинаково служат для плетения), далее ἄρκυς ‘сеть’, восходящее к и.-е. **arku-* ‘изогнутое’ [ЭССЯ 32: 174]. Все эти языковые факты не оставляют никаких сомнений в обоснованности этимологии слова *ива*, представленной в ЭССЯ.

Модель номинации, связанную с хозяйственным использованием, можно установить также для слов *ильм, вяз, липа*. С местом произрастания связано происхождение слов *дуб, бор* ‘сосна’, *бред* ‘ива’. Семантический признак ‘колоть’, ‘колючий’ лег в основу номинации для слов *ель, клён, бор* (ещё одна этимология, кроме ‘места произрастания’).

Л и т е р а т у р а

- Орел В.Э. О некоторых славянских и индоевропейских названиях деревьев // Этимология, 1985. – М.: Наука, 1988. – С.27-38.
 Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-38. – М., 1974-2012.

И.Б. Серебряная (Казань)

Осип (Юлиан) Иванович Сенковский (1800-1859) как критик русского языка

Одной из основных задач славистики является изучение взаимодействия славянских языков. В этом плане интересен аспект языкового сознания индивидуумов, погружённых в инославянскую среду. Выразительным примером здесь может служить фигура О.И. Сенковского, поляка по происхождению, крупного филолога-востоковеда, писателя, журналиста [Каверин 1966].

Сенковский родился в старинной шляхетской семье и закончил Виленский университет, где основными языками преподавания были польский и латинский. Обладая феноменальными способностями к изучению языков, он стал полиглотом, освоив классические древние, основные западноевропейские, а также турецкий, арабский, монгольский и ещё не менее десяти языков. Переселившись в начале 20-х гг. XIX века в Россию, Сенковский настолько совершенно овладел русским языком, что современники считали Барона Брамбеуса (литературный псевдоним Сенковского) одним из лучших отечественных беллетристов [там же, с.137].

Литературно-критическая деятельность Сенковского развернулась в 30-40-е гг. , когда он стал редактором и издателем популярнейшего в России журнала «Библиотека для чтения». В этом издании публиковались А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Е.А. Боратынский и др. Журнал был единоличным созданием Сенковского. Не случайно, В. Каверин называл «Библиотеку для чтения» не журналом, а человеком [там же, с. 169]. В журнале имелся специальный отдел «Книжная летопись», представляющий собой критический обзор книжных новинок за прошедший месяц, остроумные рецензии Сенковского, посвящённые не только произведениям изящной словесности, но и учебно-научным, справочным, официально-деловым текстам, содержали оценки речевой стороны обсуждаемых книг. Анализ этого разнородного по стилевой принадлежности материала позволяет получить представление о наиболее актуальных для 1-й половины XIX века культурно-речевых проблемах и, в целом, о сложном процессе формирования нормы русского литературного языка.

Филологическая компетентность и «взгляд со стороны» на русский язык обусловили глубину и тонкость языковых оценок Сенковского.

По мнению Сенковского, «чистота языка и приятность слога суть необходимые условия всякой печатной книги» (Бдч, 1838, т.2, ч.2, с.70). Под «приятностью» понималось соответствие речевой составляющей

произведения вкусу образованного общества, который, по убеждению Сенковского, заключался в естественности и современности языка. В «Летописи» высмеивались произведения, не удовлетворяющие этим требованиям: перенасыщенные «украшениями» (в том числе – церковнославянизмами), злоупотребляющие «глаголами приказной бумаги». Сенковский прозорливо предугадал, какую опасность представляют для выразительности русского литературного языка канцеляризм.

Под «чистотой» разумелась правильность выражения, прежде всего – грамматическая. В частности, намеренно выставлялись на смех такие грубые ошибки авторов, как форма простого будущего *увидает*, вместо *увидит* (Бдч, 1838, т.16, с.18); деепричастие *простря*, вместо *простирая* (Бдч., 1836, т.15, с.4), многократное нанизывание падежей: *язык, употребляемый высшими государственными сословиями и лицами главнейшими под ними местными начальниками* (Бдч, 1836, т.12, с.35) и т.п.

Примечательно, однако, что в ряде случаев Сенковский ориентировался в своих рекомендациях на родной польский язык. Так, он посчитал ошибочной использованную Н.В. Гоголем в «Мёртвых душах» форму им. множ. личного местоимения третьего лица *они*, отнесённую к существительному женского рода, назвав в качестве правильной форму *оне* (О.И. Сенковский. Рукописная редакция, с.233), что соответствует нормам польского языка, где различается лично-мужская форма *они* и женско-вещная *оне* [Польский язык 2007, с 21]. Известное возражение Сенковского против формы родительного единственного *носу* (вместо *носа*), употреблённой Гоголем [Серебряная 1994, с. 62-66], тоже объясняется особенностями польского языка, в котором существительные со значением части тела типа *nos, zqb* не принимают окончание *-и* [Мацюсович 1975, с.67]. Сенковский назвал также ошибкой употреблённую одним из авторов нормативную русскую причастную форму *опекаемый*, утверждая, что требуется – *опекуемый* (в польском- *opiekujemy*) [Краткий словарь, с.137]. Эти факты грамматической интерференции – свидетельство устойчивости изначальных системно-морфологических связей, закрепившихся в индивидуальном языковом сознании.

Л и т е р а т у р а

- Каверин В. Барон Брамбеус. – М.: Наука, 1966. – 239 с.
Библиотека для чтения. Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод. – СПб., 1834-1848.
Сенковский О.И. Рукописная редакция статьи о «Мёртвых душах» // Гоголь Н.В. Материалы и исследования. – М.; Л., 1936. – С. 226-249.
Польский язык. Учебное пособие для студентов филологического факультета. – Казань, 2007. – 76 с.
Мацюсович Я.В. Морфологический строй современного польского литературного языка. – Л., 1975. – 162 с.
Богуславский А. Краткий словарь русско-польский, польско-русский. – Варшава, 1973. – 374 с.

М.Ю. Сидорова (Москва)

Глазами художника: точка зрения в романе М. Петросян «Дом, в котором»

В докладе метод «модусного чтения» художественного текста, использующий точку зрения персонажа и языковые средства ее экспликации как ключ к пониманию сюжета, композиции, системы персонажей и символической системы литературного произведения, применяется к роману М. Петросян «Дом, в котором...», написанному в духе «магического реализма». Демонстрируется как зрительный и ментальный модус центрального персонажа – Курильщика – используется для выстраивания оппозиции между этим персонажем и другими героями романа и проблематизации мистической стороны происходящих в Доме событий.

Одним из поводов для особого внимания к модусному плану текста является **специфика центрального персонажа** – носителя пространственной и ментальной точек зрения. Таким персонажем является «титulusный» персонаж первого тома романа Мириам Петросян «Дом, в котором...» (2009), герой, через призму восприятия которого мы начинаем знакомство с Домом, – подросток-инвалид (неходячий колясочник) по кличке Курильщик, наделенный талантом художника. Именно его глазами мы видим впервые всех персонажей, его знание является нашим знанием, а незнание – нашим незнанием. Доверие или недоверие к его точке зрения служит для читателя и основанием, по которому события, происходящие в романе распределяются между миром реальным и миром магическим (фантастическим). Следует добавить, что и сама Петросян – художник-мультипликатор по профессии, а это уже повод, чтобы обратить особое внимание на зрительный модус.

С первых строк, которые принадлежат в системе точек зрения романа еще не Курильщику, а автору-повествователю, в языковой ткани текста господствуют цветовые пятна и зрительные метафоры, играющие важнейшую роль в символической системе, развитии сюжета и организации системы персонажей романа. Именно цветное пятно (красные кроссовки неходячего инвалида, которые соседи по палате воспринимают как вызов) служит ядром первоначального конфликта, из-за которого Курильщик вынужден перебраться из образцово-показательного «фазаньего царства» в другую палату и оказаться в гуще событий, происходящих в Доме перед выпуском. Иметь цвет, *осмеливаться* на то, чтобы иметь цвет в черно-серо-белой реальности романа М. Петросян, – это Поступок, дающий личности право на личность.

Интересные, заслуживающие внимания люди видятся Курильщику как цветовые пятна. Такое видение свойственно и самой Петросян, у которой все значимые персонажи «окрашены» – не важно в какой цвет, важно, что это их собственный цвет, а не маска и не грим. Он принадлежит персонажам и даже становится их именем: *Рыжий, Рыжая, Черный Ральф*. На цветовом противопоставлении строится и оппозиция двух типов «вожаков»: *Слепой*, видящий мир внутренним зрением и свободно перемещающийся по «изнанке» (мистической стороне) Дома, – *Черный*, отличающийся от всех персонажей прагматически-реалистическим видением мира и отвергающий мистическую сущность Дома.

Но Курильщик нужен автору не только для того, чтобы *видеть* мир, но еще и для того, чтобы *не понимать* того, что видит. Каждый раз, когда ему пытаются что-то объяснить, подсказать о законах жизни в Доме, он «подменяет» слуховое восприятие зрительным – либо концентрируется на наблюдении, либо уходит в воображаемые зрительные образы. Сосредоточенность на зрительном восприятии дает Курильщику возможность не слышать, что ему говорят. Таким образом создается парадоксальный эффект – сенсорный канал связи с миром является для субъекта одновременно и способом отгородиться от мира.

Конфликт с колясником Лордом, стоивший Курильщику выбитого зуба, но и послуживший «мостиком», по которому Курильщик попадает в знаменитую четвертую палату, тоже является результатом сосредоточенности Курильщика на зрительном восприятии: *В жизни не встречал людей, на которых было бы больно смотреть из-за красоты. Кроме Лорда. Где-то с месяц назад он выбил мне зуб за то, что я сцепился с ним колесами в дверях столовой. До того я видел его только издали. Я и понять ничего не успел. Так загляделся на него, что не расслышал, что он сказал. Потом прекрасный эльф высадил мне зуб, и стало не до восторгов.*

В этом фрагменте собрана вся модусная характеристика Курильщика: *загляделся – не расслышал, что он сказал – понять ничего не успел*. Именно так персонаж-новичок, пересекающий границу между обыденным миром и миром, в котором, возможно, есть сверхъестественное, ведет себя на протяжении всего повествования. Именно такой взгляд на «изнанку» Дома предлагается читателю, который должен сам для себя решить, насколько верить знакам сверхъестественного, рассыпанным по всему роману. Курильщик не помогает отделить внешнее от внутреннего. Наличие такого главного модусного субъекта в первом томе произведения, где проблема соотношения внешности и внутренности (изнанки) – в центре внимания, добавляет многовариантности в трактовку стратегии автора.

В третьем томе, где Курильщик перестает быть основным рассказчиком, передавая эти функции персонажам, в разной степени владеющим тайной Дома, точка зрения, выраженная в главах, написанных от имени Курильщика, продолжает противопоставляться точкам зрения старожиллов. Сам Курильщик воспринимает это уже спокойно, признав, что «дом ставит или не ставит на тебя свою метку». Сам он этой меткой не наделен и не желает ее. В третьем томе вокруг фигуры Курильщика сосредотачиваются модусные предикаты, связанные с ситуацией «вопрос – ответ». Выясняется, что этот персонаж, кроме способности *наблюдать* и неспособности *понимать*, наделен еще смелостью *спрашивать*. Спрашивать в Доме, негласные законы которого запрещают осведомляться о диагнозах, реальных именах и подробностях «наружной» жизни его обитателей, – это действительно смелость. Перейдя в четвертую палату, Курильщик продолжает быть в оппозиции. Но если его отличие от жильцов первой («фазаньей») палаты демонстрировалось через зрительный модус, то всем остальным обитателям дома Курильщик противопоставлен по модусу ментальному: из человека наблюдающего он превращается в человека спрашивающего. Тяга Курильщика задавать вопросы и желание или нежелание других персонажей на них отвечать выполняют во второй половине романа важную функцию в организации системы персонажей. Разная позиция субъектов, населяющих фикциональный мир «Дома, в котором...», относительно вопросительной активности Курильщика манифестирована в эпилоге, где с этой точки зрения охарактеризован каждый из трех основных персонажей, оставшихся в Наружности. Рыжий: *Он напомнил мне тот период моей жизни, когда я постоянно задавал вопросы, никогда не получая вразумительных ответов, и это чуть не свело меня с ума. Поэтому я не стал ни о чем спрашивать... Рыжий ждал моих расспросов, а не дождавшись, поскукнел и довольно быстро ушел.* Черный: *У меня много вопросов, но я никогда никому их не задам. Иногда мне кажется, что Черный знает ответы, но всякий раз, когда я уже готов его о чем-то спросить, он смотрит исподлобья и так поспешно меняет тему, что я не решаюсь его беспокоить.* Сфинкс: *Еще меньше хочется о чем-то спрашивать Сфинкса. В случае с ним меня пугает возможность получить ответы.*

К изучению лексики, образованной от наименований священнослужителей, в русских, польских и украинских говорах

Материалом для исследования послужили семантические дериваты от наименований русских, украинских и польских служителей культа. В докладе анализируется не весь комплекс семантических производных, а только те из них, значения которых характеризуют предметный мир, флору, фауну и т. д., т. е. относятся к «неантропологическим» сферам. В словах такого рода проявляется наибольшее смысловое расстояние между сопоставляемыми значениями, за счет чего они требуют более глубокой мотивационной реконструкции.

В русском и украинском языках выделяется группа лексем, обозначающих вертикально расположенные предметы: рус. влг. *поп* 'вставшее вертикально бревно, застрявшее при сплаве леса по реке', арх., ростов., свердл., яросл. *поп*, брян. *попок* 'чурка для игры типа городков', укр. *чернець* 'одинокая кегля, стоящая на черте «города» при игре типа городков'. Признак вертикального расположения отражает представление о позе священника во время богослужения. Аналогичная польская лексема *pop* 'в игре, чурбан, отрезанный от палки и немного очищенный', по-видимому, является заимствованием из восточных славянских языков. В группах связанных с ними прямостоящих предметов примыкают лексемы, называющие объекты конусообразной формы, мотивация которых связана с представлением о длинной рясе священнослужителя: рус. калуж., сарат. *поп* 'пирамидка, конус нетронутой земли при ее выемке, по которым определяют приблизительную глубину ямы', карел. *монах* 'укладка зерновых или технических культур на поле, состоящая из 18 снопов', перм. *попик* 'небольшой стог, копна сена', польск. малопольск., мазов. *mnich* 'сноп соломы, положенный в нижний пласт крыши'.

В отдельную группу стоит выделить названия приспособлений для спуска воды: рус. пск. *монахи* 'спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты', укр. общенар. *монах* 'водоспуск у плотины', польск. *mnich* 'полое бревно, деревянная труба для спуска воды из пруда; водоспуск, состоящий из вертикальной части или собственно монаха, горизонтального корыта, соединенного с монахом'. Вероятно, мотивационным признаком в этом случае стало сходство движений механизмов с поклонами монахов во время молитвы.

Мотивация фитонимов, образованных от наименований священнослужителей (рус. влг., моск. *поп*, престоляр. *поповник* 'нивяник обыкновенный, ромашка', рус. диал. *поп*, *поповник* 'одуванчик', польск. мазов.

ksiądz ‘семена одуванчика’, укр. *попик* ‘калужница болотная’), как правило, отражает впечатления от внешнего вида и атрибутов священнослужителей. Фитонимы могут быть мотивированы представлениями об особенностях прически служителя культа – выстриженной тонзуре (рус. диал. *попово гуминце* ‘растение одуванчик’, вят., твер. *попова плешь* ‘растение одуванчик’) или о специфическом головном уборе священника – скуфье или пилеолусе (рус. диал. *попова скуфья* ‘растение одуванчик’, польск. диал. *księża czapka* <ксендза шапка> ‘бересклет’), клубуке (рус. дон. *архиерейская шапка* ‘растение, вид кактуса’, твер. *клубук поповский* ‘растение рогоз узколистный’), капюшоне монаха (польск. *złymniszek* ‘растение аконит, борец’, *bernardyn, bernardynek* ‘то же’). В польских фитонимах отражены образы и других составляющих одеяния священника: воротника (кашуб. *ksąź kolnér* <ксендзов воротник> ‘пижма обыкновенная’) и штанов (малопольск. *księże galoty* <ксендзовы штаны> ‘водосбор обыкновенный’).

Названия грибов отмечаются только в русском языке (рус. красноярск., орл., тул. *поп* ‘белый гриб’, томск. *попы* ‘грибы маслята’, морд. *монах, монашка* ‘пластинчатый черный гриб из семейства груздей’) и мотивированы, по-видимому, сходством с прямостоящей фигурой человека. Единичное польск. *por* ‘мухомор’, по-видимому, является восточнославянским заимствованием.

В названиях рыб (рус. арх. *поп* ‘мелкая речная непромысловая рыба семейства бычков’, влг., моск., орл. *попок* ‘подкаменщик’, нижегор. *монах*, казан. *монах-рыба* ‘волжский подуст’) выделяются признаки большеголовости и темного цвета, связанные с представлениями о высоком головном уборе священника и его черной рясе (ср. рус. арх. «Попы – наподобие форма налима, серовато-черного цвета»). В польск. *bernardin* ‘вид осетра, считающийся лучшим’, *карисун* ‘вид осетра’, возможно, отражены представления о посте, соблюдаемом членами данных монашеских орденов и довольно высоком уровне их жизни.

Для наименований птиц основанными мотивирующими признаками являются признаки черного цвета и формы хвоста, напоминающего одежду священнослужителя (рус. смол. *монашенка* ‘о черной галке’, олон. *попова курица* ‘ворона’, калуж. *монах* ‘голубь очень темной окраски’, польск. *карисун* ‘вид голубя с перьями вокруг шеи в форме капюшона’, *por, mnich* ‘тетерев во смены перьев’). В обозначении вороны проявляется также представление об отсутствии у попа своего хозяйства: «курицей» попа насмешливо называют ворону, никак не связанную с домашним хозяйством. Подобным образом мотивированы и некоторые названия насекомых: рус. ворон., ряз., сарат. *попова собака (собачка)* ‘род гусеницы — плодоярки’, укр. надднепр. *попова свинка* ‘бескрылый, короткотельный, серый кузнечик, который встречается на

полях'. Кроме того, в названиях насекомых могут быть отражены представления о широте и цвете одежды священника: черной рясе (рус. свердл. *поп* 'навозный жук', укр. общенар. *монашка* 'ночная бабочка, у которой передние крылья белые с черными зубчатыми поперечными полосами, а задние – серые', польск. великопольск. *kśqz* 'клоп') и блестящей рясе (укр. *попик* 'Chrysomela, жук-листоед', укр. *пип* 'насекомое золотистая бронзовка'). Другим основанием для сопоставления священника с некоторыми насекомыми является идея алчности и паразитической жизни, которую ведет служитель культа, существуя за счет прихожан.

А. В. Ситарь (Донецк)

Модели фразеологизированных предложений с комплексом *теж мені* в украинском языке

Фразеологизированные предложения (или синтаксические фразеологизмы) – особый тип предложения, состоящий из постоянной и изменяемой частей, характеризующийся идиоматической связанностью компонентов, ослабленностью или утратой на современном этапе развития языка синтаксических связей и прямых лексических значений слов, фиксированным порядком слов, функционированием преимущественно в текстах разговорного, художественного и публицистического стилей [Величко 1996; Всеволодова 2002; Личук 2001; РГ 1980 и др.].

Предложения с неизменяемым комплексом, представляющим собой соединение частицы и полнозначного слова, относятся к одной из активно используемых в речи групп синтаксических фразеологизмов. Задачи данного сообщения – установить модели фразеологизированных предложений с комплексом *теж мені* в украинском языке, определить их типовую семантику.

Анализ фактического материала позволил выделить четыре модели предложений данного типа по признаку частиречной принадлежности изменяемого компонента.

1. Наиболее продуктивной является субстантивная модель *Теж мені N₁ Сор_г*, реализующая несколько значений:

а) отсутствие у лица/предмета основного качества, соответствующего его названию: *На лікаря сердився постійно, ніяк не хотів визнавати в ньому свого рятівника. Думає, як з дипломом, то вже й бога за бороду вхопив! А сам он раз у раз за щоку хапається, «ох, крутить!» — зуби йому крутять, теж мені лікар, власного зуба погамувати не здатен* (Олесь Гончар);

б) отрицание:

— *Ну, досить!* — *ляпає Великін рукою по столу.* — *Так підписуєш?*

— Дайте мені очні ставки...

— Очні ставки тобі не потрібні. Якщо ти бачив діло, то мусив зрозуміти, що очні ставки тобі не потрібні. Там досить і без очних ставок, щоб з тобою дати раду. Ну!?

Андрій зітхає.

— Та що ти з ним торгуєшся! — не витримує Сергєєв. — **Теж мені базар!** (Іван Багрянний);

в) оцінка діяння як нестоячого (позицію N_1 в таких пропозиціях заповнює отглагольне существительное):

— Гей, діду, ви живі?

«Теж мені питаннячко. Хоча ніколи, не завадить перевірити: живий ти чи ні» (Михайло Стельмах).

Модифікаціями моделі 1 вважаємо пропозиції з дієсловами авторизації називається і виявлення знайшовся (знайшлася, знайшлися), формально відповідаючі структурній схемі *Теж мені $N_1 V_f$* і використовуючі для передачі значення відсутності у особи основного якості, відповідаючого його названню: *Цвілодубові не сподобалося повчання Колісника. Теж мені друг називається.* Якщо він вважає себе людиною Гарики, то це його річ. Григорій же нічим людиною бути не хоче (Борис Сидоренко); *Так, кажеш, дзвоном дзвонить поле? А от жінка Прокопа Денисенка теж язиком, як дзвоном, дзвонить: сказився Горицвіт.* Заставляє більші зерна гречки вибирати. Начебто неоднакові млинці з дрібною чи великою гречки. Видно, виступитися перед начальством хоче і дурно пусто гробить наші трудодні. **Теж мені агроном знайшовся.** Тільки портфеля не носить (Михайло Стельмах). Ср. субстантивні пропозиції: **Теж мені друг! Теж мені агроном!**

2. Дієслівна модель *Теж мені $V_f(N_4)$* в зібраному фактичному матеріалі реалізує два значення:

а) оцінки діяння як нестоячого: *А що ж він такого сказав? Теж мені антилігенцію корчите,* наче не знаємо, з чого ти жила і чим живе (Михайло Стельмах);

б) заперечення ситуації в цілому:

— Так що є надія свої латки по-людськи зорати?

— **Теж мені надію знайшов,** — примружився Іван Тимофійович. — *То дрібненька надія,* — згадав слова Свирида Яковлевича (Михайло Стельмах).

3. Ад'єктивні пропозиції, побудовані за моделлю *Теж мені $Adj_1 Cop_f$* , передають значення заперечення – відсутності якості у особи/предмета: *«Це — зайти якісь! Це — не наші! — обступили й скубли полонених жінки в халатах. — Чого ви приперлися? Це хіба ваш гуртожиток? Заберіть їх! Дайте їм чортів! У-у, жлоби вонючі!»*

«Теж мені, городські! – образився сержант міліції. – Повлаштувалися тут комендантшами, а самі ж дуньки дуньками!» (Володимир Діброва).

4. Наименее продуктивной оказалась наречная модель *Теж мені Adv_{pr} Corp_f*, с помощью которой говорящий выражает отрицательную оценку ситуации в целом, при этом позиция *Adv_{pr}* заполнена лексемой с положительным аксиологическим значением: *Що-що, нормальна тепла зима. Хто сказав, що обов'язково має бути сніг і холод? Просто всі так звикли. А що хорошого в тих морозах і снігах? Теж мені красиво. Хочеш такої краси, ну то білети в Мурманськ і Архангельськ ще ніхто не відмінював. А особисто я якось би волів обійтися без тої білої гидоти* (Форум файного міста, 21.12.2009: <http://www.forum.krapka.te.ua/showthread.php?t=72258&page=9>).

Таким образом, представленные модели фразеологизованных предложений являются эффективным средством передачи отношения говорящего к реалии/ситуации, реализуют в речи отрицательные и оценочные значения. Рассмотренные модели имеют ироничную окраску.

Литература

- Величко А.В.* Синтаксическая фразеология для русских и иностранцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 96 с.
- Всеволодова М.В., Лим Су Ён.* Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: На материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 164 с.
- Личук М.І., Шинкарук В.Д.* Ступені фразеологізації речень. – Чернівці: Рута, 2001. – 136 с.
- Русская грамматика: В 2-х т. – Т. 2.* Синтаксис / Под. ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

Я.Ю. Скалкина (Москва)

Компьютерные жаргонизмы в болгарском и польском языках

Общественные, научные и технологические изменения, происходящие в последние двадцать лет, безусловно, отражаются на польском и болгарском языках, особенно на лексическом уровне. Интенсивное развитие компьютерных технологий приводит к формированию группы неологизмов, которые послужат предметом нашего исследования. Средством коммуникации и, в какой-то степени по этой причине, источником заимствования новых слов служит английский язык; он, как и информационные технологии, имеет высокий статус в обществе, что делает исследование компьютерной лексики особенно актуальным. В качестве материала для исследования мы использовали статьи и дискуссии,

размещенные на специализированных форумах и сайтах, профессиональные журналы, словари неологизмов.

Польская исследовательница Тереса Смулкова отмечает, что даже в ненаучных текстах, прежде всего в средствах массовой информации, резко возросло количество терминов и слов, произведенных от них, что, по ее мнению, объясняется двумя факторами: невероятно ускорившимся развитием науки и высокой степенью заинтересованности носителей языка в результатах этого развития [Smólkowa 2001]. Таким образом, в современных польском и болгарском языках реализуется тенденция интеллектуализации, которая действует неразрывно с демократизацией: множество компьютерных терминов уже стали частью языка повседневного общения, причем от них образуются жаргонизмы. Вслед за болгарской исследовательницей Л. Кировой мы выделяем три группы компьютерной лексики: нейтральные термины, профессионализмы и профессиональный жаргон [Кирова 2004]. В основе этого разделения лежат четыре оппозиции: официальное/неофициальное общение, общение между специалистами/неспециалистами, устная/письменная речь, коммуникация с информативной/аффективной функцией). Для образования нейтральных терминов обычно заимствуются готовые знаки из английского языка, с течением времени они адаптируются как графически, так и морфологически. Следует отметить, что в условиях, когда коммуникация осуществляется в максимально сжатые сроки, диакритические знаки, присущие польскому алфавиту, могут опускаться, например: «*Witam, czym masowo konwertnac duza ilosc plikow...*» Для профессионализмов главным требованием является «требование максимальной информативности в минимальной форме» [Кирова 2004], поэтому появляется «интернациональный субстандарт» [Кирова 2004]: *Java, jpeg*. Словарь продолжает увеличиваться, заполняются не только пустые позиции, возрастает количество вариантов, которые, кроме основной своей функции, выполняют также функцию идентификации группы специалистов: например, термины (болг.) *програмна грешка/софтуерен дефект* и (пол.) *blad oprogramowania* в общении профессионалов обычно заменяются не понятными неспециалистам профессионализмами, то есть краткими и однозначными англицизмами (болг.) *бъг* и (пол.) *bug*, или кальками-жаргонизмами (болг.) *буболечка* и (пол.) *pluskwa*. От профессионализмов образуются также жаргонные (болг.) *дебъгвам, дебъгване* и (пол.) *debugowanie, debugować, debugnąć*. Единицы, которые осознаются неспециалистами как жаргонизмы, в коммуникации профессионалов могут восприниматься как термины, это естественный процесс движения единиц по шкале стилистической маркированности, и, конечно, как профессионализмы, так и профессиональные жаргонизмы проникают в повседневный язык общения молодежи через рекламу и сред-

ства массовой информации особенно быстро и интенсивно в условиях постоянного увеличения количества пользователей и возрастания уровня их компетенции.

Жаргонизмы отличаются от нейтральных терминов и профессионализмов прежде всего экспрессивной функцией номинации. [Кирова 2001]. В отличие от профессионализмов, которые часто или употребляются в исходной форме (*upgrade, convert*), или транскрибируются (*ънгрейд, конверт*), жаргонные глаголы оформляются с помощью болгарских суффиксов и осваиваются грамматически (*ънгрейдвам/ънгрейдна, конвертвам/конвертна*). В польском языке слова, заимствованные из других языков с письменностью на базе латинского алфавита, часто сохраняют исходное написание и читаются по правилам языка, откуда они были заимствованы. Профессионализмы записываются строго, как в английском оригинале, причем иногда к ним после знака «'» могут добавляться нужные суффиксы и флексии, например, *upgrade'ować-upgrade'uje-upgrade'ujesz, convert'ować, backup'ować, upload'ować*. Только в высокой степени «стабилизированные» [Smólkowa 2001], или ассимилированные, единицы приобретают написание в соответствии с правилами польской орфографии. При передаче на письме жаргонизмов всегда допустимы варианты, поскольку речь идет не о письменной речи в полном смысле этого слова: форумы, где можно встретить жаргонизмы, скорее, представляют собой запись устной речи: например, *apgrejdować/apgrejdnać, backupować/backupnać, lajkować/lajknąć/zalajkować*; английская буква «v», которая не встречается в исконно польских словах, может передаваться и с помощью «v», и с помощью буквы «w»: *convertować* или *conwertować/conwertnać*, кроме того, на месте английского «с» часто встречается «k»: *konwertować, backupować*. Как видно из примеров, для польских жаргонных глаголов, так же как и для болгарских, характерно образование видовой пары, тогда как в случае с нейтральными терминами и профессионализмами чаще употребляется двувидовой глагол. В болгарском языке они оформляются с помощью нейтрального, но весьма продуктивного, хотя и осознающегося новым, «более европейским», суффикса *-ира-* (*конвертирам*), а жаргонизмы при этом образуются с помощью славянских суффиксов *-ва/-н-* (*конвертвам/конвертна, лайквам/лайкна*). Слова, которые мы относим к профессиональному жаргону, как было указано ранее, зачастую образуются или от нейтральных терминов, или от профессионализмов. Например, *ъндейт* – профессионализм, от которого в болгарском языке образован глагол *ъндейтвам*, получивший видовую пару *ъндейтвам/ъндейтна*, что, на наш взгляд, свидетельствует о его употребительности и высокой степени освоения болгарским языком. Глаголы (болг.) *поствам* и (пол.) *postować*, вероятно, в силу широкого распространения

получили видовые пары и образуют словообразовательные гнезда: *пост, репост, постинг, постна* и *postować-repostować-popostować*. В обоих языках слова из жаргонной лексики вошли в неофициальную устную и письменную речь неспециалистов. Жаргонизмы имеют «яркую образность, нередко каламбурный, игровой характер», что «обеспечивает разнообразие экспрессивных средств выражения в компьютерном дискурсе» [Благоева 2005].

Большое количество неологизмов, относящихся к компьютерной терминологии, не только активно употребляются в средствах массовой информации и повседневном общении, но и нередко становятся основой для образования в языке новых, часто просторечных, производных слов, что свидетельствует о возможностях обоих языков осваивать чужеродные элементы и о действии двух взаимосвязанных тенденций: интеллектуализации и демократизации.

Л и т е р а т у р а

- Д. Благоева.* Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков // Электронный журнал Liternet. 2005. № 1 (62). http://liternet.bg/publish13/d_blagoeva/sinonimija.htm
- Л. Кирова.* Компьютерната лексика – актуални процеси и тенденции // Электронный журнал Liternet. 2004. № 5 (54). <http://liternet.bg/publish3/lkirova/lex-procesi.htm>
- Л. Кирова.* Сленг = жаргон? // Электронный журнал Liternet. 2001. № 11 (24). <http://liternet.bg/publish3/lkirova/slang.htm>
- Т. Смолкова.* Teresa Smółkowa. Neologizmy we współczesnej leksyce polskiej. Краков, 2001. Речник на новите думи в българския език. София, 2010.

Е.Р. Сквайрс, Т.Ю. Тимошко (Москва)

Немецкие партнеры древнерусских городов: языковой аспект

Изучение языкового аспекта торгово-дипломатических связей древне-русских городов с немецкими партнерами возможно с XIII в. - времени первых письменных текстов обеих сторон контакта. Наиболее ранними участниками русско-немецкой письменной коммуникации были северные и западные княжества. Новгород, Псков, Смоленск, Полоцк поддерживали активные связи с городами Ганзы (Любеком, Ревелем, Дерптом, Висби, Ригой), и с Ливонским орденом. В ходе русско-немецкой переписки возникло большое количество текстов различных жанров официально-делового стиля, в том числе договоры, письма, отчеты о посольствах, инструкции послам и др. [Squires 2009: 54-72].

Коммуникативная ситуация и социально-культурные факторы, влиявшие на характер контактов, обладают в случае каждого из перечисленных русских городов рядом специфических особенностей. Сопоставление процесса и результатов контакта в отдельных городах под-

тверждает зависимость характера и направления интерференции от социолингвистических условий в каждом из регионов. Тексты немецкой стороны составлены на нижне- и верхненемецком, а также на латинском и древнерусском языках. Особый интерес представляют переводы документов партнерской стороны; они составляют корпус немецко-русских параллельных текстов, позволяющий выявлять факты интерференции и устанавливать ее направление [Squires 2009: 60-62, Тимошко 2011].

Анализ новгородско-ганзейской переписки показал влияние древнерусского формуляра грамоты на нижненемецкий, которое могло привести к заимствованию русских формул в нижненемецкий язык (например, формула *крестоцелования* – в ннем. *dat cruce kussen*; также формула зачина *...се приеха Иванъ...из Любка посольствомъ...* – в ннем. *Hir sint boden gekommmen*). Русское влияние в формуляре и структуре немецких текстов объясняется направлением перевода: с древнерусского на нижненемецкий, так как в силу условий контакта в Новгороде немецкая сторона обеспечивала преодоление языкового барьера [Squires 2009: 39-52]. Напротив, в Полоцке и Витебске, располагавших латинскими писцами, формулы заимствуются из немецкого и латинского в русский [Тимошко 2011]; канцелярии владеют формулами параллельно на двух или трех языках в результате синтеза западной и русской письменных традиций.

Помимо формул, различия в составе и направлении интерференции обнаруживает лексика. Состав правовых терминов и обозначений институтов и должностных лиц различаются в отдельных городах в соответствии с социо-лингвистическими условиями. Административный орган, в Новгороде обозначаемый русским *вече* и ннем. *rad*, называется в Пскове древнерусским *госпóда*, калькой ннем. *rad*. Тожество обозначаемых ими реалий, выявленное историками [Лукин 2012: 26-27; Зимин 1953: 289], подтверждается сходством их синтаксического употребления: ср. рус. *на суд пред господою* в Псковской судной грамоте, как в ннем. *vor uns [urpe dat] radhus*.

Более глубокое системное взаимодействие проявляется в интерференции на синтаксическом уровне в переносе валентности русских глаголов в немецкие конструкции перевода: ср. *крест целовали всем новгородцам* (+ дат. пад.) *за немецких купцов* (за+ вин.п.) = *dat cruce ghe kuset den menen now(gar)ders* (Dat.) *vor den ouerzeischen . vn(nd) de dudeschen kopman* (vor + Akk.).

Новые данные позволяют предположить контактное влияние даже в группе главных членов предложения, причем в направлении от немецкого к русскому, как показано в работах А.А. Кибрика о распространении субъектных местоимений в русском языке [Kibrik 2012]. Имея в

виду эпоху контактов с немцами, он допускает развитие этого явления под германским влиянием, минуя западнославянские языки. В пользу западного влияния говорят и данные диахронии [Сидорова 2013]: в эволюции субъектной референции выявлено опережение западных регионов (Псков, затем Полоцк и Новгород; Москва же значительно отстает).

В этой связи особый интерес представляет данные сопоставительного изучения синтаксиса на материале параллельных русских и немецких текстов из различных контактных регионов. Так, в текстах древнерусских договоров высока доля односоставно оформленных предложений, которые при переводе переформулируются в соответствии с немецким синтаксисом: переводчики-немцы используют личные формы глагола, согласованные с субъектом. В роли трансформированных эквивалентов выступают конструкции с модальными глаголами, ср. *гости ехати ...на Божию ручь и на княже* и в нижненемецком переводе (*dat*) *de coplude kamen mogen..up de koninges hand*. При этом происходит утрата глаголами их модального значения и грамматикализация конструкций. В итоге наблюдается необычно высокая частотность модальных глаголов в переводных текстах по сравнению с обычным немецким узусом. Исследование связи между ростом частотности глаголов с модальной или иной категориальной семантикой и переводным характером источников важно как для интерпретации контактных явлений, так и в целом для правильного понимания грамматических процессов в системе немецкого языка.

Л и т е р а т у р а

- Зимин А.А. (сост.). Памятники русского права. Вып. II. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. М., 1953.
- Лукин П.В. Существовал ли в средневековом Новгороде «совет господ»? // Древняя Русь, 2012. С. 15-27.
- Сидорова Е. В. Эволюция субъектной референции в русском языке (на основе памятников XI-XVII вв.). (На правах рукописи.) Москва, МГУ, 2013.
- Тимошко Т.Ю. Исследование формуляра русско-немецкой дипломатической переписки XVв. на материале договорных грамот между Полоцком и Ригой // Материалы XVIII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов», 2011 (http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/structure_28_1305.htm)
- Kibrik A.A. Origins of the Russian referential system: Alternative scenarios. SLE Stockholm 2012.
- Squires, C. Die Hanse in Novgorod: Sprachkontakte des Mittelniederdeutschen mit dem Russischen, mit einer Vergleichsstudie über die Hanse in England. Köln, Wien 2009. – 278 S.

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург)

Актуальные процессы в современных славянских диалектах Албании

В докладе сообщаются краткие сведения о балканской экспедиции РАН и СПбГУ в район Голо Бордо в Албании. Дается краткая характеристика социолингвистической ситуации в районе Голо Бордо.

Подвергаются анализу актуальные процессы в фонетике и фонологии, морфологии, синтаксисе и лексике македонского говора района Голо Бордо.

Устанавливаются и противопоставляются друг другу сегменты структуры говора, в которых появляются обусловленные контактом с албанским языком инновации, и сегменты, в которых устойчиво сохраняются славянские архаизмы.

Делаются заключения о перспективах развития говора в иноязычном окружении.

Литература

Голо Бордо (Gollobordë), Албания. Из материалов балканской экспедиции РАН 2008-2010 гг. 2013 / Под ред. А.Н. Соболева и А. А. Новика. – СПб.: Наука; Verlag Otto Sagner München, 2013.

Г.И. Соболевская (Житомир)

Образ Киева в мемуаристических повестях Н.С. Лескова 1870–1880-х годов

Творчество Н. С. Лескова во многом связано с разработкой украинской темы в русской литературе. В этом плане он продолжает традиции Н. В. Гоголя, предшествует В. Г. Короленко и раннему Максиму Горькому. В «Печерских антиках» автор заявляет, что напрасно его в литературе считают «орловцем». В Орле он только родился и провел свои детские годы, а восемнадцатилетним юношей переехал в Киев, который стал для него на целое десятилетие жизненной школой и «настоящей духовной родиной» [Эйхенбаум 1968: 245].

Живя в Киеве, будущий русский прозаик хорошо усвоил украинский и польский языки, что во многом определило особенности его писательской речевой манеры. Украинская тема окажется одной из доминантных в творчестве Н. С. Лескова двух последних десятилетий творчества. А одним из главных героев в «украинских» произведениях писателя становится Киев.

Город выступает как один из главных персонажей в мемуаристических повестях «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1875) и «Печерские антики (Отрывки из юношеских воспоминаний)» (1883). Добавляя к названиям повестей подзаголовки – «из воспоминаний», автор подчеркивает свой излюбленный художественный принцип мемуаристичности, «в смысле передачи личных впечатлений из прошлого при искусном сочетании правды с вымыслом» [Гроссман 1945: 126]. Действие в обеих повестях происходит в дореформенном Киеве, в 40 – 50-е годы XIX века. Хронотоп двух лесковских произведений уникален для русской литературы XIX столетия, тяготеющей к художественному пространству Петербурга или Москвы, дворянской усадьбы или условных губернских и уездных городов.

Киев – особый город для Н. С. Лескова. О нем писатель вспоминает в сложные, кризисные моменты своей житейской и творческой судьбы, ибо Киев играет исключительную роль в процессе самоопределения и самосознания писателя. Именно такой – духовный, святой – образ города создан автором в повести «Детские годы»: «При первом же взгляде на Киев становится понятно, почему святые отшельники нашей земли выбирали именно это место для перехода с него в высшие обители. Киево-Печерская вершина – это русская ступень на небо. Здесь, у подножия этих гор, изрытых древнерусскими христианскими подвижниками, всякий человек, как у подножия Сиона, становится хоть на минуту верующим; необходимость смотреть вдаль и ввысь на эти красоты, что уносятся под небо, пробуждает душу» [Лесков 1957: 333]. Киев для Н. С. Лескова – святое место на земле, как библейская гора Сион, где бог впервые явился человеку. Этот город дорог писателю, ибо он учит человека смотреть вдаль, ввысь, и в глубину столетий. Безусловно, образ Киева, созданный русским писателем, тесно связан с лесковским нравственно-этическим идеалом христианской окраски.

Приобщение к киевской культуре оказало огромное влияние и на формирование лесковской эстетики. Пребывая в Киеве, будущий писатель непосредственно наблюдал восстановление Софийского собора, он увлекся искусством реставрации фресок XI столетия. Думается, прав Л. П. Гроссман, утверждая: «Мозаики и фрески древней Софии оказали влияние на словесную живопись Лескова, на его стилистику» [Гроссман 1945: 207]. Киевская архитектура, стенопись, иконопись стали подлинной художественной школой для писателя. Здесь формируется его страстное увлечение изобразительным искусством, отразившееся, в частности, в «искусствоведческих» пассажах повести «Детские годы».

В хронотопе Киева Н. С. Лескова волнуют не только «высь и даль», но и особое ощущение времени, его глубины, его движения. Город пробуждает человека помнить историю в повседневной, бытовой, частной

жизни. В непосредственной народной памяти живут предания о киевских чудаках-оригиналах, «антиках». «Печерские антики» писались Н. С. Лесковым специально для журнала «Киевская старина». В произведении подробно описана одна часть города – Печерск, который особенно привлекал писателя древностью и связью своего названия со знаменитыми лаврскими пещерами. Древняя и святая земля и порождает «антиков» – «маленьких праведников». В произведении автор противопоставляет образ современного города – «банкового» периода и поэтический образ дореформенного патриархального Киева. Для усиления местного киевского колорита Н. С. Лесков широко использует украинскую лексику, народную фразеологию, сказовую манеру повествования.

Таким образом, с концептом Киева в творчестве Н. С. Лескова связано воплощение авторского гуманистического идеала христианского типа, идеала праведничества и патриархальной народной жизни. Также образ Киева, созданный русским писателем, принципиально важен для понимания лесковской эстетики, его неповторимого нарративного и языкового мастерства.

Л и т е р а т у р а

- Гроссман Л. Н. С. Лесков. Жизнь – Творчество – Поэтика. – М. : ОГИЗ, 1945. – 319 с.
- Лесков Н. С. Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева) // Лесков Н. С. Собр. соч. : В 11 т. – Т. 5. – М. : Художественная литература, 1957. – С. 279–450.
- Эйхенбаум Б. М. «Чрезмерный» писатель // Б. М. Эйхенбаум. О прозе. О поэзии. – Л. : Художественная литература, 1968. – С. 237–253.

Н.Н. Старикова (Москва)

«Женское лицо» современной словенской прозы

«Почему возникновение женской прозы... противоречит концу литературы? Потому что женщина никогда не идет на нежилое место. В женской генетической программе не заложено быть расходным материалом эволюции. В экстремальной ситуации, когда мужчина обязан погибнуть, женщина обязана выжить». (О. Славникова)

«Женское лицо» современной словенской прозы обусловлено объективными факторами: число произведений, где автор – женщина, центральная героиня – женщина, проблематика так или иначе связана с женской судьбой и оптика тоже женская – за последние пару десятилетий резко возросло. Этому предшествовало формирование и развитие феномена женского творчества как социокультурного явления, возникшего в процессе освоения женщинами публичного пространства. История зарождения и становления в Словении женской литературы типична

для Европы. Первые литературные опыты словенок относятся к середине XIX в. В поэзии дебютировала Фани Хаусман (1818-1853), в прозе – Луиза Песьяк (1828-1889), одна из зачинательниц национального автобиографического жанра, написавшая воспоминания о Ф. Прешерне, Йосипина Урбанчич-Томан, писавшая под псевдонимом Турноградская (1833-1854), автор первой исторической повести о судьбе Вероники Десеницкой¹⁸, и романистка Павлина Пайк (1854-1901). В последнюю четверть XIX в. в словенской беллетристике складывается популярная в Европе благодаря произведениям Е. Марлитт (1825-1887) модель романа, в центре которой – любовный конфликт главной героини, т.е. по сути, одна из разновидностей женского любовного романа. Распространение идей феминизма в словенских культурных центрах Австро-Венгрии, учреждение в Триесте первой женской газеты «Словенка» (1897-1902) стимулировали женскую творческую активность. Писательскую деятельность Зофки Кведер (1878-1926), Марицы Бартол-Надлишек (1867-1940), чуть позже Илки Ваште (1891-1967) уже можно назвать профессиональной. В 1950-70-х гг. женщины-авторы составляли приблизительно одну десятую часть словенского писательского корпуса. Одни, помимо беллетристической, делали номенклатурную карьеру – Мира Михелич (1912-1985), участница антифашистского сопротивления, дважды лауреат главной национальной литературной награды, премии Ф. Прешерна, стала первой и пока единственной женщиной, возглавлявшей Общество словенских писателей (1963-66), а затем национальный ПЕН-центр (1966-75). Другие, как, например, поэтесса Светлана Макарович (р.1939), и в титовские времена, и теперь находятся в конфронтации с режимом.

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в литературу вошло более тридцати женщин-авторов, в 2000-е гг. число их увеличилось, так что сейчас доля авторов-женщин составляет почти 40%. Написанные ими произведения пользуются читательским спросом, регулярно номинируются на национальные литературные премии и иногда их даже получают. Так, премия «Кресник» за лучший роман года была присуждена в 1996 г. Б. Боету Боета за роман «Птичий дом» и в 2002 г. К. Маринчич за роман «Скрытая гармония». Лауреатами премии С. Енко в области поэзии стали в 1994 С. Макарович (сборник «То время») и в 2005 М. Новак (сборник «Присутствие»), премия С. Грума за лучшее драматургическое произведение года была присуждена в 2007 Д. Поточняк за пьесу «За наших дам» и в 2009 С. Семенич за пьесу «*5fantkov.si*». В 2010

¹⁸ Вероника Десеницкая – вторая жена графа Фредерика Шцельского (1379-1454), была обвинена в колдовстве и, несмотря на оправдательный приговор, впоследствии убита. Национальный архетип, символ женской судьбы.

г. премию Евросоюза в области литературы получила Н. Крамбергер (р. 1983) за роман «Небо в ежевике» (2007).

«Женское лицо» словенской прозы первого десятилетия XXI в., безусловно, определяет роман – с начала 2000-х гг. в среднем публикуется до 120 романов ежегодно, при этом львиную долю авторов составляют женщины. Фактически каждая действующая словенская писательница попробовала себя в роли романистки. При этом созданные некоторыми из них – Бриной Швигель-Мера, Марьетой Новак-Кайзер, Катариной Маринич, Бертой БоетуБоета, Ниной Кокель, Сузаной Тратник, Неделькой Пирьевец – романы интересны не только с точки зрения гендерного измерения и типа письма, но и в жанровом отношении. Появление множества женских имен в литературе привело к активному изучению женской художественной продукции. Определенное воздействие на литературный процесс продолжают оказывать феминистская теория и критика, благодаря которым тексты авторов-женщин (в том числе второстепенных и забытых) становятся предметом изучения, предлагаются новые интерпретации произведений национальной классики, вводятся новые стратегии анализа художественных произведений. Авторы-женщины внедряют в художественную практику гибридные жанровые разновидности – «женскую» антиутопию, семейную хронику с элементами постмодернистского романа, автобиографию, соединенную с семейной сагой. Гендерное «измерение», в которое оказываются вовлечены автор, читатель и критик, способствует обновлению поэтики и стилистики литературного произведения, новым возможностям его прочтения.

Суровцева Е.В. (Москва)

**«Житие» Елеазара Анзерского и «Житие и страдания грешного Софрония» Софрония Врачанского:
Опыт сопоставительного анализа**

Рядом исследователей (Л.Боева; В.Барахов; Н.Донченко; И.Калиганов; М.Смоляникова) указывалось на возможность сопоставления «Жития протопопа Аввакума им самим написанное» протопопа Аввакума (написано около 1672 – 1673 годов), «Жития и страданий грешного Софрония» Софрония Врачанского (написано между 1803 и 1812 годами) и «Жизни и приключений Димитрия Обрадовича, наречённого в монашестве Досифеем, им самим написанное и изданное» Досифея Обрадовича (первая публикация относится 1783 году). Подчёркивалось также (Л.Боева; Д.Лихачёв; К.Мечев) большее сходство «Жития» Аввакума с произведением Софрония, нежели с книгой Обрадовича, наиболее светского и наименее связанного с предшествующей

литературной традицией текста. Нами исследовались также сходство и различие жизнеописания Обрадовича, «Житие» Епифания, соратника Аввакума, написавшего своё произведение примерно в то же самое время, что и Аввакум, около 1675 – 1676 годов и «Жития» Софрония. Следующий этап наших изысканий – сопоставительный анализ «Жития» Софрония и «Жития и подвигов преподобного отца нашего Елеазара, и о зачатии жития его на Анзерском острове, и о устройении скита, и о видениях, и о прочем» Елеазара Анзерского. Этот текст был написан, вероятно, в 1636 – 1638 годах. Значение этого памятника древнерусской словесности заключается, в частности, в том, что он непосредственно предшествует автобиографическим сочинениям протопopa Аввакума и инока Епифания.

Елеазар рассказывает о начале своего пребывания на Анзерском острове, о строительстве деревянной Троицкой церкви в скиту и об искушениях с которыми ему пришлось бороться. По верному замечанию исследователей (О.В.Чумичева, С.К.Севастьянова, В.М.Кольцова), Елеазар стремится донести до других духовный смысл происходивших с ним событий, он не ставил задачу создать литературное произведение.

Софроний, уехав в 1803 году из Болгарии в Бухарест, встретился там с валашским государем Константином Испиланти, многими боярами, митрополитом Досифеем. Константин был тронут рассказом Софрония о своих злоключениях, согласился ходатайствовать о нём перед Синодом об отпускной грамоте для него (ведь Софроний, можно сказать, бросил свой приход). И.Калиганов считает, что именно по просьбе Константина Софроний создал своё житие и, таким образом, это произведение описывает частную жизнь частного лица. Но, думается, это не совсем так – произведение описывает не только частную жизнь, но и жизнь всего болгарского народа, все его горести.

Анализируемые нами произведения обычно рассматривают в контексте формирования автобиографического жанра, однако однозначно определить их жанровую принадлежность довольно сложно, так как они сочетают в себе элементы разных жанров. И в том, и в другом произведении можно выделить следующие пласты: автобиография; исповедь; житие, проповедь (отметим, «Житие» Елеазара – проповедь Православной веры, «Житие» Софрония – проповедь, по мнению К.Мечева, христианской веры и национальной гордости), исповедь (исповедальное начало проявляется более у Елеазара, нежели у Софрония; С.К.Севастьянова полагает, что в тексте Елеазария существуют элементы психологизма и что, в частности, именно эта черта оказали влияние на «Житие» Епифания). Исследователи полагают, что «Житие» Софрония также вполне сопоставимо с плутовским романом (И.Калиганов, Г.Гачев) и с социально-бытовой повестью (Л.Боева).

Е.В.Крушельницкая, доказывая влияние повестей об основании монастырей на автобиографическое повествование Мартирия Зеленецкого, показала, что аналогичное использование этого же жанра происходит и при создании произведения Елеазара.

Отдельного анализа заслуживают житийные традиции в произведениях. Елеазар и Софроний оба употребляют формулы самоуничтожения. Подобными формулами жития и заканчиваются, как это и полагается по законам жанра.

И Елеазар, и Обрадович – оба цитируют Священное Писание и молитвы.

Отметим, что Елеазар в своём сочинении выступает как сторонник истинной Православной веры, носитель уникального духовного опыта. Для Софрония христианство – не только истинная вера, но и вера родного народа, тогда как ислам – религия угнетателей.

Судя по «Житию» Елеазара и «Житию» Софрония их авторы, как житийные герои, не имеют никакого имущества и не стремятся к нему.

Рассуждая о языке «Жития» Елеазара, исследователи (О.В.Чумичева, С.К.Севастьянова, В.М.Кольцова) заключают, что в языке этого произведения книжные формы совмещаются с конструкциями и оборотами живой речи, и выдвигают предположение, что Елеазар плохо, во-первых, владел книжным церковнославянским языком и, во-вторых, не ставил задачу создать литературное произведение. Один из первых исследователей елеазаровского «Жития» И.Яхонтов писал, что оно имеет форму письма или записки на память и изложено языком простым и близким к разговорной речи.

Совершенно иной подход к языку мы видим в произведении Софрония. В своём «Житии» он напрямую говорит о том, что цель его труда – писать книги на родном болгарском языке. А.Н.Робинсон и Н.М.Дылевский анализируют язык Софрония с точки зрения лексики и грамматики и приходят к выводу, что автор писал своё житие на истинно народном языке.

Характерная черта произведения Софрония – «многолюдность» (выражение Л.Боевой). На его страницах мелькает множество народу, бурлит жизнь. На страницах «Жития» Елеазара упоминается гораздо меньше людей, современников автора, что можно объяснить как исповедальным, мистическим характером текста, так и иными хронологическими рамками повествования.

«Житие» Софрония написано «сплошным» текстом, не разбитым на какие-либо части. «Житие» Елеазара также написано «сплошным» текстом, однако на основе содержательного анализа произведение можно подразделить на две части: первую часть составляют рассказы о начале

скита на Анзерском острове, главной темой второй части является духовный опыт, приобретённый Елеазаром за время пустынножительства.

Авторы произведений широко используют диалоги.

Особый вопрос, возникающий при сопоставительном анализе произведений, – о возможности влияния «Жития» Елеазара на «Житие» Софрония. Отметим, что в научной литературе уже ставился вопрос об источниках текста Софрония и, в частности, о влиянии на болгарского писателя «Жития» Аввакума. Ряд исследователей полагает, что основные литературные источники произведения Софрония – русские (Б.Ангелов; Д.Петканова-Потева; Ив.Снегаров). Кроме того, учёные не просто отмечают большую близость сочинений «огнепального протопопа» и Софрония (Л.Боева), но и говорят о сильном влиянии Аввакума на Софрония (К.Мечев; Д.Лихачёв). Однозначно утверждать, что «Житие» Елеазара оказало влияние на «Житие» Софрония, мы пока не берёмся, однако с уверенностью можно отметить не только их типологическое сходство.

Теперь сформулируем предварительные выводы нашего исследования. «Житие» Елеазара и «Житие» Софрония Врачанского созданы на стыке старой, религиозной, и новой, светской, литератур. Оба автора использовали достижения житийной литературы и в то же время явились одними из родоначальников новой автобиографической литературы. Кроме того, на жанровом уровне все произведения включают в себя элементы проповеди. Русский и болгарский авторы без утайки рассказывают о своих переживаниях и колебаниях; используют сходные изобразительные средства. Отличают Елеазара и Софрония языковые особенности и подход к языку.

Л.В. Табаченко (Ростов-на-Дону)

Причины исчезновения позиционных глаголов с пространственными приставками в истории русского языка

Статальные позиционные глаголы с пространственными приставками исчезают потому, что приставки, кроме пространственных характеристик, развивают значение предельности, что приводит в противоречие со статальностью позиционных основ. Происходит разрушение этих словообразовательных типов, по-видимому, еще в праславянский период, однако памятники письменности, характеризующиеся традиционностью языка, еще сохраняли их явные следы в виде единичных употреблений приставочных позиционных глаголов в прямых пространственных значениях (*князи обсъдяще его; гора надълежащи надъ манастиръмь; Улучи Тиверьци... присъдяху къ Дунаеви* и др.), в большей

степени – в производных значениях, когда форма имени, как правило, приобретала абстрактно-объектный характер: *обстояти, обсьдѣти, облежати* (кого, что) ‘располагаться вокруг кого-, чего-л.’ → ‘окружать’, *застояти* (кого, что) ‘стоять перед объектом со стороны наблюдателя’ → ‘закрывать, заслонять’ и др. В современном русском языке остались единичные позиционные глаголы с пространственными приставками. Одни из них не развили значения предельности, результативности и совершенного вида: *отстоять* (от чего-л.), *надлежать, подлежать, предстоять, возлежать*; другие стали глаголами совершенного вида: *насидеть* (яйцо), *настоять* (на чем-л.), *подсидеть* (кого-л.). От некоторых глаголов остались только их дериваты: *достойный, достояние, залежь, застой, настоящий, настоятель, обстоятельный, председатель, прилежный, пристойный, расстояние* и др. (подробней см. [Табаченко 2010]).

Развитие внутриглагольной префиксации проходило в условиях формирования свободных синтаксем – предложно-падежных форм существительного, семантически не зависящих от глагола и реализующих свою семантику вне глагольной конструкции. Таким образом, приставочное глагольное словообразование непосредственным образом связано с перестройкой глагольно-именных синтагм и развитием семантизации синтаксических отношений. Утрата статальными глаголами пространственных приставок проходила после вытеснения зависимых беспредложных форм связанного типа предложными – свободными синтаксемами, что создало условия для переноса пространственной маркированности с глагола на форму имени существительного и развития у приставок значений, не связанных с пространственными.

Более древними были конструкции с пространственными приставочными позиционными глаголами, включающие беспредложные формы имени существительного, которые были структурно и семантически несамостоятельными (связанными синтаксемами): форма *городъ* в конструкциях *обстояти, обсьдѣти, облежати городъ*; форма *прѣстолу* в конструкциях *прѣдстояти, пристояти прѣстолу*. Они вне сочетания с глаголами не несли информации о пространственном расположении, как и беспредложные формы при глаголах движения (*отити города, дойти города, вѣнйти городъ, прити городу*), вне конструкций с глаголами не имели самостоятельного пространственного значения, в отличие от свободных, семантически самостоятельных, обладающих синтаксической семантикой и вне глагольной конструкции: *вокруг города, перед престолом, у престола, от города, до города, в город, к городу*.

Данный тип конструкций, в которых зависимые формы имени существительного с потенциальным значением обстоятельства места реализуют это значение только в сочетании с глаголами и только за счет того,

что в самих глаголах содержатся пространственные уточнители, явился непродуктивным для славянских языков, в частности для русского. В конструкциях с позиционными глаголами приставочные образования заменяются бесприставочными, а беспредложные формы имени существительного – предложными: *стоять вокруг города, рядом с престолом, перед Богом*.

В качестве переходного этапа отмечены контаминированные конструкции, включающие приставочные позиционные глаголы и предложно-падежные формы имени существительного, напр.: *прѣдстояти прѣдъ бѣмъ, при вратѣхъ пристѣдѣти, обстояти около города, окрѣсть прѣстола, облежати около земли*. Дублирование приставки и предлога (так же как и совпадение значений приставки и основы) приводило к десемантизации префикса, его значение совпадало с семантикой бесприставочного глагола, и он употреблялся и с синтаксемами-локативами, не дублирующими значение приставки. В конструкциях с глаголами движения пространственно-предельная приставка сохранилась, так как могла сочетаться с этими основами (*дойти, отйти города – дойти до города, отйти от города*).

Таким образом, несовместимость локально-предельного значения приставки и статальности основы – одна из причин исчезновения пространственных приставочных позиционных глаголов, но не единственная. Наблюдения над структурно-семантическими изменениями в описанных конструкциях подтверждают вывод Г.А. Золотовой о том, что позиция свободных синтаксических форм является более активной по сравнению с позицией связанных синтаксических форм [Золотова 1973: 115]. Эта тенденция к семантизации синтаксических отношений между глаголом и формой имени существительного проявилась прежде всего в увеличении структурно-семантической самостоятельности форм имени существительного с обстоятельственными значениями. Появление предлогов прояснило, уточнило уже довольно размытые древние значения падежей, сделало формы более семантически самостоятельными, не зависимыми от глагола. Семантика свободных синтаксем заключена в них самих, она не определяется синтаксическим окружением, поэтому определение падежных форм не свидетельствует о нарастании аналитизма в русском языке.

Л и т е р а т у р а

- Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
- Табаченко Л.В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология, 2010. № 1. – С. 7–31.

Временно–причинная полисемантичность союзов *пошто*, *кад*, *чим* и *док* в современном сербском языке

В современном сербском языке союзы *пошто*, *кад*, *чим* и *док* считаются союзами, характерными для временных предложений. Всё же в болоших грамматиках они приводятся и при рассмотрении причинных предложений (напр. Стеванович 1991: 892–897). Исходя из их употребления в современном сербском языке некоторые синтаксисты считают, что они в настоящее время явняются полисемантичными союзами (Ковачевич 1998: 126). Все приведенные союзы в настоящее время неодинаково представлены в сербском языке. Самым распространенным является союз *пошто*, так как он встречается в различных типах предложениях для выражения различных типов причин (см. Ковачевич 1998), несмотря на то что только ему оstarивался нормативный статус причинного союза (см. Танасич 2013). Что касается остальных союзов, чаще всего встречается союз *кад*, так как и с помощью этого союза можно выразить несколько типов причин, а для союзов *чим* и *док* в настоящее время характерна минимальная частотность. Однако, и последние два союза могут выявить и причинное значение, отмеченное в произведениях значительных сербских писателей второй половины двадцатого века; поэтому и им следует признать статус причинных союзов в современном сербском языке.

В сербской лингвистической литературе недостаточно изучен вопрос о том, как устанавливается разница между временными и причинными предложениями, в которых представлены данные союзы. В настоящей работе речь идет как раз о том, как выражается временное или причинное значение в зависимых предложениях с помощью данных союзов в современном сербском языке, то есть имеются ли определенные синтаксические средства, обеспечивающие то или другое значение предложения, или их полисемантичность сопровождается омонимичностью предложения.

Как мы уже сказали, союз *пошто* является самым распространенным по отношению к другим здесь названным союзам с причинным значением – в различных стилях сербского языка. Чаще всего выявляются синтаксические различия между временными и причинными предложениями, в которых имеется данный союз. В временных предложениях союз *пошто* обозначает последовательность действий между главной и придаточной клаузой, при чем подразумевается, что глагол зависимой клаузы характеризуется перфективным видом. При этом действие главной и зависимой клаузы, как правило, принадлежат к одному и тому

же временному плану. Так как данный союз обладает значением последовательности на уровне современности в временных предложениях выражаются только неререференциальные действия (*Пошто се сабере* летина и снопле жита *поређа* на гувну, на врх наклађаја се стави посуда с водом... – Радослав Батрич). В причинном предложении с данным союзом употребляются и совершенные и несовершенные глаголы; на уровне современности выражаются как референциальные, так и неререференциальные действия в форме настоящего времени имперфективных и перфективных глаголов. Кроме того, на уровне будущего заметна разница в выборе глагольных форм. В временном предложении в зависимой клаузе обязательно употребление форм будущего второго или перфективного презенса в качестве его эквивалента, а в причинном же предложении в той же позиции встречается форма будущего первого или имперфективного презенса в качестве его эквивалента (И тако *ће*, чини ми се, *звучати* још дуго *пошто* будем *изашао* – Борислав Пекић; Помислио сам, *прибележићу* само, *пошто* *ћу* вероватно *заборавити* – Данило Филиповић). Действия главной и причинной клаузы не должны принадлежать к одному и тому же временному плану. Таким образом, например, согласно актуальному действию/ ситуации в зависимой клаузе, в главной клаузе может быть футурумское или претеритеральное действие (*Пошто је* љубав *тако бедна*, она *ће* *живети* без љубави уз овог сухог, жутог човека – Милош Црњанский; *Пошто не могу* накнадно да уведу ограничење, онда *су решили* да уведе таксе... – Недељне информативне новине).

Когда речь идет о предложениях с союзом *кад*, ситуация меняется. С помощью этого союза образуются временные предложения со значением последовательности, а также предложения с значением одновременности – это в первую очередь зависит от видового аспекта глаголов в предикатах. На уровне современности временные предложения с этим союзом выражают только неререференциальные действия (*У ледни дан, зимски, кад се мрзне* и *ријеч пуштена с језика, нико не излази* преко прага – Миро Вуксанович), однако, когда данный союз имеет причинное значение, тогда можно выражать и референциальные действия (*Охо, кад већ он тако каже, онда крупни млини мелу* – Бранко Чопич). Как правило, данные предложения реализуются при такой комбинации глагольных форм в предикатах главной и зависимой клаузы, в каких они не реализуются в временном предложении; это значит, что действия/ ситуации, выражаемые предикатами, не принадлежат к одной временной сфере: *Па добро, што си затезао* кад сви *имате* исправе (Бранко Чопич); *Куку мени, кад си ти већ први дан* тако нешто у школи *научио*, шта ли *ће* тек *бити* кад завршиш читав разред? (Бранко Чопич); *Па кад ћеш дозволити*, зашто га

онда сад *бијеш?* (Бранко Чопич). Следовательно, часто встречаются причинные предложения с союзом *кад* при предикатах в зависимой и главной клаузе, не принадлежащих к одному и тому же временному плану. Таких предложений с данным союзом нет среди временных. Кроме того, часто встречаются причинные предложения с вопросительной главной клаузой, однако часто действия, выраженные предикатами, не принадлежат к одному и тому же временному плану. Можно сказать, что в таких случаях на практике не появляется проблема омонимии. Есть во второй группе и такие случаи, когда предикатами выражаются действия, принадлежащие к одному и тому же временному плану; в таких случаях может появиться омонимия (Зашто возиш кад пијеш?).

В настоящее время редко встречаются союзы *чим* и *дѣк* в временном значении (*Чим* багрем овако *мирише*, *биће* кише – Добрица Чосич; Док Николетина овако *псује* и *режи*, *у питању је* нека врло озбиљна ствар, Бранко Чопич). Оснований для их исключения из граматик нет, так как они всё же характерны и для современного сербского языка, в частности для разговорного и литературно-художественного функционального стиля. При описывании проблем их полисемантической следует исходить из факта, что они, в функции временных союзов, имеют значение последовательности, подразумевающее, также как в союзе *пошто*, наличие соответствующего выбора вида и глагольных форм, чего нет, когда у них причинное значение.

Литература

- Ковачевић М.* Везници узрочне (каузалне) зависне реченице // *Ковачевић М.* Синтакса сложене реченице у српском језику. Београд 1998. – С. 123–133.
Стевановић М. Савремени српскохрватски језик 2. – Синтакса. – Београд 1991.
Танасић С. Временско и узрочно значење везника *пошто* у савременом српском језику // Јужнословенски филолог 69, 2013.

Е.Ю. Терентьева (Москва)

Лексема «друг» в русском и болгарском языках

Судьба имени существительного *друг* с тем значением, которое представлено в современном русском языке и которое было одним из значений данного существительного в языке первых славянских памятников письменности, в составе славянской языковой группы складывалась по-разному.

В современном болгарском литературном языке существительное *друг* с тем значением, которое данное слово имело в старославянских текстах (*другъ* – друг, товарищ, сотоварищ), в настоящее время отсут-

ствуется. Словари болгарского языка демонстрируют исключительно местоимение *друг* со значением, соответствующим семантике русского определительного местоимения *другой*.

В нашей статье мы даем характеристику развития общеславянской лексики *друг* в русском и болгарском языках, используя в качестве вспомогательного материала однокоренные слова из старославянских памятников, древнерусского и древнеболгарского языков, диалектов и разговорной речи современного русского и болгарского языков, а также данные современного литературного русского и болгарского языков.

Р.А. Трифонов (Харьков)

Экспликация штампов и клише в публицистической речи: диапазон прагматических смыслов

Упоминания о штампах и клише, включенные в контекст анализа языковых особенностей публицистического стиля и организации медиатекста, имеют регулярный характер. В основном об этих языковых феноменах говорится в аспектах текстообразования и культуры речи (как о неизбежном «строительном материале» для публицистического высказывания, требующем в то же время особого внимания автора из-за возможного нежелательного стилистического эффекта вплоть до проявления недостаточной языковой компетенции). С одной стороны, штампы и клише характерны для языкового сознания и его речевых проекций из-за автоматизма речи и тенденции к закреплению за объектами и ситуациями стандартных номинативных средств; с другой – в сознании публициста квалифицируемые таким образом языковые единицы содержат своеобразные когнитивные «пометы» и, следовательно, часто находятся в поле активной метаязыковой рефлексии. В современных исследованиях такой рефлексии (И. Вепрева, Н. Голев и его школа и др.) еще не рассмотрены специально те случаи, в которых говорящий эксплицирует употребление *штампа* либо *клише*, то есть прямо обозначает этими металексемами употребляемые в собственной речи средства. Такие ситуации и являются объектом предлагаемого исследования на материале славянских языков. Стоит отметить, что в лингвистике разница в дефинициях слов *штамп* и *клише*, безусловно, существенна, но в анализируемых высказываниях публицистов отражается обыденная метаязыковая концептуализация, поэтому наблюдается смешение понятий, которое дает основания рассматривать высказывания с обоими метаязыковыми операторами как общий массив данных.

В обозначенных случаях мы имеем дело не с чистой стилистикой, но с комплексным проявлением стилистики и прагматики, причем уровень прагматической нагрузки метаязыкового фрагмента может варьировать-

ся, а диапазон субъективных смыслов оказывается довольно широким. Прагматический аспект присутствует у любого эксплицитного обозначения штампа / клише, даже при нейтральной констатации: «У радянські часи був популярний газетний штамп “Залишити слід на землі”. Ентузіаст і природолюб 76-річний Олексій Ворон посадив сотні тисяч дерев та кущів і залишив майже трикілометровий слід» [День, 19.11.2010]. В подобных случаях автор маркирует выражение, но не отказывается от него как экспрессивного средства в прямой функции; прагматический смысл состоит в декларации сознательного употребления штампа, что должно характеризовать автора как языковую личность с надлежащим уровнем компетенции. По сравнению с нейтральной маркировкой более частотны примеры эмоционально окрашенного введения штампа / клише: «*Caroline Wozniacki* [теннисистка – Р. Т.] *zrobiła piosenkę i wideoklip. Zupełnie nie rozumiem, co skłoniło szóstą rakiętę na świecie (ach, te dziennikarskie klisze), aby spróbowała swoich sił w dziedzinie, z którą raczej niewiele ma wspólnego*» [<http://grzegorzgiedrys.blogspot.com>, 21.04.2012]. Выделяется прием эмоционального акцентирования особой номинативной уместности штампа в применении к референту: «*Есть личности, слова которых ждешь, потому что они – совесть нации. Звучит пафосно, но пафос не отменяет верность определения – они удостоились этого высокого звания своим безупречно честным, беспристрастным отношением к происходящему, прежде всего к неправде. В СССР и России такими людьми были, например, Сахаров и Лихачев. В Украине – это Лина Костенко. Честно говоря, я был удивлен, увидев, сколько людей желает услышать живого классика (ну да, еще один штамп, но ведь факт!)*» [www.mediaport.ua, 08.02.2011].

В ином типе контекстов с метаязыковыми замечаниями, наоборот, речь идет о недостаточной номинативной пригодности либо полной неудовлетворительности штампов и клише. Прагматическая нагрузка на метаязыковой комментарий возрастает, так как он должен говорить не только о стилистических характеристиках языковой личности, но и о ее дискурсивном позиционировании и картине мира: «*“Шевченко – великий народний поет”. Ось яскравий приклад “багатотонного”, освяченого часом кліше, що його ми повторюємо, навіть не замислюючись, який зміст у ці слова вкладається. А митець є таким тому, що він піднімав свій народ на ті верхогір’я духу, на які тяжко, з муками підвівся сам*» [День, 31.08.2002] (подтип 1: клише концептуализируется как истинное, но недостаточное); «*Как сохранить право на достойную жизнь в меньшинстве? Примерно так же как и в большинстве – ничего особенного. Мыть руки перед едой. Не есть жирное на ночь. Бросать окурки как можно ближе к урнам. [...] Не делать гадо-*

стей, по крайней мере, сознательно. Не выбирать худшее из зол, даже если кажется, что нет другого выхода. Избегать пафоса и не изъясняться штампами вроде “простого человека” и “долга перед родиной”» [Фокус, 04.10.2011] (подтип 2: штампы оцениваются как совершенно неудовлетворительные и отрицаются в качестве языкового средства).

Хотя в большинстве случаев штампы оцениваются отрицательно (в прямой или косвенной форме), особенно интересны попытки публицистов положительно оценить штамп не как единичный речевой факт, но как языковой, узуальный феномен. При этом его стандартная сущность и стандартное восприятие разрываются авторским осмыслением внутренней формы и стилистической окраски штампа: «Наблюдая за развитием российско-британской полемики, приходится отметить крайнее по сравнению с советскими временами понижение ее художественного уровня. Неведомый нам сотрудник ЦК, который изобрел выражение “антисоветская свистопляска”, был истинным гением, сумевшим вложить в газетный штамп глубокое понимание экстаических культов. Сегодня у нас в лучшем случае блеснут ученым словом навроде “синергия”, что свидетельствует о том, сколь жалко мы пали. “Синергия” и “свистопляска” – канцелярица и поэзия» [Известия, 20.07.2007]. В таких случаях имеем дело с самопозиционированием критической и креативной языковой личности, проявляющей себя в извлечении смыслов из гетерогенного языкового материала.

О.В. Трофимова (Тюмень)

«Дневник Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове», в контексте научных и публицистических описаний Западной Сибири XVIII–XIX вв.

С дневником Эвы Фелиньской *Wyjtki z Dziennika Ewy Felińskiej pisanego w Berezowie* («Athenaeum: pismo zbiorowe», т. 6, Wilno 1845; *Dziennik p. E. Felińskiej: Ciąg Drugi* («Athenaeum: pismo zbiorowe», т. 1-3, Wilno 1846) европейские читатели познакомились практически сразу после выхода в свет трехтомника в Вильно; переводы на английский и датский языки относятся к 1852–1853 гг. Русская версия появилась только в начале XXI века (Э. Фелиньска, *Отрывки из дневника Эвы Фелиньской, который она писала в Берёзове*, пер. с польского О. Трофимовой, «Подорожник: Краеведческий альманах», вып. 6, ред.-сост. В.К. Белобородов, Тюмень 2005, с. 7–115).

Читатели Сибири могли узнать о Фелиньской из нескольких статей, опубликованных в газете «Тобольские губернские ведомости». Авторами газеты были не просто журналисты, но ученые, педагоги, образован-

ные купцы Н. Абрамов, К. Голодников, И. Словцов, Н. Чукмалдин, М. Смоленский и др. В статье 1891 г. «Ссылные в Тобольской губернии и влияние их на нравственный и экономический быт старожилов» К. Голодников писал: «С 1832 года стали появляться в Тобольской губернии польские изгнанники из царства Польского, и в том числе Ева Фелинская, мать бывшего впоследствии Варшавским католическим митрополитом Феликса Фелинского...» (архиепископа Варшавы Сигизмунда (Зигмунта) Фелинского (Щенсны)).

В статье 1880 г. «От Тобольска до Обдорска летом и зимою» тот же автор писал: «В 1839 году сослана была на жительство в Березов проживавшая в Киеве полька Ева Фелинская, <...> но она прожила здесь недолго, и в 1841 году возвращена была в Россию и поселилась в г. Саратове. <...> Из всей группы ссылных, проживавших в Березове, только одна Фелинская оставила свои записки, отпечатанные особою книгою на польском языке. Записки эти, имея характер дневника, довольно верно и беспристрастно описывают быт березовцев того времени». Издатель русского перевода Ю. Мандрика, обнаруживший дневники в фондах Санкт-Петербургской Библиотеки Академии наук, считает: «В дневниках много традиционной экзотики, но значим спокойный, взвешенный взгляд на неё – и, что очень важно, «ни слова о ссылке на жительство в Березово. Может, потому и не повезло Фелинской с издателем в советские времена, когда любили больше бунтарей и революционеров?..»

«Традиционная экзотика» не может не сближать дневники польки Э. Фелинской с описаниями Сибири, в том числе научными, XVIII-XIX вв., появившимися в результате научных экспедиций Г.Ф. Миллера, Ж.-Н. Делиля, участников Второй Камчатской экспедиции и др., среди которых было много иностранцев (потенциальное присутствие европейца ощущается в текстах как некая точка отсчета, относительно которой в новом и для автора, и тем более для читателя сибирском пространстве устанавливается наличие новых, а также известных предметов и явлений или их отсутствие). С научными текстами их объединяет и взвешенность взгляда – человека чужого, но объективного и внимательного к деталям. Такое же внимание к деталям демонстрируют и собственно российские татищевские анкеты 1734 и 1737 гг., положившие начало исследованию Сибири анкетным методом: в столице составлялись вопросники анкет (82 и 198 соответственно), а служители провинциальных канцелярий на основании сведений, добытых на местах геодезистами, составляли топографические описания (административно-научные тексты). Основателем анкетного метода изучения России явился В.Н. Татищев, затем появились анкеты М.В. Ломоносова, анкеты Академии наук, анкеты Вольного экономического общества и т. д.

Перед составителями топографических описаний (их черновики сохранили несколько почерков и уровней правки, что свидетельствует и о коллективном «авторе», и о поиске уместного ответа; формулировка вопроса бывала такова, что на местах выбирали ответ *нет*, или *не имеется*, или *не известно*) стояла задача – создать документ, на основании которого адресат должен был составить представление о неизвестной ему территории. В отношении Сибири ситуация осложнялась: еще в XVIII в. Сибирь воспринималась и на административном, и на бытовом уровне отдельно от европейской России, так что российский азиатский адресант писал текст для российского же, но европейского адресата.

Газетные публикации «Тобольских губернских ведомостей» о быте и истории местных народностей составили новый тип описаний Западной Сибири: они были адресованы массовому читателю, в природно-географическом и культурном аспектах далекому от жизни северных народов. В газетных материалах, помимо введения и описания новых реалий, прослеживается принцип «проверки» на присутствие в объективном и субъективном пространствах малых народов вещей и обычаев, известных русскому читателю, и потому нередко обнаруживаются «*нет-предложения*».

И у Фелиньской первые впечатления о Берёзово – через отрицание известного и привычного: «W naszych miasteczkach taki stan rzeczy byłby niepodobnym. Ktoby się chciał budować na ulicy, po której przejechać niepodobna? W Berezowie ta niedogodność jest mniejszej wagi. Przez lato nikt tam nie jeździ: nie ma kół, nie ma powozu, nie ma koni, nie ma drogi. <...> Po co droga, kiedy łąd cały jest nieprzerwaną pustynią. <...> Z przyczyny, że nie widno nigdzie drogi, cały kraj ma fizjonomję zupełnie różną od naszych okolic...»

Таков принцип введения в текст каждой новой реалии: объект неизвестного прежде пространства становится предметом сначала рационального описания (что максимально сближает дневник Фелиньской с научными, газетными и топографическими описаниями), затем сравнения с деталями родного мира, а дальше – философского обобщения, взгляда на мир с божественного выскоа, например: «Rozpatrzyłam drzewa, rośliny, wszystko inne niż u nas. Czy już umarłam jednemu światu, a odrodziłam się w drugim <...> Bóg często w swojej mądrości prowadzi ślepe stworzenia do celów, przez siebie tylko pojętych, drogami, na które się wzdyga ich małe przyrodzenie, przecież te drogi w skutkach okażą się dobrotoczne. Słabi I ślepi, poddamy się i ufajmy».

Н.А. Тушикова (Волгоград)

«Русский» архив гетмана Яна Петра Сапеги как памятник истории польского языка и польской культуры

Изучение славянской письменности представляет большой интерес как для лингвистического источниковедения, так и истории языка. Анализ рукописных текстов, которые отложились в различных архивных собраниях и ранее по каким-либо причинам были недостаточно исследованы, введение в научный оборот новых документальных данных существенным образом восполняют сведения о формирующихся процессах и специфике эволюции литературных норм.

Преднациональный период, по мнению ученых, занимает особое место в истории славянских литературных языков как время наивысшего проявления средневековой культуры [Демина 2008; Толстой 1988]. В польской традиции «великолепный, ренессансный», выражаясь словами З. Клеменевича, расцвет собственно «польщизны» способствовал вытеснению латыни из разных сфер культурного общения, утрате ею функций делового и административного языка. Рассматриваемые в данном исследовании памятники письменности – документы архива гетмана Яна Петра Сапеги [Дневник 2012; Русский архив 2012] – не только раскрывают важные факты в рамках известных событий эпохи Смутного времени, затронувшего судьбы славянских народов, но и выступают как часть языковой культуры, соотносимой с «золотым веком» (Т. Лер-Сплавинский) ее развития, отражают процесс укрепления позиций собственного польского литературного языка на этнически родной основе, «демократический сдвиг в языковой и историко-культурной ситуации» [Демина 2008 : 6, 11].

Важнейшим источником для описания всего комплекса старопольских документов в их соотнесенности можно считать Дневник Сапеги, который представляет собой своеобразную «летопись деяний» предводителя наемного войска, отражая установку на последовательность изложения, фиксацию важнейших боевых операций, официальных и неофициальных бесед, известий из Московских земель и Речи Посполитой. Специфику жанра дневника составляют одномоментность зафиксированного события и произвольная логика рассуждения. Стремление увековечить «подвиги Вельможного Пана Его Милости Яна Петра Сапеги» способствует проявлению черт, совмещающих правдоподобие рассказа очевидца с особым эмоциональным пафосом. Передаваемая информация может подвергаться различным видам комментирования, при этом информативно-фиксирующая [Кожин 1987] часть контекста

дополняется объяснением явлений с целью выразить отношение к общаемому.

Образцами словесного искусства являются бумаги, вышедшие из королевской канцелярии. Назначение документа определяет большую или меньшую риторичность изложения. Выделяются черты, сближающие данные тексты с декларативными призывами и воззваниями; они насыщены высокими перифразами, иносказательными и образными оборотами польской речи, свойственными стилю «заседаний и постановлений сейма», правила которых оберегали еще со времен «старого Сигизмунда». В посланиях короля Сигизмунда III Вазы представлены фрагменты, в которых находят отражение ценностные ориентиры духовного, религиозного и этического порядка, имеющие непреходящее значение.

В составе архивного фонда своеобразны редкие и ценные материалы, включающие использование идеологически ориентированных языковых средств с целью воздействия на адресат. Среди них письма Марины Мнишек. Язык и стиль документов *Carowej* соответствует амбициям «московской царицы»: они изобилуют этикетными фразами, нарочито подчеркивающими «статус» адресанта послания, включают напыщенные перечисления, льстивые фразы, абстрактные сравнения и под.; при этом ни в одном из подписанных рукой Марины посланий не использованы латинские слова без перевода (кроме даты отправления); конкретная лексика в данных текстах может подвергаться переосмыслению в составе образных выражений, становиться средством высокого стиля, с помощью которого языковая личность проявляет себя как представительница благородного сословия, владеющая нормами литературной речи.

Названные и другие источники в составе архива гетмана Сапеги свидетельствуют о возрастающей роли «толерантности» норм польского языка, находящегося в стадии становления [Толстой 1988 : 62], когда активизируется процесс объединения всех жизнеспособных элементов книжно-литературной и «*sigowej mowy*», уточняется их значимость в коммуникативном пространстве светской письменной культуры.

Л и т е р а т у р а

- Демина Е.И.* К проблеме становления литературных языков славянских народов на преднациональном этапе их историко-культурного развития: типология процесса // Литературные языки в контексте культуры славян / Отв. ред. *Г.К. Венедиктов*. – М.: Институт славяноведения РАН, 2008. – С. 5 – 23.
- Дневник Яна Петра Сапеги (1608 – 1611) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV – XVII вв. Т. IX / Сост. тома: *И.О. Тюменцев, М.Яницкий, Н.А. Тушикова, А.Б. Плотников*. – М. – Варшава: «Древлехранилище», ММХII. – 455 с.
- Кожин А.Н.* Описательные типы текста в деловой письменности XVII в. // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М.: Наука, 1987. – С. 116-122.

Русский архив Яна Сапеги 1608 – 1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Сост.: И.О. Тюменцев, Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева, Н.В. Рыбалко, С.В. Мирский. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – 688 с.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988. – 239 с.

Г.П. Тьртова (Москва)

О некоторых герменевтических аспектах перевода

Разбирая герменевтические проблемы, теория перевода выделяет среди прочих такой аспект, как учёт уровня неязыковой компетенции получателя перевода. Хороший переводчик не только отлично владеет двумя языками, но и реально представляет своего потенциального читателя: его общую культуру, возраст, социальную принадлежность и т.п. В соответствии с этими представлениями переводчик строит свой текст. Так, например, в украинском переводе романа „Foliranti“ сербского писателя М. Капора мы находим такие фрагменты:

Nema ništa odvratnije od ostarelih *anfan-teribla*, koji se ne opraštaju lako od mladosti...(Момо Капор, „Foliranti“, s.19)

Нема нічого огіднішого від постарілих *enfant-terrible*, які не можуть так легко попроситися з молодістю (Момо Капор, «Облудники», с. 15)

O, sirimašni lepotani – grofovi *štrafte*, ostavljene na cedilu (М.К. „Foliranti“, s.7)

О, бідні красунчики, графи «*штрафти*», які залишились ні з чим. (М.К., «Облудники», с.6)

Переводчица (Н.Т.Чорпіта) сохранила выделенные слова, объяснив их значение в сносках. Можно предположить, каковы были причины подобного подхода. В первом случае скорее всего превалировало желание сохранить в переводе выразительное устойчивое словосочетание. Оно прекрасно характеризует персонаж, о котором идёт речь, а поэтому нет смысла опускать его или заменять приблизительно соответствующим аналогом. Это словосочетание используется и в украинском языке, но переводчица, зная, что сфера его употребления узка (интеллектуалы гуманитарии, как правило, владеющие иностранными языками) и не все читатели адекватно поймут предложенную характеристику, делает поясняющую сноску: «Буквально «жахлива дитина» (фр.); нетактовна людина».

Во втором случае переводчица хотела в полной мере донести до украинского читателя колорит белградской жизни 50-х годов прошлого века. Тогда для столичной богемы (именно о ней идёт речь в романе) культовыми были два места: Скадарлия и улица Князя Михаила, для обозначения которой очень часто использовали жаргонное слово

„štrafta“. Частотность его употребления, характерная в то время для описываемой социальной группы, позволила оставить жаргонизм в переводе, сопроводив поясняющей сноской: «Штрафта – в белградському жаргоні – центральна вулиця, на якій відпочивають і прогулюються».

Приведённые примеры показывают, что переводчица учла не только компетенцию реципиента, но и справедливо посчитала содержащуюся в данных фрагментах информацию коммуникативно-релевантной (разграничение коммуникативно-релевантной и коммуникативно-нерелевантной информации – ещё один герменевтический аспект перевода). Для передачи подобной информации используются своеобразные «пара-тексты», прежде всего сноски и комментарии.

Другой способ сделать текст перевода информационно полным – применить лексико-грамматическую трансформацию добавления, которая, например, нередко используется в переводе акунинского романа «Статский советник» на сербский язык. Например:

...не имевших вида на проживание вне черты оседлости
...unutar propisanih granica dozvoljenog stalnog boravišta i rada

Автор оригинала, ориентируясь на фоновые знания своих читателей, не объясняет, что такое черта оседлости. Но эти знания отсутствуют у подавляющего большинства сербских читателей, что заставило переводчика ввести объяснение непосредственно в предложение.

Литература

1. Акунин Б. Статский советник. М., 1998
2. Акунин Б. Државни советник. Београд, 2005
3. Карог М. Foliranti. Zagreb, Znanje, 1981
4. Капор М. Облудники. Львів, Класика, 1998
5. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М-Владимир, 2008.

А.В. Уржа (Москва)

Интерпретация метатекстовых элементов в русских переводах романа Э. Берджеса «Заводной апельсин»

Продолжая цикл исследований, связанных с интерпретацией метатекста в художественном переводе [Уржа 2007: 428-434, Уржа 2012: 557-561], мы обратимся к роли соответствующих элементов в романе Э. Берджеса 'A Clockwork Orange' («Заводной апельсин») и к различным стратегиям их воссоздания в трех русских переводах текста.

Роман Э. Берджеса «Заводной апельсин» долгое время привлекал внимание лингвистов исключительно сленгом *Nadsat* («надцать»), избранным автором с опорой на русский язык [Титова 2005, Окс 2006]. Немногочисленные исследования русских переводов романа касались

именно этого аспекта [Гиндлина 1999, Бузаджи 2007], а также вопроса о более или менее свободной интерпретации переводчиками ключевых идей произведения [Калошина и др. 2010]. Однако не меньшего внимания заслуживает специфическая организация модусного плана этого текста. Мощное эмоциональное воздействие романа во многом обусловлено тем, что события сюжета в нем обрамлены (даже, скорее, пронизаны) обращениями к читателю, которого повествователь-антигерой считает своим единомышленником. Для читателя Алекс комментирует свои прошлые «подвиги», объясняет значение некоторых сленговых выражений, прогнозирует реакцию на свое изложение событий. В зависимости от редакции романа (а основных редакций две и переводчики выбрали разные) герой либо начинает думать об исправлении, либо остается бандитом и насильником. Но вне зависимости от финала повествование о прошлом окрашено для Алекса в четкие аксиологические тона: его насилие – хорошо и «красиво», насилие над ним – ужасно. Эта же позиция априори закрепляется за воображаемыми читателями, излюбленное обращение к которым – *Oh, my brothers*. Навязываемая читателю роль слушателя, собеседника, чуть ли не «друга» Алекса искусно создается автором при помощи метатекстовых элементов [Вежицкая 1978]. Сформированная в оригинале оппозиция темпоральных планов: сюжетного и нарративного, предусматривает для читателя «место» в плане повествования, где он «слушает» рассказ повзрослевшего Алекса. Однако это противопоставление планов совершенно по-разному интерпретировано в русских переводах романа, и судьба метатекстовых элементов в этом случае представляется показательной.

Наполнив речь своего героя словами, образованными от русских корней, Э. Берджес затронул функцию речевого акта (ориентированную на код сообщения), которую Р. Якобсон называл метаязыковой [Якобсон 1975: 202]. Без комментариев Алекса (хоть и непоследовательных) и небольшого словарика к роману англоязычный читатель смог бы лишь по контексту догадываться о том, что значит *litso*, *devotshka* или *moloko*. Комментарии выглядят так: *a rooker (a hand, that is), a clown's litso (face, that is); nadsats were what we used to call the teens*. Интересно, что метатекстовые элементы такого рода сохранились только в тех вариантах перевода, где в принципе подчеркивается вышеупомянутая оппозиция темпоральных планов. Сравним варианты: *Then we wore waisty jackets without lapels but with these very big built-up shoulders ('pletchoes' we called them) which were a kind of a mockery of having real shoulders like that*. Пер. В. Бошняка: *Потом полагались еще короткие куртки без лацканов, зато с огромными накладными плечами (s myshtsoi, как это у нас называлось), в которых мы делались похожими на карикатурных силачей из комикса*. Пер. А. Газова-Гинзберга: *На нас еще были жаке-*

ты в талию, без отворотов, но с такими очень большими накладными плечами / "плэтишеры" — так мы их называли / — карикатура на настоящие плечи. Пер. Е. Синельщикова: *Приталенные куртецы без слиззов, но с огромными накладными шоулдерами почти вдвое увеличивают размах наших далеко не хилых плеч.*

Последний перевод этого фрагмента противопоставлен оригиналу и первым двум вариантам, в первую очередь, тем, что в нем использованы формы настоящего времени. Е. Синельщикова, нивелируя противопоставление сюжетного и нарративного плана текста, оформляет большую часть первой главы романа в *praesens historicum* — страшные события разворачиваются у читателя прямо «на глазах». Естественно, комментарии к сленговым словам исчезают, а сами слова, образованные от англоязычных корней, помещают уже русского читателя в позицию «угадывающего».

В. Бошняк и А. Газов сохраняют все комментарии, так же как и оппозицию временных форм (прошедшее — о событиях сюжета, настоящее — для общения с читателем), однако их интерпретация обращений к читателю кардинально различается: *The Korova Milkbar was a milk-plus mesto, and you may, O my brothers, have forgotten what these mestos were like, things changing so skorry these days...* Пер. В. Бошняка: *Молочный бар "Korova" — это было zavedenije, где давали "молоко-плюс", хотя вы-то, блин, небось уже и запамятовали, что это были за zavedenija: конечно, нынче ведь все так скоро меняется...* Пер. А. Газова: *Молочный бар "Корова" — это был милк-плюс-мьесто; может вы, братцы, позабыли, что это за мьесто, ведь вэри-скорро все меняется в наши дни...* Пер. Е. Синельщикова: *"Коровяка" — место обычной нашей тусовки — плейс как плейс, не хуже и не лучше любого другого. Как и везде, здесь серв обалденное синтетическое молоко, насыщенное незаметным белым порошком...*

Обращения к читателю, предугадывание его реакции на повествование — это элементы, реализующие апеллятивную и фатическую функцию. А. Газов везде сохраняет их, используя слово *братцы*. В. Бошняк последовательно, на протяжении всего перевода избегает прямых обращений к читателю, заменяя эти элементы на ругательства (*блин*), которые, в принципе, тоже играют роль метатекста, но реализуют только деятельность говорящего, не затрагивая адресата. Е. Синельщикова осознанно опускает обращения, и в его интерпретации это выглядит обоснованным решением.

В. Бошняк интерпретирует комментарии Алекса довольно свободно, несколько «сглаживая» необычность его речи (возможно, с учетом финала этой редакции — исправления героя в финале). А. Газов, следуя за оригиналом, наполняет текст большим количеством скандальных и

провокационных выражений. Такой перевод представляет еще более негативный, резкий образ главного героя, который самодовольно величает себя «Вашим Скромным Рассказчиком». Обращение «братцы» в этом случае режет читателю слух, усиливает неприятное ощущение общности с антигероем. Е. Синельщиков, концентрируя внимание читателя на событиях сюжета, крайне редко использует такого рода вкрапления. Налицо три стратегии интерпретации романа, демонстрирующие взаимодействие языковых средств, реализующих авторский замысел и связывающих необычный модусный план романа с организацией текстового времени.

Л и т е р а т у р а

- Бузаджи Д.М.* "Остранение" в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе: на материале английского и русского языков: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 2007.
- Вежбицка А.* Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978.
- Гиндлина И.М.* Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе: Автореф. ... канд. филол. наук. – М., 1999.
- Окс М.В.* Вымышленный сленг "надцать" в романе Э.Берджесса "Заводной апельсин" // Игровая поэтика. – Ростов н/Д., 2006. – Вып. 1. – С. 99-162.
- Уржа А.В.* Интерпретация метатекста и воссоздание «образа повествователя» в художественном переводе // Лингвистика и поэтика в начале III тысячелетия // Материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 24-28 мая 2007 г.). — М.: 2007.
- Уржа А.В.* Интерпретация модусных смыслов в русских переводах рассказа Р. Брэдбери "The Cistern" // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы III Международной научной конференции. – М.: Изд. Высш. школы перевода, МГУ, 2012.
- Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. – М., 1975.

Р.П. Усикова (Москва)

Сопоставление современных болгарского и македонского литературных языков

1. Болгарский и македонский языки по происхождению относятся к южнославянским языкам; по структуре – к балканским языкам. Изменения в этих славянских языках сопровождались развитием аналитизма в именных и глагольных грамматических системах и в выражении степеней сравнения.

2. Здесь мы остановимся на глагольной системе. В обоих языках сохранились древние темпоральные формы презенса, аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, повелительного наклонения (*дай, дайте / дај, дајте; кажи, кажете*) условного наклонения с частицей *би*, хотя каждая из форм подверглась новшества; в обоих языках утрачены формы инфинитива, они заменены конструкциями *да-презенс*.

3. В болгарском и македонском глаголы имеют три спряжения – с тематическими *-е, -и, -а*.

4. В болг. лит. языке есть действительные и страдательные причастия прош. и наст. времени (*седящ, седнал*), в македонском – только причастие с суф. *-н/-т*, выражающее и страд., и действ. залог: *седнат* ‘севший’ и ‘усаженный’; в македонском причастные формы на *-л* употребляются лишь в составе сложных темпорально-модальных форм. В обоих языках есть формы деепричастия от глаголов несов. в.: *гледайки / гледајќи* со значением второстепенного действия, одновременного сказуемому.

5. В связном повествовании и в отдельных высказываниях, если события наблюдались говорящим или общеизвестны, употребляются определенные прошедшие времена: законченное или прерванное действие – аористом, незаконченное – имперфектом. В обоих языках формы аориста образуются от основ инфинитива, имперфекта – от основ презенса. В македонском аорист употребляется только от глаголов сов. вида, в болгарском возможны формы и от несов. вида. Формы презенса нейтральны к признаку наблюдаемости. Неопределенные результативные прошедшие времена (перфект, плюсквамперфект) также нейтральны к признаку наблюдаемости, они выражают результат прошедшего действия.

6. В сообщении о ненаблюдавшемся говорящим прошлым событии употребляются пересказывательные аорист и имперфект (*той дошъл, той седял / тој дошол, седел*). В болгарском языке есть и формы “двойного” пересказа (если говорящий не уверен в истинности событий) .Пересказывательные формы близки к формам перфекта (ср. в болг. *той е дошъл, той е седял*). В македонском пересказывательные аорист, имперфект, презенс омонимичны перфекту I, но, в отличие от болгарского, – в 3 л. всегда отсутствует вспом. глагол-связка *е, се* ‘есть’. Поэтому в македонском лит. языке появились формы перфекта, плюсквамперфекта с вспомогат. глаголом *има*+причастие с суффиксом *-н/-т* в ср. р. ед. ч: *имам видено, имам седнато*. Результатив выражается также сочетанием глагола *сум* + причастие на *-н/-т*: *Таа е седната* ‘она села и сидит’. Пересказ: (*Тој*) *имал видено, дојдено, седнато*. Формы с *има*+ *-но/-то* называются перфект II, плюсквамперфект II.

7. Будущее время образуется с частицей *ще / ќе* + презенс (*ще кажа, ще казвам / ќе кажам, ќе кажувам*), отрицательные формы: *няма / нема да* + презенс смыслового глагола (*няма да кажа, няма да кажеш, няма да казвам / нема да кажам, нема да кажеш, нема да кажувам*). В болгарском будущее в прошедшем образуется в форме имперфекта вспомогат. глагола *сях, щеше, сяхме, сяхте, сяха* + *да*+ презенс смыслового глагола, в македонском языке – частица *ќе* + имперфект смыслового

глагола. Пересказывательные формы будущего и будущего в прошедшем в болгарском языке: *цял съм да дойда, щели сме да дойдем* и т.д. В македонском – *ке сум дојдел, ќе сте дојделе* и т.д. В болгарском *ще* выступает лишь в будущем времени, в остальных формах это вспомогательный глагол в соответствующей форме (*цях, щеше, ... цяха / цял съм, ... щели сме* и т.д.) + *да* + презенс смыслового глагола. а в македонском *ќе* – служебная частица, выступающая во всех этих сложных модально-темпоральных формах.

8. Будущее в прошедшем (*цях да* + презенс / *ќе* + имперфект) выражает нереализованное прошедшее действие, часто условное: *щеше да дойде / ќе дојдеше* ‘он должен был прийти, но не ясно, пришел ли’. Оно имеет формы пересказа: *цял да дойде / ќе дојдел*. В македонском формы типа *ќе да дојдел* ‘вероятно, он должен был прийти’ имеют нюанс предположения; ср. также *ќе да дошол* ‘вероятно, он пришел’.

9. Запретительные формы повелительного наклонения в болгарском языке: *недей* (мн. *недейте*) + *да* + презенс (изредка усеченный инфинитив), в македонском – *немој* (мн. *немојте*) + *да* + презенс.

Вопросы о статусе многих темпорально-модальных форм в обоих языках (особенно – в македонском) имеют различные толкования и требуют дальнейших исследований.

Г.А. Федорина (Москва)

Удвоение несогласованного определения в современном болгарском языке

В современном болгарском языке очень распространены случаи дублирования местоимений или существительных в функции подлежащего, дополнения и определения. Суть дублирования в том, что одна и та же синтаксическая позиция в предложении (в высказывании) заполняется двумя элементами – полным и кратким. Полный элемент представляет собой имя существительное, полную форму личного местоимения или иную часть речи, а краткий – это местоименная клитика, оба элемента обязательно должны быть кореферентны. Подобные конструкции очень типичны для разговорного болгарского языка, но не имеют аналогов в русском. Попытка определения функций этих конструкций является целью нашего исследования. Для этого мы, в частности, классифицируем эти структуры, выделяем их разнообразные модели.

Удвоение несогласованного определения представляет собой дублирование предложного сочетания «*на* + имя» местоименной клитикой, формально данная конструкция напоминает удвоение косвенного дополнения.

В данном докладе мы сосредоточимся на описании конструкций, включающих удвоенное несогласованное определение. Если удвоенному дополнению посвящено достаточно много исследований (в том числе и современных), то дублирование несогласованного определения становилось объектом изучения лингвистов очень редко. Об удвоенном определении упоминал в своем труде, посвященном синтаксису болгарского языка, Й. Пенчев. Также существует статья И. Савовой, посвященная описанию таких конструкций.

И. Савова перечисляет типы конструкций с удвоенными определениями, описывает их состав и взаимное расположение компонентов: определяемого, предложного притяжательного определения и местоименной клитики, дает оценку частотности появления тех или иных конструкций. В качестве иллюстраций к основным положениям статьи этого исследователя выступают предложения из произведений болгарской художественной литературы, а также небольшое количество примеров из разговорной речи [Савова 2004].

Для нашего исследования мы берем материал болгарских интернет-форумов, при этом мы сохраняем орфографию и пунктуацию авторов сообщений. Язык данной формы общения очень близок устной форме разговорной речи, а его письменная фиксация и доступность делает его очень доступным для исследования.

На основании нашего материала и с опорой на существующие исследования конструкций с удвоенными определениями мы предлагаем классифицировать и анализировать их по следующим параметрам:

- по частеречной принадлежности определения: форма личного местоимения (1), существительное либо иная часть речи (2):

1) *И на мен фаворита ми не беше Краси...* – и моим фаворитом не был Краси...

2) *На моя Андроид батерията му пада всеки ден* – у моего андроида батарея садится каждый день.

- по взаимному расположению комплекса: «определение»- «определяемое»: препозиция (3) и постпозиция (4):

3) *на бивша служебна кола са и махнати лепенките* но е оставало от лепило то по боята – с бывшей служебной машины были сняты наклейки, но остался клей на краске.

4) *Я Петрохи да каже откъде му идва ника на него* – Пусть Петрохи скажет, откуда взялся его ник...

- по расположению компонентов удвоенного определения (полного элемента и клитики) по отношению друг к другу и к определяемому: они расположены контактно (5)/ дистантно (6); клитика расположена в препозиции (5)/ постпозиции (6) к определяемому:

5) *Видях съвсем случайно такъв при един приятел, но на него му е подарък от чужбина* – я совсем случайно видел такой у одного друга, на у него это был подарок из заграници;

6) *не знам каква му беше целта на всичко това* – я не знаю, какая у всего этого цель.

По сравнению с удвоением дополнения (прямого и косвенного) дублирование определения встречается в языке форумов достаточно редко. В качестве удвоенного элемента может выступать сочетание предлога *на* как с существительным, так и с полной формой винительного падежа личного местоимения. Частотность употребления обоих типов удвоения, как показывает собранный материал, одинакова (в отличие от дублирования дополнения, где местоименное дополнение удваивается чаще, чем дополнение, выраженное иными частями речи).

Чаще всего удвоенное определение находится в препозиции к определяемому, хотя его грамматическое расположение – именно постпозиция [Грамматика 1983: 278].

Контактное расположение компонентов удвоенного определения встречается очень редко. Чаще всего полный компонент и клитика разделены определяемым или определяемым и предикатом. Контактная позиция клитики и предложного комплекса в постпозиции к определяемому пока совсем не представлена в исследуемом материале.

Литература

- Грамматика на съвременния български книжовен език. Т. 3. Синтаксис. – София, 1983.
Пенчев Й. Синтаксис на съвременния български книжовен език. – Пловдив, 1998.
Савова И. Удвояване на определението в българския език // LiterNet, 22 януари 2004, №1 (50), <http://liternet.bg/publish7/isavova/udvoivaneto.htm>.

И.В. Федотова (Москва)

Терминология молотбы в славянских языках: проблемы реконструкции

Обмолот представляет собой начальный этап обработки зерновых: выделение зерна из колоса. Этот процесс был известен уже первым славянам-земледельцам, и терминология молотбы относится к древнейшему пласту лексики славянских языков. Отмечены следующие традиционные способы молотбы со своими особенностями номинации: битье, волочение, топтание, растирание и машинная молотба.

В славянских языках прослеживается праславянский фонд, состоящий из слов, по-видимому изначально относившихся к терминологии молотбы. Однако существуют образования отдельных языков или групп языков, примечательны различия терминологии в зависимости от

способа обработки зерна. Засвидетельствованы также заимствования из других групп языков (финно-угорские).

Данный доклад предлагает пересмотр и уточнение этимологий конкретных слов, связанных с обмоломом (цепочка прасл. **moltъ* – **moltiti* – рус. *молотило*; прасл. **ръхати*) и осуществляет этимологическую реконструкцию этой тематической группы лексики в русском языке.

Е.В. Федюкина (Москва)

Явление современного «языкотворчества» в ходе формирования религиозной лексики польского Православия

Исследование становления и функционирования религиозной терминологии, являясь одним из аспектов лингвоконфессиональной проблематики, разрабатывается довольно активно учеными славянских стран. Несколько в стороне остаются процессы, происходящие на православном ареале западнославянского мира, которые, тем не менее, не могут не привлечь внимания лексикологов.

В частности, в Польше в связи с массовой полонизацией православных происходит переход православного богослужения на польский язык, сопровождающийся переводом всей богослужебной, гимнографической, агиографической и пр. литературы на польский язык. Характерно, что в своих основных принципах явление современного «языкотворчества» в определенном смысле перекликается с терминотворческой деятельностью славянских просветителей Кирилла и Мефодия, имевшей место в процессе перевода богослужебных и канонических текстов на славянский язык [Верещагин 1997: 36-37]. Современные переводчики христианских текстов, находясь на пересечении трех языковых миров: русского, польского и древнегреческого, – решают нелегкую задачу создания эквивалентной православной терминологии в польском языке. На католическую лексику она может опираться лишь частично в силу существенных понятийных различий богословского аппарата обеих конфессий.

Если в средние века имело место лексическое расширение польского языка, в т.ч. за счет обогащения его церковнославянизмами [Karpluk 1996:7], носившее, как правило, характер механического «скрещивания» (термин Гумбольдта) языков [Гумбольдт 2000: 316], то ныне процесс языкового взаимодействия на изучаемом ареале польского православия имеет более органичный и осмысленный характер. Он рассматривается нами как возобновление прежних контактов в условиях новой исторической реальности.

Пласт формирующейся терминологической богословской лексики в ее православном варианте еще довольно зыбок. Судя по переводам, в которых православные реалии встречаются в самых различных вариантах, существует необходимость в терминологическом упорядочении религиозной лексики. Долголетние наблюдения за вышеизложенными явлениями и фиксация результатов побудили нас составить двуязычный словарь конфессиональной лексики с включением в него, по возможности, всех имеющихся «польско-православных» вариантов в рамках одной словарной статьи.

В ходе составления словаря фиксировалась источниковая неоднородность формирующейся лексики. Тенденция выстраивания православной богословской терминологии по греческим образцам является характерным акцентом развития лексики польского православия последних лет. В научно-богословских публикациях преобладают грецизированные формы, в церковном обиходе – церковнославянские. Закономерность развития современной православной богословской терминологии такова, что термины в их греческой форме, приходя в язык теологии, используются в богословской литературе даже при наличии церковнославянских эквивалентов и польских соответствий славянского происхождения (*Teofania, Epifania – Objawienie Pańskie* – «Богоявление»).

Престиж греческого языка с его богатейшим святоотеческим наследием – источником богословских терминов – неуклонно возрастает. Можно констатировать определенную перенасыщенность произведений богословского характера грецизмами, затрудняющими восприятие смысла. Греческие терминологические заимствования в языке православия в Польше можно рассматривать, с одной стороны, как проявление осознания Польской Автокефальной Православной Церковью своей сопричастности византийскому культурному наследию, а с другой, как факт определенного обособления от русского православия, подчеркивания своей автономности.

Немалые трудности вызывает у переводчиков, ввиду отсутствия аналогичных десигнатов в польской католической лексике, передача ключевых для православия понятий, укорененных в восточно-православной действительности, таких как: *воцерковление, домостроительство, миссионерство, подвижничество, старчество, юродство*. Переводчики в таких ситуациях идут разными путями, используя транслитерацию (*podwiźniczestwo*), кальку, копирующую словообразовательную либо семантическую структуру термина (*starcostwo* «старчество»; *ucerkowanie* и *ukościelnienie* «воцерковление»; *strażnik tronu patriarszego* «местоблюститель патриаршего престола») либо описательный перевод (*święte szaleństwo* «юродство»).

В настоящее время сложная и ответственная миссия перевода и редактирования литургических текстов, стержня конфессиональной лексики, практически завершается. Разумеется, всякий перевод, что, впрочем, и констатируют современные переводчики с церковнославянского и древних языков, без потерь не возможен [Lawreszczuk 2012: 30]. Для нас же существенно то, что переход восточнохристианской терминологии в систему польского языка, как образец современного «языкотворчества», представляет явление феноменальное, и заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Л и т е р а т у р а

- Верещагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. – М.: Мартис, 1997. – 315 с.
- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамшвили. – М.: «Прогресс», 2000. – 400 с.
- Karpluk M.* Z polsko-ruskich związków językowych. (Słownictwo cerkiewne w polszczyźnie XVI wieku). Warszawa, 1996. 80 s.
- Lawreszczuk M.* Teologia w języku // Przegląd prawosławny 11, 2012. S. 28-30.

М.К. Ферро (Пескара)

Перевод интеллектуальной лексики с русского на итальянский. Замечания и проекты

Под названием «интеллектуальной лексики» понимается существенная часть функционального стиля русского языка, который в науке определяется этикетками «речь культуры» или «культурная речь».

История формирования данной лексики в русском языке состоит из разных этапов. Начиная с кодификации лексического фона старославянского и церковнославянского языков под влиянием греческого и латинского, она продолжала усваивать инославянскую терминологию в течение XIV-XVIII веков (особенно итальянскую, французскую и немецкую) и до сих пор развивается посредством заимствований и калек из европейских говоров.

В современном русском языке интеллектуальная лексика далеко не устарела, а наоборот употребляется в области религии, богословия и вообще во всех гуманитарных науках (в философии, в литературе, в истории, в искусстве, и т.д.), и занимает место в разных сферах человеческой профессиональной деятельности, от преподавания до туризма.

Вопрос о формировании и использовании данной лексики является весьма актуальным в европейской языкознании, как например доказывает проект «Европейская интеллектуальная лексика», проведенный Национальным Советом по Исследованиям (Consiglio Nazionale delle

Ricerche – CNR). Исследование подтверждает фундаментальную роль религиозной и философско-богословской лексики в формировании категорий мысли и слова старого континента, а также в развитии европейских литературных языков.

Точное понимание интеллектуальной речи предполагает немаленькое наличие знаний в области филологии, этимологии и истории языка, а также способность хорошо ориентироваться в гражданской и церковной истории Руси и России. Всё это является необходимым багажом для желающих заниматься переводом произведений с интеллектуальной лексикой.

Что касается перевода с русского на итальянский, то подобная задача оказывается ещё более сложной из-за отсутствия специальных двуязычных словарей. Переводчику приходится обращаться либо к общим словарям, которые редко дают удовлетворительные решения, либо к специальным одноязычным словарям, написанным на таких языках, как французский, английский, немецкий, либо к двуязычным словарям, как, например, небольшой латинско-русский словарь С. Тышкевича.

На основе подобных соображений, в эссе *Размышления над религиозно- и философско-богословским русско-итальянским лексиконом*, итальянский учёный М. Гарзанити (2011) намекает об уместности формирования группы исследователей, занимающихся составлением русско-итальянского словаря интеллектуальной лексики.

Создание данного лексикона возможно, но объективно осуществимо только в долгосрочной перспективе. Нам представляется целесообразным на данный момент приступить к анализу некоторых групп лексем, т.е. выявить промежуточные этапы анализа данной лексики. В частности мы планируем провести: 1. толкование групп слов, использованных в определенных литературных жанрах; 2. толкование групп слов, использованных в разных литературных жанрах для определения единственного сюжета; 3. толкование групп сложных слов, составных из одного корня (см. *благо-*, *бого-*, ...).

Целью данного анализа является реконструкция происхождения, семантики и области использования каждой лексемы, а также определение корпуса заглавных слов.

М.И. Хазанова (Москва)

Некоторые особенности функционирования украинского языка в Интернете (на материале Интернет-форумов) в аспекте формирования языковой нормы

Бурное развитие украинского языка в последнее двадцатилетие сказалось на необходимости пересмотра литературной нормы и приведения ее в большее соответствие с узусом и историческими процессами нормирования языка. Исследователями не раз отмечалось, что имеющаяся в настоящее время орфография отражает в первую очередь восточный вариант украинского языка и указывает на искусственность такого проекта. Орфографическая комиссия, ведущая работу с 1994 г., предложила несколько проектов новой орфографии (1999, 2003, 2007), однако каждый из них подвергался критике как со стороны сторонников, так и противников реформ: для первых из них новый проект был слишком новаторским, для вторых – чересчур консервативным.

Такая непростая ситуация осложняется еще тем обстоятельством, что в большинстве сфер функционирования наравне с украинским языком используется русский, а те коммуникативные функции, которые обычно закреплены за разговорным стилем, выполняет суржик.

Для той части населения Украины, которая пользуется украинским языком, языковая ситуация имеет не только чисто лингвистический, но и политический аспект, поэтому конкуренция русского и украинского языка вызывает у них негативную реакцию. В связи с этим в Интернете, как одной из наиболее динамичных сфер общения максимального числа пользователей, появляются движения, пропагандирующие расширение функционирования украинского языка (по крайней мере, в рамках Интернет-общения). Свою принадлежность к такому движению пользователи обычно явно постулируют, используя специфические Интернет-средства. В том случае, если речь идет об общении на форуме, то участие в движении постулируется в подписи, сопровождающей каждое сообщение, наравне с информацией о дате создания. Хотя точно подсчитать количество пользователей, участвующих в движении, затруднительно, однако необходимо отметить его распространенность.

Помимо явного постулирования своего отношения к украинскому языку, пользователи прибегают к правке своих и чужих сообщений в соответствии с их представлениями о «правильности», а также запрещают использование русского языка на некоторых форумах.

И.И. Ходыкина (Бердянск)

Влияние русского языка на фонетическую и лексическую системы украинских говоров Северного Приазовья: синхронический срез

Актуальность темы исследования определена неполным объемом изучения говоров Северного Приазовья: его центральная территория охватывает пять районов Запорожской области (Бердянский, Приморский, Мелитопольский и Акимовский общей площадью почти в 9000 км²). Исследуемый регион отличается пестротой национального состава, что делает этот край ареной многосторонних интенсивных этнических контактов. Помимо украинцев и русских, значительный процент населения составляют болгары, существуют также компактные места проживания албанцев, чехов, крымских татар и представителей других этносов, для общения с представителями других этносов используют традиционно русский язык.

Фонетические особенности украинских говоров Запорожской области рассматривались в работах С. Ф. Самойленко, В. Н. Пачевой. Однако комплексное изучение всех типов североприазовских говоров отсутствует, без внимания остались и вопросы русского и украинского межъязыковых контактов как в диахронии, так и синхронии и т.д.

В словах, которые в украинском литературном языке употребляются с префиксом *пид-* в говорах Владимировки, Борисовки, Новотроицкого, Приморский Посад происходит замена /и/ на /о/: *подминяв, поднять*, а в говорах Дмитровки, Новониколаевки замена /и/ на /а/. Распространение таких фонетических вариантов, возможно, происходит под влиянием русского языка, но они характерны лишь для названных населенных пунктов.

В говоре Новоконстантиновки Приазовского района наблюдается нехарактерное произношение для данного региона литературных слов «*блеск*» и «*яблоко*». В диалектном варианте первое звучит как «*блоск*», а второе наоборот приобретает смягченное звучание «*ябльоко*». Это явление единично, поскольку для остальных говоров характерно произношение этих слов как «*блѣск*», «*яблоко*» и в украинских, и в русских вариантах одинаково, то есть такое всесторонне распространенное произношение поддерживается, прежде всего, в украинских говорах под влиянием русского языка.

Особого внимания заслуживает явление «акания». Большинство говоров на территории Северного Приазовья свидетельствуют о противостоянии [o] : [a] в безударных позициях. Фонема /a/ может выступать значительно шире и в слабой позиции, звуковой ряд /o/ может перехо-

дить в звуковой ряд /a/. В североприазовских говорах явление «акания» хотя и не имеет системного характера (то есть оно замечено параллельно с «оканием»), однако наблюдается как довольно распространенное явление. «Акание» свойственно русским говорам Новониколаевки Приазовского района, Воскресенки и Константиновки Мелитопольского района, Шелюги Акимовского района. Более планомерно «акание» проявляется в речи носителей пригородных говоров (Бердянск, Мелитополь) средней и младшей возрастных групп. Здесь «акание» наблюдается на фоне функционирования русского языка. Очевидно, эти возрастные группы более подвержены русскоязычному влиянию, а представители старшей и самой старшей возрастных групп информаторов тяготеют к сохранению этнического колорита собственной речи.

Наблюдаются и случаи, когда в украинских говорах под влиянием русского языка согласные произносятся смягченно, например: Б^ʔ/э/рдянк, п^ʔ/э/нсия, Сим^ʔ/о/новна и др.

Диалектная лексика остаётся наиболее важным объектом исследования в современном языкознании. За последние десятилетия собрано значительный фактический материал и произведён анализ различных слоёв лексики диалектной лексики на Украине, однако североприазовские диалектные лексемы остаются по-прежнему малоизученными, хотя многие молодые ученые апеллируют к диссертационной работе Л. Д. Фроляк, посвящённой ботанической лексике говоров Северного Приазовья.

Для лексической системы русских говоров на территории Северного Приазовья характерно близкое соседство и тесное контактирование с говорами украинского происхождения. Данный факт отражен прежде всего в фонетическом оформлении диалектных лексем, например: *асвальтирувать* – покрывать асфальтом, *баболюбство* – женолюбие, *билбилетчик* – тот, кто по состоянию здоровья уволен со службы в армии, *вбырать* – спрятать от взора нижние бельё (табу), *зостра* – от страха, *кропова* – крапива, *ламачка* – ломачка (укр.), палочка, *лаша* – лоша, *лежацькы* – лежа, *лодарь* – лодырь, *разныця* – отличие, *скико* – сколько, *стико* – столько, *чмилъ* – шмель и др.

Наблюдаем не только фонетическую близость в звучании диалексем, но и параллельное использование в русском и украинском говорах слов, в которых происходит эпентеза, гаплогония, метатеза и другие фонетические изменения, например: *агуст* – август, *анидот* – анекдот, *канапот* – компот, *канывертик* – конвертик, *комлык* – калмык, *кохта* – кофта, *мештать* – мечтать, *мыныны* – именины, *насурман* – бусурман, татарин, *твырезник* – отрезвитель, *тиатьыр* – театр, *хвиалка* – фиалка, *шалон* – эшелон, *шанапунь* – шампунь, *шинпунька* – шампунь и др. Такие диалексемы присущи в основном речи старшего поколения, среднее

и младшее поколения под влиянием часто звучащего литературно нормированного варианта языка и обладанием среднего, специального или высшего образования данные слова не употребляют или же используют их частично (в зависимости от характера языковой ситуации).

Итак, анализ записей диалектного материала позволяет утверждать о взаимном проникновении русскоязычных фонетических и лексических элементов в украинские говоры Северного Приазовья и наоборот: русскоязычная речь ощущает на себе влияние украиноязычного окружения. Более глубокий научный анализ этих контактов является перспективой дальнейшего изучения.

О.В. Цыбенко (Москва)

Н.В. Берг как переводчик Мицкевича и автор очерков о Польше

Николай Васильевич Берг (1823-1884), известный переводчик славянской поэзии, первым осуществил полный перевод поэмы Адама Мицкевича «Пан Тадеуш». В 1863 г. Он выехал в Варшаву в качестве корреспондента газеты «Санкт-Петербургские новости». В ней, а также в «Библиотеке для чтения» Берг публиковал статьи и очерки, лишенные пафоса ненависти по отношению к полякам. Особый интерес вызывает его обширная работа «Краков и мои в нем похождения» (1864), написанная по горячим следам событий. Берг не был сторонником немедленного восстановления независимости Польши, мечты повстанцев считал несбыточными и много раз пытался убедить их в губительности их стремлений. Но в подцензурных очерках тем не менее проявились его уважение и симпатия к полякам-повстанцам, они содержат много патриотических легенд и поэтических зарисовок Кракова, выдают глубокий интерес автора к истории Польши.

Написанные позже «Записки о польских заговорах и восстаниях» отличаются объективностью и являются первостепенным историческим источником, дважды в XIX в. были переведены на польский язык.

Л.А. Чижова (Москва)

Межкультурные сопоставления и их влияние на дидактические основы преподавания русского языка китайцам

В практической деятельности преподавания русского языка в китайской аудитории возникает много трудностей во всех сферах формирования навыков устной и письменной речи, однако есть сложности не

только типологического характера, но и различия, обусловленные культурными, социальными и политическими факторами. Для современного китайца, как показывает опыт, не ясен менталитет нынешнего россиянина - человека постсоветского культурного пространства. Именно в этом состоит причина трудностей восприятия продуктов российских СМИ - текстов статей из газет различных политических ориентаций, многочисленных сайтов Интернета в поле гу.

Социальная организация современного россиянина, по мнению известного политолога Александра Александровича Зиновьева [Зиновьев А.А. 1982], создавалась как гибрид советизма (коммунизма), западнизма и национально-русского фундаментализма, проявляющегося в опоре на православные идеи. Все три компонента постсоветизма вызывают трудности восприятия китайской аудитории, особенно при обсуждении материалов СМИ [Чижова Л.А. 2007]. Конечно, нынешний процесс интеграции, экономической, политической и культурной, естественно сближает Китай и Россию, а история Китая, социо-культурная и политическая ориентация групп населения делают общество Китая также не столь однотипным, как в прежние времена. Однако, несмотря на черты, сближающие народы Китая и России, продолжали и продолжают действовать фундаментальные ментальные различия.

Известны сложности интерпретации и произведений Ф.М. Достоевского, и, например, публикации 12 апреля 2013 года "В чем причина?" [см. текст на сайте: <http://topwar.ru/26674-v-chem-prichina.html>], о невосприятии со стороны западно-ориентированной части российского общества "исконного русского устройства жизни", что является основой одного из социальных конфликтов современного российского общества.

Именно православные идеи представляют особую трудность понимания для китайца, который в рамках изучения русского языка, а значит, и русской культурной традиции, должен знакомиться с произведениями русских классиков. Русские как спасители мира, самость русских, необходимость страдания для спасения души – устойчивые мифологемы, восприятие которых труднодоступно китайцам, для которых характерны представление о необходимости отрешения от страдания (ср. роман "Сон в красном тереме"), иное соотношение души и тела.

Поучительно сравнить этапы складывания понимания ПУТИ в разных культурных традициях. При устойчивости мировосприятия ПУТИ в даосской системе, в "картине мира" русского человека первоначально ПУТЬ представлялся как преследование на охоте, затем ПУТЬ воспринимался как граница между сакральным и профанным [Топоров В.Н. 1983]; позднее ПУТЬ представляется как путь странствий, а ныне, в эпоху постмодернизма, - как лабиринт [Лотман Ю.М. 1989: 468-481].

Множество представлений о ПУТИ - характеристика состояния современного российского общества после распада Советского Союза. ПУТЬ как ДОРОГА к ХРАМУ, ПУТЬ как СТРАНСТВИЕ, ПУТЬ как ЛАБИРИНТ - все представления о ПУТИ ныне представлены в российской логосфере. В китайской аудитории особенную трудность представляет интерпретация ПУТИ как ЛАБИРИНТА.

Отличие российского и китайского менталитетов проявляется и в отношении к природе. Бог разлит в природе, необходимо забыть себя, слиться с природой - таков сценарий поведения китайца, как в одной из даосских притч Чжуан Цзы "Пустая лодка" [См. текст на сайте: lib100.com>book/pustaya_lodka/osboat.doc]:

Всходит солнце... внезапно: вы смотрите, а наблюдателя нет. Солнца нет и вас нет, нет наблюдателя и нет наблюдаемого. Просто всходит солнце, но вашего ума, занимающегося управлением, нет. Но вы не замечаете этого и произносите: "Солнце так прекрасно!" В тот момент, когда вы говорите это, блаженство утеряно...

Иное мировосприятие выражено, например, в словах Д. Хармса в трактате "О времени, о пространстве, о существовании" в сентенции под номером 60: "Говоря о себе: "я есмь", я помещаю себя в Узел Вселенной" [См. текст на сайте: <http://anthropology.rinet.ru/old/4-93/xarms.htm>]. Рассмотрение Человека как средоточия Вселенной, завоевывающего Природу и подчиняющего ее своим интересам, - типичная позиция европейского антропоцентризма.

Отношение к природе и оценка места Человека в Природе определяют и понимание СМЕРТИ, страдания в рамках менталитета русского и китайца. Жизнь как страдание - один из тезисов русской ментальности, что сумел емко выразить Лев Шестов: "Не смерть есть страдание, но жизнь, лишенная страданий, есть смерть". Именно страдание как величайшее благо и долг православного человека так трудно осознается китайцем!

Усилия преподавателя на ниве обучения русскому языку в китайской аудитории вознаграждаются при условии тщательного анализа воплощения православных идей в текстах различного рода - как классической литературы, так и современных средств массовой информации.

Л и т е р а т у р а

Зиновьев А.А. Гомо советикус. - Лозанна, 1982.

Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. - М., 1983.

Лотман Ю.М. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы - М., 1989. С. 468-481.

Чижова Л.А. МОСКВА и ПЕТЕРБУРГ как концепты в пространстве культуры русского человека (семиотический аспект) // III Международный конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. - Москва, 2007. С. 689-690.

Вербализация эмоциональных и рациональных оценочных значений при помощи антропонимов в текстах детской литературы

Оценка как языковая категория, которая опирается в своей семантике на аксиологическую константу, с формальной стороны выражена при помощи средств разных уровней языка.

Актуальность данного исследования определена необходимостью анализа вербализации рациональных и эмоциональных оценочных значений при помощи антропонимов в конкретных социально и темпорально ограниченных текстах, каковыми являются произведения детской литературы середины XX – начала XXI вв.

Цель нашего исследования – проанализировать антропонимы как средство вербализации рациональных и эмоциональных оценочных значений в детской литературе советского и постсоветского периодов.

Сравнивая рациональную и эмоциональную оценки, Е. М. Вольф подчеркивает, что рациональная оценка предполагает оценочное суждение и способы выражения, учитывающие данный характер оценки, в первую очередь аксиологические предикаты. Исследователь утверждает, что экспрессивность рациональной оценке не свойственна [Вольф 2006: 40]. А. Ф. Папина считает, что логические признаки данного вида оценки связаны с ментальностью, понятия присущи разуму, они связаны с относительной устойчивостью норм, стандартов духовной и материальной деятельности, с ценностями общепринятыми и равнозначно понимаемыми всеми членами данного сообщества [Папина 2002: 322].

Выделяется несколько типов **рациональной** оценки. Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова рациональные оценки связывают с практической деятельностью человека и выделяют такие виды: утилитарные (прагматические), нормативные, телеологические. Антропонимы служат для репрезентации только утилитарных рациональных оценок, другие виды рациональных оценочных значений представлены иными средствами языка.

Утилитарные, или прагматические оценки, характеризуют свойства и значимость знания человека, а также практические последствия этого знания. Например: полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный.

Данный тип оценки в текстах литературы для детей выражен, прежде всего, при помощи **антропонимов**. Коротышки в трилогии романов-сказок о Незнайке разделены функциями психологическими и социальными. Качества детей представлены в образах Гуньки, Торопыжки,

Сиропчика, Ворчуна, Молчуна, Растеряйки; функции и некоторые качества взрослых олицетворяют доктор Пилюлькин, музыкант Гуся, поэт Цветик, художник Тюбик, механики Винтик и Шпунтик, астроном Стекляшкин и т.д. Приведем такие примеры:

***Винтик и Шпунтик** по целым дням сидели у себя в мастерской и чинили примусы, кастрюли, чайники, сковородки, а когда нечего было чинить, делали трехколесные велосипеды и самокаты для коротышек (Н. Носов).* Исследованный материал показывает, что коротышки, выполняющие функции взрослых, обозначены не только по имени-прозвищу, но и по роду деятельности, что является выражением прагматической оценки.

В **антонимических** отношениях состоят антропонимы *Знайка* и *Незнайка*:

*Его прозвали **Знайкой** за то, что он знал очень много. А знал он много потому, что читал разные книги (Н. Носов).*

*Но самым известным среди них был мальчиш по имени **Незнайка**. Его прозвали **Незнайкой** за то, что он ничего не знал (Н. Носов).*

В текстах постсоветской детской литературы антропонимы служат для оформления эмоциональных оценочных значений. Термин *эмоциональная оценка* образован от латинского *emovere* – «возбуждать, волновать чувства, эмоциональный, эмоция» [Космеда 2000: 220]. Эмоциональная оценка обозначает положительные и отрицательные чувства говорящего, которые были вызваны действиями объекта.

В текстах постсоветской детской литературы встречаются антропонимы, которые прямо указывают на характерные отрицательные черты персонажа. Например, галчонок Хватайка и его подруга Тащилка: *И назвали галчонок **Хватайкой**: он что не увидит, все на шкаф тащит. Увидит спички – на шкаф. Увидит ложку – на шкаф. Даже будильник на шкаф перетащил (Э. Успенский).*

*Назвали подругу Хватайки – **Тащилка**. И конечно, стала она всякий мусор к себе на шкаф **тащить**, чтобы гнездо вить (Э. Успенский).*

В текстах наблюдаются антропонимы, построенные на **антонимии**, которые служат для достижения комического эффекта.

*Разумеется, **Молчун** был самым **болтливым** человеком в их компании, точнее, в их шайке, а **Кудряш** был **лысый**, ну просто как самый обычный электрический выключатель (Э. Успенский).*

Каламбур, построенный на антропонимах, также может стать средством оформления эмоциональной оценки: *Главного туриста звали Владимир Иванович, а кличка его была **Папирус**. Вообще-то в молодости его прозвали **Папироса**, но постепенно он рос, мужал и со временем стал Папирусом. Шибко умный был (Э. Успенский).*

В процессе исследования эмоциональных и рациональных оценочных значений, мы пришли к таким выводам. Для советской детской литературы характерны рациональные, а именно, прагматические оценочные значения, выраженные при помощи антропонимов, имеющих функциональное значение. Постсоветская литература характеризуется наличием эмоциональных оценок, оформленных антропонимами, находящимися в антонимических отношениях, каламбуром, построенным на антропонимах.

Л и т е р а т у р а

- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки [3-е изд.]. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
Космеда Т.А. Аксиологічні аспекти прагмалінгвістики: Формування і розвиток категорії оцінки. – Л.: ЛНУ ім. Франка, 2000. – 350 с.
Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов – журналистов и филологов. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.

Т.В. Шалаева (Москва)

К ЭТИМОЛОГИИ ОБОЗНАЧЕНИЙ ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Лексике со значением ‘издеваться, глумиться’, широко представленной в русском языке, посвящено множество этимологических работ. Тем не менее, происхождение многих лексем этой группы до сих пор остается до конца не выясненным или имеет спорные трактовки. Примерами в данном случае являются, на наш взгляд, лексемы *издеваться* и *измываться*. Представляется, что, будучи рассмотренными в контексте всей лексико-семантической группы, они могут получить более надежную этимологию, чем те, что предлагались ранее и рассматривали их вне синонимической парадигмы.

Для прояснения происхождения *издеваться* и *измываться* кажется эффективным проанализировать лексику с тем же значением и с аналогичной структурой. Большинство лексем данной группы включают возвратный постфикс *-ся* и префиксы *из-* (*с-*), *вы-* и иногда *у-*. Все они имеют одним из своих значений ‘доведение действия до крайнего предела, его чрезмерное проявление’. Поведение, обозначаемое данными глаголами, – унижение и причинение страданий – расценивается говорящим как недопустимое, предосудительное, поэтому оправданно предполагать для них исходную семантику, связанную с излишне активными действиями, не соответствующими общепринятым правилам и выходящими за рамки морали. В языке представлено большое количество глаголов глумления, в которых данная семантика основывается на значении ‘мучить, оказывать чрезмерно сильное физическое воздействие’ и

все лексемы восходят к обозначениям конкретного физического действия.

Например, диал. *изводиться* 'издеваться' [СРГК 2, 274] – от литер. *изводить* 'лишать сил, делать слабым', далее – к *водить*;

диал. свердл. *извожжаться* 'издеваться, глумиться' [СРНГ 12, 109] – от **извожжать* – *извозить*, ср. диал. *извожжаться* 'повожаться; позаниматься чем-либо, повозиться с кем-либо' [Ванюшечкин 152], *вожжаться* 'вожжаться; длительно заниматься чем-либо, возиться с кем-либо' [Ванюшечкин 69];

диал. *издергаться* 'издеваться' [СРГСУ Доп., 211] – от литер. *издергать* 'замучить, утомить, дергая' (от *дергать*);

диал. *изниматься* 'измываться, издеваться' [СРГК 2, 283], 'насмехаться над кем-либо' (олон.) [СРНГ 12, 158-159] – от диал. казан., влад., ворон., иркут. *изнимать, изнять* 'не давать покоя, выводить из терпения, равновесия' [СРНГ 12, 158] (восходит к праслав. **eti* 'брать');

в другой форме тот же корень представлен в диал. *изыматься* 'издеваться' [Сл. рус. гов. Алтая т. 2, ч. I, 186], ср. диал. ряз. *изымать, изьять* 'не давать покоя, выводить из терпения кого-либо, донимать' [СРНГ 12, 178-179];

диал. *изъезжаться* 'издеваться, измываться' [СРГК 2, 286] – от диал. *изъездить* 'измучить тяжелой работой, довести до потери сил, здоровья' [ПОС 13, 257] (от *ездить*);

диал. *выхаживаться* 'издеваться, глумиться' [СВГ А-Г, 102] – от диал. *вхходить* 'избить, ударами причинить боль' [СВГ А-Г, 103; Сл. южн. Краснояр. 57] (далее – от *ходить*).

У общерусской формы *издеваться* отмечается переходный вариант, без частицы *-ся* – диал. моск. *издевать* 'издеваться над кем-либо' (*А кто ее издевал-то? Она сама кого хошь обидит. Ты все смеяться, издевать любишь*) [СРНГ 12, 126] и синонимичным префиксом – диал. твер., краянояр. *сдеваться* 'издеваться, насмехаться' [СРНГ 37, 58]. У *измываться* также отмечаются диалектные варианты *смываться* (пск., твер., дон., арх.) [СРНГ 39: 69], *смுவаться* (краснодар.) [СРНГ 39: 56] и *умываться* (пск., твер.) [Даль 4: 496]. Данным лексемам посвящена богатая этимологическая литература, но наиболее убедительной представляется версия В. А. Меркуловой, которая считает *издеваться* производным от *девать* – *деть* 'делать', как и другие исследователи, и ставит в один ряд с синонимами с префиксом *из-* (в том числе с *измываться*, от *мыть*), формулируя первичное значение как 'сделать что-то (дурное)' [Меркулова 1975: 142]. Уточняя мысль В. А. Меркуловой, можно отметить, что *издеваться* и *измываться* являются вполне закономерными параллелями глаголов типа *изводиться*, *изниматься*, *выхаживаться* и т.д., то есть имеющих внутреннюю форму «делать что-

либо с кем-либо слишком интенсивно, в результате причиняя страдание» и негативный оценочный компонент. Как и большинство глаголов этой группы, *издеваться над кем* соответствует переходной форме *издевать кого, что* (см. выше) аналогично парам *изводиться над кем – изводить кого, изниматься над кем – изнимать кого* и т.д. Подобные глаголы сочетаются с существительными в значении объекта физического или эмоционального воздействия, что свойственно и *издеваться*.

Производным для *измываться* может быть глагол *мыть* не только в прямом значении 'делать чистым при помощи воды'. В говорах он имеет более широкую семантику: например, курск., вят. *мыть* 'бить, хлестать' [СРНГ 19: 66], влад. *смываться* 'бить кого-либо, драться' [СРНГ 39, 69].

Л и т е р а т у р а

- Ванюшечкин В. Т.* Словарь русских народных говоров рязанской Мещеры. Воронеж, 1983. Даль
- Меркулова В. А.* К истории становления народной медицинской терминологии // *Slawische Wortstudien*: Bautzen, 1975. С. 132-143.
- Псковский областной словарь с историческими данными / Под ред. И.С. Лутовиновой, М.А. Тарасовой. Вып. 1-17-. Л.-СПб., 1967-2005-.
- Словарь вологодских говоров / Ред. Т.Г. Паникаровская. Вып. 1-7, 10-. Вологда, 1983-2005-.
- Словарь русских говоров Алтая / Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. Вып. 1, 2 (ч. 2), 3, 4. Барнаул, 1993-1998.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1-6. СПб., 1994-2005.
- Словарь русских говоров Среднего Урала. /Под ред. П.А. Вовчок и А.К. Матвеева. Т. 2, 3, 6, 7. Екатеринбург, 1964-1996.
- Словарь русских народных говоров / Гл. ред.: Ф.П. Филин (вып.1-24), Ф.П. Сороколетов (вып. 25-). Т. 1-41-. М.-Л., 1965-2007-.

З.К. Шанова (Санкт-Петербург)

Н.С. Державин и его вклад в развитие отечественной славистики

Н.С. Державин (1877–1953) – известный в нашей стране славист, филолог, историк, педагог, организатор науки и образования, считавший славяноведение наукой комплексной, исследующей языки, литературу, культуру, историю славянских народов.

Интерес Н.С. Державина к славянским языкам определился рано, он вырос в с. Преслав (сейчас Запорожская область Украины), где жили болгары-переселенцы, и с детства знал болгарский язык. По окончании гимназии в Симферополе Н.С. Державин учился в Историко-филологическом институте в Петербурге (1896-1897), затем в Историко-филологическом институте князя Безбородко в Нежине, после оконча-

ния (1900) которого преподавал русский язык и литературу в гимназиях Батуми и Тбилиси. Научные интересы Н.С. Державина были связаны в основном с болгарским языком, историей и культурой болгар, он дважды был командирован от Академии наук в Болгарию (1903 – в Болгарию и Турцию, 1910 – в Болгарию и Бессарабию), издал несколько работ, посвященных быту и языку болгар юга России, наиболее важные из них: Болгарские колонии в России. Материалы по славянской этнографии. София, 1914; Болгарские колонии в России. Т. 2. Язык. Обзор говоров. Общие итоги, выводы и наблюдения. Тексты. Пг., 1915. За второй том этой книги Н.С. Державину была присуждена в Петроградском университете степень магистра славянской филологии.

С 1912 г. Н.С. Державин – приват-доцент, с 1917 г. – профессор кафедры славянской филологии Петербургского (Петроградского) университета, в 1922–1925 гг. был ректором Ленинградского университета. С 1925 г. по 1948 заведовал кафедрой славянской филологии (в 1930–1937 гг. кафедра была переведена в Ленинградский институт философии, литературы и истории), а с 1948 г., когда кафедра была разделена на две, и до 1953 г. руководил кафедрой славянских литератур.

Наряду с научно-преподавательской деятельностью Н.С. Державин занимал с 1924 г. должность заместителя директора Российской публичной библиотеки (РПБ), где в частности занимался славянскими фондами, руководил издательской деятельностью библиотеки. В 1929 г. по его инициативе в РПБ было создано отделение «Славика», в котором он предполагал собрать издания на западнославянских и южнославянских языках, но через год отделение было закрыто.

В 1931 г. Н.С. Державин был избран действительным членом Академии наук СССР, и в том же году президиум Академии наук СССР поручил ему организовать в Ленинграде и возглавить первый у нас в стране Институт славяноведения. За годы работы Института (1931–1934) было выпущено два тома научных трудов его сотрудников. В 1947–1953 гг. Н.С. Державин руководил ленинградским отделением восстановленного в Москве Института славяноведения АН СССР.

В 1943–1948 гг. Н.С. Державин был формальным заведующим кафедрой славянской филологии в Московском государственном университете, а затем кафедрой славянских литератур (1948–1949), но реально кафедрой руководил С.Б. Бернштейн.

Творческое наследие Н.С. Державина (свыше 500 трудов) отражает внимание ученого к языку и истории болгарского народа, к историческим и культурным связям восточных и южных славян, к другим областям славяноведения, где он выступает как лингвист, диалектолог, литературовед, историк, этнограф. Отношение к Н.С. Державину в ученых кругах не было однозначным, коллеги не разделяли его увлечения уче-

нием Н.Я. Марра, не всегда работы Н.С. Державина получали высокую оценку в научных кругах, известны и нелестные отзывы С.Б.Бернштейна, но вклад Н.С. Державина в развитие отечественного славяноведения, в организацию славяноведческой науки и образования неоспорим. Кафедра славянской филологии СПбГУ в память о Н.С. Державине проводит с 1996 г. международную конференцию Державинские чтения, форум славяноведов разных специальностей, представляющих научные и образовательные центры Санкт-Петербурга, других городов России и Болгарии.

О.Н.Шапкина (Москва)

Количественные квантификаторы в польском языке

В докладе рассматриваются количественные квантификаторы, которые в польской лингвистике имеют различные названия: liczebniki nieokreślone [A.Obrebska-Jabłońska], liczebniki partytywne nieokreślone [R. Laskowski], rzeczowniki ilościowe [M.Schabowska, E. Staszko-Maniawska]. Наиболее устоявшимся является термин liczebniki niewłaściwe [Z. Topolińska, A. Bednarek, M.Grochowski, M. Zabowska]. Речь идет об именах существительных, которые в своем исходном значении называют конкретные предметы, а в сочетании с другими именами могут обозначать неопределенно большое или неопределенно малое количество (masa problemów, morze światła, odrobina zażenowania, cień nadziei) т.е. переходят в разряд квантификаторов.

Объяснение механизма семантического сдвига этих лексем невозможно без выявления особенностей сочетаемости каждой из них. Поэтому в данном докладе мы ставим перед собой следующие задачи:

- установление более или менее точного перечня имен, способных употребляться в квантитативной функции в польском языке;
- выявление особенностей сочетаемости для каждого из этих имен;
- объяснение механизма семантического сдвига значения этих лексем.

Квантификаторы, являющиеся лексическими средствами выражения множественности, не расширяют набор собственно количественных значений, грамматически выражаемых в языке, а лишь дополняют количественные значения качественными элементами.

Рассматриваемые нами кванторные слова представляют собой образно-мотивированные средства вторичной номинации. Образ, объединяющий языковые знаки по их мотивированности в один разряд, относится к сфере языковой картины мира конкретного народа (в данном случае польского). Он является предпосылкой для создания понятных носителям данного языка словосочетаний и фразеологизмов. В случае

вторичной номинации значение является переносным и, как правило, имеет фразеологически связанный характер. Фактически при этом мы можем говорить о квантитативном значении слова в более или менее строго определенном типе сочетаний.

Рассматриваемое в докладе микрополе «большого количества» обладает особым богатством квантитативных оттенков значения. Эти оттенки, как и ограничения сочетаемости элементов именной группы (т.е. степень грамматикализации именной группы), в значительной степени зависят от исходного, первичного значения имени существительного, выполняющего функцию квантификатора.

В польском языке широко представлены синонимы, обозначающие большое количество: *arsenał, bateria, chmara, chmura, ćma, fura, fontanna, grad, gromada, góra, huragan, kopa, kopalnia, kupa, las, lawina, masa, moc, morze, napływ, natłok, nawał, mrowie, ocean, otchłań, potok, przepaść, rzeka, studnia, szereg, zatrzęsienie*. Несмотря на то, что эти синонимы очень близки по значению, они далеко не всегда являются взаимозаменяемыми. Это обусловлено как исходным значением лексемы, так и степенью грамматикализации кванторных сочетаний, которые она образует.

Рассмотренный нами материал позволяет сделать вывод о том, что семантика квантификаторов в польском языке носит динамичный характер: при переходе от прямого к переносному значению меняется характер сем, причем даже выпадающие семы нередко ощущаются в виде фона нового значения, влияющего на семантическую сочетаемость квантификатора.

Подобные процессы протекают и в других языках, хотя и не совсем одинаково, чем определяется национальная специфика многих сходных слов этого типа. Эта специфика проявляется преимущественно на уровнях нормы и узуса. И в то же время среди рассмотренных квантификаторов немало так называемых интернационализмов, характерных для многих славянских и других европейских языков.

А.К. Шапошников (Москва)

Палеобалканские языковые реликты и реконструкция раннепраславянского языкового состояния.

Мифологические сюжеты о Финее, Таргитае и его сыновьях Арпоксае, Липоксае, Колаксае, о Геракле и его трех сыновьях Агафирсе, Гелоне и Скифе (традиционная хронология: без малого 1000 лет до прихода Дария во Фракию, 1520-е – 1290-е гг. до н. э.) соответствуют общескифо-балто-славянскому языковому состоянию. Лингвистическая реконструкция древнейшего вокализма: \bar{i} 'ā (< ē) ā ā (< ō) ū i 'a (< e) a (<

o) u 'āi (< ēi) āi āi (< ōi) 'ai (< ei) ai ai (< oi) 'āu (< ēu) āu āu (< ōu) 'au (< eu) au au (< ou) (Pohl 1979: 122–132; Pohl 1980: 367–376); консонантизма: j v m n l r s b¹ b² p d¹ d² t g¹ g² k z¹ z² ʧ g¹ g² k (Meillet 1934; Маслова 2004; Шапошников 2011: 153–154); древнейшие «палеобалканские» изоглоссы прабалто-славянского вида (Detschew 1976; Дуриданов 1976; Георгиев 1977; Калужская 2000); ареал ранних праславянско-пралатинских (Трубачев 1991: 215–217, 2002: 356; Шапошников 2008: 225–235) и праславянско-пеласгических (Pudić 1971: 207–223; Шапошников 2009: 303–311) изоглосс; ареал древнейшей ономастики прабалтийского и праславянского вида во Фракии; становится известным аллоэтноним этой общности – Финейды, вероятные древнейшие самоназвания подразделений общности, судя по фонетическому облику, *авхаты*, *травсы*; ареал обособления – юго-восточная Фракия близ Геллеспонта, позднее – Малая Скифия.

Мифологические и исторические упоминания народа-потомка агафирсов (травсов) с начала письменной эпохи соответствуют раннепраславянскому языковому состоянию, времени обособления праславянского диалекта от балтийской и скифской групп; реконструкция вокализма: ī ā ā̄ ū ī ä a ā u 'ê ê ê 'ê ê ê 'ô ô ô 'ô ô ô; реконструкция консонантизма: j v m n l r s b~β p d~δ t g~γ k z~ζ ʧ g~γ k (Pohl 1979: 122–132; Шапошников 2011: 154); последовала утрата количественного противопоставления в подсистеме вокализма (Pohl 1980: 367–376; Георгиев 1983: 15–16; Журавлев 1983: 120–134; Маслова 2004); ареал раннепраславянско-иллирийских изоглосс (Трубачев 1991: 83–85; Трубачев 2002: 26, 43, 44, 251, 266, 267); ареал древнейшей ономастики раннепраславянского вида в Среднем Подунавье (Шафарик 1837, 1848; Moog 1930: 131; Трубачев 2002; Шапошников 2004: 97–106, 2011: 154–158); становится известным аллоэтноним праславян – агафирсы; ареал расселения – Паннония и Трансильвания; праславяно-кельтские лексические изоглоссы (Schmidt 1985; Schmidt 1992; Schmidt 1996; Мартынов 1983; Шапошников 2011: 157–158), праславяно-восточно-иранские (сарматские и туранские) и праславяно-индоарийские (сигинские) изоглоссы (Шапошников 2003: 199–221; 2007: 255–322); мощное культурное влияние зороастрийской Персии на праслав. общность; исторические культурные взаимовлияния праславян и римлян (Шапошников 2008: 225–235; 2011: 158–160; 2013); в письменных традициях употребляются архаичные наименования праэтноса – агафирты и травсы; место: Малая Скифия, Трансильвания и Потисье; время: раннее состояние между нач. XIII и кон. VIII вв. до н. э., а позднее состояние: VII в. до н. э. – I в. н. э.

Возможная этимология самоназвания предков славян *trauš- 'хвощ' или 'тирс' (?) ~ праслав. *trouχъ (чеш. *trouch* 'лесная почва') ~ лит. *traušus* 'ломкий, хрупкий', *traušiai* мн. ч. 'хвощ'. Этот этноним сопос-

тавляли со ст.-лтш. ФИ *Trousz*, производным от прилаг. *traušs* 'хрупкий', родственного лит. *traušus* 'ломкий, хрупкий', сродни ст.-русск. ЛИ **Трѡха, Трѡшь**, ст.-русск. **трѡхъ** 'ленивый, печальный, мрачный' (Дуриданов 1976: 129; Шапошников 2011: 154–155).

Л и т е р а т у р а

- Detschew D.* Die Thrakischen Sprachreste 2 Auflage mit Bibliographie 1955–1974 / Von Živka Velkova. – Wien, 1976.
- Meillet A.* Le Slave commun. Seconde édition revue et augmentée avec le concours de A. Vailant. – Paris, 1934.
- Moor E.* Die slawischen Ortsnamen der Theissebene // Zeitschrift für Ortsnamenforschung. 1930. VI. № 2.
- Pohl H. D.* Zum phonematischen Status der sogenannten Halbvokale (Jers) im Ur- und Gemeinslavischen // Lautgeschichte und Etymologie. Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft Wien, 24–29. September 1978. Herausgegeben von Manfred Mayrhofer, Martin Peters, Oskar E. Pfeiffer. Wiesbaden: De. Ludwig Reichert Verlag, 1980, 580 ss. – 367–376.
- Pohl H.D.* Zur Vorgeschichte des slavischen Vokalsystems // GLS 9 (1979) 122–132.
- Pudić I.* Die Sprache der alten Makedonen. In: Studia Balcanica V. L'ethnogenèse des peuples balcaniques. – Sofia, 207–223.
- Schmidt K.H.* Celtic: a western Indo-European language? – Innsbruck, 1996
- Schmidt K.H.* Keltisch, Baltisch und Slavisch. – In: Symbolae Lvdovico Mitxelena septvagenario oblatae / Ed. J. L. Milena. Vitoria Gasteiz, 1985
- Schmidt K.H.* The celtic problem. Ethnogenesis (location, date?) // Zeitschrift für celtische Philologie. 1992. Bd. 45
- Георгиев В.И.* Праславянский среди других и.-е. языков // Резюме докладов и письменных сообщений. IX Международный съезд славистов. Киев. Сентябрь 1983. – М., 1983. – С.15–16.
- Георгиев В.И.* Траките и техният език. – София, 1977.
- Дуриданов И.* Езикът на траките. – София, 1976.
- Журавлев В.К.* Относительная хронология праславянских процессов по данным внешней и внутренней реконструкции // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев. Сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. – М., 1983. – С. 120–134.
- Калужская И.А.* Палеобалканские реликты в современных балканских языках (К проблеме румыно-албанских лексических параллелей). – М., 2001.
- Маслова В.А.* Истоки праславянской фонологии: Учеб. пособие. – М., 2004.
- Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. – М., 1991; 2-е изд. – М., 2002.
- Шапошников А.К.* Волохи, волхвы и славянский этногенез // Студії з ономастики та етимології 2011–2012. Київ, 2013 (в печати).
- Шапошников А.К.* Лексическая составляющая пралатинского вида в праславянском // Студії з ономастики та етимології 2008. – Київ, 2008. – С. 225–235.
- Шапошников А.К.* Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia 6 / Ed. I. Janyšková, H. Karlíková. – Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2009. – S. 303–311.
- Шапошников А.К.* Место Потисья и Паннонии в древнейших этногенеалогических преданиях славянских народов // Slavica Slovaca. Ročník 39, Bratislava, 2004, Číslo 2. S. 97–106.
- Шапошников А.К.* Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология 2003–2005 / Отв. ред. Ж.Ж. Варбот; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2007. – С. 255–322.

Шапошиков А.К. Славянский глоттогенез, этногенез и ДНК-генеалогия (опыт согласования свидетельств гуманитарных и естественнонаучных дисциплин). // Научный журнал «Вопросы филологии» – спецвыпуск: VI Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Т. 2. Пленарные доклады. – Москва, 2011. – С. 148–163.

Шапошиков А.К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология 2000-2002. – М., 2003. – С. 199–221.

Шафарик П.И. Славянские древности / Пер.с чеш. И. Бодянского. ТТ. 1–2. – М., 1837–1848.

Н.В. Шведова (Москва)

Реалии современности и поэтика в творчестве словацкого писателя Павла Яника

Pavol Janík is a modern Slovak poet and dramatist. His works deal with the most important problems of human existence in the modern world. The author uses play on words to show the absurdity of human relations and inadequacy of their thoughts and conversations.

Павол Яник (р. 1956, Братислава) – современный словацкий поэт, драматург, автор афоризмов. Среди своих коллег выделяется постановкой важнейших нравственных, экзистенциальных, политических вопросов современности, склонностью к иронии и абсурду, виртуозной работой со словом. Многие он сознательно унаследовал от выдающегося словацкого поэта второй половины XX в. Мирослава Валека (1927–1991). В частности, от него идет «остранение» фразеологизмов, идиоматических выражений, развитием которого стала игра со схожими по звучанию словами, рождающая новые смысловые оттенки.

Яник по образованию сценарист, дебютировал в 1981 г. сборником стихов «Недостоверные известия». Помимо стихотворных книг, он опубликовал пьесы, сборники афоризмов. Его избранные стихи и три пьесы изданы на русском языке (2004, 2006), произведения выходили также в антологиях словацкой поэзии, российской периодике (2000-е гг.). В стихах Яник эволюционировал от камерности к планетарности мышления, от юношеской лирической игривости к серьезному, всё более пессимистичному самопознанию современного человека и его среды, к обнаружению жестокости и зачастую бессмысленности окружающего мира, что обусловило тягу к поэтике абсурда. Наиболее светлая часть поэтического творчества Яника – его любовная лирика, полная парадоксов, как и у Валека. Еще в молодости Яник задумывался, например, о печальной участи стариков («Molto adagio») или о псевдореальности бюрократического мира («Ex off»), используя приемы синонимическо-

го выражения одинакового содержания (однообразие старости) и канцелярские штампы.

В связи со словесными экспериментами Яника можно выдвинуть тезис о стремлении к «предательству» слов, об искомом возникновении неожиданных и порой неприятных значений, ассоциаций, параллелей (сюрреалистический по своей природе прием). Всё это направлено на постижение современного мира, смысла жизни, тайн человеческой души. Искажение смысла слов может быть связано с выхолащиванием содержания или автоматизмом человеческих поступков (идея Валека 1960-х), с невозможностью выразить свои мысли адекватно (ср. тютчевское «Silentium», романтические корни).

П. Яник – достойный продолжатель идейно-художественных поисков словацкой авангардной поэзии.

М.Н. Шevelёва (Москва)

История восточнославянского суффикса *-ыва-/-ива-* в лингвогеографическом аспекте

1. Восточнославянский (вост.-слав.) суффикс имперфективации *-ыва-/-ива-* фиксируется в памятниках др.-русск. письменности уже с самого раннего времени – можно предполагать, что он был известен в вост.-слав. диалектах с дописьменной, т.е. позднепраславянской эпохи. При этом данные вост.-слав. памятников XI-XVI вв. указывают на ранние диалектные различия и неодинаковую последующую судьбу *-ыва-/-ива-* модели имперфективации в разных вост.-слав. диалектных зонах.

2. Как показали памятники киевского и галицко-волынского происхождения, в диалектах Южной Руси суффикс *-ыва-/-ива-* был продуктивен уже в раннедревнерусскую эпоху. Он известен уже в XI в. – старейший пример обнаруживается в заключительной части Изборника 1076 г., содержащей статьи, переведенные на Руси: **сѣни оубо тѣжци и зѣли отагъчивають отъ оупиваниа** (л.266). В XII в. модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* в Южной Руси явно вполне продуктивна: *-ыва-*имперфективы употребительны в Киевской летописи XII в. (КЛ) и Галицко-Волынской летописи XIII в. (ср. в КЛ – 41 *-ыва-*глагол в 63 употреблениях: *въскладывати* 1175 г., 210; *замысливають* 1150 г., 144об.; *оставливаю* 1146г., 121 и др.) [Шевелева 2010: 203-212, 216-222], переводных Пчеле и Истории Иудейской войны [Пичхадзе 2011: 151-152], встречаются в других южнодр.-русских памятниках XII-XIII вв. Отраженная в КЛ и других памятниках Южной Руси система обнаруживает свободное образование *-ыва-*имперфективов от разных типов основ и вариативность её с моделью на *-а-*.

В дальнейшем в юго-западной зоне модель на *-ыва-/-ива-* утрачивается: по данным памятников, с XVI в. она вытесняется моделью на *-ова-* [Житецкий 1889: 109-111], объединяющей галицко-волынскую зону с системами «центрально-славянского» типа [Николаев 1994: 44]; отмечаются первые случаи новой украинской модели на *-ува-*. При этом южнодр.-русская система киевского типа после XIII в. перемещается, очевидно, в северо-восточном направлении.

3. В древненовгородском диалекте XII-XIII вв. модель имперфективации на *-ыва-/-ива-* была известна (примеры берестяных грамот № 794 и № 600 [Зализняк 2004: 217]), но не была продуктивна. Резко отличается от южнорусских летописей по употребительности имперфективов на *-ыва-/-ива-*. Новгородская I летопись, в старшем изводе которой встретилось всего 4 примера, причем все они оказываются связаны с влиянием южнорусской летописной традиции; младший извод подтверждает ту же картину, причем и в поздних записях XV в. отмечено только 2 примера, оба связанные с риторическими стереотипами. В Новгородской IV летописи абсолютное большинство примеров *-ыва-* глаголов восходят к южнорусским или северо-восточным источникам; редкие случаи их свободного употребления появляются со втор.пол.XIV в. Как свидетельствуют новгородские источники, в др.-рус. эпоху в Новгороде имперфективы на *-ыва-/-ива-* воспринимались как характерный признак «киевского» языка, элемент южнорусской (позднее – северо-восточной) традиции. Показательно их полное отсутствие в раннем переводе новгородского происхождения, широко отражающем местные диалектизмы, – Житии Андрея Юродивого. По данным летописей, только к XVI в. *-ыва-* имперфективы становятся в диалекте Новгорода широко употребительными, очевидно – под влиянием восточноновгородских говоров.

В псковских летописях имперфективы на *-ыва-/-ива-* также малоупотребительны, при этом все ранние примеры (в записях XIV в.) восходят к южнорусскому летописцу, а более поздние (втор.пол.XV-XVI в.) отражают влияние московской традиции. Невысокая продуктивность суффикса *-ыва-/-ива-* в современных псковских говорах, отличающая их от других великорусских [Ровнова 2011: 122], согласуется с этими данными – для псковской диалектной системы *-ыва-* модель имперфективации, видимо, никогда не была характерна.

4. По данным северо-восточных летописей, продуктивность суффикса *-ыва-/-ива-* на протяжении XII-XVI вв. в этой диалектной зоне растет. Сейчас именно говоры русского северо-востока показывают самую высокую продуктивность *-ыва-* модели имперфективации, ставшей специфически великорусской, – как северные архангельские и вологодские со свободным образованием *-ыва-* имперфективов от разных основ и вариативностью *-ыва-* и *-а-* моделей, так и центральные литературного

типа, где после XV в. формируется морфонологическое распределение этих моделей. В раннедревнерусскую эпоху модель на *-ыва-/-ива-* была на северо-востоке, видимо, менее распространенной, чем в Южной Руси, хотя более распространенной, чем в Новгороде: *-ыва-* имперфективы встречаются в записях местных известий XII-XIII вв., но они не так многочисленны, как в киевском и галицко-волынском летописании. В XIV в. высокая продуктивность модели на *-ыва-/-ива-* в ростово-суздальской земле и в Москве несомненна. Московские летописи XVI в. свидетельствуют, что диалектная система говоров Центра этого времени в отношении средств имперфективации и суффикса *-ыва-/-ива-* уже близка к современной русской (литературного типа).

Литература

- Житецкий П.И.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII-XVIII вв. Ч. I. Киев: Изд. «Киевской Старины», 1889. – 266 с.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
- Николаев С.Л.* Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. № 3. – С. 23-49.
- Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: НП «Рукописные памятники Древней Руси», 2011. – 408 с.
- Ровнова О.Г.* Лингвогеографическая характеристика аспектуальных явлений в современных русских говорах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 1 (21). – С. 110-126.
- Шевелева М.Н.* Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва-/-ива-* в летописях XII-XVI вв. // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). – С. 200-242.

И.А. Шелкова (Москва)

Слова с фонетико-графическим обликом *заток* в истории русского языка

«Словарь русского языка XI-XVII вв.» фиксирует омогруппу из трех существительных: *затокъ*¹, м. / *затока*, ж. ‘залив; излучина’ (время бытования в письменности, по данным словаря, 1628-1685; по данным КДРС, представлено в «Похождении в землю святую князя Радзивила Сиротки 1582-1584», переведенном с польского языка между 1617 и 1628 гг.: «**затокъ** Тергестинскій минухомъ» [Похождение 1879: 13]), *затокъ*², м. – действие по глаг. *заточити*¹₂ ‘сослать’ (отмечено в датируемых XVII в. списках документов XVI в.) и *затокъ*³, м. ‘полоса материи с вытканым узором, служащая украшением одежды’ (отмечено в датируемых XV в. списках документов XII в.) [СлРЯ XI-XVII вв. 5: 322]. Первый омоним образован от *затечи*¹ ‘затечь (о реке)’, а третий – от *заткати* ‘покрыть узором’. Итак, первый и второй омонимы исторически восходят к одному корню: глагол *точити* ‘заставлять бежать,

течь' – это каузатив от *течи* [Фасмер 4: 90]; по отношению же к третьему оба представляют собой «словообразовательные омонимы, образованные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, основы которых совпадают, когда они участвуют в словообразовании» [Тихонов 1978: 90]. Самым древним из омонимов является третий, а наименее древним – первый. Количество примеров позволяет считать его наиболее употребительным. Если рассматривать члены омогруппы с точки зрения реальных или потенциальных омонимических отношений, то можно говорить об одновременном бытовании в языке первых двух омонимов по крайней мере в XVII в.; слово же *затокъ*³ находится с ними в отношениях потенциальной омонимии.

В «Словаре русского языка XVIII в.» даны уже два омонима: *заток*¹ 'верхний край тканя, бывающий обычно грубее самой ткани' и *заток*² 'излучина, колено реки' [СлРЯ XVIII в. 8: 120]. Второй из них входил в состав упомянутой омогруппы, первый же образован от глагола *заткать*, но со значением 'начать ткать', то есть представляет собой словообразовательный омоним существительного *затокъ* 'полоса материи с вытканым узором'.

В «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля в статье *затекать* приводится слово *затокъ* 'локоть или колѣно рѣки, поворотъ, загибъ, изгибъ, лука' [Даль 1: 648]; в словообразовательном гнезде *затокать*, *заткать* – существительное *затокъ* 'начало, верхний конец полотна; онъ бываетъ посуровѣе, погрубѣе' [Даль 1: 650]; в статье глаголов *заточать*, *заточить* даются слова *заточенье*, *заточа* 'действ. по знач. гл.' [Даль 1: 651]. Таким образом, данные словаря отражают вытеснение слова *заток* 'ссылка' однокоренными синонимами (или, по терминологии А.А. Реформатского, дублетами [Реформатский 2007: 96]).

В современном русском литературном языке сохранилось лишь узкоспециальное *заток* 'продольный край ткани, обычно более грубого свойства' [ССРЛЯ 4: 991], восходящее к *заткать* 'начать ткать'. В диалектах представлены лексемы *заток* от глагола *затечь* с различными значениями: *заток* – 1) 'залив реки, омут'; 2) 'поток' [СРНГ 11: 96], *заток* 'заливаемый участок около реки' [Словарь русских говоров Алтая 2, 1: 146]. Слово *затокъ*¹ 'залив; излучина' имело морфологический вариант *затока*. Омонимичные формы этих лексем иногда оказывались в позиции нейтрализации. Слова с фонетико-графическим обликом *затока* в современных русских говорах обычно выражают значения, близкие к значениям слова *заток* от *затечь*.

Литература

1. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. Т. 1 (А – З). – М.: Русский язык, 1978. – 700 с.

2. Книга нарицаемая Козмография сиречь всемирное описание земель и назнаменованье степеней во округах небесных. – Рукоп. Пушкинского дома, собр. В.Н. Перетца. F.IV.91, № 175, н. XVIII в.
3. Похождение в землю святую князя Радзивила Сиротки 1582-1584. Приготовил к печати и объяснил П.А. Гильтебрандт. Прил. к XV т. Изв. РГО. – СПб., 1879.
4. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12 (Занаарывать – Зендень). – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – 336 с.
5. Региональный исторический словарь 2-й половины XVI-XVIII вв. (по памятникам письменности Смоленского края) / Отв. ред. Е.Н. Борисова. – Смоленск, 2000. – 368 с.
6. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
7. Словарь говоров русского севера. Т. IV (З – И) / Под ред. чл.-кор. РАН А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2009. – 358 с.
8. Словарь древнерусского языка XI-XIV вв. Том III (добродѣтельно – изжечиса). – М.: Русский язык, 1990. – 511 с.
9. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи В.А. Дилакторского, 1902 г. – СПб.: Наука, 2006. – 677 с.
10. Словарь современного русского литературного языка. Т. 4 (Ж – З). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 1364 стб.
11. Словарь русских говоров Алтая. Т. 2, ч. 1 (Д – И). / Под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. – Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1997. – 198 с.
12. Словарь русских народных говоров. Выпуск 11 (Зароситься – Зубрёнка). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – 364 с.
13. Словарь русского языка XVIII в. Выпуск 8 (Залъзть – Ижоры). – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1995. – 256 с.
14. Словарь русского языка XI-XVII вв. Выпуск 5 (Е – ЗИНУТИЕ). / Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1978. – 392 с.
15. *Тихонов А.Н.* Словообразовательные омонимы в русском языке // Русский язык в школе. 1978. № 1. С. 88-93.
16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. – М.: Астрель: АСТ, 2007. – 860,[4] с.
17. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М.: Наука, 1980. – 471 с.

С.А. Шерлаимова (Москва)

Теория трех литературных контекстов по Милану Кундере

В эстетической концепции одного из самых известных в мире современных прозаиков, чешского или, принимая во внимание его поздние сочинения на французском языке, чешско-французского романиста Милана Кундеры важное место принадлежит теории трех литературных контекстов в едином пространстве мировой литературы, представляющей «большой контекст». Внутри этого контекста существуют «малые контексты» отдельных национальных литератур и складывающиеся в процессе развития культуры «средние контексты» - своего рода общности ряда национальных литератур, объединенных определенными общими признаками. Состав и значение «средних контекстов» может меняться во времени в соответствии с общественно-политическими и собственно культурными переменами в странах и регионах, как и роль в

мировой литературе тех или иных «малых литературных контекстов». По Кундере, определить ценность «среднего контекста», национальной литературы или отдельного писателя можно только при условии рассмотрения в контексте всей мировой литературы и ее истории. Он пишет о «европейской литературе», трактуя это понятие не в географическом, а в общекультурном смысле: «Я говорю о *европейском романе* не только для того, чтобы отличить его от романа (допустим) китайского, а чтобы сказать, что его история транснациональна; роман французский, роман английский или роман венгерский не способны создать свою собственную независимую историю, а лишь являются участниками общей сверхнациональной истории создающей единственный контекст, где могут проявиться и смысл эволюции романа и значимость отдельных произведений» (Кундера 2004: 34). В развитии мировой литературы инициатива движения вперед переходила от одной национальной литературы к другой: от Италии Боккаччо к Франции Рабле, затем Испании Сервантеса и т.д. В XX веке Кундера специально выделяет центрально-европейский средний контекст, куда входят чешская и польская литературы, считая достижения этого литературного региона в области романа особо значимыми: «Плеяда великих романистов Центральной Европы: Кафка, Гашек, Музиль, Брех, Гомбрович» (Kundera 1986:155). Заметим, что исследователи причисляют к этой плеяде и самого Кундере. Центрально-европейский контекст он сопоставляет с другим средним контекстом в литературе XX века – латиноамериканским, который также высоко оценивает, подчеркивая, что влияние Кафки помогло Гарсия Маркесу отклониться от традиции и писать совершенно по-другому, чем его предшественники. Очень важную роль Кундера отводит точному переводу, передающему эстетический замысел автора, полагая, что без такого перевода вообще невозможно существование мировой литературы.

С Кундерой нельзя не согласиться в том, что истинную ценность литературного явления, того или иного романа или романиста надо определять с неременным учетом контекста мировой литературы, однако стоило бы уточнить, что, особенно в национальных литературах малых народов, существуют писатели, значение которых может быть и не выходит за пределы их родного языка и границ отдельной небольшой страны, но которые внесли столь существенный вклад в развитие национальной культуры и истории, что без них общая картина мировой литературы будет обедненной. С Кундерой можно было бы поспорить и в отношении его понимания точности перевода. Он совершенно прав, возражая против стремления некоторых переводчиков «приукрасить» стиль писателя, что только искажает художественное своеобразие про-

изведения, но в своем категорическом отрицании замены авторских повторов синонимами Кундера подчас приближается к буквализму.

Кундера часто повторяет, что он романист, а не теоретик, что все его теоретические построения – это не больше чем рассуждения «теоретизирующего практика», но при всем том – и в книгах эссе («Искусство романа», «Нарушенные завещания», «Занавес», «Встреча»), и в своих содержащих многочисленные отступления теоретического характера романах он, следуя завету любимого им Филдинга «избегать как чумы жаргона эрудитов», четко и остроумно излагает оригинальную эстетико-философскую концепцию, противостоящую как нормативности любого рода, так и постмодернистским изыскам. Эта концепция, как и его романы, вызывает большой интерес у критиков, писателей и читателей разных стран, одними она принимается, другими оспаривается, но нельзя не признать ее плодотворного воздействия на развитие современной литературно-теоретической мысли.

Л и т е р а т у р а

Кундера Милан. «Нарушенные завещания». – СПб.: Азбука-классика, 2004.

Kundera Milan. L'art du roman. – Paris: Gallimard, 1986.

Н.В. Шестеркина (Саранск)

Синкретизм мифологического сознания: на материале русских народных загадок

Сложность первобытного общественного сознания и его специфика связаны с присущим ему синкретизмом (неразличением, невыделением, слитностью). Под синкретизмом первобытного общественного сознания В. Р. Кабо понимает взаимопереплетение различных его форм, их органическую связь с жизнью общества во всех ее проявлениях. Характерная особенность первобытного общественного сознания состоит в теснейшей связи религии с другими его формами, в том, что религия пронизывает собою все мировоззрение эпохи, являясь как бы его оживотворяющим центром [Кабо 2007: 188–189].

Культурный синкретизм существовал и в античной древности и в средние века, на Западе и на Востоке. Необходимость принципа целостности для изучения культуры средневековья отметил А.Я. Гуревич. В средневековой культуре «космос антропоморфен, и вместе с тем мир человека не отделен или слабо отделен от мира природы» [Гуревич 1972: 13, 17]. Еще большей это относится к первобытной культуре и первобытному сознанию, что подтверждают тотемическое мировоззрение и первобытная мифология, пронизанные идеей единства социального и природного миров.

Представление о единстве человека и вселенной, о взаимопроникновении разных форм существования связано с первобытным синкретическим миропониманием. Многие космологии признавали, что человеческое тело (микрокосм) подобно вселенной (макрокосму). Архаичный человек осваивает природу через ощущения. Между объективной действительностью и ее восприятием лежит «пропасть, называемая 'бессознательным'», выражением которого является Миф. «Под мифом понимается восприятие реальности, пропущенной через подсознание человека» [Телегин 2004: 4]. Основная черта мифосознания – *синкретизм*. В мифосознании материальное и идеальное, одушевленное и неодушевленное, человек и природа, природа и культура, часть и целое, субъект и объект и т.д. воспринимаются как единое целое. По первобытным представлениям, в природе все происходит само собой, без участия человека, ему принадлежит пассивная роль: действуют предметы, а не человек [Режабек 2006: 29].

На ранних этапах развития сознания человек осознает себя частью природы. Этот *физиоморфизм* человека был обусловлен направленностью познавательной деятельности прежде всего на окружающий мир, нежели на субъекта этой деятельности. Архаичный человек наделяет душой абсолютно все предметы и явления. Это *анимизм* – одухотворение окружающего предметного мира. В реальной жизни человек подчинен силам природы, в мифах же он стремился к установлению гармонии в отношениях с окружающим миром. В мифах не было различий между человеком и животным, герои таких мифов – единая нерасчлененная животной-человеческая масса. Проявлением такого мировосприятия стал *тотемизм*, основанный на представлении о кровнородственных связях между человеком и окружающими его феноменами мира. Тотемным предком племени мог быть волк, медведь, дерево, камень и т. д. Человек считал себя потомком какого-то животного и проецировал на себя его качества, привычки.

Другой важный элемент мифосознания уже родового общества – *антропоморфизм*, перенесение человеческих качеств на природные объекты. В его основе также неразличение человеческого и природного миров и одухотворение окружающего мира. Очеловечивая природу, человек наделял ее качествами, обнаруживаемыми у себя. Природа выступает как подобие *человека*: она и сама мыслится в человеческом образе. «Окружающий мир расширяется. Умственный взор все больше и все глубже начинает видеть земного человека... Нарождаются человековидные боги; нарождаются человековидные герои, ...нарождается первый мир человека, уже не слитого ни с космосом, ни с животным или растительным царством» [Фрейдберг 1978: 111]. Следующая специфическая черта мифосознания – *метаморфизм*, представление о

способности живых и неживых существ к превращению, перевоплощению; к его разновидностям относятся орнитоморфизм, зооморфизм, фитоморфизм и др. [Шафранская 2008: 23]. Архаичному человеку присущ и *магизм* – вера в способность ритуальных слов и жестов к направленному воздействию на желанную цель [там же: 23].

Мифологическому сознанию воплощает все понятия и идеи в образах. *Мифообраз* – продукт деятельности мифосознания, творящего мифологическую реальность. Мифообраз объединяет субъективное и объективное, единичное и общее, идеальное с материальным, сущностное с возможным, реальность и фантазию [Телегин 2004:9]. Интеллект древнего человека оперирует сознательно создаваемыми иллюзиями, риторическими фигурами, метафорами [Маковский 1996:15], не осознавая метафоричность языка. В практической деятельности люди имеют дело не непосредственно с окружающим миром, а с его репрезентациями, когнитивными картинками и моделями. Мир представлен человеку через призму культуры, языка, а метафора – своеобразная «картина мира».

В докладе будет представлен анализ метафорических мифологических образов как средства выявления первичных структур сознания, сохранившихся в народных русских загадках, где осмысление и обобщение мира происходит по семантическим эмоционально-ассоциативным рядам. Например, *небо* одновременно представляет собой *свод* или *кровлю*, *голубой платок*, *лукошко репы*, *дуб* и в то же время *быка* и *море*, по которому плывет солнце. Пример наглядно отражает «образность» и синкретизм передаваемых представлений. В то же время образ *коня* объединяет такие явления как *месяц*, *вода*, *огонь*, *дым* и др.

Л и т е р а т у р а

1. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318с.
2. *Кабо В.Р.* Круг и крест: Размышления этнолога о первобытной духовности. – М.: Вост. лит., 2007. – 328 с.
3. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
4. *Режабек Е. Я.* Культурные границы языкового сознания: о вписанности грамматических категорий в эволюцию культуры // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. – С. 28–42.
5. *Телегин С. М.* Словарь мифологических терминов. – М.: УРАО, 2004. – 100 с.
6. *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. – М.: Наука, 1978. – С. 9–169.
7. *Шафранская Э.Ф.* Устное народное творчество. – М.: Академия, 2008. – 352 с.

Концепт ЖАЛОСТЬ в славянских языках

0. Доклад посвящен семантической истории трех праславянских по происхождению слов **žalostь*, **milostь* и **lutostь*, каждое из которых известно – или было известно – в определенных группах языков славянского мира в значении ‘жалость’ (чувство человека, который знает, что другому плохо, и страдает ему).

В основе предлагаемого схематического описания семантической истории группы лексических единиц лежит допущение, что реконструируемые или представляемые по показаниям письменных памятников значения системны и в целом (но не в немаловажных частных аспектах) принципиально не отличаются от современных. Работа опирается на материалы исторических, этимологических, толковых и переводных словарей славянских языков.

Хотя в современных славянских языках значение ‘жалость’ выражается не только выделенными единицами, но и большим рядом других лексем (ср. русск. *жалость*, *милость* ‘сострадание, снисхождение’, *сострадание*, укр. *жалість*, *жаління*, *жаль*, болг. *милост*, *жал* ‘сожаление, сочувствие, милость’, *жалост* ‘то же, что *жал*’, чешск. *lítost*, *útrpnost*, *soucít*, польск. *litość*, *współczucie*, *żał*), однако именно данная триада объединяет важнейшие обозначения одного из ключевых концептов славянской картины мира.

1. Прасл. **žalostь* имеет полные формальные соответствия практически во всех современных славянских языках. За пределами русского языка, употребляющего *жалость* в качестве основного (при этом однозначного) носителя содержания интересующего нас концепта, соответствия данного слова могут выражать, как правило, наряду с жалостью, состраданием, чувство печали и скорби, а также внешние проявления таких эмоций или их объект: ср. макед. *жалост* ‘траур’, с.-х. *žalost* ‘оплакивание’, ‘траур’, словенск. *žalost* ‘тот или то, кто или что вызывает чувство жалости’ (см. материалы, приведенные в [Толстая 2012:270-272]). Эти значения, вторичные по отношению к значениям ‘печаль, горе’ и ‘жалость’, объяснимы на основе тривиальных метонимических переходов.

2. Первичное значение славянских слов с корнем **žal* – определяется исследователями как ‘боль, страдание’ – физическое, телесное, затем душевное (душевное страдание = печаль, горе). Исходной для этой последовательности значений является идея жжения, горения, сохраненная таким словом кашубского языка, как *žaléc* ‘тлеть, гореть’ [Ramult

1893]. Отметим, что широко известное в современной Славии значение 'горе, печаль' документируется показаниями древнейших славянских памятников.

При рассмотрении данных древнеписьменных текстов наиболее трудными (но и наиболее интересными) оказываются контексты, в которых *жалость* описывает внутреннее состояние субъекта, испытывающего чувство гнева, смешанного с печалью.

В докладе будут проанализированы два очень важных употребления нашего слова – 1) в древнейшем переводе псалтыри (Син.); тот же стих цитируется в древнейших евангелиях (Зогр., Мар., Асс., Остр.) и в ряде более поздних древнерусских памятников и 2) в Слове о полку Игореве. Значение слова *жалость* в этих контекстах, как мы полагаем, можно передать толкованием 'гнев и печаль'. Стоит упомянуть, что у ряда древнерусских слов, например *пожалити*, *огорчитися*, *сѣгруститися*, *стужение*, также обнаруживается подобная семантика. Не случайно в СРЯ XI-XVII вв. для одного из значений глагола *пожалити* дано толкование 'посетовать или рассердиться'. Что касается слова *жалость* в контекстах со значением, которое следует, по нашему мнению, истолковать как 'гнев и печаль', то составители существующих словарей старославянского и древнерусского языков чаще всего используют для перевода такие современные соответствия, как «усердие», «рвение», «старание» и (устар.) «ревность». Очевидно, что объединяющая эти слова семантика желания покрывает лишь небольшую часть того смыслового пространства, которое должно быть описано толкованием. Иными словами, все эти толкования являются крайне неполными.

Если согласиться с тем, что в ранних древнеславянских контекстах употребления слова *жалость* выражают нерасчлененную семантику «горя»-«гнева», то значения 'горе, печаль' и отмеченные лишь в исторических словарях 'негодование по поводу чего-л., досада' (в др.-русск.), 'ревность, зависть' (в ст.-белор.) можно рассматривать как результат сужения вследствие акцентирования в том или ином языке одной из двух ранних основных составляющих. Заметим, что вторая линия развития угасает: значения, развивающиеся на базе исходной семантики гнева, неизвестны продолжениям древнего слова в современных славянских языках.

3. Появление слова *жалость* как обозначения особого понятия «жалость», выделенного из целостного потока душевных состояний человека, связано с переходом к христианству.

В докладе будут рассмотрены данные, говорящие о том, что связь между разнокоренными словами *жалость* и *милость*, соответствующими в одном из своих значений особому душевному движению – вниманию и сочувствию другому, – возникает с усвоением понятий христи-

анской этики, одним из важнейших среди которых является «милость» (=милосердие, сострадание, сочувствие).

Языковым носителем этого сложного понятия в древнейших славянских переводах оказывается слово *милость*, исходное значение которого этимологи определяют как ‘доброжелательность, доброе отношение к ближнему’. Многообразие значений греческих переводных соответствий ст.-слав. *милость* наглядно свидетельствует о том, что между дохристианским и сложным христианским понятием легко устанавливаются “семантические мосты”.

Что касается семантической структуры славянских продолжений слова **milostь*, то в современных языках православной Славии у данного слова обнаруживается относительно однородная совокупность значений, которую, отвлекаясь от некоторых частных, можно представить следующим образом: 1. ‘милость, снисхождение, благосклонное отношение к нижестоящему’, 2. ‘сострадание’, 3. ‘доброе дело’. (Значительной части славянских языков уже в эпоху средневековья известно употребление рассматриваемого слова в составе этикетной лексики – в качестве почтительного обращения к вышестоящему. Впрочем, в некоторых славянских языках такое употребление возможно и сейчас). Не останавливаясь специально на рассмотрении достаточно прозрачных семантических отношений, связывающих эти значения, обратим внимание на то, что в западнославянских языках, то есть за пределами православной Славии, у этого слова отмечаются значения ‘любовь’ (сыновья, отцовская) и ‘любимый человек’ – они представлены в современном польском – или, как в чешском и словацком, ‘любовь’ и ‘прелесть’. Интересно, что в чешском, наряду с указанными, есть значения ‘благосклонность’, ‘сострадание’, а в словацком – ‘пощада’ и ‘помилование’. Можно предположить, что семантические структуры этого слова в западнославянских литературных языках чаще сохраняют “народные” значения, как правило, утрачивающиеся соответствующими словами на территории православной Славии.

Сравнение истории семантической деривации и функционирования гнезд слов *милость* и *жалость* позволяет обнаружить:

- 1) параллельное употребление пар слов с корнями *mil-* и *+žal-* и
- 2) аналогичные типы смысловых переходов у подобных пар.

Так, в древне- и среднерусских текстах нередки такие параллельные конструкции: [Князь] *хр(с)тъянъ не жалуютъ. сиритъ не милуютъ*. МПр XIV, 64 [СДЯ XI-XIV]; *...и ты свѣтъ мой ево жалуй. и ты будь к нему милосердъ*. Пис .к Голицыну(VI), 44.XVII в.[СРЯ XI-XVII]. В некоторых славянских языках слова с указанными корнями используются в качестве соотносительных или синонимичных обозначений понятий

социально-правовой сферы, ср. др.-русск. *милость* ‘плата, жалованье’, *миловати* ‘проявлять щедрость, жаловать’ и др.-русск. *жалование* ‘вознаграждение, плата за службу’ (то же в ст.-белор.), *пожаловати* ‘оказать милость, пожаловать; назначить на какое-л. место, должность’; др.-русск. *помилование* ‘пощада’ (специализация которого приводит к появлению современного русского юридического термина *помилование*), совр. болг. *помилване* ‘прощение; освобождение от долгов’ и др.-русск. *пожаловати* ‘помиловать’, совр. русск. *обжаловать, обжалование*; ср. также др.-русск. *милостивака* и *жаловальная грамоты* – документы, подтверждающие награду, милость, пожалование. В связи с подобными фактами есть основания говорить о своего рода тождественных метонимических переносах из религиозно-этической сферы в сферу социальных и социально-правовых отношений. Интересно, далее, параллельное развитие этикетных значений, ср. русск. *Милости просим!* и *Добро пожаловать!*

4. Семантическая история слова **lutostь* в той ее линии, которая связывает его с уже рассмотренными *жалость* и *милость*, менее сложна. Обращает на себя внимание то, что значение ‘жалость’ у третьего члена нашей триады представлено только в польском, чешском, словацком, нижнелужицком (в верхнелужицком, впрочем, засвидетельствовано только близкое к интересующему нас значение, а именно значение ‘грусть, печаль’); известно оно также в белорусском. Опираясь на показания исторических словарей западнославянских, а также белорусского языка, можно сделать вывод, что это слово переживает характерный для данной лексико-семантической группы переход (‘горе, печаль’ > ‘жалость’). Другие линии семантической деривации слов гнезда корня *lut-* интересны для нас лишь постольку, поскольку демонстрируют регулярность семантических переходов и в рамках этой группы. В частности, как и в гнезде с корнем **žal-*, здесь обнаруживаются слова со значением ‘заботиться, беречь, оберегать’ и ‘жалеть, скупиться’ (ср. ст.-белор. *литовати* ‘беречь что-л.’ и ст.-польск. *litować się* ‘жалеть что-л.’).

5. Какой общий вывод позволяет сделать рассмотренный материал? Концепт ЖАЛОСТЬ, предполагающий длительное социальное воспитание человека, получает языковое оформление в славянских языках “на глазах письменной истории”. При изучении семантической эволюции слов, оязыковляющих подобные концепты, обязателен учет не только соображений типологического характера, но и социально-исторических условий, сопровождающих то или иное языковое изменение.

Л и т е р а т у р а

1. Толстая С.М. ЖЕЛАТЬ и ЖАЛЕТЬ: этимология и семантика // Славянское и балтийское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М.: Изд-во Российской академии наук, 2012. –С. 268-279.
2. Ramułt S. Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Kraków, 1893.

Л.Ф. Широкова (Москва)

«Один против ночи» (к 100-летию словацкого писателя Доминика Татарки)

В 2013 г. исполняется 100 лет со дня рождения словацкого писателя, публициста, а в 1970-80-е гг. – известного диссидента Доминика Татарки (1913-1989). Гражданская и писательская позиция Татарки на протяжении почти всей его творческой биографии не совпадала с официальной идеологической линией той или иной власти, но при этом находилась в созвучии с состоянием и проблемами словацкого общества и человека. Нередко критикуемый за инакомыслие, писатель упорно шел своим путем, не отказываясь от собственного оригинального стиля и страстно-эмоционального отношения к жизни.

Уже в первых своих произведениях («В тоске поисков», 1942 и др.) он обозначил свою обеспокоенность порядками и общей атмосферой клеро-фашистской Словацкой республики (1939-1945), грозившей распадом личности и межличностных отношений. Сюрреалистическая по своему настроению и поэтике новелла «Панна Волшебница» (1944) несла в себе идею единения близких по духу людей на основе любви и творчества. Именно в ней впервые прозвучала тема «один против ночи», ставшая впоследствии метафорой жизни и творчества писателя в годы «нормализации», после подавления реформаторского движения в Чехословакии в 1968 г., когда его произведения были под запретом. Примечательно, что одна из книг Д. Татарки, опубликованных в это время диссидентским издательством за рубежом, получила название «Один против ночи» (Мюнхен, 1984).

Д. Татарка создал за годы своей писательской деятельности большое число произведений в жанрах художественной прозы, публицистики и эссеистики. Его роль и место в словацкой литературе и культуре XX века заметны и неоспоримы, но не менее велико и его значение как авторитетного деятеля диссидентского движения, которое во многом подготовило демократические перемены «бархатной» революции 1989 г.

М.В. Шульга (Москва)

Историческая морфология славянских языков как предмет исследования и обучения

Постановка проблемы связана с обсуждением принципов формирования специализации «Палеославистика» в условиях перехода на двухступенчатую систему образования в МГУ им. М.В. Ломоносова. В рамках этой специализации для магистров предлагается базовый курс «Славянская грамматика в диахроническом аспекте: актуальные проблемы».

Развитие морфологической системы разных славянских языков в значительной степени регулируется общими тенденциями и закономерностями на протяжении всего исторического периода и вплоть до наших дней. Это дает основания говорить о регулярных морфологических соответствиях между разными славянскими языками почти в том же смысле, в котором мы говорим о регулярных фонетических соответствиях между восточнославянскими, западнославянскими и южнославянскими языками. А с научно методологических позиций – о необходимости учитывать все варианты исторической реализации языковой модели, в том числе те, которые представлены в разных славянских языках.

Выразительные морфологические соответствия между разными славянскими языками обнаруживаются при формировании субстантивной парадигмы множественного числа: они выявляют связь между объединением именительного-винительного падежей муж. рода и унификацией флексий Д., М. и Т. мн. у существительных. В научной литературе эти процессы обычно рассматриваются как относительно автономные.

Особенно показательны данные словацкого языка. В истории словацкого языка новообразования на *-ам*, *-ах*, *-ами* (то есть унификация флексий Д., М. и Т. падежей мн. числа) ограничены теми существительными, которые исконно имели омонимичную форму И.–В. мн. Это слова ср. рода (склонения на **-о* и консонантного) и все существительные жен. рода (существительные на *-а*, а также существительные склонения на **-i* и консонантного склонения):

И.–В.	matere	kosci	semena	leta
Д.	materiam	kostiam	semenam	letam
М.	materiach	kostiach	semenach	letach
Т.	materiami	kostiami	semenami	letami

Этому нетрадиционному для славянских языков флективному единению форм жен. и ср. рода противостоит муж. род. У существительных муж. рода, независимо от типа склонения различавших в древнем языке

И. и В. падежи мн. числа и синкретическую форму выработавших позднее, унификация Д., М. и Т. мн. не завершена. Здесь преобладают старые специфические формы, закрепленные и нормой литературного языка. Характерно, что граница между двумя подклассами, выделяемыми по формам Д., М. и Т. мн., проходит внутри старых типов склонения, если они включали парадигмы, различавшиеся соотношением И. и В. падежей (ср. *kosti* и *hostia*, *semena* и *kamene*):

Д. <i>dubom</i>	<i>host'om</i>	<i>kamenom</i>
М. <i>duboch</i>	<i>host'och</i>	<i>kamenoch</i>
Т. <i>dubmi, -ami,</i> <i>диал. duby</i>	<i>host'ami,</i> <i>диал. host'mi</i>	<i>kamenmi,</i> <i>диал. kamenami</i>

Во всех славянских языках, сохранивших склонение, обнаруживается соответствие между флективной и падежной унификацией мн. числа. Те языки, в которых унифицирована система падежных противопоставлений, имеют общие для всех существительных формы Д., М. и Т. падежей. Например, польский язык: И.–В. *wozy, lata, brwi*; Д. *wozom, latom, brwiom* (а также *glowom, ziemiom*), М. *wozach, latach, brwiach*; Т. *wozami, latami, brwiami*.

Аналогично восточнославянским языкам и польскому языку, объединение И. и В. мн. в серболужицком языке сопровождается последовательной унификацией форм Д., М. и Т. мн.: И.–В. *duby*, Д. *dubam*, М. *dubach*, Т. *dubami*.

Древние различия между И. и В. падежами сохранили чешский, сербский и хорватский, словенский. В каждом из этих языков отсутствует также унификация падежных флексий. Например, в чешском языке: Д. *hradum, kostem*; М. *hradech, kostech*; Т. *hrady, kostmi* при *zenam, zenach, zenami*. В словенском соответственно: *zêpom, zêpih, zêpi*, при *zenàm, zenàch, zenami*. В сербском: Д.–Т.–М. *народима* при *жèнама*.

Таким образом, регулярные морфологические соответствия между разными славянскими языками подтверждают взаимосвязь двух звеньев системы склонения – падежных противопоставлений и падежных флексий. Это позволяет предполагать для тех и других преобразований общее грамматическое содержание, связанное с актуализацией значения множественности. Объединение И. и В. мн. у существительных муж. рода связано с развитием категории числа – с унификацией системы падежных противопоставлений в ходе реализации тенденции к однозначной соотнесенности значения множественности и средств выражения множественности. В данном случае система падежных противопоставлений функционирует как средство выражения категории числа, дополнительное по отношению к флексии.

Продемонстрированный подход позволяет преодолеть множественность мотиваций в объяснении языковых процессов, часто исключаяю-

щих друг друга. перейти от констатирующего к объяснительному описанию языка, к доказательности в диахроническом описании. Ведь специфику историколингвистических дисциплин составляют именно проблемы, связанные с причинами и механизмами языковых изменений. Возможности выявить грамматические законы, не выходя за пределы материала одного языка, не привлекая все варианты реализации морфологических тенденций в славянской языковой общности, давно исчерпаны.

Осуществление этих задач в курсе «Славянская грамматика в диахроническом аспекте» – это проблема не только обучения, но отчасти также проблема методов исследования славянских языков. Родство славянских языков, общие истоки, тенденции, при этом многообразие конкретных реализаций общей унаследованной языковой модели – это отправная точка для исследования истории каждого из славянских языков и славянской морфологии в целом.

В.П. Шульгач (Киев)

Из архаичной лексики Русского Севера (Поморья)

Материал для анализа извлечен из: *Мосеев И.И.* Поморьска говора: Краткий словарь поморского языка (Архангельск, 2005). Словарь включает в себя около 2500 слов из *говори* коренных жителей – *истовённо* поморских стариков – берегов Белого моря, Соловецкого архипелага, Печоры, Двинской земли, Мезени, Холмогор, Чаронды, Кевролы (Пинегы), Великого Устюга, Тотьмы, Вятки. Рассмотрим некоторые из них.

Цёрё ‘трут’. Форма, отражающая цоканье аналогично *цэйной* ‘чей’, *цёрёп* ‘горшок для сметаны, масла’, *цин* ‘порядок’, *цельма* ‘мелкий пролив, соединяющий два озера’, *оцина* ‘отчизна, родина’ и др., т. е. восходящая к **черье* – собирает. от *чер*, *черь*. Ср. русск. диал. *церь* ‘наплывы смолы на дереве’, ‘наледь, вздувшийся лед’, *чир* ‘наст’ < **чер*, укр. диал. *чир*, *ч’ір*, *ц’ір* ‘нарост на березе’, *чір*, *чирь* ‘трут; губка для высекания огня’, блр. диал. *цыр*, *цэ’ра* ‘трут, губа (на дереве)’, *церь* ‘трут, приготовленный для высекания огня из губки, растущей на березе’, *чэр* ‘гриб-трутовик, губа’, слвн. *čer* ‘скала’, пол. диал. *cer*, *czer* ‘трут’, объединяемые на основе общего значения ‘опуклость’ (камень, вздувшийся лед и под.), ‘нарост, чага’ (на дереве). По мнению исследователей, идентичность семантики блр. *церь*, *цэр*, *чэр* позволяет сопоставить их с этимологически загадочным др.-русск. *цѣрь* (Лаврентьевская летопись) = *чѣрь*, *чирь* (Ипатьевская летопись) и возвести к исходному *черь* < **čerь*, и.-е. **(s)ker-* ‘гнуть, сгибать; крутить; вертеть’. Написание с *ѣ* предполагает либо смешение *e* и *ѣ*, разграничение которых по

количеству уже не было актуальным, либо появление нового *ʃ* перед слогом с утраченным конечным *ь*, т. е. возмездительное удлинение вокализма [Козлова 1997: 55–56]. *Церьё* синонимично с *пáкула* ‘гриб-трутовик на березе и других деревьях’: «поморы, не имея спичек, переносили живой огонь на достаточно большие расстояния с помощью сушеного древесного гриба пáкулы». Эта цитата подтверждает гипотезу О.Н. Трубачева о том, что в эпизоде летописного рассказа о мести княгини Ольги древлянам «реальнее всего представить себе, что именно тлеющий трут завертывался в платочки и нитками привязывался к птицам» [Трубачев 1971: 46].

Анализируемое *церьё* – один из редких рефлексов псл. **čerъje*, пропущенный в ЭССЯ и SP (равно как и **čerъ*, **čerъ*).

Цюм 1. ‘поморское название переносного жилища оленеводов’ – исконно поморское слово, у ненцев *мя* (стр. 9); 2. ‘ковш (бражку пить)’. С точки зрения семантики может сопоставляться с русск. диал. *чум* ‘ловушка для мелкой рыбы; черпак’, ‘гнойное воспаление сальной железы, фурункул’, *чумок* ‘сделанный из бересты чехол для бруска, которым точат косу на покосе’, ‘конусообразная укладка бревен; шалашик над силком или капканом’, *чом* ‘большой обоз на оленях, более с рыбой’, укр. диал. *чума* ‘зоб, опухоль щетовидной железы’, *чумичка* ‘разливательная ложка’, слвц. *šut* ‘верхушка, вершина’ < *‘что-либо неровное, опуклое’ – формы с абсорбированным *-l-* и разнообразной вокализацией *-ъ* в бинарной группе «редуцированный + плавный». Ср. русск. диал. *челм*, вариант к *чема* ‘плетеная из прутьев рыболовная снасть’, *чильма* ‘топкое моховое болото’, (производ.) укр. диал. *чоумák* ‘черпак’ и др. (см. ЭССЯ 4, 133, статья **šutъ*) < **čьlmtъ*, **čьlma*. Заглавное *цюм* < *чум* (< *чулм* < *чолм* < *челм*) – форма с усиленной лабиализацией *-o-* под влиянием лабиального детерминатива.

В словаре представлена лексика, позволяющая восстановить отдельные фрагменты лексико-словообразовательных микросистем, например, **жáгра** ‘фитиль; факел’ < **žagъra*, **жигáло** ‘жало’ < **žigadlo*, **жиж** ‘ящерица’ < **žižъ* < **žigъjъ*, **жгать** ‘жечь’ < **žъgati*, **жéгло** ‘железный острый наконечник’ < **žegъlo* (иллюстрации различных ступеней вокализма псл. **žeg-*); **порá** ‘энергия, мощь, сила’, **порán** ‘длинный узкий морской залив’, **порáто** ‘очень’, **пóрно** ‘прочное соединение’, **пóрица** ‘подпорка’, **пóрной** ‘терпкий, крепкий’, **пóрной**, **пóрновой** ‘сильный’, **порýга** ‘трещина или проталина во льду весной, перед самым началом ледохода’ – рефлексы потенциальных псл. **pora*, **poranъ*, **poratъjъ*, **porica*, **porъnъjъ*, **poruga*.

Некоторые лексемы можно рассматривать в качестве дополнений к слóвнику и словарным статьям ЭССЯ. Например, **изрáз** ‘выкройка’ < **jъzrazъ* (отсутствует в ЭССЯ), **нóвица** ‘новолуние’, ‘прилив во ’ (от-

сутствует в СРНГ) < **novica* (восстановлено в ЭССЯ 25, 225 без материала русского языка), **обáва** ‘заклинание, заговор’ (пропущено в СРНГ) < **obbava* (пропущено в ЭССЯ), **отрúтило** ‘отморозило’, предполагающее существование глагола *отрúтити* ‘отморозить’ – как дополнение к словарной статье **obtrqiti* (*sq*) (в ЭССЯ 30, 216 материал русского языка отсутствует, приводится только вариант на *-ěti* *отрутéть* ‘онеметь, перестать шевелиться (о ногах)’); **охомя́ка** ‘обжора’ < **obxotěka* (дополнение к ЭССЯ), ср. псл. **xotěkъ* (ЭССЯ 8, 66–67); **ошúрки** ‘стружки, кожа’, родственное укр. диал. *ошúрки* ‘отходы после молотьбы’, блр. диал. *ашúрки* ‘рвань, старые, негодные вещи’ и др. (см. еще ЭССЯ 30, 140 – статья **obšurьkъ*), из **obsurьka*, **obsurьkъ* [Козлова 2006: 238, а также стр. 6 – о фонетическом движении *c- > ш-* типа (поморск.) *шóлнцѣ* ‘солнце’].

Специального комментария заслуживают: **áлока** ‘десна’ – к псл. **laloka* (ЭССЯ 14, 24); **хúнды** ‘широкие охотничьи лыжи, обшитые с нижней стороны лыком’ (из *кунды* в результате спирализации *k- > x-*, ср. русск. диал. *кúнды* ‘лыжи, не подбитые оленьим мехом’), дальше – к *кулды* (дентализация плавного, характерная для корневых структур типа *tʃlt*) ~ (новгород.) *кóлда* ‘длинный шест, кол’ и др., в конечном итоге – к **kьldy* мн., и.-е. **(s)kel-* ‘гнуть, кривить’ в ступени редукции корневого вокализма *o*-ряда, расширенное *d*-детерминативом; **бáколда** = **пáколда** ‘кашица из снега и воды’ < **bakьlda* < **rakьlda* (озвончение глухого в этимологической позиции неозвончения); **коростéги** = **оростéги** ‘крепкие короткие веревки перемета, привязанные к основной веревке яруса для ловли трески’ (утрата заднеязычного вследствие ослабления артикуляции анлаута); **úрвас** ‘самец северного оленя на 2-м году жизни’ – инвариант к русск. диал. *гúрвас*, *хúрвас* (> фин. *hirvas*) ‘нехолощенный олень-самец’ < **кирвас* < **кырвас* < **кървас* < **кърvasь* (архетип восстановлен в [Козлова 1997: 361–362]); **фтóра** ‘беда’ < **втора* < **утора*; **фóршни** ‘крепкие бечевки на тресковом ярусе, к которым привязывались крючки-уды’ < **поршни*; **кóгва** ‘вода, выступающая поверх льда во время приливов, а также наледь на снегу, на льду’ < **ковга* (метатеза) < **колга* (ассимиляция плавного, встречающаяся в севернорусских говорах) < **кьlga*; **вóнга** ‘глубокая яма в реке, где часто скапливается семга’ – фонетический вариант к *бóнга* ‘глубокая яма, омут в реке или ручье’, ошибочно отнесенного к заимствованиям из прибалтийско-финских языков (А.Л. Погодин, М. Фасмер и др.) < **болга* (дентализация плавного) < **bьlga*. С т. зр. семантики ср. родственные русск. диал. *болгáч* ‘низкое место с непросыхающей грязью’, *бóнгача* ‘специальная яма для вымачивания льна’ < **болгача*, *бóгóт* ‘глубокое место в реке, ручье, омут’ < **болгот* (абсорбция плавного) и под.;

су́лышко ‘перышко птицы, пушинка’ – потенциальный рефлекс псл.
**sudlyšь* и др.

Литература и сокращения

- Козлова 1977 – *Козлова Р.М.* Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель: Изд-во Гомельского гос. ун-та им. Франциска Скорины, 1997. 412 с.
- Козлова 2006 – *Козлова Р.М.* Славянская гидронимия. Праславянский фонд. Минск: Изд-во “Право и экономика”, 2006. 310 с.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова и С.А. Мызникова. М.; Л.: С.-Петербург: Изд-во “Наука”, 1966–. Вып. 1–.
- Трубачев 1971 – *Трубачев О.Н.* Заметки по этимологии и сравнительной грамматике // *Этимология 1968* / Отв. ред. О.Н. Трубачев. М.: Изд-во “Наука”, 1971. С. 24–67.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О.Н. Трубачева и А.Ф. Журавлева. М.: Изд-во “Наука”, 1974–. Вып. 1–.
- SP – *Słownik prasłowiański* / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc.: Wyd-wo PAN, 1974–. Т. I–.

Ю.Ю. Юдова (Москва)

Основные трудности, возникающие при обучении сербскому языку студентов-нефилологов

Изучение близкородственных языков, естественно, является более легкой задачей, чем изучение языков неродственных. Если не принимать во внимание фонетику, то, к примеру, между славянскими языками наблюдается значительное сходство в лексике, грамматическом строе и синтаксисе. Это позволяет славянину, выучившему еще хотя бы один славянский язык (независимо от принадлежности последнего к западной, восточной или южной группе) довольно хорошо понимать и легко общаться с представителями всех славянских национальностей. Вместе с тем для использования неродного славянского языка в профессиональной деятельности обычно недостаточно понимания и общения на бытовом уровне. Для этого необходимо глубокое овладение всеми разделами иностранного языка – фонетикой, лексикой, морфологией и синтаксисом. Поэтому важнейшей задачей преподавателя славянского языка, особенно на первом этапе обучения является развенчание у слушателей иллюзий о «легкости и простоте» славянских языков и формирование у них более серьезного отношения к процессу обучения.

Преподавание славянских, как и других иностранных языков, студентам-филологам несколько отличается от преподавания нефилологам. Если в первом случае студенты обычно имеют так называемое языковое чутье, или языковую интуицию, то есть способность правильно воспроизвести иностранные слова, запомнить или быстро угадать их значения, то во втором случае все перечисленные действия даются студенту го-

раздо труднее и требуют больших затрат времени. Филологам интересно проводить параллели с уже известными языками, изучать теоретические основы нового языка, что вынуждает преподавателя совершать периодически на занятиях экскурсы в историю и диалектологию. Преподавание нефилологам строится в основном на коммуникативном подходе, и задачей преподавателя является научить студентов свободно ориентироваться в иноязычной среде и уметь правильно и грамотно выражать свои мысли на иностранном языке. И сделать это необходимо, минимально нагружая студентов теоретическими знаниями, которые они порой считают ненужными и лишними.

Как уже отмечалось, основные отличия между славянскими языками существуют в области фонетики. При овладении сербским языком камнем преткновения для большинства студентов-нефилологов становятся следующие фонетические моменты: отсутствие смягчения твердых согласных перед гласными переднего ряда –i и –e (по этому признаку носители сербского языка всегда узнают русскоговорящих), отсутствие так называемого аканья, произношение особых, парных по мягкости-твердости согласных (č и ć, dž и đ), а также ударение. В отличие от динамического ударения, свойственного русскому языку, в сербском ударение музыкально-тоническое, то есть выделение ударного слога происходит с помощью движения тона голоса, а не только за счет его силы, как в русском. Отработке указанных фонетических явлений на начальном этапе обучения следует уделить первостепенное внимание, прослушивая аудиозаписи носителей языка и выполняя фонетические упражнения.

При овладении лексикой сербского языка самыми проблемными моментами, с нашей точки зрения, являются: наличие так называемых ложных друзей переводчика и значительный пласт турцизмов. Многие похожие по звучанию сербские и русские слова имеют разные значения или совпадают лишь в некоторых из них (ср. *pozorište* и позорище, *kosa* и коса, *bor* и бор, *prilično* и прилично, *propast* и пропасть и др.). Причем, по замечанию некоторых слушателей, чем дольше учишь язык, тем больше встречаешь таких слов, и они нередко создают проблемы при переводе.

В эпоху почти 500-летнего господства на Балканах османских завоевателей в сербский язык проникло большое количество турцизмов, под которыми понимаются заимствования из турецкого, арабского, персидского и других языков, принесенные турками. Эти слова относятся в основном к сфере быта (ср. *kašika* «ложка», *čaršav* «простынь», *karija* «ворота», *digme* «пуговица», *kajgana* «яичница» и др.). Подавляющее большинство турцизмов в сербском не имеют аналогов в русском (за

исключением, например, слов *kafa* «кофе», *šećer* «сахар») и их значение нельзя «угадать».

В области морфологии наибольшую трудность представляют склонение и спряжение в сербском языке. Опыт показывает, что заучивание парадигм сербского склонения на начальном этапе обучения (как это делают студенты-филологи) в случае с нефилологами не приносит положительных результатов. Начинать работу над изучением падежей приходится с повторения падежей и падежных вопросов в русском языке. Далее отрабатываются отдельные падежные формы – в словосочетаниях и предложениях, и лишь на более продвинутом этапе (иногда к концу первого или даже второго семестра) для слушателей становится возможным запомнить парадигмы основных типов склонения. С многочисленными исключениями в склонении существительных слушателей следует знакомить постепенно и в сокращенном объеме.

При изучении сербского спряжения особое внимание необходимо обращать на глаголы, в личных формах которых происходят чередования, это в основном глаголы так называемого э-спряжения (ср. *stanovati*, *kazati*, *polagati*, *brati*, *reći*, *odvesti* и др.). Считаем целесообразным для преподавателя составить список наиболее употребительных глаголов с чередованиями в основе, сгруппировав их по подгруппам, и предлагать его слушателям для запоминания. Кроме того, на начальном этапе обучения слушателям следует, записывая каждый новый глагол, отмечать форму I лица единственного числа, которая говорит о типе спряжения и которая в большинстве двуязычных словарей не указывается. Стоит добавить, что с проблемой чередований в спряжении глаголов связаны частые ошибки при образовании форм повелительного наклонения (ср. напр., неправильные формы *opraj*, *trčaj* вместо *operi*, *trći* от глаголов *oprati*, *trčati*).

Из сложных моментов в области синтаксиса здесь отметим лишь два: управление и порядок энклитик в предложении. Как правило, сербские глаголы и существительные требуют послесебя тех же предлогов и падежей, что и в аналогичных примерах в русском языке (*čitati* + Вин.п., *šetati po* + Дат.п., *razgovor o* + Предл.п., *živeti oko* + Род.п.). Однако в массе случаев управление в сербском языке отличается от русского, и такие прежде всего глаголы стоит давать списком для заучивания и регулярного повторения (*podsećati* + Вин.п. *na* + Вин.п. «напоминать кому-то кого-то или что-то», *čestitati* + Дат.п. + Вин.п. «поздравлять кого-то с чем-то» и др.).

В сербском языке строго соблюдается порядок энклитик, то есть кратких безударных форм глаголов и местоимений, в предложении. Частой ошибкой слушателей является несоблюдение этого порядка,

поэтому преподаватель должен на занятиях предлагать как можно большее количество упражнений на отработку данной темы.

В заключение отметим, что обучение сербскому языку нефилологов имеет свою специфику. Преподавателю необходимо, не углубляясь в теоретические основы, и порой в достаточно краткие сроки научить слушателя понимать иностранную речь, грамотно выражать свои мысли и общаться на иностранном языке, использовать его в своей профессиональной деятельности. Выше были изложены некоторые явления сербской фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса, которые, с нашей точки зрения, представляют наибольшую трудность для таких слушателей. На эти моменты стоит обращать максимальное внимание на занятиях и отрабатывать их с помощью большого количества упражнений.

Л и т е р а т у р а

1. Гудков В.П. Сербохорватский язык. М., 1969.
2. Попова Т.П. Сербскохорватский язык. – Москва, 1986.
3. Стевановић М. Граматика српскохрватског језика за гимназије. – Обод Цетиње, 1971.
4. Јармак В. Актуелни методолошки проблеми наставе српског језика као страног за студенте почетнике у Украјини // Славистика. – Београд, 2001, 5. С. 245-255.

С.Н. Юсупова (Москва)

Опыт сравнительного лингво-текстологического анализа трех списков рукописи «Возражение или разорение смиренного Никона»

«Возражение или разорение смиренного Никона, Божию милостью патриарха, противу вопросов боярина С. Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигаридиусу и на ответы Паисеовы» – это труд в 900 рукописных листов, написанный патриархом Никоном предположительно в 1662-1665 гг. и выражающий его взгляд на государственную и духовную власти. Оригинал рукописи утерян, а списки хранятся в отделах редких книг разных библиотек: в ГИМ – №133 (копией пользовались митрополит Макарий (Булгаков), В. Пальмер); в РНБ – №218 (копией пользовался Н.Ф. Каптерев); в Софийском собрании рукописей – №1371; в БАН – №1719 (из собрания Антоние-Сийского монастыря); в РГБ – № 37 (из коллекции И.Д.Беляева) и № 1411 (из собрания Ундольского), в РГАДА – Ф.27, Д.140 (копией пользовался В.В. Шмидт), во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике – №В-5636/144.

Памятник никогда не издавался в оригинальном виде (на церковнославянском языке) в России или за рубежом.

В 1871 г. английский писатель диакон В. Пальмер перевёл «Возражение» на английский язык и издал его на английском языке в шести томах под заглавием “The Tsar and The Patriarch” (Лондон, 1871-1876

гг.). Как считает профессор Г.В. Вернадский, Пальмера больше интересовали исторические факты, поэтому при переводе «Возражения» на английский язык он заменял толкования патриархом Никоном библейских текстов на дословные цитаты из источников и опускал некоторые части текста. Это, вне всякого сомнения, меняет стилистику текста и не даёт читателю понять особенности произведения.

В 1931 г. профессор Варшавского университета М.В. Зызыкин написал труд «Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи» и изложил содержание рукописи, однако это не было изданием самого текста.

В 1962 году профессор Г.В. Вернадский связался со старшим сотрудником Пушкинского дома АН СССР В.И. Малышевым, который передал ему микрофильм списка рукописи, принадлежавшей Крестному Онежскому монастырю. На основе этого микрофильма ученицей В.Б. Якобсона Валерией Гуминой была подготовлена современная транскрипция текста с небольшим филологическим комментарием. Профессор Г.В. Вернадский написал вводную статью, дал описание присланного текста, изложил основные идеи рукописи, и все эти материалы были опубликованы в 1965 г. в Амстердаме издательством Mouton в книге «Patriarch Nikon on Church and State». Тем не менее, описание памятника имеет довольно общий характер: отмечена некоторая путаница страниц, упомянуты случаи описок, неверной постановки знаков ударения и пропусков в тексте, дана характеристика шрифта (полуустав, переходящий в скоропись), проанализированы названия глав-возражений. Сами исследователи отмечали, что необходим полный лингвистический анализ «Возражения», сравнение разных списков рукописи – в их же распоряжении был только один вариант, так называемая ленинградская копия (далее – ЛК).

В 1999 году сотрудник РАН В.Д. Назаров предпринял попытку изучения имеющихся десяти списков «Возражения» с целью проведения тщательного текстологического анализа, который позволил бы определить архетипную авторскую редакцию, но работа была остановлена в связи с прекращением финансирования исследования. В.Д. Назаров обнаружил, что одна часть списков была создана в 60-е годы XVII в. – в начале XVIII в., а другая – в первой половине XIX века.

В 2004 г. «Разорение» было опубликовано В.В. Шмидтом в Москве. Однако текст был также набран современным русским шрифтом и не содержал никаких лингво-текстологических комментариев.

В 2012 г. Н.В. Воробьева опубликовала в «Вестнике ТГУ» статью, в которой был дан анализ цитат из Псалтири в «Возражении».

В настоящем докладе предпринята попытка сравнительного анализа текстов Воскресенского списка №133 (далее – ВС), ЛК и копии из РГА-

ДА с целью выявления орфографических, синтаксических и графических особенностей этих трех списков, так как это вполне естественно, что при копировании рукописей часто делаются ошибки, отражающие состояние языка в конкретный период и особенности речи переписчика.

По свидетельству архимандрита Леонида (Кавелина), впервые Воскресенский список упоминается в описи 1751 года, а в предыдущей описи 1680 года список не значится [Леонид Кавелин 1871], поэтому можно предположить, что ВС был сделан в конце XVII – начале XVIII вв.

Среди графических особенностей ВС следует отметить, например, частую замену «и» десятиричного на «и» восьмеричное. Такое написание не было свойственно патриарху Никону, что видно при изучении других его рукописей, например «Поучения о моровой язве». Однако писец довольно последовательно передает характерное для патриарха использование юса малого, например, в возвратной частице – **са**, чего уже нет в более позднем списке, хранящемся во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. В «Поучении» находим написание слова **дїаконѣ** через «а», а в ВС – **дїаконѣ** написано с **а**: возможно, переписчик ВС по аналогии с другими словами заменял **а** на **а**.

При анализе текстов писем патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу, опубликованных в книге С.К. Севастьяновой «Эпистолярное наследие патриарха Никона: переписка с современниками», обнаружилось, что патриарх практически всегда пишет в родительном падеже прилагательных церковно-славянское окончание –аго (**стаго ѿца филиппа; незабѣдетѣ мѣ бѣднаго и грѣшнаго; кирпичѣ дѣланаго**), хотя в некоторых его письмах появляется и характерное для московских говоров того времени –ово (**казѣнново дїака**) [Севастьянова 2007: 366, 380, 383]. Список РГАДА и ЛК последовательно дают окончание –аго, а в ВС иногда встречаем окончание –ого (**Иерлѣмского началоꙋчитла**), что, скорее всего, характеризует язык переписчика, а не автора.

Также в письмах патриарха Никона практически всегда встречаем [ʒd] на месте *dj: **ѣкоже и прѣжде; паки ѿ грамотѣ еже прѣжде тебѣ бывшихѣ** [Севастьянова 2007: 383, 402]. В ВС встречаем русизм **прѣже** (л. 1об.), а в ЛК и в списке РГАДА – церковнославянизм **прѣжде**. Однако в списке РГАДА тоже встречаются подобные случаи: **ѿсѣжденѣ** вместо **ѿсѣжденѣ** (ВС и ЛК дают [ʒd]).

В своих письмах Никон часто называет себя «смиреным», предпочитая в этом прилагательном, как и во многих других наречиях и причастиях, ставить одну букву «н»: **ѿной бѣжтвенной; ѿбаче истинно бысть сщѣномѣ; аще ѿ не истинноѣ** [Севастьянова 2007: 383-384, 387]. В ВС

также встречаем написание с одной «н», в то время как в списке РГАДА – часто характерное для книжной речи написание с двумя «н».

В ВС между страницами 4об. и 8 пропущен большой кусок текста, который есть и в ЛК, и в списке РГАДА. Этот пропущенный текст содержит правила Антиохийского и Карфагенского соборов и толкования к ним. Профессор Г.В. Вернадский также отмечает пропуски некоторых страниц в ЛК: например, лист 173 пуст. По его мнению, переписчик оставил место, чтобы вписать недостающие части текста позднее. В ВС нет незаполненных листов, однако и здесь наблюдается некоторая путаница. Так, после листа 354 меняется почерк писца, а номер страницы проставлен также совершенно другим почерком. Эти листы, написанные другим почерком, идут до 364-го листа (который вообще не пронумерован), а затем снова следуют 355, 356 листы и т.д., причем эти страницы снова написаны прежним почерком. Таким образом, можно сделать вывод, что эти листы были утеряны в оригинале, с которого переписывался ВС, затем восстановлены на основании другого списка, а страницы Воскресенской рукописи нумеровались до того, как была сделана вставка.

В Воскресенской рукописи довольно часты описки, пропуски букв и служебных слов. Так, на листе 3 в предложении «**и той мѣсть да прійдетъ своегò везчїнїа**» вместо слова «**прійдетъ**» должно быть написано слово «**прійметъ**», что и находим в ЛК и в списке РГАДА. Очевидно, эта ошибка была вызвана невнимательностью писца.

Тщательное сравнение существующих списков поможет не только восстановить точный текст «Возражения», но и, возможно, позволит определить самую раннюю из копий.

Л и т е р а т у р а

Леонид Кавелин. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря и заметки о старопечатных книгах того же книгохранилища. Издание Императорского Общества истории при Московском университете. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1871.

Никон, патриарх. «Возражение или разорение». – ГИМ, отдел рукописей, Воскресенские бумаги, № 133.

Патриарх Никон. Труды / Под общей ред. В.В. Шмидта. – М., 2004.

Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: переписка с современниками. Исследования и тексты. – М., 2007 – С. 366, 380, 388, 402.

Шмидт В.В. Патриарх Никон и его наследие в контексте русской истории, культуры и мысли: опыт демифологизации: Автореф. дисс. д. филол. н. – М., 2007.

Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's "Refutation" / Ed. by V.A. Tumins and G. Ver-nadsky. – Berlin, N.Y., Amsterdam, 1965.

О. Ягинцева (Тарту)

«Редупликация и повтор как активные средства бытового терминообразования (на материале народных говоров)»

Редупликация является одним из продуктивных способов формо- и словообразования в различных языках. В истории языка и в его современном развитии также представлен довольно широко способ семантического повтора. В лексической сфере редупликация и повтор используются для создания новых слов.

Данный доклад посвящен отражению редупликации и семантического повтора в названиях бытовых терминов. Такие названия встречаются во многих русских диалектах. Большой материал о редупликации в различных языках мира представлен в работе Ф. Р. Минлоса [Минлос 2004].

В основе образования многих бытовых терминов в русских говорах может лежать семантический повтор или редупликация. Учитывая активность семантического повтора, мы можем предложить правдоподобное объяснение происхождения сущ. *талаболка* 'глиняный ручной-ник', до сих пор не имеющего этимологии [Фасмер 1986–1987 IV: 14], и некоторых других лексем, встречающихся в славянских языках.

Далее более подробно остановимся на диал. сущ. *тарабарка* 'подставка под котлом из трех палок'. Однозначной этимологии у него до сих пор нет, и мы специально исследовали его детально.

М. Фасмер констатирует тот факт, что ясность относительно этимологии этой лексемы еще не достигнута. Он определяет слово в разряд, так сказать, темных [Фасмер 1986–1987 IV: 20]. Трудность этимологизации данного существительного заключается в том, что мы не располагаем никакими сведениями о его истории и бытовании (кроме информации о том, что в этом же говоре слово имеет еще одно значение 'перекладина в стенке арбы'). Но обращение к другим словарям позволило нам собрать некоторый материал, хотя бы косвенно способствующий прояснению этимологии данной лексемы.

Е.И. Якушкина (Москва)

Лексема **zěbje* и ее семантика в славянских диалектах

Продолжения прасл. **zěbje* встречаются во всех славянских языках. У южных и юго-западных славян слово обычно встречается в значении 'капуста', 'щавель', а также как название других листовых огородных

культур: болг. *зеле* 'капуста', с.-х. *зеле* 'овощи, щавель', диал. 'капуста', макед. *зелје* 'шпинат, щавель', словен. *zelje*, чеш. *zelí*, словацк. *zelie* 'капуста'. У северо-западных и восточных славян лексема распространена в значении травы, в том числе несъедобной и с особыми (лечебными, наркотическими и т.п.) свойствами, и аналогичных напитков: польск. *ziele* 'лекарственная трава', в.-луж. *zeal, zelow* 'травы особенно целебные', укр. *зілля* 'трава, иногда зелень, настой на травах, водка', бел. *зелле* 'зеленый корм, настой на травах', русск. диал. 'трава, сорняки', литер. 'настой на травах как лечебное или отравляющее средство'; 'водка, табак'; 'злой, вредный человек'. У северных славян, особенно у русских, продолжения лексемы **zelje* указывают на дикое растение, часто сорное, вредное или даже опасное: русск. *зеле* 'трава, сорняки, бурьян'. Вторую группу значений русской лексемы *зеле* можно описать как 'трава, употребляемая внутрь с целью лечения, отравления или наркотического воздействия'. К этой группе значений примыкают этические оценки, главным образом, негативные, производные от *зеле* 'отрава': 'злое дело', 'грубый, сердитый человек', 'плохой человек', 'беспутный человек', 'зло'.

И. Янышкова / Irena Janůšková (Брно)

Названия болезней в старославянском языке

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта (GA ČR) № 13-17435S.

Настоящий доклад посвящен этимологическим толкованиям названий болезней и недугов в старославянском языке. Источником материала стал «Словарь старославянского языка/Lexicon linguae palaeoslovenicae» [SJS], который, помимо канона классических текстов, имеет дело также с лексиконом библейских, литургических, агиографических, гомилетических, правовых и т. п. текстов, возникших в первый период переводческой деятельности Кирилла и Мефодия, даже если они не сохранились в каноническом виде; в словарь включен также лексикон церковнославянских текстов чешского извода. Этот материал позволяет реконструировать представления о болезнях и недугах средневекового человека через призму этимологических толкований соответствующих слов, ср. [Вендина 2002: 66 сл.].

Большинство старославянских названий болезней и недугов славянского происхождения, они являются продолжениями праславянских основ, которые засвидетельствованы также в других славянских языках. Это, например, ст.-слав. *dъna* 'подагра' (< праслав. **dъna*), *morъ* 'чума' (< праслав. **morъ*), *trъdъ* 'какая-то болезнь', *vodъnyi trъdъ* 'водянка' (< праслав. **trъdъ*) и др. Некоторые старославянские названия отмечаются

в других славянских языках лишь спорадически; это касается, например, цслав. *дуть* ‘чума, моровая язва’. Названия болезней славянского происхождения нередко оказываются мотивированными способом проявления этих заболеваний. Это касается, например, ст.-слав. *осъру* мн. ч. ‘оспа’ (< праслав. **ob-sъra* *‘болезнь, при которой высыпает сыпь’, см. [ESJS 10: 602]), *рѣготу* мн. ч. ‘проказа, нарывы у прокаженного, язвы’ (< праслав. **рѣгъ* ‘пестрый, пегий’), *трѣсавица* ‘лихорадка, озноб’ (< праслав. **трѣсти* ‘трясти’) и др. В некоторых случаях происходит семантический сдвиг, ср., например, ст.-слав. *raslabljěnъ*, образованное от прилагательного **slabъ*: помимо ‘ослабевший, слабый’, оно означает также ‘парализованный, разбитый параличом’.

Среди старославянских слов, обозначающих разные болезни и недуги, имеются также сложные слова, чаще всего кальки из греческих источников: например, ст.-слав. *тѣногоболѣзньнъ* ‘страдающий многими болезнями, многострадальный’ калькирует греческое *πολύπνοος*.

Старославянский язык заимствовал названия болезней прежде всего из греческого языка, а также из других языков. К примеру, греческим заимствованием является цслав. *ганъгрена* ‘гангрена, рак’, а древневерхненемецким – цслав. *гринътанъ* ‘прокаженный’.

В докладе рассматриваются также ст.-слав. слова, обозначающие разные психо-физиологические страдания, ср. ст.-слав. *глухъ* ‘глухой’, *хромъ* ‘хромой, с больными ногами’, *слѣкъ*, *слѣкъ* ‘сгорбленный, хромой, парализованный, калека’ и др.

Л и т е р а т у р а

Вендина 2002 – Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Изд-во «Индрик», 2002. – 334 с.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského / Red. E. Havlová, A. Erhart, I. Janůšková. 1-14 Praha: «Academia» 1989–2008, 15 – Brno: «Tribun EU», 2010–.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae. 1–4 / Red. J. Kurz, Z. Hauptová. – Praha: «Academia»; «Euroslavica», 1966–1997. 5 Addenda et corrigenda / Red. Z. Hauptová. Praha: «Euroslavica», 2010–.

Agnieszka Czajkowska (Częstochowa)

Józef Ignacy Kraszewski w XXI wieku. Przemiany kanonu / Józef Ignacy Kraszewski in the XXIst century. The changes of the canon

Badania nad twórczością Józefa Ignacego Kraszewskiego, prowadzone przez historyków literatury, związane są ściśle zarówno z historycznie i politycznie uwarunkowanym statusem tej dyscypliny, jak również podlegają wpływowi zmieniających się paradygmatów badawczych oraz preferencji metodologicznych. W wieku XX pisarz pełnił rolę jednego z fundamentów oficjalnej ideologii, dlatego też podejmowano systematyczne badania nad

jego powieściami historycznymi, które uzasadniały ustalenia jałtańskie oraz nad powieściami ludowymi, które posiadały wpisowały się w idee demokracji socjalistycznej. Koniec XX wieku, wraz z przemianami społecznymi, przynosi odwrót od historycznych i społecznych racji wyrażanych przez Kraszewskiego i wiąże się z zainteresowaniem obrazem codzienności, zawartym w jego prozie. Wiek XXI można nazwać renesansem w badaniach nad Kraszewskim. Sięgają po niego badacze coraz młodszy, zainteresowaniem cieszą się formy intymistyczne, utwory autotematyczne i wypowiedzi metaliterackie. Sięga się do innych przejawów aktywności pisarza, np. jako malarza i rysownika. Badania nie dążą do „wielkiej syntezy”, nie mają ambicji tradycyjnie monograficznych, odzwierciedlają pluralizm, eklektyzm, epizodyczność i atrofię współczesnej wiedzy o literaturze.

The research concerning the works of Józef Ignacy Kraszewski, which was conducted by literary historians, is strictly connected with the historically and politically-conditioned status of that discipline and is also influenced by the changing research paradigms and methodological preferences. At the end of the XXth century, the writer played the role of one of the foundations of the official ideology and due to that fact systematic research concerning his historical novels, which justified Yalta agreements, and folk novels, which became the part of the ideas of socialist democracy, was performed. The end of the XXth century, alongside social changes, causes the shift from political and social arguments expressed by Kraszewski towards the interest concerning the reality, which is incorporated to his writing. The XXIst century can be called the renaissance of the research about Kraszewski. Younger and younger researchers are becoming interested in him, and his intimistic forms, autothematic works and metaliterary expressions are becoming increasingly popular. Other aspects of Kraszewski's activity, such as drawing and painting are also investigated. This type of research does not aim at creating “the great synthesis” and are not characterized by traditionally monographic traditions, but they reflect pluralism, eclecticism, episodic nature and atrophy of the contemporary knowledge about literature.

Erika Brtáňová (Bratislava)

Panslavizmus a Jonáš Záborský

Slovenský spisovateľ Jonáš Záborský (1812 – 1876) je pokladaný za racionalistu osvieteniského typu. Tento vizionár a reformátor sa stal propagátorom panslavizmu.

No obraz pansláva nemá v jeho literárnej tvorbe iba ideálnu podobu. Lebo k projektovanej realite zaujímal prevažne kritický postoj. Kým v

autobiografickej poviedke Panslavistický farár predstavil prototyp národne uvedomelého intelektuála, v paródii na „fantastickú hrdinskú báseň“ *Faustiáda* a v poviedke *Šofránkovci* podal satirický pohľad na panslávov. V tematizovaní panslavizmu pokračoval aj v kratších príspevkoch publikovaných v humoristicko-satirickom časopise *Černokňazník*.

Metodi Glavche (Skopje)

Знание как понятие в языке и в математике

Одной из основных и самых важных задач обучения по предметам, а также общего процесса обучения, проходящего в школе, является усвоение знаний учениками. На основании показанных результатов можно сделать заключение не только об эффективности процесса обучения по отдельному предмету, но и в отношении прохождения самого процесса усвоения общих знаний учениками. Нам известно, что слово “знание” является одним из самых употребляемым понятий в школьной практике, а достаточно часто мы встречаемся с ним нашей среде обитания, в ежедневной жизни. Если мы попытаемся в общих чертах сказать, что же мы подразумеваем под понятием “знание”, является ли это только системой фактов и обобщений, обладанием определенными научными знаниями или информированностью о понятиях в определенной научной области, то сможем констатировать, что понятие “знание” можно определить различными способами, с различных аспектов, в различных областях науки, а это объясняется его многозначностью, т.е. способностью объединять в себе различные значения в различных контекстах. Нашей целью в данном научном труде будет определение и представление понятия “знание” в языке и в математике, как в двух науках, не имеющих между собой тесных связей, но располагающих почти идентичными систематическими структурами, поставленными на основе логических и ассоциативных связей.

D. Hučková (Bratislava)

Téma ideologie v súčasnej slovenskej literatúre (Тема идеологии в современной словацкой литературе)

Hoci v politickej a spoločenskej oblasti je namieste v súvislosti s rokom 1989 hovoriť o významnom prechode, medzníku či začiatku novej epochy, v literatúre „ponovembrová situácia bezprostredne nepriniesla nové témy ani zmeny poetík“ (Mikula 1999: 32).

Dominantnou generáciou v deväťdesiatych rokoch sa stali autori, ktorých začiatky boli spojené s literárnou situáciou prvej polovice šesťdesiatych rokov. Viacerí autori z tejto silnej generácie odmietli v sedemdesiatych a osemdesiatych rokoch účasť na ideologických konštruktoch a vonkajšiu totalitu neprijali. Práve pre nich sa prvá polovica deväťdesiatych rokov stala obdobím aktívnej publikačnej prezentácie. Ide najmä o spisovateľov ako **Ján Johanides, Rudolf Sloboda, Pavel Vilikovský, Pavel Hruz, Dušan Dušek, Dušan Mitana, Alta Vášová**. Priradujú sa k nim i **Stanislav Rakús** a **Lajos Grendel**, po maďarsky píšuci, na Slovensku žijúci spisovateľ, ktorý sa do slovenského literárneho kontextu zaraďuje sprostredkovane prostredníctvom slovenských prekladov.

V tvorbe uvedených autorov po roku 1989 veľmi silno rezonujú témy totality a vnútornej slobody jednotlivca. Keďže je im však všetkým vlastná nedôvera voči ideológii vo všetkých jej podobách, vo svojich dielach sústredene spochybňujú a relativizujú ideologický výklad sveta, popierajú jeho absolútnosť. Vo svojich prózach sa vzťahujú ku konkrétnemu človeku – k malému človeku vo veľkých dejinách, v regionálnom slovenskom kontexte (J. Johanides, P. Hruz), ale aj v cudzine (P. Vilikovský) a tiež vo fiktívnych priestoroch (L. Grendel), pričom nastoľujú otázky existencie človeka v politickom systéme totalitnej spoločnosti, konfrontujú ich na jednej strane s ideou života v pravde, na druhej strane s post-totalitným rozpadom hodnôt. Pluralitný pohľad sa pre nich stáva jednou z podôb relativizácie dovtedajšej jedinej interpretácie sveta – v tomto rámci sa pohybujú medzi postmodernou brikolážou a realizmom.

Návraty k ideológii majú v slovenskej literatúre daného obdobia dve základné podoby. V tej prvej dominujú traumy histórie a analýza zla, tak spoločenského, systémového, ako aj osobného, individuálneho (J. Johanides: *Trestajúci zločin*, 1995; L. Grendel: *Masový hrob*, 1999; P. Vilikovský: *Vlastný životopis zla*, 2009), a to na línii od moralizátorského gesta cez parodickú intenciu po ironickú skepsu. V druhej skupine ide o ironizovanie oficiálnej interpretácie dejín, o ich persiflážny prepis (P. Hruz: *Hore pupkom, pupkom sveta*, 1998), či ich imitáciu (P. Vilikovský: *Silberputzen – Leštenie starého striebra*, 2006). Predmetom výsmechu je „desémantizovaný jazyk

totalitnej ideológie“ (P. Vilikovský) (Darovec 2007: 111), rovnako ako aj malosť, nacionalizmus a malomeštiacke myslenie (L. Grendel, P. Hruz).

Post-ideologické návraty k ideológii sú dôležitou témou aj pre iných než len vyššie spomenutých autorov, a to naprieč rôznymi generáciami. Aj oni prednostne vychádzajú zo spochybňovania a relativizovania doterajších výkladov, pričom sa tak deje v rámci rôznych konceptov. Častým konštrukčným východiskom je rozprávanie totožného príbehu z hľadiska viacerých postáv (Jana Juráňová: *Orodovnice*, 2006) alebo viacnásobné uchopovanie jednej témy v plynutí času (Dušan Šimko: *Gubbio*, 2009). Aktuálne je aj rozprávanie doslova z pohľadu zdola, keďže viacerí autori pri literárnom stvárňovaní konfrontácie veľkých dejín a malých ľudských príbehov v nich využili hľadisko detského rozprávača, čím sa ešte násobí aj tak pokrivený obraz doby poznačenej ideologickými deformáciami. Podanie z pohľadu dieťaťa je v nich poznačené posunmi z dôvodu naivity, neskúsenosti, detskej čistoty – tento postup využila napr. Irena Brežná v knihe *Na slepačích krídlach* (2007), ale tiež Ľubo Dobrovoda v prózach *Ja, malkáč* (2005) a *Ja, veľkáč* (2008), či Milan Zelinka v knihe *Teta Anula* (2007).

Záujem postihnúť dramatickosť moderných slovenských dejín 20. storočia cez vzťah jednotlivca a doby poznačenej ideológiou prozaicky prezentoval aj **Pavol Rankov**: dokladajú to dva jeho spoločensko-historické romány *Stalo sa prvého septembra* (2008), s časovým záberom 1938 – 1968, ako pokus o výpravné epické postihnutie dejinných peripetií 20. storočia cez príbeh trojice priateľov a ich spoločnej lásky, a *Matky* (2011), príbeh slovenskej ženy väznenej v ruskom Gulagu, s presahom do aktuálnej súčasnosti.

Л и т е р а т у р а

- BARBORÍK, Vladimír: *Pavel Hruz*. Bratislava: Kalligram, 2000.
- CSIBA, Karol: Rafinovaná analýza zločinov a trestov v prózach Jána Johanidesa (Zločin plachej lesbičky, Holomráz, Trestajúci zločin). In: *Slovenská literatúra*, roč. 56, 2009, č. 5-6, s. 470 – 473.
- DAROVEC, Peter: *Pavel Vilikovský*. Bratislava : Kalligram, 2007.
- MIKULA, Valér: „Červené“ päťdesiate v „zlatých“ šesťdesiatych“. In: *Romboid*, roč. 39, 2004, č. 1, s. 36 – 45.
- MIKULA, Valér: *Slovník slovenských spisovateľov*. Praha : Libri, 1999.
- PRUŠKOVÁ, Zora: *Keď si tak spomeniem na šesťdesiate roky... (Niekoľko pohľadov na súčasnú slovenskú prózu)*. Bratislava : Proxy, 1994.
- SOUČKOVÁ, Marta: *P(r)ózy po roku 1989*. Bratislava : Ars Poetica, 2009.

Marija Emilija Kukubajska,
Aleksandar Donski (Ckonje)

Ancient and global 21st c. rights to literary and linguistic identity

The aim of this research is to bring to the 21st century bank of information newly justifiable and sustainable rights to intellectual property and cultural identity, in the currently promoted global justice rights, despite of the controversial nature of the concept of global culturalism and linguistic issues. The object of this endeavor is The Macedonian Poetry Selection done from the „*Anthologia Graeca*“. Many of the authors in the “*Anthologia Graeca*”, published 1916 in London by W.R. Patton, claim their national, cultural and language identity as Macedonian, and did not consider themselves Hellenic. Such are Phillip the Macedon, Adei the Macedon, Atniphanes from Macedonia, Parmenion from Macedonia, Macedon from Thessalonica, Isador from Aegei, Zoil from Amphipole etc. The co-authors of this research give themselves the right to defend the cultural and linguistic identity of the ancient authors as Macedonia, on the basis of another fact from the “making” of this manuscript, which has not be referred to as Greek anthology from its initial versions. Two other manuscripts are revealed as the foundation: *The Palatian Anthology*, from the 10th c. and the *Planudes Anthology*, from the 14th c. both based on even older ancient poetry collections. A poet from the 1st century B.C., Meleagar from Gadara, authored a version that preceded these two collections and this first collection had been edited by a Macedonian signing himself as Phillip from Thessalonica, from the 1st c. A.D. He was the first one to also use the term anthology. The reference Greek has been added much later. The goal of this research is to use the academic, literary and linguistic rights in this age of global culture and literature, in order to give some new approaches to many misrepresented literary identities from the past. This research uses multiple scientific data to prove the cultural and literary identity of the Macedonians as different from the Hellenic. Ex: Papyrus (PSI XII. 1284) by Arian (92-175 AD), mentions episode from the Macedonian history that clearly determines the distinctiveness of the Macedonian language: Eumeni, the secretary of Alexander the Great, “...sent forth a man, named Kseni, who spoke Macedonian...” to negotiate with Neoptolemaic army (321 B.C.). We believe that the *discovery* of the authentic Macedonian identity of the authors in the Anthology of Ancient Macedonian poets, will be an asset to the volumes of research collected for your academic anniversary and your international Slavic languages history and evolution through literary and cultural heritage.

Functional Aspects of Multifunctional Derivation in Slavic Languages

Any functional approach to word-formation in terms of a Jakobsonian means-end model of language must depart from the assumption that the primary function of word-formation is lexical enrichment, i.e. the supply of lexical items expressing either new content or differentiating existing content. It follows from the modularity of the language system that the basic function of expressing content can be fulfilled by more than one of its components, but lexical enrichment is best fulfilled if procedures are made available that can be applied productively and multiply, and it is fulfilled even better if the productive and multiple application of these procedures does not impair redundancy. While the universal preference for fulfilling the onomasiological function of lexical enrichment by means of derivational morphology is deducible from general principles of cognition (cf. Tuggy [2005], Ungerer [2007]), what remains a major research task is the establishment of principles determining what is the most effective way of providing the lexicon with items that conform not only to the cognitive needs of specification and categorization but also to the communicative needs of characterization and instantiation.

The main thesis of this contribution is that multifunctionality and polysemy are synergetic in the enhancement of the productivity of derivational patterns. Evidence for this assumption will be illustrated with examples from Slavic languages.

Slavic languages offer an interesting perspective on derivational multifunctionality and polysemy due to the fact that the inherited Indo-European system of derivational morphology, already transcending regularity of semantic categorization at an early stage, has not only remained productive for some part in this branch of the family, but also has become elaborate to a considerable degree. Furthermore, language contact has brought about new suffixes and new patterns of derivation at different times and in different parts of the Slavic-speaking area, thus leading to a fairly complicated situation that calls for systematic inquiry. In the interest of brevity, the contribution will be limited to a particular semantic domain.

Agentive, instrumental and locative formations in Slavic employ a vast amount of suffixes, some of which are common to all individual Slavic languages, while others are productive (or have evolved) only in particular regions of the Slavic-speaking area. This contribution is also intended to refresh the theoretical interest in the most characteristic features of agentive, instrumental and locative formations across Slavic languages, including Old

Church Slavonic as the representative of a diachronically earlier language state. In order to clarify the specific setting of particular derivational patterns, attention will focus on multifunctionality, i.e., applicability of one and the same suffix to verbal and nominal (including adjectival) bases, and on derivational polysemy as a pervasive phenomenon (cf. Luschützky, Rainer [2011] for a cross-linguistic account of agent-noun polysemy).

In a first step, the inventory of derivational patterns in the language of the oldest accessible texts, i.e. Old Church Slavonic, will be outlined, in order to set the stage for the expansion of the derivational systems in the present-day languages.

In a second step, the contribution of early borrowings, most notably Latin nouns in *-arius*, to the wealth of derivational patterns will be sketched.

The main part of the presentation will be devoted to the phenomenon of multifunctionality and its consequences for the functional analysis of the derivational system.

Multifunctionality appears to enhance the productivity of derivational morphemes by increasing the availability of derivational bases. All other things being equal, a speaker in need of a new term will probably prefer to use a suffix that dispenses her or him from caring about the morphological category of the base form, if in his language there is a choice between such a suffix and another one with more restricted applicability. Furthermore, the availability of a suffix for ad-hoc formations in spontaneous speech is likely to correlate with the generality of its meaning: a suffix forming nouns with the meaning ‘an X having to do with Y’ is prone to be more productive than a suffix with a more specialized meaning, particularly if the ‘Y’ can be a noun as well as an adjective or a verb.

For example, in the case of the Slavic suffix *-nik*, both factors, i.e. multifunctionality and unspecificity of meaning, seem to have enhanced the productivity of this derivational marker. This suffix, appearing as *-nikŭ* in Old Church Slavonic, is highly productive in all Slavic languages and has acquired a wide range of meanings. In Bulgarian, for instance, one can find plain agentivity, as in *работя* ‘to work’ → *работник* ‘worker’ besides patientivity, as in *познавя* ‘to get to know’ → *познайник* ‘acquaintance’, and also deadjectival derivations like *празен* ‘empty, free’ → *празник* ‘holiday’. As is typical for multifunctional suffixes, the derivational base is not always unambiguously evident. In Macedonian, both nominal *пат* ‘road’ and verbal *патува* ‘to travel’ could serve as a base for agentive *патник* ‘traveller’. The same holds for *рече* ‘to say’ → *речник* ‘dictionary’, where the derivational base could be as well the noun *реч* ‘speech’. Also place nouns are productively formed with *-ник*, e.g. Macedonian *свинярка* ‘swineherd’ → *свинярник* ‘pigsty’, as well as with its feminine form *-ница*, e.g. *училница* ‘classroom’.

Special attention will be paid to derivations that are on the semantic borderline between instrument and place nouns, e.g. Slovene *črnilo* 'ink' → *črnilnik* 'inkwell'. A cross-linguistic investigation on instrument and place nouns [Luschützky, Rainer, in press] has provided evidence that containers and vessels constitute a pivot category for the semantic transition from instrumental to locative meaning.

References

- Luschützky H.Ch., Rainer F. Agent noun polysemy in a cross-linguistic perspective // Sprachtypologie und Universalienforschung 64, 2011. – P. 287-338.
- Luschützky H.Ch., Rainer F. Instrument and place nouns: a typological and diachronic perspective // Linguistics (in press).
- Tuggy D. Cognitive approach to word-formation // Handbook of Word-Formation / eds. P. Štekauer, R. Lieber. – Dordrecht: Springer, 2005. – P. 233-265.
- Ungerer F. Word-formation // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / eds. D. Geeraerts, H. Cuyckens. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 650-675.

L. Madelska (Wien)

Komputerowe wspomaganie rozwoju procesów fonetyczno-fonologicznych na przykładzie języka polskiego i niemieckiego

Admirał Vernon, czyli Old Grog, nakazał rozcieńczać serwowany marynarzom rum, nowy trunek zyskał nazwę *grog* i wraz z tą nazwą rozprzestrzenił się na cały świat. Słowo jest krótkie, ma stosunkowo prostą fonotaktykę, występuje w wielu językach w podobnej postaci graficznej, natomiast po sposobie jego wymowy często da się rozpoznać język ojczysty mówiącego. Już sam sposób realizacji fonemu /r/ wiele nam zdradzi: Amerykanie wymawiają ten dźwięk inaczej niż Szkoci czy Anglicy, Niemcy preferują wibrację uwularną, Polacy – apikalną, za to zarówno Niemcy, jak i Polacy ubezdźwięcznią wygłos, mimo iż dźwięk 'g' potrafią realizować (por. niemiecka czy polska wymowa słowa 'geografia'). Włosi wymówią początek słowa 'grog' podobnie jak Polacy, lecz dodadzą element wokaliczny w wygłosie (por. [grɔg³]: <http://pl.forvo.com/word/grog/#it>), natomiast u Japończyków usłyszymy coś w rodzaju [g^urɔg^u]. Taka wymowa odzwierciedla niektóre tylko procesy fonetyczno-fonologiczne, charakterystyczne dla języka japońskiego, jak słyszalna w internacjonalizmach substytucja wibrantu przez flap zbliżony do amerykańskiego [r], unikanie spółgłosek wygłosowych poprzez dodawanie elementu wokalicznego czy tendencja do rozbijania zbitok spółgłoskowych elementem wokalicznym (ta właśnie cecha najsilniej zaburza komunikację, por. Madelska 2002). Nielingwiści nie zastanawiają się zazwyczaj nad swoją wymową (przekonani, że 'grog' to 'grog'), toteż ni-

eświadomie przenoszą procesy fonetyczno-fonologiczne ze swoich języków ojczystych do innych języków, które próbują opanować w dorosłym życiu.

Istnieją bardzo dobre materiały dydaktyczne, wspomagające naukę fonologii angielskiej, por. <http://www.youtube.com/watch?v=G0ueYcG9npI>. W polskiej tradycji stosunkowo wiele uwagi poświęca się wymowie, natomiast zaniedbywana była percepcja mowy; lukę tę próbują uzupełnić takie prace, jak Madelska 2007, 2008a, 2008b, 2010a, 2010b, 2012 czy <http://www.wymowapolska.pl>. Powyższe prace pokazują, iż zaniedbania w ćwiczeniu percepcji prowadzą do tego, że uczniowie, którzy mają ograniczenia typowe dla nienatywnych użytkowników języka polskiego (jak percepcyjne zlewanie głosek alweolarnych i palatalnych w jeden szereg, a do tego słabe różnicowanie słuchem samogłosek /i/ oraz /i:/), w konsekwencji mają ograniczone narzędzia mentalne, potrzebne do rozumienia mowy spontanicznej. Cierpi na tym nie tylko słownictwo, lecz także inne podsystemy języka. Oto tylko kilka przykładów tego typu ograniczeń:

- słownictwo: *buzia* : *burza*, *w zimie* : *w Rzymie*; *siny* : *szyny*; *Kasia* : *kasza*
- odmiana czasowników: *muszę* : *musi*; *wożę* : *wozi*
- słowotwórstwo: *mróz* : *mrozić* : *mroźny* : *zamrożony* : *mrożonka*

Na powstającej obecnie stronie <http://www.deutscheausprache.com> proponowane są natomiast ćwiczenia, wspomagające rozwój percepcji w języku niemieckim. Uczący się niemieckiego Polacy czy inni Słowianie, którym zależy na poprawnej wymowie, często starają się przede wszystkim opanować [R] uwularne oraz przydechową wymowę spółgłosek zwartych, gdyż te cechy, obce językom słowiańskim, najsilniej wpadają nam w ucho i uchodzą za wyznaczniki tzw. niemieckiego akcentu. Zdarza się, że młodzi germaniści z Polski po wielu ćwiczeniach prezentują z dumą wymowę 'Rose' jako ['Rɔzɛ] – co prawda z niemieckim wibrantem, ale z krótką, nienapiętą samogłoską [ɔ]. W niemieckim natomiast fonologicznie istotna jest jakość samogłosek (długość czy też napięcie, por. Madelska 2003). W rezultacie wielu studentów, chcąc wyćwiczyć odpowiednie brzmienie w niemieckim, traci czas na cechy charakterystyczne, lecz niedystynktywne, zaniedbując istotne kategorie fonologiczne, tymczasem najpierw należałoby opanować opozycje samogłoskowe w takich paronimach, jak *Ofen* : *offen* : *Öfen*; *Raten* : *Ratten*; *Hüte* : *Hütte*; *Höhle* : *Hölle*; *spuken* : *spucken*; *Miete* : *Mitte*; *beten* : *Betten*, bo tylko to pozwoli na różnicowanie jednostek istotnych dla rozumienia mowy.

Materiały do ćwiczeń percepcji i wymowy w niemieckim i polskim przygotowano w ramach fonologii naturalnej [Donegan i Stampe 2009, Luschützky 2001 i inne prace].

Literatura

Donegan P., Stampe D. Hypotheses of natural phonology // *Poznań Studies in Contemporary Linguistics* 45, 2009. S. 1-31.

- Luschützky H.Ch.* Sixteen possible types of natural phonological processes // Phonology. Critical concepts, tom I: A variety of viewpoints in phonology. Red. Ch.W. Kreidler. London — New York, Routledge, 2001. S. 506-524.
- Madelska, L.* How to mumble // Grazer Linguistische Studien, Frühjahr 2002. S. 53-70.
- Madelska, L.* Kontrastive Phonologie des Zweitspracherwerbs: Polen lernen Deutsch // Sprache(n) Lernen. Chancen und Probleme bei Mehrsprachigkeit, Interkulturalität und Fremdspracherwerb, Wiedeń: ÖGSI, 2003. S. 129-134.
- Madelska, L.* Polnisch entdecken. – Kraków: Prolog, 2007. S. 204.
- Madelska, L.* (opracowanie językowe M. Warchoń-Schlottmann). Odkrywamy język polski. Gramatyka dla uczących (się) języka polskiego jako obcego. – Kraków: Prolog, 2008a. S. 204.
- Madelska, L.* Praxis-Grammatik Polnisch. – Poznań: Lektorklett, 2008b. S. 309.
- Madelska, L.* Posłuchaj, jak mówię: Podręcznik ucznia, Poradnik dla rodziców i nauczycieli. – Wiedeń: ArtJamStudios, 2010a. – S. 231 + 80.
- Madelska, L.* Bliźniacze słowa. Test przesiewowy do badania dojrzałości szkolnej w zakresie percepcji i wymowy dzieci wielojęzycznych. – Lublin: PCN, 2010b. S. 32 + 60 (tablice).
- Madelska, L.* Практическая грамматика польского языка. – Kraków: Universitas, 2012. S. 455.

Multimedia

- Madelska, L.* (projekt, scenariusz, prowadzenie), *Jamrozowicz A.* (reżyseria). Powiedz mi, co widzisz (film dydaktyczny). – Wiedeń: ArtJamStudios, 2009. –DVD 70 min.

Blagica Petkovska (Skopje)

The Macedonian Hermeneias from the XIX Century – Documents for an Important Stage of the Development of the Contemporary Macedonian Language

The Macedonian hermeneias from the XIX century, from a wider – philological aspect, are a significantly insufficiently known cultural – handwritten heritage of Macedonia.

The hermeneias are painting manuals for icon painters and restorers in the eastern Christianity, and as such they represent a special matter which transfers biblical contents – iconography and technology of this kind of painting.

For the Macedonian science of the language, these manuscripts are interesting since they may be taken into consideration from several aspects of analysis in linguistics, and in this way testify, as documents, about the language conditions in the XIX century.

Македонските ерминии од XIX век, од поширок – филолошки аспект, се значајно и недоволно познато културно-ракописно наследство на Македонија.

Ерминииите се сликарски прирачници за иконописци и реставратори во Источното христијанство, и како такви претставуваат специјална

материја што предава библиски содржини – иконографија и технологија на овој вид сликарство.

За македонската наука за јазикот овие ракописи се интересни зашто можат да се земат предвид повеќе аспекти на анализа што ги подразбира лингвистиката, и на тој начин документирано да посведочат за јазичните состојби во XIX век.

D. Podracká (Bratislava)

Cirkulácia sakrálneho v profánnom. Premeny lyrického časopriestoru v súčasnej slovenskej poézii

Štúdiá sa zameriava na premeny lyrického časopriestoru v tvorbe slovenských básnikov (Válek, Ondruš, Haugová a ďalších). Cirkuláciu sakrálneho v profánnom chápe ako vzájomné prelínanie sa oboma smermi. Na jednej strane existujú relatívne nemenné archetypálne oblasti svätej inteligencie ako sú hlboká studňa, výklenok, posvätný strom, hrob, svadobná komora, záhrada, opustené miesto a iné, špecificky obsiahnuté v kultúrnom kóde jednotlivých kultúr. Na strane druhej lyrické časopriestory podliehajú dobovým trendom, modifikujú sa a otvárajú novú naliehavosť smerovania k mravnému ideálu jeho konštrukciou alebo dekonštrukciou. Cirkulácia sakrálneho v profánnom pulzuje v imanentnom využívaní nových možností vyhraňovania sa vnútri jazyka ako aj v postmodernom hľadaní symboliky podobnosti či metaforiky odlišnosti egoizáciou času a subjektivizáciou duchovnej klímy v psycho-duchovnom priestore národnej kultúry.

Elizabeta Ralpovska (Skopje)

The Metaphor in the Descriptive Adjectives

The secondary meanings of the descriptive adjectives, including other lexemes as well, are new meanings which appear as a result of polysemy and are developed according to a determined number of semantic models which are in the process of constant repetition. There are four basic types of semantic transformations which enable the polysemantic spreading of the meaning system of a given lexeme, and at the same time carry out lexical identification and differentiation of the secondary realized meanings in the frames of the meaning system. They are: platysemy, metonymy, synecdoche and metaphor. The presence of these basic polysemantic models in the development of the meaning systems of the descriptive adjectives enables them to be developed as multiple lexemes with a rich polysemantic structure, but also to be represented as multi-meaning lexemes with a rich paradigm production. Platysemy and metaphor occur as basic models in the development of the

adjective meaning systems. In our analysis, we will pay special attention to the metaphoric meanings of the descriptive adjectives which occur as a result of the high productivity of the semes: high / low degree of expression of the characteristic and positive / negative collective valuing of the characteristic. At the same time we will discuss the presence of the metaphor and its productivity in the adjective meaning systems in the frames the of synonymy and antonymy.

Секундарните значења на описните придавки, како и на другите лексеми, претставуваат нови значења кои настануваат како резултат на полисемија и се развиваат според определен број семантички модели кои се во процес на постојано повторување. Постојат четири основни типови на семантички трансформации кои го овозможуваат полисемантичкото ширење на значенскиот систем на една лексема, а истовремено вршат и лексичка идентификација и диференцијација на секундарно реализираните значења во рамките на значенскиот систем. Тоа се: платисемијата, метонимијата, синегдохата и метафората. Присуството на овие основни полисемантички модели во развојот на значенските системи на описните придавки овозможува тие да се реализираат како повеќезначни лексеми со богата полисемантичка структура, но и да се репрезентираат како повеќезначни лексеми со богата парадигматска продукција. Како основни модели во развојот на придавските значенски системи се јавуваат платисемијата и метафората. Во нашата анализа подетално ќе се задржиме на појавата на метафоричните значења кај описните придавки кои се јавуваат како резултат на високата продуктивност на семите: висок/низок степен на изразеност на особината и позитивно/негативно колективно вреднување на особината. Истовремено ќе ги проследиме присуството на метафората и нејзината продуктивност во придавските значенски системи во рамките на синонимијата и на антонимијата.

J. Zambor (Bratislava)

Skladba Jána Buzássyho Pláň

Bánsnická skladba popredného slovenského povojnového básnika Jána Buzássyho (1935) *Pláň* vznikla v lete roku 1970, ale vyšla až roku 2012. Po jej vzniku ju nebolo možné uverejniť. Roku 1982 vyšla pod názvom *Pláň, hory* v celkom inej verzii. Pôvodná skladba *Pláň* sa našla v pozostalosti básnikovho priateľa literárneho kritika Albína Bagina. Skladba je významovo viacrozmerná, ale jej podstatu tvorí vyjadrenie situácie a pocitovosti človeka v Československu po „údere“, ktorý znamenal august 1968. Ľudská situácia sa v skladbe vyjadruje najmä jej projekciou do vyprahutej, horúčavami

a suchom sužovanej krajiny. Osobitnú dôležitosť nadobúda priestorová obraznosť. Slovenský básnik vytvoril svoju vlastnú analógiu známej modernistickej skladby anglo-amerického básnika T. S. Eliota *Pustatina* (*The Waste Land*) z roku 1922, ktorú, mimochodom, roku 1966 preložil do slovenčiny. Buzássyho skladba vyúsťuje do imperatívu mravnej integrity ľudského jednotlivca. Autor štúdie rozkrýva významy a zmysel skladby a jej umelecky bohaté tvarovanie, v ktorom je dôležité aj intertextové nadväzovanie na angloamerickú poéziu, na Shakespearovho Hamleta, na antiku a na slovenskú poéziu šesťdesiatych rokov. Nezabúda na jedinečnú krásu či gnómický charakter mnohých veršov súvisiaci s intelektuálnym založením básnika a poznáateľským charakterom jeho poézie. Ide o pokus priblížiť poéziu slovenského básnika prostredníctvom hlbšieho interpretačno-poetologického nazretia do jeho reprezentatívnej skladby.

Научное издание

Материалы Международной научной конференции

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ**

Москва,
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Филологический факультет,
26-28 ноября 2013 г.

Напечатано с готового оригинал-макета
Подписано в печать 08.11.2013 г.
Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 27,5. Тираж 250 экз. Изд. № 363.

Издательство ООО "МАКС Пресс" Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6
Заказ № 4333